

Кредитныя дѣла.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ЛОРЕНСѢ.

На дняхъ производилось въ лондонскомъ банкротскомъ судѣ любопытное дѣло. Существовала когда-то фирма, занимавшаяся кожевнною торговлею. По какому-то стеченію обстоятельствъ, — въ которомъ были ли виноваты сами торговцы этой фирмы или нѣтъ, мы не знаемъ хорошенько, — дѣла фирмы нѣсколько разстроились. Одинъ изъ компаньоновъ хотѣлъ распутать ихъ слишкомъ незамысловатымъ образомъ: капиталъ уменьшился, потому считалъ онъ нужнымъ уменьшить и торговые обороты фирмы; тогда фирма устояла бы, не впутываясь въ долги, превышавшіе размѣръ ея средствъ. Не такъ думалъ разрѣшить затрудненіе другой компаньонъ, по фамиліи Лоренсъ: онъ находилъ, что дѣла можно вести блистательнымъ образомъ и предлагалъ къ тому очень остроумный способъ. Товарищъ Лоренса не согласился съ нимъ, устранился отъ участія въ дѣлахъ. Лоренсъ остался полнымъ хозяиномъ оборотовъ, и торговля фирмы пошла удивительно: съ каждымъ годомъ расширялись ея обороты, съ каждымъ годомъ все богаче и богаче жилъ Лоренсъ, осыпая богатствами всѣхъ своихъ помощниковъ. Восхитительный успѣхъ продолжался ни много, ни мало, ровно одиннадцать лѣтъ. Въ концѣ одиннадцатаго года явился Лоренсъ, неожиданно самъ для себя, неожиданно для своихъ сподвижниковъ и для публики, въ банкротскомъ судѣ. Тутъ остроумный способъ торговли раскрылся весь на-чисто: онъ былъ гениаленъ до прелестной простоты. Лоренсъ давалъ векселя на себя безъ счета; когда приходило время уплаты данныхъ векселей, онъ уплачивалъ по нимъ очень исправно деньгами, полученными подъ другіе векселя, выпущенные на сумму, еще большую. Видя постоянную исправность уплатъ, денежные люди не колебались давать кредитъ Лоренсу: дисконтныя банки ухаживали за нимъ съ просьбами, чтобы онъ присылалъ имъ свои векселя для учета, присылалъ имъ какъ можно больше своихъ векселей. Счастливый негодянтъ выслушивалъ просьбы съ чувствомъ собственнаго достоинства, отказывалъ многимъ желавшимъ давать ему деньги подъ его прокрасные векселя, уплата по которымъ такъ вѣрна, и блаженными считали себя тѣ дисконтныя банки, брать деньги изъ которыхъ благоволилъ

онъ. Когда изъ показаній его самого и многочисленныхъ свидѣтелей разъяснился такой ходъ дѣлъ, публика вмѣстѣ съ Лоренсомъ осталась въ совершенномъ недоумѣнн, зачѣмъ же наконецъ пришелъ кризисъ? какъ могъ онъ придти? Не было никакого основанія останавливаться блистательнымъ оборотамъ: почему не тянулось такимъ же порядкомъ и на 21 годъ и на 101 годъ и на всю вѣчность дѣло, такъ безпрепятственно тянувшееся 11 лѣтъ? Самъ Лоренсъ, при всей своей коммерческой сообразительности, не могъ понять этого. «Правда, говорилъ онъ, что своихъ денегъ у меня не было; правда, что получивъ подъ свои векселя деньги у Джонса, я уплачивалъ Джонсу деньгами, взятыми у Смита, а Смиту деньгами, взятыми у Брона, — но и Джонсъ и Смитъ получили уплату, продолжали вѣрить мнѣ, и Бронъ не сомнѣвался, что получить уплату, — да и дѣйствительно получилъ бы ее, потому что Джонсъ и Смитъ просили меня взять у нихъ деньги подъ мои вѣрные векселя. Отчего же вдругъ приведенъ я въ банкротскій судъ? Это нелѣпость, это вздоръ, это просто несчастье, и больше ничего какъ несчастье». Дѣйствительно, Лоренсъ былъ правъ. Не было никакой причины ему становиться банкротомъ, — кромѣ развѣ одной причины: несчастья, слѣднаго несчастья, отъ котораго не можетъ иногда спастись негоціантъ никакою аккуратностью въ уплатахъ.

Но биржевые люди — банкиры, оптовые торговцы — нимало не были удивлены такою развязкою блистательныхъ оборотовъ Лоренса. Странное дѣло: эти биржевые люди, такъ хлопочущіе о кредитѣ, повидимому только отъ кредита получающіе возможность вести свои дѣла, всѣ въ одинъ голосъ стали разъяснять публикѣ, что однимъ кредитомъ прожить на свѣгѣ никому нельзя, а каждый живетъ дѣйствительными доходами, получаемыми съ дѣйствительнаго имущества, и если доходовъ слишкомъ мало, если имущества нѣтъ, или оно разстроено, то пользованіе кредитомъ скорѣе погубитъ человѣка, чѣмъ поможетъ ему. Странное дѣло, органы этихъ оборотливыхъ биржевыхъ людей, ведущихъ такія многосложныя и мудренныя спекуляціи, какихъ никогда не только не сдумѣтъ вести, но и никогда не понять намъ съ вами, читатель, не коммерческимъ людямъ, — органы этихъ гениальныхъ спекулянтовъ, Times и Economist, объяснили по поводу процесса Лоренса, что всѣ биржевыя и кредитныя дѣла основаны не на какихъ нибудь особенныхъ выдумкахъ, а исключительно на правилахъ, которыя соблюдаются каждымъ разсудительнымъ человѣкомъ между нами не коммерческими людьми, не имѣющими никакого понятія о кредитныхъ оборотахъ.

Положимъ, напримѣръ, что я домохозяинъ, и что я спрошу у какого нибудь разсудительнаго человѣка, никогда не бывавшаго на биржѣ, незнающаго разницы между акціями и облигаціями, кредитными знаками и звонкою монетою, — положимъ, что я спрошу у такого человѣка: какъ мнѣ жить, чтобы не дожить до банкротства? Онъ скажетъ: «изъ получаемыхъ вами доходовъ прежде всего поправляйте вашъ домъ, чтобы онъ могъ приносить вамъ хорошіе доходы. Сами вы проживайте только то, что останется у васъ изъ доходовъ за ремонтомъ дома. Долговъ на свои приходы не дѣлайте ни подъ какимъ видомъ и вообще будьте экономны». Я опять спрошу его: «но что же мнѣ дѣлать, когда мнѣ кажется, что доходовъ съ моего дома слишкомъ мало для меня?» Онъ скажетъ:

«тутъ нечего дѣлать; когда доходы увеличатся, вы можете жить роскошнѣе, а теперь живите поскромнѣе». Я спрошу его: «но не могу ли я увеличить своихъ доходовъ надбавкою цѣнъ на квартиры?» Онъ скажетъ: «быть можетъ ваши сосѣди говорятъ, что вы берете съ вашихъ жильцовъ слишкомъ мало; быть можетъ жильцы другихъ домовъ завидуютъ вашимъ жильцамъ, что они платятъ слишкомъ мало; если такъ, вы можете набавить плату». — «Нѣтъ, скажу я: сосѣди толкуютъ, что я и теперь беру за квартиры слишкомъ дорого; жильцы говорятъ то же, но ихъ слушать было бы нечего; жаль одного: половина квартиръ вѣчно стоять у меня пустя». — «А если такъ, скажетъ мнѣ человѣкъ, никогда не бывавшій на биржѣ, — если такъ, первая причина вашихъ затрудненій та, что вы требуете съ жильцовъ чрезмѣрной платы; попробуйте требовать меньше, — ваши доходы навѣрное увеличатся, потому что населится жильцами вашъ домъ, теперь стоящій на половину пустымъ».

Какіе пошлые, общеизвѣстные совѣты! Я недоволенъ ими, хочу добиться чего нибудь, болѣе замысловатаго, и продолжаю разговоръ. Вы говорите, что мнѣ будетъ выгода, когда квартиры въ моемъ домѣ не будутъ стоять пустыми. Но моему дѣлу не поможешь сбавкою цѣны: мой домъ такъ грязенъ, печи въ немъ такъ дурны, полы такъ ветхи, лѣстницы такъ темны и вонючи, что изъ людей достаточныхъ никто не поселяется въ немъ; мои жильцы чуть ли не всѣ почти что нищіе; немногіе изъ нихъ платятъ мнѣ исправно; другихъ хоть въ тюрьму сажай, не платятъ да и только. — «Если такъ, скажетъ мнѣ мой собесѣдникъ: вы должны передѣлать домъ, чтобы стали у васъ жильцами достаточные люди». — Но вѣдь передѣлка стоитъ денегъ, откуда мнѣ взять ихъ? спрошу я. — «На передѣлку дома не столько денегъ нужно, сколько охоты и разсудительности въ хозяйствѣ. На исправленіе дома всегда найдутся деньги, какъ бы ни былъ бѣденъ хозяинъ», скажетъ собесѣдникъ. — Значитъ вы совѣтуете мнѣ занять денегъ? спрошу я. — «Нѣтъ, скажетъ онъ, я совѣтую совершенно иное: сколько вы получаете съ дома?» — Двѣ тысячи рублей. — «А сколько вы проживаете?» — Три тысячи рублей. — «Такъ вотъ, вы бросьте лишнія претензіи, которыя не по вашимъ средствамъ, и проживайте одну тысячу, а другую употребляйте на поправку и передѣлку дома, и въ скоромъ времени онъ весь будетъ исправленъ и будетъ давать вамъ не двѣ тысячи, а пять тысячъ рублей, — тогда вы можете и жить съ нѣкоторою роскошью, а до той поры экономничайте».

Все тотъ же тупой совѣтъ, извѣстный и человѣку, едва умѣющему считать по пальцамъ! Я продолжаю распрашивать, въ надеждѣ добиться чего нибудь пріятнѣйшаго: — но неужели вы не совѣтуете мнѣ занять денегъ, хотя бы для передѣлки дома? — «Что вамъ сказать на это? отвѣчаетъ упрямый собесѣдникъ: — нѣтъ надобности вамъ занимать, а безъ надобности занимать не годится. Мы уже объяснились, что ваше затрудненіе происходитъ отъ претензій вашихъ на роскошь, что если вы станете бережливы, у васъ и безъ займа найдутся деньги для передѣлки дома. А если такъ, то направленіе вашихъ мыслей къ займу кажется мнѣ просто направленіемъ ихъ къ продолженію мотовства. Расходуя больше вашего прихода, вы до сихъ поръ занимали деньги; всѣмъ извѣстно, что вы занимали на ваши прихоти, по вашему мотовству; если вы и теперь захотите занимать, кто повѣритъ, что вы хотите занимать не на мотовство, когда

каждому извѣстно, что вамъ не понадобилось бы занимать, еслибъ вы сдѣлались бережливы? Кто перестанетъ считать васъ мотомъ, если вы будете попрежнему искать денегъ взаймы? кто согласится дать деньги моту иначе, какъ на условіяхъ, очень обременительныхъ? Заключать вамъ теперь заемъ новыгодно. Прежде сдѣлайтесь бережливы, и дождитесь пока все убѣдится, что вы стали бережливы; тогда вы можете достать деньги на сходныхъ условіяхъ, если вамъ нужно будетъ занять. Но вѣдь мы съ того и начали, что тогда вамъ не будетъ надобности въ займѣ. Думайте о бережливости, а мысль о займахъ бросьте».

Опять все то же тупое заключенье! Я начинаю досадовать.—Вы рѣшительно не хотите, чтобъ я пользовался кредитомъ. говорю я упрямому собесѣднику: но вѣдь кредитъ — превосходнѣйшая вещь. — «Можетъ быть и превосходная, только не для васъ, потому что вы не имѣете кредита. Кредитъ имѣютъ лишь тѣ, которые не хлопчутъ искать его. Къ тѣмъ онъ самъ приходитъ; а кто гоняется за нимъ, тотъ его не поймаетъ, а поймаетъ банкротство». — Я отчасти обиженъ и жолчно возражаю: хорошо! пусть мой кредитъ разстроенъ; но развѣ я не долженъ хлопотать о его возстановленіи?—«Кто вамъ говорить не хлопотать? ради Бога хлопчите; но вѣдь мы уже говорили, чѣмъ пріобрѣтается кредитъ,—бережливостью: будьте экономны, будьте экономны, будьте экономны—вотъ вамъ и начало и середина и конецъ всѣхъ пригодныхъ для васъ разсужденій».

Мы думали всегда, что подобнымъ нашему собесѣднику образомъ могутъ разсуждать лишь скупыя, безграмотныя старухи, прячущія цѣлковый за цѣлковымъ въ кубышку: но изъ разсужденій поредовыхъ финансовыхъ людей Англіи по поводу процесса Лоренса мы къ удивленію увидѣли, что ничего иного не знаютъ, ничѣмъ инымъ не руководятся и Ротшильдъ съ Берингомъ, и Гледстонъ съ Пальмерстономъ. Мы все еще не теряли надежды: «что жъ такое, въ самомъ дѣлѣ, думали мы: быть-можетъ Гледстонъ отсталъ отъ науки, а Пальмерстонъ, какъ мы знаемъ, никогда не занимался политической экономіей; Ротшильдъ и Берингъ—не больше какъ искусные рутинисты; да и вся Англія—страна привычекъ, рутинности. Мы слышали, что въ другой странѣ, во Франціи, блистательно ведутся дѣла на другихъ основаніяхъ. Будемъ изучать обороты Миреса и великаго Перейры». Мы принялись за французскія газеты и разочаровались. Вся Франція тревожится своею финансовою будущностью. Съ удивительнымъ искусствомъ пользовались Мпресъ, Перейра и ихъ покровители всеми тонкостями кредитныхъ изобрѣтеній,—и дошли до того, что дѣла ихъ видимо приближаются къ банкротству. Акціи «Движимаго кредита» падаютъ и падаютъ; акціи Миресовой «Кассы желѣзныхъ дорогъ» падаютъ и падаютъ. Эти великіе животворители французской биржи, французской промышленности оказываются тѣми же Лоренсами, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ,—Лоренсами, влещущими въ банкротство не сотни людей, какъ англійскій Лоренсъ, а десятки тысячъ людей и чуть ли не самое государство.

Но что же Миресъ и Перейра? Они все-таки частные спекулянты; быть-можетъ замысловатая кредитная операція оказываются успѣшнѣе, когда совершаются самою государственною силою? Мы слышали, что былъ въ Австріи знаменитый финансовый мужъ Брукъ, который, принявъ государственные финансы въ разстройствѣ, довелъ ихъ до цвѣтущаго состоянія какими-то очень искусными

способами. Мы знаемъ, что при немъ, какъ и до него, Австрія постоянно расходовала гораздо больше, чѣмъ получаетъ; но не смотря на дефицитъ, Брукъ устроилъ все очень хорошо. Были до него какія-то кредитныя учрежденія, дѣйствовавшія неудовлетворительно; онъ перестроилъ ихъ по новымъ основаніямъ, и дѣло пошло отлично. Были государственныя имущества—онъ продалъ ихъ и тѣмъ сдѣлалъ, какъ мы слышали, очень выгодную спекуляцію. Какъ блистательно заключались при немъ займы! какъ колоссально росли доходы! какъ ловко поднималъ онъ государственные фонды передъ заключеніемъ займовъ! какія огромныя биржевыя операціи устраивалъ онъ для поднятія курса бумажныхъ денегъ! какія суммы тратилъ онъ на улучшеніе вексельнаго курса! Самъ Перейра не могъ быть оборотливѣе, изобрѣтательнѣе, находчивѣе, счастливѣе. Какъ и что именно дѣлалъ Брукъ, этого мы уже не помнимъ хорошенько, но довольно сказать, что вся Европа изумилась ему. Посмотримъ же, до чего дошла Австрія, благодаря искусству Брука и его предшественниковъ и его преемниковъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ по той же системѣ.

Въ 1831 г. доходы Австріи простирались до 121 милліона гульденовъ, въ 1847 г. до 151 милліона,—въ цѣлыя 16 лѣтъ они возросли только на 25⁰/₀,—видно, что финансоваго искусства было тогда мало. Неудивительно, что при такомъ маломъ искусствѣ доходы не всегда оказывались достаточны на покрытіе расходовъ. Правда, несмотря на неумѣнье возвышать доходы, съ 1836 до 1843 года оставался излишекъ милліоновъ по шести гульденовъ въ годъ, но за то въ предыдущія пять лѣтъ и въ слѣдующіе два года оказывался дефицитъ, милліоновъ около 15 или даже 18 въ годъ, такъ что за все 16 лѣтъ, съ 1831 до 1846 года включительно, у Австріи была недостача въ доходахъ милліоновъ на 80 гульденовъ, то есть при этомъ неискusномъ управленіи годовой дефицитъ по средней сложности составлялъ милліоновъ 5 гульденовъ.

Съ 1848 г. уже не то: является чрезвычайная находчивость въ приискываніи средствъ, является великолѣпное умѣнье увеличивать государственные доходы: въ 1847 г. они составляли, какъ мы знаемъ, всего лишь 151 милліонъ, а въ 1858 г. уже 282 милліона,—въ 11 лѣтъ доходы увеличились почти вдвое. Какое торжество финансоваго искусства, какое процвѣтаніе государственнаго бюджета! Вѣроятно дефицитъ исчезъ? вѣдь требовалось на его покрытіе по прежнему неискusству всего 5 милліоновъ въ годъ, а тутъ прибавка доходовъ измѣряется цѣлыми десятками и сотнями милліоновъ. Странное дѣло: нѣтъ, если доходы росли не по годамъ, а по днямъ, то дефицитъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Съ 1847 г. до 1857 г. включительно онъ составлялъ милліоновъ отъ 50 въ годъ до милліоновъ 180 въ годъ, всего за 11 лѣтъ ни больше, ни меньше, какъ 1,180 милліоновъ съ небольшимъ, т. е. среднимъ числомъ ежегодно милліоновъ по 105 съ небольшимъ. — 5 милліоновъ осталось, положимъ, въ наслѣдство отъ прежняго неискusства, а 100 милліоновъ съ небольшимъ составляютъ уже чистый плодъ финансовай оборотливости.

Вы подумаете, однакожъ, въ этотъ періодъ 1847—1857 гг. входятъ 1848 и 1849 гг., когда происходили и подавлялись въ Австрійской имперіи возстанія, когда велась война съ сардинцами и венграми; вѣрно въ эти два года и былъ какой нибудь колоссальный дефицитъ, такъ странно возвысившій среднюю цифру за весь періодъ, а въ другіе годы было недочета конечно гораздо меньше.

Нѣтъ; войны 1848—49 гг. произвели дефицитъ только въ 195 милліоновъ гульденовъ, среднимъ числомъ меньше, чѣмъ по 100 милліоновъ въ годъ; слѣдующіе годы, — годы, когда Австрія не воевала, были еще урожайнѣе на дефицитъ. Самый меньшій дефицитъ былъ въ 1852 г., около 80 милліоновъ; во всѣ другіе совершенно мирные годы онъ былъ еще гораздо больше. Надобно, впрочемъ, сказать правду: милліоновъ 150 лишнихъ накинuloсь въ 1854 и в 1855 гг., благодаря тоже военнымъ подвигамъ австрійскаго правительства. Въ это время, видите ли, были сраженія въ разныхъ турецкихъ областяхъ и въ Крыму. Вотъ отъ этого-то въ 1854 г. былъ дефицитъ около 180, а въ 1855 г. около 185 милліоновъ, всего 365 милліоновъ, между тѣмъ какъ въ слѣдующіе два года, когда войны уже нигдѣ не было, дефицитъ ограничился лишь 210 милліонами съ небольшимъ, — въ лишнѣхъ 155 милліонахъ, за предыдущіе два года, явнымъ образомъ виновата война. «Позвольте, — замѣчаете вы: да вѣдь сколько помнится, Австрія не участвовала въ войнѣ, и не могла даже опасаться, что какая нибудь изъ воюющихъ сторонъ намѣрена коснуться хотя бы одною дробинкою, не только пулею, австрійскихъ границъ. Ни Австрія не хотѣла воевать тогда ни съ кѣмъ, ни Россія не хотѣла воевать съ нею, ни Турція, ни Франція, ни Англія, — такъ зачѣмъ же было австрійцамъ и изубытчиваться?» Какъ за чѣмъ? — сосѣди воюютъ между собою и не хотятъ воевать съ австрійцами: надобно же имъ показать, что австрійцы тоже могутъ воевать, только не хотятъ. Вы замѣчаете, что это въ нѣкоторомъ смыслѣ уже мотовство, въ родѣ того, какъ купеческіе сынки бьютъ иногда стекла въ трактирахъ, не для того, чтобы затѣять драку, а только для того, чтобы показать: «ты, дескать, думаешь, что у меня мало денегъ, такъ вотъ же тебѣ: бью и плачу; а ты смотри и дивись».

Оно судите, какъ хотите, но вѣдь лишній расходъ тутъ былъ всего на 165 милліоновъ; да въ 1848—1849 году лишняго расхода отъ войны было никакъ не больше 105 милліоновъ ¹⁾; всего отъ военныхъ обстоятельствъ въ дефицитъ вошло лишнѣхъ 260, ну положимъ 280 милліоновъ; а вѣдь дефицитъ за 1847—1857 гг. составляетъ не 280, а 1,180 милліоновъ — откуда же произошли остальные 900 милліоновъ дефицита за эти 11 лѣтъ? Ихъ уже австрійцы не могутъ приписать ни чужимъ, ни другимъ войнамъ. Эти 900 милліоновъ, какъ вы хотите, а уже непременно составляли прямой плодъ высшей финансовой сообразительности, умѣнья пользоваться кредитомъ.

Цифра не дурная: слишкомъ по 80 милліоновъ въ годъ за науку и искусстваго пользованія кредитомъ. Немало уплачено за нее австрійцами, но уплата произведена еще не вся: съ будущаго финансовая оборотливость тоже будетъ собирать порядочную долю въ видѣ процентовъ за прошлые уроки. Чтобы не ввязываться въ длинные расчеты, мы прямо возьмемъ 1850 г., когда войны въ Италіи и Венгріи уже не было, и 1857 г., когда новая война въ Италіи еще не началась. Въ 1850 г. проценты, платимые по государственному долгу, составляли менѣе 50 милліоновъ гульденовъ, а въ 1857 г. уже около 92 милліоновъ, — въ

¹⁾ Сумма дефицита за эти годы около 198 милліоновъ. а въ 1847 г., когда ровно никакой войны еще не было, дефицитъ составлялъ болѣе 47 милліоновъ; за два года такая же сумма составила бы около 95 милліоновъ; остается, за ихъ вычетомъ, лишняго расхода отъ войны меньше 105 милліоновъ.

7 лѣтъ совершеннаго мира проценты государственнаго долга возрасли почти вдвое; всего прибавилось ихъ на 42 милліона, какъ разъ по 6 милліоновъ въ годъ обремененія на все будущее время.

Хороша оборотливость. Лоренсъ велъ такіе обороты ровно одиннадцать лѣтъ. Австрія водеть ихъ вотъ уже 12 лѣтъ, цѣлымъ годомъ дольше Лоренса. Видно, большому кораблю не только большое, но и долгое плаваніе.

Но если Лоренсъ находилъ удовольствіе въ искусныхъ кредитныхъ оборотахъ, то по крайней мѣрѣ надобно отдать ему справедливость: онъ добывалъ себѣ деньги именно на то, чтобы они служили ему въ удовольствіе. Какую квартиру нанималъ онъ! какія дачи устроилъ себѣ! въ какихъ брильянтахъ блистала его любовница! какія вина были у него за столомъ и какіе гости сидѣли у него за обѣдами! какія дѣвицы сидѣли у него за ужинами! У какого чловѣка съ пзщнымъ вкусомъ, съ артистическими стремленіями, достанетъ духа осудить Лоренса за нѣкоторую, можетъ быть нѣсколько излишнюю трату денегъ на такіа, дѣйствительно милья наслажденія? Угрюмый разсудокъ говоритъ: «нерасчетливо поступалъ Лоренсъ»; но живое сердце шепчетъ: «мнѣ понятно его увлеченіе!» А на какія же вещи тратилась Австрія? какія наслажденія покупала она цѣною оборотовъ, подобныхъ лоренсовымъ? О, венера и купидонъ! плачьте! плачьте, музы и граціи! плачь и ты, златокудрый фебъ! не на васъ пошли эти сотни и тысячи милліоновъ промотанныхъ денегъ,—онѣ пошли на содержаніе въ тунеядствѣ и нищетѣ сотенъ тысячъ людей, которые изобильно жили бы честнымъ и для всѣхъ полезнымъ трудомъ, если бы не отвлечены были къ тунеядству раздачею этихъ несчетныхъ суммъ, если бы не оторваны были отъ полезнаго труда на праздную жизнь изъ этихъ суммъ. Въ 10 лѣтъ, 1848—1857, изъ всей суммы расхода, составлявшей около 3,300 милліоновъ, на войско было истрчено 1,512 милліоновъ, слишкомъ по 151 милл. въ годъ. До 1848 г. содержаніе войска стоило въ годъ около 60 милліоновъ; благодаря финансовой оборотливости, получена была возможность тратить на войско слишкомъ по 90 милліоновъ въ годъ лишнихъ противъ прежняго. Сумма дефицита за эти 10 лѣтъ — 1,130 милліоновъ; вычтите изъ нихъ прибавившіеся отъ финансовой оборотливости 915 или 920 милліоновъ лишнихъ расходовъ на войско, остается всего какихъ нибудь 215 или 210 милліоновъ дефицита; они образовались надобностью уплачивать проценты по займамъ, сдѣланнымъ на содержаніе арміи, надобностью увеличить число чиновниковъ по взпанію размножившихся податей, надобностью увеличить число полицейскихъ для взысканія недоимокъ, разросшихся отъ увеличенія податей, — вотъ онъ и весь дефицитъ ушелъ на эти статьи.

Вы опять не вздумайте сказать, «что въ суммѣ прибавившихся расходовъ на войско слишкомъ значительную долю вѣроятно составлялъ расходъ на армію въ годы войны,» — разумѣется во время войны возростали расходы на войско, но главная масса расходовъ сдѣлана была на него, когда никакой войны у австрійцевъ не происходило и не предвидѣлось. Въ 1848 и 1849 гг., когда была война, на содержаніе арміи пошло всего 237 милліоновъ, — это за два года, а на каждый годъ за цѣлое десятилѣтіе приходится по 151 милліону, т. е. на каждые два года слишкомъ по 300 милліоновъ, а въ два военные года было израсходовано гораздо меньше, — значить, въ остальные восемь мир-

ныхъ лѣтъ было израсходовано больше: значить, въ мирное время на содержаніе войска шло гораздо больше, чѣмъ даже въ военное время.

Вы скажете: «да какъ же это могло быть?» вы скажете: «да это невозможно, да это что нибудь не такъ!» И я сказалъ бы тоже самое, еслибъ однажды не случился при мнѣ анекдотъ такого рода, который впрочемъ и вамъ извѣстенъ по стариннымъ сборникамъ анекдотовъ. Пришелъ въ магазинъ мужской обуви господинъ, и потребовалъ, чтобъ ему дали хорошіе сапоги; ему подали; онъ спросилъ цѣну; ему сказали, что сапоги стоятъ 7 рублей; онъ нашель тогда, что сапоги дурны, и потребовалъ лучшихъ. Ему подали другую пару, объявивъ, что она стоитъ 15 рублей; онъ заплатилъ 15 рублей, и ушелъ очень довольный. Тогда я спросилъ продавца: «какимъ же образомъ нашлись у него сапоги въ 15 рублей, когда мнѣ и всякому извѣстно, что самый лучший сортъ продается у него по 7 рублей?» Онъ сказалъ, что принужденъ былъ подать сапоги худого сорта господину, которому не понравился лучший сортъ, и взять 15 рублей за пару, продающуюся по 5 рублей. «Зачѣмъ же вы такъ дурно поступили?» спросилъ я. — «Чтожъ было мнѣ дѣлать?» отвѣчалъ онъ: «лучший сортъ ему не понравился, я долженъ былъ подать ему другой сортъ, т. е. худой; а не взять съ него лишнихъ денегъ не могъ, чтобы не подорвать репутацію своей лавки: вѣдь онъ бы пошелъ по городу и кричалъ, что у меня нѣтъ хорошихъ сапогъ.»

На этомъ основаніи очень можно понять, какъ несражающаяся армія въ мирное время могла стоять дороже, чѣмъ сражающаяся армія стояла во время войны. Расчетливое правительство расходуетъ деньги, когда нужно и сколько нужно; но кто бы помѣшалъ австрійскому правительству измѣрять свою военную силу количествомъ расходовъ на эту силу?

Одно мотовство можетъ имѣть наружность, совершенно различную отъ другаго. Золото, бронза, брильянты, тонкія вина,—когда мотаются деньги на такія вещи—мотъ окруженъ блескомъ роскоши. Но войдите въ одинъ изъ тѣхъ славившихся въ старину широкою жизнью помѣщичьихъ домовъ, которыхъ, къ счастью, остается уже немного,—вы увидите наружность совершенно иного рода: комнаты грязны, пыльны, по угламъ висить паутина, стекла въ окнахъ слѣилены изъ кусковъ грязной замазкой; въ грязной передней, зараженной нестерпимымъ запахомъ, сидитъ десятокъ оборванныхъ парней; по двору и по комнатамъ шмыгаютъ другіе парни, столь же оборванные, и десятки женщинъ, на которыхъ жалко взглянуть: такая нищенская на нихъ одежда, такія испитыя у нихъ лица; этоть вертепъ нищеты и грязи—такое же жилище мотовства, какъ великолѣпная квартира, вся залитая блескомъ,—или, нѣтъ, въ этомъ домѣ, при всей его нищенской отвратительности, гораздо больше мотовства, чѣмъ въ блестящей квартирѣ. Одинъ мотъ сорить деньги, давая своему камердинеру жалованье, какого не получаетъ профессоръ; другой мотъ сорить еще больше денегъ, держа 100 человекъ голодной дворни, когда очень достаточно было бы имѣть ему человека два или три прислуги. Австрія мотаетъ въ послѣднемъ родѣ.

Есть въ австрійскомъ мотовствѣ два направленія, изъ которыхъ и каждое въ отдѣльности достаточно бываетъ, чтобы вести государство къ развязкѣ, къ какой пришелъ Лоренсъ. Австрія старается имѣть какъ можно больше арміи. По мирному положенію въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, австрійская армія должна

была имѣть болѣе 360 тысячъ человѣкъ, то есть на 100 человѣкъ населенія былъ одинъ солдатъ, а считая, что мужчины, способные къ работѣ, составляютъ пятую часть населенія,—одинъ изъ 20 мужчинъ былъ солдатомъ, то есть ничего не дѣлалъ и содержался на счетъ другихъ. Но въ совершенно мирное положеніе никогда не была приводима австрійская армія, въ годы, о которыхъ мы говоримъ, хотя мы беремъ періодъ, прошедшій для Австріи безъ всякой войны и безъ всякаго серьезнаго опасенія войны (1850—1857 годы). Большую половину этого времени австрійская армія находилась на разныхъ среднихъ ступеняхъ между мирнымъ и военнымъ положеніемъ; а много времени находилась она и вполнѣ на военномъ положеніи, находиться въ которомъ не было ей ровно никакого реальнаго основанія. По военному положенію австрійская армія простирается до 685 тысячъ слишкомъ,—то есть изъ 10 способныхъ къ работѣ мужчинъ одинъ служитъ солдатомъ, то есть содержится на счетъ другихъ. Вотъ теперь вы и считайте, можетъ ли достать государственныхъ доходовъ на содержаніе такой громадной массы людей, какъ бы скудно ни содержать ихъ.

Но самая склонность къ ненужному содержанію громадной арміи не участвуетъ въ произведеніи австрійскаго дефицита такъ сильно, какъ другая особенность австрійскаго порядка дѣлъ,—пристрастіе къ бюрократизму. Самая чрезмерность арміи произведена собственно этимъ пристрастіемъ, развитію котораго въ свою очередь способствуетъ. Зачѣмъ нужно было громадное количество войскъ въ каждой австрійской провинціи,—въ каждой провинціи даже изъ тѣхъ, которымъ не могъ никогда грозить никакой внѣшній врагъ (если бы когда и явился этотъ неявлявшійся внѣшній врагъ) и которыя сами не имѣли никакой склонности отторгаться отъ Австріи, какъ напримѣръ всѣ области, называющіяся нѣмецко-славянскими, то есть цѣлая половина Австріи, отъ Тироля до венгерскихъ границъ, отъ Богеміи до Альпъ? Зачѣмъ всѣ эти земли, совершенно безопасныя были постоянно наводнены войсками? Присутствіе войскъ было нужно для охраненія внутренней тишины. Жители, совершенно преданные австрійскому правительству, были однакоже недовольны. Чѣмъ же были они недовольны? Обременительностью податей и стѣснительностью административнаго порядка. Обременительныя подати были нужны на содержаніе слишкомъ громадной арміи и слишкомъ многочисленнаго состава бюрократическихъ управленій. А бюрократизмъ, служившій причиною недовольства и одною изъ причинъ обременительности податей, самъ былъ нуженъ потому, что при обременительности податей много было хлопотъ съ ихъ собираніемъ, и при недовольствѣ жителей правительство не могло оставить жителямъ простора ни въ чемъ: должно было за всѣмъ наблюдать, во все вмѣшиваться. Смотрите же, какая удивительная цѣпь причинъ и послѣдствій: дефицитъ проеиходилъ отъ чрезмерности расходовъ на армію; чрезмерная величина арміи возникла изъ недовольства жителей; недовольство жителей порождалось чрезмернымъ бюрократизмомъ, а чрезмерный бюрократизмъ, порождался,—чѣмъ онъ порождался?—просто самъ собою; но когда онъ родился, то уже безъ него нельзя было удержаться порядку, потому что тутъ родилось и недовольство жителей со всѣми своими послѣдствіями отъ дефицита до возрастанія все того же чрезмернаго бюрократизма, который лежитъ въ корнѣ всего. Съ чѣмъ бы можно было сравнить такое сплеленіе обстоятельствъ, чтобы стало оно понятнѣе для насъ простыхъ людей, знакомыхъ лишь съ мелкими

дѣлами частной жизни? Положимъ, напримѣръ, что вы, читатель, вздумали строить домъ. Для этого нужны вамъ работники, подрядчики; вы должны смотрѣть за ними, потому что безъ хозяйскаго глаза нельзя же обойтись дѣлу. Если вы ограничитесь дѣйствительно нужнымъ размѣромъ хозяйскаго надзора и хозяйскаго внимательства, постройка пойдетъ у васъ, какъ идетъ у всѣхъ добрыхъ людей, довольно успѣшно и не съ разореньемъ, а съ выгодой для васъ. Но что, если бы, — извините за обидное предположеніе: оно дѣлается только для поясненія мысли, а не потому, чтобы могла въ самомъ дѣлѣ прійти вамъ въ голову такая нелѣпость, — что, еслибы вамъ вздумалось, что ни подрядчикамъ, ни работникамъ вовсе уже вы не можете довѣрять ни въ чемъ, и должны вы имѣть надзоръ за каждымъ движеніемъ каждаго изъ нихъ? Къ каждому подрядчику вы поставили бы своего приставника, къ каждому работнику также; и вотъ, сверхъ извѣстнаго количества людей, трудящихся и на свою и на вашу пользу, у васъ явилось бы еще такое же количество людей, не производящихъ никакой, хотя бы кому нибудь полезной работы, а состоящихъ на вашемъ содержаніи. Этимъ хлопотливымъ тунеядцамъ вы должны давать жалованье. На расплату съ подрядчиками и работниками у васъ достало бы денегъ, еслибы не было этихъ приставниковъ; но теперь ваши средства поглощаются платою безчисленнымъ приставникамъ, и на расплату съ подрядчиками и работниками у васъ недостаетъ денегъ. Подрядчики и работники, не получая расплаты, не хотятъ работать или работаютъ плохо, — вотъ вамъ уже и готово доказательство, что ваши приставники необходимы: вы дѣйствительно нуждаетесь въ людяхъ, которые принуждали бы къ работѣ, понукали бы въ работѣ подрядчиковъ и работниковъ. Но сколькихъ приставниковъ вы ни содержите, какой бдительный надзоръ ни учреждаете, работа все-таки идетъ плохо, а расходы у васъ вдвое больше, чѣмъ были бы безъ приставниковъ, и вы съ хлопотами, съ огорченіями идете къ разоренію черезъ дѣло, которое было бы, какъ бываетъ у всѣхъ разсудительныхъ людей, и легко и выгодно для васъ, еслибы не пришла вамъ въ голову странная мысль не полагаться ни на кого изъ людей, кромѣ вашихъ приставниковъ.

Вотъ точно такимъ порядкомъ и устроилась Австрія; это называется бюрократическимъ порядкомъ. Онъ бы всѣмъ хорошъ, только одна небольшая бѣда съ нимъ: при немъ ничто въ государствѣ не можетъ идти успѣшно; есть въ немъ и другая непріятность, но уже совершенно ничтожная: онъ разорителенъ.

Пробовали ль вы, читатель, совѣтоваться съ хорошими докторами, т. е. не съ тѣми докторами, которые имѣютъ очень большую практику, а съ тѣми, которые хорошо знаютъ медицину и часто не имѣютъ никакой практики? — если не пробовали, то я и не совѣтую, потому что они на ваши просьбы о лекарствахъ отвѣчаютъ обыкновенно совѣтами, очень скучными и не имѣющими никакого отношенія къ вашей болѣзни. У васъ, напримѣръ, хроническое расстройство желудка; кажется, слѣдовало бы прописать микстуру; нѣтъ, хороший докторъ обыкновенно не прописываетъ вамъ никакихъ особенныхъ медицинскихъ средствъ, а на всѣ ваши жалобы и просьбы твердитъ одно: «вы ведете нездоровый образъ жизни; пока вы будете вести его, не можешь вамъ никакими лекарствами; а когда вы перемените образъ жизни, ваше хроническое расстройство пройдетъ само собою, безъ всякихъ лекарствъ». Не знаю, какъ вы, а я

съ такими господами не люблю совѣтоваться, и съ незапамятныхъ лѣтъ страдаю разстройствомъ желудка, съ незапамятныхъ лѣтъ пользуюсь у докторовъ болѣе любезныхъ, которые постоянно врачуютъ меня разными потогонными, мочегонными, слабительными, крѣпительными, пилюлями и микстурами. Зато, по крайней мѣрѣ, я могу при помощи этихъ докторовъ вести такой образъ жизни, какой мнѣ нравится.

Скажите, кромѣ шутокъ: могутъ ли какія бы то ни было кредитныя операціи пособить финансовымъ дѣламъ Австріи? Развѣ такими средствами лечатся такія болѣзни?

Недавно одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, видя меня въ денежномъ затрудненіи, спросилъ: «сколько нужно мнѣ въ годъ, чтобы жить безъ затрудненій»? (онъ, какъ я догадываюсь, хотѣлъ предложить мнѣ занятіе съ выгоднымъ жалованьемъ, — а можетъ быть хотѣлъ даже дать мнѣ денегъ займы, чего я не могу по совѣсти посовѣтовать никому, желающему получить деньги обратно). На такой щекотливый вопросъ я откровенно отвѣчалъ: «мнѣ нужно въ полтора раза больше, чѣмъ каковы бываютъ пли будутъ мои доходы». — «То есть, какъ же это?» спросилъ онъ. — «А вотъ какъ. Я получалъ прежде двѣ тысячи рублей, и проживалъ три. Теперь получаю четыре тысячи, и проживаю шесть». — «Но если (онъ перебилъ меня) — но если дать вамъ десять тысячъ рублей въ годъ?» — «Я буду проживать пятнадцать тысячъ», скромно отвѣчалъ я. Мой знакомый не продолжалъ разговора, — и какое предложеніе хотѣлъ онъ мнѣ сдѣлать, осталось неизвѣстнымъ для меня.

Устройство Австріи таково, что все равно, какъ бы ни увеличивались ея доходы, она должна расходовать гораздо больше, чѣмъ получаетъ; она держится такой системы, при которой расходамъ ея не можетъ быть никакого предѣла, кромѣ физической невозможности достать изъ какихъ бы то ни было источниковъ больше денегъ, чѣмъ достасть она. Возьмите, напримѣръ, прошлый годъ. Почему она заключила миръ съ императоромъ французовъ послѣ сольферинской битвы? Только потому, что не могла достать больше денегъ на продолженіе войны. Если бы какую нибудь новою кредитною операціею она достала еще нѣсколько сотенъ милліоновъ, она стала бы вести войну еще нѣсколько мѣсяцевъ. Какой успѣхъ могло бы имѣть продолженіе войны? Каждому очевидно, что оно вело бы только къ дальнѣйшимъ потерямъ. Если бы Австрія въ іюль не была остановлена безденежьемъ, она въ августѣ или сентябрѣ потеряла бы Венецію. Но она сохранила Венецію и потеряла только Миланъ, потому что достала меньше денегъ, чѣмъ хотѣла. Еслибъ она не достала нѣсколько денегъ, она не потеряла бы и Милана, потому что не начала бы войны. Да и теперь, что до сихъ поръ удерживало Австрію отъ новой войны? Одно только безденежье. Будь у ней деньги, она прошлю осенью начала бы войну для завоеванія Ломбардіи; прошлю зимою начала бы войну для восстановленія прежняго порядка въ Тосканѣ и Романѣ; нынѣшнею весною начала бы войну для восстановленія Франциска; нынѣшнимъ лѣтомъ начала бы войну для удержанія сардинцевъ отъ вторженія въ Умбрію, нынѣшнею осенью начала бы войну для разрушенія Итальянскаго королевства, и вотъ нынѣ зимою давно бы ужъ начала войну съ венграми, если бы не задерживалась безденежьемъ. Это все равно, что пьяница: даде ли вы ему деньги, не даде ли вы ему денегъ, все равно

онъ безъ денегъ; сколько ни дадите, все пропьеть. Жалкая болѣзнь; но прежде, чѣмъ явится у больного рѣшимость излечиться отъ своего порока, никакими деньгами не достигнете вы, чтобы не было прорѣхъ на его локтяхъ: онъ въ тотъ же день проматываетъ или рветъ въ драгѣ всякую одежду, какую вы дадите ему.

II.

УСЛОВІЯ, ВЪ КОТОРЫХЪ БЫВАЕТЪ НЕ ГИБЕЛЬНО, А ПОЛЕЗНО ПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕДИТОМЪ.

Если думать только о такихъ случаяхъ, какіе приводились для объясненія дѣла въ предыдущемъ отрывкѣ, то можетъ показаться наконецъ, будто кредитъ—нѣчто въ родѣ мышьяка, приправленнаго сахарнымъ сиропомъ: вещь сладкая, но убивающая. Если такъ, чѣмъ же объяснить похвалы, которыми превозносятъ благотѣльность кредита всѣ ученые и всѣ государственные люди? Неужели похвалы эти—только то же, что похвалы китайцевъ опиуму?

Нѣтъ, для нѣкоторыхъ государствъ, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, кредитъ—вещь дѣйствительно полезная, какъ бываетъ онъ очень полезною вещью въ дѣлахъ каждаго основательнаго коммерческаго человѣка.

Вотъ, напримѣръ, въ послѣднія 45 лѣтъ Великобританское королевство вообще получало много пользы отъ кредита. Нельзя сказать, что въ пользу ему шелъ кредитъ прежде. Въ самомъ колоссальномъ размѣрѣ прибѣгло оно къ помощи кредита въ продолженіе войнъ съ Франціею: сотни милліоновъ фунтовъ, полученныя тогда англійскимъ правительствомъ отъ кредита, всѣ были промотаны на дѣло, самый успѣхъ въ которомъ былъ очень вреденъ для Англїи. Въ слѣдующія времена Англїя также пользовалась иногда кредитомъ во вредъ себѣ. Напримѣръ, въ долгъ вела она года четыре тому назадъ совершенно ненужную войну съ Персіею, а прежде того столь же ненужную войну съ афганцами. Не имѣя она возможности покрывать посредствомъ кредита большую часть расходовъ на эти вредныя предпрїятія, она вѣроятно и не начала бы ихъ. Но что же дѣлать? каждую хорошую вещь можно употреблять во зло. Зато, благодаря кредиту, Англїя могла безъ затрудненій исполнить многія полезныя дѣла, совершеніе которыхъ было бы гораздо тяжеле безъ кредита. Упомянемъ хотя обо одной сторонѣ полезныхъ преобразованій, которымъ очень много помогаль кредитъ.

Пониженіе пошлинъ—вещь очень полезная, и въ результатѣ оказывающаяся даже выгодною для государственныхъ доходовъ. Въ противность протекціонному предразсудку, національная промышленность въ общей своей массѣ выигрываетъ отъ пониженія тарифа, а развитіе промышленности ведетъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Мало того, что общая сумма государственныхъ доходовъ увеличивается, — увеличивается даже таможенный доходъ, благодаря тому, что при удешевленіи привознаго товара пониженіемъ пошлины увеличивается ввозъ его. Но такой результатъ—увеличеніе дохода—производится пониженіемъ пошлинъ не въ одинъ мѣсяць и обыкновенно не въ одинъ годъ: на первое время является въ доходахъ нѣкоторое уменьшеніе. Скоро недочетъ покроеся

съ излишкомъ; но какъ свести концы съ концами въ первые мѣсяцы или годы по пониженіи тарифа? Вотъ въ этомъ случаѣ кредитъ приноситъ большую пользу: государственное казначейство выпускаетъ на какой нибудь краткій срокъ, — на годъ, года на два, — билеты, которые выкупаются излишкомъ дохода, когда развитіе національной промышленности и заграничнаго привоза, произведенное облегченіемъ тарифа, начнеть приносить свои плоды. Благодаря кредиту, отстраняющему временныя затрудненія полезныхъ таможенныхъ реформъ, Англія въ послѣднія десятилѣтія успѣла вовсе отмѣнить пошлины съ безчисленнаго множества товаровъ и понизить пошлины съ другихъ товаровъ, въ такомъ размѣрѣ, что общая сумма этого уменьшенія простирается почти до 100 милліоновъ рублей серебромъ; постепенно, развитіе привоза съ избыткомъ вознаградило эту потерю, такъ-что нынѣ, при низкомъ тарифѣ, таможенный сборъ больше, чѣмъ былъ когда нибудь при высокомъ тарифѣ; безъ помощи кредита нельзя было бы произвести такой громадной сбавки пошлинъ.

Точно такую же пользу, точно такимъ же образомъ, оказываетъ кредитъ и при всѣхъ другихъ уменьшеніяхъ тяжести податей или налоговъ. Напримѣръ, когда была въ громадной пропорціи понижена плата за пересылку писемъ, почтовый доходъ на первое время уменьшился, и кредитъ значительно пособлялъ англійскому казначейству перенести это промежуточное время, пока развитіе письменной корреспонденціи пополнило почтовый доходъ.

Какъ помогаетъ кредитъ произведенію полезныхъ реформъ въ системѣ государственныхъ доходовъ, точно также помогаетъ онъ полезнымъ реформамъ въ государственныхъ расходахъ. Напримѣръ, почти весь громадный долгъ Великобританскаго королевства составилъ изъ займовъ, сдѣланныхъ на военныя предпріятія и заключенныхъ, разумѣется, на тяжелыхъ условіяхъ (деньги для мотовства нельзя получать иначе, какъ на условіяхъ тяжелыхъ). Ну, послѣ того англійское правительство сдѣлалось разсудительнѣе, то есть бережливѣе. Конечно оно стало тогда пользоваться на биржѣ репутаціею, гораздо лучшею прежняго. Довѣріе къ облигаціямъ государственнаго долга возрасло, такъ-что можно было заняться облегченіемъ процентовъ, платимыхъ по нимъ. Но сказать кредитору: «я хочу платить по моимъ долгамъ вмѣсто прежнихъ 5% только 4%», или «вмѣсто прежнихъ 4% только 3%», имѣетъ право лишь тотъ, кто можетъ къ этимъ словамъ прибавить: «если ты не согласенъ на предлагаемая мною новыя условія, то получай свои деньги, я готовъ уплатить долгъ». Разумѣется, надобно имѣть на готовѣ большія кредитныя средства, чтобы предложить кредиторамъ такой выборъ. По правдѣ говоря, казначейству, имѣющему такія средства, почти не придется пользоваться ими въ этомъ случаѣ: когда оно можетъ получить сколько ему угодно денегъ по новому пониженному проценту, это значить, что предлагаемый процентъ, хотя и менѣе выгодный прежняго, все-таки считаютъ денежные люди выгоднымъ процентомъ, и на этомъ основаніи заимодавцы не потребуютъ своихъ денегъ назадъ, а согласятся оставить ихъ въ облигаціяхъ государственнаго долга, съ уменьшеннымъ процентомъ. Это такъ; но если бъ не было у казначейства полной возможности получить въ случаѣ надобности деньги, къ полученію которыхъ на самомъ дѣлѣ не представится надобности, оно не могло бы предложить заимодавцамъ выбора; значить, хотя оно въ дѣйствительности и не воспользовалось

кредитомъ, но только благодаря своему кредиту, успѣло уменьшить проценты по своему долгу. Такимъ постепеннымъ пониженіемъ процентовъ англійское казначейство успѣло сократить ежегодные расходы на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Изъ этого послѣдняго случая мы очень хорошо можемъ видѣть, въ какихъ обстоятельствахъ вообще приносить правительству пользу кредитъ. Онъ чрезвычайно выгоденъ правительству тогда, когда правительство очень легко могло бы обойтись безъ него. Почему поднимались англійскіе фонды до такой степени, что можно было понижать процентъ по нимъ? Поднимались они потому, что новыхъ займовъ правительство не дѣлало, а по прежнимъ долгамъ платило проценты безъ всякихъ затрудненій для себя. Нуждалось ли оно тогда въ кредитъ, чтобы сводить концы съ концами, чтобы существовать? Ровно нисколько не нуждалось. Для чего же оно хлопотало о пониженіи процентовъ? Не для того, чтобы выпутаться изъ затрудненія, а просто для того, чтобы свое настоящее, очень хорошее, положеніе замѣнить еще лучшимъ.

Что тутъ говорить много, — каждый изъ насъ по своему маленькому хозяйству отлично знаетъ эти вещи. Если мои дѣла идутъ такъ, что я не нуждаюсь въ займахъ, каждый готовъ давать мнѣ денегъ взаймы на самыхъ выгодныхъ для меня условіяхъ; но если завтра поведутъ меня въ долговую тюрьму, когда я не получу денегъ нынѣ, то скажите, легко ли мнѣ будетъ достать денегъ, и на какихъ условіяхъ я достану ихъ? Вѣроятно читатель знаетъ, что въ Петербургѣ можно купить превосходнѣйшую мебель за безпѣнокъ; но въ какомъ положеніи надобно быть, чтобы сдѣлать такую выгодную аферу? Надобно имѣть меблированную квартиру; надобно не нуждаться въ покупкѣ мебели, надобно спокойно лежать или сидѣть на мягкомъ диванѣ и ждать (вовсе и не думая о томъ), пока прибѣжятъ къ вамъ, — когда прибѣжатъ, нынѣ или чрезъ полгода или чрезъ два года, все равно для васъ, — какойнибудь господинъ и станетъ убѣждать васъ купить мебель; а вы должны быть въ такомъ положеніи, чтобы отвѣчать ему: «мебель мнѣ не нужна; развѣ ужъ слишкомъ дешево продадутъ, — тогда, пожалуй, посмотримъ». Но если вамъ непременно нужно купить мебель нынѣ къ вечеру потому что вамъ не на чемъ будетъ спать нынѣшнюю ночь, то, разумѣется, вы купите въ тридорога скверную мебель.

Англія пользуется кредитомъ въ безграничномъ размѣрѣ на очень выгодныхъ условіяхъ, — да каково финансовое положеніе Англи, надобно знать. Каждый годъ толкуютъ тамъ о томъ, что надобно или отмѣнить, или понизить какойнибудь налогъ, — не потому, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ обременителенъ, а потому, что если не отмѣнить или не понизить какогонибудь налога, то въ доходахъ окажется надъ расходами излишекъ, котораго некуда будетъ дѣвать; и когда нѣтъ опасеній, что грозитъ Англи какойнибудь сосѣдъ нападеніемъ, то каждый годъ дѣйствительно отмѣняется или уменьшается какойнибудь налогъ. Иной разъ нѣсколько обочтутся въ этомъ, — то есть какъ обочтутся: понизятъ налоги, положимъ, на 20 милліоновъ рублей и разсчитываютъ, что отъ развитія промышленности, облегченной этою сбавкою, получится въ доходѣ прибыль на 10 милліоновъ рублей (другіе 10 милліоновъ оказывались лишними; отъ этой суммы казначейство отреклось), а вмѣсто того при-

быль бюджетъ на первый годъ лишь въ 7 милліоновъ рублей, и является недочетъ 3 милліоновъ, на которые рассчитывалось. Это у англичанъ (глупыхъ людей, не понимающихъ, что такое дефицитъ) называется дефицитомъ. Бываетъ у нихъ дефицитъ и отъ другаго обстоятельства: случаются иногда въ теченіе года расходы, которыхъ не предвидѣлось въ началѣ года. И вотъ послушали бы вы, какъ разсуждаетъ у англичанъ въ этихъ случаяхъ канцлеръ казначейства (министръ финансовъ) и какъ опровергаютъ его планы оппозиціонные финансеры, — просто уморительно слушать, можно животики надорвать со смѣху. — «Въ слѣдующемъ году надобно будетъ (говоритъ канцлеръ казначейства) увеличить доходы на столько-то милліоновъ. Можно для этой операціи возвысить подать съ дохода; а если парламенту не будетъ угодно возвысить подать съ дохода, можно возвысить налогъ на солодъ; по моему мнѣнію, лучше возвысить налогъ на солодъ, а впрочемъ все равно». Встаетъ оппозиціонный ораторъ и съ ожесточеніемъ нападаетъ на планъ канцлера казначейства; но какими возраженіями онъ опровергаетъ его! — намъ кажется, что оппозиціонный ораторъ не находчивъ до глупости: не вздумаетъ онъ сказать, что канцлеръ хочетъ поднять налогъ на солодъ до обременительной величины; не вздумаетъ онъ сказать, что и подать съ доходовъ тяжело было бы уплачивать въ случаѣ увеличенія, — нѣтъ, оппозиціонный ораторъ говоритъ: «конечно, предлагаемое возвышеніе налога на солодъ необременительно; конечно, легко уплачивалась бы и подать съ дохода въ случаѣ ея возвышенія; но какъ не догадался канцлеръ казначейства, что еще менѣе чувствительно для націи будетъ получить требуемые милліоны самымъ незначительнымъ возвышеніемъ пошлины съ чаю или вотъ слѣдующимъ измѣненіемъ штемпельнаго сбора, которое увеличитъ доходы казначейства облегченіемъ пошлинъ, взимаемыхъ нынѣ съ такихъ-то и такихъ-то дѣлъ». Вотъ чудачки, подумаешь: нужно имъ положить 10 милліоновъ, а изъ ихъ преній оказывается, что безъ всякаго затрудненія могли бы получить они 40 милліоновъ повышеніемъ такихъ налоговъ, которые никому не были обременительны, — и не хотятъ они получать эти 40 милліоновъ, а хотятъ получить только 10, и спорять между собою изъ-за того, какихъ источниковъ къ полученію денегъ не касаться. Глупые люди! — оно вотъ и видно, что справедлива пословица: «глупому счастье». А тутъ на грѣхъ встаетъ еще какой нибудь радикалъ, въ родѣ Брайта или Кобдена, и говоритъ: «бросьте вы все ваши косвенные налоги, вѣдь ни одинъ изъ нихъ не нуженъ вамъ». Канцлеръ казначейства въ свою очередь проникается негодованіемъ и возражаетъ: что вы пристааете къ намъ, — вѣдь вы видите, что и безъ вашихъ напомнаній косвенные налоги постоянно понижаются. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ мы отмѣнили ихъ на столько-то милліоновъ фунтовъ, а въ слѣдующія 10 лѣтъ надѣмся отмѣнить еще на сумму, вдвое большую».

Финансовое положеніе Англіи опредѣляется двумя чертами. Расходы этого государства не превышаютъ доходовъ, или, точнѣе сказать, постоянно возникаетъ въ доходахъ излишекъ надъ расходами, излишекъ, постоянно ведущій къ облегченію налоговъ; а между тѣмъ налоги уже приведены въ такой размѣръ, что уплата ихъ ни для кого не обременительна. Первая черта англійскаго бюджета извѣстна каждому, но вторая, быть можетъ, нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ.

По денежному счету сумма податей и налоговъ, приходящаяся среднимъ числомъ съ каждаго жителя въ Англіи, больше чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ

европейскомъ государствѣ. Полагая величину бюджета въ 450,000,000 рублей (впрочемъ, этотъ нынѣшній бюджетъ Англiи чрезмѣрно высокъ, по особеннымъ временнымъ обстоятельствамъ, требовавшимъ въ два послѣднiе года слишкомъ большихъ вооруженiй), а населенiе Великобританiи съ Ирландiею въ 30,000,000 человекъ, мы увидимъ, что каждый житель платитъ среднимъ числомъ около 15 р. сер. Въ Австрiи денежная величина уплатъ гораздо меньше: при 35,000,000 населенiя доходы Австрiи составляютъ около 160,000,000 р., такъ что съ каждаго жителя сходить всего лишь около 4 р. 50 к., — втрое меньше, чѣмъ въ Англiи. Но читатель знаетъ, что простолудинъ скорѣе заработаетъ въ Англiи 15 рублей, чѣмъ въ Австрiи не только 4 р. 50 к., а даже 3 рубля. Незначительныя пошлины на чай и сахаръ, пошлины столь необременительныя, что среднее потребление сахару простирается въ Англiи почти до цѣлаго пуда въ годъ на каждаго жителя, даютъ англiйскому казначейству сумму, равняющуюся цѣлой половинѣ всего государственнаго дохода Австрiи; онѣ составляютъ шестую часть англiйскаго бюджета доходовъ. Каждый можетъ судить, обременительна ли для населенiя уплата такой суммы налоговъ, въ которой цѣлую шестую часть составляетъ пошлина съ чая и сахара. Но еще вѣрнѣе можно судить объ этомъ, когда мы скажемъ, что англiйскому казначейству неизвѣсто, что такое значитъ недоимка: недоимокъ въ Англiи нѣтъ. Въ Австрiи другое дѣло: тамъ, когда разсчитываютъ, сколько принесетъ пзвѣстный налогъ, всегда уже полагаютъ значительный учетъ на недоимку.

Мыслие, будто бы въ Англiи подати обременительны, происходятъ отъ двухъ причинъ, изъ которыхъ одна совершенно неосновательна, а другая становится неосновательною, когда говорятъ объ Англiи не безотносительно, а по сравненiю съ европейскимъ континентомъ. Первую причину мы уже видѣли: сумма денегъ, значительная въ Австрiи, не значительна въ Англiи, потому что рабочая плата въ Англiи гораздо выше, а цѣнность денегъ гораздо меньше, чѣмъ на континентѣ. Это то же самое, что Петербургъ сравнительно съ городомъ Ишимомъ (есть такой городъ въ Тобольской губерши): говорятъ, что въ Ишимѣ за триста рублей можно купить домъ, въ которомъ будетъ больше комнатъ и лучшихъ комнатъ, чѣмъ въ квартирѣ, за наемъ которой платится въ Петербургѣ триста рублей.

Другое обстоятельство — то, что сами англичане очень много толкуютъ о чрезмѣрности своихъ налоговъ, о надобности уменьшить ихъ, преобразовать финансовую систему и т. д. Это они дѣлаютъ очень хорошо: каково бы ни было положенiе дѣлъ, но всегда надобно стараться улучшить его. Если судить объ Англiи безъ сравненiя съ континентомъ, въ ней очень много дурнаго; есть въ ней стороны, которыя нехороши и по сравненiю съ иными континентальными государствами, напри- мѣръ съ Францiей или Бельгiею. Но размѣръ податей и налоговъ не принадлежитъ къ такимъ сторонамъ Англiи. Способъ распредѣленiя финансовыхъ тяжестей по разнымъ отраслямъ національныхъ доходовъ или національнаго потребления очень неудовлетворителенъ: прямыя подати до сихъ поръ не пропорционально малы, косвенные налоги составляютъ слишкомъ большую пропорцiю въ суммѣ государственнаго дохода. Справедливо и то, что государственные расходы Англiи можно было бы уменьшить въ очень значительной степени строжайшимъ принятiемъ принципа невмѣшательства и измѣненiемъ колониальной политики. Но все это справедливо только съ точки зрѣнiя выгодъ самой англiйской наци. Если же изъ требованiя англичанъ, чтобы улучшена была ихъ политическая и финансовая система, мы станемъ выво-

дять заключеніе, будто бы жители Франціи или Пруссіи, а тѣмъ больше Австріи, находятся по отношенію къ требованіямъ бюджета въ состояніи болѣе выгодномъ, чѣмъ жители Англіи, мы совершенно ошибемся. Это все равно, что жалобы порядочныхъ людей въ Англіи на неудовлетворительное качество пищи англійскаго простолюдина. Спора нѣтъ, слѣдуетъ желать, чтобы она улучшилась; спора нѣтъ и въ томъ, что очень многіе англичане терпятъ нужду въ пищѣ. Но все-таки какое же сравненіе съ континентомъ? Въ одной Англіи бѣлый хлѣбъ и мясо составляютъ обыкновенную пищу простолюдина; въ одной Англіи сахаръ едѣбался предметомъ ежедневнаго потребленія всей массы народа. Система налоговъ, при которой существуетъ такое положеніе дѣлъ, можетъ имѣть сама по себѣ недостатки; но должна быть названа чрезвычайно легкой сравнительно съ континентальными системами.

III.

ДЕФИЦИТЪ.

Теперь мы уже настолько ознакомились съ дѣйствіями кредита, что можемъ заняться разсмотрѣніемъ общей теоріи кредитныхъ операцій.

Прибѣгать къ кредиту — значитъ брать займы деньги. Само собою разумѣется, что деньги займы беретъ только тотъ, кто не имѣетъ достаточнаго количества собственныхъ наличныхъ денегъ въ запасѣ. Чувствовать надобность въ пособіи кредита и имѣть недостачу въ наличныхъ деньгахъ — одно и то же.

Но мы видимъ, что нѣкоторымъ правительствамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользованіе кредитомъ оказывается выгодно; другимъ правительствамъ и въ другихъ случаяхъ — вредно. Читатель самъ конечно уже находитъ теперь объясненіе этой разницы. Она происходитъ отъ различія въ причинахъ и въ свойствахъ тѣхъ финансовыхъ недочетовъ, на отвращеніе которыхъ призывается помощь кредита.

Если надобность въ кредитѣ происходитъ не отъ постоянного перевѣса расходовъ надъ доходами, а лишь отъ какого нибудь мимолетнаго обстоятельства, которое скоро будетъ сглажено обыкновеннымъ ходомъ финансовыхъ дѣлъ, — если бюджетъ государства представляетъ вообще равновѣсіе обыкновенныхъ, правильныхъ доходовъ съ расходами или даже нѣкоторый излишекъ доходовъ надъ расходами, то случайная надобность быстро израсходовать сумму, которая по обыкновенному пути поступаетъ въ казну довольно медленно, — такая надобность покрывается пособіемъ кредита очень легко и почти безубыточно для государства. Но именно легкость, съ какою получаетъ отъ кредита требуемая сумма правительство, имѣющее бюджетъ подобнаго рода, — именно эта легкость служитъ причиною тому, что операціи подобнаго рода не служатъ сами по себѣ предметомъ особеннаго интереса ни для правительства, ни для ученыхъ. Возьмемъ въ примѣръ недавній англійскій случай. Англичане въ послѣдніе годы стали предполагать, что императоръ французовъ не чуждъ мысли сдѣлать высадку на ихъ берега. Основательно или неосновательно такое опасеніе, не въ томъ дѣло; дѣло въ томъ, что англичане имѣли его, что оно тревожило ихъ, мѣшало имъ заниматься съ полнымъ вниманіемъ и успѣхомъ ихъ собственными дѣлами. Надобно было имъ принять

мѣры, чтобы изгнать изъ своихъ мыслей опасеніе видѣть на англійской землѣ непріятельскую армію. Для этого они почли за нужное, между прочимъ, укрѣпить свои гавани и разные пункты берега, доступные для высадки. На такое вооруженіе оказался надобенъ расходъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Еслибъ можно было разложить его на много лѣтъ, можно было бы произвести его на обыкновенные излишки, остающіеся въ англійскихъ доходахъ за обыкновенными расходами. Но по самой сущности дѣла слѣдовало произвести его какъ можно быстрѣе. А если такъ, то обыкновеннаго излишка доходовъ за какіе нибудь два-три года оказывалось недостаточно для покрытія этого огромнаго экстреннаго расхода, который надобно было сдѣлать года въ три, а еще лучше, если года въ два или еще быстрѣй. При такихъ условіяхъ, разумѣется, понадобилась помощь кредита. Но читая пренія парламента и англійскихъ газетъ объ этомъ дѣлѣ, мы вовсе не видимъ никакихъ разсужденій о легкости или трудности совершить требуемую кредитную операцію. Очень много спорили о томъ, дѣйствительно ли надобно вооружать берега: во первыхъ, основательно ли опасеніе высадки?—а если оно основательно, то устранится ли возможность высадки вооруженіемъ береговъ, отстранится ли имъ опасеніе? Былъ нѣкоторый споръ и о томъ, не лучше ли будетъ возвысить подати, чѣмъ прибѣгать къ займу. Но о томъ, труденъ ли будетъ займъ, никто и не говорилъ; не было даже высказано ни одного предположенія о томъ, какими бы искусственными приѣмами можно было облегчить эту операцію: очевидно, что о способѣ исполненія самой операціи никто не считалъ нужнымъ и думать. Успѣхъ ея никто не ставилъ въ зависимость отъ искусства министра финансовъ, и когда она будетъ исполнена, никто не поставитъ ему успѣхъ операціи ни въ какую заслугу.

Это мы говоримъ къ тому, что когда финансовое положеніе хорошо, то кредитныя операціи не требуютъ для своего исполненія никакого особеннаго искусства и не возбуждаютъ ничего вниманія способомъ своего осуществленія. Онѣ бывають дѣломъ такимъ же простымъ, какъ размѣнъ векселей солиднаго коммерческаго дома на деньги въ банкирской конторѣ: думаетъ ли глава солидной фирмы о томъ, какъ бы успѣть получить денегъ въ обмѣнъ своего векселя? Думаетъ ли онъ восхищаться искусствомъ своего конторщика, который, будучи посланъ отъ него къ банкиру съ векселемъ, приносить ему отъ банкира деньги, полученные въ обмѣнъ векселя? Нѣтъ, ничего подобнаго не приходится и въ голову солидному негоціанту. Онъ думаетъ, и крѣпко думаетъ о томъ, имѣеть ли онъ надобность и выгоду выдавать на себя вексель, брать у банкира деньги. Но когда расчитаетъ, что это ему выгодно, онъ уже не имѣеть ровно никакихъ хлопотъ съ исполненіемъ своей мысли, съ исполненіемъ своей кредитной операціи. Точно таково же отношеніе правительства къ кредитнымъ операціямъ при хорошемъ финансовомъ положеніи.

Но не возбуждая сами по себѣ ровно никакой заботы ни въ правительствѣ, ни на биржѣ, ни въ публикѣ, кредитныя операціи, совершаемыя въ подобныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣтають чрезвычайную занимательность или, вѣрнѣе сказать, самую гибельную обольстительность тѣми заключеніями, къ какимъ ведутъ людей поверхностныхъ, и тѣми обманами, къ какимъ открываютъ возможность людямъ, легкомысленно пользующимся заблужденіями другихъ. Мы видимъ, что каждая солидная коммерческая фирма, дѣла которой процвѣтають, то есть у которой доходы больше расходовъ, извлекаетъ для своихъ оборотовъ очень большое облегченіе и еще новую выгоду посредствомъ ежедневнаго пользованія кредитомъ. Каждый

биржевой негодянтъ безпрестанно выдаетъ векселя на себя, и безъ этихъ векселей никакъ не могъ бы вести въ такомъ размѣрѣ такихъ выгодныхъ для себя дѣлъ. Англійское правительство, находящееся въ превосходномъ финансовомъ положеніи, непрерывно ведетъ свои дѣла посредствомъ кредита: англійскій банкъ, колоссальнѣйшее кредитное учрежденіе въ цѣломъ мірѣ, служитъ собственно конторою кредитнаго агентства для англійскаго правительства; казначейство имѣетъ съ англійскимъ банкомъ непрерывный текущій счетъ; оно разъ навсегда передало банку право получать всѣ суммы, какимъ слѣдовало бы идти въ казначейство, и за то беретъ изъ банка, какъ будто изъ собственной кассы, всѣ суммы, какія только понадобятся на государственный расходъ. Всѣ министры, всѣ члены парламента, всѣ экономисты и публицисты, и вельдъ за ними вся англійская публика до послѣдняго человѣка — находятъ, что этотъ способъ веденія финансовыхъ дѣлъ черезъ посредство англійскаго банка, то есть чрезъ непрерывный и многосложнѣйшій рядъ кредитныхъ операцій, очень облегчаетъ финансовые обороты англійскаго правительства, избавляетъ его отъ безчисленнаго множества хлопотъ и затрудненій, а сверхъ всего даетъ ему въ окончательномъ результатѣ немаловажный денежный выигрышъ.

А если такъ, если пользованіе кредитными операціями такъ выгодно, то не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ могущественное средство для отстраненія финансовыхъ затрудненій всякаго рода? Этотъ выводъ приходитъ въ голову каждому смотрящему только на ви́шній видъ дѣла, не разбирающему его условій. Но мы увѣрены, что читатель очень хорошо замѣчаетъ, въ чемъ тутъ ошибка: одно и то же средство въ разныхъ условіяхъ ведетъ къ результатамъ очень различнымъ. Здоровому человѣку очень полезно кушать ростбифъ; но если трудной больнои, которому слѣдуетъ кушать лишь овсянку, съѣсть кусокъ ростбифа, онъ очень можетъ умереть отъ этого куска, а уже навѣрное затруднить имъ свое выздоровленіе.

Въ состояніи ли кредитъ пособитъ человѣку, который имѣетъ привычку проживать больше, чѣмъ получаетъ, и не хочетъ измѣнить этой привычки? Каждому извѣстно, что дѣла такого человѣка съ каждымъ годомъ должны все больше и больше разстроиваться отъ пріемовъ, которые можетъ называть онъ, если ему угодно, кредитными операціями. Но вотъ именно въ такихъ обстоятельствахъ и нужно бываетъ человѣку особенное искусство, нужны особенныя хлопоты для полученія денегъ займа. Точно при такихъ же обстоятельствахъ совершаются и точно къ такимъ же результатамъ ведутъ государство тѣ кредитныя операціи, объ исполненіи которыхъ нужно бываетъ много хлопотать, исполненіе которыхъ вмѣняется легкомысленными людьми въ заслугу лицамъ, ихъ исполняющимъ.

При хорошемъ финансовомъ положеніи, умъ государственнаго человѣка обнаруживается преобразованиями въ системѣ налоговъ и податей, или въ распредѣленіи расходовъ, въ умѣнны открывать средства къ уменьшенію тяжести налоговъ, къ сбереженіямъ въ расходахъ, — словомъ сказать, собственно такъ-называемыми финансовыми улучшениями; а кредитныя операціи идутъ при этомъ сами собою, но приносятъ ему никакихъ особенныхъ заботъ. Это все равно, какъ у хорошаго землевладѣльца умъ обнаруживается искусствомъ пріобрѣтать больше дохода при облегченіи тяжести, лежащихъ на поселянахъ, населяющихъ его землю, и умѣнемъ вести свои расходы экономно; а если такому землевладѣльцу случается брать у купцовъ товары въ долгъ, это полученіе кредита отъ купцовъ не соединено для него ни съ какими хлопотами: каждый торговецъ, зная солидность его хозяйства и аккурат-

ность его въ дѣлахъ, отпускаетъ по его запискѣ сахаръ или желѣзо съ такою же готовностію, какъ бы вмѣсто записки посланный приносилъ ему наличныя деньги.

Другое дѣло, когда финансовое положеніе дурно и нѣтъ охоты принять мѣры, нужныя для его дѣйствительнаго исправленія. Вотъ тогда-то забота о кредитныхъ операціяхъ становится на первое мѣсто въ мысляхъ государственнаго человѣка. Могутъ ли дѣйствительно пособить государству въ этомъ случаѣ какія бы то ни было кредитныя операціи, разсудитъ каждый читатель.

Сущность дѣла тутъ состоитъ въ томъ, что государство расходуетъ больше, чѣмъ получаетъ, и намѣрено продолжать такую систему. Могутъ ли быть исправлены ея результаты какими нибудь кредитными оборотами? Сущность каждой операціи, призывающей кредитъ на помощь дѣлу, заключается въ томъ, что занимаются деньги. Заемъ этотъ можетъ быть двухъ родовъ: съ платежемъ процентовъ (обыкновенно такъ-называемый заемъ) или безъ платежа процентовъ (выпускъ бумажныхъ денегъ). Каждому достаточно извѣстно, что послѣдній способъ займа вообще оказывается для націи и для самой казны гораздо убыточнѣе перваго, и потому будемъ говорить только о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ перваго способа, наименѣе убыточнаго. Сообразить ихъ очень не трудно. Если въ извѣстномъ году заключенъ заемъ по перевѣсу расходовъ надъ доходами, то въ слѣдующемъ году дефицитъ еще увеличится прибавленіемъ къ расходу суммы, требуемой процентами прежняго займа, и для уравниванія доходовъ съ расходами потребуется заключить заемъ больше прежняго.

Спеціальныя названія разныхъ займовъ могутъ быть очень различны; условія, на которыхъ получаютъ деньги посредствомъ разныхъ способовъ займа, также бываютъ различны; наконецъ въ займахъ одного и того же рода могутъ получаться деньги по проценту не одинаковому; отъ этого разнообразія кредитныя операціи принимаютъ чрезвычайно много формъ, изъ которыхъ однѣ бываютъ нѣсколько легче, другія нѣсколько тяжеле. Но пока не восстановлено равновѣсіе доходовъ съ расходами, сущность всѣхъ безъ различія кредитныхъ операціи состоитъ въ увеличеніи долговъ. Переводомъ долговъ изъ одной формы въ другую государство можетъ отстранять отъ себя обязательство немедленной или срочной уплаты занятаго капитала, можетъ иногда нѣсколько уменьшать и сумму процентовъ, платимыхъ по какой нибудь части занятаго капитала, — но всѣ такія перемѣны въ нѣкоторой части долговыхъ его обязательствъ или уплатъ будутъ постоянно исчезать въ одномъ неизмѣнномъ общемъ характерѣ дѣла, — характерѣ, неминуемо происходящемъ отъ кореннаго факта, отъ несообразности расходовъ съ доходами, — общій характеръ этотъ — постоянное возрастаніе долговъ и тяжести уплатъ по долгамъ; пока не восстановлено равновѣсіе расходовъ съ доходами, увеличеніе массы долговъ и процентовъ, платимыхъ по долгамъ, не можетъ быть отвращено никакими кредитными операціями.

Изъ этихъ длинныхъ разсужденій краткій выводъ таковъ: кредитными операціями устраняются лишь маловажныя, мимолетныя финансовыя затрудненія; а если, по самому устройству финансовой системы, дефицитъ составляетъ постоянное явленіе, то никакими кредитными операціями нельзя отвратить зла; напротивъ, оно только растетъ отъ мнимой помощи кредита, ведущаго въ этомъ случаѣ лишь къ постоянному возрастанію дефицита.

Если теперь мы спросимъ: слѣдуетъ ли ограничиться этимъ отрицаніемъ, или

могутъ быть найдены средства къ изгнанію дефицита, постоянно возрастающаго при известной финансовой системѣ, — если мы спросимъ это, то, конечно, опять-таки готовы отвѣтъ у каждаго читателя.

Мы видѣли, что кредитныя операціи годятся только противъ мимолетныхъ затрудненій, а противъ недостатковъ самой финансовой системы онѣ безсильны; потому очевидно, что дефицитъ, являющійся постоянною чертою данной финансовой системы, можетъ быть отстраненъ только измѣненіемъ самой системы.

Финансовая система имѣетъ двѣ стороны: бюджетъ доходовъ и бюджетъ расходовъ. Дефицитъ можетъ происходить отъ неудовлетворительности того или другаго бюджета, а чаще всего происходитъ отъ неудовлетворительности ихъ обоихъ.

Кромѣ одной Швейцаріи, не находится въ Европѣ ни одного государства, которое имѣло бы систему податей и налоговъ, хотя приблизительно соответствующую здоровымъ экономическимъ условіямъ. Повсюду мы замѣчаемъ, что на удовлетвореніе расхода требуется сумма, далеко превышающая ту, какая могла бы доставиться лишь одними податями и налогами, не имѣющими вреднаго дѣйствія на экономическую жизнь націи или собираемыми въ размѣрѣ необременительномъ для націи. Въ каждомъ государствѣ существуютъ такіе источники доходовъ, о которыхъ сами защитники ихъ говорятъ: «конечно, слѣдовало бы отмѣнить или уменьшить этотъ налогъ, но размѣръ нашихъ расходовъ не допускаетъ того». Не надобно ожидать идеальнаго совершенства, — будемъ судить хотя только по сравненію, будетъ предполагать возможнымъ хотя лишь то, польза чего уже доказана опытами другихъ странъ.

Есть такіе налоги, сборъ которыхъ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ сумму дохода, примо мѣшая людямъ работать, то есть и получать средства къ платежамъ въ казну. Изъ нихъ довольно будетъ указать на одинъ сборъ за паспорта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый рубль, даваемый казнѣ этимъ доходомъ, отнимаетъ у нея десять рублей изъ другихъ налоговъ. Мы читали, что паспортный сборъ будетъ преобразованъ. Надобно желать, чтобы найдена была возможность уничтожить самые паспорта.

Но возможность эта неразрывно связана съ преобразованіемъ главнаго изъ нашихъ прямыхъ налоговъ — такъ называемаго нынѣ поземельнаго налога, сохранившаго при этой переимѣнѣ имени прежній характеръ подушной подати. Земля должна платить налогъ, рента служить однимъ изъ самыхъ лучшихъ и справедливыхъ источниковъ государственнаго налога; но большая часть земель, дающихъ ренту, была у насъ до сихъ поръ освобождена или почти освобождена отъ налога. Дворянскія населенныя земли номинально платили налога въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ государственныя; а на самомъ дѣлѣ вовсе не платили никакого налога, потому что взимаемый съ помѣстій налогъ лежалъ подушною податію на крѣпостныхъ крестьянахъ, и помѣщики фактически не платили ничего за землю. За то на государственныхъ земляхъ налогъ былъ чрезмѣрно тяжелъ. Доказывать этого нѣтъ надобности. Пока не будетъ отмѣнена привилегія большей части лучшихъ земель, государственные доходы никакъ не могутъ стать удовлетворительными, потому что самое существованіе подобной привилегіи возможно только при устройствѣ, не допускающемъ развитія экономическихъ силъ націи. Пока налогъ съ земель, находящихся во владѣніи у крестьянъ, не будетъ уменьшенъ до такого размѣра, чтобы ни одно крестьянское общество не затруднялось уплатою налога, государственные

доходы также не могут имѣть удовлетворительной величины, потому что сумма государственныхъ доходовъ не можетъ быть выше размѣра національныхъ средствъ, а размѣръ національныхъ средствъ опредѣляется степенью благосостоянія массы.

Подушная подать, по размѣру приносимыхъ ею суммъ, занимаетъ второе мѣсто въ нашемъ бюджетѣ доходовъ, а главнѣйшую статью его составляетъ налогъ на вино, взимаемый до сихъ поръ посредствомъ откупа. Теперь объявлено, что съ окончаніемъ текущихъ контрактовъ, откупъ рѣшено уничтожить и взимать винный акцизъ прямымъ путемъ. Конечно такая перемѣна сама по себѣ уже можетъ послужить къ значительному облегченію націи; но съ финансовой точки зрѣнія не менѣе важенъ вопросъ о томъ, въ какомъ размѣрѣ будетъ установленъ акцизъ. Если руководящею мыслью при этомъ принять стремленіе къ сохраненію нынѣшней величины дохода, доставляемаго налогомъ на вино, то едва ли возможно было бы установить величину акциза, совмѣстную съ выгодами самой казны. Если смотрѣть отдѣльно на одну вѣтвь дохода, конечно представляется очень привлекательною цифрою сумма около 100 милліоновъ рублей серебромъ, даваемая нынѣ налогомъ на вино. Но другое дѣло, если имѣть въ виду всю сумму государственныхъ доходовъ. Мы уже говорили, что невозможно бываетъ получать съ націи больше денегъ, чѣмъ сколько можетъ она уплатить по своимъ существующимъ средствамъ къ уплатѣ. Если однимъ налогомъ эти средства исчерпываются на одну треть, то самую значительностью этого отдѣльнаго источника сокращаются на одну треть суммы, доставляемыя всѣми остальными источниками государственнаго дохода. Главный расчетъ не въ томъ, сколько даетъ пзвѣстный налогъ, а въ томъ, какое отношеніе имѣетъ онъ къ формированію средствъ націи. Съ этой стороны разные налоги оказываютъ чрезвычайное разнообразіе дѣйствій. Есть такіе, которые прямо гибельны по самой своей натурѣ. Изъ нихъ самый знаменитый — лотерея. У насъ правительство не пользуется этимъ разорительнымъ средствомъ. Есть другіе налоги, которые по самой натурѣ своей не уменьшаютъ національныхъ средствъ, а напротивъ, ведутъ къ ихъ возрастанію, имѣя дѣйствіе, прямо противоположное свойству всѣхъ остальныхъ налоговъ: это — налоги на предметы роскоши. Ни одно государство еще не рѣшалось пользоваться ими въ такомъ размѣрѣ, какой требовался бы справедливостью; потому въ самой Англіи даютъ они сумму не очень значительную и не составляютъ важной статьи въ бюджетѣ доходовъ; но какова бы ни была сумма, ими доставляемая, она служитъ чистою прибылью не для одной казны, а также и для національныхъ средствъ: налоги эти имѣютъ тенденцію обращать капиталы отъ пустыхъ растратъ къ употребленію, болѣе выгодному и для самихъ владельцевъ капиталовъ и для націи. Наконецъ большая часть важнѣйшихъ по своему размѣру налоговъ принадлежатъ къ третьему классу, который до извѣстнаго размѣра не очень обременителенъ для національныхъ средствъ, но разстраиваетъ и истощаетъ ихъ, когда требуемая величина превышаетъ извѣстную норму. Таковы, напримѣръ, поземельный налогъ; таковы таможенные пошлины; таковы же и многіе акцизы. Таможенная пошлина не вредитъ никому и ничему, когда имѣетъ такой размѣръ, что продажная цѣна товара не увеличивается отъ нея чувствительнымъ образомъ и потребление товара, платящаго ее, сохраняетъ почти ту же величину, какой не превышало бы и безъ всякой таможенной пошлины. Если же излишнею высотой своею таможенная пошлина стѣсняетъ привозъ товара, она, какъ всѣмъ теперь извѣстно, оказывается вредна не однимъ потребителямъ, а также и самой

казнѣ, мѣшая развитію національныхъ промышленныхъ силъ или давая имъ невыгодное направленіе. Точно тоже надобно сказать и объ акцизахъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя пашъ акцизъ съ табаку. Быть можетъ выгодно для казны оказалось бы понизить его; однакоже и при нынѣшней своей величинѣ онъ не очень сильно уменьшаетъ потребленіе табаку, не слишкомъ много поднимая продажную цѣну его; стало быть хотя бы и думалъ кто нибудь, что нынѣшняя величина этого акциза нѣсколько высока, а все-таки надобно сказать, что и при нынѣшней величинѣ нашъ табачный акцизъ необременителенъ. Необременителенъ былъ бы и такой акцизъ съ хлѣбнаго вина, который не возвышалъ бы продажную цѣну этого товара въ пропорціи слишкомъ громадной; если бы, напримѣръ, положить такой акцизъ, который составлялъ бы процентовъ 25 или даже 35 въ продажной цѣнѣ вина, никто не сталъ бы находить этотъ налогъ обременительнымъ или стѣснительнымъ. Если же акцизъ будетъ составлять 150 или 200⁰/₀ въ продажной цѣнѣ вина, дѣло получитъ иной характеръ. Очень вѣроятно, что при такой огромности, налогъ сталъ бы приносить казнѣ больше, чѣмъ при величинѣ, совмѣстной съ правильнымъ финансовымъ расчетомъ; но онъ продолжалъ бы сообщать народному характеру такіа наклонности, которыя производятъ въ результатѣ уменьшеніе всей массы государственныхъ доходовъ: наклонность къ безпорядочному плтью, наклонность къ обманыванію казны корчемствомъ, наклонность къ обманыванію покупателей въ качествѣ продаваемаго вина. Такимъ образомъ излишекъ доходовъ отъ одной статьи далеко перевѣшивался бы недочетомъ въ другихъ статьяхъ дохода.

Если бы мѣсто позволяло намъ пересмотрѣть здѣсь всѣ статьи нашего бюджета государственныхъ доходовъ, мы конечно нашли бы много податей и пошлинъ, вполнѣ заслуживающихъ одобренія своею умѣренностію и всегдашнимъ ея слѣдствіемъ—своею сообразностію съ правильнымъ финансовымъ расчетомъ. Но мы имѣемъ цѣлю не составленіе панегирика, а только разсмотрѣніе средствъ, могущихъ содѣйствовать уравновѣшенію государственныхъ доходовъ съ расходами. Мы принуждены были прямо сказать, что двѣ важнѣйшія статьи нынѣшняго бюджета—статьи, дающія гораздо болѣе половины, быть можетъ $\frac{3}{5}$ частей всего нынѣшняго дохода, —подушная подать или нынѣшній такъ-называемый поземельный налогъ, и сборъ съ продажи хлѣбнаго вина, до сихъ поръ имѣли у насъ размѣръ, невыгодный для всей массы государственныхъ доходовъ по своей обременительности для народныхъ средствъ. Конечно, большой рѣшительности требуетъ реформа, которая состояла бы въ пониженіи размѣра этихъ двухъ платежей. Но ни въ комъ изъ людей, понимающихъ финансовое дѣло, не можетъ быть и сомнѣнія, что такая реформа повела бы къ увеличенію общей массы государственныхъ доходовъ. Спросите какого угодно изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ, французскихъ или англійскихъ экономистовъ, обратитесь за совѣтомъ къ какому угодно изъ лицъ, съ успѣхомъ управляющихъ или управлявшихъ финансами Англій или Пруссіи (только эти два государства изъ числа великихъ державъ имѣютъ финансы въ хорошемъ порядкѣ)—всѣ отъ Рошера до Гледстона скажутъ одно и то же: для увеличенія государственныхъ доходовъ Россіи первѣйшая надобность состоятъ въ уменьшеніи суммы, собираемой посредствомъ налога на вино и въ замѣненіи нынѣшняго подушнаго оклада дѣйствительнымъ поземельнымъ налогомъ, который имѣлъ бы величину болѣе умѣренную, и которому равно подлежали бы всѣ земли, въ чьихъ бы рукахъ ни находились; безъ этой реформы другія финансовыя мѣры не принесутъ большой пользы бюджету доходовъ.

Реформа эта, указываемая правильнымъ финансовымъ расчетомъ, конечно произведетъ въ результатъ значительное увеличеніе суммы государственныхъ доходовъ, но на первое время она, разумѣется, нѣсколько уменьшила бы сумму ихъ. Уменьшеніе было бы далеко не такъ значительно, какъ цифра, на которую произведено было бы облегченіе въ налогахъ, нынѣ имѣющихъ обременительный размѣръ. Если акцизъ понижается на цѣлую половину, доходъ отъ этого акциза уменьшится развѣ на пятую часть или въ пропорціи еще менѣе сильной,—остальное будетъ въ первый же годъ вознаграждено или увеличеніемъ потребления, или лучшею исправностію уплатъ. Что же касается до замѣненія обременительной подушной подати умѣреннымъ поземельнымъ налогомъ, тутъ можетъ вовсе и не быть уменьшенія всей суммы сбора; напротивъ, съ перваго же года умѣренный налогъ можетъ быть больше, чѣмъ давала подушная подать, потому что была бы въ этомъ случаѣ отмѣнена привилегія, лишаящая нынѣ казну сбора съ большей половины удобныхъ земель. Отмѣненіе паспортнаго сбора не принесло бы казнѣ никакого чувствительнаго убытка, по незначительности суммы, даваемой этимъ налогомъ. Такимъ образомъ, при всей великости реформы, при всей громадности облегченія, какое дала бы она народу, уменьшеніе въ государственныхъ доходахъ даже на первый годъ не было бы очень значительно; на второй или, много, на третій годъ сумма доходовъ уже сравнялась бы съ нынѣшней, а дальше стала бы возрастать съ быстротою, рѣшительно невозможною при нынѣшней системѣ. Однакоже не будемъ прикрывать ничѣмъ и неприятную сторону истины: на первое время дѣйствительно слѣдовало бы ждать нѣкотораго уменьшенія въ доходахъ.

Если же и при нынѣшней величинѣ доходовъ расходы превышаютъ ихъ и обнаруживается надобность въ экономіи, то еще сильнѣе было бы нужно позаботиться объ уменьшеніи расходовъ въ случаѣ преобразованія системы налоговъ и податей. Будемъ помнить основную цѣль, съ какою начали мы свои размышленія: намъ представлялся вопросъ о возстановленіи государственнаго кредита. Если бы продолжалась надобность въ займахъ на покрытіе дефицита, кредитъ не возстановился бы, а продолжалъ бы разстроиваться. Потому выгода требуетъ оставить всякую мысль о какихъ бы то ни было займахъ,—внѣшнихъ или внутреннихъ, процентныхъ или безпроцентныхъ, называющихся займами или называющихся другими техническими именами,—всякую мысль о какихъ бы то ни было займахъ для покрытія дефицита: надобно направить все свои мысли и заботы къ тому, чтобы самаго дефицита не было.

По различному характеру государственныхъ расходовъ не все статьи въ бюджетѣ расходовъ могутъ быть сокращаемы съ одинаковою быстротою и легкостію; надобно даже сказать больше: не всякая статья расхода такова, что выгодно бываетъ сокращать ее,—напротивъ есть расходы, которые выгоднѣе увеличивать, чѣмъ уменьшать. Упомянемъ изъ нихъ о суммахъ, употребляемыхъ на народное образованіе: эти расходы ведутъ къ увеличенію доходовъ. Таковы же расходы на отправленіе правосудія: если бы во время даже величайшей надобности въ сбереженіяхъ потребовалось увеличить эти расходы для полезныхъ реформъ судоустройства и судопроизводства, правильный расчетъ рѣшилъ бы не жалѣть на это никакихъ суммъ. Оставляя расходы на народное образованіе, на отправленіе правосудія и на нѣкоторые другіе подобные этимъ предметы, мы видимъ двѣ главныя отрасли расходовъ, сбереженіе въ которыхъ было бы истиннымъ сбереженіемъ: расходы по содержанію войска и по бюрократизму.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство. Серьезное коммерческое довѣріе всегда бываетъ основано на точномъ знакомствѣ съ дѣлами лица или учрежденія, желающаго быть предметомъ коммерческаго довѣрія. Если бы результатомъ этого знакомства оказалось даже обнаруженіе нѣкоторыхъ неудовлетворительныхъ сторонъ положенія дѣла, такой фактъ никакъ не могъ бы увеличить прежняго недовѣрія, а напротивъ, ослабилъ бы его: слухи всегда преувеличиваютъ каждый дѣйствительный недостатокъ; какъ бы великъ ни оказался онъ на самомъ дѣлѣ, онъ всегда окажется меньше, чѣмъ предполагался по слухамъ. Биржевые люди всѣ говорятъ это, и каждый, имѣющій дѣло съ ними, знаетъ, что они говорятъ правду. А самое главное дѣло то, что обнародованіе фактическаго положенія съ полною точностью всѣхъ подробностей — служить для коммерческаго міра ручательствомъ рѣшимости вести дѣло впредь аккуратнымъ, прямодушнымъ и расчетливымъ образомъ, — ручательствомъ за преобладаніе качествъ и стремленій, которыя одинъ только и нужны и притомъ исполнѣ достаточны для быстрого приведенія дѣла въ состояніе, совершенно удовлетворительное.

Мы знаемъ, что не все зависитъ исключительно отъ министерства финансовъ; но каждому понятно, что оно все-таки должно было бы имѣть главнѣйшую силу по финансовымъ дѣламъ. Сколько можно судить по обнародованнымъ правительственнымъ актамъ, министерство финансовъ проникнуто прекраснѣйшими намѣреніями. Но если мы не ошибаемся, ему нужна поддержка со стороны общественнаго мнѣнія; съ цѣлью содѣйствовать, по мѣрѣ нашей возможности, доставленію ему этой поддержки начали мы нашу статью. Посмотримъ, будетъ ли признана польза прямыхъ разъясненій дѣла; если наши предположенія о стремленіяхъ министерства финансовъ будутъ найдены справедливыми, то конечно мы будемъ имѣть возможность перейти отъ общихъ соображеній, изложенныхъ теперь, къ изложенію и оцѣнкѣ мѣръ, какія были въ послѣднее время приняты у насъ по кредитной части и по общему финансовому вопросу.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Политико-экономическія письма къ президенту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Г. К. Кэре. Переводъ съ англійскаго.

Читателю извѣстно, что наши протекціонисты имѣютъ своимъ центромъ Москву; извѣстно также, что благодаря нынѣшнимъ просвѣщеннымъ обычаямъ, протекціонисты прибѣгаютъ между прочимъ и къ помощи такъ называемой у насъ гласности. Вотъ такимъ образомъ, конечно, пронзошелъ на свѣтъ и русскій переводъ писемъ Кэри къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Американскій экономистъ усердно доказываетъ въ этихъ письмахъ, что протекціонизмъ спасителенъ для націи, а всякое ослабленіе протекціоннаго тарифа непремѣнно бываетъ губельно.

Читателю извѣстно, что если въ чемъ другомъ и имѣетъ Россія недостатокъ, то уже нпкакъ не въ знаменитыхъ экономистахъ. Гг. Безобразовъ, Бунге, Вернадскій, Ржевскій и Молилари, котораго мы также можемъ считать чисто-русскою знаменитостію,—все это такіе ученые, которые славны отъ Лапландіи до Чукотскаго Носа. Этимъ замѣчательнымъ мыслителямъ мы можемъ предоставить интересный трудъ опровергать заблужденія не менѣе замѣчательнаго мыслителя Кэри. Мы сами, вовсе не сочувствуя протекціонизму и полагая, что теорія свободной торговли гораздо болѣе соотвѣтствуетъ выгодамъ націй, никогда не имѣли счастья находить, что хлопоты о низкомъ тарифѣ должны быть для насъ предметомъ первостепенной важности при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Есть для Россіи десятки экономическихъ потребностей болѣе важныхъ. Пусть же ратуютъ въ защиту свободной торговли знаменитые ученые, не имѣющіе другихъ заботъ, а намъ много хлопотать о ней уже не приходится, когда она имѣетъ столькохъ прекрасныхъ защитниковъ.

Мы хотимъ заняться книжкою Кэри не для того, чтобы изобличать фальшивость протекціонизма. Русскій переводъ брошюры Кэри возбуждаетъ въ насъ охоту сдѣлать два-три замѣчанія нѣсколько иного рода.

Какъ ни знамениты у насъ наши отечественные экономисты, но есть писатели въ томъ же вкусѣ, пользующіеся у насъ еще большимъ авторитетомъ. Давно уже гремитъ между нами слава великаго Бастіа. Недавно сталъ появляться на русскомъ горизонтѣ достойнымъ соперникомъ его Кэри, у котораго Бастіа позаимствовался

своими знаменитыми мыслями противъ теоріи ренты Рикардо. Мы видѣли на оберткѣ одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ статью о Кэри, писанную однимъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ. Что такое говорилось въ этой статьѣ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сообщить читателю, потому что прочесть статью намъ не удалось; не можемъ сказать даже, каковъ именно былъ объемъ статьи, потому что въ руки намъ попался только одинъ номеръ этого журнала, гдѣ находилась только часть статьи. Но во всякомъ случаѣ статья была не малаго размѣра; значить и Кэри представлялся одному изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ мыслителемъ не малой важности, — иначе и не потратилъ бы одинъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ столько трудовъ на ознакомленіе русской публики съ его трудами. По всей вѣроятности судьба предназначала американскому экономисту пользоваться такимъ же уваженіемъ у насъ, какое пріобрѣлъ знаменитый американскій публицистъ г. Матиль. Но вотъ московскіе протекціонисты погубили бѣднаго Кэри.

Есть мыслители, не признающіе абсолютнаго значенія теоріи свободной торговли. Но эти мыслители не принадлежатъ къ школѣ Адама Смита. Основная идея ихъ гораздо шире воззрѣній Адама Смита. Если же держаться принциповъ Адама Смита, то нѣтъ возможности быть протекціонистомъ. Теорія свободной торговли такъ ясно и прямо вытекаетъ изъ общихъ воззрѣній, принимаемыхъ вами въ этомъ случаѣ, что вамъ не остается никакихъ сомнѣній въ ея безусловномъ достоинствѣ. Можно не быть лютераниномъ, и въ такомъ случаѣ можно, не грѣша противъ логики, отвергать многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ Лютеромъ. Но быть лютераниномъ и въ то же время признавать власть папы, — это уже дѣло несогласное съ здравымъ смысломъ. Вотъ точно въ такомъ умственномъ положеніи находится Кэри. Посмотрите вы на него — онъ съ головы до ногъ послѣдователь Адама Смита и въ то же время протекціонистъ. Какимъ манеромъ могла сложиться такая нескладница въ головѣ Кэри? и какимъ образомъ мыслитель такого свойства могъ пріобрѣсти репутацію замѣчательнаго экономиста? Объясненіе очень просто, и мы уже не разъ давали его: школа, къ которой принадлежитъ Кэри, отжила свое время; люди съ сильнымъ логическимъ умомъ пошли по другому направленію, за исключеніемъ одного Милля, который усиливается вложить новыя стремленія въ рамку прежней доктрины, и потому стоитъ одиноко между людьми, рѣшительно отсталыми и людьми, рѣшительно идущими впередъ. Благодаря такому обстоятельству, Кэри оказался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣшнихъ послѣдователей Адама Смита, какъ Джемсъ оказался однимъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ романистовъ, продолжающихъ писать романы въ родѣ Вальтера Скотта.

Но Вотъ съ нимъ, съ самымъ Кэри; пусть онъ будетъ протекціонистомъ, если ему вздумалось. Могутъ претендовать на это наши знаменитые экономисты, а намъ огорченія отъ того мало. Мы лучше возьмемъ забавную сторону его книги. Цѣль онъ поставилъ себѣ очень высокую — «исцѣленіе многообразныхъ недуговъ, отъ которыхъ» сѣверо-американское «общество такъ сильно страдаетъ въ настоящее время» — точь-въ-точь какъ наши знаменитые экономисты. Картину этихъ многообразныхъ недуговъ онъ представляетъ очень яркую. «Не дальше, какъ лѣтъ десять тому назадъ, говоритъ онъ, Сѣверо-Американскій Союзъ пользовался необыкновенною славою въ цѣломъ свѣтѣ. Теперь, — книга писана въ концѣ 1857 и началѣ 1858 года, — теперь, говоритъ онъ, не то», и продолжаетъ очень сильно и эффектно. Прогрессивные люди въ Европѣ, такъ восхищавшіеся Сѣверо-Амери-

канскими Штатами, съ такою гордостію ставившіе ихъ въ примѣръ всѣмъ евронеискимъ націямъ, смущены и скомпрометированы слабостями, какія обнаружилились въ ихъ идеалѣ:

«Вездѣ, куда я ни обращался, слышалъ постоянно возрастающее опасеніе за нашу будущность между мыслящими людьми, питавшими доселѣ надежду найти въ Новомъ Свѣтѣ осуществленіе своихъ любимыхъ плановъ о прогрессѣ человѣчества. Съ безнокойствомъ смотрятъ они чрезъ океанъ, страшась ежеминутно услышать о новыхъ, ужаснѣйшихъ мятежахъ, новыхъ междоусобицахъ, новыхъ нарушеніяхъ народныхъ правъ, новыхъ разбойническихъ экспедиціяхъ, новыхъ грабительныхъ войнахъ. А между тѣмъ, не болѣе какъ за десять лѣтъ, было совсѣмъ иначе; и назвали бы лжепророкомъ всякаго, кто осмѣлился бы сказать,—

«Что въ теченіе одного десятилѣтія обыкновенное содержаніе союзнаго правительства въ мирное время достигнетъ семидесяти милліоновъ долларовъ, — внятеро болѣе того, сколько тратилось на него за тридцать лѣтъ назадъ;

«Что получатели этой огромной суммы, поставщики, чиновники, и почтмейстеры принуждены будутъ за свои мѣста платить формальный и правильный оброкъ опредѣляющему ихъ или заключающему контрактъ съ ними начальству;

«Что взносъ оброка чиновниками сдѣлается необходимымъ условіемъ существованія ихъ въ службѣ;

«Что соотвѣтственно съ этимъ оброкомъ съ «служебныхъ чиновъ», непомѣрно увеличится ихъ жалованье, и такимъ образомъ государственное казначейство должно будетъ дѣйствовать для личныхъ цѣлей, и расплачиваться за частныя выгоды;

«Что централизація усилится до того, что исполнительная власть осмѣлится диктовать всему служебному корпусу, состоящему по крайней мѣрѣ изъ шестидесяти или восьмидесяти тысячъ лицъ, всѣ мысли относительно общественныхъ интересовъ;

«Что постоянно возрастающія затрудненія къ пріобрѣтенію средствъ жизни, независимо отъ правительства, и постоянно возрастающее жалованье на общественной службѣ поведутъ къ увеличенію числа искателей этой службы и къ норабощенію ихъ тѣмъ, для чьего удовольствія заведены всякія комиссіи и канцеляріи;

«Что исполнительная власть будетъ диктовать членамъ конгресса такой или другой образъ дѣйствія въ общественныхъ вопросахъ, и будетъ всенародно провозглашать, что публичныя должностія будутъ «жаловаться» только тѣмъ, кои согласятся дѣйствовать въ полномъ согласіи съ ея видами и планами;

«Что непрестанно возрастающее нравственное рабство породитъ убѣжденіе, что «краугольнымъ камнемъ» всѣхъ политическихъ учрежденій нашей страны—непремѣнно должно быть матеріальное порабощеніе рабочаго класса;

«Что распространене рабства въ мірѣ сдѣлается главною цѣлью правительства, и что въ этихъ видахъ будетъ отмѣненъ имъ важный указъ 1787 года, послужившій основаніемъ «миссурійскому соглашенію»;

«Что въ тѣхъ же видахъ трактаты съ бѣдными остатками туземныхъ племенъ будутъ нарушены;

«Что во тѣхъ же видахъ новыя войны будутъ поджигаться, новыя грабежи поощряться, новыя территоріи покупаться;

«Что исполнительная власть до такой степени усилится, что самовольно будетъ вызывать на войну сосѣдей, съ цѣлью обобрать слабѣйшихъ изъ нихъ;

«Что предъ цѣлымъ свѣтомъ оно осмѣлится провозглашать возмутительное «право сильнаго», и что, во имя этого права, Союзъ не постыдится отнимать насильно владѣнія у тѣхъ, кои не согласились бы ихъ продать;

«Что воскресающій торгъ рабами пойдетъ себѣ открытыхъ защитниковъ, и что первый шагъ къ нему сдѣлаетъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, отвергая всѣ запрещенія, изданныя противъ него правительствами центральной Америки;

«Что запрещенія правительства центральной Америки противъ рабства мы будемъ считать прямымъ нарушеніемъ мирныхъ трактатовъ;

«Что исполнительная власть одного изъ самыхъ вліятельныхъ Штатовъ будетъ

предлагать замѣну свободнаго труда невольничьямъ для всѣхъ низшихъ общественныхъ занятій;

«Что Союзъ, единственно изъ опасеній расширенія границъ на сѣверѣ, непрестанно будетъ домогаться новыхъ территорій на югѣ, и тѣмъ совершенно извратить стремленія и интересы народа;

«Что открыто будутъ говорить, что должно искать свободнаго плаванія по бразильскимъ рѣкамъ—«миромъ если можно, и силой, если нужно»;

«Что слѣдствиемъ такой политики, даже въ настоящее время, будетъ полное отчужденіе отъ насъ всѣхъ народовъ Новаго Свѣта;

«Что все законодательство страны почти вполнѣ подпадетъ подъ контроль судовыхъ, дорожныхъ и другихъ обществъ, и что сами законодатели будутъ имѣть добрую долю въ огромныхъ капиталахъ и земляхъ, коими надѣляются правительствомъ учредители этихъ обществъ;

«Что будетъ учреждена «третья палата конгресса изъ привилегированныхъ членовъ», занимавшихъ прежде высшія законодательныя и исполнительныя должности, обладающихъ, какъ выражается полковникъ Бентонъ, «самыми дѣйствительными средствами для умиротворенія и соглашенія интересовъ», и такимъ образомъ обезпечивающихъ пропускъ всякаго билля, за который будетъ щедро заплачено;

«Что централизація возрастетъ до такой мѣры, что управленіе одного города будетъ стоить почти столько же, сколько за тридцать лѣтъ назадъ стоило содержаніе всего Союза;

«Что распоряженіе городскими доходами и охраненіе городского благоустройства будутъ поручены такимъ людямъ, коимъ приличіе бы быть въ тюрьмѣ или въ рабочемъ домѣ;

«Что пренія о распредѣленіи этихъ доходовъ дойдутъ до такой ожесточенности, что спорящія стороны будутъ покупать голоса, по неслыханнымъ цѣнамъ, и что самые выборы будутъ совершаться при помощи кинжаловъ, пистолетовъ и даже пушекъ;

«Что законъ Линча найдетъ себѣ свободный доступъ въ сенатъ; что въ южныхъ штатахъ онъ совершенно займетъ мѣсто многихъ постановленій конституціи; что въ одномъ изъ штатовъ гражданская власть будетъ совершенно уничтожена; что право штатовъ запрещать и преслѣдовать рабство въ своихъ предѣлахъ будетъ оспариваться съ настоячивостью, заставляющею опасаться скорого и полнаго его уничтоженія; что всѣ опредѣленія верховнаго совѣта, въ теченіе шестидесяти лѣтъ благопріятствовавшія свободѣ, въ настоящее время будутъ замѣнены другими, имѣющими совершенно противоположное направленіе; что правила систематическаго предательства и лжи будутъ приняты союзными совѣтами въ основаніе своихъ дѣйствій: и что, такимъ образомъ, права гражданъ будутъ страдать отъ непомѣрнаго расширенія власти закона съ одной стороны, и отъ усвоенія «права сильнаго» съ другой;

«Что многоженство будетъ идти рука объ руку съ невольничествомъ, и что правила многоженства будутъ открыто проповѣдываться людьми, занимающими важные посты въ союзномъ правительствѣ;

«Что приличіе, нравственность и дарованія перестанутъ считаться необходимыми требованіями отъ представителей Союза въ иностранныхъ державахъ;

«Что религіозныя распри возрастутъ до такой мѣры, что вопросъ о личныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ кандидата на президенство сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ;

«Что распри между сѣверными и южными штатами едва не превратятся въ открытое междоусобіе, постоянно питая въ нихъ стремленіе къ совершенному распаденію; и наконецъ,—

«Что Германія въ томъ видѣ, какъ она была раздроблена до таможеннаго германскаго союза (Zoll-Verrein), снова готова повториться въ Новомъ Свѣтѣ, и что, по распаденіи Союза, многія изъ распавшихся частей его сдѣлаются жалкими орудіями чужихъ державъ. Печальная картина!... Нѣсколько лѣтъ назадъ никто не повѣрилъ бы, что хотя одна черта ея возможна; а теперь всѣ онѣ, исключая послѣдней, существуютъ дѣйствительно».

Для придания окончательной эффектности очерку «многообразных недугов», теперь исполняется и послѣдняя черта: невольническіе цитаты грозить разторженіемъ Союзу.

Говоря по совѣсти, «печальная картина» значительно утрирована. Правда, что расходы союзнаго правительства значительно возрастаютъ; но богатство Союза возрастаетъ еще быстрѣе, такъ-что каждому жителю приходится теперь жертвовать на союзные расходы меньшую долю своего дохода, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Правда, что пзъ жалованья чиновниковъ союзнаго правительства дѣлается опредѣленный вычетъ на изданіе газетъ и прокламацій партіи, держащей въ своихъ рукахъ правительственную власть; но вѣдь эти чиновники — люди господствующей партіи; ея торжество доставило имъ должности, съ ея паденіемъ они будутъ замѣнены людьми другой партіи, и давая часть своего жалованья въ распоряженіе комитетовъ своей партіи, они только даютъ свою долю въ складчину, какая дѣлается всѣми людьми партіи, и должностными и недолжностными, для достиженія общихъ цѣлей партіи. Конечно, употреблять часть доходовъ со всего общества на пользу одной половины общества—обычай, нимало не похвальный. Но въ немъ нѣтъ ни воровства, ни утайки: дѣло производится публично, по общему согласію всей господствующей партіи, и другая партія поступаетъ точно такъ же, когда получаетъ власть; въ извиненіе надобно прибавить, что господствующая партія составляетъ большую половину націи,—каждая партія только тогда и достигаетъ господства, когда привлекаетъ на свою сторону большинство націи. Словомъ сказать, обычай дуренъ и надобно искоренить его; но существованіе дурнаго обычая въ извѣстной націи еще ничего не доказываетъ,—мало ли сколько дурныхъ обычаевъ есть у каждой націи? Дурной обычай не мѣшаетъ людямъ вообще оставаться хорошими людьми. Притомъ, въ тѣ самые годы, которые оплакиваетъ Кэри, образовалась и стала быстро усиливаться партія, поставившая себѣ цѣлью искорененіе этого обычая и всѣхъ дѣйствительныхъ недостатковъ изъ числа фактовъ, перечисляемыхъ Кэри въ его очеркѣ. Теперь эта партія уже достигла власти. Посмотримъ, что изъ этого будетъ; но уже навѣрное не падаетъ нравственный уровень и гражданская жизнь въ томъ обществѣ, гдѣ общественное мнѣніе такъ быстро доводитъ до власти людей, считаемыхъ безкорыстнѣйшими и честнѣйшими.—Правда, что всѣ чиновники союзной власти содѣйствуютъ планамъ своей партіи, или, по выраженію Кэри, «исполнительная власть диктуетъ всему служебному корпусу мысли относительно общественныхъ интересовъ»; но вѣдь эти чиновники—второстепенные дѣятели той самой партіи, предводители которой составляютъ исполнительную власть: что жь удивительнаго, если мелкіе агенты партіи ждутъ программы для своихъ дѣйствій отъ предводителей своей партіи? Но вотъ уже совершенные пустыки, будто бы въ Соединенныхъ Штатахъ становится трудно пріобрѣтать средства жизни иначе, какъ государственною службою: легковѣрный Кэри хватилъ черезъ край, принявъ за чистую монету утрированный вздоръ, говорящійся съ полемическою цѣлью. Напротивъ, государственная служба наименѣе выгодна изъ всѣхъ карьеръ въ Соединенныхъ Штатахъ. Можно разбогатѣть тамъ на всякой карьерѣ, но еще не было ни одного примѣра, чтобы разбогатѣлъ кто нибудь государственною службою. Масса второстепенныхъ должностей, не требующихъ ничего, кромѣ механическаго прилежанія, занимается тамъ людьми, которые, по недостатку способностей и энергій, не могли найти себѣ выгоднаго дѣла; важныя должности занимаютъ

людьми, которые прямо жертвуют своими денежными выгодами или честолюбію или патриотизму. Недалеко какъ въ концѣ прошлаго года губернаторъ, то есть верховный правитель одного изъ богатѣйшихъ штатовъ, отказался отъ правительственной власти, чтобы сдѣлаться управляющимъ дѣлами одной, не очень важной желѣзной дороги: «семейство мое стало велико, сказалъ онъ, и я долженъ обезпечить кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ, потому не могу оставаться правителемъ своего штата». Дальше слѣдуетъ у Кэри рядъ справедливыхъ порицаній: правительство сѣверо-американскаго Союза дѣйствительно покровительствовало распространенію невольничества, провозглашало «возмутительное право сильнаго», отнимало области у слабыхъ сосѣдей,—но кому же неизвѣстно, чье коварство тутъ дѣйствовало? все это дѣлалось плантаторами, которые успѣли подчинить своимъ требованіямъ демократическую партію; масса демократической партіи, состоящая изъ людей простодушныхъ, была вовлечена въ ошибку патриотизмомъ: она дѣлала уступки плантаторамъ, чтобы плантаторы не дѣлали попытокъ къ расторженію Союза, и довольно долго не понимала, куда ведутъ ее плантаторы. Но зато демократическая партія, еще недавно бывшая столь популярною, теперь пала: масса начала покидать ее, какъ только замѣтила, что демократическая партія служитъ орудіемъ плантаторовъ. — Затѣмъ слѣдуютъ опять пустяки, легковѣрно перенесенные въ серьезную рѣчь изъ утрированной полемики. Въ числѣ трехсотъ человѣкъ какого бы то ни было общества всегда найдется три-четыре человѣка не совсѣмъ чистаго характера; въ американскомъ конгрессѣ также нашлось три-четыре человѣка, продававшіе свой голосъ промышленнымъ компаніямъ. Изъ за этого поднялся страшный крикъ, и поднялся справедливо. Но если фактъ былъ гнусенъ, то никакого политическаго значенія не имѣлъ онъ: представители, низость которыхъ была изобличена, всегда были людьми ничтожными, не пользовавшимися никакимъ вліяніемъ въ конгрессѣ. — Кэри говоритъ о расточительности по городскому управленію, о томъ, что городскія должности попадаютъ въ руки людей нечистыхъ: это относится собственно къ Нью-Йорку, но городъ Нью-Йоркъ находится подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Онъ служитъ центромъ торговли съ плантаторскими штатами. Купцы, ведущіе южную торговлю, залуганы плантаторами, говорящими, что прекратятъ съ ними дѣла, если они не будутъ агентами плантаторской партіи на выборахъ; благодаря этому, плантаторская партія господствуетъ на Нью-Йоркской биржѣ. Виржа, разумѣется, имѣетъ сильное вліяніе на городскіе выборы. Честные люди не соглашаются служить плантаторской партіи; потому Нью-Йоркская биржа должна довольствоваться услугами авантюристовъ, на продѣлки которыхъ принуждена смотрѣть сквозь пальцы. Но Кэри долженъ былъ знать, что съ каждымъ годомъ усиливается въ городѣ Нью-Йоркѣ партія, противная плутнямъ агентовъ плантаторской партіи, такъ что если городскія дѣла издавна управлялись дурно, то все-таки съ каждымъ годомъ приближается конецъ этому дурному хозяйству. «Законъ Линча», то есть наглое насиліе, кулачное право, нашло себѣ «свободный доступъ» въ сенатъ,—это относится къ знаменитой сценѣ, когда плантаторъ Бруксъ въ залѣ сената сбиль съ ногъ и едва не убилъ сенатора Семнера; но въ это время зала была совершенно пуста, — разбойникъ напалъ на безоружнаго человѣка въ пустынномъ мѣстѣ; что тутъ удивительнаго?—удивительно было бы развѣ то, что плантаторская партія восхищалась поступкомъ Брукса; но надобно знать отчаянное положеніе плантаторской партіи, тогда будетъ понятно, что она

прибѣгаетъ къ неистовствамъ. Поступокъ Брукса и другія отвратительныя дѣйствія плантаторской партіи, шумомъ которыхъ наполнялись послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ, служатъ только вѣрнѣйшими признаками того, что плантаторская партія стала въ эти годы предчувствовать свое искорененіе: видно, что опасность близка и страшна, когда начали забывать всякую благопристойность, кричать и драться, подобно бѣшенымъ, люди, хвалящіеся своимъ происхожденіемъ, изяществомъ своихъ манеръ, утонченностью своихъ нравовъ. Интереснымъ примѣромъ неразборчивости Кэри въ составленіи картины сѣверо-американскихъ «недуговъ» служитъ порицаніе сѣверо-американцевъ за то, что явились между ними мормоны, допускающіе многоженство. Но извѣстно, какую страшную ненависть обнаружало къ нимъ все сѣверо-американское населеніе за этотъ догматъ. Негодованіе было такъ велико, что довело сѣверо-американцевъ до нарушенія кореннаго ихъ принципа вѣротерпимости и до жестокихъ преслѣдованій: основатель мормонства былъ убитъ ожесточеннымъ народомъ, послѣдователи его уже два раза были изгоняемы изъ пустынь, въ которыхъ думали найти себѣ прибѣжище, и въ послѣднее время думаютъ вовсе покинуть Соединенные Штаты: хотя тысячи верстъ отдѣляютъ мормонское царство отъ самыхъ передовыхъ сѣверо-американскихъ поселеній, негодованіе націи такъ сильно, что тѣснить мормоновъ въ ихъ почти неприступномъ убѣжищѣ. Винить сѣверо-американцевъ за мормонство — то же самое, что винить за склонность къ жидовству Тараса Бульбу съ его лыцарями. Напротивъ, скорѣе можно было бы осудить сѣверо-американцевъ за то, что благородное чувство негодованія на дикій принципъ мормонства увлекло ихъ до свирѣпостей, не имѣющихъ себѣ оправданія.

Преувеличенія, очень естественныя и потому извинительныя въ полемикѣ, совершенно не идутъ къ ученому изслѣдованію. Положимъ, что Кэри печаталъ свои письма въ газетѣ; но вѣдь онъ все-таки хотѣлъ явиться въ нихъ не памфлетистомъ, а серьезнымъ ученымъ. Какъ же онъ не разобралъ, что утрировка, составляющая силу памфлетиста, лишаетъ силы ученое изслѣдованіе? Картина многообразныхъ недуговъ, имъ нарисованная, изображаетъ каждую муху въ величій слона. Но должно сказать, что капля правды, раздутая имъ въ колоссальный мыльный пузырь, все-таки остается правдою, хотя пузырь и лопається отъ малѣйшаго дуновенія. Въ государственныхъ дѣлахъ Сѣверо-Американскаго Союза дѣйствительно есть много дурнаго. Сѣверо-американскіе патріоты справедливо надѣются, что скоро очистятъ свою страну отъ пятенъ, марающихъ ее; но никто изъ нихъ не отрицаетъ, что до сихъ поръ было на ней довольно много очень грязныхъ пятенъ.

Что же тутъ забавнаго? скажетъ читатель. Кто, кромѣ враговъ прогресса, можетъ забавляться тѣмъ, что великая и благородная нація еще имѣетъ много унизительныхъ недостатковъ въ общественной жизни и встрѣчаетъ много затрудненій въ своихъ усиліяхъ искоренить ихъ? Это нимало не забавно.

Да развѣ мы-то говорили, что забавно положеніе сѣверо-американскихъ дѣлъ? Мы говорили, что очень забавна книга Кэри. Вообразите себѣ, отъ какой причины производитъ онъ все оплакиваемые имъ бѣдствія, какимъ лекарствомъ думаетъ исцѣлить все ихъ, — обладайте вы догадливостью самаго Эдипа, вы никакъ не разгадали бы, если бы не попалось въ началѣ нашей статьи слово «протекціонистъ». Оно конечно навело уже васъ на мысль, что проникательный Кэри все бѣдствія прилетаетъ къ низкому тарифу, а все блага связываетъ съ высокимъ

тарифомъ. Вы угадали, но сами вы не повѣрите, до какой уморительной точности вѣрна эта разгадка: кажется, будь человѣкъ ослѣпленъ до какой угодно степени, все же онъ не могъ бы забыть, что существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ и другія причины недостатковъ, нужны и другія средства къ ихъ отстраненію, кромѣ таможенныхъ мѣръ. Кэри не замѣчаетъ ничего. Тарифъ для него альфа и омега всѣхъ вопросовъ; онъ, кажется, готовъ лечить тарифомъ лихорадку, возвращать молодость старухамъ и давать геній идиотамъ.

Съ перваго же взгляда каждому, не помѣшанному въ умѣ человѣку видно, что во всѣхъ затрудненіяхъ и недостаткахъ Соединенныхъ Штатовъ главная причина, а въ большей части даже единственная причина—невольничество. Пока не поднимался вопросъ о его уничтоженіи въ плантаторскихъ штатахъ, плантаторы въ сношеніяхъ съ другими гражданами умѣли держать себя благопристойно. Но дѣло перемѣнилось съ той поры, какъ они замѣтили, что свободные люди сѣверныхъ штатовъ увидѣли надобность позаботиться объ уничтоженіи невольничества и въ южныхъ штатахъ, — позаботиться объ этомъ не въ интересѣ однихъ негровъ, а также и въ собственномъ интересѣ и въ интересѣ массы свободаго блага населенія южныхъ штатовъ. Поддерживая свои выгоды, противоположныя выгодамъ массы блага населенія самихъ южныхъ штатовъ, плантаторы поняли, что споръ рѣшился бы очень быстро, если бы они стали ограничиваться одними законными средствами для своей защиты: масса блага населенія южныхъ штатовъ, находящаяся въ глубокомъ невѣжествѣ, почувствовала бы надобность въ образованіи, когда люди сѣверныхъ штатовъ стали бы объяснять ей, что при невѣжествѣ будетъ она оставаться въ зависимости отъ плантаторовъ, а зависимость эта держать ее въ нищетѣ, потому что свободный работникъ не можетъ пользоваться благосостояніемъ, имѣя раба своимъ соперникомъ въ работѣ. Такимъ образомъ плантаторы были принуждены прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, чтобы держать массу блага населенія своихъ штатовъ въ невѣжествѣ. Они стали запрещать газеты и популярныя книги; они стали стѣснять школьное преподаваніе въ своихъ штатахъ. Невѣжество само по себѣ—дѣло не очень хорошее; но если люди остаются невѣждами просто по обстоятельствамъ, это еще далеко не имѣетъ на нихъ такого дурнаго вліянія, какъ то, когда они преднамѣренно, искусственно удерживаются въ невѣжествѣ чужимъ расчетомъ: натуральное (если можно такъ выразиться) невѣжество — зло ничтожное въ сравненіи съ насильственнымъ невѣжествомъ. Плантаторы стали предводителями грубыхъ головорѣзовъ, которыхъ по своему расчету сдѣлали головорѣзами, и сами обратились въ турецкихъ пашей. Но насильственное подавленіе всякой образованности, всякой самобытности, всякой честности въ бѣлыхъ людяхъ южныхъ штатовъ было для плантаторовъ еще недостаточною гарантіею существованія. Свободные штаты имѣютъ огромный перевѣсъ по населенію, а союзная власть дается большинствомъ на выборахъ. Плантаторамъ нужно было привлечь на свою сторону такое меньшинство въ сѣверныхъ штатахъ, чтобы голоса этого сѣвернаго меньшинства въ соединеніи съ голосами южныхъ штатовъ составляли большинство. Партія, поработщающая бѣлое населеніе въ своихъ штатахъ, конечно не могла найти честными средствами союзниковъ себѣ въ населеніи сѣверныхъ штатовъ, гдѣ каждый дорожитъ свободою, — надобно было употребить другія средства: коварство и подкупъ. Вотъ источникъ всѣхъ злоупотребленій, о которыхъ говоритъ Кэри. Огрубѣніе въ своихъ нравахъ, привыкшіе къ безстыднымъ подкупамъ,

ожесточенные опасениями за свое существование, плантаторы посылали в сенатъ Союза и въ палату представителей такихъ депутатовъ и сенаторовъ, которые были достойны своихъ довѣрителей. Вотъ источникъ отвратительныхъ сценъ въ сѣверо-американскомъ конгрессѣ. Прочтите протоколы засѣданій, вы увидите, что прибѣгали къ ругательствамъ, хватался за палки, ножи и пистолеты всегда люди одной партіи, — плантаторской партіи. Это натурально; и кажется, довольно ясно каждому, въ чемъ можетъ состоять единственное средство къ очищенію конгресса отъ отвратительныхъ сценъ, къ очищенію выборовъ отъ подкуповъ, къ очищенію правительства Соединенныхъ Штатовъ отъ низкихъ злоупотребленій. Какъ вы полагаете, въ чемъ состоитъ оно? въ томъ ли, чтобы свободные люди Соединенныхъ Штатовъ, убѣдившись въ несовмѣстности свободы съ невольничествомъ, вырвали власть надъ Союзомъ у плантаторовъ, какъ теперь и рѣшились они сдѣлать? — «Нѣтъ, говоритъ Кэри, — нѣтъ, не то; вся бѣда отъ низкаго тарифа, а спасеніе въ протекціонизмъ!»

Что за дичь! Надо было прибавить: и притомъ такая дичь, которая могла сложиться только въ головѣ, организованной довольно слабо. Помѣшательству подвергаются иногда и умнѣйшіе люди; но въ самомъ бреду ихъ бываетъ замѣтенъ слѣдъ прежней логической силы. Пунктомъ сумасбродства бываетъ у нихъ какая нибудь живая, великая идея. Но помѣшатся на мысли, далеко не имѣющей въ себѣ перво-степеннаго значенія — можетъ лишь человѣкъ довольно мелкаго ума.

Если бы Кэри былъ человѣкъ гениальный, объяснить его мономанію можно было бы какими нибудь личными его обстоятельствами. Но люди такого ума, какъ онъ, не бываютъ изобрѣтательны: имъ не приходитъ въ голову новыхъ самобытныхъ идей; они могутъ только перетолковывать чужія мысли, — прочтеть что нибудь, не пойметъ хорошенько и пошелъ писать въ защиту непонятаго, если не имѣетъ претензій на оригинальность, или въ опроверженіе непонятаго, если имѣетъ такую претензію. Кэри хочетъ быть оригинальнымъ, и поэтому вздумалось ему опровергать теорію ренты Рикардо, которой, по свойству подобныхъ ему мыслителей, онъ и не понималъ хорошенько. Почему вздумалось ему трудиться надъ теоріею ренты, объяснить не трудно: теорія эта занимаетъ очень важное мѣсто въ системѣ политической экономіи; она — одинъ изъ самыхъ коренныхъ принциповъ этой науки. Не нужно никакой особенной изобрѣтательности, чтобы увидѣть важность этого предмета: она давно посягается всѣми экономистами.

Но неужели Кэри самъ придумалъ давать такое громадное значеніе тарифному вопросу? Неужели онъ самъ могъ сообразить, что таможенные пошлины — краеугольный камень всей общественной жизни, что отъ хорошаго тарифа происходятъ всѣ экономическія и человѣческія блага, отъ дурнаго тарифа порождаются всѣ «многообразные недуги» общества? Нѣтъ, помилуйте! куда же ему изобрѣтать такія перестройки въ наукѣ. Выдвигать на первый планъ въ системѣ возрѣвнѣйшую идею, которой другіе не придавали перво-степеннаго значенія — вѣдь это значитъ сообщать наукѣ новое направленіе, — справедливое или ошибочное, но все-таки новое. А чтобы дать новое направленіе наукѣ, на это требуется гениальный умъ. У Кэри не оказывается не только гениальной, а даже и очень обыкновенной логической силы. Если онъ поставилъ верховнымъ вопросомъ общественной жизни таможенный вопросъ, то уже конечно не по своему изобрѣтенію, а по наслышкѣ отъ другихъ.

Отъ кого же бы могъ онъ объ этомъ наслышаться? Вотъ тутъ-то и обруши-

вается грѣхъ великій на тѣхъ западныхъ экономистовъ, по книжкамъ которыхъ преподають намъ мудрость наши знаменитые экономисты. Они ввели въ бѣду своего товарища Кэри; это они завели моду убиваться больше всего о тарифѣ, сводить всю науку и всю національную жизнь къ таможенному вопросу. Покайтесь! сказали бы мы западнымъ экономистамъ, если бы до нихъ могъ доходить голосъ русской литературы, столь преуспѣвающей въ послѣднее время и столь сильно занимающей собою весь просвѣщенный міръ (вѣдь наши экономисты уже председательствуютъ на статистическихъ съѣздахъ западной Европы; вѣдь корреспонденты французскихъ газетъ съ глубокомысленными замѣчаніями передають Европѣ содержаніе нашихъ газетныхъ статей о разныхъ политическихъ вопросахъ; а англійскія газеты такъ-таки прямо переводятъ наши русскія руководящія политическія статьи, и самъ бранчивый Times не разъ умилялся, хваля успѣхи нашей гласности), — но нѣтъ, еще не изучають сильную и звучную русскую рѣчь западные народы, не дойдетъ до слуха западныхъ экономистовъ наше смѣлое изобличеніе (смѣлое оно потому, что высказывается собственно въ надеждѣ: «не услышать его тѣ, къ кому оно относится» — смѣлость, принадлежащая всей русской литературѣ). Итакъ, обратимъ голосъ нашъ къ нашимъ знаменитымъ экономистамъ за неимѣніемъ другихъ слушателей и воскликнемъ: «покайтесь! посмотрите на Кэри и покайтесь! не смѣшонъ ли онъ?» Чѣмъ же онъ смѣшонъ? не тѣмъ, чѣмъ отличается отъ васъ, — не тѣмъ, что хлопочетъ о высокомъ тарифѣ, когда вы хлопочете о низкомъ тарифѣ, — нѣтъ, тѣмъ, въ чемъ сходится съ вами, чѣмъ позаимствовался у вашихъ учителей, — тѣмъ, что не замѣчая истинныхъ причинъ зла, не думая объ истинныхъ средствахъ къ его отстраненію, сосредоточилъ всю свою мысль на вопросѣ, далеко не имѣющемъ для государства и для науки первостепенной важности.

Поставленіе таможеннаго вопроса выше всего на свѣтѣ, забвеніе изъ-за страсти къ этому вопросу о самыхъ очевидныхъ и гораздо болѣе важныхъ фактахъ, о настоятельнѣйшихъ потребностяхъ общества, — вотъ что дѣлаетъ Кэри мертвымъ схоластикомъ, тупымъ мономаномъ. Кредитъ и заграничная торговля, биржа и банкъ, курсъ и фонды, — вотъ заколдованный кружокъ, ограничившись которымъ ученый теряетъ всякую возможность понимать общественное положеніе, важнѣйшія національныя нужды, всѣ живые факты и живыя мысли.

А собственно то, что Кэри противникъ слишкомъ низкаго тарифа, еще не большой грѣхъ въ американскомъ писателѣ, враждебномъ невольничеству. По правдѣ говоря, мы сами, при всемъ нашемъ теоретическомъ убѣжденіи въ превосходствѣ свободной торговли, чуть ли не пожертвовали бы этимъ ученымъ принципомъ и не стали бы требовать довольно высокихъ таможенныхъ пошлинъ, еслибы жили въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣло тутъ вотъ какого рода. Таможенные пошлины служатъ, можно сказать, единственнымъ источникомъ доходовъ сѣверо-американскаго союзаго правительства. Другія отрасли его доходовъ, въ томъ числѣ и продажа земель, совершенно ничтожны, такъ что въ союзномъ бюджетѣ не произошло бы никакой замѣтной разницы, хотя бы ихъ вовсе и не было. Что же теперь выходитъ? Когда издавался тарифъ, соотвѣтствующій принципу свободной торговли, въ союзномъ бюджетѣ каждый разъ происходилъ огромный дефицитъ. Между тѣмъ пошлины не очень тяжелыя, но не соотвѣтствовавшія принципу свободной торговли, каждый разъ давали союзнымъ финансамъ такое процвѣтаніе, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ оставался ежегодно большой излишекъ на выкупъ государствен-

ныхъ долговъ. Рѣшеніе ясно: принципъ свободной торговли драгоцѣненъ, но хорошій порядокъ въ государственныхъ финансахъ еще драгоцѣннѣе; потому, пока союзное правительство будетъ нуждаться для своего процвѣтанія въ тарифѣ, довольно высокомъ (впрочемъ вовсе не обременительномъ), — нечего дѣлать, нуженъ въ Соединенныхъ Штатахъ довольно высокій тарифъ. Когда дѣла переменятся, когда окажется возможность обойтись безъ него, — ну, тогда и прекрасно, тогда дѣйствуйте по принципамъ свободной торговли *).

Есть другое обстоятельство, уже совершенно чуждое финансовымъ соображеніямъ, но еще болѣе важное. Коренное зло въ Соединенныхъ Штатахъ — невольничество. Главною опорой партій, стремящейся къ уничтоженію невольничества, служатъ штаты Новой Англій. Эти штаты требуютъ протекціонныхъ пошлинъ. Очень можетъ быть, что они въ этомъ случаѣ заблуждаются, что протекціонныя пошлины на самомъ дѣлѣ не нужны для нихъ, — но что же дѣлать? Можно, если хотите, стараться вывести Новую Англію изъ ея заблужденія; но пока она держится его, надобно принимать и эту можетъ быть неудовлетворительную, можетъ быть нѣсколько даже вредную черту ея программы. ради того, что существенная черта программы — враждебность невольничеству — справедлива, благотворна и своею важностію для государственной жизни въ миллионы разъ превосходитъ всѣ остальные общественные вопросы. Кто чѣмъ грѣшитъ въ практикѣ, часто возстаетъ противъ того же самаго въ теоріи, въ родѣ г. Кокорева, безошадно изобличившаго откупъ. Писатели, которые самую святою истинною, самыми непозбѣжнѣйшими логическими требованіями жертвуютъ пустѣйшему фактическому затрудненію, преслѣдуютъ правду, если она кажется неудобна, уже готовы воскликнуть съ негодованіемъ: «вы признаете гибельный и малодушный принципъ, что слѣдуетъ иногда уступать заблужденію и ставить финансовый расчетъ выше научныхъ требованій». Точно такъ, иногда слѣдуетъ, — надобно только разбирать, *какая* общественная потребность *какой* теоретической жертвы требуетъ: превышаетъ ли пожертваніе выгодною для общества, то есть въ результатѣ и для самой науки, потому что общественный успѣхъ ведетъ и къ научному успѣху. Надобно иногда становиться товарищемъ человѣка, имѣющаго какое нибудь ошибочное требованіе, если съ тѣмъ вмѣстѣ онъ имѣетъ другое справедливое и несравненно важнѣйшее требованіе. Безусловной, всесторонней истины не бываетъ ни въ какомъ фактѣ, ни въ какой партіи, ни въ какой программѣ. Старайтесь только выбирать, какой фактъ, какая программа заключаетъ въ себѣ наименѣе неправды и наиболѣе справедливости, — и выбравъ, уже прилѣпляйтесь къ нимъ всею душою; какъ въ частной вашей жизни, если вы не бездушный человѣкъ, любите же вы горячо нѣкоторыхъ людей, хотя въ каждомъ изъ нихъ навѣрное есть не совсѣмъ правящая вамъ стороны. Какое вамъ дѣло до этихъ недостатковъ? Вы любите не за нихъ, а за достоинства, и ради достоинствъ человѣка, имѣющаго множество недостатковъ, вы готовы бываеете дѣлать для него все, не жалѣть и самой вашей жизни. Все хорошо до известной мѣры, на примѣръ хотя бы и готовность жертвовать собою для любимаго человѣка: если вы броситесь въ омутъ для исполненія каприза любимой женщины, это будетъ глупо и въ сущности даже очень преступно; но другое дѣло, если вы пожертвуете собою,

* Для смягченія экономическихъ сердець сдѣлаемъ оговорку. Россіи свободная торговля конечно была бы выгоднѣй даже и въ таможенномъ отношеніи. Нашему государству нѣтъ надобности въ высокомъ тарифѣ.

чтобы дать ей счастье или спасти ее жизнь. Так и въ разборчивости на счет общественной справедливости и несправедливости известной программы — тоже должна быть своя мѣра, — излишняя щепетильность тутъ смѣшна и даже бываетъ очень часто преступна, хотя до известной степени слѣдуетъ быть разборчивымъ. «Онъ не хочетъ свободной торговли, потому я не долженъ быть его партизаномъ, хотя безъ него ничего нельзя мнѣ сдѣлать противъ невольничества», — да вѣдь это все равно, что сказать: «онъ хочетъ отъ меня грошоваго пожертвованія, потому не сдѣлаю я компаньономъ его, хотя товарищество съ нимъ обогатитъ насъ обоихъ». Нѣтъ, не такъ рассуждаетъ человѣкъ умный, и дѣйствительно желающій пользы: пусть онъ разсчитываетъ какъ можно строже, но если въ общемъ сводѣ окажется перевѣсъ пользы, онъ пойдетъ на все. Были люди, которые не смущались не только какими нибудь пустяками, — которые не жалѣли даже своей репутаціи, обрекали свое имя на позоръ въ устахъ всѣхъ такъ-называемыхъ благородныхъ людей, когда того требовала общая польза. «Да что же это за люди такіе?» — спросите вы. А вотъ можно разсказать вамъ, что я вчера видѣлъ.

Живетъ молодая вдова, красавица, какой другой не видывали люди. Она страстно любила своего мужа, всѣ мысли ея — печаль о немъ. Нѣтъ въ обществѣ ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ ея непорочною чистотой. Эта женщина исчезаетъ. Гдѣ она? А вотъ гдѣ: среди шумной толпы безпутныхъ пьяницъ и погнѣнныхъ женщинъ, она сидитъ подлѣ какого-то господина, который, какъ видно, богаче и знатнѣе всѣхъ; она ласкается къ нему и такъ успѣшно завлекаетъ его въ свои сѣти, что прежняя любовница этого господина уже брошена: она уже занимаетъ мѣсто этой погнѣнной дѣвушки. Хорошую репутацію составила себѣ скромная вдова! Она не можетъ себя обманывать насчетъ того, какъ думаютъ о ней не только честные люди, но и несчастныя существа, презираемыя всѣми: прямо въ глаза ей высказывается это въ самыхъ рѣзкихъ и къ несчастію правдивыхъ словахъ жалкою дѣвушкою, карьеру которой перебила она: «меня довела до униженія судьба, я опозорена безъ моей воли», говоритъ эта дѣвушка своей счастливой соперницѣ: — «а ты сама добровольно предпочла позоръ честной жизни; ты добровольно предалась разврату, — онъ приятенъ тебѣ; ты презрѣннѣе меня». Вотъ входитъ старикъ, знавшій нашу вдову, когда она являлась для всѣхъ образцомъ безукоризненной чистоты, онъ видитъ ее въ рукахъ пьянаго, грубаго богача, которому она расточаетъ свои нѣжности, — этотъ старикъ, который такъ уважалъ ее и слова котораго всегда принимала она съ благоговѣніемъ, проклинаетъ ее. — Что жъ такое? Конечно, не легко переносить ей этотъ позоръ; но дѣйствительно, она добровольно подверглась ему; она впередъ знала, что запятнаетъ свою честь, — и не пожалѣла запятнать ее...

— Какою новостью вздумали вы занять насъ! Вы рассказываете драму «Юдишь», въ которой весь Петербургъ видѣлъ игру Ристори.

— Разумѣется. Я хотѣлъ только замѣтить, что Юдишь поступила не дурно. Не очень часто встрѣчаются обстоятельства, требующія такихъ же страшныхъ жертвовацій отъ человѣка, желающаго быть полезнымъ обществу; но постоянно черезъ всю гражданскую жизнь каждаго человѣка тянутся историческія комбинаціи, въ которыхъ обязанъ гражданинъ отказываться отъ известной доли своихъ стремленій для того, чтобы содѣйствовать осуществленію другихъ своихъ стремленій, болѣе высокихъ и болѣе важныхъ для общества. Историческій путь — не тротуаръ

Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣлкомъ черезъ поля, то пыльные, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дѣбри. Кто бонся быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность. Она—занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе, не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному можетъ быть кажется, что напримѣръ Юдиоб не запятнала себя.

А впрочемъ мы отвлеклись отъ предмета. Мы хотѣли сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ можно, безъ вреда для своей гражданской и ученой репутаціи, быть защитникомъ высокаго тарифа,—и не только можно, но даже слѣдуетъ. Но чтобы имѣть это право, надобно смотрѣть на тарифный вопросъ не съ теоретической стороны, а брать его въ отношеніи къ другимъ, болѣе важнымъ общественнымъ вопросамъ. Расширьте сферу вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ. Но Кэри поступаетъ не такъ. Онъ отвергаетъ свободную торговлю и проповѣдуетъ протекціонизмъ не по соображенію обстоятельствъ, болѣе важныхъ, чѣмъ экономическая выгодность свободной торговли,—онъ выводитъ свое мнѣніе изъ политико-экономическихъ основаній, которыя никакъ не могутъ быть примирены съ протекціонизмомъ. Это все равно, что вопросъ о войнѣ. Бываютъ обстоятельства, въ которыхъ сами Адамъ Смитъ и Рикардо стали бы требовать энергическаго веденія войны,—напримѣръ, если бы иностранная армія хотѣла вторгнуться въ Англію; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что война сообразна съ принципами политической экономіи.

Мы нимало не претендуемъ на Кэри за то, что онъ считаетъ высокій тарифъ надобностью для Соединенныхъ Штатовъ; мы только видимъ слабость его логики въ томъ, что надобность эту выводитъ онъ не изъ особенныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политико-экономическою теоріею, а изъ самой экономической теоріи. Но главную занимательность письма Кэри даетъ забавная мономанія его ставить тарифный вопросъ средоточіемъ всей общественной жизни, главнымъ регуляторомъ всѣхъ ея явленій; эту мономанію навели на него экономисты, перестроившіе всю науку въ такомъ духѣ, что вопросы о торговлѣ стали главнымъ предметомъ ея. Пусть они посмотрятъ на письма Кэри къ президенту и полюбуются вѣрнымъ, хотя и обратнымъ отраженіемъ своихъ воззрѣній: тарифный вопросъ—источникъ всѣхъ «многообразныхъ недуговъ» Соединенныхъ Штатовъ и лекарство противъ нихъ—это восхичительно!

О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи. Записка П. А. Гана.
С.-Петербургъ 1860 г.

Брошюра эта, изданная Высочайше учрежденною комиссіею для улучшенія системы податей и пошлинъ, написана однимъ изъ членовъ комиссіи, г. Ганомъ, и была приложена къ «Экономическому Указателю» за нынѣшній годъ (при 1-мъ выпускѣ, 1 января). Мы надѣемся, что ни «Экономическій Указатель», ни самъ авторъ записки не найдутъ противнымъ своему намѣренію то, что мы представимъ здѣсь длинныя выписки изъ этой замѣчательной брошюры, хвалить которую было бы излишне.

Записка начинается тѣмъ, что, не смотря на сложеніе недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и мѣщанъ Саратовской губерніи Всемилоствѣйшими манифестами, недоимки эти снова быстро растутъ,—ростутъ быстрѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. Между тѣмъ въ Саратовской губерніи «у государственныхъ крестьянъ подушной подати и другихъ окладныхъ сборовъ приходится среднимъ чиломъ по всей губерніи по 5 р. 78¹/₂ коп.; у мѣщанъ по 3 р. 1¹/₂ к., а у помѣщичьихъ крестьянъ по 1 р. 86 к. съ души», т. е. мѣщанинъ платитъ прямымъ налогомъ почти вдвое меньше государственнаго крестьянина, а помѣщичій крестьянинъ слишкомъ въ полтора раза меньше мѣщанина и втрое меньше государственнаго крестьянина.

«Изъ этихъ сравненій окладовъ и сложенной податной недоимки (говоритъ г. Ганъ) получаемъ слѣдующіе выводы: 1) государственные крестьяне, сравнительно съ помѣщичьими и мѣщанами, платятъ податей больше, а недоимка на нихъ меньше; 2) помѣщичьи крестьяне платятъ податей меньше государственныхъ и мѣщанъ, а недоимка на нихъ больше, и 3) мѣщане платятъ податей меньше государственныхъ крестьянъ, а недоимка на нихъ больше. Слѣдовательно, самыми неспособными плательщиками государственныхъ податей оказываются: 1) мѣщане *) и 2) помѣщичьи крестьяне.

«Прогрессивное наращеніе податныхъ недоимокъ преимущественно на этихъ двухъ сословіяхъ, не смотря на Всемилоствѣйшія прощенія оныхъ, убѣждаетъ въ томъ, что явленіе это не случайное, не слѣдствіе временныхъ бѣдствій (неурожая, скотскаго падежа и т. п.), а существенный недостатокъ нашей податной системы».

Финансовая наука, продолжаетъ г. Ганъ, признаетъ два существенныя условія для всякаго налога: во-первыхъ, чтобы онъ былъ равномѣренъ или пропорціоналенъ средствамъ каждаго платящаго; во-вторыхъ, чтобы онъ падалъ на чистый доходъ, а не на капиталъ.

«Весь успѣхъ исправнаго платежа податей (говоритъ г. Ганъ) зависитъ отъ соразмѣрнаго ихъ распредѣленія со средствами плательщиковъ.

«Законодательство наше, установивъ поголовную подать для всего ревизскаго населенія извѣстныхъ сословій, само сознаетъ неравномѣрность этого налога, и потому внутреннюю уравнительную раскладку въ свободныхъ сословіяхъ предѣлало самимъ обществамъ, а съ помѣщичьихъ крестьянъ помѣщикамъ; но въ дѣйствительности этимъ путемъ не достигается податная уравнительность. У государственныхъ и даже помѣщичьихъ крестьянъ податная уравнительность въ нѣкоторой степени достигается переложеніемъ подушной подати съ неспособныхъ плательщиковъ на землю или на того, кто пользуется ею; въ мѣщанскихъ же обществахъ подобная уравнительность невозможна. Неспособность мѣщанъ и помѣщичьихъ крестьянъ бездоимочно уплачивать государственныя подати условливается не одною подушною податью—неравнымъ налогомъ, но самымъ политическимъ положеніемъ этихъ сословій и способомъ сбора податей.

«Помѣщичій крестьянинъ, лишенный правъ гражданскихъ, а въ томъ числѣ одного изъ главнѣйшихъ—права свободно избирать, по своему желанію и способностямъ, родъ жизни и занятій, поставленъ въ такія экономическія условія, при которыхъ благосостояніе его зависитъ отъ воли помѣщика, слѣдовательно и уплата податей болѣе или менѣе зависитъ отъ помѣщика, или отъ тѣхъ условій, въ которыхъ крестьянинъ находится по волѣ своего господина. Крестьянинъ de facto и de jure есть имущество—ничто иное, какъ податной предметъ—источникъ или основаніе налога, а не податное лицо. Поэтому помѣщикъ, владѣющій этимъ имуществомъ—крестьяниномъ, долженъ бы

*) „Государственные крестьяне получаютъ въ надѣлъ землю, которая и даетъ имъ средства къ выполненію своихъ обязанностей, а мѣщанинъ бездомный и не знающій ремесла вполне зависитъ отъ случайности, онъ не имѣетъ постоянного источника дохода“.

быть податнымъ лицомъ. Но законодательство, въ одномъ случаѣ—относительно гражданскихъ правъ—не признаетъ крестьянина гражданской личностію; въ другомъ же—относительно податей—признаетъ его личностію самостоятельную, отвѣтственной предъ правительствомъ за исправный взносъ податей. Эти противорѣчія въ законахъ, относительно правъ помѣщичьяго крестьянина, какъ гражданина и податнаго лица, отразились и въ дѣйствительности—несостоятельною его къ уплатѣ податей. Законодательство, предоставивъ помѣщику внутреннюю уравнительную раскладку въ своемъ имѣніи, сборъ и взносъ податей, не только не подвергаетъ его никакой личной отвѣтственности за неисправную уплату податей, но даже не контролируетъ его дѣйствій по сбору сихъ денегъ. Вся отвѣтственность падаетъ на крестьянъ дѣлаго селенія.

«Когда помѣщикъ передаетъ часть имѣнія другому, податная недоимка не остается ни лично на помѣщикѣ, ни на части, оставшейся въ его владѣніи, а на всемъ имѣніи, какъ бы оно ни было раздѣляемо. Точно такъ же, если крестьяне куплены съ накопившеюся недоимкою, то она должна быть возмѣщена съ нихъ же, «въ крайнемъ только случаѣ съ виновныхъ, не заботившихся о возмѣщеніи оной: съ начальниковъ губерній, членовъ губернскихъ правленій и всѣхъ тѣхъ, кои слабымъ о взысканіи настояніемъ недоимокъ допустили малѣйшее накопленіе оныхъ». По естественному закону помѣщикъ, какъ ближайшій распорядитель въ своемъ имѣніи, раскладчикъ и сборщикъ податей, долженъ бы прежде всѣхъ лично отвѣчать за подати своихъ крестьянъ; но законъ оставляетъ его въ сторонѣ и даже не удерживаетъ на пополненіе накопившейся недоимки денежныхъ капиталовъ, слѣдующихъ ему въ выдачу изъ казны, а дозволяетъ продажу помѣщичьяго хлѣба, если крестьяне состоятъ на пашнѣ. А если имѣніе оброчное, или крестьяне работаютъ на фабрикѣ или на заводѣ у помѣщика? Законодательство не разрѣшаетъ этихъ случаевъ. Вѣроятно, возмѣщеніе податной недоимки должно производиться съ тѣхъ же крестьянъ. Если на мѣщанскомъ обществѣ накопится недоимка, то пополненіе ея производится, между прочимъ, изъ слѣдующихъ городамъ платежей отъ казны. Мы не находимъ въ законахъ дозволенія подобнаго пополненія недоимки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Помѣщикамъ чаще приходится получать деньги изъ казны; слѣдовательно, не мало недоимокъ могло бы уплатиться этимъ путемъ. Эта мѣра имѣла бы моральное дѣйствіе на помѣщиковъ и была бы лучшимъ побудительнымъ средствомъ къ исправной уплатѣ податей. Помѣщикъ—винокуренный заводчикъ, зная, что при выдачѣ ему денегъ за поставку вина будетъ удержана крестьянская недоимка, безъ сомнѣнія припаялъ бы всѣ мѣры къ своевременному взносу крестьянскихъ податей. Помѣщикъ, по крайней мѣрѣ какъ сборщикъ податей, кажется, по примѣру сборщиковъ въ другихъ сословіяхъ, долженъ бы подлежать какой нибудь отвѣтственности. За накопленіе недоимки на помѣщичьемъ имѣніи до 86 к. съ души, имѣніе отдается въ опеку, и недоимка взыскивается съ тѣхъ же крестьянъ. Но кто въ этомъ случаѣ болѣе страдаетъ отъ опекунскаго управленія—помѣщикъ или крестьяне? Помѣщикъ получаетъ нѣсколькими сотнями рублей меньше годоваго дохода, а крестьянинъ—окончательно разоряется. Всѣмъ извѣстно, что болшею частію за опекунскимъ управленіемъ неизбѣжно слѣдуетъ аукціонная продажа имѣнія. Въ 1847 году имѣніе тайной совѣтницы Л—ской, за долгъ опекунскому совѣту, отдано было въ опекунское управленіе съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ имѣнія вносились на погашеніе займа. Черезъ шесть лѣтъ опекунскаго управленія имѣніе г-жи Л—ской было продано съ аукціона. Въ имѣніи г-жи Л—ской было 483 ревизскихъ души крестьянъ, и господской земли (за надѣломъ крестьянъ по 8½ десятинъ на тягло) подъ пашнею и сѣнокосомъ болѣе 2,000 десятинъ. Весь долгъ опекунскому совѣту простирался до 5 руб. сер. на душу или 10 руб. сер. на тягло. При этихъ условіяхъ невозможно бы, кажется, довести имѣніе до продажи, однако оно было продано. Если бы всю помѣщичью землю отдать въ пользованіе крестьянамъ и положить оброкъ въ 10 руб. сер. съ тягла (это такой незначительный оброкъ, какового не существуетъ въ Саратовской губерніи), то нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне въ одинъ годъ внесли бы весь долгъ опекунскому совѣту. Но опека не уплатила долга, разорила имѣніе и довела его до аукціонной продажи. Слѣды опекунскаго управленія до сихъ поръ сохранились на имѣніи, и крестьяне вспоминаютъ о немъ, какъ о тяжелой порѣ своей жизни.

«Одно из основных положений финансовой науки: налог должен падать на чистый доход, не касаясь капитала, — в противном случае истощаются производительные средства податного предмета и совершенно истребится самое основание налога. Крестьянин с его имуществом есть податный предмет — основание налога; следовательно, подвергать его чрез опекуное управление и казенный присмотр разорению, значить действовать вопреки финансовым понятиям. Законодательство, желая остаться последовательным в своем взгляде на помещичьего крестьянина, как на имущество, подлежащее налогу, берет в свое распоряжение или подвергает публичной продаже, для возмещения накопившейся на нем недоимки, как например: землю, мельницу и т. п. недвижимое имущество; но при этом оно упускает из виду, что имущество это одарено волею и всеми человеческими способностями и само может выполнить свои обязанности по отношению к государству, стоять только устранить от него неблагоприятные условия. Впрочем, законодательство даже не обращает внимания на условия или причины накопления недоимки на помещичьем имении; оно просто принимает самую недоимку за факт, за данное, и приводит в действие свои меры к ее восполнению. Если помещанин или государственный крестьянин изобличен будет, что недоимка происходит от дурного поведения, нерадения и мотовства, то подвергается по приговору общества или исправительным наказаниям, или отдачу в очередь в рекруты за общество. Если бы законодательство желало остаться последовательным в своих финансовых принципах, то не было сомнения, что при накоплении податной недоимки на помещичьем имении, точно так же обратило бы внимание на происхождение ее и в случае, если она есть следствием дурного и беспорядочного управления помещика своим имением, то подвергало бы его также взысканиям. В случае податной недоимки на крестьянах, состоящих во временном владении, и если окажется, что она произошла от худого управления, вся недоимка сполна взыскивается с временных владельцев. Почему же закон этот не распространяется на постоянных владельцев-помещиков? Разве у них недоимка не может быть следствием худого управления? Отдача имения за неплатеж податей в опекуное управление есть сознание правительства, что владелец дурно распоряжается им, но это сознание правительство как будто не хочет высказать ясно и положительно, а потому, принимая податную недоимку за факт, без исследования причин, лишь устраняет помещика от управления имением.

«Помещику правительство предоставило право собирать подати и вносить их в уездное казначейство, не подвергая его действиям в этом случае никакому контролю: в том ли размере собраны подати помещиком или вотчинным начальством и все ли собранное внесено в казначейство — остается без всякой проверки со стороны правительства, и ни помещик, ни вотчинное начальство не дают ни квитанций, ни росписок крестьянам в получении от них податей; так-что последние, какие бы поборы с них ни были взысканы на уплату податей, лишены возможности доказать, что подати уплачены ими своевременно и в количестве, определенном правительством. Впрочем, последнее обстоятельство (взимание помещиком податей в большем размере) законодательство полагает как бы невозможным, потому, что на этот случай даже нет закона, — подвергается ли помещик ответственности за противозаконный сбор денег на подати, подобно тому, как помещанские старосты и члены думы. В действительности же, лишней сбор на подати и невзнос оных помещиками повторяется нередко. Если не возникает по этому случаю дела, это происходит от сознания крестьянами невозможности доказать юридически правоту своей жалобы. В 1857 году, Балашовского уезда, в с. Юсупов, крестьяне отказались от платежа податей за 1857 год, на том основании, что они в течение десяти лет платили излишние подати за своих односельцев, высланных помещиком в Самарскую губернию. С этой жалобой они обращались к уездному предводителю, который потребовал от помещика объяснений, но тот, представив квитанции уездных казначейств, доказал, что крестьяне не только не платили излишних податей, — напротив, состоять еще в значительной недоимке. Помещик остался прав. Неудовлетворенные в справедливой своей жалобе, крестьяне отказались от госиодских работ; их признали бунтовщи-

ками: губернское начальство распорядилось командировать чиновника для усмирения непокорных и разслѣдованія причинъ ихъ неповиновенія. Крестьяне объявили, что они не могутъ отправлять назначенныхъ работъ потому, что средства ихъ истощены тяжелыми податями. Помѣщикъ представилъ квитанціи уѣздныхъ казначействъ, изъ которыхъ чиновникъ убѣдился, что на крестьянахъ дѣйствительно состоитъ значительная податная недоимка. Крестьяне увѣряли, что они своевременно вносили подати въ вотчинную контору, и что у нихъ три года тому назадъ взяты были хлѣбъ и скотъ на уплату податей, но не могли представить фактическихъ доказательствъ. Помѣщикъ же, напротивъ, на каждое обвиненіе ихъ представлялъ фактическія доказательства. Напримѣръ, если крестьянинъ говорилъ, что помѣщикъ взялъ у него корову на уплату податей, то помѣщикъ открывалъ конторскую книгу и показывалъ, что такой-то крестьянинъ, такого-то числа, пойманъ или въ господскомъ лѣсу съ дровами, или на погравѣ господскихъ луговъ, за что, по положенію, подвергнутъ штрафу. Крестьянинъ сознавался, что онъ дѣйствительно былъ пойманъ на норубѣ или погравѣ, за что и былъ наказанъ; но денежному штрафу не подвергался, и что когда брали у него корову, то положительно объявляли, что берутъ на уплату казенныхъ податей. Чѣмъ крестьянинъ можетъ доказать правоту своего дѣла, кромѣ своего голословнаго показанія, не имѣющаго юридической силы? Въ Саратовскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не вносилъ податей за своихъ крестьянъ, такъ-что за податнюю недоимку имѣніе назначено было въ продажу. Оборотливый помѣщикъ успѣлъ перезаложить имѣніе и тѣмъ погасилъ податнюю недоимку; но за то отобралъ у крестьянъ всю землю (не освобождая ихъ отъ трехдневной барщины) и эту же землю сдавалъ имъ по вольной цѣнѣ. Крестьяне увѣряли, что съ нихъ ежегодно въ извѣстное время собирались подати. Но увѣренія, какъ ничѣмъ не подтвержденные, не были приняты въ уваженіе, и земская полиція заставила ихъ исполнять безпрекословно барщинную повинность. Юридически полиція поступила справедливо; но справедливы ли ея распоряженія, судя почеловѣчески, и выгодны ли подобныя распоряженія для правительства въ финансовомъ отношеніи? Эти вопросы не требуютъ разъясненій. Одно можно сказать, что подобныя мѣры въ конецъ истощаютъ основанія налога, и рано или поздно производительныя средства народа изсякнутъ, а съ ними уничтожится и самый источникъ податей.

«Очевидно, чтобы поставить помѣщичьихъ крестьянъ на степень исправныхъ плательщиковъ податей—необходима реформа какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ ихъ положеніи. До тѣхъ же поръ, сама справедливость требуетъ раскладку, сборъ и взносъ податей предоставить міру безъ всякаго участія помѣщика или подвергнуть его самому строгому контролю и отвѣтственности какъ личной, такъ и имущественной, за накопленіе податной недоимки на принадлежащихъ ему крестьянахъ».

Указаніе причинъ, отъ которыхъ происходитъ быстрое накопленіе недоимки у помѣщичьихъ крестьянъ, служитъ г. Гану средствомъ къ разъясненію причинъ, которыми поражается она у мѣщанъ.

«По неспособности платить государственныя подати, мы отнесли мѣщанъ къ одной категоріи съ крѣпостными людьми (говорить онъ). Такое сближеніе свободнаго сословія съ крѣпостнымъ съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ и не имѣющимъ основанія. Не утверждаемъ, чтобы мѣщанское сословіе носило въ себѣ всѣ элементы крѣпостнаго состоянія; но между тѣмъ и другимъ, начиная съ происхожденія, есть нѣчто общее: «крѣпостное состояніе лица устанавливается пожалованіемъ отъ верховной самодержавной власти въ частную власть и обладаніе» (ст. 997, п. 1, т. IX Св. Зак. о сост. изд. 1857 года); слѣдовательно не свободная воля лица избираетъ себѣ политическое состояніе, а оно опредѣляется верховною властію. Большая часть нашихъ городовъ возникла не изъ внутренней потребности гражданъ, не вслѣдствіе политическихъ или экономическихъ потребностей, а вслѣдствіе Высочайшихъ повелѣній, въ началѣ по видамъ стратегическимъ, а потомъ чисто административнымъ. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича даже ограничена была свобода перехода горожанъ изъ однихъ мѣстъ въ другія и такимъ образомъ они укрѣплены были къ мѣсту своего водворенія. Указаніями Петра I-го и Екатерины II-й крѣпостная зависимость горожанъ отъ мѣстъ

водворенія уничтожена, но верховная власть оставила за собою право обращать людей въ горожанъ, къ какому бы они податному сословію ни принадлежали. Слѣдовательно и здѣсь, какъ въ крѣпостномъ сословіи, опредѣленіе политическаго состоянія лица исходить отъ верховной самодержавной власти, а не отъ свободной воли лица. Таково происхожденіе большей части нашихъ городовъ, которыхъ въ одно царствованіе Екатерины II-й открыто до 216. Въ новѣйшее время города «учреждались» и «упразднялись» правительствомъ по его видамъ. Такъ въ Саратовской губерніи, городъ Аткарекъ, преобразованный въ 1780 году въ городъ изъ дворцоваго с. Аткары, въ 1799 г. былъ упраздненъ; а въ 1804 году снова «учрежденъ» городомъ. Балашовъ, преобразованный въ томъ же 1780 г. изъ дворцоваго села Балашова, въ 1798 г. былъ «упраздненъ»; а въ 1804 году снова объявленъ городомъ. Въ 1836 году въ видахъ административныхъ, правительство объявило селеніе Чертанлы городомъ Новымъ Узенемъ; селеніе Мечетное—Николаевскимъ; а слободу Царевку—Царевомъ. Какого промышленнаго развитія достигли эти города со времени ихъ учрежденія, лучше всего видно изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ состояніе ихъ въ двѣ различныя эпохи.

Сравнивая шифры по городу Балашеву за 1855 годъ съ цифрами 1847 года, г. Ганъ показываеъ, что въ теченіе этихъ осьми лѣтъ число купцовъ не увеличилось, а число мѣщанъ и цеховыхъ уменьшилось почти на дѣлую четверть: въ 1847 г. было въ Балашевѣ 2,926, а въ 1855 уже только 2,228 человекъ мѣщанъ и цеховыхъ. Число каменныхъ домовъ также уменьшилось съ 14 на 11.

Въ Аткарекѣ чрезвычайно увеличилось число купцовъ 3-й гильдіи, но увеличилось очевидно только отъ приписки въ 3-ю гильдію мѣщанъ, желавшихъ избѣжать рекрутской повинности: общее число купцовъ и мѣщанъ уменьшилось на 6-ю часть (въ 1847 г. считалось 3,818, а въ 1855 г. только 3,273 человекъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ). Городскіе доходы уменьшились на цѣлую треть (въ 1847 г. было 5,216 руб., а въ 1855 г. 3,651 рубль).

Въ «Николаевскѣ число купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ осталось безъ видимой перемѣны»; осталось безъ перемѣны и количество каменныхъ домовъ: какъ 1847 г. находился 1 таковой домъ, такъ сохранился онъ и въ 1855 г. единственнымъ каменнымъ домомъ въ городѣ, имѣвшемъ болѣе 5,500 жителей. Городскіе доходы возрасли въ 8 лѣтъ съ 6,218 руб. до 6,392 рублей.

Въ г. Новомъ-Узенѣ число купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ не увеличилось; подъ рубриками «учебныхъ заведеній духовныхъ и свѣтскихъ и учащихся» мы читаемъ въ отчетѣ 1847 г. «нѣтъ», а въ отчетѣ 1855 г. «въ томъ же состояніи».

По г. Цареву о благотворительныхъ заведеніяхъ, объ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ и объ учащихся—въ отчетѣ за 1847 годъ говорится точно такъ же, какъ по г. Новому-Узеню; но въ отчетѣ за 1855 годъ говорится не такъ, какъ по Новому-Узеню, а употреблено выраженіе «безъ перемѣны». Г. Царевъ особенно богатъ «нѣтами»: о каменныхъ домахъ онъ отвѣчаетъ «нѣтъ», о фабрикахъ и заводахъ «нѣтъ», даже о трактирахъ, и то «нѣтъ», и за 1847 и за 1855 годъ съ утѣшительнымъ постоянствомъ. Онъ любитъ также отвѣчать «безъ перемѣны»: мы уже слышали три такихъ отвѣта, а вотъ еще два: число купцовъ въ 1855 г. осталось «безъ перемѣны», число мѣщанъ и цеховыхъ тоже «безъ перемѣны». Но о числѣ жителей, при всей любви къ слову «безъ перемѣны», Царевъ не могъ этого сказать: въ 1855 г. число ихъ уменьшилось на 204 человекъ сравнительно съ 1847 г.

«Такихъ бѣдныхъ результатовъ промышленная и торговая жизнь нашихъ городовъ достигла въ многолѣтнее свое существованіе! Но официальные свѣдѣнія не воплиѣ

знакомать съ дѣйствительно ихъ бѣдностью. Соломенные кровли, плетневые заборы, грязныя улицы—вотъ внѣшность ихъ. Прїѣзжій съ величайшимъ трудомъ находитъ ночлегъ. Въ Новоузенскѣ до сихъ поръ нѣтъ ни постоянныхъ дворовъ, ни гостинницъ для прїѣзжающихъ, ни блага хлѣба въ продажѣ, ни мяса лѣтомъ или во время постовъ.

«Назадъ тому лѣтъ десять, чиновникъ, командированный по дѣламъ службы изъ Саратова въ Новоузенскъ, долженъ былъ выписывать туда, за 200 верстъ, изъ Саратова, чрезъ почту, бѣлый хлѣбъ и мясо, даже зимою *). Признаки торговой жизни нѣсколько замѣтны въ базарные дни и ярмарки. На базарахъ обыкновенно жители запасаются провизіею и всѣмъ нужнымъ въ обыденной жизни на цѣлую недѣлю или до новаго базара. На ярмаркахъ дѣлается годовой запасъ чая, сахара, кофе и другихъ колониальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ до новой ярмарки. Въ официальныхъ статистикахъ обыкновенно показывается подъ громкою рубрикой: «*фабрики и заводы*» столько-то. Подъ этими названіями слѣдуетъ разумѣть, по большей части, самыя скромныя заведенія, гдѣ работаетъ отецъ съ сыномъ или съ двумя, тремя наемными работниками. Такъ и въ одномъ изъ названныхъ нами городовъ нѣтъ фабрикъ, а существуютъ только кирпичные заводы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ для удовлетворенія лишь мѣстныхъ нуждъ—постройки печей, кожевенные заводы, собственно овчинные, обдѣлывающіе овечьи шкуры для полушубковъ мѣстнымъ жителямъ, и—болѣе или менѣе въ значительныхъ размѣрахъ—салотопенные, которые занимаются производствомъ по два и по три мѣсяца въ году. Подобные заводы существуютъ во многихъ промышленныхъ селахъ, гдѣ они, такъ же какъ въ городахъ, не составляютъ специальности жителей, а служатъ второстепеннымъ занятіемъ нѣкоторыхъ крестьянъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

«Но обратимся къ положительному законодательству, которое, опредѣленіемъ правъ и обязанностей городского сословія, лучше объяснить намъ положеніе, въ которомъ оно находится.

«Право вступленія въ городское сословіе и выходъ изъ онаго предоставлено всѣмъ свободнымъ сословіямъ, исключая потомственного дворянства. Какъ при вступленіи въ городское сословіе, такъ и при выходѣ, требуется согласіе городского общества, но могутъ и безъ согласія городского общества приписываться въ мѣщане: 1) уволенные церковники; 2) дѣти приказно-служителей, неимѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ; 3) пріобрѣтенные въ казну однодворческой крестьяне, не желающіе переселиться въ многоземельныя губерніи; 4) всѣ отпущенные на волю люди, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; 5) разнаго званія свободные люди къ городамъ не принадлежащіе и 6) ссыльные, которымъ, на основаніи указа 22 іюля 1837 года, дозволено возвратиться изъ Сибири во внутреннія губерніи имперіи. Хотя всѣмъ этимъ лицамъ предоставлено право избирать себѣ родъ жизни или вступать по своему усмотрѣнію во всѣ свободныя сословія, но это право — мнимое: оно существуетъ для большей части этихъ людей только въ законѣ, а не въ дѣйствительности. Для вступленія въ купеческое сословіе нужно имѣть извѣстный капиталъ. Чтобы приписаться въ государственные крестьяне, необходимо испросить согласіе того общества, въ которое лицо желало бы вступить, а такъ какъ общество, изъявляя согласіе на прїемъ въ среду своего новаго члена, обязывается отвѣтственностію въ платежѣ за него податей и повинностей, и кромѣ того должно объяснить, что для надѣленія новаго члена находится у него нужное количество земли, то получить отъ общества прїемный приговоръ — не такъ легко. Правда, палата государственныхъ имуществъ приписываетъ и безъ согласія общества

* «Нынѣ, говорятъ, въ зимнее время можно въ Новоузенскѣ всегда найти мясо, а въ лѣтнее, кромѣ курицы, за которую налобно заплатить въ три-дорога—ничего нельзя найти. Какъ же продовольствуется мѣстное чиновничество?—Это дѣлается обыкновенно такъ: мясникъ приходитъ къ судѣ или исправнику и объявляетъ, что у него есть скотина, которую готовъ зарѣзать, если обѣщаются всю разобрать. Составляется чиновничій совѣтъ, на которомъ рѣшаютъ, кому сколько взять. Если по расчету мясника разбирается вся туша, то онъ убиваетъ скотину. Чрезъ нѣсколько дней продолжается та же процедура. А если чиновники въ размолвкѣ, то питаются рыбой и курами».

къ тѣмъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ приходится земли болѣе 8-ми десятинъ на душу; но такихъ многоземельныхъ обществъ гораздо менѣе, чѣмъ малоземельныхъ. Вслѣдствіе этого, всякому обязанному избрать себѣ родъ жизни остается единственно доступнымъ городское мѣщанское сословіе, къ которому волею или неволею, а должно причислиться, чтобы не быть прописнымъ и за это подвергнуться взысканію. Въ 1857 году изъ 175-ти отпущенныхъ приписалось въ государственные крестьяне 54, въ 1858 году изъ 1,537 — 274, въ 1859 г. по октябрь мѣсяцъ изъ 2,060 — 256. Слѣдовательно, изъ 3,772 отпущенниковъ, избравшихъ себѣ родъ жизни, поступило въ государственные крестьяне 15,4 % . а въ мѣщане 84,6 % . Хотя по закону и предоставленъ свободный выходъ изъ мѣщанскаго сословія во всѣ другія, кромѣ крѣпостнаго, но въ дѣйствительности, мѣщанинъ можетъ свободно перечислиться только въ купечество, если имѣеть достаточный капиталъ, потому что вступленіе въ государственные крестьяне для него, кромѣ общихъ затрудненій, о которыхъ было сказано выше, стѣснено слѣдующими запретительными условіями: «мѣщанамъ, которые не только сами, но и отцы ихъ никогда въ землешествѣ не упражнялись, или вступили въ какую либо промышленность, городскимъ жителямъ свойственную, и могутъ содержать себя по своему состоянію, переходъ въ крестьянство запрещается» (ст. 619 п. I, т. IX). Правительство, обращая сельскихъ обывателей въ городскіе, не принимало во вниманіе, способны ли они къ торговлѣ, ремесламъ и вообще къ промысламъ, свойственнымъ городамъ, и имѣють ли къ этому матеріальныя средства; отъ городскихъ же обывателей, при переходѣ ихъ въ сельскіе, требуетъ знаній или по крайней мѣрѣ практическаго навыка въ земледѣліи. Для городскихъ промысловъ конечно требуется вообще больше развитія и промышленности, чѣмъ для сельскихъ, и тотъ, кто разъ выучился извѣстному ремеслу, не пойдетъ въ земледѣльцы, потому что земледѣльческія работы гораздо труднѣе ремесленныхъ. О занимающихся торговлею и говорить нечего. Слѣдовательно, опасенія правительства относительно перехода ремесленниковъ и торговцевъ въ земледѣльцы напрасны. Если уже допускать опеку правительства, при избраніи рода жизни, то скорѣе эта мѣра можетъ быть допущена при запискѣ въ городскіе обыватели, потому что въ городахъ—говоритъ Екатерина II-я въ Наказѣ, данномъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, «обитають мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ». Слѣдовательно, если таковъ взглядъ правительства на значеніе городовъ, то какимъ образомъ ставить въ обязательное положеніе приписываться къ городамъ людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о ремеслахъ, ни о торговлѣ, ни о промышленности, какъ напримѣръ, церковника, уволеннаго изъ духовнаго званія за неспособностію или по подозрѣнію въ преступленіи (ст. 463 п. 1 и 278, т. IX). «Въ городахъ, говоритъ Екатерина II-я, въ которыхъ многія обращенія торгъ имѣеть, весьма смотрѣть должно, чтобы чрезъ честность и добронравіе гражданъ сохранился кредитъ во всѣхъ частяхъ коммерціи, потому что честность и кредитъ суть души коммерціи». Какой же можетъ держаться кредитъ, если правительство вербуетъ въ городское сословіе людей, возвращенныхъ изъ Сибири, оставленныхъ въ подозрѣніи по преступленіямъ и проступкамъ, и т. п.? Мы далеки отъ той мысли, чтобы ставить строгія ограниченія при вступленіи въ городское сословіе; напротивъ, желаемъ, чтобы была предоставлена полная свобода вступленія во всѣ сословія; равнымъ образомъ и переходъ изъ одного сословія въ другое не долженъ подлежать никакимъ ограниченіямъ. По нынѣ дѣйствующимъ законоположеніямъ, городское общество, говоря собственно о мѣщанахъ, носить на себѣ характеръ крѣпостной, какъ по происхожденію своему и вступленію лицъ въ это сословіе, такъ и по переходу изъ него въ другія.

«Въ западной Европѣ (продолжаетъ г. Ганъ) городъ является историческимъ результатомъ прожитой народомъ жизни, а у насъ—административнымъ учрежденіемъ власти. Отъ этого характеръ и направленіе дѣятельности горожанъ, несмотря на данное имъ отъ правительства городское уложеніе, остается тотъ же самый, который имѣли они до объявленія мѣста ихъ жительства городомъ. Такъ какъ большая часть нашихъ городовъ до преобразованія ихъ правительствомъ въ эти учрежденія были земледѣльческими поселеніями, то занятіе большей части жителей и до сихъ поръ составляетъ хлѣбопашество. Назадъ тому лѣтъ 50 изъ мѣщанъ города Саратова жили хуторами на городской землѣ

1570 душъ, они постоянно занимались хлѣбопашествомъ; но по волѣ правительства ихъ переселили въ городъ. Иѣкоторые изъ нихъ успѣли захватить мѣста по рѣчкѣ Березиной и Кожуриной, развели сады и до настоящаго времени остаются земледѣльцами. Многие изъ мѣщанъ имѣютъ свои дома и все земледѣльческое обзаведеніе на городской землѣ, снимая ее у контрагента думы и комиссиі о раздачѣ въ оброкъ городскихъ земель. Въ минувшемъ 1859 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ саратовской городской думы, показано подъ посявами мѣщанъ до 15 т. десятинъ, что даетъ болѣе одной десятины на душу. Въ г. Вольскѣ промышленность городскихъ обывателей— сказано въ отчетѣ думы за 1859 годъ— заключается главнѣйше въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Купцами и мѣщанами распахивается ежегодно среднимъ числомъ до 5 т. десятинъ земли, что даетъ среднимъ числомъ болѣе $\frac{1}{2}$ десятины на душу. До 800 душъ вольскихъ мѣщанъ живутъ особыми хуторами на городскихъ земляхъ и занимаютъ исключительно хлѣбопашествомъ, со взносомъ въ доходъ города за землю по 5 коп. сер. съ десятины. Въ другихъ городахъ Саратовской губерніи, поставленныхъ географическимъ положеніемъ въ менѣе благоприятныя условія для промышленности, хлѣбопашество производится еще въ большихъ размѣрахъ. Такъ въ г. Петровскѣ въ 1859 году мѣщанами распахано было 6.320 десятинъ, что даетъ на каждую душу среднимъ числомъ 2—6 десятинъ. Эти немногія данныя убѣждаютъ въ той мысли, что правительственными учрежденіями нельзя измѣнить направленія народной дѣятельности; скорѣе правительство вмѣсто сочувствія встрѣтитъ открытое сопротивленіе своимъ нововведеніямъ, если они не отвѣчаютъ внутренней потребности народа. Такъ это и было при преобразованіи въ 1836 году слободы Царевки (нынѣ Астраханской губерніи) въ городъ Царевъ. Жители Царевки, сознавая, что съ открытіемъ города они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ мѣщанъ и волею или неволею сдѣлаться торговцами или ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію. Начальство не сочло нужнымъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ благимъ мѣрамъ правительства и объявило Царевку городомъ. Недовольные жители рѣшились на странную мѣру: не продавать чиновникамъ съѣстныхъ припасовъ и такимъ образомъ голодомъ выжить непрошенныхъ гостей. Но ихъ признали бунтовщиками и посредствомъ военной команды заставили повиноваться.

«Правительство, обращая земледѣльческія поселенія въ города и вмѣстѣ съ тѣмъ отбирая у жителей земли—единственный источникъ ихъ существованія, ничего не представило имъ взамѣнъ земли. Не должно упускать изъ виду, что мелкая промышленность, и именно ремесла, сосредоточиваются у насъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ: она производится съобща въ селахъ, которыя вывозятъ свои произведенія на ярмарки. У насъ нерѣдко деревенскіе сапожники, столяры и слесари снабжаютъ своими произведеніями города. Слѣдовательно, къ чему могутъ служить мѣщанину данныя ему правительствомъ права на свободную торговлю крестьянскими издѣліями, когда крестьяне сами снабжаютъ ими горожанина, а не онъ ихъ?»

«Всѣ эти длинныя соображенія мы вели къ тому, чтобы доказать, что положеніе нашихъ горожанъ, созданныхъ по волѣ правительства, не нормальное, что экономическія условія, въ какія они поставлены верховною властію, не обезпечиваютъ ихъ жизни, и что при этихъ условіяхъ они никогда не будутъ исправными исполнителями своихъ обязанностей въ отношеніи къ государству; на нихъ всегда будетъ оставаться неоплатная податная недоимка, отъ которой они будутъ избавляться только Всемилоствѣйшими манифестами».

Кромѣ этихъ экономическихъ условій, недоимка растетъ и отъ самаго способа взиманія податей, отъ круговой поруки, при которой въ городахъ «кто исправнѣ платитъ, на того и накладываютъ больше», потому что городскія думы или ратуши и податные старосты и ихъ помощники, отвѣчая за недоимку съ общества своимъ имуществомъ и подвергаясь за нее «строгому исправительному взысканію», должны думать не о равномерномъ распредѣленіи податей, а только о бездоимочномъ взносѣ ихъ.

«Изъ множества случаевъ неуравнительнаго распредѣленія податей (говорить г. Ганъ) приведемъ одинъ, разсказанный намъ человѣкомъ, заслуживающимъ полного довѣ-

рія. Въ бытность его городскимъ головою въ Саратовѣ (разсказывающій служилъ три выбора городскимъ головою) является въ присутствіи старикъ-мѣщанинъ съ убѣдительною просьбою освободить его отъ платежа податей за накладную душу, потому что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ платилъ за нее. Такъ-какъ мѣщанинъ былъ чело-вѣкъ состоятельный, то голова сталъ убѣждать его покориться неизбежной долѣ. «Но по крайней мѣрѣ», отвѣчалъ мѣщанинъ, «хотя бы показали мнѣ этого несчастнаго, за котораго я столько лѣтъ плачу подати». Голова, чтобы успокоить просителя, позвалъ мѣщанскаго старосту, и велѣлъ отыскать накладную душу, за которую платилъ проситель. Привели молодца лѣтъ 30, здороваго, въ красной рубашкѣ, плисовыхъ шароварахъ и суконной чуйкѣ.—Ты не платишь податей?—спросилъ его голова. — «Не плачу». —Почему?—«За меня платятъ другіе»...

«По невозможности перелгать подать съ лицъ, особенно неспособныхъ, на предметы, какъ у сельскихъ обывателей на землю, податная недоимка у мѣщанъ часто дѣлается наследственною и растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ будующаго гражданина, такъ что когда онъ достигаетъ лѣтъ 18-ти, на немъ лежитъ уже неоплатная недоимка, которая давитъ его и поглощаетъ весь его заработокъ. Счастье, если по стеченію какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствъ, онъ успѣетъ расплатиться съ недоимкою, а то—бѣдность, а съ ней и порокъ, окончательно задавятъ его, и кончится тѣмъ, что общество, какъ неисправнаго плательщика, отдастъ его въ рекруты за міръ. Для примѣра, какъ образуется на мѣщанахъ податная недоимка, приведемъ нѣсколько семействъ изъ окладныхъ книгъ мѣщанъ г. Саратова. Семейства эти, скажемъ напередъ, взяты нами не на выборъ, а почти къ ряду. По окладной книгѣ 1855 г. подъ № 1767 значится: Иванъ Николаевъ Кокуевъ 39 лѣтъ, текущихъ податей 3 р. 11 к., недоимки за 1849 г. 1 р. 45 к. Съ 1850 по 1855 г. платежей не было, исключая 1853 и 1854 г., когда текущіе платежи сложены были на другихъ, то податная недоимка возрасла до 24 руб. 92 к. сер. Какъ возрасла недоимка на Кокуевѣ? До 1850 г. семейство Кокуевыхъ состояло изъ двухъ душъ—сына и отца, который въ наследство сыну оставилъ послѣ себя недоимку въ 3 р., да на самомъ Иванѣ Кокуевѣ состояло въ 1849 г. 1 р. 45 к., итого недоимки къ 1851 г. 4 р. 45 к., да текущихъ платежей за двѣ души 6 р. 23 к., всего въ 1851 г. должно было заплатить 10 р. 68 к. Въ этотъ годъ Кокуевъ взять былъ по одному дѣлу подъ стражу въ тюремный замокъ, гдѣ и содержался три года, въ теченіе которыхъ подати возрасли до сказанной нами цифры. По освобожденіи изъ тюремнаго замка, Кокуевъ сданъ въ рабники, какъ неисправный плательщикъ податей. Счастье, что у Кокуева не осталось дѣтей, а то вся его недоимка досталось бы имъ на долю и можетъ быть ихъ постигла бы участь отца».

Авторъ записки приводитъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода; изъ нихъ приведемъ одинъ послѣдній. Семейство мѣщанъ Березкиныхъ чледилося по окладу 1859 г. состоящимъ изъ 7 ревизскихъ душъ, не имѣя ни одного совершеннолѣтняго работника, и на трехъ мальчиковъ, остававшихся тогда въ семействѣ Березкиныхъ, падало тогда платежей 21 рубль 80¹/₂ к. въ годъ. Этимъ мальчикамъ очевидно суждено, какъ только подростутъ, веѣмъ идти въ солдаты за накопленіе на нихъ недоимки.

Вотъ заключеніе г. Гана:

«Напрасно думаютъ нѣкоторые, что недоимка на мѣщанахъ накапливается отъ недостатка строгихъ мѣръ въ отношеніи къ неисправнымъ плательщикамъ. Зло—въ экономическихъ условіяхъ мѣщанъ, въ податной системѣ и въ несоразмѣрности налога. Величина налога вездѣ одинакова, мѣра взысканій тоже, а между тѣмъ какое разнообразіе въ податной недоимкѣ!»

«Для исправной уплаты мѣщанами податей, по нашему мнѣнію, необходимо: 1) измѣнить ихъ экономическія условія, т. е. обратить тѣхъ, кто пожелаетъ въ первобытное состояніе, въ земледѣльцевъ; для чего надѣлать ихъ землею, гдѣ представится къ тому возможность изъ городскихъ дачъ, въ противномъ случаѣ изъ казенныхъ земель.

2) Подушную подать переложить съ душъ на землю, и обложить податью только работниковъ отъ 16 до 60 лѣтъ включительно.

3) Мѣщанъ, занимающихся торговлею, промыслами и личными услугами, раздѣлить на категоріи, на основаніи приблизительной оцѣнки доходовъ каждой категоріи.

4) Вносить въ податной окладъ только работниковъ отъ 16 до 60-лѣтняго возраста, и 5) исправный взносъ податей оставить на личной отвѣтственности каждаго плательщика, а не всего общества».

Новыя періодическія изданія.

„Основа“, 1861 № 1.

Мы, великоруссы, не можемъ похвалиться, что всегда были справедливы въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ съ малороссами. Еще очень недавно русская литература смотрѣла на попытки придать литературное значеніе малорусскому языку иногда съ надменной уемѣнкой, иногда и прямо съ враждой. Великимъ и совершеннымъ ничто не рождается, а народная потребность и любовь къ родному заставляютъ націю принимать съ восторгомъ первыя родныя произведенія, каково бы ни было ихъ безъотносительное достоинство. Малороссы естественно должны были восхищаться сочиненіями первыхъ малорусскихъ писателей. Мы, великоруссы, читая повѣсти Основьяненка, перелицеваваную Энеиду Котляревскаго и стихи Гулака Артемовскаго, не находили въ нихъ ничего особенно хорошаго, и слишкомъ безцеремонно стали подѣмѣваться надъ малороссами за восхищеніе такими писателями. Кромѣ посредственности дарованій, многіе пѣз насъ охлаждались и самымъ направленіемъ тогдашнихъ малорусскихъ корифеевъ. Это были люди патріархальные, — не то, что народные, нѣтъ, а просто не умѣвшіе различать въ своемъ родномъ бытѣ дурныхъ сторонъ отъ хорошихъ и возводившіе въ идеаль многія такія вещи, отъ которыхъ уже отворачивался самъ малорусскій народъ. Чтобы малорусской публикѣ понятно стало, о чемъ мы говоримъ, просимъ нашихъ малорусскихъ читателей припомнить анекдотъ, случившійся при чтеніи «Листовъ къ любезнымъ землякамъ» на сельской сходкѣ малороссійскихъ поселянъ, — анекдотъ этотъ вѣроятно очень извѣстенъ въ южной Россіи, по крайней мѣрѣ мы слышали его отъ малороссовъ очень часто. Пока чтець (чуть ли не самъ Основьяненко) читалъ изъ этихъ «Листовъ» разсужденія о вредѣ пьянства, малороссы поддаковали и одобрительно кивали головами. Но едва чтець дошелъ до разныхъ высшихъ философствованій и внушеній, изъ толпы послышался единодушный отзывъ: «это уже пошли враки» — отто вже брехня. Слишкомъ наивный авторъ «Листовъ» принялъ за чистую монету квасныя разглагольствованія нашей татарщины и почелъ, что переводомъ ихъ на малорусскій языкъ сдѣлаетъ пользу и удовольствіе своимъ любезнымъ землякамъ. Литература наша, не долюбливавшая подобныхъ разсужденій на великорусскомъ языкѣ, не слишкомъ полюбила такой отбѣнокъ въ тогдашнихъ корифеяхъ возникавшей малорусской литературы. Быть можетъ нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Основы», хотя сами и никакъ не могутъ подлежать подобному упреку, найдутъ, что мы не справедливы къ Основьяненкѣ и его сверстникамъ, — быть можетъ они скажутъ, что гражданскія понятія Основьяненка должны назваться удовлетворительными, а уже навѣрное многіе прибавятъ, что малорусскія произведенія Основьяненка

имѣютъ высокое художественное достоинство, не въ примѣръ выше его разсказовъ на великорусскомъ языкѣ. Пусть оно будетъ и такъ—спорить мы не намѣрены: мы только выставяемъ мнѣнія тогдашней великорусской литературы, какъ причины извѣстнаго историческаго факта, а вовсе не доказываемъ, что эти мнѣнія были справедливы. Тѣмъ меньше расположены мы оправдывать самый фактъ,—неблагоприятныя сужденія, какія часто встрѣчались въ тогдашнихъ петербургскихъ и отчасти московскихъ журналахъ о тогдашней малорусской литературѣ. Въ этихъ сужденіяхъ была явная опрометчивость.

Съ той поры у нѣкоторыхъ малороссовъ до сихъ поръ удержалось мнѣніе, будто бы великоруссы все еще плохо расположены къ южно-русской народности. Что и говорить, мало ли какихъ людей найдется въ нашей матушкѣ Великой Руси. Есть такіе молодцы, которые не только не стануть питать дружескихъ чувствъ къ «Основѣ», — не питаютъ ихъ и ни къ одному мало-мальски порядочному московскому или петербургскому журналу; которые не то что по-малорусски, а и по-великорусски учиться не дали бы никому. Но про такихъ людей нечего разсуждать: мы готовы были бы выдать ихъ всѣхъ головой не только малороссамъ, а пожалуй хотя бы друзьямъ, да и тѣ ихъ не возьмутъ къ себѣ. Мы будемъ говорить только о тѣхъ великоруссахъ, которыхъ не должна стыдиться назвать своими людьми ихъ родина, и мы можемъ увѣрить малороссовъ, что никто изъ такихъ людей не откажется назвать своимъ мнѣніемъ слѣдующій взглядъ на литературныя стремленія малорусской народности.

Съ той поры, какъ отзывался кто нибудь въ великорусской литературѣ холодно объ этомъ стремленіи, времена измѣнились, порядкомъ измѣнились мы, да и малорусская литература получила уже такое развитіе, что даже могла бы обойтись и безъ нашего великорусскаго одобренія, еслибъ могли мы не имѣть къ ней сочувствія. Когда у поляковъ явился Мицкевичъ, они перестали нуждаться въ снисходительныхъ отзывахъ какихъ нибудь французскихъ или нѣмецкихъ критиковъ: не признавать польскую литературу значило бы тогда только обнаруживать собственную дикость. Имѣя теперь такого поэта какъ Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни въ чьей благосклонности. Да и кромѣ Шевченка пишутъ теперь на малорусскомъ языкѣ люди, которые были бы не послѣдними писателями въ литературѣ и побогаче великорусской. Другіе писатели, по самому роду своей дѣятельности избирающіе для своихъ произведеній великорусскій языкъ, принадлежатъ всѣми своими симпатіями къ кругу людей, наиболѣе заботящихся о развитіи малорусской народности. А важнѣе всего то обстоятельство, что сама малорусская нація пробуждается. Если чехи необходимо должны имѣть свою литературу, хотя чеху вѣроятно не труднѣе выучиться читать польскія книги, чѣмъ малороссу великорусскія, то странно было бы отрицать справедливость такого же стремленія въ малороссахъ, которые вдвое многочисленнѣе чеховъ.

Къ чему приведетъ это стремленіе, — мы того не знаемъ, какъ не знаютъ и сами малороссы, потому что дѣло зависить отъ путей, по которымъ пойдетъ вся исторія всей восточной Европы. Быть можетъ черезъ 1.000 лѣтъ не останется на свѣтѣ ни сербовъ, ни болгаръ, ни малороссовъ, а будутъ потомки этихъ народовъ составлять какой нибудь одинъ народъ, котораго теперь еще и нѣтъ на свѣтѣ. Если такъ, разумѣется не тысячелѣтняя жизнь суждена и малорусской литературѣ, и быть можетъ исчезнетъ она по случаю минованія народной потребности въ ней, не развившіеся до богатства учеными книгами по всеобщей исторіи или философіи, по

математикѣ или естественнымъ наукамъ на малорусскомъ языкѣ. А быть можетъ случится и наоборотъ, — и судя по всему прежнему ходу исторіи, надобно скорѣе думать, что случится наоборотъ; не какія нибудь 200 или 300 лѣтъ, а Богъ-знаетъ сколько вѣковъ будутъ говорить по-малорусски люди, живущіе по Днѣпру и дальше на западъ; въ такомъ случаѣ будетъ существовать и малорусская литература Богъ-знаетъ сколько вѣковъ; а если такъ будетъ, то нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что раньше или позже появятся на малорусскомъ языкѣ всякія книги, какія пишутся теперь, напримѣръ, хотя бы на польскомъ языкѣ: не одни стихотворенія и повѣсти, а также ученые трактаты по всевозможнымъ наукамъ. Еще недавно мы отваживались сказать, что на малорусскомъ языкѣ невозможно было бы явиться статьѣ г. Безобразова объ аристократіи; оно и правда, что теперь невозможно; а со-временемъ, — почему знать? могутъ появиться у малоруссовъ свои доморощенные гг. Безобразовы и, чего добраго, будущій г. С. Г. издастъ когда нибудь «Философскій Словарь» на чистѣйшемъ малорусскомъ языкѣ.

Просимъ малоруссовъ не тревожиться: мы не предсказываемъ, что ихъ непременно постигнетъ такая бѣда; мы только говоримъ, что пусть они не думаютъ, будто мы хотимъ сохранять за великорусскимъ языкомъ привилегію служить органомъ мыслей г. С. Г. о философіи, г. Ржевскаго о политической экономіи, г. Ротчева объ Англіи, г. Андреева о древнемъ Римѣ (съ императоромъ Агриппою) и т. д.; мы отъ души имъ желаемъ имѣть на малорусскомъ языкѣ книги обо всѣхъ этихъ предметахъ, только съ тою оговоркою, что желаемъ имъ имѣть писателей не такихъ, какъ эти наши.

Однако, перейдемъ къ настоящему дѣлу. Спрашиваютъ иногда: способенъ ли малорусскій языкъ достигъ высшаго литературнаго развитія? Намъ кажется, что простительно, когда дѣлаютъ такой вопросъ люди, никогда не думавшіе о малорусской народности, — не по отсутствію симпатіи къ ней, а просто потому, что не случилось имъ думать ни о Малороссіи, ни о Россіи, ни о Европѣ, ни объ Америкѣ, да ни о чемъ въ свѣтѣ, какъ не случилось прочесть Кольцова или Островскаго, которыхъ они, впрочемъ, навѣрное полюбили бы, если бы прочли. Но мы нѣсколько обижаемся за Малороссію, когда такой же вопросъ предлагаютъ себѣ малороссы, — какъ будто объ этомъ можно спрашивать! Да развѣ слѣдуетъ имѣть тутъ какое нибудь сомнѣніе? Да развѣ есть на свѣтѣ какой нибудь языкъ или какое нибудь нарѣчіе, которое не получитъ высшаго литературнаго развитія, когда племя, говорящее имъ, будетъ нуждаться по своему развитію въ литературѣ? Вѣдь нидерландцы, напримѣръ, говорятъ языкомъ, который къ ниже-нѣмецкимъ нарѣчіямъ едва ли не ближе, чѣмъ малорусскій къ великорусскому; и къ которому ниже-нѣмецкія нарѣчія гораздо ближе, чѣмъ къ литературному нѣмецкому. Почему же у нидерландцевъ есть своя литература, у другихъ platt-deutscher'овъ нѣтъ своей особенной литературы? Просто потому, что есть между говорящими на нидерландскомъ нарѣчій люди, нуждающіеся въ литературѣ, а въ племенахъ, говорящихъ другими ниже-нѣмецкими нарѣчіями нѣтъ такихъ людей, — тутъ кто любитъ читать книги, тотъ уже бросилъ говорить на мѣстномъ нарѣчій и говорить (болѣе или менѣе удачно) литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ. То же самое и у насъ съ какимъ нибудь рязанскимъ или костромскимъ нарѣчіемъ. Они безъ сомнѣнія никогда не будутъ имѣть высокаго литературнаго развитія. Но почему? Потому ли, что сами въ себѣ неспособны къ вышему развитію? Какой вздоръ! Чѣмъ же слово

«знать» хуже само по себѣ слова «знаеть» и форма «рукамъ, ногамъ», хуже формы «руками, ногами»? Нѣтъ, просто потому, что сознание костромича или тамбовца о себѣ, какъ о костромичѣ или тамбовцѣ, совершенно исчезаетъ въ его сознаниі о себѣ, какъ о великорусѣ. Онъ думаетъ: «не стоитъ мнѣ хлопотать о моихъ мѣстныхъ отличіяхъ»; онъ держится ихъ только тогда, когда по незнанію не имѣетъ возможности бросить ихъ безъ вниманія, котораго впрочемъ и такъ не имѣетъ къ нимъ. Если племя находится въ такомъ нравственномъ расположеніи, то не бываетъ ни между нимъ, ни въ какихъ книгахъ разсужденій о способности его нарѣчія къ высшему литературному развитію. Таково ли положеніе малороссовъ? Лѣтъ 50 или 70 тому назадъ, каждый изъ нихъ вѣроятно точно такъ же радъ былъ бросить свой языкъ для великорусскаго, какъ чехъ тогда радъ былъ стать изъ чеха нѣмецемъ, или словакъ изъ словака мадяромъ, или какъ теперь провансалець радъ стать изъ провансальца истымъ парижаниномъ по разговорю. Теперь не то у малороссовъ. А если не то, такъ почему же и не быть способну ихъ языку къ высшему литературному развитію, когда способно къ нему нидерландское нарѣчіе?

Но дѣйствительно ли есть у малороссовъ любовь къ своему нарѣчію, потребность имѣть на немъ литературу? Тутъ кажется опять таки не о чемъ спрашивать. Не только они сами сознаютъ, даже мы великоруссы признаемъ, что они не великоруссы, а малороссы, что они имѣютъ много важныхъ особенностей отъ насъ и дорожатъ этими особенностями. Могутъ ли имѣть они потребность въ книгахъ, писанныхъ языкомъ, различнымъ отъ великорусскаго, объ этомъ каждый изъ насъ можетъ судить по себѣ, — стоитъ только ему развернуть малорусскую книгу: если онъ не имѣлъ случая познакомиться съ малорусскимъ языкомъ, онъ пойметъ въ этой книгѣ немногимъ больше, чѣмъ въ польской и едва ли больше, чѣмъ въ сербской. Легко ли, пріятно ли читать книги на чужомъ языкѣ? Оно и легко и пріятно бываетъ, когда вы научились чужому языку, — но и то лишь въ томъ случаѣ, если на своемъ родномъ языкѣ вы начитались книгъ досыта. Чтеніе книги на чужомъ языкѣ — все равно, что выѣздъ въ гости: бывать по временамъ въ чужихъ людяхъ пріятно и даже полезно; но не приведи Богъ никому не имѣть своего угла!

Великорусская книга — родная книга и архангельцу, и енисейцу, и астраханцу, но не родная она малороссу. Ему нужно теперь, не такъ какъ намъ, не только учиться тому, чему онъ хочетъ учиться, — ему нужно еще учиться великорусскому языку, чтобы можно стало учиться чему нибудь, прямо нужному для его развитія. Дѣло другое, если бы имѣли любознательность и надобность въ просвѣщеніи только тѣ люди въ Малороссіи, которые съ младенчества слышатъ въ своемъ семействѣ великорусскій языкъ, выучиваются говорить на немъ въ первые годы дѣтства, незамѣтно, безъ труда, безъ потери времени. Тогда малорусская литература была бы не нужна, какъ не была бы нужна, напримѣръ, и шведская литература, если бы въ Швеціи охоту и надобность учиться имѣли только тѣ люди, которые съ дѣтства привыкаютъ говорить по-нѣмецки, какъ на родномъ языкѣ. Но этого нѣтъ ни въ Малороссіи, ни въ Швеціи; потому нельзя ни Малороссіи, ни Швеціи обойтись безъ своей особенной литературы.

Отношеніемъ, изъ котораго вытекаетъ необходимость малорусской литературы, опредѣляется и размѣръ, въ которомъ возможно ей съ дѣйствительнымъ, а не мечтательнымъ успѣхомъ развиваться въ нынѣшнее время. Кому нужна она, и для чего нужна она?

Всѣ образованные люди въ Малороссіи привыкли читать и почти всѣ — свободно говорить по-великорусски. Они собственно не нуждаются въ малорусскихъ книгахъ по тѣмъ отраслямъ литературы, въ которыхъ языкъ составляетъ второстепенную вещь: потому писать ученые книги или серьезные статьи на малорусскомъ языкѣ нѣтъ еще надобности теперь. Дѣлая эту оговорку, мы кажется не противорѣчимъ понятію самыхъ усердныхъ дѣятелей малорусской литературы: г. Костомаровъ и г. Кулишъ пишутъ свои ученые изслѣдованія по-великорусски, и сколько мы знаемъ, никому изъ малоруссовъ не приходило въ голову желать, чтобы они писали ихъ по-малорусски. Это была бы прихоть, а не потребность. Прииспособлять языкъ для изложенія предметовъ, о которыхъ не писалось на немъ, — дѣло скучное, тяжелое; новая терминологія, съ трудомъ формируемая, утомительна для читателя, какъ бы ни одобрялъ онъ такіе опыты. Кому есть возможность избѣгать утомленія, тотъ всегда станетъ уклоняться отъ него; потому слѣдуетъ полагать, что собственно ученая литература на малорусскомъ языкѣ теперь еще пока была бы явленіемъ излишнимъ и безуспѣшнымъ. Нынѣшнее поколѣніе образованныхъ малоруссовъ не нашло бы въ ней надобности, потому что все его научное образованіе срослось съ великорусскимъ языкомъ.

Не таково положеніе малорусскихъ простолюдиновъ, — людей едва грамотныхъ или желающихъ учиться грамотѣ. Имъ книги серьезнаго содержанія были бы гораздо понятнѣе на малорусскомъ языкѣ. Потому популярная литература — серьезные книги для чтенія въ школахъ, въ семействахъ поселенъ должны явиться на малорусскомъ языкѣ теперь же. Это тѣмъ необходимѣе, что и по-великорусски порядочной популярной литературы еще нѣтъ; малоруссы ровно ничего не потеряютъ, отказавшись отъ нея, — вѣдь все равно, дѣло еще надобно начинать съ самаго начала, на великорусскомъ ли, на малорусскомъ ли языкѣ; а если люди не связаны драгоцѣнностью уже готоваго матеріала, то лучше всего имъ приняться за подготовку именно такого матеріала, какой нуженъ для нихъ — великоруссамъ за доставленіе своему народу книгъ на своемъ языкѣ, малоруссамъ — своему на своемъ.

Высказывая такое мнѣніе, мы полагаемъ, что и для успѣховъ нашей великорусской популярной литературы будетъ полезно, если малоруссы станутъ работать для доставленія своему народу книгъ на своемъ языкѣ, не удовлетворяясь для этой цѣли великорусскими книгами и не полагаясь на насъ. У нихъ любовь къ народности такъ сильна, что за снабженіе народа книгами навѣрно примутся люди самые даровитые, и книги будутъ написаны ими очень хорошія. А достоинство популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ возбудитъ соревнованіе и въ насъ: намъ станетъ тогда совѣстно не потрудиться хорошенько для нашего племени.

Преподаваніе малорусскому народу на малорусскомъ языкѣ, развитіе популярной малорусской литературы — вотъ по нашему мнѣнію та цѣль, къ которой всего удобнѣе и полезнѣе будетъ стремиться малоруссамъ на первое время.

О малорусской беллетристикѣ и поэзій мы не говоримъ, потому что права этихъ отраслей малорусской литературы признаны всѣми даже и обскурантами.

Когда популярною литературою и распространеніемъ школъ будетъ въ Малороссіи подготовлена надобность и въ другихъ малорусскихъ книгахъ, кромѣ популярныхъ, беллетристическихъ и поэтическихъ, сами собою разовьются и другія отрасли малорусской литературы; но онѣ разовьются этимъ естественнымъ путемъ настоящей нужды въ нихъ лишь въ томъ случаѣ, если явится въ Малороссіи масса.

просвѣщенныхъ людей, не имѣющихъ нынѣшней привычки говорить и думать на великорусскомъ языкѣ обо всемъ, превышающемъ сферу обыденной домашней, просто-народной жизни.

Другія славянскія племена могутъ желать единства между собою, потому что каждое изъ нихъ было бы слишкомъ слабо въ отдѣльности, — имъ дѣйствительно нужна взаимная опора. Мы не въ такомъ положеніи. Мы такъ многочисленны, такъ сильны, что и одни мы въ отдѣльности не можемъ бояться никого, — намъ нѣтъ надобности искать чьей нибудь опоры для своей безопасности. Мы желали бы жить сами по себѣ. Это можетъ показаться гордостью. Называйте какъ хотите, но дѣло основано на статистическомъ фактѣ. Быть можетъ, не между нами одними находятся многіе, желающіе по внушенію предрасудковъ рѣшать иначе. Но нѣжныя чувства не годятся нигуда въ историческихъ расчетахъ. Вспомнимъ басню о двухъ горшкахъ, желѣзномъ и глиняномъ; вспомнимъ басню «Левъ на ловлѣ»; а если не хотимъ басенъ, посмотримъ на географическую карту. Вотъ сливаются Шилка и Аргунь, рѣки одинаковой величины, и ни одна изъ нихъ не обижена; изъ ихъ соединенія выходитъ рѣка Амуръ, въ которой признаютъ всѣ географы продолженіе не одной Шилки, а такъ же и Аргуни — или не одной Аргуни, а такъ же и Шилки. Посмотрите теперь на другое мѣсто карты: Кама, большая рѣка, очень большая рѣка, соединяется съ Волгой; что же образуется изъ ихъ соединенія? образуется Волга, — Кама исчезаетъ въ ней. Напрасно успивается она удержать въ широкомъ руслѣ Волги свою самобытность, напрасно воды ея жмутся плотнѣе, стараются сохранить полосу своего темнаго оттѣнка, — нѣсколько часовъ, нѣсколько верстъ, и темноватая полоса эта безслѣдно исчезаетъ въ широкомъ разливѣ желтыхъ водъ своей слишкомъ могущественной спутницы Волги. Спросите въ Астрахани, въ Нижнемъ, на какой рѣкѣ стоятъ эти города? На той самой, на которой стоятъ Ярославль и Тверь. А та рѣка, на которой стоитъ Пермь? То другая рѣка, она поглощена нашей рѣкой, — наша рѣка ярославская, а не пермская.

Мы надѣемся, что наши эти слова не будутъ приняты въ смыслѣ, который противорѣчалъ бы смыслу всѣхъ предшествовавшихъ страницъ. Но къ чему вѣчно думать все о себѣ! Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся, что нѣтъ уже на немъ ничего любопытнаго, кромѣ нашихъ дѣлъ? Посмотрите на этнографическую карту, положимъ, хотя Пиринейскаго полуострова: странную вещь вы увидите тутъ, о которой быть можетъ и не догадывались никогда. Какъ вы полагаете, на какомъ языкѣ говорятъ жители Каталоніи, Валенсіи и восточной части Арагоніи? На одномъ изъ нарѣчій южно-французскаго языка. Не правда ли, это удивляетъ васъ? Какія книги, какія газеты печатаются въ Барселонѣ, читаются въ Леридѣ, Тортозѣ, Алканте? вы знаете, что испанскія. Отчего же бы это такъ, когда вся эта страна отъ Алканте до Фигераса и Сольсоны населена племенемъ, родной языкъ котораго — одно изъ южно-французскихъ нарѣчій? Не знаемъ отчего, но посмотрѣвъ на противоположный, западный край Пиринейскаго полуострова, увидимъ другую странность. Португальцы имѣютъ свою особенную литературу, а между тѣмъ говорятъ просто на просто однимъ изъ нарѣчій испанскаго языка, — нарѣчіемъ, которымъ говоритъ народъ не въ одной Португаліи, а также и въ испанской Галисіи, гдѣ уже не читаютъ португальскихъ книгъ, а читаютъ испанскія книги, т. е. книги не на родномъ галисіиско-португальскомъ нарѣчій, а на кастильскомъ, т. е. мадридекомъ нарѣчій. Очень странно. Съ чего это вздумалось каталонцамъ и валенсійцамъ

объясняться? почему это галліійцы не могли, а португальцы могли дать своему (у обоихъ у нихъ одному и тому же) нарѣчію высокое литературное развитіе? Если что нибудь не такъ, какъ слѣдовало бы по логикѣ, то обыкновенно сваливаютъ хлопоты объясненій на исторію. Мы вобще не думаемъ ни скорбѣть, ни радоваться ни тому, что галліійцы пренебрегаютъ своимъ нарѣчіемъ, ни тому, что португальцы развиваютъ его. Что намъ до этого? пусть себѣ португальцы и каталонцы читають книги на какомъ хотятъ языкѣ. Весь нашъ интересъ въ ихъ дѣлахъ ограничивается желаніемъ всякаго добра для нихъ. Пусть они будутъ увѣрены въ искренности нашего доброжелательства, — но тутъ же то же самое доброжелательство заставляетъ насъ сдѣлать оговорку: пусть они однако изъ этого доброжелательства не выводятъ мысли пскать въ насъ опоры: у нихъ своя земля, у насъ своя земля, и если бы португальцы вздумали присоединить свою землю къ нашей на какихъ бы то ни было условіяхъ, пзъ этого мало бы пользы намъ, а еще меньше имъ.

Но мы Богъ-знаетъ куда отбились отъ «Основы». Начали мы было съ малорусской литературы такъ, что и могло-бы выйдти вступленіе къ отчету о новомъ журналѣ, а потомъ сбились съ толку такъ, что уже ровно никакого отношенія ни къ «Основѣ», ни къ малорусской литературѣ не оказывается въ нашемъ многословіи. Развѣ одною ниткою можно какъ-нибудь притянуть его къ «Основѣ». «Основа» хочетъ печатать малорусскія стихотворенія и повѣсти и кромѣ того быть сборникомъ матеріаловъ для изученія южно-русской страны, исторіи и народности. А мы заболтались до того, что начали разсуждать побасенками, что, какъ извѣстно, составляетъ уже народность. Вотъ она связь и пріискана, хотя съ порядочной натяжкой. Начнемъ же говорить о настоящемъ дѣлѣ, а великодушный читатель постарается забыть предыдущія страницы. — Программа «Основы» извѣстна читателю, — она была разослана при «Современникѣ», кромѣ того говорилось о ней и въ самомъ «Современникѣ». Стало быть, пересказывать ее вновь — дѣло лишнее, а надобно сказать только о томъ, каковъ первый нумеръ «Основы». Перечислять всѣ статьи въ немъ помѣщенные было бы также напрасно — списокъ ихъ можно видѣть въ объявленіяхъ (а еще лучше, на оберткѣ самой «Основы»), а мы замѣтимъ только нѣкоторые: ять стихотвореній Шевченка, разсказъ Марка Вовчка «Три доли», планъ драмы изъ украинской исторіи, найденный въ бумагахъ Гоголя, статьи о Климентіѣ и Котляревскомъ, составляющія начало обзора украинской словесности г. Кулиша, и мысли «О федеративномъ началѣ въ древней Руси» г. Костомарова.

Мы не будемъ говорить ни о разсказѣ Марка Вовчка, ни о пьесахъ Шевченка, — однихъ именъ этихъ довольно, чтобы люди, читающіе по-малорусски, назвали первый нумеръ «Основы» очень интереснымъ. Обратимъ вниманіе только на статьи г. Кулиша и г. Костомарова.

Немногіе изъ насъ слыхивали о Климентіѣ, стихотелѣ время Мазепы; но кто подверженъ наклонности приписывать хорошее вліяніе на народную жизнь той схоластикѣ, которая процвѣтала въ Кіевѣ и въ славяно-греко-россійской академіи, долженъ прочесть этюдъ г. Кулиша объ ученомъ поэтѣ, порожденномъ этою схоластикой. Надобно дивиться терпѣнію, съ которымъ авторъ перечитывалъ его безцвѣтныя вирши, выбирая все, что можетъ характеризовать или взглядъ его, или тогдашніе нравы. Зато и картина вышла поучительная для многихъ изъ нашихъ историковъ литературы. Несмотря на свое званіе, Климентій — грязный циникъ, и назидательные его стихи учатъ разврату. Кромѣ пьянства, вся-

ческаго кутежа и презрѣнія къ женщинѣ, Климентій внушаетъ только развѣ слѣдующія понятія, — переводимъ прозою конецъ его виршей «о мужикахъ, уходящихъ въ слободы» (т. е. уходящихъ въ малонаселенныя мѣста отъ притѣсненій).

«Они покидаютъ готовыя избы и, пришедши въ вольное село, не имѣютъ ихъ; они подвергаются бѣдствіямъ хуже прежнихъ и развѣ-развѣ остаются живы сами; тутъ имъ ужъ воля хотѣ бѣжать въ лѣсъ, хотѣ къ самому чорту, хотѣ утопиться, хотѣ удавиться. Вотъ твоя доля, глупый мужикъ, бунтовщикъ противъ своего пана. Не хотѣлъ ты повиноваться папу, гибни же теперь за свою злую непокорность, за упрямую свою гордость. Хорошо дѣлаютъ наны, которые обираютъ такихъ мужиковъ: Богъ проститъ ихъ, въ этомъ нѣтъ грѣха. Слѣдуетъ не только обирать ихъ, слѣдуетъ забивать до смерти. Ежели человѣкъ не повинуется кому слѣдуетъ, то оберни и хотѣ убей его до смерти за такую вину. Богъ за (убійство) бунтовщика не накажетъ, а еще наградитъ, потому что онъ виноватъ не передъ однимъ паномъ, а и передъ самимъ Богомъ. Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надобно до конца претерпѣть, и за то могъ бы ты получить спасеніе. Потому вы, павы, не шадите такихъ бѣглецовъ: грабьте ихъ, бейте и отнимайте у нихъ дѣтей. Не оказывайте имъ никакого снисхожденія, а справляйтесь съ ними, какъ я говорю».

Хорошъ наставникъ и для народа, и для пановъ. Если мало вамъ этого, то вотъ еще переводъ только двухъ стиховъ: «Не вѣрь никакой женщинѣ, ни даже женѣ», говоритъ Климентій, —

«Даже мать, и она тоже женщина, и черезъ мать попадаетъ человѣкъ въ бѣду и въ грѣхъ».

До такой пошлости, чтобы даже о матери говорить подобнымъ образомъ, не доходилъ никогда и грубѣйшій человѣкъ, не испорченный схоластикомъ; эти стихи Климентія такъ замѣчательны своей удивительною наглостью, что мы выпишемъ ихъ подлинными словами, — иначе читатель усомнился бы, не прикрашена ли мысль Климентія въ нашемъ переводѣ.

«И еще би и мати, еднакъ тая жъ жена,
и презъ матеръ биваетъ скорбъ и грѣху вина».

Познакомившись съ Климентіемъ, навѣрное потеряешь охоту говорить, что имѣлъ или могъ имѣть благотворное вліяніе на гражданскій или семейный бытъ тотъ элементъ, представителемъ котораго является Климентій. Изъ статьи г. Кулиша о Котляревскомъ мы выпишемъ нѣсколько строкъ, могущихъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ прежней ошибки нашихъ московскихъ и петербургскихъ писателей, не думавшихъ, чтобы изъ стремленія къ малорусской литературѣ вышло нѣчто хорошее, видимое нами теперь. Природный талапъ, по словамъ г. Кулиша, былъ у Котляревскаго, но дурной вкусъ, которому онъ поддакъ, отразился на поколѣніи малорусскихъ писателей, воспитавшихся его перелицованною Энеидою, «Наталкою Полтавкою» и «Москалемъ Чаривникомъ».

«Когда для этого молодаго поколѣнія (говоритъ г. Кулишъ) наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ не могло вполне отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ — *котляревщина*. Комически карикатурное и идеалчески сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до

сихъ поръ во многихъ, повидимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря уже о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати или не находящихся для себя издателя.»

Если г. Кулишъ говорить, что въ малорусской литературѣ часто и до сихъ поръ отражается котляревщина, конечно не намъ противъ этого спорить. Но мы теперь видимъ въ ней много и другаго, уже не похожаго на котляревщину, и зато теперь уже никто изъ насъ не можетъ отзываться о малорусской литературѣ безъ уваженія и сочувствія, если не хочетъ заслужить названія невѣжды.

Статья г. Костомарова «О федеративномъ началѣ древней Руси» представляетъ общій очеркъ взгляда его на очень важный вопросъ нашей древней исторіи: по какому принципу дробилась Русь на удѣлы и какими элементами возстановилось политическое единство націи. Г. Костомаровъ доказываетъ, что главнымъ основаніемъ распаденія Руси на удѣлы было различіе племенъ между русскими славянами; по всей вѣроятности, этой племенной разницѣ дѣйствительно принадлежало очень важное участіе въ раздробленіи Руси, хотя конечно были и другія причины, напримѣръ, вліяніе топографическихъ условій, невозможность долго удерживать отдаленные края въ покорности какому нибудь центру при недостаткѣ дорогъ и наконецъ свойственное всѣмъ младенчеству ющимъ народамъ неумѣнье удержаться отъ распаденія на мелкія политическія общества, хотя бы между нѣкоторыми изъ этихъ обществъ и не существовало никакой разницы ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ. Едва ли находилась племенная разница между Москвою и Тверью, распаденіе между которыми было такъ продолжительно и рѣзко. Но какими бы причинами не объяснялось удѣльное распаденіе, насъ гораздо больше интересуесть взглядъ г. Костомарова на причины, которымъ должны мы быть благодарны за наше нынѣшнее политическое единство. Первую изъ этихъ причинъ г. Костомаровъ разъясняетъ очень вѣрно (приводимъ только главныя мысли, выпуская подробности):

«Что происхожденіе пришлыхъ славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частью это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай» между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ великорусскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія въ древнія времена яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ древляниномъ, но помысла, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были одна и тѣ же старія преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помилось происхожденіе—это можно видѣть изъ того, что славяне новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвью полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ южно-русскому.

«Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычай, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. Все доказываетъ, что, въ древности, славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычай и религиозные обряды.

«Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ славянамъ русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное собраніе. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ славянамъ русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ славяне рускіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у русскихъ славянъ, не смотря на противодействующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ русско-славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ: мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него легко. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени русско-славянскаго.

«Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между славянами иноплеменниковъ столько же помогало сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшало фактическому соединенію народовъ. Каждое славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомились съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чужды обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможности сознанія единства. Мы имѣемъ случаи наблюдать это въ наше время. Великорусь-простолудинѣ не сознаетъ родства своего съ полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить поляка съ нѣмцемъ или татаринномъ. Такъ, въ древности, полянинъ, встрѣчаясь съ неченѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что вятичъ ему родной. При ознакомленіи съ другими славянскими народами, напримѣръ съ поляками или болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ съ прочими славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ русскихъ нарѣчій отъ другихъ славянскихъ. Такимъ образомъ, славянинъ какого бы то ни было русскаго народца видѣлъ въ славянинѣ другой, своей же вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-славянскими племенами, окружавшими славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными славянскими вѣтвями. Полякъ для кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ славянинъ новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Съ народностями совершается такая судьба, что большому или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племен-

ной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновению съ массою иноплеменниковъ.

Какъ объ одной части этихъ замѣчаній говорить самъ г. Костомаровъ, такъ готовы были бы мы сказать обо всемъ выписанномъ нами отрывкѣ, что не нужно казалось излагать подробно вещей, которыя повидимому вѣдь давно извѣстны. У народа были въ разныхъ мѣстностяхъ разные отбѣнки обычаевъ и говора, но вѣдь эти разные отбѣнки были ничтожны передъ подавляющею ихъ массою общаго и въ языкѣ, и въ бытѣ, и въ понятіяхъ, и въ преданіяхъ. Сознаніе народа о мѣстныхъ своихъ развѣтвленіяхъ совершенно подавлялось сознаніемъ своего національнаго единства: что жъ удивительнаго, если раздробленіе такого народа не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ явленіемъ, вынужденнымъ отъ вѣдшихъ обстоятельствъ, явленіемъ, противнымъ натурѣ народа, которая влекла всѣ части къ соединенію и привлекла ихъ къ единству, какъ только населеніе размножилось настолько, что между разными частями уже не осталось непроходимыхъ пустынь и вымерли въ европейскомъ климатѣ дикія силы азіатскихъ ордъ, долго не дававшихъ народу опомниться вѣчными тревогами своихъ вторженій? Одну сторону этого дѣла мы можемъ видѣть теперь въ Австраліи. Поселились нѣсколько англичанъ въ юго-западномъ углу материка и назвали свою землю «Западной Австраліей», или нѣтъ, лучше послушаемъ подлинныя слова лѣтописца: «и сѣдоша агляне по рѣцѣ Блаквудъ, и прозвашася западно-австралійцы, и друзи агляне сѣдоша по рѣцѣ Мурай, и прозвашася южно-австралійцы; и потечеть рѣка Мурай въ море Понетское южное жерломъ, и по тому морю идти даже до Рима, а вытечетъ та рѣка съ горъ Синихъ, и за горами тѣми сѣдоша друзи агляне и прозвашася викторійцы; а пойдуть тѣ горы Синія къ полунощи, и на полунощи языкъ нѣмъ, заклепанъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; а тому языку нѣму присѣдять друзи агляне, иже сѣдоша къ полунощи и къ морю вѣсточному, и прозвашася ти агляне ново-южно-уэльсы». Вотъ и живутъ теперь эти четыре части Австралійской земли,—Западная Австралія, Южная Австралія, Викторія, Новый Южный Уэльсъ, каждая особо отъ другихъ, и нѣтъ между ними единства, и навѣрное уже есть какая нибудь разница теперь въ нѣкоторыхъ вещахъ между этими четырьмя отдѣлами «аглянъ»: погнбло единство англійской націи на южномъ материкѣ!— Оно быть можетъ и не погнбло; но воля ваша, какъ же этимъ четыремъ частямъ составлять одно цѣлое, когда каждая изъ нихъ отдѣлена отъ остальныхъ пустынями, и проѣхать изъ одной въ другую можно только, по Слову о Полку Игоревѣ, «неготовыми дорогами». Что же вы думаете, развѣ вѣкъ такъ останется? Навѣрное, нѣтъ; когда населеніе размножится, когда уменьшится пространство пустынь, отдѣляющихъ одно общество австралійскихъ «аглянъ» отъ другаго, изъ этихъ обществъ навѣрное образуется одно политическое цѣлое, и въ чемъ надобно будетъ тогда искать причину единства? Просто напросто въ единствѣ національности. Это, какъ мы сказали, служить подобіемъ одной стороны нашего русскаго дѣла. Другую сторону его можно видѣть въ судьбѣ Италіи. Нѣмцы, испанцы, французы безпрестанно вторгались въ эту страну, терзали ее, довели народъ до какого-то онѣмѣнія отъ безпрестанныхъ нашествій и опасеній,—и вотъ Италія Богъ-знаетъ сколько вѣковъ оставалась раздроблена. Почему же это оставалась? Просто потому, что не допускали единства иноземные хищники. Что же теперь? Австрійцы стали слабѣть, притомъ же французамъ понадобилось побить австрійцевъ; народъ получилъ нѣкоторую возможность

двигаться по своей волѣ—и сдвинулся въ одно. Точь-въ-точь какъ у насъ: сарайскіе татары (это положимъ австрійцы) стали слабѣть; а тутъ Тамерлану вздумалось взять да и разбить на голову Тохтамыша, а самому Тамерлану обстоятельства помѣшали идти дальше Ельца, заставили его вернуть свои полчища назадъ; а сарайскимъ татарамъ, побитымъ отъ него, не удалось уже войти въ прежнюю силу; вотъ русскій народъ получилъ нѣкоторую свободу движеній, — и тоже сдвинулся въ одно, покрайней-мѣрѣ одна половина его сдвинулась — великоруссы; другая половина получила возможность сдвинуться нѣсколько раньше по другимъ подобнымъ же обстоятельствамъ: сталъ ходить какой-то Гедьминъ и бить направо и налево тѣхъ, кто мѣшалъ природному влеченію южно-руссовъ къ единству, — они тоже могли теперь двигаться нѣсколько по своей волѣ и тоже сдвинулись въ одно. Въ комъ же или въ чемъ же тутъ сдвигавшій части элементъ? Въ народности, и больше ни въ чемъ; въ самомъ русскомъ народѣ и больше ни въ комъ. А если ужъ непременно вы хотите отыскать себѣ еще какой нибудь предметъ признательности за ваше нынѣшнее единство, то вы, великоруссы, провозглашайте, что сосудомъ, въ которомъ отлилась и изъ котораго излилась идея вашего единства, былъ Тамерланъ, восхваляйте его! Я полагаю, что Тамерланъ былъ проникнутъ высокою государственною идеею русскаго единства, что въ пей ключъ къ его изумительной дѣятельности. О, великій Тамерланъ! О, благодѣтель земли русской! Много ты пролилъ невинной крови, много высокихъ пирамидъ сложилъ ты изъ отрубленныхъ головъ, смазанныхъ извѣсткой! Глупые нѣмцы и легкомысленные французы выражаются о тебѣ въ самыхъ дурныхъ словахъ. Но они не поняли тебя! Тебя можетъ цѣнить только облагодѣтельствованное тобою русское племя. Впрочемъ мы выразились не совсѣмъ точно: ближайшимъ образомъ Тамерланъ принадлежитъ исторіи только великорусскаго единства; а кого же бы намъ поблагодарить за малорусское? Право, не скоро можно найти; Гедьмина и Витольда съ ихъ дикими литовцами никакъ нельзя: по высотности своихъ стремленій они, пожалуй, заслуживаютъ полной похвалы; но слишкомъ слабы, слишкомъ ничтожны были эти литовцы. А впрочемъ дайте намъ только ерокъ, мы подумаемъ, и придумаемъ, кого слѣдуетъ благодарить малоруссамъ.

Шутки въ сторону. Народъ проникнутъ сознаниемъ единства, чего же вамъ еще искать другихъ причинъ возникновенію единства? Справедливо говорить г. Костомаровъ, что не стоило бы и говорить объ этомъ, еслибъ съ нашими историками не произошелъ по какому-то странному случаю такой неправдоподобный анекдотъ, что они «слона-то и не замѣтили». Подите вотъ, какіе казусы иногда бываютъ. Ищешь причинъ, почему же это одинъ народъ оказывается однимъ народомъ, да и не сообразишь, что одинъ онъ собственно потому, что одинъ. А какъ не сообразишь этого неважнаго обстоятельства, то ужъ какихъ объясненій не подберешь и какихъ великихъ дѣятелей не отыщешь и какихъ благотворныхъ элементовъ не откопнешь.

Оно такъ, мало ли что соприкасается каждому великому феномену, обнимающему собою громадное пространство и сотни лѣтъ. Возьмите хоть ту же Волгу, о которой мы говорили. Почему Волга такая большая рѣка и такъ много въ ней воды? Вы скажете: «оттого что стекается въ это русло вода громаднаго бассейна». А я скажу нѣтъ; съ моей кухни (домъ у меня стоитъ на Волгѣ) льютъ помой въ Волгу, вотъ отъ этого и прибавляется въ ней вода. Совершенная правда: во-первыхъ, и самый фактъ безспоренъ: у насъ точно есть привычка, что всякой дряни

даютъ валиться и стекать въ рѣку; а во-вторыхъ, можно доказать математически, что отъ каждаго упата помоевъ, стекающаго въ рѣку, увеличивается количество воды въ рѣкѣ.

Создатель, какая длинная вышла статья! а мы было еще хотѣли поговорить объ элементахъ, содѣйствовавшихъ развитію нашего единства. Что дѣлать, не осталось у насъ мѣста на это. Скажемъ же, что они могли пожалуй имѣть свою долю вліянія, но доля эта совершенно ничтожна, ничтожнѣй мухи передъ слономъ, — по сравненію съ силою, какую имѣло то обстоятельство, что отъ Вятки до Рязани жилъ одинъ и тотъ же народъ, всегда глубоко сознававшій свое народное единство.

Еще одна замѣтка, самая краткая. Польша была также раздроблена на множество удѣловъ. Какая же сила слила ихъ въ одну польскую Рѣчь Посполитую? Кажется, сходное съ нашимъ обстоятельство только одно тутъ было: польская земля была населена людьми одного племени и русская земля тоже людьми одного племени. Всѣ остальные вліянія были совершенно различны. Изъ этого, кажется, можно видѣть, что всѣ эти различныя вліянія ни въ Польшѣ, ни у насъ не могутъ считаться причинами единства, одинаково возникшаго и у насъ и въ Польшѣ.

Скажутъ: «не имѣя нашихъ элементовъ, Польша не удержалась, а мы отстояли свое единство». Оба факта опять безспорны: но чему приписывать ихъ? Толковать объ этомъ довольно длинная исторія или, лучше сказать, двѣ очень длинныя исторіи. Отложимъ ихъ до другаго раза, а статью пора кончить — желаніемъ полного успѣха «Основѣ» и стремленію, изъ котораго она возникла и въ которомъ найдетъ себѣ поддержку.

Да, мы едва не забыли сказать для великоруссовъ, что большая часть перваго нумера занята статьями на нашемъ языкѣ; вѣроятно такъ будетъ и постоянно

«Время», журналъ политическій и литературный, № 1.

Изъ новыхъ періодическихъ изданій, которыя должны были возникнуть съ начала нынѣшняго года, особенное ожиданіе возбуждалось тремя: «Русскою Рѣчью», «Вѣкомъ» и «Временемъ». «Вѣкъ» и «Русская Рѣчь» — еженедѣльные газеты; чтобы оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ, надобно подождать, пока дадутъ они по нѣскольку номеровъ, судить о нихъ теперь было бы слишкомъ опрометчиво. Можно сказать съ увѣренностію лишь одно (что было впрочемъ извѣстно и до появленія первыхъ номеровъ): обѣ газеты должны быть гораздо лучше тѣхъ изданій, которыя были прежде распространены въ обширномъ кругу читателей, находящемъ толстые наши журналы слишкомъ тяжелыми или по цѣнѣ, или по содержанію. Обѣ онѣ принадлежатъ къ той части нашей литературы, которая имѣетъ своею цѣлью облагороженіе, а не опошленіе попятій общества. Въ дешевыхъ изданіяхъ такого рода былъ у насъ до нынѣшняго года недостатокъ. Правда, существовалъ уже почти два года «Московскій Вѣстникъ», достойный полной похвалы по своему направленію; но онъ былъ слишкомъ мало распространенъ въ публикѣ, конечно по собственной винѣ: онъ не умѣлъ привлечь къ себѣ разнообразіемъ, не умѣлъ придать себѣ газетную живость. Съ новаго года онъ, какъ мы слышали, приобрѣлъ больше средствъ. Отлагая до одной изъ слѣдующихъ книжекъ рѣчь о преобразованномъ

«Московскомъ Вѣстникѣ» и новыхъ еженедѣльныхъ газетахъ, мы надѣемся, что будемъ имѣть тогда достаточные матеріалы сказать, что русская публика получила три хорошія еженедѣльные газеты.

Но о «Времени» можемъ сказать мы уже и теперь, что это изданіе заслуживаетъ вниманія публики. Толстая книга журнала, выходящаго разъ въ мѣсяцъ, представляетъ столько матеріала, что по одному номеру новаго журнала не трудно бываетъ опредѣлить его направленіе и количество силъ, какимъ онъ располагаетъ для исполненія своей задачи. «Время» ставитъ однимъ изъ главныхъ своихъ достоинствъ — независимость отъ литературнаго кумовства, дающую ему просторъ прямо и рѣзко высказывать свои мнѣнія о другихъ періодическихъ изданіяхъ и тѣхъ писателяхъ, откровенно разсуждать о которыхъ часто стѣснялись другіе журналы. Нельзя не сознаться, что у каждаго изъ старыхъ журналовъ, пользующихся хорошою репутациею, дѣйствительно образовались самою силою времени тѣсныя отношенія къ тѣмъ или другимъ писателямъ, такъ что новый журналъ не совѣмъ несправедливо присваиваетъ себѣ въ этомъ случаѣ преимущество. Но мы надѣемся доказать «Времени» этою статьею, что и для насъ литературное кумовство не имѣетъ особенной драгоцѣнности и уже никакъ не мѣшаетъ намъ хвалить то, что заслуживаетъ похвалы, — не мѣшаетъ намъ ставить прямотушную правду выше всякихъ авторитетовъ.

Въ объявленіи о своемъ журналѣ редакция «Времени» говорила довольно безцеремоннымъ образомъ, что не намѣрена церемониться съ авторитетами. Этимъ общаніемъ она возбуждала хорошія надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала во многихъ и нѣкоторое сомнѣніе. Что такое «авторитетъ»? Если «авторитетомъ» называть тѣхъ писателей, превосходство которыхъ признано всѣми, до того, что трудно и прочесть этимъ писателямъ въ порядочныхъ изданіяхъ рѣзкую правду о своихъ произведеніяхъ, — въ нашей литературѣ только два авторитета; г. Тургеневъ и г. Гончаровъ. Всѣмъ другимъ очень часто приходится читать о себѣ не только голую, а даже и разукрашенную браннымъ тономъ правду. Основывать журналъ для безпристрастной оцѣнки повѣстей и романовъ гг. Тургенева и Гончарова конечно было бы ужъ слишкомъ много. Очевидно было, что слова редакция «Времени» слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ; подъ «авторитетами» разумѣла она вообще всѣхъ писателей, пользующихся извѣстностью, — отъ г. Авдѣева до г. Фета. А въ такомъ случаѣ будетъ ли она имѣть столько литературныхъ силъ, чтобы порядочно вести журналъ? Вѣдь извѣстно, какъ обидчивы у насъ писатели; вотъ, напримеръ, мы кажется всего два-три слова сказали какъ-то о г. Ржевскомъ, авторѣ знаменитаго трактата о средствахъ къ увеличенію числа пролетаріевъ, да и то сказали вскользь, — а теперь мы увѣрены, вдумай мы просить у г. Ржевскаго для своего журнала статьи, онъ ни за что не дастъ. «Время» какъ будто отрекалось отъ сотрудничества писателей, пользующихся извѣстностью. Это подтверждалось и тѣмъ, что не было въ объявленіи сипека сотрудниковъ съ громкими именами, — ничего, подобнаго извлеченію изъ білетательнаго сонма знаменитыхъ рукоприкладчиковъ великаго гражданскаго подвига въ защиту евреевъ: не хвалилось «Время» именами, равносильными именамъ гг. Безобразова, Галахова, Громеко, Розенгейма и т. д. и т. д., — именами, составлявшими такія великолѣпныя созвѣздія въ другихъ объявленіяхъ.

Не знаемъ, сходятся ли публика съ мнѣніемъ литературныхъ кружковъ, но

въ литературныхъ кругахъ близкія связи редакціи съ сонмомъ свѣтилъ, яркихъ въ глазахъ этихъ кружковъ, считаются необходимыми для хорошаго веденія журнала. Правда, сами литературные круги какъ будто замѣчаютъ, что самыми скучными статьями въ журналахъ бывають статьи, украшенные именами многихъ очень уважаемыхъ писателей. Но все-таки какъ-то лучше съ ними. Что будетъ дѣлать «Время» безъ нихъ?

Судя по первому номеру никакого особеннаго ущерба не принесла «Времени» слабость его хлопотъ о приобрѣтеніи именитыхъ сотрудниковъ. Противъ нашего ожиданія мы даже увидѣли на оберткѣ одинъ ингредиентъ съ именитою подлинью: «Легенда объ испанской инквизиціи. Поэма. Часть первая. Исповѣдь королевы. А. Н. Майкова». Выразить свое мнѣніе о степени драгоцѣности этого ингредиента было бы противно правиламъ «Современника», который преклоняется предъ «авторитетами», да и не деликатно относительно публики, которая въ прошлую и нынѣшнюю зиму изорвала не одну дюжину перчатокъ, френетически аплодируя г. Майкову на чтеніяхъ въ Пассажѣ и другихъ публичныхъ залахъ. Г. Плещеева, который далъ въ первую книжку «Времени» очень милое стихотвореніе «Облака», мы не причисляемъ къ авторитетамъ; онъ не болѣе, какъ писатель, дѣятельность котораго безукоризненна и полезна; онъ лишень качества, необходимаго для авторитетности,—онъ не зараженъ литературнымъ тщеславіемъ. «Солимская Гетера»—стихотвореніе В. Крестовскаго, должно назваться превосходнымъ, потому что оно ни мало не уступаетъ лучшимъ стихотвореніямъ въ подобномъ родѣ г. Майкова, которыя мы всегда признавали превосходными по нашему принципу преклоненія предъ авторитетами. Въ прозѣ мы находимъ статью г. Страхова «о жителяхъ планеты», напсанную очень популярно; переводъ трехъ разсказовъ Эдгара Поэ, разсказъ г. В. Крестовскаго «Погибшее, но милое созданіе»; эпизодъ изъ мемуаровъ Казановы, — отрывокъ, въ которомъ онъ разсказываетъ свое знаменитое бѣгство изъ венеціанской тюрьмы,—выборъ очень удачный: исторія этого дѣйствительнаго событія имѣетъ всю занимательность эффектнѣйшаго романа. Но изъ всѣхъ статей, находящихся въ первомъ отдѣлѣ журнала, самая важная по своему достоинству конечно романъ г. Ф. Достоевскаго «Униженные и Оскорбленные». Романъ будетъ имѣть четыре части; изъ нихъ въ первой книжкѣ помѣщена только одна. Нельзя угадать, какъ разовьется содержаніе въ слѣдующихъ частяхъ, потому скажемъ теперь только, что первая часть возбуждаетъ сильный интересъ ознакомиться съ дальнѣйшимъ ходомъ отношеній между тремя главными дѣйствующими лицами: юношею, отъ имени котораго ведется разсказъ (романъ имѣетъ форму автобіографіи), дѣвушкою, которую онъ горячо любилъ, которая и сама цѣнитъ его благородство, но отдалась другому, очаровательному и безхарактерному человѣку. Личность этого счастливаго любовника задумана очень хорошо и если авторъ успѣетъ выдержать психологическую вѣрность въ отношеніяхъ между нимъ и отдавшеюся ему дѣвушкою, романъ его будетъ однимъ изъ лучшихъ, какіе являлись у насъ въ послѣдніе годы. Въ первой части, по нашему мнѣнію, разсказъ имѣетъ правдивость; это соединеніе гордости и силы въ женщинѣ съ готовностію переносить отъ любимаго человѣка жесточайшія оскорбленія, одного изъ которыхъ было бы, кажется, достаточно, чтобы замѣнить прежнюю любовь презрительною ненавистью,—это странное соединеніе въ дѣйствительности встрѣчается у женщинъ очень часто. Наташа съ самаго начала предчувствуетъ, что человѣкъ, которому отдается она, не стоитъ ея; пред-

чувствуетъ, что онъ готовъ бросить ее, — и все-таки не отталкиваетъ его, — напротивъ, бросаетъ для него свою семью, чтобы удержать его любовь къ себѣ, поселившись вмѣстѣ съ нимъ. Она очень ревнива, а онъ, пользуясь любовью милой дѣвушки, находитъ еще въ себѣ охоту кутить съ разными камеліями, — она знаетъ это и все-таки продолжаетъ любить его. Наконецъ у него является невѣста, на которой онъ уже почти рѣшился жениться, — и Наташа все еще не отталкиваетъ этого дрянного чловѣка. Тѣ изъ мужчинъ, которымъ не случалось вematриваться въ драмы, происходящія около нихъ, или которые слишкомъ рано загрузѣли, назовутъ такую исторію невозможной или цинически скажутъ, что у Наташи были свои расчеты, что загадка разъясняется вовсе не къ чести Наташи. Къ несчастію слишкомъ многія изъ благороднѣйшихъ женщинъ могутъ припомнить въ собственной жизни подобные случаи, и хорошо, если только припомнить какъ минувшую, уже чуждую ихъ настоящаго исторію.

Мы заговорились о первомъ отдѣлѣ журнала, между тѣмъ какъ вовсе не думали останавливаться на немъ, начавъ нашу статью съ намѣреніемъ обратить вниманіе только на второй отдѣлъ книжки, только на статьи, собственно такъ называемыя журнальныя, — критическія, бібліографическія и т. д. Преимущественно ими опредѣляется направленіе журнала, и судя по всему, преимущественно ими должно держаться «Время». Въ первой книжкѣ оно выдерживаетъ свою программу: тутъ полная независимость отъ всѣхъ прежнихъ литературныхъ кружковъ, одинаковая прямота мнѣній о всѣхъ и обо всемъ. Въ числѣ другихъ порядкомъ достается и намъ; еслибы была у насъ склонность претендовать, когда кто судитъ о насъ такъ же рѣзко, какъ мы часто судимъ о другихъ, мы могли бы обидѣться (какъ безъ всякаго сомнѣнія уже обидѣлись многіе иные). Но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ нашей склонности поддержать «Время» на томъ пути прямыхъ и смѣлыхъ сужденій, которымъ думаетъ оно идти. Еслибы вздумалось намъ поспорить съ «Временемъ», мы замѣтили бы, что ошибается оно, когда говоритъ о статьяхъ, подписанныхъ буквами — *бовъ*, какъ будто объ имѣющихъ притязаніе на авторитетность. Каждому кажется, что его взглядъ справедливъ; разумѣется, такъ думаетъ о своемъ взглядѣ и — *бовъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что въ его взглядѣ нѣтъ ничего особенно головоломнаго, что подобнымъ образомъ смотрятъ на вещи сотни и тысячи людей, быть можетъ и не подозревающихъ, что существуетъ на свѣтѣ не только — *бовъ*, но и самый журналъ, печатающій статьи — *бова*. Взглядъ этотъ развивается въ людяхъ самую жизнь, независимо отъ какихъ нибудь статей, и навязать его своими статьями — *бовъ* никому не надѣется: кто самъ по себѣ не дошелъ до такого взгляда, даже и не понимаетъ статей — *бова*, какъ доказано было знаменитымъ примѣромъ чловѣколюбиваго назиданія, даннаго — *бову* газетою, чрезвычайно авторитетною. Куда же тутъ имѣть притязаніе на авторитетность! Довольно такого, если — *бову* удастся высказать иногда то, что думалось и безъ него очень многими, только не высказывалось въ печати нашими критическими авторитетами.

Впрочемъ, это все еще нейдетъ къ дѣлу, — а дѣло наше въ томъ, чтобы нѣсколько познакомить читателя съ направленіемъ «Времени». Достигнуть этой цѣли можно бы двумя способами: во-первыхъ, можно было бы пересмотрѣть все содержаніе втораго отдѣла книжки, коснуться всѣхъ главныхъ мыслей, развиваемыхъ въ немъ; но это было бы слишкомъ длинно. Лучше будетъ взять въ примѣръ

одинъ вопросъ, по взгляду на который легко будетъ отгадать характеръ «Времени». Мы беремъ для этой пробы—понятіе о гласности. Ее несчастную, стараются колотить (по обычаю г. Козлянинова въ обращеніи съ слабыми существами), не только посторонніе, а даже близкіе къ ней люди, журналисты и публицисты (вѣдь извѣстно, что у насъ есть даже публицисты, не только всякіе другіе хорошіе писатели). Мы не хотимъ приводить примѣровъ; но лишь о немногихъ журналахъ можно сказать, что они никогда не нарушали своей обязанности въ этомъ отношеніи, ни разу не поддавались желанію обратить то или другое литературное дѣло въ нарушеніе полицейскихъ или уголовныхъ законовъ. Бывали случаи еще гораздо хуже частныхъ обвиненій того или другаго изданія, того или другаго писателя въ чрезмѣрной вольности сужденій по какому нибудь частному случаю: увлекаемые личною досадою, авторы подобныхъ статей изливались даже въ общихъ порицаніяхъ всей литературы за мнимое злоупотребленіе гласностью. «Время» думаетъ объ этихъ мнимыхъ злоупотребленіяхъ иначе: оно доказываетъ, что если какая нибудь статья или строка несприятны для насъ, то мы еще не имѣемъ права кричать будто бы она — злоупотребленіе и преступленіе; а еслибъ и встрѣчались нѣкоторыя ошибки, то изъ-за этихъ малочисленныхъ и ничтожныхъ ошибокъ не слѣдуетъ набрасывать тѣнь на дѣло, требующее дружеской поддержки отъ всѣхъ насъ, пишущихъ людей.

«Стало возможнымъ осмѣивать нѣкоторыя лица или всѣмъ надоѣвшія или злоупотребившія законъ и власть имъ предоставленную или наконецъ такія, какъ напри- мѣръ господинъ Козляиновъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и отдуютъ нѣмку. Выбѣстъ съ куплетами на этихъ господъ, вѣроятно по ошибкѣ написали нѣсколько куплетовъ и на васъ. Ну, чтожъ что написали—велика важность! Неужели жъ изъ этого, что гласность разъ ошиблась, — долой ее? Нѣтъ, милостивый государь, если вы любите гласность, извиняйте и уклоненія ея. Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску съ вами — онъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ — что жъ? онъ не обижается, когда его *продернутъ* иногда въ двадцати или тридцати оппозиционныхъ журналахъ, да осмѣютъ въ десяткахъ шуточныхъ, да обругаютъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ въ сотняхъ иностранныхъ — французскихъ, нѣмецкихъ, американскихъ. Повѣрьте, что послѣ всего этого продергиванія онъ кушаетъ съ своимъ обыкновеннымъ аппетитомъ, и ночью, когда говорить въ палатѣ, голосъ его не дрожитъ и не взволнованъ нисколько. И никогда ему на умъ не вспадеть желать уничтоженія гласности. И за кого вы стоите, за кого вы ругаете, милостивый государь? За господъ Гусиныхъ, Сорокиныхъ, Козляиновыхъ, Аскоченскихъ, потому что если не считать васъ, милостивый государь, васъ, котораго задѣли можетъ быть по недоразумѣнію, вѣдь куплеты писались только на подобныхъ лица. Стало быть все, что вы писали о гласности, всѣ ваши воззванія къ ней, вся ваша жажда ея—все это были слова, слова и слова?... Стало быть пусть пишутъ про другихъ, мы будемъ молчать и посмѣемся еще съ пріятелями надъ осмѣянными лицами, только бы насъ-то не трогали? Нѣтъ, милостивый государь, ваше поколѣніе (я старикъ, совсѣмъ старикъ, у меня и ноги ужъ не ходятъ, и потому я не принадлежу къ вашему поколѣнію) и безъ того ужъ много играло словами. Можетъ быть историческая роль его была играть словами, но изъ этихъ словъ ростетъ теперь новое поколѣніе, для котораго слово и дѣло, можетъ быть, будутъ синонимами и которое понимаетъ гласность нѣсколько шире, чѣмъ вы понимаете ее. Я согласенъ, что вамъ все это крайне неприятно; понимаю, еще разъ понимаю, какъ вамъ все это неприятно, но что жъ дѣлать? укрѣпитесь. Нельзя же вдругъ вычеркнуть изъ жизни прежніе либеральные годы, прежнія вѣрованія».

Мы выбросили изъ этого отрывка нѣсколько строкъ, прямо относящихся къ дѣлу и лицу, по поводу которыхъ высказываются «Временемъ» общія замѣчанія: мы не хотимъ, чтобы наша статья могла показаться направленною противъ кого

нибудь, или для когонибудь обидной. Мы собственно желаемъ только показать читателю взглядъ «Времени» на вопросъ, въ которомъ такъ часто сбивались съ добраго пути столь многіе. Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ другой статьи.

«Можетъ быть, не возникло бы и половины тѣхъ общихъ и частныхъ, специальныхъ вопросовъ, которыхъ теперь и не перечестъ съ разу, если бы не явилась къ намъ, способствовать нашему пробужденію, дорогая и прежде незнакомая намъ гостья, прозванная «благодѣтельной» гласностью. Ни одна новизна, кажется, не потерпѣла у насъ такихъ перемѣнъ въ положеніи, какъ эта желанная гостья. Сначала она вступила къ намъ какъ-то робко, заговорила заикаясь и съѣдая половину словъ. Съ перваго взгляда заинтересовались ею, по причинѣ той же юношеской пылкости; но скоро замѣтивъ ея робость и неловкость, подняли бѣдную, какъ говорится, на зубокъ; насмѣшка не пощадила ея новаго положенія въ обществѣ; стали ловить ее на каждомъ шагу, гдѣ случалось ей обмолвиться; особенно же въ этомъ глотаніи словъ нашли что-то очень смѣшное. Она рассказываетъ намъ, говорили насмѣшники, что-то и про кого-то; но о какихъ именно странахъ и о какихъ существахъ лепечетъ она—понять невозможно. Что *какой* *нибудь* чиновникъ беретъ взятки, это мы и безъ нея знаемъ; что *какой* *нибудь* смотритель заведенія чинитъ въ свою пользу безгрѣшную экономію,—тоже очень хорошо знаемъ; зачѣмъ же говорить она намъ это? Цѣли нѣтъ! Изъ ея рѣчей мы не можемъ сдѣлать никакого употребленія: мы хотѣли бы знать, на кого она жалуется, чтобы поразить того нашимъ отлученіемъ; но вѣдь нельзя же отлучать поголовно всѣхъ чиновниковъ и всѣхъ смотрителей; мы бы и безъ нея это сдѣлали, если бы тутъ была какаянибудь справедливость. Произнеси она намъ имя,—мы бы предали это имя стыду и общему презрѣнію, и вышло бы то, что со временемъ существованіе подобныхъ именъ сдѣлалось бы у насъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ крайне неудобнымъ; потому что нельзя спокойно существовать въ обществѣ подъ карою стыда и общаго презрѣнія... Вотъ тогда была бы цѣль!

«Такъ говорили насмѣшники и недовольные. Гостья прислушалась, поняла въ чемъ дѣло, оправилась и вотъ—оставляетъ она свои робкія движенія и замѣняетъ ихъ смѣлою осанкой, становится сама насмѣшницею. Послышались въ устахъ ея и имена собственныхъ, и уже немалое число ихъ произнесла она...

«Но... и тутъ бѣда! Нашлись щекотливые господа, которые стали обижаться; стали говорить, что наша «благодѣтельная» гостья слишкомъ вдается въ *частности*, заглядываетъ туда, гдѣ ея не спрашиваютъ, — не уважаетъ, дескать, человѣческаго достоинства!..»

Мы и здѣсь выбросили выраженія, которыя могли бы показаться особенною укоризною для какогонибудь изданія. Мы хотѣли этими выписками не выставять на видъ чужіе промахи, а только познакомить читателя съ мнѣніемъ «Времени» о томъ, что такое гласность, и можно ли у насъ порицать ее за какую-то мнимую неумѣренность. «Время» справедливо находитъ, что разоблачать передъ публикою общія черты нашихъ общественныхъ недостатковъ литература не можетъ, если не станетъ указывать на частные факты, которыми обнаруживаются общіе недостатки; а касаясь частныхъ фактовъ, она по необходимости должна выставять и лица, въ нихъ участвовавшія; что съ каждымъ дѣломъ не различны нѣкоторыя случайныя ошибки; но что неприлично благородному человѣку или разсудительному изданію дѣлать возгласы противъ самаго дѣла по неудовольствію на мелкія частности его; что если бы когда и подверглось неосновательному порицанію лицо, бывшее правымъ, то сама литература не замедлила бы показать фактъ въ истинномъ видѣ и дать несправедливо оскорбленному кѣмънибудь полнѣйшее удовлетвореніе, и т. д. Этотъ благородный и справедливый взглядъ проведенъ черезъ всю собственно журнальную часть перваго нумера «Времени» съ послѣдовательностію, которой не слишкомъ

много примѣровъ представляютъ наши изданія и которая тѣмъ больше чести приносить новому журналу.

Сколько мы можемъ судить по первому номеру, «Время» расходится съ «Современникомъ» въ понятіяхъ о многихъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, по которымъ можетъ быть разница мнѣній въ хорошей части общества. Если мы не ошибаемся, «Время» такъ же мало намѣрено быть сколкомъ съ «Современника», какъ и съ «Русскаго Вѣстника». Стало быть, нашъ отзывъ о немъ не продиктованъ пристрастіемъ. Мы желаемъ ему успѣха потому, что всегда съ радостію привѣтствовали появленіе каждаго новаго журнала, который обѣщаль быть представителемъ честнаго и независимаго мнѣнія, какъ бы ни различествовало оно отъ нашего образа мыслей. Читатель вспомнитъ, какъ радовались мы появленію «Русской Бесѣды», хотя впередъ знали, что почти на все спорныя вопросы она будетъ имѣть воззрѣніе, прямо противоположное нашему; читатель вспомнитъ, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчали мы появленіе «Русскаго Вѣстника», съ которымъ въ спорныхъ вопросахъ сходимся развѣ немногимъ больше, чѣмъ съ «Русскою Бесѣдою». Ничѣмъ инымъ, кромѣ чувства, заставлявшаго насъ желать «Русской Бесѣды» того успѣха, котораго достигла бы она при меньшемъ пристрастіи къ разнымъ слишкомъ непопулярнымъ элементамъ, и желать «Русскому Вѣстнику» того же успѣха, котораго онъ достигъ совершенно заслуженно и съ большою пользою для нашего общественнаго развитія, — ничѣмъ инымъ, кромѣ этого чувства, не будетъ объяснять публика и въ нынѣшній разъ нашего желанія, чтобы успѣлъ привлечь къ себѣ ея вниманіе журналъ, имѣющій направленіе, достойное симпатіи.

Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» 1860 г. по губерніямъ и городамъ.

Годъ тому назадъ, въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года, мы нанесли цифры подписчиковъ, бывшихъ у «Современника» въ 1859 г.; дѣлая въ первый разъ такую попытку, мы считали нужнымъ сдѣлать оговорку о тѣхъ, съ какою печатаемъ эти числа. Мы говорили: «свѣдѣнія о распространеніи журнала въ публикѣ могутъ быть важны для статистики, если не образованія, то по крайней мѣрѣ — любви къ чтенію въ Россіи». Мы слышали потомъ много отзывовъ, подтверждавшихъ справедливость такого мнѣнія. Основываясь на нихъ, мы печатаемъ теперь такія же свѣдѣнія и за прошлый 1860 годъ. Дѣлая первый опытъ, мы говорили, что никакихъ общихъ выводовъ изъ него одного еще нельзя сдѣлать, потому что, какъ частные единичные факты, эти цифры еще ничего не доказываютъ. Теперь случая два года, мы уже можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, не совершенно лишеныя положительнаго значенія *).

Въ 1859 году расходилось до 5,500 экземпляровъ «Современника», въ 1860 г. — до 6,600 — въ одинъ годъ увеличеніе простиралось до 20⁰%. Чему приписывать это главнымъ образомъ? Увеличенію ли въ публикѣ любви собственно къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать важнѣйшее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возрасло въ 1860 г. сравнительно съ 1859, какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 года. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствию общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вълѣдствіе того находила для себя все болѣе и болѣе кругъ публики.

Къ сожалѣнію, при составленіи списка 1859 года мы еще не имѣли по городу Москвѣ свѣдѣній, которыя были въ нашемъ распоряженіи за прошлый годъ. Въ списокъ 1859 г. мы не могли отдѣлнить экземпляровъ, получаемыхъ московскими книгопродавцами для пересылки въ провинціи, отъ экземпляровъ, получаемыхъ

*) Далѣе слѣдовали утратившія нынѣ значеніе статистическія данныя о распределеніи подписчиковъ „Современника“ по губерніямъ.

самимъ городомъ Москвою. Потому цифра экземпляровъ 1859 года, выставленная противъ Москвы, была гораздо больше количества получавшагося для самой Москвы, а по многимъ провинціямъ число было меньше дѣйствительно получавшагося, оттого что часть получавшихся тамъ экземпляровъ, пересылавшихся *туда изъ Москвы, была отнесена къ Москвѣ. Въ спискѣ за 1860 годъ эта неточность исправлена; но она отнимаетъ у насъ теперь возможность сравнивать цифры 1859 и 1860 годовъ по каждой губерніи и уѣзду. Сличеніе ихъ остается пока предметомъ любопытства, но не можетъ служить основаніемъ для статистическихъ выводовъ. Для выводовъ надобно ограничиваться цифрами одного 1860 года.

Чтобы заключенія наши имѣли основаніе, достаточно широкое, мы попробуемъ собрать губерніи въ нѣсколько группъ, составляемыхъ ими по сходству мѣстныхъ или племенныхъ отношеній; при цифрахъ экземпляровъ, получавшихся въ каждой группѣ губерній, мы поставимъ количество ея населенія въ круглыхъ цифрахъ:

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская (за исключеніемъ города Петербурга) и Смоленская

1860 г.	Населеніе.
272	3,500,000

II. Литва.

Губерніи: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская

1860 г.	Населеніе.
154	5,250,000

III. Малороссія.

Губерніи: Волынская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская

1860 г.	Населеніе.
759	9,500,000

IV. Новороссія и Крымъ.

Область Бессарабія, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская

1860 г.	Населеніе.
820	4,100,000

V. Область, лежащая между Малороссією и Приволжскимъ краемъ.

Губерніи: Воронежская, Земля Войска Донскаго, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская

1860 г.	Населеніе.
631	9,000,000

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская

1860 г.	Населеніе.
666	9,400,000

VII. Нижнее Приволжье.

Губерніи: Астраханская, Казанская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Симбирская

1860 г.	Населеніе.
420	7,300,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Земля Войска Уральскаго, Оренбургская, Пермская

1860 г.	Населеніе.
258	7,150,000

IX. Сибирь.

Восточная Сибирь, губерніи Енисейская, область Забайкальская, губерніи: Иркутская, Семипалатинская (обл.), Тобольская, Томская, Якутская

1860 г.	Населеніе.
221	3,050,000

X. Кавказъ.

Губерніи Дербентская, Земля Войска Черноморскаго, губерніи: Кутаисская, Тифлисская, Шемахинская, Эриванская

1860 г.	Населеніе.
158	2,300,000

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли 122 экз.

Изъ этихъ округовъ нѣкоторыя разграничены отъ другихъ очень естественно и правильно, — напримеръ Литва, Новороссія съ Крымомъ, Сѣверо-восточный Край, Сибирь, Кавказъ. Другіе округи сгруппированы нами теперь только по предположенію, но кажется, что дальнѣйшая разработка литературной статистики подтвердитъ сдѣланное нами предположеніе о сходствѣ духовнаго развитія или направленія въ составляющихъ эти округа губерніяхъ; таковы: Сѣверозападный Велико-русскій Край и Подмосковная область. Но мы не знали, какъ намъ распределить губерніи, лежащія между Малороссією и Приволжскимъ краемъ, изъ которыхъ мы составили отдѣльный округъ. Отнести Пензенскую и Тамбовскую губерніи къ нижнему Приволжью было бы на первый разъ слишкомъ смѣло, точно такъ же, какъ отнести Орловскую губернію къ подмосковнымъ. Современемъ вѣроятно окажется, что губерніи Воронежская и Курская вмѣстѣ съ Землею Войска Донскаго должны быть по направленію духовной жизни раздѣлены между Малороссією и Нижнимъ Приволжьемъ, къ которому вполне прикнута губерніи Пензенская и Тамбовская; а губернія Орловская прикнута одною частью къ округу, въ которомъ будутъ находиться Черниговъ съ частями Курской и Воронежской губерній, другая же часть Орловской губерній обнаружитъ подмосковский характеръ. Малорусскій округъ кажется составленъ изъ губерній, совершенно одинаковыхъ по массѣ населенія, но губерніи Волынская и Подольская еще находятся подъ преобладаніемъ духовной жизни, различной по своему направленію отъ стремленій, уже высоко развившихся

въ другихъ малорусскихъ губерніяхъ, — доказательство тому мы увидимъ въ слѣдующемъ фактѣ.

По числу населенія губерніи Волинская и Подольская составляютъ цѣлую треть всего малорусскаго округа; но число получавшихся въ этихъ губерніяхъ экземпляровъ «Современника», едва составляло одну десятую часть всего числа экземпляровъ, получавшихся въ малорусскомъ округѣ. Вотъ цифры.

	1860	Населеніе.
Губерніи Волинская и Подольская . .	70	4,200,000
Губерніи Кіевская, Полтавская, Харь- ковская и Черниговская	689	6,300,000

Эту разницу мы никакъ не приписываемъ тому, чтобы малороссы Подольской и Волицкой губерніи имѣли больше предпочтенія къ другимъ русскимъ журналамъ, а малороссы остальныхъ четырехъ губерній болѣе предпочтенія къ «Современнику»; скорѣе слѣдуетъ думать, что отношеніе числа всѣхъ получаемыхъ русскихъ журналовъ въ Подольской и Волинской губерніяхъ къ числу получаемыхъ остальными четырьмя губерніями таково же, какъ показываютъ цифры «Современника». Видно, что духовная жизнь въ Подольской и Волинской губерніяхъ еще имѣетъ такой же характеръ, какъ въ литовскихъ. Дѣйствительно, пропорція подписчиковъ «Современника къ общему числу населенія одинакова въ томъ и другомъ краю, — въ Волинско-Подольскомъ и Литовскомъ.

Оставляя въ сторонѣ губерніи, въ которыхъ преобладаетъ чтеніе книгъ на польскомъ языкѣ, сравнимъ округа, въ которыхъ публика читающая журналы принадлежитъ къ одному племени съ массою населенія. Беремъ округа: сѣверозападный великорусскій и новороссійскій. Въ новороссійскомъ округѣ на 4,000,000 населенія получалось 820 экземпляровъ «Современника», а въ сѣверозападномъ на 3,500,000 только 272, — по пропорціи новороссійскаго округа приходилось бы на сѣверозападный болѣе 700 экземпляровъ. Отчего такая разница? Мы не имѣемъ основаній думать, чтобы собственно «Современникъ», отдѣльный журналъ, былъ сравнительно съ другими журналами менѣе популяренъ въ сѣверозападной Великороссіи, чѣмъ въ Новой Россіи; скорѣе слѣдовало бы ожидать, что другой центръ періодическихъ нашихъ изданій, Москва, имѣетъ на губерніи сосѣднія съ Петербургомъ меньше вліянія, чѣмъ на югъ Россіи; что пропорція петербургскихъ журналовъ въ общемъ числѣ выписываемыхъ журналовъ значительнѣе въ петербургскомъ округѣ, чѣмъ въ новороссійскомъ. Оно вѣроятно такъ и есть, но видно, что общее количество получавшихся журналовъ гораздо менѣе по пропорціи къ населенію въ сѣверозападномъ краю, чѣмъ въ новороссійскомъ. Не знаемъ, справедливо ли было бы заключить изъ этого, что въ сѣверозападномъ краю слишкомъ мало любви къ чтенію, — быть можетъ собственно любви къ чтенію и не меньше въ немъ, но явнымъ образомъ меньше въ немъ средствъ удовлетворить этой любви, меньше въ немъ благостоянія.

Другое дѣло — восточная и южная Россія (Европейская). Низовыя приволжскія губерніи (Астраханская, Самарская, Симбирская, Казанская и Нижегородская) конечно гораздо благосостоятельнѣе губерній сѣверо-западнаго края (Олонцкой, Петербургской, за исключеніемъ г. Петербурга, Новгородской, Псковской и Смоленской). Но въ сѣверо-восточномъ краѣ на 3,500,000 жителей прихо-

дится 272 экземпляра «Современника», по 1 экземпляру на 13,000 жителей, а въ приволжскомъ краѣ на 7,300,000 жителей — 420 экземпляровъ, т. е. по одному экземпляру на 17,000. Еще меньше пропорція въ сѣверо-восточномъ краю (губерніи Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская и Пермская), который едва ли уступаетъ благостояніемъ приволжскому краю. Въ сѣверо-восточномъ краю на 7,150,000 населенія получалось только 258 экземпляровъ «Современника», т. е. по 1 экземпляру на 28,000 жителей. Если по другимъ журналамъ пропорція распредѣленія между разными странами Европейской Россіи такова же, какъ у «Современника», то оказывалось бы, что западная половина Россіи имѣеть гораздо больше людей, чувствующихъ потребность читать, чѣмъ восточная половина. (Разумѣется, въ западной половинѣ надобно брать только тѣ губерніи, гдѣ въ образованномъ обществѣ господствуетъ русскій языкъ, — если въ Литвѣ и Волинско-Подольскомъ краѣ читается мало русскихъ книгъ, это потому, что лишь меньшинство образованнаго общества принадлежитъ тамъ къ русскому племени).

Изъ десяти округовъ Россійской Имперіи, принятыхъ нами, не все могутъ служить основаніями для такого сравненія. Въ подмосковскомъ округѣ пропорція петербургскихъ журналовъ конечно меньше, чѣмъ въ другихъ; по общему счету всеѣхъ получаемыхъ журналовъ округъ этотъ, конечно, оказался бы выше, чѣмъ по количеству экземпляровъ одного изъ петербургскихъ журналовъ. Наоборотъ, конечно, происходитъ дѣло въ сѣверо-западномъ краю, гдѣ петербургскіе журналы по всей вѣроятности составляютъ болѣе значительную пропорцію, чѣмъ въ другихъ округахъ. На Кавказѣ русское общество имѣеть такъ сказать военный и административный характеръ, а не характеръ туземный. Потому и число читателей на Кавказѣ очень велико по многочисленности русскихъ офицеровъ, служащихъ тамъ; а массу населенія, состоящую изъ грузинъ, армянъ и т. д., несправедливо было бы принимать нормою для сравненія съ русскими областями. О Литвѣ мы уже говорили. По той же причинѣ, по которой слѣдуетъ не вводить литовскія губерніи въ сравненіе съ другими русскими, слѣдуетъ въ малорусскомъ округѣ считать основаніемъ для сравненія только четыре губерніи (Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую и Черниговскую), не считая губерній Волинской и Подольской. Такимъ образомъ, у насъ остаются слѣдующія цифры:

	Число экземпляровъ „Современника“, получавшихся въ 1860 году.	Число населенія.	На 1 миллионъ населенія получалось экземпляровъ.
Новороссія	820	4,100,000	200
Малороссія	689	6,300,000	110
Страна между Малороссією и Нижнимъ Приволжьемъ	631	9,000,000	70
Низовыя поволжскія губерніи	420	7,300,000	57
Сѣверо-восточный край	258	7,150,000	36
Сибирь	221	3,050,000	72

Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное возрастаніе любви къ чтенію съ сѣверо-востока Европейской Россіи на юго-западъ.

По особенностям своей исторической судьбы Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергичнаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоять въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи, — по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе — Европейская Россія мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ именемъ Великороссія. Первое мѣсто занимаетъ Новороссійскій край, второе — Малороссія, третье — Сибирь, четвертое — юго-западная часть Великороссіи, пятое мѣсто по всей вѣроятности занимаетъ центральная Великороссія (подмосковныя губерніи), далѣе слѣдуетъ юго-восточная Россія, наконецъ сѣверная Европейская Россія.

Само собою разумѣется, что степень вѣрности этихъ выводовъ о разномъ развитіи любви къ чтенію въ разныхъ странахъ Русской Имперіи зависить оттого, въ какой мѣрѣ общія цифры распредѣленія журналовъ по губерніямъ соотвѣтствуютъ цифрамъ «Современника» и тѣмъ соображеніямъ, какія кажутся вѣроятными относительно разности между вліяніемъ двухъ главныхъ литературныхъ центровъ на разные края Россіи.

Возвращаясь отъ общихъ выводовъ къ подробностямъ, мы видимъ, что по числу получавшихся въ 1860 г. экземпляровъ «Современника» первое мѣсто занимала, какъ и въ 1859 г., Херсонская губернія (293); затѣмъ слѣдовали: Харьковская (229), Полтавская (205), Екатеринославская (196), Курская (140), Кіевская (133), Орловская и Саратовская (по 128), Таврическая (126), Ставропольская (124), Черниговская (122), Тульская (120), Тамбовская (109), Тверская (102).

Представимъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ городовъ, имѣющихъ по календарю болѣе 25,000 жителей, съ обозначеніемъ числа экземпляровъ «Современника», получавшихся ими въ 1860 г.

	Число жителей	1860 г.	1859 г.
Астрахань	35,000	23	19
Вердичевъ	50,000	4	3
Варшава	50,000	42	30
Вильно	45,600	18	11
Воронежъ	38,000	29	32
Житомиръ	29,000	13	13
Иркутскъ	25,000	41	37
Казань	56,000	51	41
Калуга	31,000	24	15
Кишиневъ	63,000	37	19
Кіевъ	62,000	65	47
Курскъ	40,000	39	32
Минскъ	25,000	5	5
Нижній-Новгородъ	36,000	25	21
Николаевъ (Херсонскій)	44,000	23	15
Одесса	101,000	114	94
Орель	35,000	40	34
Рига	70,000	9	6
Саратовъ	62,000	52	37

Симбирекъ	26,000	25	26
Симферополь	26,000	32	26
Тифлясь	38,000	52	44
Тула	50,000	38	29
Харьковъ	31,000	85	76
Ярославль	30,000	30	35

Кромѣ этихъ городовъ, въ слѣдующихъ не вошедшихъ въ этотъ списокъ городахъ выписывалось болѣе 20 экземпляровъ «Современника» въ 1860 г.

	1860 г.	1859 г.		1860 г.	1859 г.
Бахмутъ	23	18	Полтава	47	40
Екатеринославъ	31	48	Самара	22	15
Таганрогъ	36	23	Ставрополь	40	24
Новочеркасскъ	49	35	Керчь	28	12
Кострома	23	17	Тамбовъ	39	33
Оренбургъ	39	32	Тверь	23	9
Пенза	37	30	Сумы	21	10
Екатеринбургъ	24	21	Новоміргородъ	24	25
Кременчугъ	26	22	Черниговъ	22	15

Прилагаемое письмо получено нами три мѣсяца тому назадъ,—просимъ извиненія у noctеннаго автора, что довольно долго оставалось оно непечатаннымъ: намъ показалось, что самое лучшее мѣсто для доставляемыхъ имъ свѣдѣній будетъ—рядомъ съ статью, подобною той, которая вызвала его. Вотъ оно:

«Современникъ», въ одномъ изъ первыхъ номеровъ 1860 года, исчислилъ сколько у него подписчиковъ въ каждомъ городѣ. При этомъ онъ выказалъ желаніе, чтобы и прочіе русскіе журналы и газеты сдѣлали тоже. «Современникъ» хотѣлъ этого для того, чтобы по числу выписываемыхъ періодическихъ изданій можно было, хотя приблизительно, судить о степени просвѣщенія города или уѣзда. На его приглашеніе до сихъ поръ никто не отозвался. По моему, вѣрнѣе собрать въ каждомъ городѣ въ почтовой конторѣ свѣдѣніе: какія и въ какомъ числѣ получаютъ періодическія изданія, и тогда, принявши въ соображеніе мѣстныя обстоятельства и положеніе выписывающихъ, можно съ болѣею вѣроятностію судить о просвѣщеніи жителей города или уѣзда.

«Начиная съ Керчи,—быть можетъ моему примѣру послѣдуютъ и другіе. Вотъ предъ вами довольно длинный списокъ журналовъ и газетъ, получаемыхъ въ Керчи—взгляните, каковъ итогъ? И все это количество выписываютъ чиновники военные и гражданскіе и небольшая часть купцовъ!!... Не удивительно, если помѣщики въ какомъ нибудь уѣздѣ, какъ напримѣръ въ Новомосковскомъ, по указанію «Современника», получаютъ много журналовъ: они имѣютъ и много средствъ. Выписывать періодическія изданія, удѣляя на это отъ избытковъ, не значить еще, что безъ нихъ мы не можемъ обойтись; но кто на книги употребляетъ часть скуднаго жалованья, для того онъ также необходимъ, какъ пища. Это можно сказать о чиновникахъ вообще; о керченскихъ же я могу прибавить, не оскорбляя ихъ скромности, что они, равно какъ и прочіе жители Керчи, стоятъ выше другихъ. Разоренные войной и едва кое-какъ устроившіеся Монаршимъ вспомошествованіемъ, они, какъ видите, выписываютъ, по числу ихъ, очень много

журналовъ и газетъ, на сумму 3359 р. 20 к., составили общественную библиотеку для чтенія и стараются объ учрежденіи гимнази на собственный счетъ. Развѣ это не отрадное явленіе? развѣ это не просвѣщеніе, или но крайней мѣрѣ любовь къ нему, стремленіе стать въ уровень съ временемъ, съ требованіями его?..

«Вѣрьте же послѣ этого общему мнѣнію, что чиновники по городамъ только и дѣлаютъ, что пожилые въ карты играютъ, а молодежь пляшетъ. Быть-можетъ и есть такіе города—Русь матушка велика, въ семьѣ не безъ уroda, да Керчь-то на нихъ не похожа, хотя въ ней тоже есть мѣста для удовольствій: зимой танцевальныя вечера въ англійскомъ клубѣ, а лѣтомъ гулянья въ общественномъ саду и танцы въ ротондѣ.

„Г. Ап—въ“.

„Керчь“.

„20 сентября 1860 г.“.

Списокъ журналовъ и газетъ получаемыхъ въ Керчи.

Современникъ	28	экземпляровъ.
Отечественныя записки.	17	—
Библиотека для чтенія	3	—
Русское Слово	4	—
Морской Сборникъ	16	—
Русскій Вѣстникъ	13	—
Собраніе Иностранныхъ романовъ	12	—
Сѣверная Пчела	12	—
С.-Петербургскія Вѣдомости	12	—
Русскій Инвалидъ	10	—
Коммерческая Газета	7	—
Иллюстрація	11	—
Журналъ для Акціонеровъ	1	—
Сынъ Отечества	23	—
Русскій Миръ	6	—
Искра	10	—
Часть досуга	3	—
Сѣверный Цвѣтокъ	6	—
Иллюстрированный Семейный Листокъ	8	—
Другъ Здравія	2	—
Мода	3	—
Ваза	6	—
Нувелистъ	3	—
Странникъ	5	—
Арлекинъ	1	—
Художественный Листокъ	4	—
Семейный Кругъ	4	—
Калейдоскопъ	2	—
Экономическій Указатель	1	—
Журналъ Министерства Юстиціи	4	—
Лучи	1	—
Журналъ для всѣхъ	4	—
Духовная Бесѣда	4	—
Домашняя Бесѣда	2	—
Разсвѣтъ	2	—
Наше Время	3	—
Развлеченье	2	—
Nord	2	—
Одесскій Вѣстникъ	28	—
Военный Сборникъ	3	—
Военные приказы	3	—

Гирлянда	1	—
Журналъ для дѣтей	1	—
Журналъ чтенія для солдатъ	24	—
Журналъ Горный	1	—
Журналъ для воспитанія	1	—

Итого разныхъ изданій 46. Число экземп. . . . 319

На сумму 3,359 р. 20 к. сер.

Какъ хорошо было бы, если бы послѣдовали примѣру г. Ап. ва другія лица, подобно ему имѣющія въ своихъ рукахъ вѣрныя цифры о количествѣ періодическихъ изданій, выписываемыхъ въ извѣстной губерніи или извѣстномъ городѣ. Мы усердно просили бы ихъ о томъ, какъ просимъ и г. Ап. ва сообщите нубликѣ такой же списокъ получаемыхъ въ Керчи періодическихъ изданій за нынѣшній 1861 годъ.

Сдѣлаемъ еще вопросъ о томъ, нарушилась ли бы коммерческая тайна, если бы главное управленіе почтъ нашло полезнымъ для статистики обнародовать цифры періодическихъ изданій, пересылавшихся въ прежніе годы и пересылаемыхъ въ нынѣшнемъ году черезъ посредство почты? Мы приведемъ одинъ примѣръ, показывающій, что вопросъ этотъ можно рѣшить въ пользу нашей мысли. Англійское штемпельное бюро каждую четверть года обнародовало, какое количество листовъ было представляемо каждою газетою для приложенія штемпеля, — т. е. въ какомъ количествѣ листовъ была печатана каждая газета за эту четверть года. Мы надѣялись бы, что можно обнародовать цифры о количествѣ пересылаемыхъ по почтѣ хотя тѣхъ журналовъ и газетъ, издатели которыхъ выразятъ свое согласіе на такое обнародованіе. Если бы исполненіе такой мысли оказалось возможнымъ, то конечно слѣдовало бы печатать не одну общую цифру для всей имперіи, а подробные списки по уѣздамъ, какъ сдѣлали мы, или по крайней мѣрѣ по губерніямъ и областямъ. Очень важны были бы также свѣдѣнія о распредѣленіи числа выписываемыхъ экземпляровъ по сословіямъ подписывающихся лицъ. Петербургскій и московскій почтамты едва ли имѣютъ въ своихъ канцеляріяхъ точныя данныя объ этомъ, потому что у кого изъ насъ не выставляется на адресѣ «его благородію» или «его высокоблагородію» или кто разбереть, какого сословія эти лица, сливающиеся въ общемъ обозначеніи «благородій и высокоблагородій»? Но провинціальныя почтамты могутъ имѣть точныя свѣдѣнія о распредѣленіи періодическихъ изданій по сословіямъ, потому что и въ губернскихъ, не только въ уѣздныхъ городахъ, званіе каждаго лица извѣстно каждому. Но такъ какъ точность подобныхъ свѣдѣній зависитъ уже вполне отъ внимательности собирающаго ихъ лица, то это дѣло необходимо предоставить личному сознанію чиновниковъ каждаго провинціального почтамта о статистической важности подобныхъ свѣдѣній: оффиціальнымъ запросомъ тутъ нельзя получить основательныхъ отвѣтовъ. Лучше пусть будутъ доставлены точныя свѣдѣнія о сословіяхъ лицъ, получающихъ журналы и газеты въ нѣкоторыхъ городахъ, чѣмъ добиваться неточнаго итога по всѣмъ городамъ.

СВИСТОКЪ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ

ИЛИ

ОСВИСТАННЫЙ ВМѢСТѢ СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ЖУРНАЛАМИ «СОВРЕМЕННОСТЪ».

Давно припадала намъ охота освистать «Современникъ», да все какъ-то совѣстились мы,—все, знаете ли, неловко какъ-то: вѣдь подъ одною оберткою съ нимъ являемся мы, хотя ничего общаго, кромѣ обертки, не имѣемъ, да и не желаемъ имѣть. Усердіе посвистать «Современнику» было у многихъ другихъ, и усердіе ихъ насъ плѣняло, но пробы эти не удавались никому—выходило вмѣсто веселаго свиста беззубое, бранчивое шипѣнье, котораго конфузились сами же наши неловкіе соперники. Наконецъ таки откликнулся хорошій, умный, достойный отголосокъ,—и кто же бы, думали вы, просвисталъ «Современнику» такъ, что любо было намъ слушать звонкій, молодецкій мотивъ?

Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Кредитъ» г. Везобразова.

— Фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»?

— Полноте, что вы. Онъ умѣетъ только самъ себя же хлопать такъ, что жаль бѣдняка становится. Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Машка Гампльтонъ» г. Семеваго.

— «Знаменитый нашъ остроумецъ Н. Ф. Павловъ»?

— Что вы, что вы, прилично ли упоминать на страницахъ «Свистка» о вояцкомъ остроуміи!—Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Альбертъ» гр. Л. Н. Толстаго съ придачею «Клеопатры» въ переводѣ г. Фета,—

Что другія всѣ награды

Предъ сокровищемъ такимъ?

(Жуковскій *).

— «Значить, ужь некому быть, кромѣ Бай-Бороды»

*) Цитата ошибочная: г. Геннади помѣстилъ эти стихи въ пьесѣ Пушкина:

„Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...“

Но по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что хотя они и дѣйствительно написаны на листкѣ, лежавшемъ подлѣ черновой рукописи этого стихотворенія, однакоже принадлежатъ извѣстному гр. Хвостову, листокъ изъ бумагъ котораго случайно остался на столѣ Пушкина. Неизвѣстно, на чемъ основывался авторъ статейки „Свистка“, приписавшій ихъ Жуковскому, но самая возможность такой ошибки обнаруживаетъ, что

Полноте, никто не могъ дочесть до конца писемъ Бай-Бороды противъ гг. Кошелева и Черкаскаго, а статейка, о которой мы говоримъ, такъ мила, такъ остра, такъ извительна, что каждый назоветъ ее украшеніемъ нынѣшняго «Свистка». Гдѣ вамъ отгадать ея автора,—мы говоримъ о статьѣ почтеннаго редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», да, его, О. М. Бодянскаго.

— О. М. Бодянскаго!??? О. М. Бодянский острить? Онъ, авторъ «Глаголицы» и изслѣдованія о годѣ изобрѣтенія кирилловской азбуки?

— Да, онъ, и превосходно острить, и мы не удивимся: потому что г. Бодянский не только гражданинъ, въ серьезномъ смыслѣ,—не только ученый славянинъ, не только редакторъ «Чтеній», напечатавшій въ нихъ столько драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ, которыхъ не успѣлъ бы напечатать никто другой,—нѣтъ, О. М. Бодянский также острякъ, когда хочетъ быть острякомъ.

Но погодите, начнемъ по порядку. Въ декабрьской книжкѣ «Современника» за прошлый годъ напечатанъ былъ разборъ послѣднихъ трехъ книжекъ «Чтеній». Тутъ замѣчалось между прочимъ, что статьи о современныхъ дѣлахъ въ «Чтеніяхъ» не такъ хороши, какъ матеріалы по старинному времени. Мы впередъ знали, что почтенный редакторъ «Чтеній» не оставитъ этого безъ реплики,—не было еще примѣра, чтобы онъ смѣкалъ когда кому, если кто скажетъ что не по немъ,—

Не родилась та рука заколдованная
Ни въ дворянскомъ роду, ни въ кунеческомъ,

редакція „Свистка“ не изучала изслѣдованій г. Буслаева, положительно доказавшаго, что тутъ скрывается драгоценный слѣдъ эпического воззрѣнія: слово награда (= скандинавскому *gardarik*, какъ обозначается Русь въ сагахъ) происходитъ отъ словъ городить, горолдъ; а изъ этого ясно, что предки наши представляли себѣ награду въ видѣ Валгаллы (огороженная зала, *wall stǫna* и *halle* зала) скандинавовъ. Валгаллу, мѣсто награды павшимъ въ битвѣ героямъ, воображеніе скандинавовъ населило валкириями, вѣчно-юными дѣвками (невольно воспоминается при этомъ греческій мифъ о Гебѣ, данной Юпитеромъ въ награду Геркулесу). Итакъ очевидно, что подъ «сокровищемъ», о которомъ говоритъ г. Хвостовъ, надобно понимать валкирии или сербскую вилу, и эпическій смыслъ двустипши:

Что другія всѣ награды
Предъ сокровищемъ такимъ,—

открывается слѣдующій: „моя вила или валкирія такъ прекрасна, что затмѣваетъ собою всѣхъ вашихъ валкирій“. Если же такъ, то ясно, что стихи эти взяты графомъ Хвостовымъ изъ эпической народной пѣсни, изображавшей рабоборство славянскаго Перуна съ скандинавскимъ злымъ божествомъ Фенриромъ, имѣвшимъ видъ громадной собаки. Передъ боемъ, по эпическому порядку, противники хвалятся одинъ передъ другимъ. Фенрирь должно было сказать Перуну: „если ты убьешь меня, я буду жить въ Валгаллѣ съ прекрасными валкириями, потому не боюсь смерти“. Перунъ же на это отвѣчаетъ ему: «а я еще меньше боюсь смерти, потому что наша славянская вила, съ которою буду жить я по смерти, прекраснѣе всѣхъ вашихъ валкирій». Такъ восстанавливается нашъ утраченный народный эпосъ по этимъ двумъ стихамъ. Битва Тора (соотвѣтствовавшая нашему Перуну) съ Фенриромъ составляетъ эпизодъ въ Муспилли, великой битвѣ Асовъ съ Локе и его сестрою Гедою. Вотъ доказательство, что у языческихъ славянъ кончина міра представлялась слѣдствіемъ битвы свѣтлыхъ боговъ съ черными враждебными свѣту силами ночи и ада (вспомнимъ Вѣлбога, параллельнаго Вальдуру). Г. Аванасевъ въ своихъ зооморфическихъ божествахъ справедливо замѣчаетъ, что обычное у славянъ съѣденіе дѣтей розгами служило нѣкогда символомъ смерти Вальдура, поражаемаго вѣткою омелы (смыслъ обычая утратился, но самый обычай свято хранится). Мы представили здѣсь только краткое извлеченіе изъ прекраснаго изысканія г. Буслаева, у котораго читатель найдетъ всѣ необходимыя подробности. Вотъ какія драгоценныя черты народнаго эпоса и языческаго міросозерцанія открываетъ ученое изслѣдованіе въ двустипши, повидимому ничтожномъ:

«Что другія всѣ награды
«Предъ сокровищемъ такимъ?»

Безвѣстный но полезный труженикъ науки.

по которой-бы не стукнулъ О. М. Бодянской своимъ славянскимъ кулачкомъ, если она чуть до него дотронется. И точно, онъ не замедилъ пристукнуть дерзкую реценцію,—и что всего лучше, пристукнулъ съ отличнымъ присвистомъ.

Сначала онъ немножко сердится; но Богъ съ нимъ, мы-то на него ужъ не разсердимся за это. А вотъ послушайте, что слѣдуетъ за первыми нѣсколькими суровыми звуками,—это уже свистъ, чистѣйшій, благозвучнѣйшій свистъ:

«Современникъ» замѣчаетъ, что «современная исторія вообще какъ-то плохо удается «Чтеніямъ». Но, во-первыхъ: «мы ходимъ древними путями, и совратились бы съ нихъ и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковыя притязанія», кто-то когда-то сказалъ кому-то въ положеніи, нашему подобномъ. Современнымъ мы занимаемся лишь по отношенію къ древнему: это вытекаетъ изъ того состоянія, въ которомъ не однимъ вамъ суждено вращаться. Во-вторыхъ: кому же современность удается у насъ? У кого бы, кажись, болѣе всего искать современной исторіи, какъ не у «Современника», и, однако же, гдѣ же она у него? Не его ли и всѣхъ современныхъ и несовременныхъ русскихъ журналовъ и газетъ составляетъ она то тайное вождельніе и постоянное воздыханіе сердца, къ которому стремились, стремимся и не перестанемъ стремиться, дондеже постигнемъ? Зачѣмъ же-то колоть другимъ глаза отсутствіемъ того, чего не больше и у васъ самихъ? Вѣдь это просто сбивается на русскую поговорку: «Кума а кума! Сойди съ ума, купи вина!»

«О. БОДЯНСКІЙ».

Январь 2-го, 1861 г.
Москва.

Правда, правда, примодушный Осипъ Максимовичъ! О, да какъ же ловко освистали вы,—не «Современникъ» одинъ, а всѣ наши журналы, всѣ, всѣ! Правда, да вѣдь свистъ и бываетъ тѣмъ хорошъ, что правду свищетъ.

Мы поспѣуемъ на васъ за одно, Осипъ Максимовичъ: за чѣмъ вы не прислали эту молодецкую реплику для напечатанія прямо въ «Современникъ», затронувшій васъ? Онъ съ удовольствіемъ нанечаталъ бы ее.

Эхъ, только тѣмъ п отведешь душу, что иной разъ колыхнешъ глаза другому отсутствіемъ того, чего и у самого почти столько же! Пиши о варягахъ, о г. Погодинѣ, о Маколевѣ и г. Лавровѣ съ Шопенгауэромъ, о Моллиари и письмахъ Кэри къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. И сиди за этою белибердою, ровно никому не нужно, кромѣ какъ развѣ для нагнанія сна — и сиди за нею, да еще — чего добраго — услышишь потомъ о себѣ отъ добрыхъ людей «какую интересную статью написалъ г. NN о г. Лавровѣ, какъ онъ мастерски высказалъ все, что хотѣлъ, и какъ много чрезвычайно важнаго, полезнаго, живаго высказалъ!» Да, Осипъ Максимовичъ, вы повѣрите: тяжело писать эту дребедень, унизительно, отвратительно писать ее,—а еще тяжеле, унизительнѣе слушать, что ее хвалятъ, что тебя многіе уважаютъ за нее. Это довольство безцвѣтною, бесполезною отвлеченностью, эти похвалы ей показываютъ, что не найдешь ты опоры, чтобы подняться изъ своего унизительнаго положенія, что еще не нуженъ писателю никому ни для чего, кромѣ какъ для пустяковъ. Грустно, Осипъ Максимовичъ, быть писателемъ челоуѣку, который не хотѣлъ бы прожить на свѣтѣ бесполезнымъ для общества говорунимъ о пустякахъ.

Будьте же здоровы, Осипъ Максимовичъ, и честь вамъ за то, что вы, начавъ досадою и кончивъ правдивою, ѣдкою шуткою, подали «Свистку» случай, начавъ шуткою, кончить не шуточнымъ, — въ первый и въ послѣдній разъ, — свистомъ, а визгомъ стѣбенной груди.

Предисловіе къ нынѣшнимъ Австрійскимъ дѣламъ.

Вниманіе Европы сильно занято теперь австрійскими дѣлами; потому человекъ неопытный и легкомысленный можетъ предположить, что наши очерки, въ которыхъ будутъ разсказаны австрійскія событія послѣднихъ тринадцати лѣтъ, не нуждались ни въ какомъ другомъ поводѣ къ своему появленію на свѣтъ. «Что такое дѣлается теперь въ Пештѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Загребѣ? спрашиваетъ каждый: — какъ возникло это запутанное положеніе? откуда взялись эти Шмерлинги и Сѣчецы? чего они хотятъ? на что они могутъ согласиться? почему ими недовольны ни Рехбергъ и Бенедекъ, ни венгры, ни австрійскіе нѣмцы, ни австрійскіе славяне? Поставленные между разнорѣчивыми стремленіями разныхъ народностей и представителями прежней системы, на какую сторону склонятся люди, управляющіе теперь судьбами Австріи? чего кто хочетъ въ Австріи, и что въ ней выйдетъ? — это любопытно узнать каждому; потому натурально явится въ журналѣ статья, объясняющей нынѣшнее положеніе Австріи ходомъ предшествовавшихъ событій. Другихъ поводовъ не нужно искать».

Нѣтъ, о легкомысленный и неопытный читатель, нельзя довольствоваться такими поверхностными мыслями! неужели ты думаешь, что мы унизились бы до служенія суетному твоему любопытству? Положимъ, что въ Австріи путаница, — но мало ли путаницъ на свѣтѣ; обозри шаръ земной мысленнымъ окомъ, ты увидишь много путаницъ, еще менѣе тебѣ понятныхъ. Читалъ ли ты, что въ Мехикѣ Хуаресъ или кто-то другой побѣдилъ Мирамона? Согласись, что Мирамонъ и Хуаресъ еще загадочнѣе для тебя, чѣмъ Шмерлингъ и баронъ Вай. Почему же мы пишемъ не о Мехикѣ, а объ Австріи? Тутъ очевидно есть другая причина, кромѣ желанія разъяснить темныя для тебя отношенія. Читатель можетъ отвѣчать: «но Мехикою не интересуется никто, Австрію заняты все». Положимъ, такъ; но почему не заняты? Вотъ въ это и надобно выкинуть: изслѣдуй причину своего любопытства, посмотри въ корень, по правилу Кузмы Пруткова.

Итакъ, почему публику интересуетъ австрійская путаница? Иной скажетъ: по географическому соедѣству. Нѣтъ, этого мало. Граничить съ Россією Персія, граничить Бухара, и драматическихъ эпизодовъ въ этихъ земляхъ происходитъ ужъ павѣрное не меньше, чѣмъ въ Австріи; почему же мы не интересуемся ими? Теперь причина обнаруживается уже довольно ясно. То — страны, слишкомъ низко стоящія на пути цивилизаціи, недостойныя особеннаго вниманія исторіи, не завлекательныя

для просвѣщенной мысли, — Австрія не то: это страна, довольно высоко поднявшаяся въ цивилизаціи, потому дѣла ея и любопытны.

Такъ. Но чѣмъ же измѣряются успѣхи цивилизаціи? — Развитіемъ науки, искусствъ, литературы, поэзіи. Назовите же мнѣ хоть одного австрійскаго философа или историка, живописца или романиста, поэта или скульптора. Ни о какомъ австрійскомъ имени ни по какому изъ этихъ сортовъ никто никогда не слыхивалъ; никто не можетъ назвать ни одного, —

Молчанье на вызовъ отвѣтъ.

Такъ оно и было до послѣдняго времени; потому и мы до послѣдняго времени молчали объ Австріи: она не представляла доказательствъ, что достигла высокой цивилизаціи.

Но неужели тоже и теперь? Припомните, не имѣетъ ли Австрія теперь знаменитаго человѣка по одному изъ высшихъ направленій цивилизаціи? нѣтъ ли австрійскаго имени, которое было бы драгоцѣнно каждому изъ насъ? нѣтъ ли австрійца, которому былъ бы каждый изъ насъ обязанъ признательностью за возбужденіе многихъ высокихъ идей, за доставленіе многихъ минутъ возвышеннаго наслажденія? Подумайте...

А на какомъ же языкѣ, позвольте васъ спросить, писалъ свои благоуханныя произведенія Яковъ Хамъ? какой онъ націи поэтъ, позвольте васъ спросить?—«На австрійскомъ! австрійскій!» гремитъ дружный отвѣтъ всѣхъ читателей, и на глазахъ у каждаго является слеза умиленія.

Вотъ то-то же, недогадливые люди. Появленіе Якова Хама возвеличило Австрію, показало въ ней страну великую, достойную изученія; и вотъ мы изучаемъ ее.

I.

До 1815 года Австрія существовала въ свѣтѣ очень благополучно и тихо, кромѣ однихъ тѣхъ случаевъ, когда приходила ей охота воевать съ кѣмънибудь: тутъ поднимался по необходимости громъ и трескъ; австрійцевъ обыкновенно били, — сначала Фридрихъ Великій, потомъ французскіе республиканскіе генералы, потомъ Наполеонъ; побивъ ихъ достаточное количество разъ, побѣдитель отрѣзывалъ себѣ какую нибудь часть прежнихъ австрійскихъ владѣній; если эта отрѣзанная часть не возвращалась потомъ Австріи, начинала она сливаться съ другимъ государствомъ и сама не жалѣла о томъ, да и Австрія не жалѣла о томъ; такъ было съ Силезіей. Если же потерянные земли возвращались, какъ, напримѣръ, провинціи, отнятыя у Австріи Наполеономъ, тоже не происходило ничего особеннаго: возвращавшіяся провинціи думали: «вотъ и прекрасно!» другія австрійскія провинціи тоже думали: «вотъ и прекрасно!» А внутренняя австрійская жизнь при всѣхъ этихъ разгромахъ и безвозвратныхъ потеряхъ и при возвращеніи другихъ потерь шла себѣ очень ладно.

Не были исключеніями изъ этого ни Миланъ съ Венеціею, ни Венгрія. Венгры были очень привержены къ Австріи, не поддавались во время наполеоновскихъ войнъ никакимъ уловкамъ Наполеона, рекомендовавшаго имъ отдѣлиться отъ Австріи при его помощи, и сражались противъ него за Австрію съ полнымъ усердіемъ, изъ всѣхъ своихъ силъ. А миланцы оказались еще усерднѣе: они сами низвергли прежде свое

правительство, зависѣвшее отъ Французской имперіи, и сами отдались австрійцамъ въ 1814 г.,—поступили точь-въ-точь по Нестору, будто начитались нестороваго поклонника Шлецера: «прійдите княжить и володѣть нами». Венеціанцы также приняли австрійскихъ главнокомандующихъ и губернаторовъ, вмѣсто французскихъ, съ удовольствіемъ. Теперь оно кажется невѣроятнo, а тогда въ самомъ дѣлѣ ломбардо-венеціанцы имѣли такія чувства; и, что еще невѣроятнѣе, для нынѣшняго мнѣнія, надо сказать, что сѣверо-восточная Италія не проиграла, а выиграла на первое время передъ остальною Италію тѣмъ, что стала подъ господство австрійцевъ. Да и не на первое время только, а вплоть до самаго 1848 года остальные итальянцы могли во многомъ завидовать положенію своихъ сѣверныхъ соотчичей подъ австрійскою властью. Нечего рассказывать, какой порядокъ былъ до прошлаго года въ Неаполѣ,—этотъ порядокъ существовалъ въ Неаполѣ съ самаго 1814 года. Въ Папской Области хозяйничанье было точно такое же съ той же самой поры. Ничѣмъ не отличался отъ Неаполя съ Папскою Областью и Піэмонть до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1847 г.: въ немъ такъ же безгранично властвовала клерикальная партія, доводившая до крайности систему Меттерниха, котораго слѣдуетъ назвать либеральнымъ по сравненію съ піэмонтскими его учениками. Въ этомъ отзывѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго: сами итальянцы свидѣтельствуютъ, что до 1848 года Ломбардо-Венеціанское королевство управлялось гораздо лучше остальной Италіи: оно имѣло, по крайней мѣрѣ, не очень дурное судопроизводство по обыкновеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, не относившимся къ политикѣ; оно имѣло довольно исправную полицію въ хорошемъ смыслѣ слова—въ томъ смыслѣ, что воры не могли вламываться безнаказанно въ дома, грабить людей по улицамъ и по большимъ дорогамъ; самыя дороги содержались въ исправности и улучшались; строились даже желѣзныя дороги, одна мысль о которыхъ считалась преступной въ остальной Италіи. Словомъ сказать, Ломбардо-Венеціанское королевство пользовалось такимъ же сноснымъ полицейскимъ и судебнымъ управленіемъ, какъ Саксонія или Баварія. Ничего подобнаго въ остальной Италіи не было: тамъ господствовала полнѣйшая безурядица, самая произвольная, самая безнадежная. Въ Піэмонть, въ Пармѣ, въ Моденѣ, Романьѣ, Умбріи, Неаполѣ, Сициліи нельзя было получить управы ни на какого уличнаго мошенника, добиться правильнаго рѣшенія ни по какому гражданскому иску: полиція находилась на откуду у воровъ и бандитовъ, судебная власть рѣшала все процессы по взяткамъ или связямъ. Мы все это говоримъ къ тому, что масса итальянскаго населенія, еще не думавшая ни о національномъ единствѣ, ни о какихъ политическихъ вопросахъ, завидовала ломбардо-венеціанцамъ: землевладѣльцы, купцы остальной Италіи находили, что ломбардо-венеціанцы лучше обезпечены въ своей собственности, имѣютъ гораздо больше простора по своимъ хозяйственнымъ и денежнымъ дѣламъ, чѣмъ они; поселяне, когда случалось имъ слышать или думать о чемъ нибудь, происходящемъ за границею ихъ прихода, находили то же самое; но слишкомъ рѣдко, слишкомъ немногіе изъ поселянъ и думали о чемъ нибудь такомъ. Сельское населеніе до послѣдняго времени жило по всей Италіи въ такомъ патріархальномъ застоѣ, что не только въ какихъ нибудь 1830-хъ годахъ, но въ 1848 году или вовсе оставалось чуждо всякаго отношенія къ событіямъ, или расположено было поддерживать прежній порядокъ. Даже въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ большинство поселянъ въ 1848 году было очень довольно возстановленіемъ австрійской власти.

А если такъ было въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, если тамъ въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ 1814 года господствовала скорѣе готовность къ довольству судьбой, отдавшей эти земли подъ австрійскую власть, чѣмъ расположеніе къ какой нибудь оппозиціи правительству,—если и въ Венгріи владычествовала совершенная преданность габсбургскому дому, то объ остальныхъ австрійскихъ земляхъ нечего и говорить. Чтобы видѣть, какъ смѣрны, послушны, даже расположены къ обскурантизму были мысли въ провинціяхъ Австріи, принадлежащихъ къ нѣмецкому Союзу, мы обратимъ вниманіе на столицу; вѣдь столица всегда бываетъ самымъ прогрессивнымъ городомъ,—а въ столицѣ обратимъ вниманіе на молодежь, которая уже всегда бываетъ самою прогрессивною частью населенія, и при томъ на университетскую молодежь, самую передовую часть молодежи. Мы увидимъ, что однимъ изъ первыхъ проявленій переворота былъ адресъ, поданный студентами императору. Мы увидимъ, что для поднесенія этой просьбы императору выбранъ былъ профессор Ги, пользовавшійся огромнѣйшею популярностью между студентами. Онъ послѣ 1848 года, во все продолженіе сильнѣйшей реакціи, занимать важное мѣсто по управленію, написалъ множество законовъ, имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, совершенно въ такомъ духѣ, какой тогда требовался; и для этого не было ему надобности измѣнять свои прежнія убѣжденія.

Словомъ сказать, когда основалась нынѣшняя Австрійская имперія съ 1813 и 1814 гг., никакихъ оппозиціонныхъ расположеній не существовало въ составившихъ ее народахъ, и было бы чрезвычайно легко управлять ими такъ, чтобы они Богъ-знаетъ сколько времени оставались, — не говоримъ покорны, потому что о непокорности никто и не думалъ,—нѣтъ, а всею душою привержены къ австрійскому правительству. Закваска этой приверженности была такъ сильна, такъ живуча, что очень долго не могла быть искоренена не только въ массахъ,—въ массахъ она оставалась даже и въ 1848 году въ самой Ломбардіи,—а даже въ прогрессивнѣйшихъ слояхъ венгерскаго общества, не говоря уже о славянахъ и нѣмцахъ. Какими же силами пропзведена была поразительная перемѣна въ расположеніи умовъ, обнаружившаяся событіями 1848 года? Почему образованныя сословія потребовали перемѣны, прибѣгли къ насильственнымъ средствамъ для ея полученія, а расположенная къ правительству масса покинула его безъ помощи?

Многіе тутъ говорятъ о развитіи мадарскаго патриотизма, о панславизмѣ, объ итальянскомъ стремленіи къ единству, приписывая дѣло неудержимому пробужденію національностей, которыя будто-бы почувствовали невозможность ужиться мирнымъ образомъ въ одномъ государствѣ. Спора нѣтъ, передъ 1848 годомъ ужь существовало въ чехахъ сильное нерасположеніе къ нѣмцамъ и даже намѣреніе ввести въ Австрію федеративную систему, а венгры и ломбардо-венеціанцы даже воевали тогда противъ австрійцевъ; но чтобы рѣшить, должны ли эти національныя чувства считаться причиной переворота, надобно точнѣе опредѣлить, во-первыхъ, какое направленіе имѣли они даже и въ 1848 году у чеховъ и венгровъ, а во-вторыхъ, какимъ образомъ развились они до политическаго значенія и у нихъ, и у австрійскихъ итальянцевъ.

Мы ни мало не желаемъ уменьшать значенія, принадлежащаго національностямъ; но отъ національнаго чувства до стремленія къ полной государственной отдѣльности отъ другихъ племенъ и къ государственному единству съ другими частями своего племени еще очень далеко. Конечно, такое стремленіе является

логическимъ выводомъ изъ національнаго чувства, и въ сознаниіи нѣкоторыхъ народовъ такой выводъ уже сдѣланъ; но не дадимъ себѣ забывать о безчисленномъ множествѣ фактовъ, изъ-за громкихъ событій, которыми проявился онъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ послѣдніе два года въ Италіи. Не будемъ говорить о такихъ государствахъ, какъ Португалія и Голландія. Мы видимъ, что голландцы, одно изъ ниже-нѣмецкихъ племенъ, не имѣютъ никакого желанія присоединиться къ нѣмецкой имперіи, которую хотятъ устроить себѣ другіе нѣмцы; а португальцы, отличающіеся по языку отъ жителей Мадрида не больше чѣмъ андалузцы, и меньше, чѣмъ арагонцы, до сихъ поръ не обнаруживаютъ стремленія слиться въ одно государство съ остальными испанцами. Скажутъ, что Испанія не имѣетъ достаточнаго блеска, что нѣмецкаго единства еще нѣтъ въ близкой перспективѣ, что нерасположенности голландцевъ и португальцевъ стремиться къ національному идеалу пролежитъ только отъ разсудительнаго разчета, запрещающаго жертвовать вѣрнымъ для невѣрнаго. Возьмемъ другой фактъ, относящійся къ народности, самой блистательной по своему политическому единству, проникнутой самымъ укороеннымъ и пылкимъ энтузіазмомъ къ нему. Савойцы не имѣли ровно никакого расположенія перейти къ Французскому государству отъ итальянскаго Піэмонта. Французская часть Швейцаріи рѣшительно враждебна проектамъ о ея присоединеніи къ Франціи. Да и въ итальянскомъ племени есть такой же примѣръ. Итальянская часть Швейцаріи не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія присоединиться къ Итальянскому королевству, и самому Мадцини, вѣроятно, не приходила никогда мысль о такомъ присоединеніи. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать такое заключеніе: еще и въ нынѣшнее время, въ 1860-тыхъ годахъ, національныя идеи сами по себѣ не имѣютъ такой силы, чтобы заставлятъ часть племени стремиться къ соединенію въ одно государство съ другими частями того же племени и къ разрушенію государства, въ которомъ она соединена съ другими племенами. Просимъ не придавать нашимъ словамъ теоретическаго смысла, не считать ихъ выраженіемъ нашего идеала: точно такъ же должны бы мы были сказать, напримѣръ, что еще не все народы проникнуты стремленіемъ къ цивилизаціи или къ справедливымъ общественнымъ учрежденіямъ. Мы только свидѣтельствуемъ о существованіи факта; только характеризуемъ нынѣшнюю ступень человѣческаго развитія. Если, напримѣръ, мы читаемъ о какомъ-нибудь переворотѣ въ Персіи или Кабулѣ, мы никакъ не можемъ, къ сожалѣнію, повѣрить писателю, который вздумалъ бы объяснять его стремленіемъ мѣстныхъ племенъ къ просвѣщенію, недовольствомъ ихъ на господствующій въ тѣхъ земляхъ обскурантизмъ, — тѣ народы еще не дошли до такой охоты просвѣщаться, чтобы могли возникать изъ нея политическія событія. Точно такъ же мы говоримъ, что еще и до сихъ поръ въ Европѣ національность сама по себѣ недостаточна для произведенія перемѣнъ въ распредѣленіи границъ. Еще и теперь необходимо присутствіе другихъ болѣе сильныхъ причинъ, чтобы могло произойти что-нибудь важное. Если, напримѣръ, Молдавія и Валахія очень сильно пожелали соединиться въ одно государство, тутъ дѣйствовало очень простое обстоятельство чисто матеріальнаго, если хотите, даже хозяйственнаго характера: жители Валахій подвергались грабительству турокъ, жители Молдавіи также; каждая область въ отдѣльности не чувствовала у себя силы помѣшать туркамъ грабить ее, — вотъ они и вздумали соединиться, въ надеждѣ, что соединившись будутъ имѣть силу усѣпшнѣе защищаться отъ грабежа. Национальность была тутъ лишь облегчающимъ обстоятельствомъ, а не коренною причиною соединенія.

Опять просимъ не придавать нашимъ словамъ преувеличеннаго значенія. Мы вовсе не говоримъ, что національное чувство не составляетъ теперь факта, ужь очень важнаго, не служитъ очень сильнымъ пособіемъ къ происхожденію извѣстныхъ событій, — служитъ безъ всякаго сомнѣнія. Но мы видимъ, что и теперь еще нужны для произведенія событій другія причины, кромѣ этой, что безъ другихъ причинъ національное чувство еще не возбуждаетъ стремленія къ государственному единству. Мы все это говоримъ только къ тому, чтобы привести въ надлежащія границы господствующее преувеличенное мнѣніе будто-бы главная причина нынѣшнихъ австрійскихъ событій — разноплеменность австрійскаго населенія, будто-бы и десятки лѣтъ тому назадъ, какъ теперь, нужны были Богъ-знаетъ какія усилія, чтобы удержать австрійскую имперію отъ распаденія, которымъ будто-бы грозила ей собственно разноплеменность ея провинцій. Дѣло и теперь не совсѣмъ таково, какъ мы увидимъ; а лѣтъ 40 тому назадъ — было рѣшительно не таково.

Изъ австрійскихъ славянъ самый сильный отгѣнокъ враждебности къ нынѣшнему устройству Австріи имѣетъ національное чувство у чеховъ. Извѣстно, что они всегда и были предводителями австрійскихъ славянъ въ политической тактикѣ. Что же? — До сихъ поръ огромное большинство прогрессивной партіи у чеховъ считаетъ дѣломъ необходимости имѣть Вѣну столпцею австрійской имперіи, — не говоримъ уже о томъ, что оно считаетъ необходимою сохранить самую австрійскую имперію. Въ 1848 г. это чувство было еще сильнѣе: чешскіе депутаты въ рѣшительную минуту спасли австрійское правительство на вѣнскомъ сеймѣ. А венгры? Читатель помнитъ письмо Семере о томъ, что венграмъ необходимо поддерживать единство австрійской имперіи, что ея разрушеніе было бы для нихъ губительно. Увлеченный этою мыслью, Семере говорилъ даже, что венгры должны принять дипломъ 20 октября и помириться съ вѣнскимъ правительствомъ на его основаніи. Этотъ Семере былъ министромъ при Кошутѣ въ 1848 году. Самъ Кошутъ еще весною 1848 г. не хотѣлъ отдѣлаться отъ Австріи, и знаменитая рѣчь его 3 марта (1848 г.), о которой мы еще будемъ говорить, заключаетъ въ себѣ выраженія искренней преданности австрійскому императору.

Такимъ образомъ даже въ началѣ 1848 года національное чувство самыхъ радикальныхъ людей между австрійскими славянами и венграми еще не представляло ничего враждебнаго сохраненію Австрійской имперіи. Другое дѣло — ломбардо-венеціанцы; они тогда уже дѣйствительно хотѣли отторгнуться отъ Австріи: какимъ же образомъ дошло національное чувство у нихъ до желанія отторгнуться отъ Австріи, а у чеховъ и венгровъ, не дошедши до этого, все-таки получило сильный политическій вѣсъ, когда за тридцать, даже за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ оно не имѣло ровно никакого политическаго значенія?

Дѣло объясняется очень просто. Есть очень вѣрный способъ увидѣть чорта, — надобно только чувствовать себя достойнымъ попасться въ лапы къ нему, — всматриваться въ каждый уголокъ, не лѣзетъ ли онъ оттуда, и въ этой трусости прибѣгнуть къ заклинаніямъ противъ него, чтобы онъ не смѣлъ явиться, — онъ не замедлитъ придти. Съ самаго 1814 года австрійскіе правители рѣшили, что слѣдуетъ имъ бояться злоумышленій противъ Австрійской имперіи и у славянъ, и у венгровъ, и у итальянцевъ, которые тогда и въ головѣ своей не имѣли не только злоумышленій, но и ровно никакихъ общественныхъ или политическихъ мыслей; что слѣдуетъ также опасаться успѣховъ просвѣщенія у австрійскихъ нѣмцевъ, не имѣвшихъ ни

капли охоты дѣлать успѣхи въ просвѣщеніи. На этихъ двухъ соображеніяхъ была построена вся внутренняя политика австрійскаго правительства. Безъ всякой надобности, она стала преслѣдовать просвѣщеніе и стѣнять всѣ провинціи во всемъ; ну, разумѣется, человѣкъ не камень; какъ бы ни былъ онъ безчувственъ, не можетъ онъ не почувствовать наконецъ стѣненія, когда тѣснить его; вотъ и явилось неудовольствіе противъ австрійскаго правительства во всѣхъ провинціяхъ. Гдѣ населеніе говорило тѣмъ-же нѣмецкимъ языкомъ, какъ и правительство, тамъ стали говорить, что стѣнительная система, что надобно перемѣнить систему. Но ужь это въ нѣкоторомъ родѣ тонкость—разбирать системы и принципы. За такое многотрудное дѣло берутся люди лишь при отсутствіи вышнихъ примѣтъ,—напримѣръ, гораздо легче различить, различна ли отъ васъ человѣкъ цвѣтомъ волосъ или покроемъ одежды, языкомъ или неповѣданьемъ, чѣмъ замѣтить, въ чемъ разница между его и вашимъ характеромъ, вашимъ и его образомъ мыслей. Пойдите вы разбирайте, какой темпераментъ у человѣка, а блескъ черныхъ глазъ у черноволосаго виденъ каждому,—вотъ и рѣшено, что черноволосые люди одарены особенно пылкими страстями. Подобнымъ образомъ было и въ австрійскихъ провинціяхъ, населенныхъ не нѣмцами: акты стѣнительной системы писались на нѣмецкомъ языкѣ,—чего же больше? Значить, стѣнительное господство нѣмцевъ, значить надобно избавиться отъ пѣмцевъ,—и чехи начали толковать о народности, начали толковать о народности венгры, начали говорить ломбардо-венеціанцы, что они не хотятъ быть австрійцами, потому что австрійцы—нѣмцы, а они итальянцы. А нѣмцы эти были между прочимъ таковы: по титулу, послѣ Меттерниха первымъ сановникомъ въ Вѣнѣ былъ Коловратъ; исполнителемъ и прожекторомъ всѣхъ стѣнительныхъ мѣръ и преслѣдованій, настоящимъ правителемъ имперіи по внутреннимъ дѣламъ былъ Сѣдльницкій; усмирялъ Италію въ 1848 г. Радецкій; помощниками Меттерниха и Сѣдльницкаго были Монтекукколи и Коллоредо; Венгрія управлялась по совѣтамъ венгерца Аппони; теперь знамениты венгерцы Венедекъ и Гюлай, или, по венгерскому выговору, Джулой,—словомъ сказать, если разобрать поближе, то изъ людей, имѣвшихъ главное участіе въ управленіи съ 1814 до 1848 г., едва ли не одинъ Меттернихъ оказывается нѣмцемъ; остальные правители были люди славянской, мадярекой и итальянской народностей. Какая же это нѣмецкая система и съ какой стати нѣмцы должны отвѣчать за Сѣдльницкаго, Радецкаго, Гюлая и Коллоредо?

Впрочемъ, мы опять не говоримъ, что вражды національностей не было въ послѣднее время передъ 1848 годомъ. Какъ ей не быть! была очень спящая. Мы только говоримъ, что появилась она по обыкновенному порядку почти всѣхъ историческихъ явленій, по недоразумѣнію, по несообразительности. Существуютъ двѣ массы людей—положимъ двѣ націи,—которымъ нѣтъ ровно никакой надобности враждовать между собою. Но если одной изъ нихъ что нибудь тяжело, она тотчасъ начинаетъ думать, не виновата ли въ томъ другая; въ другомъ недостаткѣ находить легче, чѣмъ въ себѣ, потому и оказывается всегда, что не мы виноваты въ своихъ бѣдахъ, а другіе; что намъ надобно не исправляться самимъ для избавленія себя отъ бѣды, а поссориться съ кѣмъ нибудь. Такимъ образомъ двѣ націи, изъ которыхъ каждая виновата въ своихъ бѣдахъ и не виновата въ бѣдахъ другой націи, начинаютъ сваливать другъ на друга вину въ своихъ бѣдахъ,—и вотъ уже является вражда, а при враждѣ уже необходимо становится бояться другъ друга, тѣснить другъ друга, помогать врагу мингаго своего недруга, который оплачиваетъ тѣмъ же самымъ.

«Однако же, какъ ни говорите, а душою австрійской системы былъ Меттернихъ—нѣмецъ; его разноплеменные помощники были только исполнителями его воли. Ужасный человѣкъ былъ этотъ Меттернихъ; но зато и великаго ума былъ человѣкъ. Какъ же вы говорите, что не нужна, неосновательна была система, которой онъ держался? Неужели этотъ великій государственный человѣкъ не понималъ потребностей своего положенія?»—Какъ вамъ на это отвѣчать? Лучше всего, вѣроятно, будетъ отвѣчать по правдѣ. Господствующее мнѣнiе о Меттернихѣ совершенно ошибочно. Начать съ того, что онъ вовсе не былъ ни человѣкъ безчувственный, ни обскурантъ, какъ его обыкновенно понимаютъ; напротивъ, онъ имѣлъ характеръ мягкій, былъ расположенъ къ добродушию, снисходительности, состраданiю. Онъ только принужденъ былъ, какъ принужденъ бываетъ всякій разсудительный человѣкъ, сдерживать доброту своего сердца въ случаяхъ крайней необходимости. Что же касается до обскурантизма, то Меттернихъ очень не долюбивалъ его; если была у него душевная склонность къ какому нибудь образу мыслей, то ужь конечно къ либеральному; онъ нимало не таилъ, что желалъ бы сдѣлать Австрію конституціоннымъ государствомъ,—къ своему сожалѣнiю, онъ видѣлъ только, что это невозможно; навѣрное онъ не уступалъ просвѣщенностью своего образа мыслей ни Токвиллю, столь знаменитому у насъ, ни Гизо, еще болѣе знаменитому, и безъ всякаго сравненія былъ въ душѣ либеральнѣе Тьера. Но опровергая одну сторону ошибочнаго мнѣнiя о немъ, будто безчувственномъ обскурантъ, мы должны, къ сожалѣнiю, прибавить, что столь же ошибочно считать его человѣкомъ обширнаго ума. Чего онъ хотѣлъ? Конечно того, чтобы Австрія имѣла вліятельный голосъ между великими европейскими державами,—возвышать дипломатическое значеніе своего государства—цѣль всякаго дипломата. Никогда Австрія не была такъ ничтожна въ дипломатическомъ отношенiи, какъ при Меттернихѣ. Припомните европейскую исторію тѣхъ временъ. Очень важныя роли играютъ въ ней Англія, Россія, Франція, Австрія вѣчно является второстепенною спутницею той или другой изъ этихъ державъ. Самостоятельнаго голоса она не имѣетъ ни по какому общему европейскому вопросу. Въ самой Германiи русское вліянiе господствовало надъ австрійскимъ. Кто хочетъ убѣдиться въ дипломатической слабости Меттерниха, долженъ только просмотрѣть исторію переговоровъ о нѣмецкомъ таможенномъ Союзѣ. Всѣ второстепенныя нѣмецкія государства всегда желали опираться на Австрію противъ Пруссіи. Пруссія успѣла принудить всѣ пхъ подчиниться ея господству въ торговыхъ дѣлахъ, вступить въ таможенный Союзъ, которымъ распоряжается она. Чего, чего не старался дѣлать противъ этого Меттернихъ, — но ничего не сумѣлъ сдѣлать. Онъ нѣшалъ возникновенію таможеннаго Союза. Союзъ возникъ и постепенно расширился. Меттернихъ хотѣлъ заключить такой же союзъ съ южными и средними нѣмецкими государствами, пока Пруссія привлекала въ свой Союзъ сѣверныя,—не удалось ему и это. Государства, расположенныя въ Австрiи, составили наконецъ свой особенный союзъ, видя, что съ Меттернихомъ ничего не сдѣлаютъ; надобно было по крайней мѣрѣ поддерживать этотъ союзъ, противный прусскому—Меттернихъ и того не сумѣлъ сдѣлать. Исторіи этихъ жалкихъ, неловкихъ, вялыхъ попытокъ его — самая комическая исторія. Не показываютъ въ немъ большого искусства и дѣла его со Швейцаріею. Швейцарія постоянно расположена была искать опоры себѣ въ Австрiи, опасаясь быть снова поглощена Франціей. Меттернихъ постоянно отталкивалъ отъ себя эту союзницу сорами изъ-за неважныхъ для

него причинъ. Столь же очевидно безсиліе Меттерниха и во внутренней политикѣ. Напрасно думаютъ, что онъ былъ врагомъ нововведеній, — онъ постоянно занимался проектами разныхъ преобразованій и улучшеній, только ни одного не успѣлъ сдѣлать въ 34 года своего управленія: онъ поднималъ вопросъ, начиналъ совѣщанія о немъ, дѣло тянулось, потомъ встрѣчалась какая нибудь помѣха, оно бросалось, потомъ опять возобновлялось. Сколько хлопотъ, напримѣръ, было у Меттерниха съ австрійскимъ тарифомъ! и все-таки ничего не вышло изъ всѣхъ его хлопотъ.

Меттернихъ принадлежалъ къ числу такихъ же людей, какъ Талейранъ: они умѣютъ чрезвычайно ловко вести разговоръ или переписку о какой угодно темѣ, но сами придумать никакой темы не могутъ. Талейранъ при Наполеонѣ совершалъ чудеса дипломатическаго искусства, потому что Наполеонъ говорилъ ему: «на это дѣло надобно смотрѣть вотъ какъ; я хочу, чтобы вы сказали или написали вотъ что и вотъ что, а вы придумайте, какъ бы сказать или написать это поэизащѣе». Безъ Наполеона Талейранъ оказался идеаломъ ничтожества. Меттернихъ, подобно ему, былъ созданъ служить секретаремъ, дѣлопроизводителемъ, докладчикомъ, — словомъ сказать, служить превосходною правою рукою для кого нибудь. На его бѣду пришлось ему не облекать въ прекрасную форму чужія мысли, не хлопотать самымъ ловкимъ образомъ объ исполненіи чужихъ плановъ, а придумывать планы самому, — это было уже не по его силамъ. Мы безпрестанно видимъ людей, которые кажутся чрезвычайно умны, пока добиваются перваго мѣста въ какомъ нибудь дѣлѣ, и оказываются очень плохи, когда займутъ первое мѣсто. Въ этихъ людяхъ энергія характера вся поглощена изворотливостью на счетъ твердости, сила ума вся направлена на мелочи, въ которыхъ они величайшіе мастера и которыми они занимаются такъ мастерски, что уже никакъ не могутъ сообразить ничего существеннаго. Умны ли они? Богъ знаетъ какъ сказать: вѣроятно очень умны; потому что съ перваго же раза производятъ на всѣхъ впечатлѣніе очень умныхъ людей, которое и продолжается до той поры, когда случится вамъ имѣть съ ними важное дѣло. Знаменитъ въ этомъ родѣ по военной части Маккъ, который всѣхъ поражалъ необыкновеннымъ умомъ, пока не поручили ему командовать армію. Не столь знаменитъ Вейротеръ, такъ отлично устроившій аустерлицкое сраженіе; но этотъ Вейротеръ замѣчательнѣе тѣмъ, что, будучи въ чинѣ полковника, показался гениаленъ даже самому Суворову, очень проникательному человѣку и притомъ не любившему хвалить австрійцевъ.

Мы замѣчаемъ однако, что опровергая господствующій ошибочный взглядъ на Меттерниха, мы сами допустили въ наши слова одну, едва ли не самую важную ошибку изъ этого неосновательнаго взгляда. Мы говорили, что Меттернихъ, будучи способенъ исполнять лишь должность секретаря или дѣлопроизводителя, не имѣлъ дарованій, нужныхъ главному распорядителю. Но дѣло въ томъ, что напрасно и думаютъ, будто онъ былъ главнымъ правителемъ Австрійской имперіи, будто онъ могъ слѣдовать своей системѣ, дѣйствовать самостоятельно. Вовсе нѣтъ; его власть была очень обширна или, пожалуй, безгранична, но лишь на томъ условіи имѣлъ онъ ее, чтобы поддерживать извѣстную систему, не имъ составленную. Онъ былъ дѣйствительно только тѣмъ, къ чему имѣлъ полную способность, — былъ исполнителемъ чужихъ мыслей. Первые 20 лѣтъ своего всемогущества (до 1835 г.) онъ управлялъ государствомъ въ императорствованіе Франца I. Имя Франца I далеко не такъ знаменито, какъ имя его министра, но существенный ходъ дѣлъ былъ направляемъ тогда не Меттернихомъ, а самимъ императоромъ. Францъ I не любилъ блистать,

не имѣлъ ослѣпляющихъ дарованій къ изящнымъ разговорамъ, но имѣлъ всѣ качества самостоятельнаго дѣловаго человѣка. Онъ вникалъ во всѣ подробности дѣла до самыхъ мелочей каждаго отдѣльнаго управленія; у него былъ очень опредѣленный и совершенно твердый взглядъ на вещи; все, что дѣлалось при немъ, должно было дѣлаться въ его духѣ; онъ охотно признавалъ превосходство сообразительности въ своемъ министрѣ, уважалъ его блестящіе таланты, но справедливо находилъ, что самъ не нуждался въ опекунахъ, самъ можетъ давать направленіе, и давалъ его. Меттернихъ при немъ былъ только исполнителемъ воли императора. По кончинѣ Франца I, Меттернихъ 13 лѣтъ былъ уже дѣйствительно главою государства, — это правда; но въ прежнія 20 лѣтъ онъ настолько проникся системою, служителемъ которой былъ, что, и получивъ свободу распоряжаться дѣлами, не могъ уже дѣйствовать иначе, какъ въ прежнемъ духѣ, — да и поздно было бы ему измѣняться или перевоспитываться: въ 1836 году онъ имѣлъ болѣе 60 лѣтъ. Притомъ же, и въ это время свобода дѣйствій принадлежала ему больше на словахъ, чѣмъ по сущности отношеній. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ Англіи, Бельгіи, въ нынѣшней Итали государственный человѣкъ, превосходящій своихъ совмѣстниковъ умомъ, можетъ доставить своимъ личнымъ убѣжденіемъ большое вліяніе на государственныя дѣла. Во-первыхъ, онъ пользуется свободою стать на ту или другую сторону. Чтобы пріобрѣсти помощь его дарованій и авторитетъ его имени, каждая изъ соперничающихъ партій готова бываетъ сдѣлать довольно большія уступки его убѣжденіямъ. Такъ теперь Пальмерстонъ, не долюбивающій реформъ, очень сильно сдерживаетъ прогрессивную партію въ Англіи. Безъ него, вѣроятно, давно уже была бы произведена вторичная реформа палаты общинъ; но изъ уваженія къ нему, изъ надобности въ его содѣйствіи прогрессисты или бездѣйствуютъ, или дѣйствуютъ слабо. Точно такъ же, только въ противоположномъ смыслѣ, силенъ былъ герцогъ Веллингтонъ: когда онъ видѣлъ, что безъ произведенія реформы или поднимется волненіе въ государствѣ или отнимется власть у тори, онъ вынуждалъ торійскую партію производить самыя ненавистныя ей реформы. Тутъ мы дѣйствительно видимъ громадное вліяніе личной воли извѣстнаго человѣка на государственную жизнь. Еще быть можетъ ярче выказывается эта сила отдѣльнаго человѣка въ такихъ карьерахъ, какою были послѣдніе годы жизни Роберта Пиля. Когда онъ потребовалъ слишкомъ громадной уступки отъ партіи, признававшей его своимъ предводителемъ, и когда тори не согласились на эту уступку — на отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ, Робертъ Пиль отошелъ отъ нихъ въ сторону, сталъ одинъ въ совершенной независимости ни отъ какихъ чужихъ желаній. Тотчасъ же нашлось довольно много людей, которые стали безусловно поддерживать его, полагаясь на его умъ больше, чѣмъ на свои собственные симпатіи или антипатіи къ спорнымъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ Робертъ Пиль сдѣлался настоящимъ владыкою англійской государственной жизни: отъ него зависѣло, — уже лично отъ него, исключительно отъ него, — пропустить или отвергнуть каждую мѣру, посадить, удержать или низвергнуть каждое министерство. Онъ сталъ такъ могущественъ, что уже не соглашался быть первымъ министромъ, — онъ просто приказывалъ первому министру дѣлать такъ или иначе. Въ Австріи никто, какимъ бы титуломъ не пользовался, не могъ имѣть подобнаго личнаго вліянія на духъ управленія. Тутъ правитель окруженъ исключительно людьми извѣстнаго направленія, и по самымъ формамъ устройства никакъ не можетъ замѣнить ихъ

людьми другого направленія; онъ имѣеть полную власть мѣнять своихъ совѣтниковъ и помощниковъ какъ ему угодно: но всѣ новые непременно будутъ людьми одной партіи со старыми. Еслибъ онъ захотѣлъ произвести какую нибудь реформу, онъ или былъ бы остановленъ ихъ совѣтами и сопротивленіемъ, или, поручивъ имъ исполненіе своей мысли, отдалъ бы реформу въ распоряженіе людей, не сочувствующихъ ей, и они повели бы дѣло такъ, что реформа ограничилась бы одними словами, а сущность дѣла осталась бы прежняя. Но трудно ему и пожелать реформы, которая дѣйствительно касалась бы сущности вещей, потому что человекъ не въ состояніи бываетъ ясно знать или желать того, что превышаетъ кругъ понятій среды, воспитавшей и продолжающей окружать его.

Кто безпристрастно взвѣситъ силу этихъ обстоятельствъ, тотъ не будетъ винить ни Меттерниха, ни Франца I-го за то, что они держались извѣстной системы. Отдѣлиться отъ нея было не въ ихъ власти. А еслибъ и произошло въ ихъ личныхъ мысляхъ явленіе, которое никакъ не могло произойти, — еслибъ лично въ нихъ и явилось сомнѣніе относительно достоинствъ господствующей системы, явилось желаніе измѣнить ее, отъ этого не произошло бы никакого фактическаго результата, потому что ни Меттернихъ, ни самъ Францъ I не имѣли никакой личной силы надъ господствующею системою: они имѣли полную власть дѣлать все, чего требовала эта система, но ничего иного не въ силахъ были бы исполнить. У нихъ была только форма личной силы, а существенной власти не было. Такъ распоряжается, повидимому, всѣмъ на пароходѣ и всѣми движеніями самаго парохода капитанъ; но въ его ли власти измѣнить рейсъ? Нѣтъ, онъ полновластенъ лишь для того, чтобы удерживать пароходъ въ направленіи, данномъ не волею капитана.

Австрія сложилась извѣстнымъ образомъ; вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій господство надъ австрійскою общественною жизнію принадлежало извѣстнымъ кругамъ общества, и сообразно съ ихъ интересами была устроена государственная машина; она по необходимости должна была дѣйствовать противъ элементовъ, не согласныхъ съ интересами господствующихъ сословій или круговъ. Францъ I и Меттернихъ были только органами этихъ коренныхъ властей, составлявшихъ своего рода парламентъ, хотя и безъ имени парламента, хотя и съ враждою противъ такого названія.

Еслибъ не это существенное обстоятельство, былъ бы непонятенъ весь ходъ австрійской исторіи до 1848 года. Положимъ, напримѣръ, Меттернихъ или Францъ I считали Ломбардо-Венеціанское королевство готовымъ отторгнуться отъ Австріи. Не только такимъ дѣловымъ людямъ, какъ они, но и людямъ, мало опытнымъ, самъ собою бросался въ глаза фактъ, дававшій вѣрную возможность обратить массу ломбардо-венеціанскаго населенія въ самыхъ усердныхъ приверженцевъ австрійскаго господства. Ломбардо-венеціанскіе поселяне должны были очень много давать землевладѣльцамъ за пользованіе землею; къ политикѣ и къ національности поселяне были совершенно равнодушны; но своими поземельными отношеніями они очень тяготились. Стоило только приступить къ выкупу земель въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ — и поселяне прониклись бы безграничною преданностію къ австрійскому правительству. Ничего подобнаго не сдѣлалъ и даже не думалъ дѣлать Меттернихъ, — это даже не приходило ему въ голову. Отдѣленный своею обстановкою отъ всего остального въ государствѣ, онъ едва ли даже зналъ фактъ, извѣстный каждому, находившемуся не въ этомъ заколдованномъ кругу; а если онъ

когда и слыхивать о немъ, — что очень сомнительно, — онъ рѣшительно не могъ знать его въ настоящемъ видѣ. Наконецъ, еслибъ онъ и зналъ ясно фактъ, котораго вѣроятно не зналъ и смутно, онъ не въ силахъ былъ бы подумать о томъ, чтобы воспользоваться имъ для упроченія австрійскаго владычества въ Италиі: такая мѣра была бы противна всему настроенію мыслей, какое навѣвалось на Меттерниха всѣмъ его окружающимъ, была бы противна духу господствующей системы; притомъ же она и не могла быть проведена посредствомъ тѣхъ органовъ дѣйствія, которые одни находились въ распоряженіи у Меттерниха.

На какую провинцію Австрійской имперіи мы ни взглянемъ, вездѣ мы увидимъ подобные факты, бывшіе очевидными для всѣхъ и незамѣтными или непонятными только для Меттерниха и другихъ австрійскихъ правителей.

Не онъ создалъ господствующую систему; онъ не въ силахъ былъ измѣнить ее; но оправдывая его, какъ отдѣльнаго человѣка, не бывшаго ничѣмъ хуже другихъ, мы должны сказать, что система, органомъ которой онъ былъ, — система, съ успѣхомъ примѣнявшаяся къ дѣлу во времена Маріи Терезіи и Леопольда, оказывалась не пригодною для XIX вѣка и потому не могла не произвести дурныхъ послѣдствій. Мы уже видѣли, какими формами облеклось ея несоответствіе съ характеромъ времени. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ прямо обнаруживался духъ системы; и въ 1848 г. лозунгомъ неудовольствія прямо и служила сущность дѣла: потребность политическихъ правъ для населенія. Мы не хотимъ подробно передавать здѣсь результаты, какой самъ собою будетъ вытекать изъ послѣдующаго разсказа о событіяхъ; но все-таки выскажемъ здѣсь въ короткихъ словахъ это заключеніе, которое придавало бы комическій видъ всему дѣлу, если бы могли быть смѣшны недоразумѣнія, надѣлавшія столько страданій столькимъ милліонамъ. Каждому извѣстно, что человѣческія стремленія разгораются съ преувеличенной силой, когда должны рваться противъ препятствій и преслѣдованій. Изъ этого слѣдуетъ, что сила, съ какою въ 1848 году обнаружилось подавлявшееся тридцать лѣтъ стремленіе къ политическимъ правамъ, была гораздо значительнѣе, чѣмъ какой достигло бы это стремленіе, еслибъ не было раздражаемо стѣснительностью прежней системы. Что же мы видимъ однако и въ 1848 году въ такъ называемыхъ либералахъ и, пожалуй, радикалахъ нѣмецкихъ провинцій Австріи? Мы видимъ въ нихъ людей не довѣряющихъ своимъ силамъ, не надѣющихся на свое умѣнье, готовыхъ полагаться во всемъ на правительство, искреннѣйшимъ образомъ преданныхъ мысли, что надобно поддерживать его, никакъ не слѣдуетъ ослаблять его, сознающихъ, что сами не знаютъ ничего, не могутъ судить ни о чемъ, что правительство должно просвѣщать ихъ, готовить для нихъ рѣшенія. Стоило ли опасаться такихъ людей, стоило ли преслѣдовать ихъ, стоило ли даже отказывать имъ въ ихъ младенческихъ желаніяхъ? Рѣшительно не стоило. Если бы съ такими людьми имѣлъ дѣло дѣйствительно проницательный человѣкъ, онъ и не сталъ бы заботиться, какую конституцію для нихъ составить, а просто сказалъ бы: друзья мои, напишите все, что приходитъ вамъ въ голову, — я все подпишу не читавши. И онъ сдержалъ бы слово, потому что при какой бы то ни было конституціи онъ все-таки остался бы съ такими людьми безграничнымъ властелиномъ во всѣхъ дѣлахъ. Превосходнѣйшимъ доказательствомъ тому служитъ исторія Пруссіи въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ. Въ Пруссіи населеніе конечно гораздо развитѣе относительно политической жизни, чѣмъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи; а между тѣмъ, что мы видимъ

въ Пруссіи съ 1848 года по настоящую минуту? Покойному королю прусскому казалось нужно управлять государствомъ по извѣстной системѣ; зная такое желаніе короля, пруссаки выбирали депутатовъ, совершенно согласныхъ съ этою системою. Два года тому назадъ, по неизлечимости тяжелой болѣзни короля, началъ управлять государствомъ братъ его, державшійся другой системы; пруссаки въ соотвѣтствіе мыслямъ регента выбрали другихъ депутатовъ, исполнѣ раздѣляющихъ его желанія. Такимъ образомъ палата представителей ни мало не стѣсняетъ свободы дѣйствій пруссакаго короля: онъ и теперь управляетъ государствомъ столь же полновластно, какъ управляли его предшественники до возникновенія палаты депутатовъ. А если въ Пруссіи палата депутатовъ до сихъ поръ остается ни мало не стѣснительною для правительства (формальностью, то въ Австріи, менѣе развитой, она была бы еще менѣе стѣснительна до сихъ поръ, а еще гораздо меньше вліянія на дѣла имѣла бы тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, при Францѣ I и Меттернихѣ.

Но безпрестанно мы видимъ примѣры, что человѣкъ становится недоволенъ, не получая на свое желаніе согласія, которымъ не воспользовался бы, если бы получилъ его. Мы говорили, что такъ и случилось съ австрійскими нѣмцами: у нихъ явилось и стало расти неудовольствіе на то, что не предоставляются имъ политическія права, изъ которыхъ навѣрное они не сдѣлали бы никакого употребленія, когда бы Меттернихъ не опасался удовлетворить ихъ желаніе. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ, какъ мы говорили, система Меттерниха стала считаться реакціонною.

Въ другихъ провинціяхъ, населенныхъ славянами, венграми или итальянцами, называлась она иначе — системою оиѣмоченія, вражды противъ національностей. Оно, если хотите, такъ по наружности, но сущность дѣла состояла не въ преслѣдованіи національностей, какъ національностей. Правда, что въ Богеміи преслѣдовалась чешская литература, изгонялся чешскій языкъ изъ училищъ и т. д. Но дѣло тутъ было не собственно въ чешскомъ языкѣ: писателямъ, которые въ Вѣнѣ желали на нѣмецкомъ языкѣ писать противъ господствующей системы, противопоставлялись точно такія же препятствія, какъ чехамъ, желавшимъ въ Прагѣ писать на чешскомъ языкѣ; кто хотѣлъ писать по-чешски въ духѣ Меттерниха, находилъ столько же поощренія, какъ и нѣмецкій писатель такого же направленія. Разница была только въ томъ, что чехи, поддерживавшіе систему Меттерниха, сами любили писать на нѣмецкомъ языкѣ, а между людьми, желавшими писать на чешскомъ языкѣ, было очень мало лицъ такого направленія. Оно и натурально: официальные мысли удобнѣе всего излагать на официальномъ языкѣ для официальной публики. Винавать ли былъ Меттернихъ въ этомъ обстоятельствѣ, — въ предпочтеніи къ нѣмецкому языку со стороны чеховъ, поддерживавшихъ его систему, въ недостатокѣ у нихъ любви къ чешскому языку, къ чешской литературѣ? Намъ кажется, что винить его за этотъ фактъ такъ же напрасно, какъ порицать его за пристрастіе къ французскому языку въ свѣтскихъ кругахъ. Можно ли также видѣть несправедливость собственно къ чешской литературѣ въ томъ, что для чешскихъ книгъ были поставлены точно тѣ же границы, какъ и для нѣмецкихъ. — Точно то же, что о чешской народности, надобно сказать о всѣхъ другихъ славянскихъ, и о венгерской и объ итальянской народностяхъ. Сущность дѣла была тутъ не въ любви или не любви къ тому или другому языку, а въ томъ, какія направленія мыслей одобряются или не одобряются, на какомъ бы то ни было языкѣ, — все равно. Мы очень хорошо понимаемъ, что многимъ изъ читателей не легко будетъ съ перваго раза согласиться на взглядъ,

излагаемый нами. Слишком распространено и укоренено ошибочное представление, будто бы при Меттернихъ стѣснялась собственно, напримѣръ, чешская литература; но понимать дѣло такимъ образомъ, значить останавливаться на внѣшнихъ примѣтахъ, не вникая въ смыслъ факта. Говорятъ, напримѣръ: стѣнена была у чеховъ разработка чешской исторіи. Такъ, безспорно такъ, но почему? Первымъ дѣломъ чеха, пишущаго о чешской исторіи, было стремленіе восхищаться Гуссомъ, прославлять Жлжкку, оправдывать чеховъ, начавшихъ 30-лѣтнюю войну, оплакивать Бѣлогорскую битву; разумѣется не дозволялось писать такихъ вещей на чешскомъ языкѣ; но развѣ допускались подобныя вещи и на нѣмецкомъ языкѣ? А развѣ не былъ бы поощряемъ чешскій писатель, который сталъ бы говорить въ противоположномъ смыслѣ? Говорить тутъ о языкѣ, а не о направленіи — грубое недоразумѣніе.

Но исторія едва ли не еще богаче грубыми недоразумѣніями, чѣмъ самими войнами и сраженіями. Чехи, венгры, итальянцы Австрійской имперіи прямо такъ и поняли дѣло, что оно состоитъ въ стѣненіи ихъ народностей, между тѣмъ какъ стѣненіе ихъ народностей было лишь внѣшнимъ признакомъ дѣла въ ихъ провинціяхъ. А забавнѣе всего то, что и сами австрійскіе нѣмцы, которымъ по собственному опыту легче было бы разобрать, въ пользу ли ихъ ведется это дѣло, тоже обманулись внѣшнимъ признакомъ и вообразили, что изъ любви къ своей народности должны сочувствовать вліянію — тяготѣвшей надъ ними самими — системы на жизнь другихъ племенъ. Кажется, они могли бы замѣчать, благопріятствуетъ ли развитію нѣмецкой литературы или ученой жизни въ Австріи система, на которую жаловались итальянцы и чехи. Но нѣтъ, они такъ и положили, что не должны сочувствовать стремленіямъ славянъ и итальянцевъ. Увидѣвъ ихъ нерасположеніе къ себѣ, итальянцы и славяне, разумѣется, стали платить имъ такую же враждою.

Зачѣмъ была нужна, кому могла быть полезна вся эта дикая путаница стѣненій, антипатій, реакціонныхъ мѣръ? Навѣрное она не была въ самомъ дѣлѣ ни нужна, ни полезна ни одному изъ этихъ племенъ, ни самому Меттерниху, на личности котораго все повидимому основывалось, между тѣмъ какъ въ сущности онъ почти ровно ничего не значилъ. О вредѣ этой путаницы для самихъ племенъ Австрійской имперіи, въ томъ числѣ и для нѣмецкаго племени, мы не станемъ говорить, потому что онъ замѣтенъ каждому. Но любопытно обратить вниманіе на то, что олицетворявшаяся въ Меттернихѣ система приносила только одинъ вредъ самому Меттерниху, и еслибъ онъ былъ дѣйствительно умнымъ человѣкомъ, не захотѣлъ бы онъ держаться ея. Вспомнимъ только, кто такой былъ онъ. Онъ былъ первый министръ, онъ почитался полновластнымъ правителемъ государетва. Въ чемъ же состоитъ интересъ правителя, — мы не будемъ пускаться въ сантиментальныя фантазіи, а возьмемъ дѣло съ матеріальной, житейской, политической или дипломатической стороны, — въ чемъ состоитъ интересъ правителя по этимъ обыкновеннымъ разсчетамъ? Ему выгодно быть могущественнымъ, имѣть въ своемъ распоряженіи хорошее войско, богатую казну, чтобы возвышать свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, чтобы самому ни въ комъ не нуждаться, а быть предметомъ зависти, удивленія, занекиванія со стороны другихъ. Вела ли къ тому система, исполнявшаяся трудами Меттерниха? Австрійскій бюджетъ былъ скуденъ; денегъ въ казнѣ не было; даже занимать деньги можно было только за границею, — вѣнская биржа зависѣла, вмѣстѣ съ нею Меттернихъ зависѣлъ, отъ франкфуртскихъ, амстердамскихъ, парижскихъ, лондонскихъ банкировъ; австрійская армія была плоха; голосъ Австріи былъ

ничтоженъ передъ голосами Англїи, Россїи, Франціи; австрійскій кабинетъ только и дѣлалъ, что заискивалъ милости у какого нибудь другого кабинета, смирялся передъ какимъ нибудь кабинетомъ. Съ каждымъ годомъ эти жалкія отношенія становились все бѣднѣе, ниже, хуже. Средства другихъ державъ развивались, средства Австріи оскудѣвали.

Нѣтъ, такая система противорѣчила выгодамъ перваго министра. Не надобно, кажется, прибавлять, что интересы Меттерниха были совершенно одинаковы съ интересами габсбургскаго дома, и что о выгодахъ Франца I и Фердинанда I слѣдуетъ сказать то же самое, что о выгодахъ перваго министра этихъ государей.

Кому же была нужна и полезна эта система, невыгодная и для австрійскаго правительства, и для населявшихъ Австрію племятъ? Это мы поймемъ изъ слѣдующаго разсказа, когда увидимъ, какой существенный характеръ принадлежалъ перевороту 1848 года. Въ событіяхъ этихъ много было шума, заглушаго потомъ какъ-будто безъ слѣдовъ, много было стремленій, потерпѣвшихъ полную неудачу, — но среди всѣхъ неудачныхъ попытокъ совершился одинъ фактъ, уцѣлѣвшій невредимо, несмотря на всю беспощадность послѣдовавшей затѣмъ реакціи. Этотъ фактъ — уничтоженіе феодальныхъ обремененій, тяготѣвшихъ надъ австрійскими поселицами. Неужели противно было истиннымъ интересамъ Франца I или Фердинанда I, или Меттерниха избавить поселянъ отъ феодальныхъ повинностей и платежей? Неужели выгодно имъ было поддерживать феодальныя привилегіи, отнимавшія у нихъ самихъ всякую силу? Разумѣется, нѣтъ; но они были слишкомъ слабы для исполненія дѣла, требуемаго собственными ихъ выгодами, — и только по слабости ихъ, только по робости ихъ принятыя за исполненіе этого дѣла, выгоднаго для нихъ самихъ, поддерживалась ими система, невыгодная для нихъ самихъ и породившая событія 1848 года.

II.

Врожденіе, предшествовавшее перевороту, началось не въ столицѣ Австрійской имперіи, а въ Ломбардіи, Венеціи, Венгріи, Богеміи. Но вѣнскими событіями данъ былъ рѣшительный толчокъ перевороту. Потому начнемъ съ Вѣны.

Меттернихъ и Сѣдльницкій очень зорко сторожили и за нѣмецкою литературою въ Австріи, и за всѣми другими явленіями, которыя считаются опасными для господствующаго порядка съ точки зрѣнія людей, подобно Меттерниху и Сѣдльницкому, не понимающихъ, что никакія изустныя или печатныя рѣчи не производятъ никакого дѣла, если оно не готово произойти безъ всякихъ рѣчей; а если оно должно произойти изъ существующихъ общественныхъ отношеній, то никакое молчаніе не задержитъ его хода. Въ самой Австріи не печаталось ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, которыя имѣли бы хотя малѣйшее политическое значеніе. Почти всѣ нѣмецкія газеты, печатавшіяся за границами Австріи, были запрещены въ ней; была запрещена чуть ли не половина и книгъ, издававшихся въ Германіи. Словомъ сказать, были заперты, повидимому, всѣ входы, которыми политическое волненіе могло бы проникнуть въ Австрію, и были отняты у него всѣ способы обнаружиться. Но дѣло въ томъ, что никакими средствами нельзя бываетъ скрыть главныхъ фактовъ внутренняго быта и общей европейской исторіи; а фактъ всегда уже производитъ свое

дѣйствіе на умы, хотя бы являлся безъ всякихъ разъясненій: главный характеръ его бываетъ виденъ самъ собою. Такъ было и въ Австріи. Когда стало овладѣвать Италією, Францією, Германією волненіе, предшествовавшее событіямъ 1848 года, никакъ нельзя было утаить отъ австрійской публики, что умы волнуются во всей остальной Европѣ; когда начались перевороты въ Італіи, Франціи, западной Германіи и въ Венгріи, потрясеніе, ими произведенное, отразилось и въ самой Вѣнѣ, по необходимости, такъ сказать, чисто физически. И удивительно было видѣть, какимъ ничтожнымъ органамъ общественнаго мнѣнія придана была непреоборимая сила тѣмъ обстоятельствомъ, что не нашлось другихъ болѣе значительныхъ органовъ для передачи потрясенія. Это было въ томъ родѣ, какъ люди бьютъ другъ друга камнями, если не имѣютъ оружія, бьютъ другъ друга кулаками, если не имѣютъ даже и камней. Дѣло тутъ зависитъ не отъ изобилія средствъ, а только отъ расположенія духа. При миролюбивомъ настроеніи, люди спокойно бесѣдуютъ въ арсеналѣ или лавкѣ оружейника; вздумавъ подраться, могутъ перебить другъ друга, не имѣя ничего, кромѣ кулаковъ. Въ Лондонѣ 1848 годъ прошелъ мирно, не смотря на приготовленность всѣхъ средствъ для агитаціи, не смотря на свободу парламентскихъ преній, журналистики, не смотря на свободу составлять какія угодно общества и митинги. Посмотрите же, какія ничтожныя средства оказались въ то же время достаточными для произведенія переворота въ Вѣнѣ.

Представительныя формы не имѣли ровно никакой силы въ правительственномъ механизмѣ нѣмецкихъ провинцій Австріи. Провинціальныя феодальныя сеймы, состоявшіе изъ представителей аристократіи, были враждебны не только политическимъ, но и всякимъ мыслямъ или потребностямъ новаго времени, потому никто не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и собирались они лишь для соблюденія формы, да и не были уничтожены лишь потому, что очень давно стали совершенно ничтожны. Когда усилилось волненіе умовъ въ остальной западной Европѣ около 1845 года, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сеймовъ нѣкоторые, впрочемъ лишь очень немногіе, представители австрійской аристократіи стали обнаруживать нѣсколько либеральный образъ мыслей. При ничтожности самыхъ собраній и при неколебимомъ консерватизмѣ огромнаго большинства въ каждомъ изъ нихъ, либеральныя рѣчи оставались совершенно пустою забавою, до того робкою и безвредною для Меттерниха, что онъ даже и не считалъ нужнымъ косо смотрѣть на титулованныхъ либераловъ: находясь на службѣ, они получали награды и повышенія наравнѣ съ другими, какъ люди, совершенно невинные, какими дѣйствительно и были: они только потѣшались вздорными разговорами безъ всякой серьезной цѣли. Напримѣръ въ провинціальномъ сеймѣ эрцгерцогства Нижней Австріи,—сеймѣ, собиравшемся въ Вѣнѣ,—особенно любили полиберальничать Добблягофъ, Монтекуколи, Шмерлингъ (нынѣшній министръ); всѣ трое они занимали важныя мѣста по гражданской службѣ или въ придворномъ штатѣ, пользовались благосклонностью Меттерниха, а Шмерлингъ незадолго передъ 1848 годомъ получилъ повышеніе по службѣ.

Кромѣ засѣданій провинціального ниже-австрійскаго сейма, либеральные люди могли зарекомендовать себя публикѣ въ Вѣнѣ на вечерахъ двухъ-трехъ, устроенныхъ для невиннаго развлеченія обществъ. Изъ нихъ важнѣйшее было «Общество для чтенія», Lesoverein; это было нѣчто среднее между учрежденіями въ родѣ нашихъ англійскихъ клубовъ и учрежденіями въ родѣ Географическаго Общества; отъ англійскаго клуба отличалось оно тѣмъ, что не имѣло въ своей залѣ

столовъ для карточной игры, а отъ Географическаго Общества тѣмъ, что не наряжало экспедицій и не издавало книгъ; но подобно англійскому клубу и Географическому Обществу, устраивало оно обѣды для посѣщавшихъ Вѣну знаменитостей чиновнаго или ученаго міра. Сѣдльницкій, вообще слишкомъ уже мрачно смотрѣвшій на вещи, не долюбивалъ «Общества для чтенія» и говаривалъ: «кто въ него вступаетъ, зачитывается до преступности». Но Меттернихъ, болѣе умный и добрый человѣкъ, находилъ подозрительность Сѣдльницкаго дѣломъ неосновательнымъ. Да и правда, что общество было самое невинное и вздорное. Большинство членовъ въ немъ составляли чиновники; занимательнѣйшими собесѣдниками считались профессора вѣнскаго университета, а въ профессора вѣнскаго университета люди назначались не иначе, какъ съ одобренія іезуитовъ; наконецъ, главнымъ покровителемъ общества и душою его былъ Зоммаруга, воспитатель эрцгерцоговъ императорскаго дома, въ томъ числѣ отца нынѣшняго австрійскаго императора, — сановникъ, справедливо уважаемый тогдашнимъ вѣнскимъ дворомъ. Влчстательнѣйшимъ гражданскимъ подвигомъ въ лѣтописяхъ «Общества для чтенія» былъ обѣдъ, данный когда-то въ честь знаменитаго нѣмецкаго политико-эконома Фридриха Листа, прославившагося изобрѣтеніемъ теории, что у нѣмцевъ должна быть своя особенная политическая экономія, различная отъ англо-французской. — Не столь важно было «Благотворительное общество» (Hülfsverein), занимавшееся приготовленіемъ «супа для бѣдныхъ», — читатель не долженъ смѣяться надъ этимъ выраженіемъ: оно подлинное, автентетичное и имѣетъ еще то достоинство, что совершенно характеризуетъ всю дѣятельность и всѣ стремленія почтеннаго общества. Было еще третье общество, называвшееся Concordia, основанное вѣнскими художниками, преимущественно живописцами: они собирались по вечерамъ похвастать другъ передъ другомъ эскизами будущихъ картинъ и этюдами, рисованными въ одинъ карандашъ или въ два карандаша; нѣкоторые изъ нихъ пописывали стишки и почитывали ихъ на вечерахъ, въ дополненіе къ своимъ картинкамъ; словомъ сказать, время проходило съ большою пользою для искусства и вѣроятно еще съ большею пользою для доброй нравственности художниковъ, которые на этихъ вечерахъ по крайней мѣрѣ отвыкали напиваться до-пьяна и привыкали держать себя пристойнымъ образомъ. Самъ Сѣдльницкій убѣдился наконецъ въ благонаправленіи юныхъ и престарѣлыхъ жрецовъ искусства и смотрѣлъ на «Конкордію» съ благодушіемъ.

Такъ и шли себѣ дѣла въ этихъ будущихъ центрахъ революціоннаго движенія: въ одномъ центрѣ рисовались очень миленькія акварели, въ другомъ варился не слишкомъ вкусный, но чрезвычайно благотворительный супъ, въ третьемъ разсуждали за обѣдами «о Байронѣ и матеріяхъ важныхъ», въ четвертомъ, — но четвертый центръ существовалъ лишь по нѣсколько дней въ году, зато прямо уже занимался въ эти дни политикой, разсуждая о ремонтѣ почтовыхъ дорогъ въ эрцгерцогствѣ ниже-австрійскомъ и съ каждымъ годомъ блистая все большимъ количествомъ лентъ и звѣздъ, даваемыхъ отъ Меттерниха въ награду знатнымъ ораторамъ провинціального сейма за ихъ усердную службу.

Вообразите же себѣ теперь положеніе жителей благонаправнаго города Вѣны въ началѣ марта 1848 года! Вдругъ читаютъ они во французскихъ газетахъ, — т. е. во французскихъ газетахъ не читаютъ, потому что французскія газеты съ незапамятныхъ временъ не допускаются до Вѣны, — а читаютъ въ «Аугсбургской Газетѣ», что прозвонилъ въ Парижѣ какая-то катавасія, составилось какое-то временное пра-

вительство изъ Ламартина, Араго, неслыханнаго никѣмъ въ Вѣнѣ Ледрю-Роллена. Что это за вещь такая Ледрю-Ролленъ? Фамилія человѣка это, или названіе какойнибудь должности? А Ламартину вовсе не слѣдъ быть правителемъ; жителямъ Вѣны извѣстно, что онъ пишетъ стихи, очень сантиментальные и длинныя; или это однофамилецъ поэта? Странно также читать въ спискѣ правителей имя Араго, — вѣдъ онъ астрономъ; что же, новое правительство не затѣмъ ли устроилось, чтобы въ каждомъ французскомъ городѣ устроить по обсерваторіи? Постепенно «Аугсбургская Газета» объясняетъ, что новое правительство занимается не устройствомъ обсерваторій и не сочиненіемъ стиховъ: оно хочетъ передѣлывать французскіе законы; «Аугсбургская Газета» прибавляетъ, что всей Европѣ грозитъ опасность отъ задурившихъ французовъ. А тутъ само австрійское правительство объявляетъ, что собирается также душить Мплавъ; а тутъ и въ Германіи начинается такая же каша. Жители добраго города Вѣны чувствуютъ те же самое, что чувствуетъ неопытный птенецъ, поступившій юнкеромъ въ гусарскій полкъ и увидѣвшій, какъ кутятъ другіе юнкера. Ему и совѣтно, онъ и краснѣетъ, но стыдно ему отстать отъ другихъ. Парижъ, Мюнхенъ, Франкфуртъ, Берлинъ, Туринъ, Миланъ, Венеція, Римъ, Неаполь, Палермо волнуются: разудите, добрые люди, какъ же отстанеть отъ нихъ Вѣна? да послѣ этого она будетъ хуже Мюнхена! Нѣтъ, она не отстанеть отъ другихъ.

Но вѣдъ тамъ волнуются вездѣ съ какими-то политическими требованіями. «Какъ бы это придумать и намъ свои политическія требованія»? — думаютъ наивныя дѣтя города Вѣны. — А! да штука тутъ не хитрая, скоро рѣшаютъ они. Въ другихъ городахъ вездѣ кричали, что надобно прогнать прежняго министра, значить, въ Вѣнѣ надобно кричать, чтобы прогнали Меттерниха. Тамъ вездѣ кричали о замѣнѣ прежней реакціонной системы либеральною, стало быть и тутъ жителямъ Вѣны матеріалъ требованій уже приготовленъ.

Но штука состояла въ томъ, что въ Австріи существовали два важныя обстоятельства, о которыхъ нечего было хлопотать ни прусскимъ, ни другимъ германскимъ прогрессистамъ или революціонерамъ. Франція и Германія — страны, населенныя однимъ племенемъ: число нѣмцевъ во Франціи, поляковъ въ Германіи такъ незначительно по сравненію съ господствующимъ племенемъ, что не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Парижскіе французы, берлинскіе и франкфуртскіе нѣмцы могли не заботиться о другихъ народностяхъ. Въ Австріи не то. Вѣнскіе нѣмцы были представителями лишь незначительнаго меньшинства жителей имперіи. Судьба и всего государства, и самой столицы зависѣла отъ того, въ какія отношенія австрійскіе нѣмцы и представители ихъ вѣнскіе граждане стануть къ другимъ племенамъ. Прежняя система развила въ этихъ племенахъ недобвѣріе и вражду къ нѣмцамъ. Слѣдовало бы, кажется, подумать объ этомъ, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы расположить другія народности въ пользу вѣнскаго движенія. Вѣнскимъ простякамъ не пришло въ голову такое мудреное соображеніе.

Въ Пруссіи, Вюртембергѣ и т. д., а тѣмъ болѣе во Франціи, сельское населеніе давно уже было сравнено въ правахъ съ городекимъ. Въ Австріи еще существовало крѣпостное право. Толковать о немъ ни въ остальной Германіи, ни во Франціи уже не приходилось прогрессистамъ, а въ Австріи слѣдовало бы не забыть о поселянахъ. Вѣнскіе простяки не сообразили и этого.

При такой наивности составить программу требованій было для нихъ не

трудно: они выхватили изъ французской и германской программъ вещи, какія припомнились имъ --- и дѣло было въ шляпѣ. Но вотъ важное затрудненіе: вездѣ у прогрессистовъ были предводители, существовали организованные комитеты, управлявшіе движеніемъ. Какъ же быть теперь жителямъ добраго города Вѣны, у которыхъ всякаго рода знаменитостей было достаточно, — много было славныхъ каретниковъ, рестораторовъ, капельмейстеровъ и т. д., не было лишь одного сорта людей, прежде считавшагося ненужнымъ и вдругъ понадобившагося до крайности: не было ни революціонеровъ, ни даже либераловъ, хотя бы мало мальски пзвѣстныхъ публикѣ. Но при усердіи не отстать отъ другихъ столицъ, Вѣна и тутъ не скопфузилась. Изъ художниковъ, рисовавшихъ картинки, изъ благотворителей, варившихъ супъ, изъ чиновниковъ, любившихъ почитать хорошія книжки, а въ особенности изъ вельможъ провинціального ниже-австрійскаго сейма, признанныхъ полезными людьми отъ самого Меттерниха, глубокаго знатока людей, — мало ли можно было пабрать совѣтниковъ и руководителей на новое дѣло? И вотъ жители добраго города Вѣны возложили свое упованіе на общество для рисованія картинокъ, на общество для варенія супа, а еще больше на общество, соотвѣтствовавшее шутерь-клубу, а еще больше на провинціальный сеймъ. Сама судьба явно благопріятствовала расчетамъ на провинціальный сеймъ: когда ни Миланъ, ни Парижъ еще не дѣлали ничего образцоваго для Вѣны, стало быть и Вѣна не чувствовала никакой надобности отличатся на революціонномъ поприщѣ. Меттернихъ назначилъ ниже-австрійскому сейму собраться 24 марта для обычныхъ невинныхъ упражненій въ краснорѣчіи. Но послѣ парижскихъ событій явилось въ городѣ волненіе, начались толки о томъ, какъ ниже-австрійскій сеймъ будетъ ходатайствовать предъ правительствомъ въ пользу реформъ, и Меттернихъ изъ любезности къ благонамѣннымъ жителямъ столицы ускорилъ срокъ собранія сейма съ 24 марта на 13-е. Тутъ виденъ замѣчательный умъ Меттерниха, какъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видна, какъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и вялость, не дававшая ему сдѣлать ничего какъ слѣдуетъ. Ускоряя открытіе сейма, онъ справедливо рассчитывалъ, что чѣмъ раньше дать такой надежный органъ въ руководство вѣнскому движенію, тѣмъ вѣрнѣе удержится движеніе въ размѣрахъ, безвредныхъ для прежней системы. Но при этомъ основательномъ расчетѣ слѣдовало бы уже не терять времени. По первому же извѣстію о парижскомъ переворотѣ Меттернихъ долженъ былъ сообразить, что умы въ Вѣнѣ начнутъ волноваться; надобно было бы тотчасъ же созвать сеймъ, чтобы съ перваго же дня движеніе было захвачено въ руки ораторами этого сейма, людьми безопасными для Меттерниха. Онъ пропустилъ болѣе двухъ недѣль драгоцѣннѣйшаго времени; въ эти двѣ недѣли городская молодежь, не имѣя готовыхъ руководителей, успѣла разгорячиться до того, что сеймъ уже не могъ совладать съ толпою. Въ эти двѣ недѣли Вѣна успѣла подвергнуться возбуждающему вліянію отголосковъ, произведенныхъ парижскимъ переворотомъ въ Венгріи. На венгерскомъ сеймѣ оппозиція, подъ предводительствомъ Кошута, давно уже стремилась возстановить прежнюю автономію Венгріи и произвести либеральныя реформы въ законахъ. До парижскаго переворота она имѣла мало надежды на скорое достиженіе своихъ цѣлей, но теперь ободрилась, и 3 марта Кошутъ произнесъ въ Пресбургѣ передъ сеймомъ рѣчь очень сильную. Сущность рѣчи состояла въ томъ, что прежняя система австрійскаго кабинета вредна не для одной Венгріи, а также и для всѣхъ другихъ провинцій, и что свобода Венгріи можетъ быть огра-

ждена лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ другія провинціи получаютъ конституціонное устройство; потому онъ предлагалъ венгерскому сейму просить императора о дарованіи конституціи всѣмъ австрійскимъ областямъ и объ удаленіи не только Меттерниха, но и самого эрцгерцога Людвига, который при болѣзненномъ состояніи императора былъ регентомъ имперіи, хотя и не носилъ этого титула. Мы увидимъ, какой рѣшительный толчокъ вѣнскимъ событіямъ придало чтеніе нѣмецкаго перевода этой рѣчи передъ массою въ первый день вѣнскаго переворота.

Шумъ въ Вѣнѣ поднимался уже очень громкій. Благоразумные люди, желающіе отвратить насильственный переворотъ, уже видѣли надобность поскорѣе занять мѣсто посредниковъ между правительствомъ и столицей, мѣсто, которое выгодило бы всего для Меттерниха было бы занять провинціальному сейму. Въ засѣданіи вѣнскаго промышленнаго общества (Gewerbeverein), 8 марта, предѣдатель этого общества Арнгаберъ, одинъ изъ богатѣйшихъ вѣнскихъ фабрикантовъ, предложилъ подать императору адресъ и прочелъ проектъ адреса. — онъ былъ принятъ единодушно всѣмъ собраніемъ, въ которомъ находились эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, отецъ нынѣшняго императора, и государственный министръ Коловатръ, первый сановникъ имперіи послѣ Меттерниха. Они оба уже понимали необходимость немедленныхъ большихъ уступокъ. За четыре дня передъ тѣмъ, 4 марта, явилась въ «Официальной Вѣнской Газетѣ» статья, которая провозглашала, что при волненіяхъ, охватывающихъ Европу, Австрія можетъ избавиться отъ бѣдствій только «твердой рѣшимостью подданныхъ быть въ единодушіи съ правительствомъ». Адресъ Арнгабера отвѣчалъ на это, что Австрія можетъ спастись только «твердою рѣшимостью правительства быть въ единодушіи съ подданными». По принятіи адреса собраніемъ, представлявшимъ собою все коммерческое сословіе Вѣны, Арнгаберъ обратился къ эрцгерцогу Францу-Карлу съ просьбой, чтобы онъ лично передалъ адресъ императору. Эрцгерцогъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ это и что онъ самъ раздѣляетъ мнѣніе промышленнаго собранія. Эрцгерцогъ Карлъ-Францъ не имѣлъ важнаго вліянія на дѣла, по слабости характера и отсутствію дарованій. Но его супруга эрцгерцогиня Софья, мать нынѣшняго императора, къ которому долженъ былъ тогда перейти престолъ при бездѣтности Фердинанда II-го, отличалась энергіею. Она уже нѣсколько дней требовала отъ Меттерниха уступокъ для упроченія престола своему сыну. Однажды послѣ очень жаркаго спора съ Меттернихомъ она сказала, уходя изъ залы, что не дѣлая уступокъ, Меттернихъ готовитъ ей сыну участь герцога Бордосскаго.

У популярнѣйшаго изъ членовъ ниже-австрійскаго сейма, будущаго министра Доббльгофа, собирались его товарищи, ожидавшіе въ Вѣнѣ начала засѣданій, и нѣкоторыя другія лица, въ томъ числѣ будущій министръ, а тогда простой адвокатъ Бахъ, ставшій впоследствии времени самымъ горячимъ слугою реакціи, а тогда находившій выгоду разыгрывать либерала. На вечерахъ у Доббльгофа также признавали всѣ необходимость немедленныхъ уступокъ, и, руководясь выражаемыми тутъ мнѣніями, Бахъ написалъ адресъ къ провинціальному ниже-австрійскому сейму; съ 7 марта многочисленные списки этого адреса ходили по Вѣнѣ для собранія подписей; почетнѣйшія лица торговаго сословія и многіе аристократы ѣздяли съ этими списками по своимъ знакомымъ; въ книжныхъ лавкахъ также были выложены списки адреса. Въ немъ заключалась настойчивая просьба къ сейму, чтобы онъ изложилъ передъ императоромъ надобность преобразовать формы государствен-

наго управленія. Многочисленные подписи на этомъ адресѣ принадлежали людямъ самыхъ богатыхъ и почетныхъ сословій: негоціантамъ и сановникамъ государственной службы.

Изъ этого горячаго желанія такихъ лицъ, какъ эрцгерцогиня Софья, Коловратъ, аристократы провинціального сейма, банкиры и т. д., можно уже заключать о силѣ волненія, овладѣвавшего умами. Дѣйствительно, народъ предмѣстій волновался. Меттернихъ не могъ принять противъ этого никакихъ мѣръ, потому что безпорядковъ никакихъ не происходило. При невозможности усмирять насильственными мѣрами движеніе, не представлявшее никакого предлога для полицейскаго или вооруженнаго вмѣшательства, не принималось и никакихъ мѣръ успокоить его хотя бы только обѣщаніями реформъ, хотя бы только увѣреніями, что недостатки прежней системы будутъ исправлены. А казалось бы, что Меттернихъ самъ хорошо понималъ невозможность удержать прежнюю систему въ Австріи послѣ парижскихъ событій. Получивъ первое извѣстіе о революціи 24 февраля, онъ поблѣднѣлъ, опустился въ кресла и минутъ десять сидѣлъ какъ пораженный параличемъ, не будучи въ силахъ пошевелить рукой, сказать слово. Какимъ образомъ могъ онъ послѣ этого опять впасть въ прежнюю самоувѣренность и такъ упорно отвергать просьбы эрцгерцогини Софіи?

Около 7 числа начали увлекаться общимъ движеніемъ и студенты вѣнскаго университета. 7 марта нѣсколько человекъ ихъ, собравшись случайно, вздумали пригласить товарищей подать императору адресъ. Черезъ два дня они собрались въ числѣ 40 человекъ на квартирѣ одного изъ товарищей, одобрили адресъ къ императору, составленный юристомъ Шнейдеромъ, и рѣшили предложить его для подписи всѣмъ студентамъ въ слѣдующее воскресенье, 12 марта, пользуясь тѣмъ, что всѣ студенты собирались по воскресеньямъ въ университетъ для слушанія обѣдни. Собравшіеся поутру въ воскресенье студенты толковали о томъ, какимъ порядкомъ поднести адресъ къ императору, когда въ большую залу, гдѣ собралась ои, вошелъ профессоръ Гя, пользовавшійся большою популярностію. Студенты поручили ему, вмѣстѣ съ его пріятелемъ профессоромъ Эндлахеромъ, отправиться съ ихъ адресомъ на аудіенцію, а сами остались ждать въ залѣ университета. Профессоры и депутаты явились съ просьбою своею объ аудіенціи императора къ эрцгерцогу Людвигу. Услышавъ отъ нихъ, что нужна отставка Меттерниха, губящаго династію, эрцгерцогъ Людвигъ холодно прекратилъ разговоръ, и они должны были удалиться изъ его комнаты; но тотчасъ же эрцгерцогъ самъ поспѣшилъ за ними, схватилъ Эндлахера за руку и сказалъ, что просьба ихъ объ аудіенціи будетъ рассмотрена въ государственномъ совѣтѣ, который соберется послѣ обѣда. На совѣтѣ было рѣшено дать аудіенцію депутатамъ, и вечеромъ они были допущены къ императору. Адресъ просилъ дарованія свободы печати и преподаванія и учрежденія представительной формы. Императоръ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта, а сказалъ только, что эти желанія будутъ рассмотрѣны. Студенты не могли дождаться въ тотъ день своихъ депутатовъ и разошлись, положивъ собраться на слѣдующее утро, 13 марта, чтобы узнать, чѣмъ кончилась аудіенція, а на слѣдующее утро открывалась сессія провинціального сейма.

Ночь прошла спокойно, не было никакихъ тайныхъ собраній, и самые тѣ люди, которые явились предводителями массы въ слѣдующій день, легли спать, не предвидя ничего особеннаго на утро. Надобно было только предполагать, что предъ

домомъ провинціального сейма соберется довольно много любопытныхъ. Чтобы предотвратить всякую манифестацію, члены сейма рѣшили ѣхать въ залу сейма врозь и въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ, а не по прежнему обычаю открывать сеймъ процессією въ своихъ мундирахъ или мантияхъ.

Утромъ 13 марта, въ понедѣльникъ, погода стояла ясная, теплая, такъ что манила каждого на улицу погулять. Дѣйствительно, и отправились гулять по улицамъ жители Вѣны, не думая ни о какихъ манифестаціяхъ, а соблюдая только гигиеническое правило о пользѣ моціона. Студенты между тѣмъ собрались въ 8 часовъ утра въ большой университетской залѣ узнать о результатѣ вчерашней аудіенціи. Профессоръ Ги старался доказать имъ, что полученный отвѣтъ самый благосклонный и наилучшій, какого только можно желать. Молодежь, не видя въ его словахъ ничего положительнаго, отправилась къ дому провинціального сейма, чтобы видѣть какъ пойдетъ засѣданіе. Вѣна состоитъ изъ внутренняго центрального города, который, въ родѣ московскаго Кремля, образовался изъ стариной крѣпости и очень не великъ: онъ имѣетъ не многимъ больше версты въ поперечникѣ. Этотъ внутренній городъ оноесянъ очень широкими бульварами, занимающими мѣсто прежняго гласиса крѣпости; за бульварами лежатъ огромныя предмѣстья. Университетъ находится на одномъ концѣ внутренняго города; на другомъ концѣ, почти рядомъ съ дворцомъ и съ государственною канцелярією, гдѣ жилъ Меттернихъ, находился домъ провинціального сейма. Расстояніе отъ университета до этого дома, до дворца и до государственной канцеляріи составляетъ всего съ версту или меньше. Извилистыя улицы и небольшія площади между дворцомъ и университетомъ служатъ мѣстомъ прогулки. Онѣ были уже наполнены гуляющими въ щегольскихъ платьяхъ. Эта движущаяся толпа состояла, какъ обыкновенно на прогулкахъ, вполнину изъ женщинъ и дѣтей. По случаю открытія сейма, разумѣется, была она особенно густа передъ домомъ провинціального сейма и на просторномъ дворѣ этого дома. По обыкновенію, распрашивали другъ друга о новостяхъ, слушали съ интересомъ разсказчиковъ, сообщавшихъ новости, и, одинъ изъ нихъ, хирургъ вѣнскаго госпиталя Фишгофъ, вздумалъ сказать рѣчь. Чтобы рѣчь была слышнѣе, стоявшіе подлѣ него молодые люди приподняли его на свои плеча. Онъ коротко изложилъ содержаніе адресовъ и доказывалъ необходимость дружескихъ отношеній между разными племенами, населяющими Австрію. Велѣдъ за нимъ явились и другіе ораторы. Толпа, разохотившись слушать рѣчи, начала вызывать популярнѣйшихъ членовъ провинціального сейма, чтобы они подошли къ окнамъ и сказали что нибудь. Но вызываемые члены сейма — Доббльгофъ, Монтекукколи, Шмерлингъ не подходили къ окнамъ. Наконецъ толпа стала кричать, чтобы Фишгофъ шелъ въ залу сейма вызвать этихъ популярныхъ вельможъ; Фишгофъ былъ отысканъ и толпа втѣснила его вверхъ по лѣстницѣ въ залу сейма. Онъ убѣдилъ сеймоваго маршала или президента Монтекукколи подойти къ окну, чтобы успокоить народъ. Монтекукколи сказалъ изъ окна нѣсколько успокоительныхъ словъ стоявшей внизу массѣ; она отблагодарила его такими восторженными аплодисментами и виватами, что Монтекукколи расчувствовался и, отступивъ отъ окна, сказалъ Фишгофу: «пусть они выберутъ 12 чловѣкъ депутатовъ, которые участвовали бы въ совѣщаніяхъ сейма, какъ свидѣтели и представители». Толпа стала выбирать депутатовъ, а между тѣмъ въ разныхъ углахъ двора слушала безпрестанно смѣнявшихся ораторовъ. Одинъ изъ нихъ началъ читать рѣчь Кошута 3 марта, съ восторженными криками толпа встрѣтила то мѣсто

рѣчи, гдѣ Кошутъ выражалъ любовь и преданность венгерской націи къ императору. Рѣчь эта, очень сильная, воспламенила толпу, которая стала повторять ея заключеніе, требовавшее конституціоннаго устройства для всѣхъ австрійскихъ провинцій. — Депутатія, выбранная участвовать въ совѣщаніяхъ сейма, была уже въ залѣ, велись толки о надобности сдѣлать что нибудь въ удовлетвореніе общихъ желаній; но сеймъ не рѣшался ничего предпринять, а время шло. Члены сейма и депутаты нѣсколько разъ выходили на балконъ произносить успокоительныя рѣчи. Въ одинъ изъ такихъ разовъ депутаты, отправляясь съ балкона назадъ въ залъ совѣщаній, ошибкою попали вмѣсто одного корридора въ другой, дверь изъ котораго въ залу не была отперта. Они смутились, испугались, выбѣжали изъ корридора назадъ на балконъ и закричали: «мы заперты!» На дворѣ поднялся шумъ; нѣкоторымъ показалось, будто слышать они вдалекѣ выстрѣлы; поднялся крикъ: «насъ бьютъ!» — Часть толпы бросилась бѣжать со двора; другая часть, ища себѣ спасенія, рванулась въ двери залы сейма. Тутъ сеймъ увидѣлъ, что нельзя терять времени. Президентъ Монтекуколи сказалъ, что надобно отправиться къ императору и поднести ему адреса, врученные сейму для передачи ему. Съ нѣсколькими членами сейма онъ отправился во дворецъ, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ. Весь уголъ внутренняго города, гдѣ стоятъ дворецъ и домъ сейма, былъ наполненъ народомъ; въ разныхъ мѣстахъ говорились рѣчи; между прочимъ говорилъ онъ и подъ окнами квартиры Меттерниха, жившаго въ государственной канцеляріи, которая находится тутъ же по сосѣдству. Когда одинъ изъ такихъ ораторовъ, посаженный на плечи нѣсколькими молодыми людьми, доказывалъ надобность отставки Меттерниха подъ самымъ окномъ его, супруга Меттерниха подошла къ окну, послушала и насмѣшливо улыбнулась. Дѣйствительно, дворецъ и государственная канцелярія были охраняемы сильными отрядами войска, которое было расположено и по всему внутреннему городу. На площадяхъ стояли батареи; бастіоны старыхъ укрѣпленій, окружающихъ внутренній городъ, также были вооружены пушками; гренадеры заряжали ружья боевыми патронами въ виду народа, чтобы онъ самъ зналъ серьезность готовящагося отпора. Чтобы предотвратить столкновеніе, составилъ наскоро въ залѣ провинціального сейма изъ горожанъ комитетъ для охраненія порядка, и депутатія этого комитета отправилась къ бургомистру требовать, чтобы онъ созвалъ городскую гвардію, въ которую записаны были 6.000 почетнѣйшихъ вѣнскихъ горожанъ. Эта городская милиція должна была принять на себя охраненіе порядка. Бургомистръ не рѣшался, медлилъ. А между тѣмъ какой-то офицеръ, командовавшій отрядомъ піонеровъ, увидѣвъ нѣсколькихъ простолодиновъ, вооружавшихся палками и обломками скамей, приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять. Выстрѣлы эти къ счастью никого не ранили въ толпѣ, но все-таки она разсердилась: въ солдатъ полетѣли обломки стульевъ, скамей и камней. Эрцгерцогъ Альбрехтъ, начальствовавшій войсками, скомандовалъ стрѣлять; сдѣланы были два залпа, и толпа побѣжала отъ дворца и съ площади передъ домомъ сейма; на опустѣвшей площади лежало пять труповъ. Вѣсть о нападеніи разнесена была бѣгущими по всему внутреннему городу, по всѣмъ предмѣстьямъ, и дѣло начало принимать серьезный оборотъ. По всѣмъ улицамъ предмѣстій собирались и вооружались толпы, и двинулись на внутренній городъ противъ войскъ. Начались въ разныхъ мѣстахъ стычки; депутаты комитета, составившагося изъ горожанъ, — богатые негоціанты и будущій министръ Вахъ, — снова явились къ бургомистру и заставили его созвать городскую гвардію. Самъ

эрцгерцогъ Альбрехтъ, не ожидавшій, чтобы скомандованные имъ залпы произвели такое дѣйствіе, согласился теперь, что лучше будетъ передать охраненіе порядка гражданской гвардіи и что разбѣянные имъ по городу войска находятся въ опасности. Онъ отозвалъ назадъ свои отряды и сосредоточилъ все войско въ немногихъ пунктахъ внутренняго города, — на площадяхъ и у воротъ стѣны его. Предмѣстья были очищены отъ войскъ, и многочисленныя толпы собирались на бульварахъ, опоясывающихъ внутренній городъ, готовясь къ битвѣ. Ея надо было ждать съ минуты на минуту.

Депутация провинціального сейма еще утромъ отправилась, какъ мы говорили, во дворець. Она поочередно имѣла аудіенціи у Коловрата, у эрцгерцога Карла-Франца, наконецъ у эрцгерцога Людвига, управлявшаго государствомъ отъ имени больного императора. Эрцгерцогъ Людвигъ принялъ ее холодно и сурово, но когда хотѣла она удалиться, онъ просилъ ее обождать въ аванъ-залѣ, пока онъ посовѣтуется съ членами государственной конференціи. Эта государственная конференція была высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣли министры и другіе сановники; вѣрнѣе всего можно опредѣлить ее, сказавъ, что она соотвѣтствовала совѣту регентства. Кромѣ эрцгерцога Людвига, постоянными членами ея были эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, Меттернихъ, Коловратъ и графъ Гартигъ, очень даровитый придворный, ученикъ и искренній другъ Меттерниха (имя графа Гартига теперь часто упоминается въ газетахъ, потому что онъ начерталъ основныя правила для составленія знаменитаго диплома 20 октября). Иногда приглашались въ конференцію и два или три чловѣка изъ другихъ министровъ. Теперь эрцгерцогъ Людвигъ созвалъ въ свой кабинетъ эрцгерцога Франца Карла, Меттерниха, Коловрата, Гартига и графа Пильграма, одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Они шестеромъ совѣщались, а депутация провинціального сейма дожидалась въ аванъ-залѣ, наполненной генералами и адъютантами. Тутъ же находились другіе эрцгерцоги. По временамъ выходилъ изъ кабинета адъютантъ эрцгерцога Людвига, приглашалъ кого нибудь изъ сановниковъ или эрцгерцоговъ въ кабинетъ; потомъ члены государственной конференціи снова отпускали приглашеннаго и продолжали совѣщаться на-единѣ. Два или три раза призывали къ себѣ они депутацию провинціального сейма, и снова отпускали ее, прося подождать. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Передъ вечеромъ явились въ аванъ-залу у дверей государственной конференціи двѣ другія депутации. — Мы видѣли, какъ разбѣжалась толпа съ площади сеймоваго дома и какъ предмѣстья начали послѣ того вооружаться. Предвидя столкновение, студенты снова собрались въ университетской залѣ и просили своихъ прежнихъ депутатовъ, профессоровъ Ги и Эндлихера, вмѣстѣ съ ректоромъ университета Йенулемъ, 70-лѣтнимъ старикомъ, отправиться во дворець, чтобы предотвратить кровопролитіе своими совѣтами. Мы говорили также, что зажиточные горожане, составлявшіе городскую гвардію, не дождались никакихъ распоряженій отъ бургомистра; они начали собираться сами на бульварахъ между предмѣстьемъ и внутреннимъ городомъ, чтобы устранить своимъ посредничествомъ схватки между народомъ и войсками. Офицеровъ гражданской гвардіи собралось тутъ очень много; но рядовые, жившіе въ отдаленныхъ частяхъ предмѣстій, еще не знали о рѣшимости своихъ товарищей, и офицеры гражданской гвардіи, видя нерѣшительность ея начальника бургомистра, сами взяли барабаны и пошли по предмѣстьямъ бить сборъ. Тогда отряды гражданской гвардіи на бульварахъ быстро увеличились. Офицеры ея видѣли

начинающіяся стычки, старались разводить сражающихся, но чувствовали, что скоро не въ силахъ будутъ прекращать эти схватки. Они выбрали изъ своей среды также депутацію и послали ее во дворецъ. Эта депутація, подобно университетской, была препровождена въ аванъ-залу эрцгерцога Людвига. Много разъ призывалась то одна, то другая изъ этихъ депутацій, то опять депутація провинціального сейма въ кабинетъ конференціи, нѣсколько разъ выходилъ въ аванъ-залу изъ кабинета графъ Гартигъ; по временамъ вбѣгали въ аванъ-залу офицеры съ извѣстіями о новыхъ стычкахъ между войсками и народомъ. А время все шло и шло, безъ всякаго результата. Вотъ вышелъ графъ Гартигъ, вотъ вышелъ самъ эрцгерцогъ Людвигъ въ аванъ-залу; они спрашиваютъ у депутатовъ гвардіи, какой же наименьшій размѣръ уступокъ можетъ успокоить горожанъ. Офицеры гражданской гвардіи говорятъ, что необходимо по крайней мѣрѣ уволить въ отставку Меттерниха. — «Неужели вы полагаете, что это возможно, что мы согласимся на это?» отвѣчаютъ имъ. Гартигъ и эрцгерцогъ Людвигъ возвращаются въ кабинетъ, и опять продолжается совѣщаніе конференціи, опять призываютъ въ кабинетъ одну депутацію за другою. Вотъ призвана въ кабинетъ депутація гражданской гвардіи. Меттернихъ подходитъ къ одному изъ депутатовъ, офицеру Шерцеру, ласково и одобрительно треплетъ его по плечу и говоритъ: «неужели гражданская гвардія, вмѣстѣ съ войсками, не въ силахъ будетъ одолѣть чернь?» — «Ваша свѣтлость! это не чернь, — волнуется весь городъ». — «Но вмѣстѣ съ войсками вы легко усмирите волненіе». — «Ваше свѣтлость! мы не можемъ сражаться вмѣстѣ войсками». Депутацію опять отпускаютъ, снова тянется совѣщаніе за закрытыми дверями кабинета; на дворѣ уже смеркло, наступаетъ ночь. Вотъ явилась въ аванъ-залу новая, четвертая депутація. Собралась корпорація вѣнскихъ медиковъ. Будучи по своему положенію хорошо знакомы съ расположеніями всѣхъ сословій, медики яснѣе чѣмъ кто нибудь понимали положеніе дѣлъ. Они прислали своихъ депутатовъ съ настоятельнѣйшими убѣжденіями. Они принесли извѣстіе, что великолѣпный загородный домъ Меттерниха въ Ландштрасскомъ предмѣстьи разрушается народомъ, что во многихъ мѣстахъ толпы готовятся брать въ плѣнъ караулы гауптвахтъ и ломать двери у оружейныхъ лавокъ. Они видѣли, что занимая войсками всѣ ворота, ведущія во внутренній городъ изъ предмѣстій, эрцгерцогъ Альбрехтъ забылъ поставить отрядъ во Франковскихъ воротахъ, и черезъ эти ворота внутренній городъ наполнился простолюдинами предмѣстій. Влижайшія къ дворцу улицы и площадь передъ дворцомъ снова наводнены толпою, какъ было поутру, и толпа уже разсуждаетъ, что проникнуть во дворецъ легко: въ одномъ изъ фасовъ дворца есть между сплошнымъ каменнымъ строеніемъ промежутокъ, занятый деревяннымъ театромъ; если зажечь этотъ театръ, онъ рухнетъ очень скоро и черезъ погорѣлое мѣсто будетъ доступъ внутрь дворца. Толпы уже вооружены ломами, топорами; онѣ со всѣхъ сторонъ готовятся штурмовать ворота внутренняго города, охраняемая войсками. Депутаты медиковъ говорятъ, что послѣдняя отерочка атаки, выпрошенная ими у волнующейся массы — срокъ до 9 часовъ вечера. На рѣзкое слово, сказанное одному изъ медиковъ сановникомъ, бывшимъ въ аванъ-залѣ, находящееся въ аванъ-залѣ собраніе адъютантовъ и другихъ почетныхъ лицъ, отвѣчаетъ свистомъ и раздается общій говоръ: «поздно, поздно!» Члены конференціи слышатъ это въ своемъ кабинетѣ. Шумъ на улицѣ усиливается. Бахъ восклицаетъ въ аванъ-залѣ: «еще 5 минутъ, еще 5 минутъ, и я не отвѣчаю ни за что». Одинъ изъ присланныхъ медиками депутатовъ берется

за ручку двери, ведущей изъ аванъ-залы въ кабинетъ, — въ эту самую минуту двери кабинета отворяются и члены всѣхъ депутацій слышатъ приглашеніе войти въ кабинетъ. Эрцгерцогъ Людвигъ, Коловратъ, Гартигъ, а нѣсколько впереди ихъ князь Меттернихъ, выступаютъ на встрѣчу входящихъ депутатовъ. Меттернихъ спокоенъ. Онъ обращается къ депутатамъ гражданской гвардіи: «вы объявляли», говоритъ онъ: «что только мое удаленіе можетъ возстановить спокойствіе Австріи. Потому я съ радостію удаляюсь. Желаю вамъ счастья при новомъ правительствѣ, желаю счастья Австріи». — «Мы не имѣемъ ничего противъ вашего лица, свѣтлѣйшій князь», отвѣчали депутаты: «мы были только противъ вашей системы. Потому благодаримъ васъ именемъ народа. Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!» По всѣмъ заламъ отозвался этотъ крикъ въ честь императора. Меттернихъ повторилъ, что онъ съ радостію удаляется въ отставку для пользы государства, и потомъ продолжалъ разговоръ спокойнымъ голосомъ, безъ всякихъ признаковъ волненія. Коловратъ показалъ депутатамъ готовый проектъ императорскаго манифеста, обѣщавшій преобразованія, и объявлялъ, что студентамъ дозволяется взять оружіе изъ арсенала, чтобы ихъ легіонъ служилъ городу ручательствомъ въ исполненіи обѣщанныхъ реформъ. Съ восторгомъ посѣщили депутаціи сообщить такую успокоительную развязку толпамъ горожанъ, окружавшимъ дворецъ, наполнявшимъ всѣ сосѣднія улицы; народъ расходился съ радостными криками въ честь императора. Депутаты студентовъ и докторовъ торопливо пришли въ университетъ, и студенты раздѣлились на отряды, поочередно отправлявшіеся въ арсеналъ вооружаться; изъ арсенала расходились они по предмѣстьямъ, повсюду возстановляя порядокъ, уже бывшій низвергнутымъ во многихъ частяхъ столицы. Простолюдныи охотно слушались увѣщаній университетской молодежи и прекращали нападенія на войска. Скоро вся Вѣна успокоилась, и ночь прошла тихо. Поутру жители Вѣны узнали, что князь Меттернихъ уже уѣхалъ.

Послѣдніе часы его власти и вѣрность данному обѣщанію удалиться отъ власти приносятъ большую честь и характеру, и уму Меттерниха. Онъ могъ бы надѣлать страшнаго кровопролитія, разрушить половину столицы въ послѣдній день своей власти. Но, какъ человекъ умный, онъ разсчиталъ, что это было бы напрасно. Онъ былъ такъ сообразителенъ, что умѣлъ смѣрять свои силы съ силою движенія, не нуждаясь въ испытаніяхъ разчета посредствомъ дѣйствительной борьбы, — онъ умѣлъ предвидѣть, что былъ бы побѣжденъ, и нашелъ въ себѣ столько силы характера, чтобы не вступать въ безуспѣшную битву. Хладнокровіе и спокойствіе, съ какимъ онъ объявилъ, что отказывается отъ власти, облачаютъ его фигуру даже какимъ-то высокимъ блескомъ. Если хотите, говорите, что все это былъ только расчетъ умнаго человѣка, — но воля ваша, кромѣ разчета, есть тутъ и благородство и патриотизмъ. Выставляютъ Меттерниха какимъ то олицетвореніемъ коварства, — нѣтъ, коварный человекъ не сдержалъ бы своего послѣдняго слова такъ вѣрно и строго, какъ онъ: не сдѣлавъ никакихъ попытокъ измѣнить ему, уклониться отъ своего обѣщанія, не пытаясь сохранить въ своихъ рукахъ власть, онъ равнодушно оставилъ другимъ дѣлать попытки къ подавленію движенія, а самъ честно сталъ готовиться къ отъѣзду и кончилъ сборы быстрѣе, чѣмъ самый недобѣрчивый врагъ могъ бы требовать отъ старика, привыкшаго жить сибаритомъ. Мы вовсе не поклонники Меттерниха, но конецъ его правленія доказываетъ, что онъ былъ человекомъ гораздо лучшимъ, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ о немъ.

Тотъ же самый фактъ обнаруживаетъ и другую сторону его политической жизни. Его система пала безъ борьбы отъ первой волны движенія, охватившаго Вѣну, отъ одного желанія, выраженнаго этимъ городомъ, самымъ неприготовленнымъ изъ всѣхъ западныхъ столицъ къ энергическому дѣйствію, самымъ слабымъ, безпомощнымъ, — если позволительно такъ выразиться, — самымъ пустымъ изъ всѣхъ западныхъ большихъ городовъ. Жители Вѣны были тогда въ гражданскомъ смыслѣ не больше какъ дѣти. Умѣли ли они сражаться? Способны ли они были выдерживать огонь регулярныхъ войскъ? Имѣли ли они тогда по крайней мѣрѣ хотя какихъ нѣбудь предводителей, годныхъ для боя? Имѣли ли они по крайней мѣрѣ оружіе? — Ничего этого у нихъ не было. Или быть можетъ они замѣняли эти недостатки настойчивостью характера, ясностью понятій о томъ, къ чему стремятся? — И этого ничего въ нихъ не было тогда. То были люди, не имѣвшие ни твердыхъ желаній, ни опредѣленныхъ цѣлей, ни привычки къ дружному дѣйствію, — рѣшительно ничего и ничего, — и стояло такимъ ничтожнымъ людямъ лишь походить нѣсколько часовъ по улицамъ съ разговорами, что они недовольны Меттернихомъ, и оказалось, что Меттернихъ слабѣе даже ихъ, слабѣе которыхъ не могло быть, кажется, ничего на свѣтѣ. Сдѣлано было нѣсколькими маленькими отрядами солдатъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку выстрѣловъ; брошено было нѣсколькими десятками горячихъ людей изъ простонародья нѣсколько камней въ солдатъ — и только всего. Кажется, не нужно было бы и солдатъ; достаточно было бы нѣсколько десятковъ полицейскихъ служителей, чтобы разогнать по домамъ весь этотъ далеко не воинственный народъ, — и оказалось, что стрѣлять въ него нельзя, — что войска не годятся противъ него, что надобно уступить безсильному желанію безсильнаго города; система Меттерниха оказалась невидерживающею самаго слабого прикосновенія. Къ чему же была нужна она? спрашиваемъ мы теперь. Меттернихъ думалъ, что необходима она для охраненія порядка, для обузданія волненій. Оказалось, что при первой попыткѣ нпзвергнуть существовавшій порядокъ, она сама упала; что первый легкій порывъ волненія нпспровергъ ее. Значить, она не годилась для своей цѣли, и если существовала съ 1814 до 1848 года, то лишь потому, что не было тогда въ австрійскомъ населеніи расположенія волноваться, то есть не было причины, по предположенію которой была установлена эта система, не существовало цѣли, для которой она предназначалась.

Система эта возникла просто изъ незнанія объ истинномъ положеніи дѣлъ, изъ незнакомства съ расположеніемъ умовъ, изъ ошибочнаго предположенія несуществовавшихъ опасностей и зловредностей, и только своею ненужною обременительностью породила наконецъ то волненіе, котораго никогда не произошло бы безъ ея раздражавшаго тяготящаго, безъ ея напрасной и обезсилывавшей само правительство, самого Меттерниха, самого Франца I и его наслѣдника стѣснительности. Меттернихъ просто не зналъ государства, которымъ управлялъ; вся бѣда произошла оттого, что онъ не потрудившись познакомиться съ управляемыми племенами, предположилъ ихъ враждебными, когда они и не думали еще быть враждебны, а напротивъ, проникнуты были искреннѣйшею преданностью, — вообразилъ, будто онъ долженъ управлять какими-то чеченцами, лезгианми, шапсугами, у которыхъ за каждымъ холмомъ, на каждой полянѣ таятся Шамиль или Казы-Мулла, готовый выскочить на борьбу съ нимъ, а не съ мирными людьми, которые вѣки-вѣковъ рады были жить подъ властью Габсбургскаго дома и не имѣли никакой мысли ни о

какихъ волненіяхъ. Къ ихъ и къ своему несчастью, Меттернихъ не зналъ этого. Что дѣлать, это было его и ихъ несчастье; но нельзя винить за то самого Меттерниха: онъ находился въ такой обстановкѣ, что не могъ знать того, чего къ несчастью не зналъ; таково было его положеніе, лишившее его вѣрныхъ свидѣній о жизни массъ и о мысляхъ просвѣщенной части общества,—положеніе, повидимому, всеильное, но въ сущности безпомощное.

Мы знаемъ, что говоримъ противъ предубѣжденій, очень сильно укорененныхъ въ нашей публикѣ. Но будемъ безпристрастны, не будемъ несправедливы, даже къ Меттерниху. Къ чему говорить о злонамѣренности, о коварствѣ, — этого не было; было нѣчто другое,—было незнаніе, непониманіе.

Что слѣдуетъ сдѣлать „Русскому Обществу Пароходства и Торговли?“

(Отвѣтъ директора-распорядителя Русскаго Общества Пароходства и Торговли Н. А. Новосельскаго на статьи противъ управленія дѣлами этого общества. Москва. 1860 г.).

Цѣлой Россіи еще памятно знаменитое преніе объ ариѳметическихъ задачахъ по поводу статей гг. Новосельскаго, Перозіо и Смирнова, происходившее въ петербургскомъ Пассаждѣ слишкомъ годъ тому назадъ. Не возвращаясь къ этому несчастному предмету, не рѣшая, было ли что нибудь справедливое въ словахъ г. Перозіо, мы попробуемъ заняться исключительно «Отвѣтомъ» г. Новосельскаго. Мы сдѣлаемъ предположеніе, лучше котораго не можетъ ничего желать г. Новосельскій, — мы предположимъ, что каждое слово его «Отвѣта» есть истина, никогда не подвергавшаяся и не могущая быть подвергнута сомнѣнію. Исключительно на основаніи увѣреній г. Новосельскаго мы попробуемъ разсудить, что слѣдуетъ думать о дѣлахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Г. Перозіо говоритъ, что общество «возникло при наивыгоднѣйшихъ обстоятельствахъ». Г. Новосельскій показываетъ, что обстоятельства эти были таковы:

«1) Южный край Россіи, среда дѣйствій возникавшаго общества, былъ разоренъ войною.

«2) Приморскіе города Южной Россіи были разобщены, какъ разобщены и теперь, съ внутренними областями Россіи, большую часть года, дурными дорогами.

«3) Вся отпускная торговля Южной Россіи ограничилась одними сырыми произведеніями, перевозка которыхъ пароходами, при громоздкости и сравнительно низкой цѣнѣ этихъ произведеній, можетъ быть выгодною только во время усиленнаго спроса на нихъ за границу, или же въ то время, когда они, вслѣдствіе удешевленія перевозки къ приморскимъ пристанямъ (напримѣръ, вслѣдствіе развитія рѣчного буксирнаго пароходства въ южномъ краѣ), въ состояніи будутъ выносить высшій, противу парусныхъ судовъ, пароходный фрахтъ; но къ развитію буксирнаго пароходства, или вообще къ улучшенію средствъ сообщенія въ Южной Россіи въ то время еще не приступали; заграничный спросъ на хлѣбъ изъ Россіи уменьшился со времени войны, вслѣдствіе достаточныхъ урожаевъ за границей и дорогихъ цѣнъ на хлѣбъ въ Южной Россіи, и по этимъ причинамъ фрахтъ изъ черноморскихъ портовъ понзился послѣ войны.

«4) Въ Россіи не было, какъ нѣтъ и теперь, сословія матросовъ для составленія экипажей на пароходахъ общества.

«5) Въ Россіи было еще труднѣе, чѣмъ теперь найти людей, готовыхъ къ коммерческой береговой и судовой службѣ вообще, а для такой дѣятельности, какая предстоитъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, въ особенности.

«6) Въ Россіи было еще труднѣе, чѣмъ теперь, найти искусныхъ механиковъ, для службы на пароходахъ, и даже кочегаровъ.

«7) По вѣмъ русскимъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей не было, какъ нѣтъ и теперь (за исключеніемъ Севастополя, торговля котораго весьма незначительна), ни одного удобнаго порта, ни одной удобной пристани и никакихъ средствъ для нагрузки и выгрузки.

«8) На всемъ Югѣ Россіи и по всему Черному морю не было ни одного элпнга и ни одного дока, для починки и окраски пароходовъ. При такомъ отсутствіи элпнговъ и доковъ, Русское Общество вынуждено посылать свои пароходы, для починокъ и окраски, въ Марсель; а всякому понятно, до какой степени это неудобно для срочнаго пароходства.

«9) По всему берегу Чернаго и Азовскаго морей не было ни одного механическаго заведенія, для исправленія даже самыхъ незначительныхъ поврежденій въ механизмахъ пароходовъ.

«10) Русскіе таможенные и паспортные законы, составленные еще въ тѣ времена, когда не могло быть и рѣчи ни о пароходствѣ вообще, ни о срочномъ въ особенности, подавали и подаютъ непрерывные поводы къ недоумѣніямъ и, зависящимъ отъ Общества, неудовольствіямъ публики.

«11) Возникшее при такихъ условіяхъ Русское Общество Пароходства и Торговли встрѣтило на Черномъ, Средиземномъ и даже Азовскомъ моряхъ соперничество компаній: Французской, Австрійской, Англійской, Греческой и Турецкой. Французская и Австрійская, будучи, одинаково съ Русскимъ Обществомъ, поддерживаемы своими правительствами и получая отъ нихъ немалозначительныя денежныя пособія, господствовали именно на тѣхъ линіяхъ сообщенія въ Средиземномъ морѣ, которыя опредѣлены были по уставу для дѣйствій Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Соперничество съ этими послѣдними компаніями было тѣмъ труднѣе для Русскаго Общества, что дѣятельность и управленіе ихъ были въ то время уже вполне организованы».

Мы выписали буквально слова «Отвѣта», только выпустивъ для краткости нѣкоторые изъ доводовъ, служащихъ подтвержденіемъ ихъ. Мы совершенно принимаемъ справедливость приведенныхъ нами словъ; слѣдовательно не имѣемъ надобности провѣрять доказательства, на которыхъ они основаны. Что же такое говоритъ намъ г. Новосельскій?

Онъ говоритъ намъ, что страна, продуктами которой должны были грузиться пароходы Русскаго Общества, была разорена, то есть не могла представлять значительнаго количества продуктовъ для вывоза. Положимъ, что Общество основывалось для надобностей не того времени, а слѣдующихъ годовъ, когда край поправится отъ разоренія и будетъ имѣть болѣе значительное количество продуктовъ. Но г. Новосельскій говоритъ, что приморскіе города этого края разобщены отъ внутреннихъ областей, производящихъ продукты,—стало быть Общество не могло надѣяться на успѣшность дѣйствій, пока положеніе внутреннихъ путей сообщенія въ Южной Рос-

еи не измѣнится; оно не измѣнилось до сихъ поръ, по словамъ г. Новосельскаго; стало быть и до сихъ поръ Общество лишено основанія для успѣшности своихъ дѣйствій. Но мало того, что нѣтъ путей для подвоза продуктовъ къ пароходамъ Общества,—г. Новосельскій прибавляетъ, что сами по себѣ эти продукты неудобны для перевоза на пароходахъ: они такъ громоздки и дешевы, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не въ состояніи «выносить вышенаго противъ парусныхъ судовъ пароходнаго фрахта»; итакъ, по свойству самыхъ продуктовъ своихъ, отпускная торговля Южной Россіи неудобна для дѣйствій пароходнаго общества. Кромѣ того, Общество не находило для себя ни матросовъ, ни людей, готовыхъ къ коммерческой береговой и судовой службѣ, ни даже кочегаровъ; итакъ основывался пароходный флотъ, не находившій себѣ не только продуктовъ для перевозки, но даже и людей, годныхъ на службу. Этого мало: по вѣсѣмъ русскимъ берегамъ, для которыхъ онъ основывался, не было ни одной удобной пристани для него, не было даже никакихъ средствъ для нагрузки и выгрузки. Итакъ пароходы, не имѣвшіе ни товаровъ для перевозки, ни людей для своей службы, не имѣли даже и мѣсть, въ которыхъ удобно могли бы нагружаться или приставать. Къ ихъ существованію не было ничего приготовлено до такой степени, что для ночпонокъ и окраски они должны были ходить въ Марсель: по всему русскому южному берегу не было ни одного механическаго заведенія.

Мы спрашиваемъ теперь: дозволялось ли здравымъ коммерческимъ расчетомъ основывать Общество въ такихъ обстоятельствахъ? Продуктовъ для его дѣйствій нѣтъ, людей для него нѣтъ, пристаней для него нѣтъ, ничего нужнаго для него нѣтъ,—зачѣмъ же нужно оно само, когда нѣтъ ему ни круга дѣйствій, ни средствъ дѣйствованія?

Можно предположить на это отвѣтъ такого рода: правда, что русская отпускная торговля находилась въ обстоятельствахъ очень неблагоприятныхъ для дѣйствій пароходнаго Общества; но сама она, эта несчастная отпускная торговля, нуждалась въ Пароходномъ Обществѣ, такъ что его основаніе было не предметомъ коммерческаго расчета со стороны основателей, а благороднымъ подвигомъ на общую пользу, хотя бы съ убыткомъ себѣ. Но г. Новосельскій устраняетъ эту мысль. Онъ говоритъ намъ, что на Черномъ, Средиземномъ и Азовскомъ моряхъ, во время основанія Русскаго Общества, уже дѣйствовали пароходы французскіе, австрійскіе, англійскіе, греческіе и турецкіе; французская и австрійская пароходныя компаніи уже «господствовали», по его выраженію, на тѣхъ линіяхъ сообщенія въ Средиземномъ морѣ, на которыхъ намѣревалось дѣйствовать Русское Общество. Итакъ, если отпускная торговля южнаго русскаго берега имѣла надобность въ пароходахъ, она уже имѣла пароходы къ своимъ услугамъ. Она нимало не требовала, чтобы являлись какіе-то благодѣтели для нея, служащіе ей съ убыткомъ для русской націи: она могла уже располагать какимъ ей угодно числомъ пароходовъ, содержаніе которыхъ не приносило ни одной копѣйки убытка русскому народу. Зачѣмъ же намъ нужно было входить для нея въ убытки, нимало для нея не пужные?

А положеніе дѣль, по словамъ г. Новосельскаго, было дѣйствительно таково, что Русское Общество Пароходства и Торговли не могло поддерживать своего существованія безъ громадныхъ пожертвованій отъ русской націи. Р. Перозіо говорилъ, что іособіе, даваемое со стороны правительства, служило совершеннымъ обезпече-

пиемъ Русскому Обществу. Г. Новосельскій утверждаетъ, что это не такъ. Между тѣмъ, по его собственнымъ словамъ, пособіе правительства въ 1858 году составляло гораздо болѣе милліона рублей. Зачѣмъ же поглотило Русское Общество Пароходства столько денегъ у русской націи? Зачѣмъ русская нація должна бросать на это дѣло такія колоссальныя суммы? У г. Новосельскаго находимъ слѣдующее разъясненіе:

«Содержаніе почтового сообщенія вообще, а морского въ особенности, вызывается обыкновенно не столько частными потребностями, сколько государственными. Бываетъ конечно, что частныя и государственныя потребности соединяются въ равной степени; но это можетъ случиться только между нѣкоторыми пунктами, гдѣ постоянно значительное передвиженіе товаровъ, пассажировъ и почтовой корреспонденціи. Такихъ пунктовъ весьма немного, и правильное сообщеніе между ними устраивается обыкновенно само собою, безъ всякаго содѣйствія и требованія правительства. Но между тѣми пунктами, которые не находятся въ такомъ исключительномъ положеніи, при безучастіи правительствъ, пароходное сообщеніе или вовсе не существовало бы, или же оно производилось бы не срочно, завися отъ выгодности заработка.

«Имѣя въ виду такое двойное назначеніе почтовыхъ пароходныхъ компаній, а равно и то, что выдаваемые имъ правительственныя пособія относятся въ государственномъ бюджетѣ къ категоріи расходовъ по устройству путей сообщенія и по содержанію почтъ, нельзя, кажется, признать ихъ ни бесполезными, ни излишними. Если бы не было подобныхъ компаній, остались бы, вмѣсто ихъ, правительственныя учрежденія съ тѣмъ же назначеніемъ, и расходы на эти учрежденія покрывались бы исключительно изъ государственныхъ доходовъ, тогда какъ, со времени передачи морскихъ почтовыхъ сообщеній частнымъ компаніямъ, въ покрытіи расходовъ на содержаніе этихъ сообщеній и военныхъ перевозочныхъ средствъ участвуетъ частный капиталъ, съ немалою для него выгодною. Употребленіе государственныхъ суммъ осталось тоже, но только, со времени учрежденія частнаго почтового пароходства, отъ принятыя наименованіе пособій (*subventions de l'état*). Если же, въ послѣднее время, повсюду увеличиваются размѣры морского почтового сообщенія, то разумѣется не потому, что оно передано въ частныя руки, но потому, что въ такомъ увеличеніи признается необходимость, и что удовлетвореніе этой надобности обходится дешевле помощью частныхъ компаній, чѣмъ обходилось при казенномъ управленіи. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ требованій правительствъ, опредѣляется и размѣръ пособій учреждаемымъ ими частнымъ обществамъ. О размѣрѣ этихъ пособій можно судить лишь относительно, т. е. смотря по условіямъ, при которыхъ возможно осуществленіе возлагаемыхъ на общество обязанностей, и, во всякомъ случаѣ, на основаніи дѣйствительнаго, а не умозрительнаго только знакомства съ этими условіями, и ужъ никакъ не по одной величинѣ цифры пособія. Исторія пароходныхъ морскихъ компаній показываетъ, что гдѣ требованія правительствъ значительно превышали мѣру ихъ собственной прежней дѣятельности, тамъ назначались и пособія компаніямъ, въ размѣрѣ, превышающемъ прежде лежавшіе на государствѣ расходы. Но гдѣ дѣятельность морскихъ почтовыхъ пароходныхъ обществъ оставлена въ томъ объемѣ, въ какомъ дѣйствовало прежде само правительство, тамъ, вслѣдствіе передачи предпріятія въ частныя руки, немедленно по образованіи этихъ обществъ, уменьшались и государственныя расходы. Возьмемъ для примѣра Русское Общество Пароходства и Торговли и французскую компанію *Messageries Impériales*. Русское Общество учреждено взамѣнъ Новороссійской экспедиціи, которая дѣйствовала только въ Черномъ морѣ:—удивительно ли, что мѣра правительственнаго пособія Русскому Обществу, которое, сверхъ усиленія дѣйствій по черноморскимъ линіямъ, содержитъ еще сообщенія въ Средиземномъ морѣ и съ Англійю,—превышаетъ бывшіе расходы правительства въ Новороссійскую экспедицію? Французской компаніи *Messageries Impériales*, напротивъ, передано отъ правительства въ 1851 г., пароходное сообщеніе въ Средиземномъ морѣ почти въ томъ же объемѣ, въ какомъ содержало его само правительство въ теченіе 14 лѣтъ, и вслѣдствіе этого государственныя расходы не только не увеличились, но значительно сократились. Именно, правительство тра-

тило прежде на содержаніе этихъ сообщеній ежегодно до 4,500,000 франковъ, — не включая общихъ расходовъ по управленію, процентовъ на затраченный капиталъ, на страхованіе и погашеніе имущества; а съ передачею морского почтового сообщенія въ частныя руки, пособіе правительства составило въ первое время лишь 2,700,000 франковъ, чѣмъ и ограничились всѣ расходы государства на этотъ предметъ. Но, по мѣрѣ расширенія, по волѣ правительства, круга дѣятельности Messageries Impériale, постоянно увеличивался и размѣръ правительственнаго пособія, которое въ настоящее время уже доходитъ: въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ—до 6,500,000 фр., а въ трансъ-атлантическихъ рейсахъ—до 12,000,000 франковъ».

Совершенно такъ. Если для правительства необходимо срочное почтовое сообщеніе между извѣстными гаванями, и если дѣятельность частныхъ сношеній между этими гаванями недостаточна для коммерческаго веденія срочнаго почтоваго пароходства между этими гаванями, правительство имѣетъ надобность помогать содержанію такого пароходства выдачею пособій. Нѣтъ, наиримѣръ, никакого сомнѣнія въ томъ, что для англійскаго правительства существуетъ надобность въ почтовыхъ сношеніяхъ съ Канадою и Соединенными Штатами. Но какая надобность можетъ существовать для русскаго правительства въ почтовыхъ пароходныхъ сообщеніяхъ между южно-русскимъ берегомъ и Мальтою, Марселемъ, Триестомъ и англійскими гаванями? Свои сношенія съ западною Европою русское правительство ведетъ прямо изъ Петербурга, а не чрезъ Одессу. Правительственныя депеши въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ идутъ не чрезъ Одессу. Намъ кажется, что для правительства рѣшительно нѣтъ надобности въ содержаніи почтоваго пароходства между берегами западной Европы и южнымъ русскимъ берегомъ. Другое дѣло — правильное сообщеніе между разными городами самого южнаго берега. Если бы оказалось, что пересылать почту между ними на пароходахъ дешевле, чѣмъ отправлять ее сухимъ путемъ, правительство имѣло бы выгоду содержать пароходы для этихъ сообщеній между русскими городами, или давать пособія какой нибудь компаніи, содержащей ихъ. Но обязанности такой компаніи ни мало не походили бы на огромный кругъ дѣйствій Русскаго Общества. Содержаніе почты между Одессою, Херсономъ, Севастополемъ, Феодосією, Керчью, Бердянскомъ и Ростовомъ не имѣетъ ничего общаго съ рейсами въ Марсель и въ англійскія гавани. Вѣроятно есть также правительственная надобность отправлять чрезъ Одессу моремъ почту въ Константинополь; если торговыя сношенія между Одессою и Константинополемъ недостаточны для поддержанія правильныхъ рейсовъ по этой линіи, правительственное пособіе тутъ было бы также слѣдствіемъ надобности. Мы не можемъ въ точности опредѣлить, сколько и какихъ пароходовъ понадобилось бы для полного удовлетворенія обѣимъ этимъ надобностямъ; можетъ быть мы сдѣлаемъ слишкомъ скудную оцѣнку, положивъ, что одинъ пароходъ въ 100 силъ могъ бы вполне удовлетворить всей дѣйствительной надобности почтовыхъ сообщеній между Одессою, Таганрогомъ и городами, лежащими вдоль этой линіи; что точно также одного такого же парохода было бы достаточно на линію между Одессою и Константинополемъ. Но если кому покажется мало по одному пароходу на каждую изъ этихъ линій, положимъ по два парохода. Этого числа уже за глаза было бы достаточно. Итакъ, содержаніе четырехъ небольшихъ пароходовъ или пособіе на ихъ содержаніе, — вотъ наибольшій предѣлъ пожертвованій, какихъ можетъ требовать правительственная надобность почтовыхъ сношеній между Константинополемъ и Одессою, между Одессою и Таганрогомъ. Если на этихъ линіяхъ Русское Общество Пароходства и Торговли содержитъ

большее число пароходовъ или содержать пароходы большого количества силъ, чѣмъ какое нужно для почтовыхъ сообщеній, весь излишекъ расходовъ не основывается уже на правительственной надобности. А содержаніе пароходовъ для рейсовъ по Средиземному морю и Атлантическому океану рѣшительно уже не имѣетъ никакого соотношенія съ почтовыми надобностями русскаго правительства.

Зачѣмъ же Русское Общество Пароходства и Торговли содержитъ эти лишніе пароходы для рейсовъ по Черному морю? Зачѣмъ оно получаетъ правительственное пособіе за лишніе рейсы этихъ лишнѣхъ пароходовъ? Зачѣмъ оно беретъ пособія для рейсовъ по Средиземному морю и въ Англію? Зачѣмъ это дѣлаетъ оно — мы не знаемъ, и можемъ знать только то, что оно во всѣхъ этихъ случаяхъ беретъ съ правительства деньги совершенно даромъ.

Мы не знаемъ, какого количества денегъ было бы достаточно на пособіе какой нибудь частной компаніи, производящей только дѣйствительно нужное для правительства число рейсовъ по линіямъ изъ Одессы въ Таганрогъ и Константинополь; положительно можно сказать только одно, что вся нужная на то сумма была бы ничтожна по сравненію съ громаднымъ количествомъ казенныхъ денегъ, поглощаемыхъ теперь Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли. Изъ 1,144,573 р. 94 к., взятыхъ этимъ Обществомъ съ правительства въ 1858 г., какое число тысячъ рублей или десятковъ тысячъ рублей слѣдуетъ считать взятыми за исполненіе дѣла, нужнаго правительству, мы не умѣемъ сказать въ точности, — можетъ быть десять тысячъ рублей, можетъ быть двадцать тысячъ рублей, — положимъ, хоть нятдесять тысячъ рублей; но ужъ никакъ не двѣсти тысячъ, даже не сто тысячъ, — даже ста тысячъ было бы слишкомъ много на дѣйствительно нужное пособіе четыремъ маленькимъ пароходамъ. Кладите какую хотите высокую норму этой дѣйствительно нужной для правительства части расхода, все-таки она будетъ ничтожной долей въ огромной массѣ денегъ, поглощаемыхъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли изъ государственныхъ доходовъ.

Вотъ только объ этомъ мы и говоримъ теперь; какъ управлять своими дѣлами Русское Общество Пароходства и Торговли, мы здѣсь не разбираемъ. Мы хотимъ предполагать здѣсь полную справедливость въ увѣреніяхъ г. Новосельскаго, что оно управляетъ своими дѣлами превосходно. Мы только спрашиваемъ: какую причину можетъ оправдать самое существованіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли, берущаго такую массу денегъ у русской націи?

Мы видимъ, что существованіе такого общества не основывается на почтовыхъ надобностяхъ правительства. Самъ г. Новосельскій потрудился объяснить намъ, что съ коммерческой стороны существованіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли не вызывалось надобностями отпусканія торговли южнаго берега и не соответствовало ни качеству, ни количеству продуктовъ, ни какимъ другимъ условіямъ коммерческаго предпріятія. Мы спрашиваемъ, зачѣмъ же возникло, зачѣмъ существуетъ оно? Чѣмъ существуетъ оно, это мы знаемъ. Самъ г. Новосельскій объясняетъ намъ (на стр. 9 своего «Отвѣта»), что расходы Общества на содержаніе пароходовъ, ихъ погашеніе, страхованіе и, частью, на учрежденіе и содержаніе ремонтныхъ заведеній, то есть значительнѣйшая половина всѣхъ расходовъ Общества покрывается правительственнымъ пособіемъ. Дѣйствительно на страницѣ 108 его «Отвѣта» мы видимъ, что все количество расходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ 1858 г. простиралось до 1,670,182 руб.

81 к.; а на стр. 9 мы видимъ, что правительственное пособіе въ этомъ году составляло 1.144.573 р. 94 к., то есть правительственнымъ пособіемъ покрывались болѣе чѣмъ двѣ трети всѣхъ расходовъ Общества.

Прежняя полемика о дѣлахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли относилась къ управленію дѣлами Общества, имѣла въ виду охраненіе выгодъ его акціонеровъ, — намъ до этого никакого нѣтъ дѣла. Русское Общество Пароходства и Торговли устроилось на такихъ основаніяхъ, что вопросъ о выгодахъ его акціонеровъ ничтоженъ передъ вопросомъ объ огромныхъ пожертвованіяхъ русской націи. Пусть акціонеры стануть получать хотя по 20 процентовъ дивиденда, русскому государству не станетъ отъ этого легче. Мы хотимъ знать, какими выгодами не для своихъ акціонеровъ, а для русской націи вознаграждаетъ или можетъ когда нибудь вознаградить это Общество русскую націю за милліоны, ею брошенные и бросаемые на него? Г. Новосельскій потрудился представить въ своемъ «Отвѣтѣ» матеріалы для разрѣшенія нашего вопроса.

«Исходный пунктъ дѣйствій Русскаго Общества есть Одесса, стоящая въ сторонѣ отъ европейскаго движенія на востокъ и отдѣленная разстояніемъ и дурными дорогами (весною, осенью и зимою) отъ всей остальной Россіи. Такъ же удивительно отъ внутреннихъ областей стоять при морѣ всѣ прочіе южно-русскіе города. Поэтому притокъ къ нимъ товаровъ и пассажировъ сравнительно весьма слабъ, собственное же населеніе Южной Россіи незначительно. Пассажирское передвиженіе между южно-русскими портами затрудняется общими для всей Россіи причинами, между прочимъ: стѣснительностью паспортной системы и отсутствіемъ всякихъ удобствъ для остановокъ и жизни въ городахъ. Оно, правда, усиливается постепенно, вслѣдствіе частаго и срочнаго плаванія пароходовъ и весьма умѣренной платы за провозъ; но развитіе его еще слишкомъ далеко отъ того дѣятельнаго движенія, которое мы видимъ, напримѣръ, по берегамъ Италіи, на линіи отъ Марселя въ Египетъ, изъ Триеста въ Турцію и на другихъ подобныхъ линіяхъ иностранныхъ компаній. Торговля Южной Россіи, какъ уже было замѣчено, заключается преимущественно въ отпускѣ сырыхъ продуктовъ, не выносящихъ высокаго фрахта, особенно же хлѣба, спросъ на который за границу, со времени войны, значительно уменьшился. Наконецъ, по причинѣ мелководія и беззащитности южно-русскихъ рейдовъ, пароходы вынуждены останавливаться большей частью въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ, вслѣдствіе чего удорожается нагрузка, слѣдовательно возвышается и фрахтъ. Messageries Impériales и Австрійскій Ллойдъ, напротивъ, имѣютъ исходными пунктами своихъ дѣйствій: первая — Марсель, а второй — Триестъ. Тотъ и другой изъ этихъ городовъ соединены желѣзными дорогами и шоссе съ важнѣйшими мѣстностями своихъ государствъ и съ общей сѣтью европейскихъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому Триестъ и Марсель стягиваютъ къ себѣ грузы и пассажировъ, не только изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ они находятся, но также изъ всѣхъ не приморскихъ странъ, соединенныхъ съ ними сѣтью желѣзныхъ дорогъ, каналами, судоходными рѣками и шоссе. Къ этимъ двумъ портамъ направляются съ сухого пути товары и пассажиры всей западной и средней Европы, слѣдующіе къ портамъ Средиземнаго моря и вообще на востокъ: въ Египетъ, Сирію, Грецію и черезъ Тривизондъ въ Персію; а съ моря къ нимъ же направляются пассажиры и товары изъ восточныхъ странъ въ западную и среднюю Европу. Такимъ образомъ, компаніи Messageries и Австрійскій Ллойдъ — даже независимо отъ давности

ихъ существованія—имѣютъ уже то огромное преимущество передъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли, что исходные пункты ихъ дѣятельности суть вмѣстѣ и средоточія отпускнуой и привозной торговли съ востокомъ всей средней и западной Европы .

Что сказать послѣ этого? дѣло ясно. Мы уже знали отъ г. Новосельскаго, что Русское Общество Пароходства и Торговли было основано въ обстоятельствахъ, въ которыхъ не было никакой коммерческой возможности основываться подобному предпріятію, то есть не было ему никакой перспективы, кромѣ какъ содержаться на счетъ націи. Мы теперь не имѣемъ нужды разыскивать, до какой степени измѣнились эти убыточные обстоятельства съ той поры, и если еще они не измѣнились, то скоро ли они могутъ замѣниться болѣе выгодными. Самъ г. Новосельскій потрудился теперь доказать намъ, что даже и тогда, когда будетъ сдѣлано все зависящее отъ человѣческихъ силъ для наилучше-возможной обстановки, сама природа, само географическое положеніе будетъ удерживать наше Пароходное Общество южнаго берега въ условіяхъ дѣятельности на Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ, чрезмѣрно невыгодныхъ по сравненію съ пароходными обществами Триеста и Марселя. До той поры, пока не измѣнится весь балансъ всемірной торговли, до той поры, пока индійская и китайская торговля не проложитъ себѣ новыхъ путей въ Европу, пока англійская и нѣмецкая торговля не проложитъ себѣ новыхъ путей въ центральную Азію и Китай, пароходы Одессы и южнаго берега Россіи не могутъ выдерживать на Средиземномъ морѣ, а тѣмъ болѣе на Атлантическомъ океанѣ соперничества съ пароходами приморскихъ городовъ западной Европы, имѣющихъ болѣе выгодное положеніе по отношенію къ нынѣшнимъ торговымъ путямъ. Торговля тѣхъ городовъ — торговля цѣлой Европы, — это говоритъ намъ самъ г. Новосельскій; торговля Одессы — не больше какъ торговля Одессы и прилежащихъ къ ней русскихъ губерній,—это опять говоритъ намъ самъ г. Новосельскій. Заключение очевидно: борьба слишкомъ неравна, соперничество невозможно.

То есть, какъ же невозможно? Очень возможно; мы видимъ, что возможно. Мы знать ничего не хотимъ; хотимъ, чтобы Одесса дѣлала то, чего не можетъ дѣлать,—и, какъ видимъ, она дѣлаетъ: пароходы Одесскаго порта плаваютъ себѣ куда только имъ вздумается,—плаваютъ себѣ въ Марсель, въ Англію, и акціонеры ихъ получаютъ дивидендъ. Почему бы имъ не плавать также въ Рио-Жанейро и въ Кайтонъ? Акціонеры ихъ тоже получали бы дивидендъ при системѣ, по которой, какъ говоритъ самъ г. Новосельскій, покрываются правительственнымъ пособіемъ расходы на содержаніе пароходовъ, ихъ погашеніе, и проч. и проч. Нѣтъ, мы не отвязаемся отъ вопроса: зачѣмъ же они плаваютъ туда, куда имъ не нужно плавать? И зачѣмъ они существуютъ, когда существуютъ только въ убытокъ русской націи?

А какъ же не существовать у насъ пароходному Обществу, получающему правительственное пособіе, когда существуютъ такія общества въ Англій, во Франціи, въ Австріи? Англія намъ не примѣръ; у ней есть необходимость содержать правильными почтовыми сообщеніями съ колоніями за океаномъ и съ Соединенными Штатами. Съ Канадою и Соединенными Штатами Англія ведетъ торговый оборотъ, превышающій всю торговлю веѣхъ русскихъ портовъ со веѣми странами земного шара. Австрія тоже намъ не примѣръ. Мы видимъ, какихъ результатовъ достигаетъ ея финансовая система, и не дай Богъ не только намъ, русскимъ, но и никому на свѣтѣ

ставить себя за образец Австрію. Остается Франція; но вѣдь у Франціи есть Алжирія; она служить оправданіемъ такихъ пожертвованій на почтовые пароходныя сообщенія, которыя не имѣли бы основаній у насъ. Впрочемъ дѣйствительною надобностью въ почтовыхъ сообщеніяхъ съ Алжирією и съ иностранными берегами, важными для Франціи, далеко еще не объясняется громадность пособій, выдаваемыхъ французскимъ правительствомъ Обществу французскаго почтоваго пароходства. Главная причина тутъ другая: Франція хочетъ имѣть военный флотъ сильнѣе англійскаго; она хочетъ имѣть большое число транспортныхъ пароходовъ для пособія своимъ военнымъ кораблямъ въ случаѣ войны съ Англією. Намъ нѣтъ ни какой надобности искать войны ни съ Англією, ни съ Францією. Нашъ военный флотъ не имѣетъ ни надобностей, ни притязаній равняться многочисленностью ни англійскому, ни французскому. Зачѣмъ же намъ тратить деньги на то, на что бросаетъ ихъ Франція по національному тщеславію? Тщеславіе не ведетъ ни къ чему хорошему; не ведетъ оно и Францію ни къ чему, кромѣ убытковъ. Но Франція вдвое или втрое богаче насъ. Она можетъ бросать милліоны, а намъ бросать ихъ не приходится: мы не такъ богаты.

Зачѣмъ же существуетъ Русское Общество Пароходства и Торговли? Для пестощенія средствъ нашихъ, которыя не такъ изобильны, чтобы не нужна была намъ строгая экономія.

Мы обращаемся къ г. Новосельскому съ однимъ вопросомъ: сколько всѣхъ денегъ взяло до сихъ поръ Русское Общество Пароходства и Торговли у правительства, въ видѣ взноса за акціи и въ видѣ пособій разнаго наименованія? Какъ бы ни думали мы объ административныхъ способностяхъ г. Новосельскаго, мы считаемъ его человѣкомъ честнымъ, — и обращаемся къ нему съ этимъ вопросомъ, какъ къ человѣку честному. Пусть онъ сочтетъ, сколько миліоновъ поглощено изъ государственныхъ доходовъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли: пять миліоновъ, шесть миліоновъ или больше? Не довольно ли уже брошено на него денегъ? Нужно ли еще и дальше тратить намъ на него каждый годъ болѣе миліона?

Основаніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли было ошибкою очень убыточною для націи; чѣмъ долѣе будемъ мы упорствовать въ этой ошибкѣ, теперь уже до очевидности раскрытой словами самого г. Новосельскаго, тѣмъ больше мы только будемъ напрасно изнурять себя; чѣмъ скорѣе мы исправимъ ее, тѣмъ лучше. Изъ показаній самого г. Новосельскаго мы видимъ, что способъ къ ея исправленію одинъ: закрытіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Самъ г. Новосельскій объясняетъ намъ, что обстоятельства, въ которыхъ возникло оно, были чрезвычайно невыгодны («если все это, говоритъ онъ, — перечисливъ условія, при которыхъ основано было Общество, составляетъ наивыгоднѣйшія для возникающаго предпріятія обстоятельства, то желательно было бы знать, что можетъ быть названо наивыгоднѣйшими обстоятельствами?» «Отвѣтъ», стр. 4). Важнѣйшія изъ этихъ, по его собственному выраженію, наивыгоднѣйшихъ обстоятельствъ, таковы, что не отвращены до сихъ поръ и очень долго еще не будутъ отвращены, или даже таковы, что никакъ не будутъ отвращены до совершеннаго измѣненія путей всемірной торговли. При такомъ положеніи дѣлъ, обнаруживающемся изъ самыхъ словъ г. Новосельскаго, продолжать предпріятіе, не ведущее ни къ чему, кромѣ громадныхъ убытковъ націи, было бы совершенно излишнимъ истощеніемъ нашихъ средствъ, размѣръ которыхъ не допускаетъ мотовства.

Итакъ, мы приглашаемъ Русское Общество Пароходства и Торговли приступить къ развязкѣ, возлагаемой на него обязанностью патриотизма, — приступить къ ликвидаціи своихъ дѣлъ: пусть оно продастъ казнѣ или какому нибудь частному обществу тѣ немногіе изъ своихъ пароходовъ, которые дѣйствительно нужны на содержаніе почтовыхъ сообщеній по южному русскому берегу и между Одессою и Константинополемъ, по единственнымъ линіямъ, содержаніе которыхъ можетъ считаться ненапраснымъ; пусть оно продастъ остальные свои пароходы кому хочетъ; пусть оно продастъ въ частныя руки или казнѣ свои механическія и другія заведенія; пусть оно прекратитъ свои дѣла. Если оно исполнитъ это, можно будетъ сказать: основатели и распорядители Русскаго Общества Пароходства и Торговли поступили какъ люди благородные; увидѣвъ, что ихъ предпріятіе ошибочно, что ихъ выгоды находятся въ противорѣчіи съ выгодами націи, они избавили націю отъ колоссальныхъ убытковъ.

Торговля южнаго берега не пострадаетъ отъ уничтоженія предпріятія, которое не нужно для нея. Оживленіе торговли производится не такими способами, какими думало помочь ей Русское Общество Пароходства и Торговли. Торговля оживляется не тѣмъ, чтобы брать у націи деньги, — этимъ, напротивъ, уменьшаются средства націи для веденія торговли, то есть убивается торговля. Для оживленія торговли южнаго русскаго берега нужны совершенно другія вещи, изъ которыхъ многія вычислены самимъ г. Новосельскимъ. Для этого прежде всего нужно устройство внутреннихъ путей сообщенія, проложеніе хорошихъ дорогъ отъ мѣсть, производящихъ хлѣбъ, къ черноморскимъ гаванямъ. Нужно, кромѣ того, возстановленіе кредита, который возстановляется бережливостію въ національныхъ расходахъ. Бережливость въ государственныхъ расходахъ будетъ очень сильнымъ средствомъ къ поднятію благосостоянія жителей государства, въ томъ числѣ и провинцій, прилежащихъ къ южному берегу; а возвышеніе благосостоянія этихъ провинцій послужитъ главнымъ источникомъ расширенія всякихъ торговыхъ ихъ оборотовъ, въ томъ числѣ и отпускной торговли пристаней южнаго берега.

Нечего опасаться, чтобы оказался недостатокъ въ торговыхъ судахъ для этой торговли, парусныхъ или пароходныхъ, какихъ она будетъ требовать. И безъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли потребность эта будетъ удовлетворяться: самъ г. Новосельскій говоритъ, что у Русскаго Общества Пароходства и Торговли очень много соперничающихъ компаній; онѣ будутъ рады дать своимъ торговымъ флотамъ все развитіе, какого потребуетъ торговля южнаго русскаго берега; готовности служить ей у нихъ и у частныхъ судовладельцевъ никакъ не меньше, чѣмъ у Русскаго Общества Пароходства и Торговли, и разница лишь та, что свои услуги онѣ оказываютъ и будутъ оказывать безъ малѣйшихъ убытковъ для русской казны, а Русское Общество Пароходства и Торговли требуетъ отъ нея громадныхъ пожертвованій. Очевидно даже, что торговля южнаго берега станетъ, по закрытіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли, не только развиваться быстрѣе сама, но и будетъ находить гораздо лучшее и полнѣйшее удовлетвореніе своимъ надобностямъ въ какихъ бы то ни было, парусныхъ или пароходныхъ, судахъ для отправления своихъ товаровъ за море, чѣмъ при существованіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Громадныя пособія, получаемыя этимъ Обществомъ, прямо служатъ стѣсненіемъ для другихъ компаній и частныхъ судовладельцевъ, которые желали бы предлагать свои пароходы къ услугамъ негоціантовъ нашихъ южныхъ

пристаней. Закрытие Русскаго Общества Пароходства и Торговли необходимо для того, чтобы торговля южнаго берега увидѣла себя въ естественныхъ, не стѣсненныхъ условіяхъ для отправленія своихъ товаровъ въ гавани Франціи и Англіи.

Необходимость закрытія Русскаго Общества Пароходства и Торговли для избавленія русской націи отъ напрасныхъ громадныхъ убытковъ и для блага самой торговли южнаго русскаго берега, — вотъ заключеніе, къ которому приводятъ насъ объясненія, высказанныя самимъ директоромъ-распорядителемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, г. Новосельскимъ, въ его «Отвѣтъ».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно дополненное. Москва. 1861.

Стихи г. Плещеева стали впервые появляться въ печати лѣтъ пятнадцать или шестнадцать тому назадъ. Какъ извѣстно, тогда вдругъ, ни съ того, ни съ сего, редакторы большихъ и толстыхъ журналовъ вообразили, что всякая строчка, съ кадансомъ и рѣмой въ концѣ, должна компрометировать ихъ серьезность, — и стихамъ, каковы бы они ни были, совершенно былъ загражденъ входъ въ важныя ежемѣсячныя изданія. Начиначимымъ поэтамъ приходилось печатать свои опыты въ жалкихъ газетахъ, въ родѣ «Литературной» или «Иллюстраціи». Конечно, послѣ того, какъ смолкли голоса Лермонтова и Кольцова, трудно было находить отраду въ виршахъ Грекова, Красова, Вернета и тому подобныхъ стихотворцевъ. Впрочемъ — виноваты — это были ужъ не начинающіе поэты; для нихъ былъ пріютъ въ находившейся при послѣднемъ издыханіи (которое, продолжится — увы! и до днесь) «Библиотекѣ для чтенія». Для поэтовъ лучше поименованныхъ открыты были, пожалуй, еще страницы «Москвитянина»; но здѣсь не особенно лестно было затеяться въ сосѣдство съ гг. Михайломъ Дмитріевымъ, Ѳеодоромъ Глинкой, а иногда и съ посмертными твореніями какого нибудь древняго Шатрова. Какъ бы то ни было, но въ послѣднемъ журналѣ былъ единственный пріютъ для даровитыхъ молодыхъ поэтовъ, за которыми признавались достоинства и тѣми журналами, которые отказывались печатать ихъ стихи. Фета, Полонскаго только и можно было встрѣтить, что въ «Москвитянинѣ». Г. Майковъ, которому, при его первомъ появленіи, пророчили, что онъ чуть ли не будетъ замѣной Пушкина, совсѣмъ пріунылъ на это время и смолкъ. Сколько помнимъ, ни объ одной книжкѣ стихотвореній, напечатанныхъ отдѣльно, важные петербургскіе журналы не отзывались иначе, какъ тономъ пренебреженія, временемъ смѣшаннаго даже съ полнымъ презрѣніемъ. Иногда въ темномъ закоулкѣ смѣси можно было встрѣтить два, три стихотворенія, съ очень извѣстными именами, какъ напримѣръ даже гг. Тургенева, Огарева... Но это была уступка, или, какъ любить выражаться столь ослѣпительно ученый и столь помрачительно скучный г. Безобразовъ, компромисса, которая, пожалуй, и могла дѣлаться для людей съ нѣкоторой репутаціей, но которая была не мыслима для поэтовъ начинающихъ.

Начиначимые смотрятъ обыкновенно на свои первыя стихотворенія, какъ на нѣчто очень важное, возлагаютъ на нихъ всѣ свои надежды, видятъ въ нихъ чуть

не мировое значеніе, и конечно почли бы жесточайшей обидой — явиться со своими завѣтными думами, грезами и пѣснями въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій, внутреннихъ и иностранныхъ обозрѣній и тому подобнаго, скоро гибнущаго журнальнаго баласта. Они обыкновенно, не смотря на великія надежды свои не обольщаютъ себя ожиданіемъ, что и съ такимъ баластомъ можно выплыть на поверхность. — И дѣйствительно! Какъ поразобратъ хорошенько — обидно. Ну, неужто моп поэтическія изліянія, слезы и пѣснопѣнія не стоятъ того, чтобы мнѣ удѣлить всего-то одну жалкую страничку въ книжкѣ журнала, когда въ немъ находятъ чуть не сотню страницъ краснорѣчивыя извѣстія о блистательныхъ дебютахъ какого нибудь итальянскаго пѣвца Мордини въ Миланѣ, или о томъ, что гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Болоньи найденъ глиняный горшокъ, повидимому очень древній и съ древней новидимому надписью, которая такъ стерлась, что и разобрать ничего нельзя, да и самый древній горшокъ похожъ больше на новый, или наконецъ о томъ, что въ германскомъ городѣ Швейнфуртѣ, колбасники или сапожники устроили великолѣпное празднество въ средневѣковомъ вкусѣ, ходили по улицамъ со знаменами, въ видѣ амуровъ съ крылышками, зажигали плашки и факелы, произносили рѣчи съ демосеновскимъ паѳосомъ и распѣвали разные гимны и пѣсни. Иной разъ и такой гимнъ, или такая пѣсня представлялись въ извѣстіи съ подерочнымъ переводомъ, для утѣшенія читателей, интересующихся успѣхами поэзіи. Ну, какъ же не обидно! Гимны швейнфуртскихъ сапожниковъ предпочитаютъ стихотвореніямъ Майкова, Фета, Полонскаго. Какъ не обидно! Чѣмъ же руководились въ этомъ случаѣ издатели — загадка, разрѣшеніе которой ставятъ совершенно втупикъ наши умственные способности. Разумѣется, мелодіи г. Фета, воспѣвающія тихія звѣздныя ночи съ трепетнымъ свѣтомъ луны, или утра, полныя стыда и огня, «какъ сонъ новобрачной» или «бурю на небѣ вечернемъ, моря сердитаго шумъ; бурю на морѣ и думы, много мучительныхъ думъ; бурю на морѣ и думы, хоръ возрастающихъ думъ; черную тучу за тучей, моря сердитаго шумъ», — конечно эти мелодіи не представляли никакихъ указаній, никакихъ практическихъ примѣненій въ сферѣ интересовъ русскаго общества. Ну, а пѣвецъ Мордини представлялъ? Конечно александрійскіе стихи г. Майкова о томъ, какъ —

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
 Дились млеко и медь съ божественныхъ холмовъ
 Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной,

или о томъ, какъ ложится тѣнь прозрачными клубами, —

На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
 На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,

или гексаметры о томъ, какъ онъ (г. Майковъ) срѣзалъ себѣ тростникъ у прибрежья шумнаго моря, или — о томъ, какъ онъ разбилъ садъ подъ сѣнью развилыстыхъ бѣковъ и во мракѣ прохладномъ статую воздвигъ тамъ Пріаму, — конечно эти александрійскіе стихи и гексаметры не имѣли практическаго значенія для русской жизни; ну, а этотъ древній глиняной горшокъ, найденный въ окрестностяхъ Болоньи, вѣроятно имѣлъ! Конечно, баллады г. Полонскаго объ индійскомъ факирѣ, или о взятіи Мемфиса, не могли подвинуть насъ ни на шагъ по пути, такъ сказать, прогресса. Но вѣдь и самое слово «прогрессъ» не употреблялось тогда въ печати, даже въ прозаическихъ статьяхъ и разсужденіяхъ такихъ практическихъ ученыхъ,

(нынѣ, увы! забытыхъ), какъ гг. Егуновъ, Небольсинъ и другіе,—это слово, столь прославившее, по случаю появленія своего въ стихахъ, драгоценныя истинно гражданскому русскому сердцу, имена: гг. Бенедиктова, Конрада Лиліеншвагера и Розенгейма, тогда было не на особенно многихъ устахъ. Но, опять-таки, отчего хотъ бы напрімѣръ пьеса Полонскаго «Зимній путь», или его же «Затворница», менѣе для насъ русскихъ интересны, если не полезны, чѣмъ швейнфуртскія поминанія переодѣтыхъ амурами колбасниковъ? Между тѣмъ русская журналистика этого времени, которое мы невольно вспомнили, вовсе не была проникнута, да и не могла по извѣстнымъ болѣе или менѣе всѣмъ обстоятельствамъ, проникнуться особенно положительнымъ, практическимъ, немедленно примѣнимымъ характеромъ. Напротивъ, она ударялась съ замѣтнымъ пристрастіемъ въ туманныя области эстетическихъ мудрованій, широко и пространно толковала и о такихъ далекихъ предметахъ, какъ греки и римляне, и насущные вопросы изъ русской жизни сводились болѣе или менѣе на какую-нибудь написанную цифрными знаками диссертацію о колебаніяхъ цѣны на хлѣбъ, или на такъ называемую современную хронику Россіи, представляющую, для сотрудниковъ журнала, пріятный и полезный трудъ списыванія сенатскихъ и другихъ вѣдомостей. Само собой разумѣется, теперь стихи никакъ не могутъ, какъ тогда, быть изгнаны изъ журналовъ. Прогрессъ, о которомъ мы такъ гордо восклицаемъ, въ настоящее время очень пріятно звучитъ и въ нихъ то въ серединѣ, то въ концѣ строчки, то въ началѣ, то въ заключеніи пьесы. Но тогда! удивительно, странно, непостижимо! Повторяемъ, поэты, успѣвшіе пріобрѣсть себѣ нѣкоторую извѣстность, поэты, о которыхъ говорилъ съ сочувствіемъ и похвалою Бѣлинскій, могли выдержать это гоненіе, притаяться на время совѣмъ, или играть въ прятки въ «Москвитянинѣ»; но каково же было бѣднымъ начинающимъ! Имъ оставалась, въ качествѣ пристанища, одна «Иллюстрація», печатавшая безъ разбору все, что только попадалось къ ней въ руки: стихи, или проза, дичь, или дѣйствительно что нибудь порядочное (последнее очень рѣдко). Время было унылое для всѣхъ этихъ юношей, у которыхъ, говоря поэтическимъ слогомъ, пламенѣютъ на устахъ страстные поцалуй музыки. Жертвою этого времени, пали многіе пріятные пѣвцы, въ родѣ гг. Вердеревскаго, фонъ-Лизандера и другихъ. Сердце обливается у насъ кровью, когда мы подумаемъ, какая судьба ждала бы гг. Платона Кускова, Случевскаго, Захарію Тура и всю эту плеяду, сіяющую такимъ яркимъ свѣтомъ на небѣ новѣйшаго періода русской поэзіи, если бы они имѣли несчастье явиться въ то время. Не одобровать бы имъ тогда. Едва ли загорѣлся бы тогда такимъ чуднымъ метеоромъ и г. Розенгеймъ. Вѣдь онъ не писалъ бы тогда звучными ямбами, дактилями и амфибрахиями—объ общественныхъ вопросахъ, о старообрядствѣ, объ управленіи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и проч., а воспѣвалъ бы, въ невинности души своей, луну и дѣву, въ родѣ той, о которой говорится въ его стихахъ (очень чувствительно), какъ у ней билась —

«Подъ капотикомъ груди волна».

Въ это-то время появилась небольшая книжна стихотвореній г. Плещеева.

Ее постигла та же участь; съ такимъ же пренебреженіемъ отозвались объ ней лучшіе журналы. Зачѣмъ г. Плещеевъ говоритъ въ ней о любви къ человечеству, о его страданіяхъ и будущихъ идеалахъ, о свѣтлыхъ надеждахъ? Зачѣмъ

переводить стихи Гейне? Это почему-то не поправилось серьезным рецензентам, и они говорили о г. Плещеевъ чуть ли не съ такой же строгой важностью, как о чловѣкѣ, принесемъ рѣшительный вредъ литературѣ. Дико вспомнить теперь объ этомъ. Неужто благородныя чувства, благородныя мысли, которыми вѣяло отъ каждой страницы небольшой книжки г. Плещеева, были такимъ ежедневнымъ явленіемъ въ тогдашней русекой поэзи, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отвернуться отъ нихъ? Да и когда же бываетъ это можно и позволительно? Если у г. Плещеева не было той поэтической силы, которая невольно покоряетъ себѣ чужую мысль и чувства, то нельзя же было видѣть въ стихахъ его фразы, справедливости которыхъ не вѣрить онъ самъ. Что все въ этихъ стихотвореніяхъ было вполне искренно и сказалось отъ души, — едва ли кто нибудь могъ усомниться въ этомъ и тогда. Или не понравилось юношеское увлеченіе поэта, неопредѣленность его стремленій и надеждъ? Но была ли возможность выражать эти надежды, эти стремленія точно и опредѣленно, — объ этомъ никто не хотѣлъ вспомнить. Кажется, особенной точности и ясности въ выраженіи желаній не было въ то время и нигдѣ въ литературѣ. Разумѣется, говорить прямо, высказывать все ясно — не только проще, но и полезнѣе; но дѣйствительно ли все мы такъ высоко и безукоризненно развиты, что намъ не нужно слышать искренняго голоса, заступающагося, хотя бы и въ общихъ чертахъ, за лучшую сторону нашей природы, до сихъ поръ мало торжествовавшую. «Земля изсушена и уныла», говорится въ эпиграфѣ къ первому стихотворенію первой книжки г. Плещеева: «но она вновь позеленѣетъ. Дыханіе зла не вѣчно будетъ проходить по ней, какъ духъ пополяющій». Конечно, и мысль, и выраженіе этихъ словъ слишкомъ общи, и написать на эту тему нѣсколько стихотвореній — не значить сказать что нибудь новое; но все ли успѣло не только тогда, но и теперь такъ устарѣть для нашего общества, и не нужно ли, и не будетъ ли долго нужно повторять и толковать простѣйшія и неоспоримѣйшія истины и доказывать, что бѣлое бѣло, а не черно, а черное черно, а не бѣло. Есть много самыхъ обыкновенныхъ понятій, врожденныхъ чловѣку чувствъ, о которыхъ тѣмъ не менѣе надо безпрестанно напоминать, чтобы они не забывались. Это и вездѣ нужно, не говоря уже о нашемъ не сформировавшемся обществѣ. Поэты, съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе г. Плещеева, всегда будутъ полезными для общественнаго воспитанія, и найдутъ путь къ молодымъ сердцаамъ. Трудно употребить лучше его въ дѣло тѣхъ поэтическія способности, которыми онъ обладаетъ.

Мы очень рады, что въ послѣднемъ изданіи стихотвореній г. Плещеева встрѣтились съ лучшими пьесами изъ его первой книжки, которыхъ онъ не помѣстилъ въ предпослѣднемъ изданіи, вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ неблагоприятныхъ отзывовъ, какими привѣтствовали ее при первомъ появленіи тогдашніе журналы. Мы жалѣемъ только, что онъ не дополнилъ ихъ нѣкоторыми стихами, которые, сколько намъ помнится, были уже разъ въ печати.

Съ особеннымъ удовольствіемъ перечитали мы прекрасный гимнъ, извѣстный намъ наизусть, — гимнъ, который всегда останется прекрасной памятью скромной, но благородной литературной дѣятельности г. Плещеева:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья.
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужь въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки,
И вмѣстѣ двинемся впередъ.
И пусть, подъ знаменемъ науки,
Союзъ нашъ крѣпнеть и ростеть.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гошенье —
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздой путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голось благодной
Не даромъ въ мірѣ прозвучить!

Внемлите-жь, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ;
Впередъ, впередъ и безъ возврата,—
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Сколько помнимъ, прежніе рецензенты г. Плещева были особенно недовольны стихотвореніемъ или отрывкомъ пзъ поэмы «Сонъ», къ которому были взяты эпиграфомъ слова Ламене, приведенныя нами выше. Въ этомъ отрывкѣ, вѣроятно отъ лица героя, который напоминаетъ лермонтовскаго «Пророка», — рассказывается, какъ онъ, усталый и истерзанный тоской, прилегъ отдохнуть подъ дерево, и ему предстала въ видѣніи богиня, избравшая его пророкомъ. И вотъ что улыхалъ онъ отъ нея:

Страданьемъ и тоской твоя томится грудь,
А предъ тобой лежатъ еще далекій путь.

Скажу-ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждеть?
Подыметъ на тебя каменя твой народъ,

За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты!

За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ,

Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ—отцовъ его закопь!

Но не страшися ихъ! и знай, что я съ тобой,
И камни пролетятъ надъ гордой головой.

Въ цѣпяхъ ли будешь ты—не унывай, и вѣрь,
Я отопру сама темницы смрадной двери.

И снова ты пойдешь, избранный мной Левить,
И въ мірѣ голосъ твой не даромъ прозвучить.

Зерно любви въ сердца глубоко западетъ;
Придетъ пора и дастъ оно роскошный плодъ.

И человѣку той поры не долго ждать,
Не долго будетъ онъ томиться и страдать.

Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за туч!

Иди же, вѣры полнѣ... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь отъ муки и скорбей.

Стихотвореніе заключается слѣдующими стихами пророка:

«Мой падшій духъ возсталъ, и утѣсеннымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь».

Мотивъ этой пьесы, точно такъ же, какъ и мотивъ стихотворенія «Впередъ», проходитъ болѣе или менѣе внятно по всѣмъ собственно оригинальнымъ стихотвореніямъ г. Плещеева, которыя впрочемъ составляютъ не болѣе одной трети изданнаго имъ теперь собранія. Паѳосъ, которымъ одушевленъ выписанный нами юношескій гимнъ, болѣею частію переходитъ въ элегическое настроеніе. Г. Плещеевъ съ сочувственною грустью останавливается передъ темными явленіями жизни, и, чувствуя прочность зла и свое безсиліе бороться съ нимъ, часто молитъ Бога объ одномъ—чтобы жаръ его сердца «не засыпало пепломъ мертвящее сомнѣніе». Глубокая искренность этихъ теплыхъ словъ, любовь къ истинѣ и къ благу ближнихъ, вызывавшія эти элегическіе стихи, не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію теперь, когда г. Плещеевъ, послѣ длиннаго, чуть не десятилѣтняго перерыва своей дѣятельности, явился въ литературѣ съ тѣмъ же настроеніемъ, съ какимъ мы видѣли его на первыхъ порахъ его поэтической дѣятельности. Тѣ же стремленія, ту же грусть безсилія, столь понятную въ устахъ людей поколѣнія, къ которому принадлежитъ г. Плещеевъ, увидали мы опять въ его стихахъ:

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоска болѣзненныхъ и бозотрадныхъ думъ,
Когда жь минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта—
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
Морозы равнѣе безжалостно побили—
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій,
На жизненномъ пути разстратилъ много я;
Но средь не ровныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,
Что жь обрѣла въ замѣнъ всѣхъ грезъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себя разувѣренье,
Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разтаться было-бъ жаль,
И хогь не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольню взоръ съ надеждой смотреть въ даль.

Эта надежда слышится подѣ-часъ довольно внятно въ нѣкоторыхъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Плещеева. Справедлива ли такая надежда — Богъ знаетъ. По временамъ онъ облпчаетъ сознаніе, что тѣ слишкомъ обобщенныя мысли и чувства, которыя онъ проводитъ въ своихъ стихахъ, требуютъ при новыхъ условіяхъ времени болѣе опредѣленнаго и прямаго смысла для жизни.

За г. Плещеевымъ осталась одна сила, сила призыва къ честному служенію обществу и ближнимъ. Смыслъ лучшей стороны дѣятельности г. Плещеева яснѣе всего выражается стихотвореніемъ его, напечатаннымъ на 148 стр. новаго изданія; отъ большей части его оригинальныхъ пьесъ вѣтъ на читателя тѣмъ добрымъ чувствомъ, тѣмъ здравымъ пониманіемъ обязанностей и цѣли жизни, которыя высказаны въ этихъ стихахъ:

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими-же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный;
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной,
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеаль.
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный...
Ты будешь счастливъ, другъ; инаго счастья нѣтъ!

Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ г. Плещеева, въ которыхъ онъ обращается къ реализму, отъ стремленія и надеждъ, выражаемыхъ въ общихъ чертахъ, пере-

ходить къ изображеніямъ дѣйствительности, съ ея прозаическими и мелкими подробностями,—въ этихъ пьесахъ нѣтъ ни той силы, ни той глубины чувства, которыя мы замѣчаемъ въ его произведеніяхъ. Элегическіе стихи его не перестраиваются на сатирическій ладъ, у него нѣтъ ни негодованія, безъ котораго сатира невозможна, ни того наблюдательнаго взгляда, который умѣетъ подмѣчать смѣшныя и вредныя стороны дѣйствительности, ни того изобразительнаго таланта, который умѣетъ рѣзко и рельефно выставяать такія черты.

Мы уже сказали, что переводы занимають двѣ трети мѣста въ его книгѣ, и одна изъ этихъ третей посвящена переводамъ изъ Гейне. И эти переводы, какъ упомянуто выше, не были, при первомъ появленіи, пощажены критикой. Кажется, и этотъ трудъ былъ причисленъ къ занятіямъ, представляющимъ бесполезную трату времени. Положимъ, г. Плещеевъ передавалъ въ своихъ стихахъ лишь одну сторону нѣмецкаго поэта, именно тѣ его произведенія, которыя не касаются прямо общественныхъ интересовъ, но мы уже видѣли, что талантъ г. Плещеева не представляетъ нѣкоторыхъ сторонъ, существенно необходимыхъ, для передачи социальныхъ стихотвореній Гейне, которыя все почти полны чрезвычайнаго юмора, и въ выраженіи, и въ самыхъ образахъ. Понятно, что г. Плещеевъ брался именно за то, что болѣе всего поддавалось его таланту. Намъ кажется, что и собственныя его стихотворенія, въ юмористическомъ тонѣ, о которыхъ мы упомянули безъ особенной похвалы, вызваны не столько собственно внутреннимъ чувствомъ поэта, сколько общимъ направленіемъ всей современной русской литературы къ реализму.

Самая большая пьеса, переведенная г. Плещеевымъ изъ Гейне, это—«Вильямъ Ратклиффъ», одно изъ первыхъ, почти дѣтскихъ произведеній автора «Книга пѣсень». Сама по себѣ—эта трагедія, или драматическая баллада, какъ называется ее самъ авторъ, не замѣчательна; въ ней мы видимъ Гейне еще чистымъ романтикомъ со всеми романтическими дикостями. Но въ дѣятельности нѣмецкаго поэта, на нее нельзя не обратить вниманіе. На ней замѣтно сильное вліяніе «Разбойниковъ» Шиллера, и уже переходъ къ новой реальной поэзіи чувствуется довольно ясно. Гейне говоритъ, что первый полу-романтическій періодъ его поэзіи завершается этою драмой, что она служитъ, такъ сказать, послѣднимъ словомъ этого періода; «это слово», говоритъ онъ: «сдѣлалось внослѣдствіи лозунгомъ, отъ котораго прояснились черты бѣдника и вытягивались жирныя фізіономіи сыновъ счастья. У очага почтеннаго Тома, идеальнаго разбойника изъ класса partagenx, уже слышится запахъ этого великаго вопроса о сунѣ, за который принялись теперь такое множество дрянныхъ поваровъ, и который со дня на день все болѣе и болѣе перекипаетъ. Счастливецъ поэтъ! онъ видитъ дубовыя роши, таящіяся въ оболочкѣ жолудя; онъ ведетъ разговоръ съ поколѣніями, которыя еще не зарождались въ утробѣ матерей. Эти поколѣнія напештываютъ ему свои тайны, и онъ передаетъ ихъ потомъ громко среди народной площади. Но голосъ его гложетъ въ нуждахъ дни и немногіе слушаютъ его, и никто не понимаетъ. Фридрихъ Шлегель назвалъ историка пророкомъ промеднаго. Едва ли не еще справедливѣе назвать поэта историкомъ будущаго».

Гейне совершенно правъ, говоря это о своей драмѣ, почти въ самомъ концѣ своей дѣятельности, которая дѣйствительно развилась въ свою очередь, какъ дубовая роша изъ жолудя, изъ этой драмы. Но «Вильямъ Ратклиффъ», взятый отдѣльно, безъ связи съ остальными произведеніями поэта, лишается большей части своего интереса, и становится очень понятно, почему онъ обратилъ на себя при первомъ

явленіи, вмѣстѣ съ другою юношескою драмою Гейне «Альманзоромъ», такъ мало вниманія.

Переводъ г. Плещеева вѣренъ и хорошъ, и для русскихъ любителей Гейне будетъ любопытенъ, какъ черта изъ біографіи автора «Путевыхъ картинъ»; онъ можетъ пожалуй быть прочитанъ и какъ образецъ болѣзненного романтизма, охватывавшаго всю нѣмецкую поэзію въ то время, когда выступалъ на литературное поприще Гейне. Но достоинства положительнаго у этой драмы рѣшительно нѣтъ, и—признаемся—мы думаемъ, что у того же Гейне г. Плещеевъ могъ бы взять что либо болѣе интересное для перевода.

Изъ остальныхъ стихотвореній, переведенныхъ изъ этого поэта г. Плещеевымъ, большая часть взята изъ «Buch der Lieder» и «Neue Gedichte». Переводъ этотъ принадлежитъ къ лучшимъ на русскомъ языкѣ переводамъ этихъ прелестныхъ пѣсень. Нѣкоторые изъ нихъ стали вѣдь извѣстны съ перваго явленія въ печать. И дѣйствительно, едва ли можно передать лучше, чѣмъ передалъ г. Плещеевъ стихотвореніе: «Возьми барабанъ и не бойся», «Рѣчная лилія», «Вѣтеръ осенній колышетъ», и др.

Кромѣ Гейне, г. Плещеевъ переводилъ и переводить и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Въ его книжкѣ есть стихотворенія и даровитѣйшаго изъ нѣмецкихъ романтическихъ лириковъ Эйхендорфа и изъ бездарнѣйшаго католическаго романтика Оскара Редвица, отличившагося въ послѣднее время стихотвореніемъ на героическое неаполитанской королевы въ Гастъ, за что и получилъ, какъ писали въ газетахъ, какое-то подаваніе не то отъ баварскаго, не то отъ вѣнскаго двора. Г. Плещеевъ переводилъ и такихъ дѣйствительно замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Фрейлигратъ и Морицъ Гартманъ, и такихъ слабыхъ, хотя извѣстныхъ въ Германіи стихотворцевъ, какъ Робертъ Пруцъ и Карлъ Бекъ. Надо правду сказать, теперь не трудно добиться въ нѣмецкой поэзіи нѣкоторой извѣстности и даже получить авторитетъ. Кажется, никогда еще нѣмецкая литература не была такъ бѣдна поэзіей, какъ въ послѣднее время. Тотъ самый Робертъ Пруцъ, изъ котораго г. Плещеевъ перевелъ нѣсколько пьесъ, издалъ недавно историческій очеркъ изищенной нѣмецкой литературы съ 1848 года. Поэзія за это время представляетъ въ Германіи самое плачевное зрѣлище. Все, что сколько нибудь превышаетъ уровень посредственности, принадлежитъ поэтамъ уже не новаго поколѣнія, поэтамъ не молодымъ и оканчивающимъ свое литературное поприще. Хотя въ книгѣ Пруца и есть цѣлая глава, посвященная, какъ онъ называетъ ихъ, поэтическимъ подросткамъ, но на эти подростки плохая надежда. Единственнымъ исключеніемъ изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ поэтовъ можно назвать Морица Гартмана, и почти все, что перевелъ изъ этого поэта г. Плещеевъ, стоитъ вниманія. Не таковы его переводы изъ Бека, Пруца и Анастасія Грюна. Переводы изъ этихъ поэтовъ занимаютъ, правда, самое незначительное мѣсто въ книжкѣ г. Плещеева, но было бы пріятнѣе, еслибъ и этого мѣста не было имъ удѣлено, и г. Плещеевъ обратилъ свое вниманіе на что нибудь иное, если не въ новой, то въ прежней нѣмецкой литературѣ.

Изъ прежнихъ поэтовъ мы находимъ въ его книжкѣ прекрасный переводъ одного очень хорошаго, хотя и мало извѣстнаго стихотворенія Гете: «Молитва», и нѣсколько романтическую пѣсню Рюкерта: «Странникъ». Г. Плещеевъ самъ немножко романтикъ и вѣроятно потому взялъ у Рюкерта только одну эту пѣсню.

Вообще мы рѣдко можемъ упрекнутьъ г. Плещеева въ томъ, чтобы онъ брался за что либо несродное его таланту.

Фрейлигратъ представляетъ по таланту и по самому роду своихъ произведеній совершенную противоположность г. Плещееву. Это поэтъ образовъ яркихъ и блестящихъ; но у Фрейлиграта есть двѣ-три пьесы въ томъ элегическомъ рефлексивномъ тонѣ, который такъ удастся нашему поэту, и г. Плещеевъ взявъ лучшую изъ этихъ пьесъ и перевелъ, не увлекаясь роскошью другихъ.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой.
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

И сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло,—
Пока его другое любить
И неизмѣнно и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,
О дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье—
Ни одного ни отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ—
Порой языкъ не произнесъ;
О Воже! онъ сказалъ безъ злобы—
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло;
На грудь поникла голова.
Все что любилъ—навѣкъ сокрыла
Густая, влажная трава,

Ты говоришь: «хоть на мгновенье
Взгляни, изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказалъ безъ злобы я!»

Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не сѣшитъ.
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
«Прощаю все» не говоритъ!

Да! ты прощень... но много, много
Твоя язвительная рѣчь—
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

Для чего перевелъ г. Плещеевъ пьесу Анастазія Грюнъ «Старый комедіантъ», понять довольно трудно. Это все равно, какъ если бы Фрейлигратъ вздумалъ переводить съ русскаго *Tendenz Gedichte* г. Розенгейма. Грюнъ ни на волосъ не лучше. Это холодный, изысканный риторъ безъ всякаго поэтическаго чутья; его стихотворенія похожи на рифмованныя журнальныя статейки и фельетоны, и если онъ прославился, то только потому, что принадлежалъ къ австрійскимъ поэтамъ, въ родѣ извѣстнаго Якова Хама, съ такимъ же милымъ и богобоязненнымъ направленіемъ. Написать, что не только на всей землѣ, но даже и въ самой Австріи не наступали еще торжества правды и свободы, какъ это сдѣлалъ Грюнъ, въ своихъ знаменитыхъ «Прогулкахъ Вѣнскаго поэта», было уже страннѣйшимъ героизмомъ, неслыханнымъ либерализмомъ, котораго тѣмъ-паче нельзя было ожидать отъ титулованнаго потомка древней имперской фамиліи: Грюнъ, какъ извѣстно, только псевдонимъ, а настоящая фамилія поэта — графъ фонъ-Ауэрбергъ. Смѣлость его нисколько не превосходитъ новѣйшихъ либеральныхъ тенденцій гг. Бенедиктова, Розенгейма и друг. Если же либеральный нѣмецкій поэтъ сталъ извѣстенъ и внѣ своего отечества, то этому онъ обязанъ только тому, что нѣмецкій языкъ болѣе распространенъ, чѣмъ тотъ, на которомъ призываетъ человѣчество къ прогрессу г. Розенгеймъ.

Совсѣмъ иное дѣло Морицъ Гартманъ, хотя онъ и родился австрійскимъ подданнымъ. Не говоря уже о талантѣ, которымъ едва ли равняется съ нимъ ктонибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ новаго поколѣнія, самое направленіе его не можетъ быть и сравниваемо съ графскими тенденціями вѣнскаго поэта. То, что перевелъ изъ него г. Плещеевъ, какъ мы уже сказали, очень удалось, но только за исключеніемъ нѣсколько темной и странной датской баллады про короля Альфреда. У Гартмана вы рѣдко встрѣтите чтонибудь сочиненное, насильно придуманное, какъ это часто случается даже у лучшихъ поэтовъ этого направленія; напротивъ, все у него прочувствовано, всюду слышенъ голосъ человѣка, глубоко проникнутаго убѣжденіемъ. Его произведенія явились потому, что онъ не могъ не высказаться, тогда какъ у многихъ другихъ нѣмецкихъ поэтовъ политической школы вы постоянно замѣчаете, что имъ хочется сказать то, что не вошло еще въ нихъ органически. Чтобы привести примѣръ, вспомнимъ Пруца. Онъ считается однимъ изъ радикальнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ послѣдняго времени. Обскуранты гремѣли и отчасти гремятъ и теперь противъ него жестокими проклятіями. Но какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующая черта его радикализма! Въ своемъ историческомъ обзорѣни «Нѣмецкая литература съ 1848 г.», онъ обращается съ утрекомъ къ Морицу Гартману и къ Альфреду Мейснеру, за то, что они говорятъ съ сочувствіемъ о чехахъ и выражаютъ свое уваженіе къ этой угнетенной національности. Такіе радикалы только и могутъ быть, что у нѣмцевъ.

Г. Плещеевъ переводитъ не однихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Въ его книгѣ есть нѣсколько очень хорошихъ переводовъ съ польскаго и малороссійскаго. Особенно нравятся намъ три такъ-называемыя «Сельскія пѣсни» (съ польскаго).

Начала народного хозяйства. Руководство для учащихся и для дѣловыхъ людей Вильгельма Рошера. Переводъ *И. Бабста*. Т. I. Отдѣленіе первое. Москва. 1860 г.

Рошеръ пользуется справедливою знаменитостію за громадное количество знанія, накопленнаго въ его книгахъ и вѣроятно даже въ его головѣ. Относительно соразмѣрности накопленныхъ въ его головѣ знаній съ количествомъ ихъ, накопленныхъ въ его книгахъ, мы выразили вѣроятность, а не совершенную увѣренность потому, что въ Германіи очень распространены между учеными (и даже неучеными) писателями методъ приготовленія книгъ, чрезвычайно полезный для читающаго, но ослабляющій возможность судить по книгѣ о дѣйствительной учености автора. Человѣкъ, вздумавшій написать книгу, покупаетъ нѣсколько стопаъ исечей бумаги, разрѣзываетъ листы ея на четвертинки, осьмушки или болѣе мелкіе куски (это зависитъ отъ мелкости или крупности его почерка, отъ степени его расчетливости и наконецъ отъ его денежныхъ средствъ: бумага въ Германіи дешева, но у многаго ученаго въ Германіи, даже и знаменитаго, все-таки не хватаетъ денегъ на покупку бумаги въ изобильномъ количествѣ). Совершивъ такой актъ, онъ ставитъ себѣ принципомъ читать книги не иначе, какъ дѣлая изъ нихъ выписки,—отъ двухъ до пяти строкъ на лоскутокъ. Употребляя часа три въ день на это занятіе, можно въ годъ изготовить не менѣе 20.000 лоскутковъ, покрытыхъ всевозможными именами, цифрами, курьезностями, относящимися къ предмету, по которому предполагаетъ онъ написать книгу. Отъ времени до времени лоскутки пересматриваются и приводятся въ систематическій порядокъ. Когда собирателю покажется наконецъ, что лоскутковъ набралось довольно, онъ принимается писать книгу, въ которой собственную приписку составляетъ почти только перечень содержанія лоскутковъ, распающихся на группы, служащія фонами для главъ и параграфовъ,—эта приписка занимаетъ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$, а если ученый уже слишкомъ самобытенъ и плодovitъ въ собственныхъ мысляхъ, то пожалуй и до $\frac{1}{3}$ части всего числа страницъ, какое будетъ въ книгѣ; остальную громадную половину страницъ занимаютъ безчисленные мелочи, перенесенныя съ лоскутковъ. Противъ метода—сочинять книги такимъ образомъ, мы не имѣемъ ровно ничего: кто занимается такою штукою, бываетъ труженникомъ, во всякомъ случаѣ не бесполезнымъ для науки; замѣтить можно было бы лишь одно: всякое дѣло приноситъ наибольшій полезный результатъ тогда, когда употребляется для той цѣли, для которой собственно и должно служить: листочки, раскладываемые по порядку, сами собою такъ и образуютъ словарь; если у занимающагося такими выписками человѣка достаетъ терпѣнія вести работу до того, чтобы она приобрѣла полноту, требующуюся для словаря, и достаетъ такта, чтобы видѣть пригодность этой работы именно для словаря, а не для чего нибудь иного,—результатъ работы выходитъ превосходный. Такъ произошелъ словарь Бэля, до сихъ поръ остающійся драгоценнымъ источникомъ справокъ и, что еще любопытнѣе, представляющій собою самое занимательное чтеніе. Не совѣмъ то бываетъ, если трудящійся надъ листочками сочиняетъ трактатъ о наукѣ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать словарь. Словарь Бэля читается легко, потому что предметы быстро смѣняются тамъ однимъ другимъ въ чрезвычайномъ разнообразіи: за персидскимъ царемъ слѣдуетъ англійскій

поэтъ, за англійскимъ поэтомъ итальянскій богословъ; въ трактатѣ, набитомъ такими же мелочами, мелочи эти тнутся на сотни страницъ все объ одномъ и томъ же и изнуряють терпѣніе своей монотонностью. Кромѣ того, словарь не ужасается достигать размѣровъ, отъ которыхъ самому огромному трактату «какъ до звѣзды небесной далеко»; потому Валь не имѣлъ надобности выпускать весь живой сокъ изъ собранныхъ имъ фактовъ, могъ передавать ихъ съ интересною для чтенія обстоятельностью; а при укладкѣ ихъ въ трактатъ, изъ нихъ выколачивается все живое, чтобы сбить ихъ остовъ въ тѣсные для нихъ размѣры книги. Отъ этого для читателя новая скука; сухость выходитъ истинно аравійская. Но и этого еще мало: какъ ни сбивай, какъ ни урѣзывай записанные на листочкахъ факты, все еще сохраняютъ они такую громоздкость, что не влѣзаютъ въ трактатъ; да и согласитесь сами нельзя же пихать въ систематическій трактатъ все подрядъ, безъ всякаго разбора. Сочинитель принужденъ дѣлать выборку изъ своихъ «коллектаней», отлагаетъ въ сторону половину листочковъ, если не больше, и—утрачивается полнота, какая была въ нихъ. Но почти всегда и до этой выборки полнота въ нихъ была, если позволительно такъ выразиться, очень неполная; сочинитель не имѣлъ въ виду исчерпать весь запасъ фактовъ, когда составлялъ «коллектаней» съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ не словарь, а книгу; ему хотѣлось только набрать очень много, чтобы достаточно было «фактическихъ основаній» для его трактата, а не то, чтобы не осталось ничего такого, что не занесено было бы въ его листки. Стало бытъ систематическій трактатъ, сочиненный по листочному методу, уступая словарю занимательностью и живостью, далеко уступаетъ ему и въ существенномъ достоинствѣ книгъ подобнаго рода, уступаетъ ему фактической полнотою. Словомъ сказать, результатъ выходитъ тотъ же, какъ если бы сапожникъ съ своимъ шиломъ вздумалъ шить не сапоги, а сюртуки: въ его издѣліи оказалось бы безчисленное множество прорѣхъ, и форма издѣлія вышла бы чрезвычайно неуклюжая. Этотъ грѣхъ не могъ не случиться и съ книгою Ронера. О сухости изложенія мы не станемъ говорить: это свойство книги почувствуетъ каждый, какъ только развернетъ ее. Посмотримъ на полноту. Вотъ—книга раскрылась на 304 стр., и мы видимъ § 131. Въ немъ говорится, что цѣна «многихъ сырыхъ произведеній возвышается съ каждымъ урѣхомъ хозяйства». Въ русской печати систематическимъ развитіемъ этой мысли занято 25 строкъ (болѣе крупнаго шрифта); за ними слѣдуютъ набитыя фактами и цифрами примѣчанія на 122 строкахъ (болѣе мелкаго шрифта). Чего-чего только тутъ пѣтъ; довольно сказать, что на этихъ 122 строкахъ не менѣе 28 ссылокъ на разныя книги съ цитированіемъ томовъ и страницъ; и какихъ книгъ тутъ не цитуются! Есть тутъ: «Мелишъ, Путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ, т. 2-й, стр. 57; Варронъ, Сельск. Хозяйств., кн. 3, гл. 12; Колумелла, Сельское Хозяйство, кн. 8, гл. 10; Плиній, Естественная Исторія, кн. 10, гл. 43; Полибій, Ист., кн. 34, гл. 8, § 7; Робертсонъ, Письма о Южной Америкѣ, т. 2, стр. 294; Палласъ, Путешествіе въ Сибирь, т. 3, стр. 12; Римеръ (или Раймеръ, или Рюмеръ, или Реймеръ, или Римѣ, не знаемъ какъ выговорить, — Rumer, — потому что не знаемъ, какой націи этотъ господинъ: англичанинъ, датчанинъ, голландецъ, французъ или кто другой, только знаемъ, что заглавіе книги у него латинское), Союзы: томъ или книга (не знаемъ) 19, стр. 511; Подевиаль, Сельско-Хозяйственные Опыты, т. 2, стр. 15.»—Словомъ сказать, такая коллекція, что посторонняго человѣка и то зависть беретъ; а ссылокъ на Адама Смита, Прайса, Тука,

Поттера, Рау, Чибрарио, Андерсона и т. д. мы уже и не приводимъ, потому что эти есылки могъ бы сдѣлать и человекъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи сотни тысячъ лоскутковъ. Прекрасно; но гдѣ же однако фактическая полнота? Поднимаются съ успѣхами сельскаго хозяйства цѣны «многихъ сырыхъ произведеній», стало быть не всѣхъ? ну, поднимается ли цѣна фруктовъ и ягодъ? Объ этомъ ничего нѣтъ. Оно, если хотите, и не нужно этого: изъ общихъ принциповъ само собою слѣдуетъ, что цѣна фруктовъ и ягодъ, растущихъ дико, поднимается, а цѣна воздѣлываемыхъ искусствомъ поднимается или падаетъ, смотря по успѣхамъ огородничества и садоводства сравнительно съ размноженіемъ народа. Разумѣется, можно было обойтись въ систематическомъ трактатѣ и безъ этихъ разъясненій, совершенно излишнихъ по изложенію общаго правила. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же нужно было довольно длинное разъясненіе о «рыбѣ въ прѣсныхъ водахъ»? Вѣдь дѣло и о ней также ясно для познакомившагося съ общимъ правиломъ. По мѣрѣ того, какъ заселяется страна, цѣна рѣчной рыбы возвышается до тѣхъ поръ, какъ начнутъ охранять размноженіе рѣчной рыбы и помогать ему искусственными мѣрами; а тогда возвышеніе или пониженіе цѣны начинаетъ зависѣть отъ достоинства этихъ мѣръ и отъ успѣховъ искусственнаго размноженія рѣчной рыбы. Это ясно само собою; къ чему же было набирать факты объ этомъ? Они набраны просто для курьеза,—пусть-де читатель знаетъ, что на Эльбѣ и на Рейнѣ лососина была прежде такъ дешева, что слуги договаривались, чтобы хозяинъ кормилъ ихъ лососиною не больше двухъ разъ въ недѣлю, а то хозяинъ готовъ былъ закормить ихъ этимъ дешевымъ провіантомъ. Очень любопытный фактъ, спора нѣтъ. Но объ ягодахъ вѣроятно можно было бы собрать курьезы, еще любопытнѣе. Или вотъ, напримеръ, тоже любопытно, что недалеко какъ лѣтъ 20 тому назадъ, въ Камышинѣ, въ Красномъ Ярѣ, въ селѣ Выковѣ кормили коровъ и свиней арбузами, которыхъ не всегда вдоволь тамъ бѣтъ теперь и сама хозяйка, еще недавно кормившая имъ свою скотину. Не хотите ли познакомиться и съ курьезами и изъ исторіи дичи? Извольте (Рошеръ, русскій переводъ, стр. 305).

«Въ Россіи жареныхъ лосей, зайцевъ и дикихъ утокъ ѣдятъ даже самые низшіе классы народа (Kohl Reise in Russland II, стр. 386). Дичь же въ Петербургѣ съ Петра Великаго, до Александра, подилась въ цѣнѣ, какъ 1 : 6—7 (Storch, Handbuch I, стр. 368). Въ Петербургѣ въ 1807 г. фунтъ баранины, говядины или телятины стоилъ 4—6, фунтъ дичи 3—4½ центовъ (Melich, Travels through the U. St. II, p. 57). Чѣмъ болѣе охота охраняется, тѣмъ дольше, конечно, продолжается прежняя дешевизна дичи, особенно, когда бѣднымъ становится невыгоднымъ готовить ее для себя вълѣдствіе худобы дичи. Новѣйшіе народы рѣдко думали объ искусственномъ разведеніи дичи; римляне откармливали главнымъ образомъ только зайцевъ, дроздовъ и пр. (Varro, R. R. III, 12; Columella R. R. VIII, 10). Поэтому цѣны на дичь были громадныя, примѣръ тому приводитъ Plinius N. N. X, 43, изъ временъ императоровъ. Напротивъ, еще Плибій увѣряетъ, что въ его время въ Лузитаніи дичь получалась почти даромъ» (XXXIV, 8 и 7).

Очень благодарны за сообщеніе намъ всего этого; только что же изъ всего этого слѣдуетъ? Ровно ничего не слѣдуетъ. Къ чему это служитъ въ книгѣ Рошера? Ровно ни къ чему, кромѣ обогащенія ума фактами, совершенно излишними для разъясненія вопроса, лишними по той причинѣ, что и вопроса тутъ ровно никакого нѣтъ.

Такъ. Но если ни для чего не нужны подробности эти и безчисленное множество другихъ мелочныхъ фактовъ въ книгѣ самого Рошера, то мало ли для чего

могутъ они пригодиться читателю, кругъ мыслей котораго вѣдь не весь же будетъ ограничиваться чтеніемъ Рошера. Положимъ, напримѣръ, что случилось вамъ вздумать: вотъ теперь въ Вѣловѣжской Пущѣ парочно сохраняются какъ зоологическая и охотническая рѣдкость зубры; что же, бывали ли когда нибудь другіе примѣры искусственнаго охраненія дикихъ животныхъ, любопытныхъ для ученаго или драгоценныхъ для охотника? Если вы не читали Рошера, вотъ вы и не знаете ничего объ этомъ; а читали вы Рошера, такъ вотъ и знаете, что римляне не только охраняли нѣкоторыя породы дичи, а даже «откармливали зайцевъ, дроздовъ и пр.» Или вдругъ вамъ вздумалось: а почему продается говядина въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ? Почему она продается теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, этого изъ Рошера вы не узнаете; но то узнаете, что въ 1807 г. въ какомъ-то сѣверо-американскомъ городѣ Питтсбургѣ «фунтъ баранины, говядины или телятины стоилъ 4—6 центовъ». Если хотите, можете успокоиться на этомъ свѣдѣніи; а если вы одарены пытливымъ умомъ въ родѣ Кифы Мокіевича, то является у васъ новый вопросъ: что же это значить, что въ 1807 г. въ Питтсбургѣ телятина продавалась по одной цѣнѣ съ говядиной, тогда какъ дѣло извѣстное каждому, что вездѣ въ цивилизованныхъ странахъ фунтъ телятины продается гораздо дороже, чѣмъ фунтъ говядины? Почему Питтсбургъ въ 1807 г. служилъ исключеніемъ изъ этого правила? Ужъ не случилось ли тамъ такой штуки, что народивши множество телятъ коровы почти всѣ передохли вмѣстѣ съ быками, такъ что въ говядинѣ оказался недостатокъ и она вздорожала, а въ телятинѣ излишнѣкъ и она подешевѣла? Или быть можетъ дешевизна телятины сравнительно съ говядиной была въ Питтсбургѣ не явленіемъ временнымъ, относящимся къ одному году, а фактомъ постояннымъ? Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли объяснять его какою нибудь особенностью питтсбургскихъ обычаевъ относительно телятины? Не слѣдуетъ ли предположить, что дешевизна телятины въ Питтсбургѣ имѣетъ своимъ основаніемъ отвращеніе значительной части питтсбургскаго населенія отъ употребленія телятины? Читатель согласится, что такое объясненіе очень правдоподобно; если же принять его, то не открывается ли новая поразительная черта того сходства сѣверо-американцевъ съ великоруссами, о которомъ такъ часто читаешь такіа основательныя замѣчанія? А если такъ, то какимъ образомъ объяснить это совпаденіе обычаевъ? Неужели простою случайностью? Но такой взглядъ не достоинъ науки; не слѣдуетъ ли скорѣе видѣть въ этой дешевизнѣ телятины между Питтсбургцами слѣдъ вліянія славянскаго элемента на сѣверо-американскій и даже быть можетъ доказательство существованія древнихъ славянскихъ поселеній въ бассейнѣ рѣки Миссиссиппи? Радужно предлагаемъ это новое и драгоценное соображеніе въ полную собственность г. В. Ламанскому и впередъ увѣрены, что онъ съ признательностью воспользуется имъ.

Но разумѣется, гдѣ безъ разбора приводится безчисленное количество цитатъ, цифръ, именъ и всякаго рода фактовъ, тамъ необходимо находится и очень много важнаго среди бездны неважнаго, много нужнаго среди бесполезнаго; и каково бы ни было логическое достоинство книги, богатой фактами, она неперемѣнно будетъ имѣть очень большую цѣну, какъ сборникъ матеріаловъ. Къ сочиненію Рошера прилагается тотъ политико-экономическій выводъ, что если трудолюбіе велико, продуктъ все-таки получится довольно значительный, хотя бы методъ производства и былъ самъ по себѣ неудовлетворителенъ. Тутъ можно бываетъ жалѣть лишь о томъ, зачѣмъ подобное трудолюбіе не соединилось въ трудящемся съ столь же замѣча-

тельною логическою силою. Мы почли нужнымъ откровенно высказать свое мнѣніе о научномъ достоинствѣ трудовъ Рошера только потому, что очень многіе имѣютъ преувеличенное понятіе о ихъ значеніи въ наукѣ. Что же касается до вопроса, полезна ли книга, начало русскаго перевода которой теперь напечатано, тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: книга эта очень полезна, или чрезвычайно полезна, или необыкновенно полезна, или, въ какомъ хотите смыслѣ и въ какой хотите степени назовите ее полезнаю. Мы ни въ чемъ не противорѣчимъ. Свѣдѣній въ ней такая гибель, что если успѣешь усвоить себѣ хотя десятую часть ихъ, будешь ученѣйшимъ человѣкомъ.

Но, скажутъ намъ, вы хвалите только трудолюбіе, съ которымъ Рошеръ собиралъ факты, а самую систему Рошера не превозносите; вы удивляетесь его читанности и прилежанію, а достоинствъ его какъ мыслителя вы не упоминаете; въ тонѣ вашего отзыва о немъ есть даже какое-то презрѣніе, которое въ отношеніи къ столь знаменитому мыслителю становится неприличною дерзостью. Оправдайтесь въ этомъ преступленіи. Докажите, что вы имѣете право говорить о немъ такимъ тономъ. Вѣдь вы до сихъ поръ толковали только о формѣ его книги. Положимъ, что форма неуклюжа, положимъ, что на ряду съ дѣломъ набито въ ней много пустаго, лишняго, что жъ изъ этого? Форма въ ученomъ сочиненіи — вещь второстепенная. Вы разбирайте не форму, а содержаніе.

Извольте; почему не разобрать. Если бы нужно было намъ самимъ извлекать содержаніе изъ ученѣйшаго труда Рошера, мы пожалуй и не справились бы съ такою задачею: поискали бы содержанія, да можетъ статься и не нашли бы. Но почтенный переводчикъ помогаетъ намъ своимъ предисловіемъ. Чтобы не пропустить ничего важнаго, мы пересмотримъ все въ предисловіи. Вотъ начало.

«Передавая на судъ русской публики переводъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ твореній современной экономической литературы, я позволяю себѣ вмѣсто предисловія помѣстить нѣсколько страницъ изъ моей статьи, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ. «Вопросъ, говорить Рошеръ въ своей вступительной лекціи, читанной имъ въ лейпцигскомъ университетѣ, какимъ образомъ лучше всего содѣйствовать развитію народнаго хозяйства, останется всегда главнымъ вопросомъ въ политической экономіи; но онъ не составляетъ еще главной ея задачи. Наука народнаго хозяйства — это вѣтвь наукъ политическихъ, и задача ея — изслѣдовать извѣстныя стороны человѣческой жизни и законы, ими управляющіе. Цѣль ея — изложить, что передумали народы, чего хотѣли, къ чему стремились и чего достигли, каждый въ своемъ хозяйствѣ; наконецъ, почему они стремились и почему именно этого достигли. Но такое изложеніе невозможно безъ тѣсной связи съ другими науками, разсматривающими остальныя стороны народной жизни, — безъ исторіи права государственныхъ учреждений, исторіи литературы и т. д.»

Скажемъ откровенно: вступительной лекціи, читанной Рошеромъ въ лейпцигскомъ университетѣ, намъ не удалось прочесть, и о томъ, что говорилъ, а чего не говорилъ въ ней Рошеръ, мы должны судить, основываясь исключительно на свидѣтельствѣ г. Бабета. И надобно прибавить еще вотъ что: рассказывая намъ такія вещи о вступительной лекціи Рошера г. Безобразовъ или г. Григорій Данилевскій, мы сильно поусомнились бы. Но свидѣтелемъ является г. Бабетъ, и мы вѣримъ. И, Господи, твоя воля, чему мы принуждены вѣрить! «Вопросъ, какимъ образомъ лучше всего содѣйствовать развитію народнаго хозяйства не составляетъ еще главной задачи политической экономіи», но «останется всегда главнымъ вопросомъ въ ней». Ну скажите на милость, какъ же это? главный вопросъ не есть главная задача

или главная задача не есть главный вопрос? Вѣдь съ такою ясностью понятій мы могли бы прочесть вступительную лекцію къ любой наукѣ, напримѣръ, хоть къ астрономіи: «ислѣдовать законы движенія тѣлъ небесныхъ составляетъ главную задачу астрономіи, но главный вопросъ астрономіи другой». — вѣроятно вопросъ о томъ, знали ли греки, что луна имѣетъ форму не шара, а груши. Или изъ анатоміи: «главная задача анатоміи — изслѣдовать составъ человѣческаго организма, но главный вопросъ въ ней не то», а вѣроятно то, какимъ манеромъ Аристотель могъ не замѣтить, что кромѣ жилъ находятся въ человѣческомъ тѣлѣ нервы. Или вступительная лекція изъ ботаники: «главная задача ботаники — изслѣдованіе растительнаго организма, но главный вопросъ въ ней не то», а то, какія чувства овладѣли Христофоромъ Колумбомъ, когда онъ увидѣлъ американскую растительность, столь различную отъ европейской. Извините меня, но мнѣ кажется, что это просто напросто путаница. Посмотримъ однакоже, что дальше. Въ чемъ главный вопросъ политической экономіи, Рошеръ сказалъ. Въ чемъ задача ея, выходитъ у него уже не такъ опредѣленно: «ислѣдовать извѣстныя стороны человѣческой жизни и законы, ею управляющіе»; хорошо, положимъ, что извѣстныя стороны жизни и извѣстные законы; примемъ, пожалуй, на себя смѣлость догадаться, что подъ извѣстными законами надобно тутъ разумѣть законы, управляющіе экономическою стороною народноі жизни или человѣческой жизни; но мы все-таки догадались объ одной сторонѣ, а Рошеръ говоритъ о нѣсколькихъ «сторонахъ»; что же эта значить? что у политической экономіи не одинъ главный предметъ, какъ бываетъ у всякой благопристойной науки, а таскается она по разнымъ предметамъ, представляетъ собою не систему понятій, а сбродъ всякихъ понятій, какимъ была въ старинныхъ философскихъ школахъ космологія? Обидѣлъ свою науку Рошеръ. Но это бы еще ничего, можно было бы простить обиду, если бы можно было тутъ понять что либудъ: но Гегелю или по какому-то другому философу доказывается что «понять — значитъ простить». Но главная бѣда въ томъ, что понять нельзя: какія же это «стороны» жизни, кромѣ одной экономической стороны, составляютъ задачу политической экономіи? Подите спрашивайте у Рошера, и тотъ самъ не съумѣетъ отвѣчать. Ну Богъ съ ней, съ задачей политической экономіи, она что-то непонятна. Посмотримъ, какова «цѣль» ея, — не знаемъ, не ошибаемся ли мы, но беретъ насъ подозрѣніе, будто бы и «цѣль» и «задача» одно и то же. Такъ вотъ цѣль политической экономіи: «изложить, что передумали народы, чего они хотѣли, къ чему стремились и чего достигли, каждый въ своемъ хозяйствѣ; наконецъ, почему они стремились и почему именно этого достигли». Вотъ это ужъ очень понятно, не въ примѣръ предыдущему; но ужъ тутъ къ несчастью совершенно обнаруживается, что Рошеръ зарпортовался. Вѣдь каждому извѣстно, что систематическое изложеніе понятій о какомъ бы то ни было предметѣ составляетъ науку объ этомъ предметѣ, а исторія этой науки — вещь очень полезная, достойная, если хотите, называться тоже наукой, но все-таки вещь совершенно особенная. Возьмите, напримѣръ, ужъ не то, что какую либудъ вѣчную сторону общечеловѣческой жизни, а даже хоть какое либудъ особенное, временное, чпсто историческое проявленіе человѣческой жизни, напримѣръ хоть древнихъ грековъ или хоть какую либудъ сторону жизни этихъ древнихъ грековъ, все-таки, какъ вы знаете, и объ этомъ явленіи систематическимъ образомъ говоритъ одна особенная наука, а историческій ходъ фактовъ этого явленія рассказываетъ другая наука; напримѣръ, кромѣ исторіи греческаго народа, есть наука,

называемая греческими древностями или греческою археологіею; или наиримѣрь, греческая міѳологія сама по себѣ, а исторія греческой міѳологіи сама по себѣ; эстетическая теорія грековъ сама по себѣ, а исторія греческаго искусства сама по себѣ. Разумѣется, теорія предмета и исторія предмета — науки, чрезвычайно тѣсно связанныя между собою. Если хотите, можете думать, что теорія предмета должна выводиться исключительно изъ исторіи предмета. Это будетъ мнѣніе справедливое лишь относительно отжившихъ предметовъ, которыхъ уже нельзя наблюдать прямымъ образомъ, свѣдѣнія о которыхъ замѣтуются лишь изъ историческихъ матеріаловъ, а не изъ живой дѣйствительности; да и къ тѣмъ оно примѣняется не вполне: вѣдь греки были тоже люди, какъ и мы, стало быть провѣрять и дополнять историческія свѣдѣтельства о грекахъ мы отчасти можемъ по себѣ и по другимъ живымъ народамъ. Вѣдь если бы у Арріана или Квинта Курція было написано, что по чрезвычайной боевой закаленности воины Александра Македонскаго могли сражаться, потерявъ голову отъ неприятельскаго меча, или лишались способности влюбляться, или не чувствовали голода, — вѣдь мы бы сказали, что это вздоръ. Стало быть и тутъ, кромѣ исторіи, есть другой источникъ для теоріи предмета. А для наукъ, излагающихъ не мимоетныя явленія, а вѣчныя стороны человѣческой жизни, этотъ второй источникъ, — наблюденіе надъ живой дѣйствительностью, — гораздо важнѣе перваго, т. е. историческихъ фактовъ. Ну, скажите сдѣлайте одолженіе, что кромѣ своей охоты казаться ученымъ, обнаружу я, начавъ историческимъ образомъ доказывать, или изслѣдовать, или провѣрять, положимъ, тотъ экономическій законъ, что чѣмъ урожайнѣе годъ, тѣмъ дешевле бываетъ хлѣбъ, а при неурожаѣ цѣна хлѣба поднимается? — кажется, можно и знать, и доказать это безъ греческой исторіи. Но все-таки говорите, если хотите, что теорія предмета должна основываться исключительно на исторіи предмета: ваши слова будутъ ошибочны, но въ нихъ будетъ смыслъ. У Рюшера выходитъ не то: у него просто путаница, лишняя человѣческаго смысла: цѣль науки народнаго хозяйства изложить, что передумали народы, чего хотѣли, чего достигли, — Господи праведный! да вѣдь это исторія народнаго хозяйства, а не наука народнаго хозяйства.

Вы не подумайте, будто мы доказываемъ, что Рюшеръ ошибается, — этого мы не говоримъ; пусть будетъ и чистая правда все, что онъ говоритъ; мы разсуждаемъ не о томъ, что онъ мыслить, а лишь о томъ, какъ онъ мыслить; и оказывается, что ученый мужъ сей дѣйствительно очень ученый мужъ, только въ логикѣ нѣсколько слабавъ. Хочетъ онъ сказать вѣроятно очень хорошія вещи, только сообразить ихъ не умѣетъ и говорить нескладницу. Какъ бы намъ распутать эту нескладницу? Не будемъ же слушать самого Рюшера; онъ пожалуй наговоритъ намъ такихъ вещей, что надобно будетъ только руками разводять, слушаая его; пусть объясняетъ намъ его заслуги г. Бабеть, умѣющій разсуждать логически.

Не Рюшеръ первый почувствовалъ пользу историческихъ разъясненій для экономическихъ вопросовъ, говоритъ г. Бабеть; но «никто не высказалъ такъ ясно и такъ основательно необходимости историко-физиологическаго метода», какъ онъ. Была школа, провозглашавшая вѣчными истинами свои односторонніе выводы и забывавшая, «что не одно у ней общество передъ глазами, а цѣлый рядъ народностей на разныхъ ступеняхъ развитія и влѣдствіе этого съ различными экономическими потребностями». Представителемъ такого взгляда г. Бабеть называетъ Сэ. Но, —

«въ то самое время, когда Сей высказывалъ такой взглядъ на исторію, когда цѣлая школа гремѣла противъ дерзкихъ нововводителей и провозглашала непреложность и вѣчность своихъ экономическихъ теорій, въ то самое время подготавлился и разработки вѣдѣлись тихо и незамѣтно, среди даже самой школы, матеріаль, готовившій торжество новаго метода, а съ другой стороны раздался кликъ противной партіи, партіи утопистовъ, которые, сами того не подозревая, вспахивали и удобрявали поле для новыхъ усѣбъ исторической школы. Въ первомъ отношеніи важны изданія и собранія старинныхъ экономистовъ, заставившія обратиться къ разработкѣ прежнихъ воззрѣній и прежней экономической жизни, а съ другой стороны ту же самую услугу оказали социалисты, которые въ своей критикѣ и въ своихъ нападкахъ на современное положеніе экономической теоріи, на возрастающія бѣдствія большинства рабочаго класса, прибѣгали очень часто къ указаніямъ на прежде существовавшія формы и условія экономическаго быта, вызвали своихъ противниковъ на то же самое поле, и заставили ихъ также обратиться къ исторіи и къ строгому изслѣдованію прежнихъ формъ народнаго хозяйства.

«Рошеръ нигдѣ не пытается выставить абсолютнаго идеала народнаго хозяйства, на которомъ, какъ на прокрустовомъ ложѣ, желали бы многіе растянуть народную жизнь; не выставить и тѣхъ утопій, отъ которыхъ всегда и вездѣ отшатывался здравый смыслъ народа. Вся задача его состоитъ въ томъ, чтобы доискаться основныхъ понятій и первобытныхъ начатковъ народнаго хозяйства въ эпохи, самыя отдаленныя, прослѣдить за ходомъ ихъ историческаго развитія, и пояснить ихъ наблюденіями и ученіями, выработанными наукой и опытностью. Онъ преслѣдуетъ и выводитъ только начала, которыя оказались въ свое время дѣйствительно благотвѣльными и полезными для народа. Излагая естественные законы народнаго хозяйства, Рошеръ выводитъ передъ нами цѣлый рядъ народныхъ хозяйствъ со всѣми ихъ условіями, съ ихъ ошибками и съ ихъ здоровыми сторонами. Нѣтъ народа, жизни, развитіе и хозяйственный бытъ котораго оставленъ былъ бы безъ вниманія Рошеромъ. Древность ему такъ же близко знакома, какъ и новое время, и здѣсь (именно во второмъ томѣ его труда) мы обязаны ему многими замѣчательными изслѣдованіями, громко говорящими въ пользу его обширныхъ свѣдѣній и глубокаго изученія древности. Нерѣдко замѣчательное открытіе или блестящая, проливающая свѣтъ на цѣлую эпоху мысль — скрывается у него подъ скромною формою примѣчаній. Наконецъ, почти ни одно изъ замѣчательныхъ новѣйшихъ путешествій не оставлено имъ безъ вниманія, и хозяйственный бытъ современныхъ народовъ Европы, до островитянъ Тихаго океана изученъ и обслѣдованъ имъ съ самою мелочною подробностью и съ глубочайшимъ историческимъ тактомъ» (Предисл. VIII и XI).

Вотъ теперь уже можно понять, въ чемъ дѣло. У нѣкоторыхъ писателей школы Адама Смита явилась мысль, будто бы формы экономической жизни, господствовавшія въ передовыхъ странахъ Европы около конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка — геркулесовы столбы человѣческаго развитія, дальше которыхъ такъ ужъ и никогда не пойдетъ исторія. Г. Бабстъ очень справедливо называетъ этотъ взглядъ узкимъ и одностороннимъ. Читатель знаетъ наше пристрастіе къ г. Бабстѣ; знаетъ, что мы ставимъ его гораздо выше всѣхъ писателей, извѣстныхъ у насъ за знатковъ политической экономіи. Впрочемъ предпочтеніемъ предъ ними еще мало опредѣляется наше мнѣніе о г. Бабстѣ: лучше мы просто скажемъ, что уважаемъ его. Одна изъ главныхъ причинъ уваженія къ нему та, что онъ высказываетъ подобныя мысли и высказываетъ ихъ не ради одного приличія: онъ дѣйствительно сочувствуетъ стремленію улучшить не одни подробности экономическаго быта, чѣмъ ограничиваются другіе экономисты, а замѣнить коренныя черты его новыми, лучшими. Итакъ, по словамъ г. Бабста, возникла у нѣкоторыхъ послѣдователей Адама Смита ошибочная тенденція доказывать непреложность и вѣчность нынѣшнихъ формъ экономическаго быта. Происхожденіе такого взгляда объясняетъ онъ пренебреженіемъ

этихъ писателей къ исторіи; точно такъ же объясняютъ это явленіе почти все экономисты, усѣвшіе или воображающіе, что успѣли выбиться изъ него. Мы прибавимъ еще другую причину, которая, намъ кажется, участвовала тутъ гораздо больше, чѣмъ незнакомство съ исторіею или пренебреженіе къ пей. Дѣло извѣстно, что въ каждомъ сословіи, въ каждомъ положеніи встрѣчаются люди съ исключительными характерами, съ особенными непохожими на другихъ понятіями. Но такіе люди всегда бываютъ лишь исключеніемъ изъ правила. Масса людей имѣетъ взглядъ, сообразный съ тѣмъ, чего требуютъ ея (истинныя или только кажущіяся ей) выгоды. Возьмите какую хотите группу людей, ея образъ мыслей бываетъ внушенъ (вѣрными или ошибочными, какъ мы замѣтили, все равно) представленіями объ ея интересахъ. Начнемъ хоть съ классификаціи людей по народностямъ. Масса французовъ полагаетъ, что Англія есть «коварный Альбіонъ», погубившій Наполеона I-го изъ ненависти къ французскому благосостоянію. Масса французовъ находятъ, что рейнская граница — естественная и необходимая граница Франціи. Она также находятъ, что присоединеніе Савоіи съ Ниццею — дѣло прекрасное. Масса англичанъ находятъ, что Наполеонъ I-й хотѣлъ погубить Англію, ничѣмъ невиновную, что борьба съ нимъ была ведена Англіею лишь для собственнаго спасенія. Масса нѣмцевъ находятъ претензію французовъ на рейнскую границу несправедливою. Масса итальянцевъ считаютъ отторженіе Савоіи съ Ниццею отъ Италіи дѣломъ несправедливымъ. Отчего такое различіе взглядовъ? Просто отъ противоположности (конечно, мнимыхъ, фальшивыхъ, но считаемыхъ у той націи дѣйствительными) интересовъ націи. Или возьмемъ классификацію людей по экономическому положенію. Производители хлѣба въ каждой странѣ находятъ справедливымъ дѣломъ, чтобы другія страны допускали ввозъ хлѣба этой страны безоплатно, и столь же справедливымъ, чтобы ввозъ хлѣба въ ихъ страну былъ запрещенъ. Производители мануфактурныхъ товаровъ въ каждой странѣ находятъ справедливымъ, чтобы иностранный хлѣбъ допускался въ ихъ страну безоплатно. Источникъ этого противорѣчія опять — такъ все тотъ же: выгода. Производителю хлѣба выгодно, чтобы хлѣбъ былъ дороже. Производителю мануфактурныхъ товаровъ выгодно, чтобы онъ былъ дешевле. Увеличивать число такихъ примѣровъ было бы напрасно, — каждый можетъ самъ набрать ихъ тысячи и десятки тысячъ. Австрійскіе нѣмцы полагаютъ, что справедливо имъ господствовать надъ австрійскими славянами; австрійскіе славяне полагаютъ, что справедливо имъ господствовать въ Австріи; члены каждаго замкнутого цеха, каждый привилегированной или исключительной корпораціи доказываютъ справедливость своей монополіи, приносящей, по ихъ словамъ, пользу всему обществу. — Огромное большинство писателей всегда держатся взгляда той группы, къ которой принадлежатъ. Изъ 100 французскихъ историковъ, по взгляду 99-ти во всемъ всегда бывали правы французы; у англійскихъ историковъ то же самое относительно англичанъ, у нѣмецкихъ относительно нѣмцевъ и т. д.; у писателей аристократическаго образа мыслей правда на сторонѣ аристократіи, у писателей, представляющихъ собою среднее сословіе, правда на сторонѣ средняго сословія и т. д.

Этимъ психологическимъ закономъ, по которому почти у каждаго, — простаго ли человѣка, оратора ли, писателя ли, въ разговорахъ ли, въ рѣчахъ ли, въ книгахъ ли, все равно, — оказывается теоретически хорошимъ, несомнѣннымъ, вѣчнымъ все то, что практически выгодно для группы людей, представителемъ

которой онъ служитъ, — этимъ психологическимъ закономъ надобно объяснять и тотъ фактъ, что политико-экономамъ школы Адама Смита казались очень хороши, достойны вѣчнаго господства тѣ формы экономического быта, которыя господствовали или стремились къ господству въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Писатели этой школы были представители стремлений биржеваго или коммерческаго сословія въ обширномъ смыслѣ слова: банкировъ, оптовыхъ торговцевъ, фабрикантовъ и всѣхъ вообще промышленныхъ людей. Нынѣшнія формы экономического устройства выгодны для коммерческаго сословія, выгодище для него всякихъ иныхъ формъ; потому школа, бывшая представительницею его, и находила, что формы эти самыя лучшія по теоріи; натурально, что при господствѣ такого направленія являлись многіе писатели, высказывавшіе общую мысль еще съ большою рѣзкостью, называвшіе формы эти вѣчными, безусловными.

Такое объясненіе гораздо проще мудренаго вывода столь натуральной тенденции изъ отвлеченнаго основанія, относящагося не къ практической жизни, а къ способу, какимъ оцѣниваютъ юношей на экзаменахъ: такую-то науку онъ изучилъ хорошо, а другую знаетъ слабо. Будто въ самомъ дѣлѣ малое знакомство съ исторіей могло лишать политико-экономовъ знанія о томъ, что существовали иныя формы экономического быта, различныя отъ нынѣшнихъ, и будто черезъ это отнималась у такихъ людей возможность чувствовать потребность новыхъ совершеннѣйшихъ формъ, отнималась возможность признавать нынѣшнія формы не безусловными? Вѣдь каждый грамотный человѣкъ, хотя бы сроду не занимался исторіей, слыхивалъ о юбилейномъ годѣ евреевъ, объ Иосифѣ прекрасномъ, благодаря которому вся земля въ Египтѣ стала принадлежать Фараону, о Ликургѣ, о Соломѣ, о Гракхахъ; да и безграмотный человѣкъ каждый слыхивалъ въ дѣтствѣ сказки, въ которыхъ сохранились преданія о формахъ экономического быта, вовсе не похожихъ на нынѣшнія. У кого изъ политико-экономовъ есть расположеніе усомниться въ абсолютности и неизмѣнности нынѣшнихъ формъ, въ томъ ужъ отъ однихъ этихъ преданій развился бы болѣе широкій взглядъ на вещи. Да полноте, будто нужны человѣку хоть какіе нибудь рассказы о чемъ нибудь иномъ, не похожемъ на его положеніе, чтобы чувствовать неудобство своего положенія, если оно неудобно, желать лучшаго, если оно худо? Развѣ не видитъ онъ своими глазами вокругъ себя все, что нужно для возбужденія въ немъ такихъ мыслей? и развѣ онъ — дерево, чтобъ не чувствовать ему самому, и безъ помощи историческихъ свѣдѣній, желанія избавиться отъ неудобствъ? Значитъ, дѣло не въ историческихъ свѣдѣніяхъ, а въ томъ каковы чувства мыслителя или группы людей, представителемъ которыхъ онъ служитъ. Что же въ самомъ дѣлѣ, развѣ Фурье знаетъ исторію подробнѣе, чѣмъ Сэ? Нѣтъ: кому хорошо настоящее, у того нѣтъ мысли о перемѣнахъ; кому оно дурно, у того она есть, независимо отъ обладанія историческими знаніями или хотя бы политическаго отсутствія ихъ. Начали думать о вопросахъ политической экономіи люди, бывшіе представителями не того сословія, которому какъ разъ пригодны нынѣшнія экономическія формы, а представителями массы, и явилась въ наукѣ другая школа, которую г. Вабстъ называетъ (неизвѣстно на какомъ основаніи, — могъ бы онъ предоставить употребленіе подобныхъ именъ людямъ, менѣе его знающимъ и менѣе его мыслящимъ), — называетъ партією утопистовъ.

Вотъ въ этомъ-то, если хотите, и лежитъ настоящая причина расположенія къ историческому методу, явившагося въ послѣдователяхъ прежней школы, которые

увидѣли себя теперь въ званіи консерваторовъ, въ противность прежней своей похвальбѣ прогрессивностью. Противъ средневѣковыхъ учреждений, не согласныхъ съ выгодами коммерческаго сословія, ратовали они во имя разума; а тутъ вотъ па-грѣхъ явились люди, начавшіе говорить: «по разуму дѣйствительно слѣдуетъ быть тому, чего желаете вы, только сверхъ того требуется по разуму еще многое другое; вы произносите только начало формулы, а конецъ ея вотъ каковъ»;—словомъ сказать, предъ лицомъ мыслителей послѣдовательныхъ явились мыслители послѣдовательные. Противъ средневѣковыхъ учреждений разумъ былъ для школы Адама Смита превосходнымъ орудіемъ, а на борьбу съ новыми противниками это орудіе не годилось, потому что перешло въ ихъ руки и побывало послѣдователей школы Смита, которымъ прежде было такъ полезно. Что тутъ дѣлать? Не нами придумано, не нами и кончится изворотъ, употребляемый въ такихъ случаяхъ: если разумъ говоритъ противъ тебя, хватайся за исторію, она выручитъ. Напримѣръ: на основаніи разума никакъ не могутъ англичане доказать, что жители Ионическихъ острововъ должны быть подъ англійскимъ управленіемъ, котораго тарифъ не могутъ. На основаніи разума выходитъ, что жители Ионическихъ острововъ должны присоединиться къ греческому королевству, чего они и желаютъ. Вотъ англичане и хватаются за исторію: мы, дескать, управляемъ Ионическими островами на основаніи такихъ-то и такихъ-то историческихъ событій, на основаніи такихъ-то и такихъ-то документовъ.

Въ политической экономіи историческій способъ доказыванія бесполезности или невозможности того, чего требуетъ разумъ, имѣетъ два вида. Первый сортъ апологій таковъ: форма, существующая нынѣ, существовала у вавилонянъ, ассириянъ, мидійцевъ, персовъ, грековъ, македонянъ, римлянъ, остъ-готовъ, вестъ-готовъ, геруловъ, вандаловъ, франковъ, гунновъ, алемановъ, маркомановъ, лонгобардовъ и т. д., слѣдовательно человѣчество безъ нея обойтись не можетъ. Этотъ сортъ аргументаціи очень убѣдительно; напримѣръ вавилоняне, ассирияне, мидійцы и т. д. (зри выше) рѣзали военнопленныхъ или обращали ихъ въ рабство, слѣдовательно и мы должны дѣлать такъ же, потому что человѣчество иначе поступать не можетъ,—это лежитъ въ натурѣ человѣка. Аргументъ безспорный; жаль только, что въ политической экономіи лишь въ немногихъ случаяхъ можно употребить его хотя бы съ натяжкой: почти все нынѣшнія экономическія формы, и въ томъ числѣ все важнѣйшія—или произошли недавно, или потерпѣли въ недавнія времена очень сильныя измѣненія. Слѣдовательно, приписывая имъ какую угодно вѣчность въ будущемъ, никакъ нельзя доказывать ихъ вѣчности въ прошедшемъ. Изъ этой бѣды выручаетъ второй сортъ историческаго аргумента, не столь убѣдительный, за то болѣе лестный для читателей; вотъ онъ: первоначально это дѣло имѣло такой-то видъ, при высшемъ развитіи получило такой-то, а еще при высшемъ такой-то, а нынѣ, при еще высшемъ, имѣетъ вотъ какой,—слѣдовательно нынѣшній видъ дѣла уже очень хорошъ, и недовольны имъ могутъ быть лишь безумцы. Успокоиваться на этомъ бываетъ очень умно и пріятно. Напримѣръ: окрестности Рима или такъ-называемая Римская Кампанія конечно была первоначально пустынею; когда Италия нѣсколько населилась, мѣстность эта уже служила пастбищемъ, какъ видно изъ рассказовъ о Нумиторѣ, Ромулѣ и Ремѣ (времена передъ основаніемъ Рима). По основаніи Рима постепенно покрылась она цвѣтущими нивами, которые воздѣлывались доблестными гражданами въ родѣ Цинцинната и Регула; когда Римъ сталъ

грабить цѣлый свѣтъ, эти свободные и почтенные земледѣльцы исчезли, замѣнились рабами (то былъ вѣкъ развитія гораздо вышшаго, чѣмъ грубыя времена Циципатовъ и Регуловъ); но римская образованность должна была смѣниться вышшею, явились новые народы, чтобы внести въ исторію человѣчества принципъ личности, и Римская Кампанья была разграблена: это было необходимо для вышшаго развитія; когда варварскія нашествія прекратились, Римская Кампанья снова населена земледѣльцами, болѣе или менѣе благосостоятельными и покрылась нивами, какъ было за 1,000 или за 1,500 лѣтъ передъ тѣмъ. Но исторія шла впередъ, человѣчество дѣлало успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и Римская Кампанья была захвачена могущественными фаміліями, которыя нашли удобнѣйшимъ для себя обратиться въ пастбище, такъ-что нынѣ представляетъ она собою пустыню, зараженную миазмами; какъ же не сказать теперь, что нынѣшнее положеніе Римской Кампаньи очень хорошо?

Вотъ коренной смыслъ стремленія, изъ котораго возникла любовь къ историческому разрѣшенію политико-экономическихъ вопросовъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что и на этомъ поприщѣ дѣло принимаетъ оборотъ вовсе не такой, какой хотѣли придать ему писатели, прибѣгнувшіе къ историческому методу для опроверженія требованій разума. Вѣдь извѣстно, что та сторона, которая сильнѣе логикою, побѣдетъ противную на всѣхъ пунктахъ, за какую науку ни хватайся она. Такъ и по исторіи оказалось, что нынѣшнія экономическія формы возникли подъ вліяніемъ отношеній, противорѣчащихъ требованіямъ экономической науки, несомнѣнныхъ ни съ успѣшною трудою, ни съ разсчитливостію потребленія,—словомъ сказать, представляютъ собою результаты причинъ, враждебныхъ и труду, и благостоянію. Напримѣръ, въ западной Европѣ экономическій бытъ основался на завоеваніи, на конфискаціи, на монополіи. Причины этихъ результатовъ наука стремится устранить изъ жизни, вліяніе этихъ причинъ на жизнь признаетъ она вреднымъ; слѣдовательно, исторія изобличаетъ то, на защиту чего была приглашена.

Но къ многоученому и почтенному Рошеру все это ни мало не относится. Онъ заваленъ книгами, сквозь которыхъ не пробьется до него никакая живая мысль: ни дурная, ни хорошая. Начали говорить: «подавайте намъ на помощь исторію»,—онъ и обрадовался: исторія,—вѣдь это десятки тысячъ фоліантовъ; о, восторгъ! сколько изъ исторіи можно выкопать учености! вотъ онъ и пошелъ копать. Зачѣмъ копать, для кого копать,—объ этомъ ужъ ему некогда подумать; да и къ чему думать? развѣ думанье—ученость? Какое дѣло работнику желѣзнаго рудника, на что пойдетъ добываемая имъ руда: въ чугуны ее переплавятъ, въ желѣзо или въ сталь; паровую ли машину, или серпъ, или иголку, или пушку сдѣлаютъ изъ этого металла,—ему какая надобность? онъ себѣ копаешь да копаешь. Честь и хвала его усердію.

О томъ, что книга, столь богатая фактами, какъ трудъ Рошера, заслуживаетъ перевода, нечего и говорить. За достоинство перевода ругается имя г. Бабста.

Картины изъ русскаго быта. *Владимира Даля*. 2 т. Спб. 1861.

Послѣ шума, котораго надѣлалъ г. Даль своею несчастною фантазіею о томъ, что грамота бываетъ гибельна для народной нравственности, — послѣ справедливыхъ уреканій и пристыженій, какія сыпались на него тогда со всѣхъ сторонъ — а въ особенности послѣ его неудачныхъ попытокъ защититься, окончательно испортившихъ его дѣло, — послѣ всей этой неблаговидной исторіи, имъ сочиненной, трудно рѣшиться сказать что нибудь въ похвалу чему нибудь, написанному г. Далемъ. Вы ждете, что за этимъ послѣдуетъ «но» или «однакоже», — не ждите, иначе ошибетесь: мы и не хотимъ ничего сказать въ похвалу г. Далю.

Странный человѣкъ г. Даль! Всѣ утверждаютъ, что онъ необыкновенно много знаетъ о бытѣ, нравахъ, способѣ разсужденій и образѣ выраженій русскаго народа. О чрезвычайномъ знакомствѣ его съ народностію разсказываютъ удивительныя вещи, говорятъ, напримѣръ, будто бы онъ такъ превосходно знаетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій и поднарѣчій, что по выговору каждаго встрѣчнаго простолюдина отгадываетъ не только губернію, не только уѣздъ, но даже мѣстность уѣзда, откуда этотъ человѣкъ. Мы готовы вѣрить тому, хотя оно — и невозможная вещь. Но достовѣрно то, что г. Даль знаетъ десятки тысячъ анекдотовъ изъ простонародной жизни, собралъ чуть ли не до 50,000 русскихъ пословицъ и чуть ли не пол-милліона словъ и оборотовъ простонародной рѣчи. А между тѣмъ, — вѣдь не повѣришь этому, если незнакомъ съ его сочиненіями, — ровно никакой пользы ни ему, ни его читателю не приноситъ все его знаніе. По правдѣ говоря, изъ его разсказовъ ни на волосъ не узнаешь ничего о русскомъ народѣ, да и въ самихъ-то разсказахъ не найдешь ни капли народности. Въ одной странничкѣ очерковъ Успенскаго или разсказовъ изъ простонародной жизни Щедрина о народности собрано больше, и о народѣ сказано больше, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ г. Даля. Онъ знаетъ народную жизнь, какъ опытный петербургскій извозчикъ знаетъ Петербургъ. «Гдѣ Усачевъ переулочъ? Гдѣ Орловскій переулочъ? Гдѣ Клавикордная улица?» Никто изъ насъ этого не знаетъ, а извозчику все это извѣстно, какъ свои пять пальцевъ. Ну, а попробуй человѣкъ, не знающій Петербурга, узнать что нибудь о Петербургѣ отъ этого извозчика, — ничего не узнаетъ, или узнаетъ такую дичь, что и знающій человѣкъ не распутаетъ потомъ.

У г. Даля нѣтъ и никогда не было никакого опредѣленнаго смысла въ понятіяхъ о народѣ, — или, лучше сказать, не въ понятіяхъ (потому что, какое же понятіе безъ всякаго смысла), — а въ грудѣ мелочей, какія запомнились ему изъ народной жизни. Когда-то г. Даль писалъ сказки, а можетъ быть, кромѣ сказокъ, и еще какіе-нибудь разсказы, — для простого ли народа или для публики, не знаемъ хорошенько, — только знаемъ, что писалъ онъ когда-то и что-то простонародною рѣчью. Простонародная рѣчь эта выходила такая пересоленная, перехитренная, что отъ настоящей простонародной рѣчи была дальше, чѣмъ переводъ Риттерова землевѣдѣнія, дѣлаемый г. Семеновымъ съ сохраненіемъ всего смѣшенія языковъ, какое есть въ подлинникѣ у Риттера. Послѣ того, а можетъ быть и раньше того, а можетъ быть и вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Даль писалъ длинныя повѣсти изъ простонарод-

наго быта обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ. Повѣсти эти совершенно не достигали своей цѣли. Положимъ, тутъ еще можно было придумать другое объясненіе, кромѣ того, что г. Даль не понимаетъ народнаго быта. Можно было сказать: повѣсти эти написаны съ претензіею на художественность, а художественнаго таланта у г. Дали нѣтъ, потому изъ повѣстей ничего и не выходитъ. Но вотъ г. Даль собралъ теперь цѣлую сотню коротенькихъ разсказовъ. Тутъ дѣло проще, особеннаго литературнаго таланта можетъ и не понадобится, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе въ нѣсколькихъ словахъ. Въдъ въ каждомъ номерѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Сѣверной Пчелы» описывается по нѣскольку происшествій разными корреспондентами и обличителями, и на литературный талантъ никто изъ нихъ не претендуетъ, а разсказы ихъ часто бываютъ любопытны, и въ разсказываемомъ часто бываетъ смыслъ. Посмотримъ, что сообщаетъ намъ г. Даль въ коротенькихъ разсказахъ, въ которыхъ такъ удобно было бы передать все, что угодно было автору передать.

Беремъ, напримѣръ, разсказъ № 1-й. «Повѣрка». Въ одномъ присутственномъ мѣстѣ члены и секретарь брали деньги изъ казеннаго сундука на свои коммерческіе обороты или на отдачу въ проценты, и часто имъ случалось выкладывать въ ящикъ ко дню повѣрки суммъ деньги, занятыя лишь на этотъ день у купцовъ, бывшихъ заѣдателями въ томъ же присутственномъ мѣстѣ. Губернаторъ прослышалъ объ этомъ, пріѣхалъ ревизовать, запечаталъ казенный сундукъ и велѣлъ отнести его на храненіе на гаушвахту. Купцы, помогавшіе плутовству, остались въ дуракахъ.—Ну, что же изъ этого? Да ничего. Видно, что губернаторъ перехитрилъ своихъ подчиненныхъ.

Вотъ разсказъ № 2-й. «Вѣгляка». Въ какой-то турецкой деревнѣ встрѣтилъ г. Даль русскую избу, а въ избѣ русскую женщину. Какъ ты попала сюда?—спрашиваетъ онъ женщину. Она отвѣчаетъ: мой мужъ былъ мужикъ зажиточный; какой-то плутъ подговорилъ его бѣжать въ Турцію, на дорогѣ зарѣзалъ, овладѣлъ его деньгами, а меня заставилъ жить съ собою вотъ здѣсь.—Ну, что же изъ этого? Ничего. Видно, что плуты бываютъ иногда очень плутоваты, а мужики поддаются ихъ плутнямъ.

Идемъ далѣе по порядку. Разсказъ № 3-й. «Воръ». Богатый мужикъ, боясь воровъ, ходилъ по ночамъ осматривать клѣти и разъ, дѣйствительно, наткнулся на вора. Воръ принялъ его за человѣка также пришедшаго воровать. Они вошли въ клѣть вмѣстѣ, и пока хозяинъ искалъ топора, чтобы принижить вора, воръ бросился на печеный хлѣбъ, лежавшій въ клѣти,—онъ пошелъ воровать съ голоду и не хотѣлъ ничего взять кромѣ хлѣба. Хозяинъ съжался и кромѣ печенаго хлѣба подарилъ ему мѣшокъ муки.—Изъ этого разсказа выходитъ, что «воръ-вору рознь и что нельзя безъ суда присуждать всякаго вора на осину».

№ 4-й. «Сухая бѣда». Одинъ чувашинъ побилъ другаго, тотъ пожаловался; обидчика взяли въ полицію и наказали, да вышло такъ, что наказали, вмѣсто одного раза, три раза. Онъ ожесточился на человѣка, подвергнувшаго его этому наказанію и, чтобы отмстить ему по чувашескому обычаю, повѣсился у него на воротахъ. «Такой висѣльщикъ извѣстенъ у насъ въ народѣ подъ названіемъ *сухой бѣды*; и, говорятъ, понинѣ еще чуваша въ злобѣ своей грозятъ иногда другъ другу тѣмъ, что сулятъ на дворъ сухую бѣду, то есть общаются одинъ у другаго на дворѣ удавиться».

№ 5-й. «Находка». Козакъ возвращался изъ французскаго похода домой съ добычею: до 30 тыс. р. золотомъ было зашито у него въ сѣдельной подушкѣ. Не дорогѣ износились у козака сапоги, а мелочь, бывшая въ карманахъ, уже израсходовалась. Распаривать подушку козаку не хотѣлось, да и привыкъ онъ въ походѣ даромъ брать все, что попадетъся. Нагналъ онъ въ одинокомъ мѣстѣ мужика, пригрозилъ ему саблей и велѣлъ снимать сапоги; мужикъ снялъ; козакъ слѣзъ съ лошади и сталъ ихъ напяливать. А мужикъ тѣмъ временемъ вскочилъ на лошадь, да и ускакалъ. Козакъ остался безъ денегъ, а мужикъ, ощупавъ золото въ подушкѣ, разбогатѣлъ.

Не довольно ли этого? А то, пожалуй, развернемъ и 2-й томъ, на какомъ случится мѣстѣ, и посмотримъ. Книга развернулася на разсказѣ № 78, «Нога». Караеубазарскій драгунскій полкъ вошелъ въ село Сивый Куть. На базарной площади стояла толпа народа и смотрѣла въ землю. Дѣло въ томъ, что на площади рыли колодезь; во время работы земля обвалилася, выломивъ и нѣсколько плохихъ бревенъ сруба, и однимъ изъ этихъ бревенъ прижало работнику ногу такъ, что не было возможности вывободить ее. Полковой докторъ и костоправъ были люди отважные: спустились въ колодезь, произвели тамъ ампутацію; работника вытащили; онъ скоро выздоровѣлъ и теперь на деревянной ногѣ честно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ пилой.

То былъ № 78-й, а вотъ № 88, «Подкидышъ». Жена бѣднаго чиновника родила двойни. Потолковала, потолковала она съ мужемъ и рѣшила подкинуть ихъ. Мужъ взялъ сначала одного изъ новорожденныхъ и пошелъ подкидывать къ откупщику. А къ откупщику передъ самымъ этимъ часомъ былъ ужъ подкинутъ другой ребенокъ, и въ домѣ держали ухо востро. Чиновника подстергли, обыскали, нашли, что онъ принесъ подкидывать ребенка, и заставили въ прибавокъ къ этому ребенку взять еще и другаго, подкинутаго раньше къ-то. Такимъ образомъ, бѣдной чиновницѣ вмѣсто двухъ—пришлось кормить троиxъ новорожденныхъ. Но на принесенномъ чужомъ ребенкѣ оказалась записочка съ приложеніемъ ста рублей, а начальникъ, услышавъ о такомъ случаѣ, далъ чиновнику мѣсто, на которомъ жалованье было больше прежняго.

Кажется, довольно: семь разсказовъ взяли мы на пробу, во всѣхъ оказалось одно и то же: г. Даль слышалъ анекдотъ, который показался ему интересенъ, взялъ, да и пересказалъ его. Если въ анекдотѣ не было никакого смысла, г. Даль не нашелъ нужнымъ вложить въ него смыслъ; а если анекдотъ имѣлъ какой нибудь смыслъ, то утратилъ его въ пересказываніи г. Далья.

Какъ пофилософствуешь иной разъ,—и пожалѣешь, случается, зачѣмъ это такъ странно разъединены бывають по нѣсколькимъ головамъ качества, которымъ хорошо было бы соединиться въ одной головѣ. Напримѣръ, одинъ знаетъ многое, но сообразить ничего не можетъ; другой соображать мастеръ, но ничего не знаетъ. Но это сожалѣніе—вздорная мечта, отвергаемая глубокомысленною наукою. По глубокомысленной наукѣ этому такъ и должно быть; это называется раздѣленіемъ труда. Одинъ пашетъ землю подъ пшеницу, но не ѣсть пшеницы; другой ничего не дѣлаетъ, за то кушаетъ бѣлый хлѣбъ; и наука доказываетъ, что при этомъ оба дѣла идутъ гораздо успѣшнѣе: одинъ, который не ѣсть пшеницы, наготовитъ ея для другихъ больше, чѣмъ когда бы и самъ тоже ѣлъ ее; другой, который ничего не дѣлаетъ, съѣстъ на гораздо большую сумму, чѣмъ когда бы самъ работалъ.

Такъ и тутъ. Г. Вл. Ламанскій, напримѣръ, ровно ничего не знаетъ о русскомъ народѣ, за то разсуждаетъ о немъ; г. Даль очень много знаетъ о русскомъ народѣ, за то разсудить ничего не умѣетъ; и отъ этого у обоихъ гораздо больше успѣха, у каждаго въ его дѣлѣ. Если бы г. Даль искалъ смысла въ своихъ знаніяхъ, онъ не наслушался бы столько анекдотовъ и не запомнилъ бы столько поговорокъ; а г. Ламанскій, если бы зналъ русскій народъ, въ десять разъ меньше сталъ бы разсуждать о немъ, — и почему знать? быть можетъ, даже меньше бранилъ бы пѣмцевъ на своихъ лекціяхъ въ Пассажѣ.

О рекрутской повинности.

Намъ доставлены замѣтки «о рекрутской повинности», написанныя г. Волковымъ (въ Кяхтѣ). Помѣщаетъ существенныя мѣста этой небольшой статьи.

Оба способа отправления рекрутской повинности, какъ очередной, такъ и жеребьевой, имѣютъ свои невыгоды. О невыгодахъ очереднаго порядка довольно будетъ сказать, что иногда семейства, состоящія даже изъ 3-хъ работниковъ, вовсе не отправляютъ рекрутской повинности, по тѣлеснымъ только недостаткамъ всѣхъ братьевъ, тогда какъ изъ семейства, менѣе обязаннаго къ ней (напримѣръ, два брата, достигшіе 60 лѣтъ, и племянникъ ихъ, имѣющій всѣ нужныя качества), берется рекрутъ, и семейство остается безъ поддержки. Въ жеребьевомъ порядкѣ вся справедливость зависитъ отъ случайности. Напримѣръ, если въ данное время въ одномъ семействѣ находится три работника: 30, 25 и 20 лѣтъ, — въ первый наборъ жребій на это семейство, по счастью, не выпадетъ; къ слѣдующему же набору, бывающему чрезъ два года, семейство это отдалится уже отъ очереди: законъ обязываетъ ставить на очередь людей, имѣющихъ 20 лѣтъ, и только по недостатку 20 и 21-лѣтнихъ дать жребій 22-лѣтнимъ; если же младшій членъ того семейства, о которомъ здѣсь говорится, или не будетъ поставленъ на жребій, какъ 22-лѣтній, или опять ему не выпадетъ жребій, — тогда при третьемъ наборѣ семейство это еще болѣе отдалится отъ жребья, тогда какъ обязанность его въ поставкѣ рекрута должна, въ сравненіи съ другими семействами, увеличиваться. Такимъ образомъ, часто случается, что большія семейства, съ полнымъ составомъ работниковъ, остаются вовсе избавлены отъ повинности и замѣняются другими, менѣе обязанными. Кроме того, при жеребьевомъ порядкѣ много уходитъ въ рекруты людей, оставляющихъ малолѣтнія семейства; для нихъ въ жеребьевомъ порядкѣ нѣтъ изъятія, тогда какъ по очередному порядку идутъ въ рекруты сначала холостые, потомъ женатые бездѣтныя, и уже по недостатку ихъ — отдаются женатыя, имѣющіе дѣтей.

Самымъ лучшимъ и справедливымъ способомъ было бы несеніе рекрутской повинности посредствомъ охотниковъ; стоитъ только возложить на цѣлое общество или участокъ, состоящій не менѣе какъ изъ 1,000 душъ, сборъ особыхъ средствъ, чтобы имѣть возможность выдавать поступающимъ въ рекруты охотникамъ значительную награду. Потребную для этого сумму слѣдуетъ собирать со всѣхъ членовъ общества, обязанныхъ нести рекрутскую повинность. Тогда повинность эта упадала бы на всѣхъ равно.

Потому весьма полезно было бы установить при отправленіи рекрутской повинности, сначала хотя по городамъ, слѣдующій порядокъ:

1) Каждое общество или участокъ избираетъ ежегодно изъ среды своей 24 чело-
вѣка добросовѣстныхъ и рекрутскаго старосту.

2) Добросовѣстные, вмѣстѣ съ рекрутскимъ старостою, составляютъ ежегодно списки наличнымъ членамъ своего общества или участка отъ 18 до 36-лѣтняго возраста.

3) Этотъ общій списокъ прѣвѣряется одинъ разъ въ году въ общемъ собраніи общества, подъ предсѣдательствомъ градскаго головы, или бургомистра, или городского судьи.

4) По объявленіи набора устанавливается особый сборъ по приговору общества, составляемому также въ общемъ собраніи, подъ предѣлательствомъ городского головы. Размѣръ этого сбора долженъ простирается по числу слѣдующихъ съ общества или участка рекрутовъ, полагаая по 400 р. на каждого и какую либо часть на расходы, нужные при сдачѣ, и обмундированіе рекрутовъ.

5) Способъ сбора или раскладки предоставляется самому обществу, которое можетъ разлагать эти деньги по числу душъ, или по состояніямъ, или посредствомъ добровольной складки, или другимъ въ обществѣ установленнымъ способомъ.

Примѣчаніе. Можно бы предоставить обществамъ составлять эту сумму временно, разлагая взносъ ея на двѣ половины года, какъ платятся подати, только бы имѣть эту сумму всегда въ готовности. Конечно, желалось бы, чтобы для отиравленія рекрутской повинности образовались въ каждомъ обществѣ особые рекрутскіе капиталы, чтобы не прибѣгать къ ежегодному сбору или раскладкамъ; впрочемъ, современемъ можно ожидать, что всѣ общества примутъ подобныя мѣры.

6) По полученіи манифеста о наборѣ, добросовѣстные вызываютъ охотниковъ къ поступленію въ рекруты.

7) Если охотниковъ не окажется, или число ихъ будетъ недостаточно для пополненія числа слѣдующихъ съ общества или участка рекрутъ, тогда добросовѣстные составляютъ уже очередной и жеребевой списки, въ которыхъ первое мѣсто должны занимать холостые молодые люди, годные въ рекруты, считая таковыхъ для рекрута по 5 человѣкъ; имъ дается жребій отдѣльно отъ прочихъ членовъ общества; когда они всѣ вынутъ жеребьи и полного количества рекрутовъ не окажется, тогда остальные берутся уже съ прочихъ членовъ общества.

8) При существованіи подобныхъ правилъ, каждое общество конечно будетъ стараться отправлять рекрутскую повинность посредствомъ охотниковъ; для этого слѣдуетъ ему увеличивать свои средства. Итакъ, можно бы было предоставить больше—семейнымъ откупаться отъ очереди, взнося въ общественный рекрутскій капиталъ по 400 р., что и должно быть поставлено этому семейству въ рекрутскихъ очередныхъ спискахъ послугой.

9) Поступающимъ въ рекруты охотой, или по очереди, или по жеребью, выдается награда не менѣе 400 р. Если же общество увидитъ, что награда эта не привлекаетъ охотниковъ и средства общества позволяютъ, то оно можетъ увеличить ее по своему усмотрѣнію, объявивъ объ этомъ благовременноѣ.

10) Изъ слѣдующей рекруту награды $\frac{1}{4}$ часть, т. е. 100 р., выдается ему на руки, остальные 3 части (300 р.) отдаются въ проценты; изъ полученныхъ процентовъ половина выдается на содержаніе оставшагося послѣ рекрута семейства, остальные проценты причисляются къ капиталу; если же у рекрута не останется никакого семейства, то всѣ проценты причитаются къ капиталу, который и выдается ему по выходѣ въ отставку. Если онъ во время службы обѣжитъ или сдѣлаетъ такое преступленіе, которое лишаетъ его всѣхъ правъ состоянія, то деньги его поступають въ пользу наследниковъ, а по неимѣнію ихъ, какъ выморочныя, въ пользу общества.

11) Поступающему въ рекруты слѣдуетъ предоставить право избирать изъ среды общества онекуна, который, ежегодно получая изъ думы или рагуни свѣдѣнія о состояніи капитала, сообщаетъ ихъ рекруту.

12) Всѣми эти правами должны пользоваться и охотники, поступающіе въ зачетъ будущихъ наборовъ; они зачитаются обществу въ первый же наборъ.

Установленіе подобнаго порядка очень облегчитъ отправленіе рекрутской повинности.

Мысли, очень кратко изложенныя г. Волковымъ, представлены въ гораздо болѣе развитой формѣ неизвѣстнымъ авторомъ статьи, помѣщенной недавно въ одномъ изъ специальныхъ нашихъ журналовъ. Предметъ такъ важенъ, а начинать объ немъ рѣчь намъ отъ самихъ себя такъ затруднительно, что мы рѣшаемся сдѣлать очень большія заимствованія изъ статьи этого журнала, — или, прямѣе говоря, перепечатать большую половину ея. Читатель увидитъ, что планъ автора этой статьи во всѣхъ важныхъ чертахъ совершенно сходенъ съ мыслями, къ которымъ конечно

совершенно независимо отъ него пришелъ г. Волковъ: судя по времени, въ Кяхтѣ книжка журнала, заключававшая въ себѣ статью о рекрутской повинности, получена была спустя уже очень много времени послѣ того, какъ отправилъ въ Петербургъ свои замѣтки г. Волковъ. Такое согласіе взглядовъ конечно усиливаетъ вѣсъ мыслей, предлагаемыхъ и г. Волковымъ, и авторомъ статьи.

«Рекрутская повинность въ мѣщанскихъ обществахъ отправляется въ Россіи, въ настоящее время, по двумъ системамъ: очередной и жеребьевой. Въ обоихъ случаяхъ, повинность эта отбывается обществомъ натурою, и, притомъ, за все число ревизскихъ душъ, состоящихъ въ немъ, кромѣ льготныхъ. Въ основаніи очередной системы лежитъ та мысль, что какъ мѣщанскія общества слагаются изъ семей, представляющихъ собою какъ бы отдѣльныя общества, члены которыхъ, по духу нашего законодательства, обязаны платить всѣ подати и отправлять возлагаемыя на нихъ закономъ повинности обща, — то посему и рекрутская повинность должна быть отбываема не каждымъ членомъ общества отдѣльно, а семьями.

«Такимъ образомъ, по этой системѣ, семья, давшая рекрута, становится на нѣкоторое время свободною отъ этой повинности. Большая или меньшая продолжительность этого льготнаго времени зависитъ отъ состава семьи: чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ льготный періодъ меньше, и наоборотъ. Слѣдовательно, сущность этой системы заключается въ томъ, что семьи даютъ рекрута поочередно, а очередь обуславливается числомъ рабочихъ силъ и душъ, въ ней заключающихся.

Основная же мысль жеребьевой системы заключается въ томъ, что не семьи, составляющія общества, а каждый членъ его отдѣльно долженъ участвовать въ отправленіи рекрутской повинности, по достиженіи опредѣленнаго возраста, а именно 20 и 21 года. А потому, при объявленіи набора, призываются къ отправленію его всѣ молодые люди, имѣющіе назначенный возрастъ; но какъ такихъ однолѣтковъ всегда въ обществѣ больше, нежели сколько требуется для исполненія набора, то кому изъ нихъ идти въ рекруты — рѣшаетъ жребій; остальные же, за исключениемъ отчисляемыхъ въ запасные и подставные, освобождаются навсегда отъ этой повинности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лицъ, имѣющихъ призываемый возрастъ и годныхъ къ военной службѣ, окажется меньше, нежели сколько ихъ нужно для отправленія набора: въ такомъ случаѣ призывается въ пособіе тому возрасту слѣдующій высшій и т. д.

«Всѣ дальнѣйшія подробности, въ приложеніи этихъ системъ къ самому дѣлу, должны бы прямо вытекать изъ главныхъ началъ ихъ; но какъ въ поступленіи въ военную службу необходимо имѣть опредѣленные физическія качества, и, сверхъ того, не каждая семья, по своему положенію, можетъ дать одного изъ ея членовъ въ рекруты, не лишаясь совершенно средствъ къ пропитанію своему честнымъ трудомъ, то, вслѣдствіе этого, а также и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, оказалось необходимымъ — при взиманіи рекрута какъ по той, такъ и по другой системѣ дѣлать нѣкоторыя исключенія. А какъ, по правиламъ обѣихъ системъ, лица, освобождаемыя почему либо отъ рекрутства, не несутъ въ возмездіе за это никакой другой повинности въ пользу общества, то отъ сего тотчасъ же произошла неравномѣрность въ распредѣленіи тягости этой повинности на членовъ одного и того же сословія, и затѣмъ явились льготы для однихъ, влекущія за собою обремененіе для другихъ, безъ всякаго за то вознагражденія со стороны первыхъ.

«При изученіи подробностей обѣихъ системъ, недостатки ихъ и вытекающія изъ тѣхъ недостатковъ послѣдствія выдаются такъ рѣзко, что каждый невольно долженъ придти къ мысли о настоятельной необходимости или замѣнить эти системы новою, или, избравъ лучшую изъ нихъ, сдѣлать въ ней исправленія, указываемыя опытомъ».

Авторъ, говорящій собственно только о мѣщанскихъ обществахъ, перечисляетъ неудобства той и другой системы въ примѣненіи къ нимъ:

«1) Первый и главный недостатокъ, общій обѣимъ рекрутскимъ системамъ, состоитъ въ томъ, что, какъ выше сказано, всѣ члены мѣщанскаго общества участвуютъ въ отбываніи рекрутской повинности. Слабосиліе, нѣкоторыя весьма обыкно-

венныя болѣзни, какъ на примѣръ: золотушное состояніе, выражающееся хотя и незначительными опухолями шейныхъ желѣзъ, но не позволяющее носить киверъ или каску, незначительная хромота происходящая оттого, что одна нога нѣсколько короче другой, наконецъ малый ростъ и тому подобныя недостатки хотя и не мѣшаютъ исполнять всѣ, или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ, работы, но относятся къ разряду такихъ физическихъ недостатковъ, съ коими воспрещено принимать въ военную службу.

«А какъ мѣщанскія общества отправляютъ рекрутскую повинность только натурою, то мѣщане съ помянутыми недостатками совершенно избавляются отъ этой повинности; общество же, давая рекрутъ по числу ревизскихъ душъ, вынуждено давать ихъ и за неспособныхъ, не получая за то съ нихъ никакого возмездія; а потому тягость этой повинности надетъ только на тѣ семьи, гдѣ есть члены, годные къ военной службѣ. Такимъ образомъ, семья, которой на по очереди, ни по жеребью не слѣдуетъ дать рекрута, весьма часто даетъ его только потому, что въ тѣхъ семьяхъ, которыя стоятъ по списку выше, оказалось нѣсколько человѣкъ негодныхъ. За что же одинъ семья пользуются льготою лишь вслѣдствіи того, что члены ихъ имѣютъ нѣкоторые физическіе недостатки, а другіе несутъ за нихъ повинность, и часто съ полнымъ разстройствомъ своего семейнаго быта, безъ всякаго за то вознагражденія?

«Для ближайшаго усмотрѣнія подобныхъ несправедливостей, какъ прямыхъ послѣдствій существующихъ рекрутскихъ системъ, возьмемъ въ примѣръ слѣдующія два семейства:

1) Андрей Петровъ 49 лѣтъ.	2) Антонъ Ивановъ 58 лѣтъ.
его жена Вѣра 47 —	его сынъ Прокофій 39 —
ихъ дѣти: Николай 20 —	Прокофія жена Анна 38 —
— Петръ 15 —	ихъ дѣти: Иванъ 20 —
братъ Павелъ 40 —	— Андрей 12 —
его жена Анна 38 —	— Петръ 5 —
ихъ сынъ Антонъ 19 —	— Павелъ 3 —
	— Анна 14 —
	— Агафья 8 —

«Итого 7 душъ, изъ коихъ 5 мужескаго пола и почти всѣ работники, хотя Петръ и не достигъ еще законныхъ лѣтъ работника.

Итого 9 душъ, изъ нихъ 6 мужескаго, изъ коихъ только три работника.

«По очередной системѣ, первое семейство должно стать на очередь раньше второго, а по жеребевой — члены ихъ Иванъ и Николай должны быть призваны одновременно. Допустимъ теперь, что Николай малоросль, а Антонъ золотушень, — и вотъ семья благоденствуетъ, благодаря недостаткамъ, которые хотя и не мѣшаютъ всѣмъ имъ быть хорошими работниками, но, однакожь, избавляютъ отъ исполненія одной изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей; а между тѣмъ выбитіе одного члена изъ этой семьи не произвело бы въ ней никакого разстройства. Во второй же семьѣ Иванъ оказался молодцомъ по всему: и по росту, и по здоровью, и бѣдная семья должна разстаться съ своимъ молодцомъ потому только, что въ первой семьѣ и въ другихъ ей подобныхъ не оказалось годныхъ членовъ, — должна разстаться, несмотря на то, что въ этой семьѣ пятеро малолѣтковъ и одинъ старикъ-дѣдъ, который, въ эти лѣта, большею частію не только не работникъ, но еще требуетъ ухода: работникъ же остается всего одинъ. Что же будетъ съ семьей? Какъ одинъ работникъ прокормить, одѣнуть и обуять всю семью да, сверхъ того, заплатить подати и повинности за шесть душъ? Поневоля окажется несостоятельнымъ, и его посадятъ въ рабочій домъ, а семья отправится нищенствовать или промыслять какимъ либо незаконнымъ образомъ. Но если бы первая семья и другія, подобныя ей, отправили, въ свою очередь или по доставшемуся жеребью, повинность, то второй семьѣ досталось бы дать рекрута позже, и, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ: тогда у нея былъ бы еще подростокъ, который могъ бы помогать отцу, и семья не разстроилась бы окончательно. Кто изъ родителей-мѣщанъ будетъ болѣе благодарить Бога — тѣ ли, у коихъ дѣти молодцы по

росту и здоровью, или тѣ, у коихъ дѣти имѣютъ какіе либо недостатки: короткошеи, кривошеи, золотушны? Я слышалъ, какъ одна мать, во время пабора, благословляла судьбу свою за то, что у нея одинъ сынъ малоросль, а другой кривошей, что, однакожь, не мѣшаетъ одному изъ нихъ быть хорошимъ сапожникомъ, а другому шить тулупы. Какое странное положеніе общества: родители радуются тому, что ихъ дѣти имѣютъ какое либо уродство! А нерѣдко бываютъ еще и такіе случаи, что родители, въ видахъ освобожденія сыновей своихъ отъ рекрутства, стараются, во время дѣтства ихъ, изуродовать нѣкоторые ихъ члены, не лишая, однакожь, возможности работать и, слѣдственно, быть полезными своей семьѣ. Вотъ послѣдствія неравнобѣрнаго отправления повинности.

«2) Статьею 192 Уст. Рекр. запрещается принимать въ рекруты лицъ, оставленныхъ по суду въ подозрѣніи по такимъ проступкамъ, за которые, на основаніи закона, они подлежали бы лишенію всѣхъ правъ состоянія или же всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ссылкѣ въ Сибирь на каторгу или на поселеніе, отдачѣ въ арестанскія роты и рабочіе дома, и кон, притомъ, во время слѣдствія на повальномъ обыскѣ, опорочены въ поведеніи. Такимъ образомъ, подозрѣніе въ преступленіи даетъ всегласную льготу отъ рекрутской повинности, и человекъ, ни въ чемъ не заподозрѣнный, идетъ въ рекруты за мошенника, а онъ, въ возмездіе за это, даже не облагается никакою излишнею противъ другихъ повинностію и пользуется льготою, какъ бы въ награду за хорошее дѣло. Поэтому, чтобы избавиться отъ рекрутства, нужно только хлопотать, чтобъ какой либо уголовный преступникъ прицупалъ къ своему дѣлу, тогда, при допросахъ, самому нѣсколько сбиться и затѣмъ устроить такъ, чтобы судъ оставилъ въ подозрѣніи, чему и бывали примѣры. Опять приходимъ къ результату весьма неутѣшительному.

«3) Есть семейства, которыя, по небольшому своему составу, какъ то: отецъ съ сыномъ, дѣдъ съ внукомъ, дядя съ племянникомъ, одиночка и т. п., поименованные въ ст. 79, 80 и 814 Уст. Рекр., освобождаются отъ рекрутской повинности, однакожь, безъ исключенія изъ того числа душъ, за которое общество отправляетъ эту повинность. Вслѣдствіе такового освобожденія мѣщанскія семейства стараются раздробиться. А какъ раздѣлы на семи, въ которыхъ меньше трехъ работниковъ, воспрещаются, то они достигаютъ этого слѣдующимъ образомъ: все семейство перечисляется въ кунечество; на слѣдующій годъ члены его по одному и по два, смотря по тому, какъ имъ нужно раздѣлиться, объявляютъ капиталы въ разныхъ городахъ, и на слѣдующій годъ каждый въ своемъ городѣ, по необъявленію капитала, сходить въ мѣщане, и вотъ семейство раздробилось, согласно его желанію, и избавилось отъ рекрутства во вредъ другимъ. Такихъ примѣровъ множество. Жеребьевая система отчасти устраняетъ это тѣмъ, что по 814 ст., только тѣ изъ одиночекъ и двойниковъ пользуются освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, которые владѣютъ не менѣе пяти лѣтъ недвижимою собственностію, приносящею не менѣе 60 руб. сер. въ годъ чистаго дохода. Но законъ этотъ, устраняя означенное неудобство, не устраняетъ неравнобѣрное распределеніе рекрутской повинности: избавляя богатыхъ, онъ заставляетъ бѣдныхъ нести ее вдвойнѣ, то есть и за себя, и за богатыхъ. Вотъ главнѣйшіе недостатки, общіе обѣимъ системамъ.

«Кромѣ того, въ очередной системѣ особенно выдаются слѣдующіе недостатки:

«1) Весьма обременительно для общества правило, по коему одиночки и двойники, въ опредѣленныхъ степеняхъ родства, тогда только подвергаются отправленію рекрутской повинности, когда число такихъ семей составляетъ не менѣе третьей части всѣхъ семей; въ противномъ случаѣ, повинность эта отправляется за нихъ многорабочими семьями, и они избавляются отъ оной безъ всякаго съ ихъ стороны возмездія тѣмъ семьями или обществу.

«2) Весьма тяжело условіе для исключенія изъ числа работниковъ по болѣзни. Для этого, по ст. 77, нужно или быть слѣпымъ на оба глаза, или не имѣть которой либо руки или ноги, или не владѣть одною изъ нихъ вслѣдствіе перелома или иной болѣзни, пресѣкшей дѣйствованіе ими, и вообще быть разслабленнымъ до неподвижности, и то, если общественное собраніе участка, большинствомъ голосовъ, признаетъ сира-

ведливымъ сдѣлать это исключеніе до выздоровленія. Какже можно признать работникомъ того, который хотя и не разслабленъ совершенно, но страдаетъ сильною ломотою во всѣхъ членахъ и не можетъ даже ходить безъ помощи другихъ, или имѣеть тѣло, покрытое язвами, или одержимъ другими какими либо хроническими болѣзнями, которыя не только лишаютъ его возможности быть полезнымъ семейству, но, напротивъ, требуютъ еще ухода за нимъ,—и, наконецъ,

«3) Отдѣлъ одного члена отъ семьи дозволяется лишь для вступленія чрезъ женитьбу въ домъ, гдѣ одишь работникъ, но непременно чрезъ женитьбу. Почему же не дозволить подобнаго отдѣла по случаю усыновленія, а также въ домъ родной матери, которая могла бы пріобрѣсти этотъ домъ на собственныя деньги, не принадлежація семьѣ умершаго ея мужа, или чрезъ вступленіе во второй бракъ? Эти причины законны для отдѣла и должны быть приняты во вниманіе. Если же обратимся къ жеребьевой системѣ, то найдемъ тамъ еще болѣе отсутствія справедливости.

«Основная мысль этой системы, заключающаяся въ томъ, что кому изъ общества, слѣдуетъ отправить возложенную на него повинность, долженъ рѣшить жребій, едва ли можетъ быть признана правильною.

«Если сословіе обязано отправлять какую либо государственную повинность, то справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены его участвовали въ этомъ сообразно ихъ средствамъ и чтобы распредѣленіе повинности было основано въ началѣ разумномъ. Съ принятіемъ же жеребьевой системы все предоставляется случаю, и семьи, находящіяся совершенно въ одинаковомъ положеніи, большею частію отбываютъ рекрутскую повинность неравномѣрно.

«При распредѣленіи рекрутской повинности на членовъ общества, могутъ быть только два случая: или повинность эта должна быть разложена на семьи, или на каждого члена отдѣльно, но непременно уже на каждого. Въ первомъ случаѣ прійдемъ къ очередной системѣ, а во второмъ—къ конскрипціи. По вводимой же въ мѣщанскихъ обществахъ жеребьевой системѣ, хотя и призываются къ отправленію повинности всѣ однолѣтки, но дѣйствительно отправляютъ лишь тѣ, у которыхъ, по вынуги ими номеровъ жеребья, окажутся цифры номеровъ, не превышающія числа требуемыхъ отъ общества рекрутъ, а остальные освобождаются навсегда. Такимъ образомъ, въ самой основѣ этой системы лежитъ неравномѣрность распредѣленія повинности, которая еще рѣзче выкажется, если мы посмотримъ, какимъ образомъ тягость повинности разлагается ею на семьи. Дѣйствительно, возьмемъ два семейства, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ отца съ тремя сыновьями-однолѣтками, совершенно годными въ военную службу.

«Пусть эти семейства будутъ таковы:

а) Иванъ	42 лѣтъ.	б) Сидоръ	42 лѣтъ.
Его дѣти: Климъ	20 —	Его дѣти: Оома	20 —
— Петръ	18 —	— Кузьма	18 —
— Семень	16 —	— Василій	16 —

«Въ первый объявленный наборъ призываются изъ семьи а) Климъ, а изъ семьи б) Оома. Предположимъ, что Климу достался № 10, и онъ пошелъ въ рекруты, освободивъ, такимъ образомъ, навсегда брата своего Петра отъ призыва къ жребью*), а Оомѣ достался № 40, превышающій требуемое число рекрутъ, и потому онъ остался свободенъ. Чрезъ два года призывается изъ семьи б) Кузьма. Допустимъ, что, по взятому имъ номеру жеребья, онъ поступаетъ въ рекруты, освободивъ отъ призыва брата своего Василія. Спустя еще два года будетъ призванъ изъ семьи а) Семень, и если ему достанется одинъ изъ первыхъ номеровъ, что легко можетъ случиться, то тогда, при одномъ и томъ же семейномъ положеніи, изъ одной семьи будетъ взято два рекрута, а изъ другой одинъ. Справедливо ли это? А можетъ случиться, что изъ семьи б) никому

*) По правиламъ жеребьевой системы (ст. 814 § 2 п. 1), если у поступившаго въ военную службу мѣщанина остались сыновья, то старшій сынъ освобождается навсегда отъ призыва къ жеребью, а если не осталось сыновей, то льгота эта предоставляется слѣдующему за нимъ брату.

не попадутся первые нумера, и тогда она не даст ни одного рекрута, между тѣмъ, какъ семья а) даетъ двухъ рекрутъ. По очередной системѣ эти семьи несли бы повинность совершенно одинаково».

Дѣйствительно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ срокъ службы не очень длиненъ, какъ во Франціи, предоставленіе жребію рѣшать, что одинъ будетъ нести военную повинность, а другой освобождается отъ нея, не имѣетъ такой тяжелой несправедливости, какъ у насъ, гдѣ срокъ службы остается еще очень длиненъ.

«Какъ въ мноробочихъ семействахъ призываются только молодые люди 20 и 21 года, то сколько нибудь зажиточные мѣщане, всегда могутъ избѣгнуть рекрутской повинности, перечисляясь на время въ купечество.

«Въ настоящее время, переходъ еще болѣе облегченъ дозволеніемъ и состоящимъ на рекрутской очереди перечисляться въ купечество. Слѣдовательно, достаточно перечислиться на два года въ купцы, чтобы избавить своего члена отъ призыва, потому—сойди въ мѣщане, а когда второму члену будетъ 19 лѣтъ, тогда вновь перейти на два года въ купечество. и т. д.

«Поэтому избавленіе отъ рекрутской повинности каждаго мѣщанина, годнаго къ военной службѣ, обойдется семьѣ рублей во сто съ небольшимъ, и затѣмъ вся тягость повинности опять падаетъ на бѣдныхъ.

«Всѣмъ въ обществѣ мѣщанамъ, имѣющимъ отъ 18 до 20 лѣтъ, паспорта должны быть выдаваемы только трехмѣсячные. Постановленіе весьма стѣснительное.

«По очередной системѣ, такіе паспорта давались только членамъ семействъ, состоящихъ на первой и второй очереди, разсчитывая по шести такихъ семей на каждую тысячу человѣкъ, что было несравненно легче. Сверхъ того, и по исполненіи набора, по жеребевой системѣ, должно быть отчислено по 20 человѣкъ на каждую тысячу въ запасные и подставные, которые также должны быть въ теченіе года всегда наготовѣ.

«Всѣ нынѣ причисляемые въ мѣщане, отпущенные на волю и кантонисты получаютъ, по существующимъ законамъ, льготу отъ рекрутства на пять лѣтъ, со времени причисленія ихъ, если первымъ болѣе 21, а вторымъ 20 лѣтъ; если же въ настоящее время имѣютъ менѣе 20 лѣтъ, то первые пользуются означенною льготою до 26, а вторые до 25 лѣтъ. Слѣдовательно, кантонисты тогда только будутъ призваны къ жеребью, когда потребуются къ призыву 25-лѣтніе, что случается весьма рѣдко; а отпущенники—когда и сего послѣдняго возраста окажется недостаточно для исполненія набора; если же они изъ дворовыхъ, то имъ дается льгота на десять лѣтъ, со времени отпуска на волю. А какъ тѣ и другіе, по истеченіи льготнаго времени, вносятся въ рекрутскіе списки и увеличиваютъ счетъ лицъ, за которыхъ общество должно дать рекрутъ, то, слѣдовательно, вступленіе ихъ въ общество весьма обременительно для него, такъ какъ вполнѣдствіи общество должно будетъ давать за нихъ рекрутъ изъ своихъ членовъ, безъ всякаго за то возмездія со стороны ихъ.

«По § 2 ст. 814. Если членъ семьи поступаетъ по жеребью въ военную службу, то изъ этой семьи освобождается отъ призыва къ жеребью навсегда сынъ или братъ поступившаго; если же нѣтъ у него сына или брата, то никто не изымлется. Между тѣмъ, въ 1 примѣч. къ тому же пункту, изъяснено: «что если отъ семьи самовольно отдѣлится часть ея и за прежде отведенную послугу эту семьею, изъятіе отъ призыва къ жеребью будетъ принадлежать одному изъ членовъ отдѣлившейся части, то право это или вовсе уничтожается, или переходитъ къ одному изъ членовъ той части семьи, которая осталась въ прежнемъ союзѣ, если только эта часть будетъ, по числу ревизскихъ душъ, болѣе отдѣлившейся». Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ, можетъ воспользоваться изъятіемъ не только сынъ или братъ, но и другой какой либо родственникъ. Посмотримъ, къ чему это ведетъ. Возьмемъ составъ семьи слѣдующій:

Антонъ Ивановъ	48 лѣтъ.
Его сыновья: Петръ	18 —
— Иванъ	12 —
Его племянники: Сидоръ	20 —
— Антонъ	19 —

«Представимъ, что изъ этой семьи поступилъ въ военную службу Сидоръ, а изъятіе отъ призыва дано Антону, но Антонъ малъ ростомъ и потому въ военную службу негоденъ, слѣдовательно и изъятіе ему не нужно. А какъ двоюродный братъ его Петръ по всему годенъ въ рекруты, то, для избавленія его отъ этой повинности, Антонъ вступитъ въ сдѣлку съ дядею, который, съ его согласія, объявляетъ думѣ, что Антонъ самовольно отдѣлился отъ семьи, а дума, на основаніи приведеннаго закона, лишаетъ Антона за такой поступокъ даннаго ему изъятія, предоставляя его одному изъ оставшихся членовъ семьи. Вотъ законъ и обойдетъ по желанію, и, притомъ, самымъ законнымъ образомъ.

«Много бы можно указать и еще подобныхъ послѣдствій этой системы; но на первый разъ, кажется, достаточно и этихъ.

«Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, какими началами руководился составитель этихъ правилъ. Быть можетъ, при этомъ была преслѣдуема какая нибудь цѣль, совершенно отъ насъ скрытая».

Эта критическая часть статьи не подлежитъ никакому спору. Затѣмъ слѣдуютъ соображенія автора о средствахъ избавить мѣщанскія общества отъ обременительной неравномѣрности по отправленію воинской повинности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться; объ общемъ же характерѣ его предположеній мы выскажемъ свое мнѣніе ниже.

«Кажется, что очередная система, какъ основанная на разумномъ началѣ, несравненно правильнѣе, удобопримѣнимѣе и легче для обществъ, нежели жеребьевая, которая въ высшей степени обременительна для нихъ и, сверхъ того, предоставляетъ все рѣшать случаю. Посему, при устраненіи въ очередной системѣ, если не совершенно, то хотя отчасти, существующихъ въ ней недостатковъ, оставленіе ея въ мѣщанскихъ обществахъ было бы для нихъ величайшимъ благодѣяніемъ, что могутъ подтвердить самія общества, если ихъ спросить.

«Недостатки эти можно устранить слѣдующими мѣрами:

«Какъ первый и главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что повинность рекрутская въ мѣщанскомъ сословіи отправляется за все общество только частью его, а нѣкоторые изъ членовъ вовсе не несутъ этой повинности, то слѣдуетъ также привлечь и ихъ къ общей обязанности, а именно: двойниковъ, одиночекъ и лицъ, коихъ по суду воспринято представлять въ военную службу, какъ занодозримыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, отдѣлить отъ многорабочихъ и составить изъ нихъ особый рекрутскій участокъ, обложивъ всѣхъ членовъ оного ежегоднымъ денежнымъ платежемъ. Деньги эти должны быть вносимы черезъ выборныхъ въ думу для храненія и своевременнаго употребленія на наемъ охотниковъ и сдачу ихъ за этотъ участокъ, также и для составленія участкаго рекрутскаго капитала.

«Сборъ этотъ долженъ быть производимъ ежегодно, примѣрно 1 руб. 25 коп. сер. съ души *). А какъ рекрутскіе наборы у насъ бываютъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ, чрезъ годъ, то получимъ, что на наемъ и сдачу рекрутъ будетъ собрано съ 1.000 душъ въ промежуткѣ между двумя наборами въ два года 2.500 руб. Если допустимъ, что, по разнымъ причинамъ, не поступитъ одна пятая сего сбора, то и тогда, предположивъ, что въ каждый наборъ потребуется отъ 5 до 6 рекрутъ съ 1.000 душъ, придется на каждого рекрута отъ 400 до 333 руб. сер., а за вычетомъ 50 руб. въ казну въ счетъ податей за охотника на будущее время, а равно денегъ, слѣдующихъ на сдачу охотниковъ, т. е. вносимыхъ на обмундировку, провіантъ и жалованье, на гербовую бумагу и другіе мелочные расходы по 20 руб. на человѣка, остается еще на каждого рекрута отъ 330 до 263 руб., изъ которыхъ если отдѣлить на наемъ каждого охотника по 250 руб. сер., цѣна, за которую и нынѣ нанимаются мѣщане, останется еще въ кассѣ въ первомъ случаѣ 400, а во второмъ 80 руб. сер. на каждую 1.000 душъ. Остатокъ этотъ долженъ составлять особую вспомо-

*) Еще бы правильнѣе было, если бы рекруты брались съ общества не по числу ревизскихъ душъ, а по числу наличныхъ работниковъ, и сборъ рекрутскихъ денегъ былъ разлагаемъ также на работниковъ. Можно положить и по 1 руб., ибо теперь, когда лѣта службы убавлены, стали наниматься за 150 и за 200 руб.

гательную рекрутскую сумму, въ которую также должны поступать деньги, слѣдующія на каждаго рекрута, замѣняемаго квитанціею, поступившею въ участокъ за мѣщанина, отданнаго въ военную службу за порочное поведеніе, по приговору общества, а также и излишекъ сбора, если въ который либо наборъ потребуется рекрутъ меньше противъ предполагаемаго дѣль. Деньги эти должны быть сохраняемы для пособия участку, какъ при могущихъ быть чрезвычайныхъ наборахъ, такъ и въ видахъ уменьшенія сбора на будущее время, каковое уменьшеніе и предоставить дѣлать общему собранію участка по его усмотрѣнію, а также и для уплаты съ самыхъ неимущихъ семей, съ тѣмъ, чтобы онѣ, при первой возможности, эти деньги возвратили въ кассу. Если же ко времени исполненія набора участокъ не представитъ столько охотниковъ, сколько съ него слѣдуетъ рекрутъ, то брать ихъ натурою изъ одиночекъ, выдавая поступившему за участокъ деньги, слѣдующія охотникамъ по расчету, и затѣмъ поступившихъ въ военную службу исключать вовсе изъ участка, какъ по платежу податей, такъ и по отправленію рекрутскою повинности, навсегда; а дабы количество рекрутъ всегда поступало бездомночно, то установить слѣдующій порядокъ: въ первый мѣсяць, по окончаніи истекшаго набора, всѣхъ одиночекъ, неключая единственныхъ сыновей при матеряхъ, вдовцовъ при бабкахъ и единственныхъ работниковъ въ семьяхъ, гдѣ есть хотя одинъ малолѣтковъ или вышедшій изъ дѣтъ работникъ, призывать къ вынужто жеребья для исполненія будущаго набора, и изъ вынужденныхъ первые номера отчислять на каждую 1,000 душъ по 12 номеровъ, т. е. по 6 для исполненія набора и по 6 въ подставные и запасные, при чемъ относительно годности ихъ къ военной службѣ сообразоваться съ правилами, изложенными въ поставленіи отдатчикамъ. Если взявшій одинъ изъ первыхъ жеребьевыхъ номеровъ окажется негоднымъ, то замѣнять его слѣдующимъ номеромъ и, въ то же время, составить жеребьевый списокъ. Призывъ этотъ дѣлать по возрастамъ, согласно правиламъ жеребьевой системы, то есть начиная съ 20-лѣтняго возраста; если же въ обществѣ будетъ такъ мало одиночекъ, что неостанетъ ихъ для исполненія предстоящаго набора, то тогда призывать изъ двойниковъ прежде тѣ семьи, гдѣ два брата, а потомъ— гдѣ дядя съ племянникомъ, при чемъ призываются преимущественно такіа семья, въ которыхъ нѣтъ малолѣтковъ.

«Наемъ охотниковъ предоставить дѣлать самимъ призваннымъ къ жеребью, которые и заключаютъ съ ними условія, при посредствѣ выборныхъ отъ участка. Предварительно заключенія условія, охотникъ долженъ быть засвидѣтельствованъ въ годности къ военной службѣ, или въ губернскомъ рекрутскомъ присутствіи, или въ общемъ присутствіи думы, при участіи городского врача, съ тою же отвѣтственностію лицъ, его свидѣтельствовавшихъ, каковая возлагается на членовъ рекрутскаго присутствія, при чемъ охотникъ получаетъ 75 р. сер. изъ кассы участка. Но если и за сямъ охотникъ, во время набора, окажется негоднымъ, то долженъ идти самъ жеребьевый; равнобрію онъ долженъ идти и тогда, когда не принишетъ за себя охотника. Но, въ обоихъ этихъ случаяхъ, онъ получаетъ отъ участка тѣ деньги, которыя ему слѣдовали на наемъ охотника, за вычетомъ, въ первомъ случаѣ, задатка, выданнаго непринятому охотнику.

«Можно надѣяться, что, при означенномъ вознагражденіи, охотники всегда найдутся, а одиночки, тѣмъ болѣе двойники, весьма рѣдко будутъ отправлять рекрутскую повинность по доставившемуся имъ жеребью, ибо если наемная плата современемъ и увеличится сравнительно съ нынѣшнею, то за назначеніемъ въ нособіе отъ общества 250 р. сер. каждому жеребьевому облегчаются средства найма, и они будутъ прискивать охотниковъ заблаговременно.

«Тѣ лица, которыя будутъ замѣнены охотниками, никогда не призываются уже къ жеребью.

«Весьма полезно бы было постановить, чтобы изъ числа денегъ, слѣдующихъ охотнику или жеребьевому, половина вносилась въ банкъ на его имя, по съ тѣмъ, что онъ не иначе можетъ ихъ получить, какъ по выходѣ въ отставку; другую же половину выдавать ему на руки, а именно 75 р. сер. при заключеніи условія и 50 р. по принятіи въ рекруты. Въ случаѣ смерти такого солдата на службѣ, деньги, внесенныя на его имя, выдавать его дѣтямъ и женѣ. Если же ихъ нѣтъ, то обращать въ резервную кассу того участка, за который онъ поступилъ.

«Дозволить мѣщанамъ, состоящимъ въ денежномъ участкѣ, избирать изъ среды себя

выборныхъ, которые должны заботиться какъ о своевременномъ взносъ рекрутскихъ денегъ въ участкѣ, такъ и о храненіи ихъ; они же, какъ выше сказано, обязаны содѣйствовать жеребьевымъ къ заключенію условій съ охотниками и представлять ихъ въ присутствіе думы для осмотра.

«Въ участкѣ многорабочемъ оставить существующую илибѣ очередную систему; но тѣ семьи, въ которыхъ, по дошедшей до нихъ очереди, не окажется ни одного члена, годнаго въ рекруты, по какимъ бы то ни было причинамъ, сносить точчасъ же въ участокъ депежный, облагая ихъ платежемъ, паравиѣ съ прочими, по 1 руб. 25 коп. въ годъ съ каждой души.

«Примѣчаніе. Дозволить и многорабочему участку ввести у себя вышеизясненный порядокъ сбора рекрутскихъ денегъ для найма охотниковъ за очередныя семьи, съ тѣми измѣненіями, какія будутъ общимъ его собраніемъ признаны полезными. Въ такомъ случаѣ, семьи, въ конхъ, по дошедшей очереди, не окажется годныхъ въ военную службу, не сносить въ участокъ двойниковъ и одиночекъ.

«Дозволить обществу входить въ разсмотрѣніе положенія тѣхъ семействъ, съ конхъ слѣдуетъ взять рекрута, и если большинствомъ голосовъ участка будетъ признано необходимымъ, для избѣжанія разстройства семьи, освободить ее на время отъ дачи рекрута, то ходатайствовать о томъ чрезъ думу у начальника губерніи или представлять на разсмотрѣніе казенной палаты, смотря по тому, какой путь правительство признаетъ лучшимъ. Объ освобожденныхъ семьяхъ должны быть составляемы каждый наборъ приговоры, и когда общество признаетъ возможнымъ взять изъ нихъ рекрута, тогда брать безостановочно.

«Какъ въ каждомъ полку есть нестроевыя роты, въ которыхъ требуется отъ солдата лишь хорошее здоровье, то было бы весьма полезно дозволить принимать малорослыхъ, не совершенно здоровыхъ, хотя на 10 рекрутъ одного. Возможность этого вида уже изъ того, что и нынѣ принимаются въ военную службу, отъ помѣщиковъ безъ зачета за рекрутъ, люди, имѣющіе ростъ, не превышающій 2 арш. 2 вершк., а при чрезвычайныхъ наборахъ допускается принимать въ зачетъ въ 2 арш. 3 вершка. Возможность этого доказывается тѣмъ, что въ полкахъ всегда были малорослые кантонисты, которыхъ теперь уже не будетъ.

«Какъ нынѣ срокъ службы солдата продолжается только 15 лѣтъ, то весьма полезно бы было предоставить хорошимъ и неонороченнымъ солдатамъ, по выслугѣ этого срока, оставаться на второй срокъ въ качествѣ охотника, съ тѣмъ, что деньги, слѣдующія рекруту, котораго онъ замѣняетъ, общество обязано выдавать уже въ пользу солдата, остающагося на вторичную службу, а квитанцію выдавать тому мѣщанскому обществу, изъ котораго онъ поступилъ; если же это общество не будетъ имѣть нужды въ зачетной квитанціи, то она передается въ другія общества той же губерніи за ту же плату. Это еще удобопримѣнимѣе было бы, если бы срокъ службы солдатъ былъ сокращенъ до 10 лѣтъ.

«Выдача пособія отъ общества жеребьевымъ одиночкамъ для найма за себя охотниковъ дастъ возможность пополнять войска охотниками, которые, конечно, будутъ служить лучше, нежели поступившіе въ службу противъ ихъ желанія; уменьшится число укрывающихся отъ рекрутства и вовсе исчезнетъ ужасный порокъ—членовредительство.

«Солдаты, при выходѣ въ отставку, не будутъ въ тягость тому обществу, среди коего поселятся, ибо положенныя на нихъ ихъ въ банкъ деньги—не менѣе 125 руб.—составятъ съ % за 15 лѣтъ сумму, достаточную для устройства ихъ, при водвореніи на новомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что почти все они, послѣ 15-лѣтней службы, будутъ еще крѣпки и годные работники. Возвратъ солдата въ семью будетъ не обремененіе, а помощь ей, и народъ отвыкнетъ смотрѣть на рекрутскую повинность съ тѣмъ ужасомъ, съ какимъ смотритъ теперь.

«Кажется, полезнѣе всего было бы предоставить каждому мѣщанскому обществу руководствоваться жеребьевою или очередною системою по его выбору. Такимъ образомъ, выработалась бы изъ среды самихъ отправляющихъ повинность болѣе удобная для нихъ система; правительство же оставило бы за собою лишь право требовать отъ нихъ поставки нужнаго числа рекрутъ».

Читатель замѣтитъ чрезвычайную умѣренность плана, предлагаемаго авторомъ статьи и г. Волковимъ. Оба она ограничиваются примѣненіемъ своей системы на первый разъ лишь къ податному сословію городскихъ обывателей, составляю-

щему менѣ одной десятой части въ массѣ податныхъ сословіи, несущихъ рекрутскую повинность. Быть можетъ такую скромность объема предлагаемой реформы слѣдуетъ назвать практичнымъ благоразуміемъ въ частныхъ лицахъ, предлагающихъ ее. Но само собою разумѣется, что если разсматривать дѣло въ коренныхъ его основаніяхъ, то не найдется причинъ дѣлать по отношенію къ рекрутской повинности разницу въ правилахъ для городского и для сельскаго податнаго населенія. Что касается до неудобствъ очередной и жеребьевой системъ, доводы, которые выставлены въ прочтенныхъ нами мысляхъ относительно мѣщанъ, вполнѣ примѣняются и къ поселянамъ. А на сколько удобно введеніе предлагаемой системы въ мѣщанскихъ обществахъ, на столько же удобно оно и въ сельскихъ,—или въ сельскихъ обществахъ оно еще легче. Масса мѣщанъ не превосходитъ своими средствами къ уплатѣ предлагаемаго сбора массы поселянъ, а, напротивъ, даже уступаетъ ей въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, если можно установить предлагаемый способъ отправленія рекрутской повинности у мѣщанъ, можно установить его и у поселянъ. Преимущества его надъ обоими существующими способами очевидны. Имъ въ очень значительной степени уменьшалась бы нынѣшняя неравномѣрность.

Но все-таки она уменьшалась бы, а не вполнѣ отстранялась бы и при новомъ способѣ,—нѣтъ, далеко не вполнѣ. Совершенно отстранилась бы она при немъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы число охотниковъ оказывалось не меньше количества требуемыхъ рекрутъ и затѣмъ уже не оставалось бы надобности въ требуемое число брать никакихъ другихъ рекрутъ ни по жребію, ни по очереди. Ожидать этого трудно. Разсчитываютъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ число рекрутъ, взятыхъ съ каждаго поколѣнія податныхъ сословіи, состояло около 4-й части всего числа людей мужескаго пола, достигавшихъ совершеннолѣтія. Конечно нельзя ожидать, чтобы число охотниковъ стало простирается до четвертой части населенія,—а если пропорція охотниковъ меньше, то при подобномъ размѣрѣ наборовъ часть рекрутъ должна будетъ ставиться по очереди или жребію. Конечно, если примѣнить предлагаемую систему къ однимъ мѣщанскимъ обществамъ, дозволить имъ нанимать охотниковъ изъ всѣхъ податныхъ сословіи, то для отправленія рекрутской повинности одного городского населенія быть можетъ и окажется достаточнымъ количество охотниковъ, доставляемое всею массою податныхъ сословіи. Но если предположить распространеніе предлагаемаго плана на всѣ податныя сословія, то большая часть рекрутъ все-таки будетъ не изъ охотниковъ, а изъ людей, подвергающихся отправленію повинности по жребію или очереди.

О причинахъ паденія Рима.

(ПОДРАЖАНІЕ МОНТЕСКЬЕ).

(Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи. Сочиненіе Гизо, члена французской академіи. Часть первая. Переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. С.-Петербургъ. 1861 г.).

Разбирать знаменитую книгу Гизо, изданіе которой въ русскомъ переводѣ— дѣлю очень похвальное и полезное, мы не будемъ. Она слишкомъ извѣстна, стало-быть выставлать ея достоинства бесполезно. Разбирать недостатки? Но главные недостатки взгляда Гизо вовсе не особенные его недостатки: повсюду, какъ у него, вы прочтете, что древній міръ былъ неспособенъ къ дальнѣйшему прогрессу, потому его разрушеніе было спасительно для человѣчества, и умеръ онъ отъ внутреннихъ смертельныхъ болѣзней: что варвары внесли съ собою новыя высшіе элементы, бывшіе необходимыми для блага человѣчества; что папская власть, возникшая на основаніи варварства, была въ свое время спасительна; что монашескіе ордена были въ свое время полезнѣйшими дѣятелями цивилизаціи, которая только и сохранилась, благодаря монастырямъ; что феодализмъ, имѣя такіе-то и такіе-то недостатки, не долженъ однако же быть порицаемъ безусловно; что вообще и средніе вѣка не такъ дурны, какъ утверждалъ Вольтеръ съ энциклопедистами, и т. д. и т. д. Если мысли эти вѣрны, Гизо столько же слѣдуетъ хвалить за нихъ, сколько за то, что онъ вѣрнѣе въ обращеніе земли около солнца,— это просто господствующее мнѣніе; если же эти мысли ошибочны, опять въ упрекъ ему ставитъ ихъ нельзя. Лично человѣкъ не подлежитъ никакому упреку, если все такъ думаютъ или дѣлаютъ, какъ онъ. Самому Гизо принадлежитъ только мастерское изложеніе господствующаго взгляда, а иногда очень дѣльные изслѣдованія въ его подтвержденіе. За то и за другое нельзя не похвалить его; но вѣдь не писать же статью о мастерскомъ изложеніи и нельзя же наполнять журнала разборомъ специальныхъ изысканій о какихъ нибудь частныхъ вопросахъ средневѣковой исторіи. Слѣдовательно о главномъ направленіи Гизо имѣтъ надобности много говорить.

Но въ господствующемъ направленіи историческихъ понятій есть много отгѣнковъ; въ предпочтеніи того или другаго отгѣнка уже выказывается личность писателя, уже состоитъ личное его достоинство или недостатокъ. Эту сторону дѣла мы

разсматривали въ рецензiи русскаго перевода «Исторiи цивилизацiи въ Европѣ», книги служащей предисловіемъ къ «Исторiи цивилизацiи во Франціи». Стало бытъ распространяться объ этомъ теперь нѣтъ нужды.

Но если мы ничего не хотимъ говорить здѣсь о сочиненiи Гизо, то думаемъ коснуться самаго предмета, о которомъ трактуетъ книга. «Современникъ» порицаютъ за недостатокъ серьезности, учености, — а вотъ покажемъ же, что можемъ быть солидными, то есть донельзя сухими и скучными (въ этомъ смыслѣ понимается солидность нашими порицателями), напишемъ статью о предметѣ, передъ которымъ суэзскiй каналъ и зундская пошлаина — сюжеты занимательные. Не угодно ли вамъ поразсудить съ нами, напримѣръ, о великомъ переселенiи народовъ, о герулахъ и франкахъ салийскихъ, о визиготахъ и алеманнахъ, о Гензерихѣ и Сигебертѣ? Угодно ли, не угодно ли вамъ, а извольте слушать слѣдующую диссертацию объ отношенiи этихъ занимательныхъ племенъ и лицъ къ не менѣе занимательнымъ Максимианамъ, Максиміанамъ и Максенціямъ.

Фактъ, съ котораго начинается исторiя новаго міра, — занятіе провинцій Римской имперiи варварами. По обыкновенному понятiю толкуютъ о какомъ-то очень курьезномъ содѣйствiи этого факта историческому прогрессу, даже утверждаютъ, что безъ него все пропало бы: только онъ и спасъ погибавшій міръ. Видите ли, римскiй міръ уже совершенно истощилъ все свое содержаніе, ничего новаго и лучшаго не могъ развить изъ себя, — по обыкновенному выраженiю, умиралъ. На этомъ способѣ разсужденiя опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали только о древней Римской имперiи, мало было бы намъ огорченiя и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно такъ же трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней практической жизни народовъ, въ особенности народовъ полуварварскихъ. «Западная Европа отжила свой вѣкъ, истощила свои жизненные элементы; западные народы не способны продолжать дѣло прогресса; міръ долженъ возобновиться наденіемъ этихъ народовъ и замѣною ихъ новыми, свѣжими племенами». Вы спрашиваете доказательствъ, — доказательство одно: такъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ съ римскимъ міромъ; для продолженiя прогресса необходимо было смѣниться прежнимъ народамъ новыми, свѣжими племенами. Послѣ такого аргумента начпшается ликованіе и хвастовство: «А вотъ ужъ мы и готовы возобновить міръ, внести въ исторiю новые прекраснѣйшіе элементы. Какіе мы, право, молодцы! Вотъ, не нынѣ, завтра облагодѣтельствуемъ человѣчество». На сколько это мнѣніе происходитъ прямо изъ тщеславія, споръ противъ него бесполезенъ. Тщеславіе не исправляется никакими словесными доводами; оно уступаетъ мѣсто справедливому сознанію своихъ достоинствъ лишь тогда, когда въ людяхъ дѣйствительно разовьются достоинства, приносящія имъ справедливую честь. Человѣкъ уже такъ устроенъ, что ему непремѣнно хочется гордиться собой: нельзя гордиться нутно, онъ гордится безнутно и становится разсудителемъ въ этомъ отношенiи лишь тогда, когда пріобрѣтетъ истинныя заслуги. Но на сколько тщеславный взглядъ претендуетъ опираться на аргументацію, на сколько онъ раздувается и укрупняется будто бы учеными соображеніями, споръ противъ него не остается безъ результатовъ: тщеславіе все-таки принуждено бываетъ становиться нѣсколько осмотрительнѣе и умѣреннѣе, когда докажутъ ему, что вздорность его очевидна: вотъ поэтому и разберемъ мы роль варваровъ при мнимомъ спасительномъ пособіи ихъ прогрессу человѣчества чрезъ занятіе римскихъ провинцій.

Чрезвычайно часто бываетъ, что при разсужденіяхъ о какой нибудь вещи забывается одна неважная штука—сущность вещи. Сколько толкуютъ, напримѣръ, о благотѣльныхъ послѣдствіяхъ какой нибудь войны, забывая лишь одно то, что война разоряетъ обѣ воюющія стороны, а разореніе вѣдь не Богъ знаетъ какъ хорошо и полезно. Вотъ этимъ самымъ недостаткомъ страдаетъ и обыкновенное толкованіе о благотворности завоеванія римскихъ провинцій варварами, что они будто бы принесли пользу прогрессу этимъ завоеваніемъ. Да подумайте только, что такое значить прогрессъ и что такое значить варваръ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и разлитіи знаній. Приложеніемъ лучшаго знанія къ разнымъ сторонамъ практической жизни производится прогрессъ и въ этихъ сторонахъ. Напримѣръ, развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д. Развивается химія; отъ этого развивается технологія; отъ развитія технологіи всякое техническое дѣло идетъ лучше прежняго. Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устроить свою общественную жизнь, и она устранивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ всякій умственный трудъ развиваетъ умственные силы человѣка, и чѣмъ больше людей въ странѣ выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, чѣмъ больше въ странѣ становится людей грамотныхъ, просвѣщенныхъ, — тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было, — значить, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ — результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько нибудь развитаго ума, который къ дикому звѣрю едва ли не ближе, чѣмъ къ развитому человѣку. Какая же тутъ можетъ быть польза для прогресса, т. е. для знанія, когда люди, сколько нибудь образованные, замѣняются людьми, еще не вышедшими изъ животнаго состоянія? Какая польза для успѣха въ знаніяхъ, если власть изъ рукъ людей, сколько нибудь развитыхъ, переходитъ въ руки невѣждъ, незнанію и неразвитости которыхъ нѣтъ никакого предѣла. Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все-таки человѣческія, все-таки имѣющія въ себѣ хоть что нибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными обычаями?

Говорятъ: «римскій міръ истощилъ свои жизненные силы». Тутъ опять забывается сущность вещи. О чемъ говорится? О населеніи Римской имперіи. Что же, развѣ люди, его составлявшіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали рождаться имѣющими человѣческую умъ и человѣческія наклонности? или развѣ по какому-то особенному случаю всѣ люди въ Римской имперіи раждались идіотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой натуры. Отживает свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа. Прошло 20 лѣтъ, — двадцатилѣтній юноша сталъ сорокалѣтнимъ мужчиною и потерялъ юношескую свѣжесть чувствъ, не влюбляется, не дурачится; но вѣдь это

произошло съ Петромъ, а въ эти 20 лѣтъ выросъ Иванъ, новый двадцатилѣтній юноша, который теперь имѣеть ту же самую свѣжесть чувствъ, точно такъ же влюбляется и дурачится, какъ было съ Петромъ за 20 лѣтъ; прошло еще 20 лѣтъ, Ивану 40 лѣтъ, и онъ утратилъ свѣжесть чувствъ; а Петръ, бывшій въ 40 лѣтъ здоровеннымъ работникомъ, сталъ теперь 60 лѣтнимъ старикомъ и не можетъ работать такъ много и хорошо, какъ прежде; но вѣдь его мѣсто занялъ Иванъ, а подлѣ Ивана выросъ новый двадцатилѣтній юноша Андрей, который теперь имѣеть точно такую же свѣжесть чувствъ, какую имѣлъ Иванъ 20 лѣтъ, а Петръ—40 лѣтъ тому назадъ. И какая тутъ перемена въ составѣ общественныхъ силъ? Вѣдь и 20 лѣтъ тому назадъ тоже были 60-лѣтніе старики, кромѣ 40-лѣтнихъ и 20-лѣтнихъ людей; вѣдь и 40 лѣтъ тому назадъ были 40-лѣтніе мужчины и 60-лѣтніе старики, кромѣ 20-лѣтнихъ юношей? Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? какъ можетъ уменьшаться въ обществѣ свѣжесть и молодость, пока не перестаютъ родиться люди?—кажется, пока рождаются младенцы, существуетъ въ обществѣ кормленье грудью, прорѣзыванье зубовъ; пока младенцы вырастаютъ въ дѣтей, существуютъ въ обществѣ дѣтскія игры, съ звонкими дѣтскими смѣхомъ: пока вырастаютъ дѣти въ юношей, существуютъ въ обществѣ благородныя юношескія стремленія съ опрометчивыми юношескими увлеченіями, съ чистою юношескою любовью; а неужели вы думаете, что когда нибудь не было въ обществѣ стариковъ съ старческою усталостью и холодностью? Риторика вещь прекрасная,—почему не городить иногда риторическій вздоръ,—оно и нужно бываетъ иногда для эффекта; но не слѣдуетъ же постоянно ослѣпляться своей риторикой до того, чтобы совершенно забывать здравый смыслъ и факты. Старѣеть отдѣльный человекъ, въ обществѣ пропорція свѣжихъ и усталыхъ силъ вѣчно остается одинакова. Пожалуйста, не противорѣчьте физиологін, не утверждайте, что бываютъ народы, состоящіе изъ людей безголовыхъ или не имѣющихъ желудка, или исключительно изъ однихъ стариковъ, или исключительно изъ однихъ молодыхъ людей,—вѣдь каждая изъ этихъ четырехъ фразъ одинаково нелѣпа. Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ.

«Нѣтъ, говорятъ намъ, вы не такъ поняли наши слова; мы говорили не о количествѣ силъ въ обществѣ, а лишь о томъ, что формы общественной жизни сложились очень дурно, не было простора человѣческимъ силамъ, не было выхода изъ этихъ формъ, не было въ обществѣ силъ переработать эти формы, выработать изъ нихъ новыя, болѣе широкія».—Такъ? ну, теперь вѣрно изложена ваша мысль? На этомъ вы стоите? а прежде мы не такъ излагали вамъ взглядъ? Полноте, да развѣ вы говорите что нибудь иное, чѣмъ ту же нелѣпость, отъ которой уже отказались, только облакаете ее въ другую форму, болѣе хитрую? Какъ же это въ обществѣ недостаетъ силъ, а прежде когда-то доставало? Значить, количество силъ въ обществѣ уменьшилось? А вѣдь вы сами сознались, что это—нелѣпость.—«Нѣтъ, возражаете вы, вы опять не такъ перетолковали: мы не то говоримъ, что количество силъ въ обществѣ уменьшилось, а то, что препятствія къ дѣятельности этихъ силъ стали тяжелѣе прежняго; формы слишкомъ укоренились; обществу пужно бы перерости ихъ, чтобы пріобрѣсти просторъ, а онъ слишкомъ тверды, не можетъ оно сломить ихъ».—Извините меня: не я перетолковываю ваши слова, а вы сами не понимаете, что говорите. Изложишь вашу мысль, вы говорите, «вотъ такъ, вотъ именно такъ мы и думаемъ»; попросишь васъ вѣмотрѣться въ

эту мысль, скажешь: «такъ вѣдь это значить вотъ что», — вы и отказываетесь: «нѣтъ, говорите, мы не то думали, а другое». А по правдѣ сказать: вы просто думали вещи несообразныя, произносили слова, не вникая въ ихъ смыслъ: «дерево растетъ изъ желѣза», — помилуйте, изъ какого желѣза? — «Нѣтъ, мы не то хотѣли сказать; а что дерево растетъ изъ желѣзной руды». — Нѣтъ, и не изъ желѣзной руды оно растетъ. — Опять вы не такъ толкуете: не то, что изъ желѣзной руды, а изъ земли, въ которой бываетъ и желѣзная руда». — Да развѣ изъ тѣхъ кусковъ земли растетъ оно, которые составляютъ руду? — «Ну, разумѣется, мы такъ и хотѣли сказать, что желѣзная руда не участвуетъ въ ростѣ дерева. Мы только хотѣли сказать, что на землѣ растутъ деревья и желѣзо тожо лежитъ въ землѣ». Такъ разсудили бы вы, о чемъ хотите говорить; если о ростѣ дерева, то не приплетали бы къ нему желѣза; а если о желѣзѣ, такъ не приплетали бы къ нему, какъ растетъ дерево. А то вы просто говорите путаницу.

Вотъ хоть бы и теперь, въ этой послѣдней формѣ, на которой вы остановились. «Обществу стѣснительны были укоренившіяся формы, ему нужно было бы перерости ихъ». — Ну, что же это значить? Значить, въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ; а вы начали съ того, что общество было неспособно къ прогрессу; да какъ же оно было неспособно къ тому, къ чему оно имѣло силы? — «Оно было епособно къ прогрессу; но препятствія были слишкомъ сильны; не могло оно переработать укоренившихся силъ». — То есть, какъ же не могло? чьею силою были созданы эти формы? вѣдь силою общества; а количество силъ въ обществѣ не уменьшилось; какъ же оно стало безсильно надъ тѣмъ, надъ чѣмъ прежде оно было сильно? Развѣ разрушать труднѣе, чѣмъ создавать? Подумайте, что вы говорите: каменщикъ, построившій домъ, не въ силахъ разломать его; столяръ, сдѣлавшій столъ, кузнецъ, сковавшій якорь, не въ силахъ разрушить его. — «Ахъ Боже мой, вы все не такъ толкуете: вѣдь мы говоримъ не о томъ, что у общества было мало силъ, а томъ, что формы слишкомъ укоренились». Да что же это «укоренились»? это — вѣрно опять метафора о деревѣ, растущемъ изъ желѣза? Форма — фактъ. Фактъ существуетъ только постоянною поддержкою отъ той силы, которая произвела его. Чтобы онъ исчезъ, слишкомъ много будетъ, если сила прямо обратится на его разрушеніе; довольно будетъ, если она перестанетъ поддерживать его, онъ самъ собою падетъ. «Укоренилось!» — метафора, уподобленіе дереву! Посмотрите же вы на дерево: развѣ оно все укореняется, — укореняется, — до извѣстной поры только, а потомъ начинаетъ ветшать, падаетъ, искореняется. Для этого не нужно собственно ни бурь, ни наводненій: довольно того, что растительная сила, поддерживавшая это дерево, начинаетъ покидать его, что свѣжіе соки изъ почвы перестаютъ съ любовью втягиваться въ него, устремляются къ чему нибудь другому. Если ужъ брать вашу метафору объ укорененіи, изъ нея же самой выходитъ вотъ что: общество — почва, на которой вырастаютъ формы общественной жизни; вырастаютъ онѣ изъ свѣжихъ соковъ этой почвы; пока онѣ привлекаютъ къ себѣ эти свѣжіе соки, онѣ растутъ, укореняются; когда свѣжимъ сокамъ перестало быть привлекательно устремляться въ эти формы, когда онѣ стали привлекаться къ чему нибудь другому, укоренившіяся формы, какъ бы глубоко ни укоренились, начинаютъ слабѣть, искореняться, и на мѣсто ихъ возникаютъ новыя формы, съ которыми потомъ будетъ то же. — «Но когда почва истощилась, когда свѣжихъ соковъ нѣтъ?» Ну, вотъ и прекрасно, опять дерево у васъ «растетъ изъ

желѣза», опять старая нѣсня: въ обществѣ нѣтъ свѣжихъ силъ, — а вы ужь, кажется, сознались, что это — лѣтность, что истощается отдѣльный человѣкъ, а не общество, что количество свѣжихъ силъ въ обществѣ никогда не только исчезать, но и уменьшаться не можетъ. Или вамъ слишкомъ нравится метафора о корняхъ, деревѣ и почвѣ? Да разберите хоть эту метафору, она сама изобличитъ вашу лѣтность. Развѣ истощается почва оттого, что покрывается растительностію, что эта растительность становится роскошнѣе и роскошнѣе? Кажется, на самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ: опадающіе листья, истлѣвающіе корни удобряютъ почву, открываютъ больше простора; если въ нынѣшнемъ году была растительность, въ слѣдующемъ она будетъ лучше нынѣшней, именно потому, что ей предшествовала нынѣшняя растительность. Вотъ скала, почти голая, едва прикрытая мхомъ, видимымъ лишь въ микроскопъ; жизнью этого моха образуется слой почвы для болѣе замѣтной растительности; постепенно является трава, за нею кустарникъ, наконецъ лѣсъ и чѣмъ дальше растетъ лѣсъ, тѣмъ глубже становится растительный слой, тѣмъ привольнѣе расти лѣсу, тѣмъ больше свѣжпхъ соковъ находить онъ себѣ въ почвѣ, все улучшающейся безъ конца. Вотъ метафора, изображающая жизнь общества. Въ самой себѣ не имѣетъ она конца отъ истощенія силъ; напротивъ, чѣмъ дальше дѣлается она, тѣмъ роскошнѣе становится обиліе свѣжихъ силъ для ея продолженія въ формахъ, все совершеннѣйшихъ. Но васъ смущаютъ тѣ примѣры, что прогрессъ иногда уничтожается въ извѣстныхъ странахъ, въ извѣстномъ народѣ; вы не знаете, какихъ причинъ искать этому и въ недоумѣніи вашемъ сваливаете вину на самое общество. Да попробуйте же обратиться хоть къ вашей любимой метафорѣ объ укорененіи, ростѣ и т. д. Она поможетъ вамъ понять дѣло, если вы не станете искать въ ней только риторическихъ фразъ, а вникнете въ фактъ, чтобы сообразить дѣйствіе законовъ природы. Развѣ лѣсъ не исчезаетъ иногда? развѣ не замѣняются результаты долгаго развитія растительныхъ силъ жалкими низшими формами? Развѣ не появляется иногда ничтожный бурьянъ или какой нибудь дрянный коряжникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прекрасный лѣсъ? Скажите, отчего это бываетъ? отъ истощенія ли почвы? — Нѣтъ, вы знаете, что это происходитъ отъ вѣтшихъ фактовъ, совершенно постороннихъ самому лѣсу и его внутренней жизни. Случится гроза, зажжетъ лѣсъ молнія, вотъ онъ и сгорѣлъ; а чѣмъ онъ былъ тутъ виноватъ? или чѣмъ виновата почва, на которой онъ выросъ? Но разумѣется, если вы не хотите довольствоваться незамысловатымъ натуральнымъ объясненіемъ, вы можете натянуть софизмами ходъ событій такъ, что погибель лѣса окажется, по вашему толкованію, результатомъ формъ, принятыхъ его жизнью. И можете вы доказывать, что погібшій лѣсъ не могъ продолжать расти самъ собою отъ внутреннихъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему молнія могла сжечь лѣсъ? Конечно только потому, что много было въ немъ высохшаго, попадавшаго на землю валежника, много было на деревьяхъ засохшихъ или засыхавшихъ вѣтвей, отъ которыхъ еще не успѣли освободиться деревья, много было и цѣлыхъ деревьевъ, уже совершенно засохшихъ, умершихъ, но еще продолжавшихъ держаться на корню будто живыми. Значитъ, по вашему лѣсъ все равно погибалъ уже? Э, полноте! Тоже самое было съ той самой поры, какъ началъ разрастаться лѣсъ: съ незапамятныхъ временъ было много въ немъ валежнику, много было сухихъ деревьевъ; но вѣдь росли же подлѣ ихъ новыя, и разрозстался же лѣсъ!

Метафоры чрезвычайно часто замѣняютъ собою для огромнаго большинства всякое непосредственное пониманіе дѣла: «процвѣтаніе», «укорененіе», «увяданіе» — огромнаго большинства историковъ; этими словами ограничиваются въ сущности всѣ понятія о ходѣ исторіи. Потому-то мы и выскли въ эту метафору, чтобы показать, что даже изъ нея слѣдовало бы извлечь взглядъ на вещи, болѣе натуральный и вѣрный, чѣмъ какой распространенъ почти по всѣмъ историческимъ книгамъ. Возвратимся, напримѣръ, къ факту, съ котораго начинается средняя исторія. Какую книгу ни раскройте, отъ Гизо до г. Тимаева, вездѣ найдете одно и тоже:

«Жизнь древняго міра была исчерпана, принципы ея развиты вполне и истощены; древній міръ разлагался, умиралъ и, вмѣсто него, для продолженія историческаго прогресса, должны были явиться новыя племена съ свѣжими силами». Мы нарочно не употребляли тутъ ботаническихъ метафоръ о процвѣтаніи, увяданіи, почвѣ и т. д., — обыкновенно рѣчь бываетъ начнена еще этими метафорами; но скажите: и безъ нихъ, что она такое, какъ не та же самая слово-въ-слово метафора, что дескать почва истощилась и нужна была новая почва, или, что лѣсъ умираетъ самъ собою, и т. д.? Если вы, не обольщаясь риторикою и не вводя въ исторію отвергаемыхъ наукою понятій о назначеніи одного народа на мѣсто другаго (какъ на мѣсто столоначальника, устарѣвшаго или умирающаго, назначается другой столоначальникъ, съ свѣжими силами къ отправленію должности), — если вы, не дѣлая невѣжественныхъ гипотезъ, противорѣчащихъ законамъ природы, будете прямо разсматривать дѣло, какъ оно было, вы найдете ему другое объясненіе, или, лучше сказать, не найдете, а само собою оно найдется: и искать его нечего, такъ оно просто. Да и объяснять дѣло почти нечего, такъ оно будетъ ясно, лишь только вы позаботитесь свести главныя черты его.

Мы сдѣлаемъ лишь самый короткій очеркъ, возьмемъ лишь самые главные факты; будемъ приводить лишь одну самую сильную причину для каждаго факта; потому очеркъ будетъ неполонъ: кромѣ главной причины были другія, подобныя ей; кромѣ главнаго факта были другіе очень важныя, подобные ему. Но если читатель найдетъ нужнымъ дополнить нашъ очеркъ подробностями, то просимъ его не думать, что мы не цѣнили ихъ относительной важности. Мы имѣли цѣлю не то, чтобы отмѣтить все, что полезно было бы отмѣтить, а лишь одно совершенно необходимое.

Въ то время, какъ Римъ возникалъ и постепенно усиливался въ средней Италиі, почти все пространство итальянскаго материка было погружено въ грубое варварство. Лишь нѣсколько, не очень значительныхъ по объему, округовъ или успѣли достигнуть нѣкоторой степени цивилизаціи, болѣе или менѣе самостоятельной, или получили цивилизованное населеніе изъ Греціи. Изъ этихъ городовъ цивилизація стала проникать въ Римъ и мало-по-малу онъ сдѣлался главнымъ центромъ ея въ средней Италиі. Какое положеніе дѣлъ настало, когда Римъ, благодаря превосходству военнаго устройства, давнаго ему цивилизаціей (у народовъ, мало развитыхъ, цивилизація прежде всего обращается на военныя цѣли и въ военномъ могуществѣ цивилизующійся народъ обыкновенно дѣлаетъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ въ другихъ сторонахъ жизни), — что мы видимъ въ Италиі, когда римская власть расширилась до рѣки По, за которою начиналась тогда «дальняя» Галлія? Небольшое племя, почти все сосредоточивавшееся въ одномъ городѣ съ его окрестностями, овладѣвало обширною странюю съ многочисленнымъ населеніемъ, въ

которомъ лишь очень немногія небольшія частички были нѣсколько цивилизованы. Изъ своего центра оно основало много колоній по важнѣйшимъ пунктамъ покоряемыхъ земель. Этими разсадниками, при пособіи частичекъ, получившихъ цивилизацію раньше, населеніе Италіи постепенно цивилизовалось. Когда ходъ дѣла достигъ нѣкоторой высоты (столѣтія за два и за полтора до нашего лѣтосчисленія), явилась цивилизованная масса такой многочисленности, что варварскіе и полу-варварскіе народы, жившіе въ югозападной Европѣ до Дуная, въ юговосточной Европѣ на сѣверъ отъ коренной Греціи, и по восточному и южному берегамъ Средиземнаго моря, въ Азіи и Африкѣ, или не превосходили эту массу численностью каждый по одиночкѣ, или были малочисленнѣе. Напримѣръ, лигуры или гельветы, бельги или иллирійцы могли вывести въ поле тысячъ 50 или 100; римляне могли послать противъ нихъ также тысячъ 50 или больше войска. Какойнибудь полу-варварскій владѣтель Понта изъ Пергама, Сиріи или Арменіи могъ выставить тысячъ 50 или 150 войска; римляне могли послать противъ него тысячъ 100 или 80. Но римское войско было войско вполне регулярное, а у тѣхъ варваровъ или полуварваровъ регулярнаго войска или вовсе не было, или было мало, а масса сражающихся состояла изъ милиціи, плохо вооруженной, а еще хуже дисциплинированной. Словомъ, тутъ было то же самое, что въ столкновеніяхъ англичанъ съ разными остъ-индскими государствами, только неравенства по численности войскъ было меньше. Такимъ образомъ, римляне очень быстро завоевали громаднѣйшее пространство земель, покоряя одинъ народъ за другимъ въ родѣ того, какъ англичане завоевали Остъ-Индію (Македонія тоже была страна полуварварская; образованная Греція, попавшаяся въ добычу римлянамъ, не была велика ни по пространству, ни по числу жителей). Явилось государство, имѣвшее до 100 или 150 милліоновъ населенія, отъ 100 тысячъ до 150 тысячъ квадратныхъ миль, изъ которыхъ четыре пятыхъ части пространства и населенія были совершенно варварскія, изъ остальной доли значительнѣйшая половина была полуварварская и лишь Италія была уже порядочно цивилизована, да еще былъ небольшой кусокъ цивилизованной земли на востокъ — маленькая Греція съ разбросанными своими колоніями. Это извѣстно каждому. Спрашивается теперь: какое положеніе дѣлъ должно было возникнуть изъ этого? Варвары и полуварвары по немного цивилизовались, — въ родѣ того, какъ теперь жители Остъ-Индіи. Дѣло это шло не съ быстротою молніи, — но что жь тутъ удивительнаго или отчаяннаго? Вотъ Россія, въ которой населеніе въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ населеніе западной Европы, уже около 400 лѣтъ (не съ Петра Великаго, а съ Іоанна III) находится подъ сильнымъ умственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго населенія, несравненно многочисленнѣйшаго, чѣмъ мы, а вѣдь все еще нельзя намъ слишкомъ хвалиться своими успѣхами, не Богъ-знаетъ какъ далеко ушли. Но что же тутъ погибаетъ и какая почва тутъ истощается? Вотъ точно такъ же и тогда: Пиринейскій полуостровъ, Галлія, Британія, южная окраина Германіи, нынѣшняя Турція, европейская и азіатская, южная часть Россіи, Сѣверная Африка съ громадными своими населеніями понемногу цивилизовались вліяніемъ, выходящимъ изъ Греціи и Италіи. Такъ прошло лѣтъ 400 или 500. Успѣхи всѣми этими странами были сдѣланы очень порядочные; но разумѣется, не успѣли же они достигъ того уровня, на которомъ были ихъ цивилизаторы, римляне и греки.

Сначала, когда эти обширныя страны стояли еще слишкомъ низко, небольшія

цивилизованныя страны, бывшія двумя центрами, изъ которыхъ разливался прогрессъ, легко сохраняли свое владычество надъ ними, въ-родѣ того, какъ англичане въ Остѣ-Индіи довольно долго не встрѣчали опасности своему господству отъ народа, какъ только былъ онъ разъ покоренъ. Но мы замѣтили, что военная часть раньше всего развивается у народа, начинающаго цивилизоваться. Въмѣстѣ съ улучшеніемъ способности сражаться начала пробуждаться у покоренныхъ народовъ мысль о независимости; начались возстанія, болѣе или менѣе имѣвшія національный характеръ и опиравшіяся на мѣстное регулярное войско, — то возмущаются сирійскіе легіоны, то возмущаются испанскіе легіоны, то возмущаются галльскіе легіоны, — словомъ сказать: начали происходить факты, въ-родѣ недавняго возмущенія бенгальской арміи. Удивительно ли, что при такихъ обстоятельствахъ римляне принуждены были управлять завоеванными странами по порядку, въ которомъ надъ всѣмъ преобладали военная часть и финансовая часть? Сначала это было нужно для утвержденія римской власти, потомъ для предотвращенія и подавленія попытокъ къ отпаденію. Точно такъ же управляютъ англичане Остѣ-Индію. Войско и деньги на содержаніе войска, — какъ можно больше войска содержать въ странѣ, и какъ можно больше денегъ брать въ странѣ на содержаніе войска, — вѣдь и англичанамъ въ Остѣ-Индіи почти некогда думать ни о чемъ кромѣ этого. Точно такъ же было и съ римлянами относительно провинцій. Спросимъ: неужели силы Остѣ-Индіи стощаютъ отъ англійскаго господства? неужели Остѣ-Индіи не совершенствуется при нынѣшнемъ порядкѣ вещей? Слова вѣтъ, тамъ еще очень дурно: и народъ еще чрезвычайно невѣжественъ, и живетъ бѣдно, и подати тяжелы, и въ управленіи много произвола; да развѣ это до англичанъ лучше было? Напротивъ, несравненно хуже; а теперь все-таки становится съ каждымъ годомъ лучше: и дороги строятся, и дикіе обычаи по немногу искорениются, и число грамотныхъ людей увеличивается между остѣ-индцами; вотъ уже многіе изъ нихъ пишутъ книги въ родѣ европейскихъ, многіе приобрѣтаютъ европейскія понятія о законахъ и законномъ порядкѣ. Неужели это — ходъ дѣла отчаянный? Положеніе очень дурно, но улучшается; цивилизація еще очень слаба, но растетъ. Къ чему это приведетъ раньше или позже? Спросите у самихъ англичанъ, они скажутъ: остѣ-индцы цивилизуются; когда они оцивилизуются на столько, что не будутъ нуждаться въ нашемъ руководствѣ, Остѣ-Индіа сдѣлается независимою отъ Англій. Добровольно ли мы уйдемъ изъ нея, прогонятъ ли насъ, этого въ точности разсказать напередъ нельзя; вѣроятно будетъ отчасти добровольная уступка, отчасти принужденное вытѣсненіе. Однимъ ли государствомъ останется Остѣ-Индіа, или распадется на нѣсколько государствъ, этого также нельзя разсказать впередъ съ точностію; но вѣроятно будетъ нѣсколько государствъ, потому что населеніе распадается на нѣсколько огромныхъ племенъ. Впрочемъ, все это вѣроятно будетъ еще не такъ скоро, потому что до сихъ поръ индійцы еще слишкомъ далеки отъ нужнаго для того уровня цивилизаціи. Это говорятъ сами англичане. Что предвидятъ они относительно Остѣ-Индіи, то уже начало исполняться въ римскихъ провинціяхъ. Послѣ долгихъ бесплодныхъ попытокъ къ возвращенію національной независимости, — остававшихся бесплодными по слишкомъ малой еще тогда степени успѣха провинцій въ цивилизаціи, — Римская имперія начала очень явственно раздѣляться на 4 части: центромъ одной была Галлія, центромъ другой — Италія, третьей — Греція, четвертой — Малая Азія. Что тутъ было смертельнаго? Напротивъ, вѣдь въ каждомъ учеб-

никъ говорится, что распаденіе имперіи Карла Великаго было результатомъ и свѣдѣтельствомъ успѣховъ, сдѣланныхъ націями, основаніемъ и залогомъ дальнѣйшаго прогресса. Вотъ то же самое началось и въ Римской имперіи. Управление имперіею посредствомъ четырехъ, какъ будто федеративныхъ государей около временъ Діоклитіана, или распредѣленіе имперіи на четыре префектуры, точно такъ же было фактомъ прогресса, какъ и распаденіе имперіи Карла Великаго. Тотъ и другой фактъ одинаково показываютъ, что побѣжденные народы успѣли подняться на столько, что уже не осталось прежняго чрезмѣрнаго разстоянія между ними и бывшими ихъ завоевателями. Разница лишь въ томъ, что римляне III и IV вв. нашего лѣтосчисленія стояли по цивилизаціи гораздо выше франковъ IX вѣка, стало быть и успѣхи, сдѣланныя провинціями въ первые три вѣка нашей эры, были гораздо значительнѣе сдѣланныхъ ими въ первую половину Средней Исторіи.

Говорятъ, что стѣснительность формъ въ Римской имперіи была безвыходна, а грабительства римлянъ въ провинціяхъ безмѣрны. Дѣйствительно, самоуправство и хищничество проконсуловъ, а потомъ императорскихъ правителей были чрезвычайно велики; а формы управленія были чрезвычайно обременительны. Но какъ ни дурно было положеніе дѣлъ въ Римской имперіи, по завоеваніи варварами оно сдѣлалось несравненно хуже. Римскіе гражданскіе и уголовные законы имѣли значительную степень достоинства; по завоеваніи варварами закономъ стала произволь, безумный капризъ алчнаго и кровожаднаго дикаря. Положимъ, что римскій проконсулъ или префектъ грабилъ и казнилъ очень свирѣпо. Но онъ и его помощники понимали, что поступаютъ жестоко и притѣснительно, когда поступали такимъ образомъ. Стало быть они поступали такъ, лишь когда побуждалъ ихъ къ тому расчетъ; они знали по крайней мѣрѣ, что рѣзать и грабить дурно, оставались справедливы и не жестоки во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда не было имъ прямой пользы отъ несправедливостей. Завоеватель-варваръ былъ не таковъ: онъ рѣзалъ людей такъ, какъ школьники бьютъ мухъ, — безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было для этого уклоняться съ пути, который онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній, не было того непріятнаго чувства, которое отталкиваетъ человѣка отъ дурнаго дѣла и для преодоленія котораго нужны особенныя довольно сильныя побужденія: нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурнаго, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ мы выпиваемъ рюмку вина или садимся играть въ преферансъ. Въ VI или VII столѣтіи жить было несравненно хуже, чѣмъ въ III.

И не только формы управленія были въ III вѣкѣ менѣе стѣснительны, чѣмъ чрезъ 200 или 500 лѣтъ послѣ того, — формы эти уже готовились замѣниться въ Римской имперіи лучшими. Основаніемъ для возможности притѣсненій было слишкомъ низкое развитіе провинцій сравнительно съ Италіею; по мѣрѣ того, какъ провинціи цивилизовались, ослабѣвалъ этотъ главный источникъ безправности ихъ жителей. Мы знаемъ, что право римскаго гражданства постепенно предоставлялось одной провинціи за другою и наконецъ было распространено на всю Римскую имперію. Конечно, сначала это право оставалось почти только на бумагѣ, по недостаточной подготовленности жителей провинцій отстаивать его, по непривычкѣ ихъ считать себя людьми. Но вѣдь всегда бываетъ такъ; и тоже, какъ всегда бываетъ, провинціи по немногу стали привыкать пользоваться своимъ правомъ и желать лучшаго. Возникало общественное мнѣніе; подъ конецъ Римской имперіи оно уже

достигало такой силы, что мѣры, принимаемыя безъ совѣта съ нимъ, оказывались неэффективными, и само правительство увидѣло надобность призвать выборный элементъ къ участию въ дѣлахъ. Градское и сельское управленіе мало по малу было передаваемо въ руки самаго общества, а въ послѣднія времена Римской имперіи начали появляться императорскіе декреты объ учрежденіи чего-то похожаго на провинціальныя сеймы. Разумѣется, эти уступки были только формальными, — на дѣлѣ императорская администрація оставалась полновластною; но вначалѣ вѣдь всегда такъ бываетъ. Слѣдовательно формы политическаго устройства уже начинали измѣняться въ направленіи, открывавшемъ просторъ для гражданской жизни провинцій.

Столь же замѣтенъ прогрессъ въ юридическомъ положеніи массы. Она при завоеваніи провинцій находилась въ рабствѣ. Рабство довольно быстро смягчалось, замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ, и крѣпостные люди начали постепенно приобретать больше и больше правъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизованной жизни Римская имперія подвигалась впередъ: просвѣщеніе въ провинціяхъ распространялось; національности шли къ приобретенію независимаго существованія, въ управленіи стали являться выборный элементъ, права массы расширялись.

Въ чемъ тутъ признаки истощенія силъ, въ чемъ зародыши смерти отъ внутренняго изнуренія? Напротивъ, вездѣ видны зародыши болѣе полной жизни въ лучшихъ формахъ.

Варварскими нашествіями почти все существовавшее хорошее было истреблено, римскій міръ отодвинуть на нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ къ тѣмъ временамъ, когда владычествовали надъ Галліею дикіе вердинготориксы, бродили по Европѣ кимвры и тевтоны, или къ временамъ, еще болѣе далекимъ, когда Македонія была населена дикарями, когда опустошаема была Малая Азія скинами, или еще раньше, когда ходили греки на Трою. Не раньше XVII вѣка, быть можетъ только въ половинѣ XVIII вѣка, успѣла континентальная Европа снова подняться до того положенія, до какого достигала въ концѣ III, въ началѣ IV вѣка. Прогрессъ былъ слишкомъ на 1000 лѣтъ задержанъ паденіемъ Западной Римской имперіи передъ варварами.

Но, говорятъ, самая побѣда варваровъ надъ Римскою имперіею доказывала несостоятельность Римской имперіи. Еслибы внутреннія силы римскаго міра не истощились, онъ легко отразилъ бы натискъ этихъ слабыхъ дикарей.

То есть какъ же это «легко» и какихъ же это «слабыхъ»? Внутреннія силы Римской республики конечно были въ самомъ энергическомъ процвѣтаніи (если уже употреблять вашу метафору) около временъ Марія. Что же мы видимъ? Кимвры и тевтоны истребляютъ нѣсколько римскихъ армій, чрезвычайно многочисленныхъ, и Римъ снова на одну волосокъ отъ опасности быть взятъ варварами, какъ былъ взятъ три столѣтія передъ тѣмъ, какъ былъ взятъ черезъ пять столѣтій послѣ того. Или легко было римлянамъ побѣждать племена западной Германіи при Августѣ? А съ кѣмъ же тутъ боролись римляне? Лишь съ небольшою частицею, лишь съ отдѣльными племенами дикарей одной только западной окраины безмѣрнаго пространства отъ Рейна до Амура, которое все занято было такими же воинственными дикарями. Вообразимъ же себѣ, что всѣ эти народы устремились на западъ: не одни прирейнскіе номады, какъ прежде, двигались на римлянъ, — эти племена составляютъ теперь лишь штыковій авангардъ несмѣтныхъ алчныхъ полчищъ, которыя волна-за-волною лютуютъ на цивилизованный міръ изъ глубины центральной и восточной Германіи,

изъ Европейской Россіи, изъ Туркестана, изъ Монгольской степи. Вѣтъ первая волна,—она отбита, но покрыла развалинами широкую полосу цивилизованнаго прибрежья; за нею катится другая волна, за другою третья, п—каждая все выше, стремительнѣй, и проникаетъ все дальше,—такъ продолжается въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, пока наконецъ не осталось въ цивилизованномъ мірѣ уголка, который по нѣскольку разъ не былъ бы потопленъ наплывомъ этпхъ сврѣпыхъ полчищъ. Какіе нибудь кимвры и тевтоны, составлявшіе всего, можетъ быть, сотую долю этого варварскаго населенія, поколебали Римъ; свидѣтельствуетъ ли объ ослабленіи силъ Римской имперіи тотъ фактъ, что она была подавлена всею грудою этого номаднаго населенія?

Надобно яснѣе представить себѣ отношеніе силъ между кочующими дикарями и цивилизованнымъ народомъ. Когда цивилизованный народъ посылаетъ регулярное войско для покоренія дикой страны, номады которой не думаютъ идти всею массою на цивилизованную землю, варварская страна завоевывается регулярнымъ войскомъ. Таковы были походы Александра Македонскаго и римлянъ. Но если въ оборонительной войнѣ номады слабы, потому что раздѣлены обширностью своихъ пустынь на племена довольно мелкія, то совершенно иное дѣло, когда изъ глубины степей поднимаются эти кочевыя племена и двигаются черезъ земли подобныхъ себѣ дикарей на цивилизованную страну: тутъ съ каждымъ шагомъ стремящаяся масса ихъ растетъ, захватывая въ себя или гоня передъ собою племена, встрѣчающіяся на пути. Сила дикарей страшно возрастаетъ и отъ того, что они соединяются въ сплошную массу, и отъ того, что они одушевлены расчетомъ на грабежъ. Въ наступленіи они гораздо грознѣе, чѣмъ въ оборонѣ.

«Положимъ, что готы, вандалы, гунны и безчисленные другія племена и дружины варваровъ двигались громадными массами, натиска которыхъ не могли бы выдержать ни легионы Августа, ни легионы Суллы, ни Марія, ни Сципионовъ. Но послѣ того развѣ не было также безчисленныхъ примѣровъ, что довольно слабыя шайки варваровъ проходили насквозь цѣлую страну, не встрѣчая нигдѣ отпора? Въ концѣ IV вѣка ужъ есть такіе примѣры, а въ V ихъ очень много. Вотъ вамъ и доказательство, что древній міръ умиралъ, былъ безсиленъ, ветхъ». Разумѣется, сталъ онъ наконецъ и ветхъ, и безсиленъ, и умеръ напоследокъ, — кто въ этомъ сомнѣвается? — вѣдь о томъ и рѣчь идетъ, отчего ослабѣлъ онъ, отчего умеръ. Нанесено человѣку множество ударовъ огромной булавою; онъ лежитъ на землѣ умирающій, — разумѣется, теперь слабая рука можетъ бить его хоть щепкой безнаказанно, — не дастъ онъ отпора; а потомъ вѣдь и черви будутъ ѣсть его, и не пошевелятъ онъ пальцемъ, чтобы раздавить червяка. Какъ же онъ не обезсилѣлъ, какъ же онъ не умеръ? Только не говорите пожалуйста, что былъ онъ слабъ, что умеръ отъ внутренняго органическаго разстройства. Вѣдь когда Антей былъ брошенъ задушенный Геркулесомъ, пигмеи могли безнаказанно потѣшаться надъ его громаднымъ тѣломъ. Что же, по вашему, Антей былъ хилаго здоровья человѣкъ, или охилѣлъ отъ дряхлой старости?

Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости въ смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи—такая же геологическая катастрофа,

какъ погибель Геркулана и Помпеи, какъ погибель страхи, по которой гуляютъ теперь волны Зейдеръ-зе. Подобные случаи погибели предмета, погибели дѣла отъ вѣдшихъ разрушительныхъ силъ, какъ бы ни здорово было дѣло, какъ бы ни исполненъ былъ жизни предметъ, встрѣчаются ежедневно въ частномъ быту, встрѣчаются безчисленное число разъ въ исторіи, только никогда не происходила эта гибель въ извѣстной намъ исторіи въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ при погибели всего древняго цивилизованнаго міра. Не толкуйте же о разумности, о благотворности этихъ катастрофъ. Лошадь ударила человѣка подковою по виску, и онъ умеръ,—какая тутъ разумность, какія тутъ внутреннія причины смерти? Лиссабонъ разрушенъ землетрясеніемъ,—виноваты ли въ томъ достоинства или недостатки португальской цивилизаціи? Поднимается самумъ, заноситъ пескомъ караванъ въ Сахарской степи,—не доказывайте, что верблюды и лошади были плохи, люди глупы, товары не хороши. Слѣпая игра силъ природы въ стихіяхъ, въ животныхъ или въ людяхъ, не вышедшихъ изъ животнаго состоянія. Помните ли вы пѣсню Гете о томъ, какъ Тилли бралъ Магдебургъ.

«Магдебургъ, Мегдебургъ! Дѣвушки въ немъ красавицы,—красавицы въ немъ и дѣвушки и женщины. Все цвѣтетъ тамъ. Идетъ къ нему Тилли, по цвѣтушимъ лугамъ, по цвѣтушимъ садамъ, идетъ къ нему Тилли. Стальъ подъ нимъ Тилли.—«Кто спасетъ нашъ городъ, кто спасетъ нашъ домъ! Иди, мой милый, бейся съ нимъ».—«Онъ не страшенъ, какъ ни грозить намъ. Поцалую твои алыя губки. Онъ не страшенъ».—Кононецъ пѣсни вамъ извѣстенъ. Защитники Магдебурга перебиты, городъ взятъ; дѣвушка бѣжитъ. Ландскнехтъ останавливаетъ ее.

Ну, что же вы, доказывайте разумность факта: не былъ ли молодой человѣкъ—трусъ, не была ли дѣвушка—кокетка, не за то ли они погибли, не является ли Тилли орудіемъ прогресса, не вноситъ ли онъ въ Магдебургъ элементовъ новой, лучшей жизни? Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Магдебургъ имѣлъ корпоративное устройство, съ гильдейскими и цеховыми учрежденіями, такъ Тилли вѣроятно помогъ развитію свободы промышленности, должно быть, что безъ Тилли не могли явиться Адамъ Смитъ и Кобденъ. Вѣроятно, погибель Магдебурга была необходима для промышленнаго прогресса! Что за пошлость! побѣжденный виноватъ, убитый—самъ причина своей смерти. Нѣтъ, по этому признаку нельзя судить: всячески бываетъ на свѣтѣ: побѣждаютъ правые, побѣждаютъ и виноватые; умираютъ больные, умираютъ и здоровые,—всячески бываетъ:

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ щадить!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Въ населеніи самихъ провинцій Римской имперіи мы не находимъ рѣшительно никакихъ причинъ считать погибель древняго міра дѣломъ нужнымъ или полезнымъ для человѣчества. Мы видимъ только крайнюю нелѣпность, совершенное противорѣчіе съ фактами въ обыкновенномъ мнѣніи, будто бы древній міръ истощилъ свои силы, дошелъ до предѣла, выше котораго не могъ развиваться, и будто бы надобно было ему погибнуть для открытія возможности дальнѣйшаго прогресса человѣчеству. Но кромѣ этой дикой стороны, обращенной противъ древняго міра, господствующее мнѣніе имѣетъ другую сторону, очень льстивую для племенъ, завоевавшихъ римскія провинціи. На сколько древній міръ былъ безжизненъ и неспособенъ къ про-

грессу, на столько же, видите ли, варвары отличались какими-то особенно жизненными элементами и были способны къ развитію; варвары, видите ли, внесли жизненные соки, и т. д.,—развивается та же деревянная метафора, кончающаяся поэтическихъ уподобленіемъ: «такъ мутныя воды Нила, потопляя Египеть, покрываютъ его сло-емъ плодоносѣйшаго ила»,—видите, до чего простерлась поэзія, даже рима выходить: Нила, ила. Превосходно! только ни съ Ниломъ, ни съ его плодотворнымъ иломъ никакого сходства нѣтъ. Позвольте спросить: почему это варвары были особенно способны къ прогрессу и какіе новые живительные элементы внесли они въ исторію?

Обыкновенно отвѣчаютъ: «принципъ личности». Въ древнемъ мірѣ будто бы личность поглощалась государствомъ, человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. У варваровъ, наоборотъ, индивидуальная свобода была выше всякихъ общественныхъ узъ. Тутъ просто на-просто противопоставляются двѣ эпохи общественнаго быта, которыя впрочемъ обѣ вмѣстѣ со множествомъ другихъ эпохъ существовали въ самой исторіи древняго міра. У всѣхъ дикихъ кочевыхъ племенъ, напримѣръ у краснокожихъ сѣверо-американцевъ, у калмыковъ, нѣтъ общественныхъ учрежденій, которыя дѣйствовали бы постоянно и правильно; вождь является съ дѣйствующею властью лишь въ особенныхъ случаяхъ; а въ обыкновенное время она спитъ; племенные сходки собираются тоже лишь въ особенныхъ случаяхъ; по обыкновеннымъ дѣламъ между частными лицами расправляются сами эти лица, какъ знаютъ. Если одно изъ нихъ обращается за покровительствомъ къ вождю или къ племенному собранію, другое лицо покоряется или не покоряется этой власти, какъ само разсудить; словомъ сказать, обыкновенное теченіе дѣлъ—полнѣйшая неурядица съ постояннымъ насиліемъ и съ полнѣйшимъ деспотизмомъ вождя или сходки въ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждается къ дѣйствию эта власть, противъ которой впрочемъ каждый, кто захочетъ, ведетъ войну. Тоже самое было и у германцевъ. Тоже самое въ старину, задолго до Филиппа, было и у македонянъ. Тоже самое было у всѣхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ древняго міра, когда каждое изъ нихъ было въ состояніи дикости. Что тутъ особеннаго? и что тутъ особенно хорошаго? Или ужь не заключается ли въ такомъ состояніи общества прочный зародышъ свободы? Нимало. Власть вождя дремлетъ лишь потому, что богатствъ у каждаго мало, а онъ—человѣкъ богатый, ему и скучно хлопотать изъ-за пустяковъ; онъ и спитъ себѣ, пока его растолкаетъ кто-нибудь съ просьбою о вмѣшательствѣ. А какъ только является у членовъ общества богатство, привлекающее вниманіе вождя, онъ перестаетъ спать и оказывается постояннымъ деспотомъ. Легко ему сдѣлаться деспотомъ потому, что племя имѣетъ военные нравы; онъ военный командиръ, а власть военнаго командира не знаетъ границъ; само племя расположено къ признаванію такой власти. Вольные монголы и Чингизъ-ханъ съ Тамерланомъ, вольные гунны и Аттила; вольные франки и Хлодвигъ; вольные флибустьеры и атаманъ ихъ шайки,—это все одно и то же: то есть каждый волею во всемъ, пока атаманъ не срубитъ ему головы, какъ вообще водится у разбойниковъ. Какой тутъ зародышъ прогресса, мы не въ силахъ понять; кажется, напротивъ, что подобныя нравы—просто смѣсь анархіи съ деспотизмомъ.

Оно такъ и вышло. По завоеваніи римскихъ провинцій каждый человѣкъ изъ племени завоевателей разбойничаетъ, грабитъ и рѣжетъ кого ему вздумается, изъ завоеваннаго ли населенія, изъ своихъ ли товарищей, пока кто-нибудь зарѣжетъ его, а вождь между тѣмъ рубитъ головы у всѣхъ, кто попадетъ ему въ ланы.

Кромѣ этой особенности, никакой другой особенности мы не видимъ въ порядкѣ, введенномъ варварами. А эту особенность мы видимъ и у печенѣговъ, и у половцевъ, и у татаръ, завоевавшихъ Русь,—впрочемъ оно и то сказать, есть у насъ историческая школа, говорящая, что татарскій порядокъ былъ очень благотворенъ для Россіи. Но вотъ о египетскихъ мамелюкахъ, которыхъ истреблялъ Наполеонъ, а потомъ Мегметъ-Али, о турецкихъ янычарахъ, о марокескихъ, тунисскихъ, алжирскихъ разбойничьихъ шайкахъ съ ихъ деями и беями (совершенно соответствующими готскимъ, бургундскимъ, аллеманскимъ, франкскимъ дружинамъ съ ихъ предводителями) никто, кажется, не говоритъ, что они внесли новые элементы прогресса въ страны, гдѣ утвердился ихъ разбой, и повели по пути прогресса населеніе Восты, Герцоговны, Египта и т. д.

Но вѣдь изъ этого разбоя, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, вышелъ наконецъ феодализмъ—вотъ и особенный элементъ, внесенный въ жизнь цивилизованныхъ странъ варварами. Хоть бы и былъ онъ особеннымъ, какой же въ немъ прогрессъ сравнительно съ устройствомъ Римской имперіи въ самыя худшія времена ея? Тамъ все-таки была пзвѣстнаго рода законность, хотя сколько-нибудь соблюдавшаяся. А феодализмъ—ни больше, ни меньше какъ грабежъ, приведенный въ систему, междоусобица, подведенная подъ правила. Теперь уже давно всѣми признано, что въ феодализмѣ не было рѣшительно ничего способнаго къ развитію, что онъ былъ лишь смягченною формою предшествовавшей ему полнѣйшей анархіи грабительскаго самоуправства. Ничего не могла взять цивилизація изъ этой формы, служившей только препятствіемъ для нея; все, рѣшительно все отвергала цивилизація изъ феодальныхъ учреждений, какъ только могла справиться съ ними. Разумѣется, сравнительно съ VI и VII столѣтіями феодализмъ былъ прогрессомъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ старинныя итальянскіе разбойники, бравиніе выкупъ, были прогрессомъ надъ прежними разбойниками, рѣзавшими безъ всякаго выкупа. Да и что спеціальнаго, особеннаго въ западномъ феодализмѣ? Возникъ онъ изъ того, что вольные люди записывались въ подданство могущественныхъ сосѣдей, чтобы чрезъ регулярное жертвованье частью дохода получать защиту противъ другихъ грабителей. Но точно такъ же записывались подъ власть сильныхъ людей вольные люди во всѣхъ странахъ въ эпохи сильной неурядицы; напримѣръ, и у насъ такъ было въ смутныя времена самозванцевъ. Возникшая изъ этого форма отношеній между второстепенными владѣльцами и могущественнымъ провинціальнымъ владѣльцемъ, какъ ихъ сюзереномъ, между областными владѣтелями и владѣтелемъ страны, какъ ихъ сюзереномъ, тоже не представляетъ ничего особеннаго; точно таковы же были отношенія сильныхъ раджей къ императору, а мелкихъ раджей къ сильнымъ раджамъ въ Остъ-Индіи; какойнибудь Аудъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на какуюнибудь Саксонію или Бургундію XII вѣка. Раскройте Шахъ-Наме, вы увидите то же самое въ старинномъ персидскомъ царствѣ: Рустемъ такой же герцогъ своей области, имѣетъ точно такихъ же второстепенныхъ вассаловъ, какъ Генрихъ Левъ, и находится къ Шаху Кейкаусу точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ саксонскій владѣтель къ нѣмецкому императору, какъ графъ шампанскій къ французскому королю. Точно въ такихъ же отношеніяхъ были такъ-называемые тираны греческихъ малоазійскихъ городовъ къ царю персидскому. Теперь дѣло извѣстное, что формы, подобныя феодализму, являлись почти во всѣхъ странахъ въ періодъ перехода отъ полнѣйшей дикости къ низшимъ ступенямъ

порядка, скольконибудь законнаго. Древній міръ задолго до начала нашего лѣтосчисленія дошелъ уже до формъ болѣе совершенныхъ или, лучше сказать, до формъ, менѣе дикихъ.

Вотъ мы дошли и до конца средней исторіи, — вѣдь она кончается замѣненіемъ феодализма централизованною бюрократіею или чѣмънибудь подобнымъ. А достигла эта централизованная бюрократія полнаго господства надъ феодализмомъ не раньше, какъ въ XVII вѣкѣ; а въ Римской имперіи эта форма уже господствовала въ III вѣкѣ; значить, цѣлые 14 вѣковъ были потрачены на то, чтобы поднялась исторія хоть до той высоты, съ какой низвергли ее варвары. Вотъ теперь и разсуждайте о благодѣтельномъ влияніи завоеванія римскихъ провинцій варварами. Вся благотворность этого событія состояла въ томъ, что передовыя части человѣческаго рода низвергнуты были въ глубочайшую бездну одичалости, изъ которой едва успѣли вылѣзть до прежняго положенія послѣ немовѣрныхъ 14-вѣковыхъ усилій.

Сдѣлаемъ теперь крутой поворотъ. Какое намъ дѣло до тѣхъ или другихъ понятій о способности или неспособности древняго міра къ дальнѣйшему прогрессу, о благодѣтельности или губительности вмѣшательства варварскихъ племенъ въ судьбу цивилизованныхъ странъ? Пусть пишутся объ этомъ специалистами ученыя книги; насъ занимаютъ вопросы совершенно иные и, разумеется, мы не стали бы тревожить такую ветхую старину, еслибъ разоблаченіе ошибочнаго взгляда на вопросъ ветхой старины не представлялось дѣломъ довольно важнымъ для очищенія самохвальныхъ и, къ счастью, пустыхъ мыслей о нѣкоторыхъ живыхъ отношеніяхъ. Мы говоримъ не о славянофилахъ. Если бы спорить приходилось лишь противъ нихъ, не стоило бы спорить, потому что они малочисленны и слишкомъ уже часто встрѣчаются люди, любящіе дешевымъ манеромъ подыматься надъ ними, не замѣчая того, что сами не чужды коренной тенденціи, изъ которой происходитъ славянофильство. Оно лишь — послѣдовательная, развитая форма чувства, существующаго чуть ли не въ большинствѣ нашего общества, проглядывающаго, къ сожалѣнію, даже у многихъ изъ людей, имѣющихъ влияние на мысли всей публики. «Мы призваны обновить жпзнь цивилизованнаго міра, внести въ нее высшіе элементы, которыхъ сама она выработать не въ силахъ». Всмотритесь хорошенько въ самого заклятаго западника, онъ съ этой стороны часто оказывается славянофиломъ.

Мы далеко не восхищаемся вышнимъ состояніемъ западной Еуропы; но все-таки полагаемъ, что нечѣмъ ей позавидовать отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соответствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Еуропа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ. Новыя экономическія тенденціи стали обнаруживаться во Франціи и въ Англіи за долго до того, какъ баронъ Гакетгаузенъ разсказалъ нѣмцамъ о нашемъ обычномъ общинномъ землевладѣніи; а французы и англичане узнали объ этомъ нашемъ обычаѣ отъ нѣмцевъ еще позднеѣ, — чуть ли не вчера только или третьяго дня. Ихъ мыслители нашли истину безъ помощи знаній о нашемъ бытѣ; они и не подозревали даже, когда составляли свои теоріи, что у одного изъ русскихъ племенъ сохранилось общинное землевладѣніе. Распространялись и распространяются до сихъ поръ ихъ мысли въ западной Европѣ также безъ всякаго отношенія къ нашему обычаю: ни для кого изъ приверженцевъ новыхъ теорій на западѣ

не служить онъ доводомъ въ пользу новыхъ теорій. Это все равно, какъ изобрѣтены были и распространились по Европѣ висячіе мосты, безъ всякаго участія тутъ нѣсколько похожей вещи, издавна существующей, — не помнимъ, у китайцевъ ли, или у какого-то другаго восточно-азіатскаго народа: перебрасываются съ одного края ущелья на другой веревки и настилаются на этихъ веревкахъ доски. Европейскіе инженеры и не подозрѣвали о существованіи такого факта, когда стали доказывать возможность и пользу висячихъ мостовъ, и вошли въ употребленіе такіе мосты безъ всякой помощи китайскаго или какого другаго восточно-азіатскаго вліянія. Какое же тутъ участіе имѣли китайцы въ прогрессѣ европейской инженерной науки и практики? Чѣмъ была тутъ или будетъ обязана имъ человѣческая цивилизація или западная Европа? Напротивъ, когда они изъ своего Богъ-знаетъ какого безтолковаго состоянія перейдутъ въ порядочную цивилизацію, они же будутъ учиться отъ западной Европы не тѣмъ однимъ вещамъ, сходнаго съ которыми ничего не было у нихъ въ ихъ прежнемъ азіатствѣ, а между прочимъ и постройкѣ висячихъ мостовъ, сходная съ которыми вещь была у нихъ. Принципъ, положимъ, дѣйствительно одинъ и тотъ же. Но форма, до какой развивается вещь, порождаемая принципомъ, совершенно не та, и китайцамъ безъ помощи европейской цивилизаціи никакъ нельзя было бы дойти до висячаго моста, дѣйствительно прочнаго, удобнаго, удовлетворяющаго надобностямъ цивилизованнаго общества; а та форма, кака я существуетъ у нихъ при азіатствѣ, вѣдь и неудовлетворительна для общества, сколько нибудь развитаго. Что же хорошаго въ китайскихъ веревочныхъ мостахъ? Хорошо въ нихъ то, что при своемъ прежнемъ и нынѣшнемъ азіатствѣ, китайцы, бывшіе неспособными имѣть постройки болѣе совершенной формы, терпѣли бы еще больше неудобствъ, еслибъ не было у нихъ хоть веревочныхъ мостовъ. Значитъ, для китайцевъ эти мосты были и остаются пока полезны, даже очень полезны, пожалуй, благотѣльны и спасительны; но вѣдь для самихъ же китайцевъ только; а Европѣ не принесли, не приносятъ и не могутъ принести никакой пользы. Они ей совершенно не нужны; они для нея совершенно неудовлетворительны. А для китайцевъ они, какъ мы ужъ говорили, очень полезны. И не только теперь полезны при ихъ азіатствѣ, при ихъ неспособности имѣть лучшіе пути сообщенія съ лучшими мостами. Навѣрное, обычный этотъ фактъ окажется полезенъ и для дальнѣйшаго ихъ прогресса, когда они станутъ способны завести у себя лучшіе пути сообщенія по европейской наукѣ. Вѣдь мандарины не сдѣлаются же вдругъ просвѣщенными европейцами, истинными реформаторами, какими нибудь Стефенсонами или Робертами Овенами: долго будетъ у нихъ въ головахъ сидѣть азіатская рутина съ отвращеніемъ отъ всего истинно европейскаго. Вотъ имъ и будутъ говорить порядочные инженеры: «что же такое, вѣдь висячіе мосты — чисто національное наше китайское учрежденіе; вѣдь въ нихъ нѣтъ ничего европейскаго, развращеннаго и гибельнаго для китайскихъ порядковъ». Да и народъ китайскій не легко повѣрилъ бы удобству и прочности желѣзныхъ висячихъ мостовъ, если бы не привыкъ къ своимъ веревочнымъ; ну, а теперь каждому будетъ видно, что желѣзные висячіе мосты безопасны во всѣхъ отношеніяхъ: и съ китайскими порядками сходны, и ходить или ѣздить по нимъ вовсе не страшно. Значитъ, китайцы будутъ много обязаны своимъ нынѣшнимъ веревочнымъ мостамъ за легкіе успѣхи новаго инженернаго искусства въ ихъ странѣ.

Вотъ точно такого же рода исторія и съ нашимъ обычнымъ землевладѣніемъ.

Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ, и умъ гораздо болѣе развитый, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка.

Кромѣ общиннаго землевладѣнія невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощію. Мы тутъ говоримъ, разумѣется, не о славянофилахъ: у славянофиловъ зрѣніе такого особеннаго устройства, что на какую у насъ дрянъ ни посмотрятъ они, всякая наша дрянъ оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживленія умирающей Европы. Одинъ увѣряетъ, что очень хороша привычка нашего народа безответно подвергаться всякимъ надругательствамъ и что западная Европа умираетъ отъ недостатка этой похвальной черты, а спасена будетъ нами чрезъ наученіе отъ насъ такому же смиренію. Другой находитъ, что мы молодцы пить и гулять, что западная Европа должна научиться отъ насъ широкому русскому разгулу, то есть дракамъ въ харчевняхъ и битью стеколь въ трактирахъ, и спасена будетъ отъ смерти собственно этимъ. Третій проникаетъ глубже въ народную жизнь, и отъ домашняго очага, то есть отъ сбитой изъ глины печи черной избы выносятъ иное сокровище: битые женъ мужьями, битые сыновей отцами (и, наоборотъ, битые отцовъ сыновьями, когда отцы одряхлѣютъ), отдаванье дочерей замужъ и вѣнчанье сыновей по приказанію родительскому безъ надобности въ согласіи женимыхъ и выдаваемыхъ замужъ; эти семейныя отношенія должны послужить идеаломъ для западной Европы, которая и спасется черезъ нихъ. Четвертый восхищается продолжительностью нашей жестокой зимы, — и находитъ, что западная Европа разслабѣла отъ недостатка морозовъ; но ужъ въ этомъ никакъ нельзя ей помочь, и онъ откровенно сознается, что дѣло ея пропащее. Мы говоримъ не о такихъ людяхъ: ихъ мало, и спорить съ ними не стоитъ, мы говоримъ не про чудаковъ, а про людей, разсуждающихъ по обыкновенному человѣческому смыслу. Они кромѣ общиннаго землевладѣнія не видятъ у себя ничего такого, чему полезно было бы распространиться отъ насъ на передовыя страны и чѣмъ бы могли мы содѣйствовать ихъ оживленію. А этому обычаю Европѣ поздно научиться отъ насъ, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значить, оживлять намъ ее ровно ужъ нечѣмъ.

Нечего намъ и хлопотать объ этомъ: никакихъ оживлятелей не нужно ей. Она и своимъ умомъ умѣетъ разсуждать и своими силами умѣетъ дѣлать что ей угодно, и своихъ силъ довольно у ней на все, что ей нужно дѣлать.

Или вы начнете говорить, что она ветшаетъ, слабѣетъ силами, что она отжила свою жизнь и т. д., — то есть опять возвратитесь къ той же метафорѣ о деревѣ, которая оказалась обманчива, и все къ тому же примѣру древянаго міра, который оказался свидѣтельствующимъ совершенно противное, — къ этому ли возвращаетесь вы? Пожалуй, потолкуемъ еще разъ.

«Старыя страны, долго жившія историческою жизнью, истощаютъ евоп...» — ну, довольно, продолженіе мы ужъ слышали. Разсудимте сначала хотя о древнемъ мірѣ, — для краткости хотя о западной половинѣ его, о Западной Римской имперіи; для большей краткости будемъ говорить лишь о сѣверной части ея, о западно-европейскомъ кускѣ Римской имперіи. Онъ состоялъ изъ Италіи, юго-западной Германіи, нѣмецкаго рейнскаго прибрежья, Бельгіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Пирнейскаго полуострова. Изъ всѣхъ этихъ странъ, какія имѣли должную историческую жизнь передъ разрушеніемъ западнаго римскаго міра? — одна только Италія. Всѣ остальные еще въ началѣ нашего лѣтосчисленія были совершенно дикими, варварскими, то есть по вашей терминологіи юными, свѣжими, дѣвственными. Отъ этой дѣвственности и свѣжести начинали онѣ избавляться, — мы видѣли, что понемногу онѣ цивилизовались, мы даже хвалили ихъ успѣхи, находили въ нихъ залогомъ дальнѣйшаго прогресса; но если то, что казалось намъ хорошо, по вашему было гибельно, то нечего сказать, вѣдь не Богъ-знаетъ еще сколько этой гибели привилось къ нимъ, не Богъ-знаетъ сколько заразились онѣ ядомъ цивилизаціи: въ концѣ III-вѣка, въ половинѣ IV-вѣка, онѣ все еще были странами полудикими: масса туземнаго населенія оставалась еще очень невѣжественна, то есть, по вашему, свѣжа. Въ исторической жизни эта масса не принимала еще ни малѣйшаго участія; образованные классы были все еще малочисленны, да и они только лишь начинали принимать участіе въ исторической жизни, едва лишь начинали въ нихъ пробуждаться первыя неопредѣленные мысли о самостоятельности. Значитъ, если долгая историческая жизнь не увеличиваетъ, а уменьшаетъ способность страны къ прогрессу, — то есть почва, по вашей метафорѣ, не удобряется, а истощается растущимъ на ней лѣсомъ, и чѣмъ дальше разрастается лѣсъ, тѣмъ меньше остается свѣжихъ соковъ въ землѣ, — если думать и такъ въ противность здравому смыслу, то все-таки по вашему же принципу оказывается, что Пирнейскій полуостровъ, Галлія, Британія, Прирейнская нѣмецкая полоса были странами очень свѣжими, очень способными къ прогрессу, въ то время, какъ варвары стали истреблять въ нихъ рождающуюся цивилизацію. Посмотримъ теперь на западную Европу. Если цивилизація истощаетъ свѣжесть народныхъ силъ, если участіе въ исторической жизни уменьшаетъ способность къ прогрессу, то дѣйствительно ли населеніе западной Европы очень уже истощено въ этихъ отношеніяхъ?

Образованности въ западной Европѣ очень много. Такъ; но неужели масса народа и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи еще до сихъ поръ не остается погружена въ препорядочное невѣжество? Утѣшьте: она вѣритъ въ колдуновъ и вѣдьмъ, пзобилуетъ безчисленными суевѣрными разсказами совершенно еще языческаго характера. Неужели этого мало вамъ, чтобы признать въ ней чрезвычайную свѣжесть силъ, которая, по вашему, соразмѣрна дикости?

Нынѣшнее состояніе массы въ самыхъ передовыхъ странахъ достаточно ручается, что она до сихъ поръ почти вовсе еще не жила историческою жизнью, а продолжала некоиы вѣковы дремать младенческимъ сномъ, какимъ дремали ваши любимыя молодыя страны. А не полагаетесь вы на этотъ выводъ, по нашему совершенно очевидный, то справьтесь съ исторіею. Исторія прямо вамъ говоритъ, что феодальное время было временемъ исторической жизни исключительно однихъ только феодаловъ и рыцарей: сначала подъ этими настоящими своими именами, потомъ подъ именами высшаго сословія или аристократіи, они одни распоряжались

судьбою странъ: строили учреждения, какія хотѣлось имъ, воевали, судили, управляли и поживали себѣ какъ сами думали, не допуская другихъ сословій ровно ни къ чему. Когда же кончился феодальный порядокъ? Во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, значитъ—еще не очень давно: въ Англии,—объ ней мнѣнія различны: по словамъ однихъ, въ ней онъ еще продолжается; по словамъ другихъ, кончился въ 1846 г. отмѣною хлѣбныхъ законовъ; иные говорятъ, еще раньше, въ 1832 г. парламентскою реформою, а еще другіе говорятъ будто еще раньше, въ концѣ или въ половинѣ XVII вѣка, при второмъ или при первомъ низверженіи Стюартовъ. Возьмемъ самый далекій срокъ, все-таки выходитъ немногимъ больше 200 лѣтъ. Въ Германіи окончилось господство феодализма Наполеоновскими завоеваніями и реформами Штейна въ началѣ нынѣшняго вѣка; но это лишь въ западной и сѣверной Германіи, а въ южной, въ австрійскихъ земляхъ—въ 1848 году. До эпохъ, нами обозначенныхъ, ни въ одной изъ этихъ трехъ передовыхъ странъ не было въ исторической жизни сильнаго участія не только со стороны массы населенія, но и со стороны средняго сословія. Значитъ, еще некогда было истощиться отъ продолжительной исторической жизни силамъ не только массы населенія, но и силамъ средняго сословія. Вы видите, что оно только еще принимается за веденіе историческихъ событій; за устройство общественнаго порядка по своимъ надобностямъ: и въ Германіи, и въ Англии, да и въ самой Франціи, какъ видитъ каждый, еще очень сильны элементы, сохраняющіеся отъ феодализма: армія и бюрократія.

По мнѣнію порядочныхъ писателей о сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ дольше воздѣлывается земля рациональнымъ образомъ, тѣмъ плодороднѣе она становится. Вы, посмотрѣвъшись должно быть одного только залежнаго хозяйства, по которому чрезъ три года земля становится никуда негодна и нивы переносятся на новое мѣсто, думаете, что историческая жизнь истощаетъ силы страны. Такъ вотъ, если даже и согласиться съ вашимъ понятіемъ, все-таки выходитъ, что лишь самая ничтожная доля въ составѣ населенія каждой передовой страны могла истощить свои силы, а если брать весь народъ страны, то слѣдуетъ сказать, что онъ еще только готовится выступить на историческое поприще,—только еще авангардъ народа, среднее сословіе, уже дѣйствуетъ на исторической аренѣ, да и то почти лишь только начинаетъ дѣйствовать; а главная масса еще и не принималась за дѣло, ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности.

Рано, слишкомъ рано заговорили вы о дряхлости западныхъ народовъ: они еще только начинаютъ жить.

Но мы видѣли, что точно такъ же едва начиналась историческая жизнь и въ провинціяхъ Римской имперіи. Кто намъ поручится, что и жизнь западной Европы не подвергнется такой же катастрофѣ?

Ручательствомъ за то, что не будетъ такой катастрофы, служатъ географія, статистика, технологія и военное искусство. Отношеніе цивилизованнаго міра къ варварскому и полуварварскому теперь уже и по пространству земли и по числу населенія не то, какое было въ прежнія времена. Римская имперія имѣла огромную величину; она равнялась пространствомъ всей нынѣшней западной Европѣ. Но огромнѣйшая часть ея состояла изъ земель, только еще начинавшихъ цивилизоваться: уровень просвѣщенія въ нихъ возвышался еще не столько собственными ихъ силами, сколько влияніемъ Италіи и Греціи; быть можетъ довольно скоро,—черезъ два, черезъ три вѣка,—онѣ приобрѣли бы силу держаться и самостоятельно;

но когда начался натиск варваровъ, онѣ держались еще только умственнымъ развитіемъ итальянскаго и греческаго племени. Италия, то есть пространство земли величиною въ какихъ нибудь 5,000 географическихъ миль, и Греція, съ своими островами и узкою полосою малоазійскаго побережья, то есть пространство въ какихъ нибудь двѣ или три тысячи географич. миль, еще оставались единственными странами, въ которыхъ цивилизація достигла такой силы, что образованность ихъ уже существовала и развивалась внутреннимъ могуществомъ. Такимъ образомъ, весь тогдашній уже цивилизованный міръ ограничивался двумя небольшими землями, которыя однѣ и служили существенно важными частями его, центрами, къ которымъ лишь примыкали остальные громадные пространства, получавшія жизнь изъ этихъ центровъ. Теперь не то; въ западной Европѣ есть страны, которыя въ томъ или другомъ отношеніи цивилизованы больше другихъ; но и страна, наименѣе сдѣлавшая успѣховъ, никакъ уже не можетъ быть названа полуварварскою. Какая нибудь Испанія, или Померанія, или Трансильванія все-таки — страны цивилизованныя. Нѣчто подобное положенію, въ какомъ были всѣ части Римской имперіи, кромѣ Италиі и Греціи, представляетъ теперь быть лишь немногихъ, очень небольшихъ уголковъ западной Европы, — острова Сардиніи, отчасти острова Корсики; но и Корсика и Сардинія все-таки несравненно дальше отъ дикости, чѣмъ была въ III вѣкѣ Галлія, не говоря уже о другихъ римскихъ провинціяхъ. Тогдашнее состояніе этихъ провинцій можно сравнить съ тѣмъ, что представляетъ теперь Остъ-Индія, или островъ Ява, или ближе къ Европѣ, Алжірія. Цивилизованный элементъ страны сосредоточивается преимущественно въ пришельцахъ другаго племени; довольно многіе туземцы принимаютъ такую же цивилизацію и число ихъ увеличивается, но все-таки масса туземнаго простонародія еще остается совершенно варварскою. Если бы цивилизованный міръ нынѣ ограничивался одною Англіею съ Остъ-Индіею и если бы вообразить, что Англія лежитъ гдѣ нибудь на краю Остъ-Индіи, это было бы совершенно сходно съ состояніемъ Римской имперіи. Разумѣется, трудно было бы ручаться, что этотъ небольшой уголокъ, примкнутый къ огромному пространству полуднкихъ земель и ослабляемый каждымъ несчастіемъ еще столь слабой цивилизаціи въ этихъ земляхъ, можетъ удержаться противъ наплыва дикихъ ордъ изъ всей центральной Азіи. Такимъ образомъ, первая разница: широкость и прочность основанія, пріобрѣтеннаго новою цивилизаціею. Соразмѣрно тому, какъ увеличилось пространство цивилизованныхъ земель, уменьшилось пространство земель, откуда можетъ устремиться на нихъ потокъ варварства. Еще разительнѣе измѣнилось отношеніе по числу населенія. Если мы исключимъ Китай, Японію, Остъ-Индію, племена которыхъ, конечно, уже не грозятъ вторженіемъ въ западную Европу, то весь остальной старій свѣтъ уже не имѣетъ столько населенія, какъ западная Европа. Если считать силу по числу рукъ, перевѣсъ силы уже на сторонѣ западной Европы. Не такъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, когда существенное сопротивленіе безчисленнымъ дикарямъ ограничивалось лишь населеніемъ Италиі и Греціи. Наконецъ технология и военное искусство находятся теперь совершенно въ иномъ положеніи. У варвара и у римскаго легіонера самымъ сильнымъ оружіемъ былъ мечъ, который умѣютъ ковать и въ полуварварскихъ странахъ. Если бы судьба походивъ рѣшалась и теперь палаши и штыками, успѣхъ могъ бы еще представляться возможнымъ. Онъ затруднился съ изобрѣтеніемъ пороха, съ появленіемъ ружей и пушекъ. Но пока оставались старинныя ружья, старинныя

пушки слишком топорной работы, какойнибудь Достъ Могаммедъ афганскій могъ устраивать у себя оружейные и литейные заводы не хуже европейскихъ. Теперь не то. Когда возмущилась бенгальская армія, англичане, разумѣется, были очень поражены неожиданною перспективою растраты, усилій, какихъ стоять будетъ имъ борьба, но въ заключеніе очень основательно прибавляли: «мы снабдили этихъ спаевъ превосходнѣйшимъ вооруженіемъ, но чинить своихъ ружей они не могутъ, дѣлать патроновъ для нихъ не могутъ; когда они разстрѣляютъ захваченные ими въ нашихъ арсеналахъ патроны, они останутся почти безоружны противъ насъ, потому что тѣми ружьями, какія они могутъ и чинить, тѣми патронами, какіе они могутъ дѣлать, сражаться имъ съ нами нельзя».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Краткое изложение русской истории. Составилъ *Н. Тимаевъ*. Изд. второе. Спб. 1861.

«Въ настоящее время» множество рукъ трудится надъ собираніемъ уликъ въ прегрѣшеніяхъ «Современника». Г. Тимаевъ такъ счастливъ, что получилъ отъ публики, — замѣтьте отъ самой публики! это не шутка, — одну улику подобнаго рода, и такъ добръ, что выставяетъ эту улику на общее пользованіе. Публика, говоритъ онъ въ предисловіи ко 2 изданію своего «Краткаго изложенія русской исторіи»: раскупила все прежнее изданіе, а требованія на книгу продолжаются: «это, вопреки мнѣнію рецензента «Современника» 1859 г. показываетъ или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства, или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства». Должно быть или то, или другое. Поищемъ сначала достоинства. Русскіе, говоритъ г. Тимаевъ: — славяне; а славяне, говоритъ онъ, бываютъ разные: восточные, сѣверозападные и югозападные. «Къ югозападнымъ славянамъ принадлежатъ: болгары, сербы, хорваты, хорутане, черногорцы; они находятся подъ властію Турціи и Австріи». Что же это, значить черногорцы не сербы? и подъ чьей же это властію они находятся: подъ властію Турціи или подъ властію Австріи?—«Къ сѣверозападнымъ славянамъ (продолжаетъ г. Тимаевъ) принадлежатъ: поляки, чехи, моравы, находящіеся подъ властію Австріи и Пруссіи». А не существуетъ ли на свѣтѣ еще лужичанъ, не существуетъ ли тоже словаковъ? и не находится ли поляковъ подъ властію еще какой нибудь другой державы, кромѣ Австріи и Пруссіи? — Впрочемъ кромѣ славянъ жили на пространствѣ нынѣшней Россіи и другія племена, говоритъ г. Тимаевъ: «на сѣверъ отъ Волги многочисленное финское племя», — ну а мордва, до нынѣ остающаяся въ губерніяхъ Пензенской и Саратовской, къ какому племени принадлежитъ? какими же это судьбами губерніи Пензенская и Саратовская лежатъ на сѣверъ отъ Волги?

Мы видимъ, что г. Тимаевъ только изъ скромности говоритъ, будто бы въ его «сочиненія нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ изслѣдованій и выводовъ». — Мы пересматриваемъ книгу слегка; что попадетъ подъ глаза, то и выбираемъ: вотъ, напримѣръ, параграфъ объ уніи. «Поляки обратили вниманіе на вѣру (говоритъ г. Тимаевъ), стараясь подавить православіе и распространить католицизмъ во всемъ кievскомъ княжествѣ. Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, Михаилъ Рагоза, митрополитъ кievскій, и хитрый Ипатій Поцей, епископъ владимірскій, не довольные константинопольскимъ патріархомъ, рѣшилишея отдѣлится отъ православія и искать

покровительства у папы, главы западной церкви», и т. д. Что же,—Кириллъ Терлецкій, Михайлъ Рагоза и хитрый Ипатій Поцей были поляки? а если они были русскіе, то поляки ли завели унію? А вотъ параграфъ: «Образованіе Петра Великаго».— «О дѣтствѣ Петра рассказываютъ, что однажды во время Алексѣя Михайловича купецъ принесъ Петру подарки, между которыми находилась маленькая сабля: трехлѣтній царевичъ схватился за саблю», и—ждете вы по этому началу—прибавилъ, что, дескать, когда я вырасту, я этою саблею побью Карла XII подъ Полтавою; но нѣтъ: г. Тимаевъ не догадался, что его анекдотъ слѣдовало бы закончить такимъ манеромъ. А вотъ «Отечественная война 1812 г.»—«Наполеонъ, желая покорить и самую Россію, вскорѣ нашелъ предлогъ къ войнѣ». Вотъ какъ, Наполеонъ желалъ покорить Россію! Такой скрытный былъ человѣкъ: никто до г. Тимаева не умѣлъ узнать этого! Нѣтъ, что ни говорито, новыхъ фактовъ въ маленькой книжкѣ г. Тимаева не мало. Судя по этимъ небольшимъ выдержкамъ, надобно отвергнуть первую половину дилеммы автора: «или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства». Значить, объяснить продолжающееся требованіе на нее можно только второю половиною дилеммы: «или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства»; имено не достаетъ такого рода руководства: есть руководства не дурныя; есть много руководствъ плохихъ, но и плохія все таки писаны людьми, хоть сколько нибудь знакомыми съ предметомъ; а такого руководства, которое имѣло бы совершенно ребяческій характеръ, до изданія книжки г. Тимаева не было. Полная благодарность ему за то, что онъ потрудился восполнить этотъ недостатокъ.

И какой плодovitый педагогъ г. Тимаевъ! На оберткѣ его книжки читаемъ, что въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, кромѣ «Краткаго изложенія русской исторіи», поступили въ продажу тоже его сочиненія: «Краткій учебникъ всеобщей исторіи», ч. I: Исторія древняго міра», «Тетрадь всеобщей географіи»,— это все сочиненія г. Тимаева; а дальше поставлены еще двѣ книги: «Греческая мѣтологія» и «Флокліт, трагедія Софокла, перевод с греческова», — чьего сочиненія эти двѣ книжки, не написано; только поставлены онѣ рядомъ съ сочиненіями г. Тимаева. Но кѣмъ бы ни былъ напечатанъ «Флокліт, перевод с греческова», этотъ господинъ, т. е. не Флокліт, а человѣкъ, его напечатавшій, долженъ быть — отважный прогрессистъ, бойкая голова, нововводитель; такъ-что не даромъ поставлена его книжка рядомъ съ сочиненіями самого г. Тимаева: одинъ уничтожаетъ букву *ъ*, замѣняетъ букву *и* буквою *і*, а другой открываетъ, что Наполеонъ желалъ покорить Россію и что черногорцы—не сербы. Оба молодцы. Однако погодите, это еще не все: на оберткѣ «Краткаго изложенія Русской исторіи» напечатано еще, что въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ «Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Часть 2. Исторія среднихъ вѣковъ. Составилъ Н. Тимаевъ».

Скоро ли г. Тимаевъ исполнитъ это обѣщаніе, скоро ли подаритъ намъ «Исторію среднихъ вѣковъ» такого же ребяческаго характера, какъ «Краткое изложеніе русской исторіи»?

**Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. II. Исторія среднихъ вѣковъ. Составилъ
Н. Тимаевъ. С-П-бургъ. 1861.**

А вотъ обѣщаніе ужь и исполнено. Молодецъ г. Тимаевъ; право хорошо.

«Не все народы, говоритъ онъ въ началѣ своей новой книжки, одинаково важны для исторіи: нѣкоторые народы исчезли, оставивъ только имя своему потомству; другіе народы содѣйствовали развитію образованія; третіе способствовали къ распространенію образованія; четвертые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія. Поэтому народы могутъ быть раздѣлены на историческіе и неисторическіе; такъ древніе греки и римляне, новѣйшіе французы, англичане, германцы — суть вполнѣ историческіе народы; напротивъ того, готтентоты, негры, калмыки, якуты — суть не историческіе народы». Готтентоты, калмыки, якуты вѣроятно и по мнѣнію г. Тимаева не содѣйствовали развитію или передачѣ образованія; значить, ни ко вторымъ, ни къ третимъ народамъ они не принадлежатъ: что же они — четвертые народы, которые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія? Или они — тѣ народы, которые «исчезли»? Вотъ видите ли, г. Тимаевъ, прежде, чѣмъ печатать историческіе учебники, надобно самому выучиться писать съ толкомъ; иначе, не попадешь въ число «писателей, благотворителей и друзей человѣчества», которые «сильно подвигаютъ впередъ общество». Впрочемъ кажется, что г. Тимаевъ можетъ «преимущественно явиться дѣятелемъ въ исторіи», какъ художникъ: въ своихъ маленькихъ книжкахъ онъ часто проявляетъ поэтическій складъ души. Начнетъ, напримѣръ, говорить о рыцарскихъ замкахъ и прибавитъ, что въ наше время ихъ развалины «служатъ жилищемъ воронамъ и летучимъ мышамъ»; или, начнетъ говорить о Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ и очень мило обрисуетъ «прекрасную Италію съ ея свѣтлымъ небомъ, чуднымъ климатомъ и роскошною природою». Книжка у него очень маленькая, — всего страничекъ 300 самаго маленькаго формата и напечатана крупнымъ шрифтомъ, — кажется, негдѣ было бы разгуляться, — нѣтъ, онъ умѣетъ распорядиться мѣстомъ, все важное успѣетъ сообщить. Напримѣръ: въ краткомъ учебникѣ иной не нашелъ бы мѣста поразговориться о домашнихъ дѣлахъ Рудольфа, графа габсбургскаго, до его избранія въ императоры; а г. Тимаевъ открылъ возможность разсказать намъ слѣдующій конечно очень важный историческій фактъ: «Въ это время въ южной Германіи, въ Швабіи, жилъ Рудольфъ, графъ габсбургскій, отличавшійся отвагою, благочестіемъ, справедливостію и добротою, такъ-что онъ былъ любимъ своими подчиненными. Однажды Рудольфъ Габсбургскій ѣхалъ верхомъ на конѣ и встрѣтилъ священника, шедшаго съ святыми дарами къ больному; благочестивый Рудольфъ сошелъ съ коня, предложилъ его священнику для переправы черезъ рѣчку и потомъ подарилъ копѣе священнику». Это очень хорошо. — Дошла у г. Тимаева очередь до Венеціи, — онъ и тутъ успѣлъ замѣтить, что «длинные и легкія гондолы отличались изяществомъ и роскошью; но съ XVI вѣка все гондолы дѣлались черными». Да въѣдъ XVI вѣкъ, если не ошибаемся, принадлежитъ уже не къ средней, а къ новой исторіи; что же краткому учебнику исторіи среднихъ вѣковъ до того, въ какой цвѣтъ стали красить гондолы съ XVI вѣка? Словомъ сказать, книжка г. Тимаева написана какъ будто бы стенографомъ со словъ бойкаго маль-

чика, который так и рѣжетъ свой отвѣтъ на экзаменѣ: чего, чего не подвернется подъ языкъ этому мальчику! Случилось ему прочитатъ балладу Шиллера въ переводѣ Жуковского — онъ вклеитъ ее въ отвѣтъ; случилось прочесть въ старинномъ «Живописномъ Обзорѣнн» статейку о гондолахъ, онъ и гондолы всунетъ въ отвѣтъ; а вдругъ порадуется васъ и такимъ расскажем: «Изъ преемниковъ Роллона замѣчательнъ герцогъ Робертъ, по прозванью Дьяволъ. Сначала Робертъ-Дьяволъ велъ самую преступную жизнь; онъ жилъ въ твердомъ замкѣ среди дикаго лѣса, составилъ себѣ толпу отважныхъ товарищей, съ которыми онъ нападалъ на монастыри и замки, грабилъ ихъ и убивалъ путешественниковъ, купцовъ и горожанъ; отецъ его, опечаленный поведеніемъ сына, умеръ съ горя. Однажды, какъ рассказываютъ, Робертъ ограбилъ одинъ замокъ и велѣлъ привести къ себѣ владѣтеля замка; но такъ какъ владѣтеля не было, привели владѣтельницу замка и Робертъ узналъ въ ней свою мать. Она упрекала Роберта и говорила, что онъ хочетъ и ее низвести въ могилу, какъ и отца. Это произвело сильное впечатлѣніе на Роберта; онъ переимѣнилъ образъ жизни, распустилъ своихъ товарищей и самъ, какъ кающійся грѣшникъ, отправился къ святымъ мѣстамъ въ Иерусалимъ и въ Римъ. Получивъ отъ папы прощеніе грѣховъ, онъ возвратился въ Нормандію и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ герцоговъ норманскихъ» (стр. 104). Выслушавъ такой эпизодъ, экзаменаторъ суроваго свойства морщитъ брови и мычитъ: «не къ дѣлу рассказываете, не о томъ васъ спрашиваютъ; о Робертѣ Дьяволѣ могли бы вовсе вы и не упоминать; онъ лицо не важное; вы бы учились хорошенько, а то вѣрно въ театрѣ часто бываете, балеты смотрите, да намъ на экзаменѣ ихъ и отвѣчаете». Но экзаменаторъ игриваго свойства подмаргиваетъ суровому товарищу и хихикаетъ: «зачѣмъ же (хи, хи, хи! закрываясь платкомъ) Робертъ Дьяволъ велѣлъ привести владѣтельницу замка? что онъ съ ней хотѣлъ сдѣлать?» (Опять закрывается платкомъ и хихикаетъ; весь классъ вторитъ ему громкимъ хохотомъ; бойкій отвѣчающій мальчикъ самъ улыбается и переминается).

Въ предисловіи къ «Изложенію русской исторіи» г. Тимаевъ говоритъ: «этотъ учебникъ составленъ преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній». Не знаемъ, для какихъ заведеній преимущественно составленъ «Учебникъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ;» но если также для женскихъ, г. Тимаевъ—большой шутникъ.

Тетрадь Всеобщей Географіи. (Приготовительный курсъ). Седьмое исправленное изданіе. Составилъ *М. Тимаевъ*. Спб. 1861.

Двумя страницами выше, мы причислили эту «Тетрадь» къ сочиненіямъ г. Н. Тимаева, автора прекрасныхъ ребяческихъ руководствъ по всякимъ исторіямъ: и по всеобщей древней, и по всеобщей средней, и по русской; а вотъ видите ли мы и ошиблись, не разобрали дѣла, напрасно предположили, что достаточно для Россіи считать въ числѣ своихъ сыновъ одного печатнаго г. Тимаева. Нѣтъ, и велика страна наша, и обильна гг. печатными Тимаевыми: въ дополненіе къ Н. Тимаеву открылся теперь М. Тимаевъ; вы думаете: «ну, теперь ужъ довольно»; нѣтъ: къ предисловію «Тетради», подъ которымъ написано «М. Тимаевъ», сдѣлана прибавка въ пять строкъ, говорящая, что «седьмое изданіе «Тетради» исправлено по новѣйшимъ географіямъ», и подъ этою прибавкою подписъ: «В. Тимаевъ». Такимъ обра-

зомъ птенцовъ (преимущественно женскаго пола, — надобно сказать, должно быть: птеницъ или птенокъ), назидаютъ цѣлыхъ трое гг. Тимаевыхъ: 1) Н.; 2) М.; 3) В. Какъ назидаетъ ихъ г. Н., мы уже видѣли. Полюбопытствуемъ теперь относительно гг. М. и В.

Мы слышали, какъ разсуждаетъ о славянскихъ племенахъ г. Н. Тимаевъ. Послушаемъ, что говорятъ о нихъ гг. М. и В. Тимаевы. — «Политическое обозрѣнiе Европы. Число жителей и ихъ поколѣнiя. 1. Славянское поколѣнiе, къ коему относятся: россияне (г. Н. Тимаевъ говоритъ просто — русскiе), поляки, чехи или богемцы, венды въ Пруссiи (это должно быть — лужичане; ну а какъ въ Саксонiи, нѣтъ ли тамъ лужичанъ?), словаки, кроаты, иллириане, болгары, живущiе въ Австрiи и турецкихъ владѣнiяхъ». — Гг. М. и В. Тимаевы имѣютъ надъ г. Н. Тимаевымъ то преимущество, что знаютъ лужичанъ (подъ именемъ вендовъ, какъ Геродотъ зналъ калмыковъ подъ именемъ агриппеевъ) и словаковъ (этихъ уже подъ настоящимъ ихъ именемъ), которые укрылись отъ изысканiй г. Н. Тимаева; а г. Н. Тимаевъ имѣетъ надъ своими однофамильцами то преимущество, что знаетъ хорутанъ, которыхъ они не знаютъ. Умилительно это сравненiе: знанiе трехъ славянскихъ племенъ раздѣлилось между тремя однофамильцами, какъ разъ каждому по племени: сему хорутане, онимъ же словаки и лужичане (рекомые венды).

Оно, впрочемъ, не однихъ хорутанъ не найдете вы между европейскими «поколѣнiями»: гг. М. и В. Тимаевы забыли румуновъ, албанцевъ, мордву (ее могутъ они отыскать на сѣверъ отъ Волги, по указанiю своего однофамильца), все латышское племя, ирланцевъ, бретонцевъ и все кельтское племя, басковъ; оно, впрочемъ, и то сказать, не стоитъ такихъ пустяковъ замѣчать. — Вотъ еще отрывочекъ съ той же страницы. «Хлѣбпашество почти вездѣ производится, но въ лучшемъ состоянiи оно находится въ Англiи, въ Нидерландахъ и Ломбардо-Венецианскомъ королевствѣ. Россiя и Сицилiя также богаты хлѣбомъ». Это сооставленiе Россiи и Сицилiи прелестно. — Читаемъ дальше. «Рудокопство особенно важно въ Россiи, Швеци, Венгрии и въ нѣкоторыхъ странахъ Германiи, особенно въ Богемiи и Саксонiи». Только? ну, а какъ же въ Англiи, которая одна добываетъ изъ своихъ рудниковъ больше богатства, чѣмъ вся остальная Европа? — Впрочемъ, что намъ до заграничныхъ земель, посмотримъ лучше «обозрѣнiе Россiйской Имперiи». — «Величина ея свыше 400,000 квадр. миль». — А по академическому мѣсяцеслову на 1861 г. менѣе 375,000 кв. миль. Видно, у гг. М. и В. Тимаевыхъ какiя нибудь особенныя квадратныя мили. Любопытно узнать, какiя моря находятся на предѣлахъ европейской Россiи. Вотъ какiя: «Моря. На сѣверѣ — Сѣверный Океанъ. На западѣ — Балтiйское море. На югѣ — Черное море и заливъ онаго — Азовское море. Балтiйское море служитъ преимущественно путемъ сообщенiя съ другими народами». Хорошо; только Каспiйское море гдѣ же? Видно, Каспiйскаго моря не оказывается между европейскою Россiею и Персiею «по новѣйшимъ географiямъ», по которымъ исправлено седьмое изданiе «Тетради». А жаль этого моря: оно снабжало насъ хорошей рыбой. Идемъ дальше. «Европейская Россiя раздѣляется на 5 странъ: лѣсную страну, страну мануфактурной промышленности, страну горнозаводской промышленности, страну хлѣбпашества и степную страну. Въ странѣ мануфактурной промышленности находится губернiя Казанская», — однако далеко же заѣхала страна мануфактурной промышленности. Извѣстное дѣло, что когда одна вещь слишкомъ растягивается, другая должна сжиматься. Потому изъ страны хлѣбпашества исклю-

чены «большая часть губерній Саратовской и Самарской и часть губерніи Воронежской». Бѣдныя части, куда онѣ дѣнутся?

Нѣтъ, гг. М. и В. Тимаевы нимало не уступятъ своими достоинствами своему однофамилицу.

Изумительно, что подобныя, никуда не годныя книжонки доживаютъ до «сегоднѣшняго исправленнаго изданія». Какіе несчастные люди принуждены покупать ихъ?

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Изданы комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящею при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи. Москва. 1861.

Начнемъ прямо пересмотромъ историческихъ документовъ, находящихся въ первыхъ двухъ выпускахъ. Письма перенумерованы; мы и станемъ пересматривать ихъ по порядку нумеровъ.

«№ 1.—1707 г. генваря 8. Письмо Петра I къ Анисѣѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о *пріѣздѣ ихъ въ Кіевъ*.

†

«Госпожи тетка і матка!

«Письмо ваше, въ которомъ пишете о нововыѣзжей Катерине, я принялъ; слава Богу, что здорово въ рожден(ь)и матери было, а что пишете къ миру (по старой пословице), і ежели такъ станетца, то мочно болше раду быть дочерп, нежели двумъ сынамъ. О пріѣзде вашемъ я уже вамъ говорилъ и симъ писмомъ также поттвержаю: пріѣзжайте въ Кіевъ не межкаеъ; изъ Кіева отпишите, а не отписаеъ не ѣздите, для того что дорога отъ Кіева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и зъ дочерью.

P I T E R.

«Изъ Жолквы, въ 8 д. генваря 1707».

«*Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17.*

«№ 2.—1707 г. февраля 6 дня. Письмо Петра I къ Анисѣѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о *пріѣздѣ ихъ въ Жолкву*.

†

«Госпожи тетка і матка!

«Какъ къ вамъ сей доноситель пріѣдетъ, поѣзжайте сюды не мешкаѣ.

P I T E R.

«Изъ Жолквы, въ 6 д. февраля 1707».

«*Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было свернуто пакетомъ, на оборотѣ надпись: † Госпожамъ тетке і матке. Пакетъ запечатанъ красною сургучною печатью, на которой изображенъ шифръ: P. A.; на верху корона. Хранится въ государственномъ архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17».*

Точно таковы же письма отъ № 3 до № 8, отъ № 10 до № 23 отъ № 25 до № 97, отъ № 99 до 221, то-есть до конца перваго выпуска. Большая часть писемъ тутъ отъ императора Петра къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; есть нѣсколько писемъ и отъ нея къ нему. Содержаніе его писемъ таково:

«я прѣхалъ вчера или третьяго дня въ городъ, изъ котораго пишу тебѣ. Завтра или послѣзавтра отправляюсь въ такой-то городъ». Къ этому прибавляются замѣтки о здоровьѣ, иногда о погодѣ: когда Петръ пишетъ съ минеральныхъ водъ, то прибавляетъ, что пьетъ минеральныя воды; когда императрица ѣдетъ къ нему, онъ совѣтуетъ ей, по какой дорогѣ лучше проѣхать; очень часто прибавляется: благодарю тебя за твой подарокъ, — это обыкновенно какіе-нибудь фрукты, иногда какая-нибудь другая провизія или нѣсколько бутылокъ вина, или пива; довольно часто императоръ самъ посылаетъ подарки супругѣ: кусокъ матеріи на платье или тоже что-нибудь изъ провизіи. Если случилась какая-нибудь новость, въ двухъ словахъ упоминается о ней, но рѣшительно всегда въ двухъ словахъ, чрезвычайно кратко. Почти всегда упоминается о дѣтяхъ: хорошо, что они здоровы; пожалуйста заботься о нихъ; или: очень мнѣ пріятно, что ты такъ заботишься о дѣтяхъ.—Въ письмахъ Екатерины къ супругу тоже самое, но чаще нежели въ письмахъ Петра встрѣчаются поздравленія съ праздниками. Словомъ сказать, изъ 221 письма 218 имѣютъ обыкновенный характеръ коротенькихъ записочекъ, посылаемыхъ семьяниномъ къ семьянину наскоро, съ единственною цѣлью увѣдомить о здоровьѣ, чтобы не беспокоились домашніе, или сообщить что-нибудь по обыкновеннымъ семейнымъ дѣламъ, о которыхъ и въ самомъ семействѣ черезъ недѣлю забываютъ. Вотъ еще примѣры, въ прибавокъ къ двумъ уже приведеннымъ.

«№ 155.—1719 г. августа 16. Письмо государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I *поздравительное съ праздникомъ Успенія Богородицы, и съ увѣдомленьемъ о здоровьи.*

«Инаго нынѣ къ доношенію вашей милости ничего не имѣю, но паче всего всѣмъ сердцемъ желаю вамъ здравія, и дабы неуспыннымъ вашимъ трудностямъ Господь Богъ даровалъ вамъ покой и въ сіе время дѣла ваши скончалъ пожелаемъ благополучіемъ, съ чѣмъ каждого часу вашу милость ожидаю. О себѣ доношу, что купно съ дѣтками и со внучаты нашими обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. При семъ поздравляю вашу милость вчерашнимъ праздникомъ Успенія Богородицы.

«Августа 16-го дня».

«№ 182—1723 г. июля 4. Письмо Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *о прибытіи своемъ съ флотомъ въ Ревель.*

«Катеринушка, другъ мой сердешничкой, здравствуй!

«Объявляю вамъ, что мы со олотомъ вчерашнего дни въ здѣшней Бай (Ваау голландск.—заливъ, гавань, *прим. издат.*) прибыли благополучно (въ) 8 часовъ по полудни, і стали на якорь; а сего моменту идемъ къ городу. Могли-бъ быть і ранее, только великой былъ туманъ; чего для зѣло опасались кокшаръ (sic) і протчихъ мелѣй, того для немного парусовъ употребляли. За симъ паки здравствуй і будь весела, а мы, слава Богу, веселы і здоровы.

ПЕТРЪ.

«Отъ Ревеля, въ 4 д. июля 1723».

Теперь читатель пусть самъ разсудитъ, въ какой степени полезно или нужно было издавать эти письма. Нѣкоторымъ покажутся, быть можетъ, нѣсколько любопытны ороографическія неправильности. Но и съ этой сторонѣ изданіе рѣшительно бесполезно для каждаго, кто читалъ хоть какія-нибудь книги о Петрѣ Великомъ. Вѣдь извѣстно, что русская ороографія не входила въ воспитаніе тогдашнихъ временъ; она считалась нужною лишь для однихъ спеціалистовъ — типографскихъ корректоровъ. Конечно очень немногимъ изъ нашихъ читателей новъ тотъ фактъ,

что Петръ Великій писалъ очень неправильно, какъ и всѣ его сподвижники, какъ и всѣ тогдашніе важные люди, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ лицъ изъ числа архіереевъ.

Если въ перепискѣ Екатерины и Петра изъ 221 письма 218 не имѣютъ ничего важнаго или любопытнаго для исторіи, то разумѣется, еще меньше можно найти чего-нибудь такого въ перепискѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны съ Петромъ I, Екатериною Алексѣвною, герцогинею мекленбургскою Екатериною Ивановною, съ принцессою Анною Леопольдовою, въ перепискѣ герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны и царицы Прасковьи Ивановны съ ихъ царственными родственниками, съ княземъ и княгинею Меншиковыми, и проч. Изъ 101 письма, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, только 16 заключаютъ въ себѣ хотя что-нибудь кромѣ увѣдомленій о здоровьѣ, а всѣ остальные 85 имѣютъ исключительно форменный характеръ поздравительныхъ и доброжелательныхъ писемъ, какими до сихъ поръ постоянно обмѣниваются раза по-два или по-три въ годъ родственники и люди близкіе въ патриархальныхъ классахъ русскаго общества. Вотъ примѣры:

«№ 1.—1716 г. февраля 3. Письмо царицы Прасковьи Ѳеодоровны къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ извѣстіемъ о здоровьи царскихъ дѣтей и съ просьбою не оставить своею милостью ея дочери.

«Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

«Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Доношу милости твоей: государь Петръ Петровичъ, и государыня царица Анна Петровна, и государыня царица Елисавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровье.

«Пожалуй, государыня моя невѣстушка, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о вашемъ здравіи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Прошу вашей милости: содержи, свѣтъ мой, въ своей милости мою дочку, какую я видела къ ней твою милость, также слышу и заошную твою милость къ ней.

«А о себе доношу вашей милости: я зъ дѣтми своими до воли Божией живы.

«При семь остаюсь—своха ваша Прасковья кланяюсь».

«Ѳевраля въ 3 де(нь) 1716 году, изъ Санктъ Питербурха.

«Подлинникъ, за собственноручною подписью царицы, хранится въ государственномъ архивѣ м. и. д., въ книгѣ подъ № 17; на оборотѣ адресъ: государынѣ моей невѣстукѣ царице Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

«№ 51.—1717 г. ноября 24. Письмо герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, поздравительное со днемъ ея тезоименитства.

«Милостивая моя государыня тетушка і матушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй на множество лѣтъ.

«Вашего величества милостивое писанье, пущенное изъ Санктъ-Петербурха 17-го прошедшаго октября я исправно получила, за которое покорно благодарствую. И при семь моемъ благодареніи никакше поздравляю ваше величество, мою государыню матушку, нынѣшнимъ торжественнымъ днемъ вашего тезоименитства, и желаю отъ всего моего сердца: да подастъ Всевышній вашему величеству благополучно день сей торжествовать, тако жъ и (въ) впрѣдъ будущіе лѣта такихъ же дней многихъ во всякомъ здравіи достигнуть.

«Покорнѣйше прошу ваше величество приказать меня своимъ милостивыми писаніями не оставить о состояніи дрожайшаго здравья государя моего дядошка, тако жъ і вашего величества, тако жъ і о здравіи государя моего братца и сестриць; о чемъ сердечно желаю вѣдать.

«При семь і о себѣ вашему величеству доношу: за помощію Божіею, съ любез-

нымъ мнѣ супругомъ обретаюсь въ добромъ здоровіи. Впрочемъ рекомендую себя во всег-
дашнее вашего величества милости, и сократя сие, съ покорнымъ почтениемъ пребываю.

Вашего величества

покорная служанница и племянница

Екатерина».

«Изъ Ростока, 24 ноября 1717 г.

«Подлинникъ, за собственноручною подписью герцогини, хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17».

Таковы 85 изъ 101 письма 2-го выпуска. Въ 16 остальныхъ есть прибавки къ извѣщеніямъ о добромъ здоровьи и къ пожеланіямъ добраго здоровья. Въ письмахъ 9, 10, 11 и 12 идетъ рѣчь о пожалованіи Крестовскаго острова въ подарокъ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Особенно важнаго впрочемъ и тутъ не такъ много: въ письмѣ № 9 императрица Екатерина Алексѣевна въ 4 строкахъ извѣщаетъ царицу Прасковью Ѳедоровну, что императоръ отдастъ ей Крестовскій островъ; въ письмѣ № 10 царица Прасковья Ѳедоровна въ 4 съ половиною строкахъ извѣщаетъ о томъ князя Меншикова и проситъ его сдѣлать распоряженіе о вводѣ ея во владѣніе Крестовскимъ островомъ; въ письмѣ № 11 князь Меншиковъ, въ 12 строкахъ, отвѣчаетъ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, что Крестовскій островъ пожалованъ былъ прежде ему и онъ завелъ тамъ пильныя мельницы и заводы; и что, вспомнивъ о томъ, императоръ оставилъ Крестовскій островъ за нпмъ, а царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ пожаловалъ взамѣнъ его Петровскій островъ; въ письмѣ № 12 Меншиковъ сообщаетъ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ то же самое во второй разъ по случаю полученія письма отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Въ письмахъ №№ 21 и 22 царица Прасковья Ѳедоровна зоветъ герцогиню мекленбургскую Екатерину Ивановну и принцессу Анну Леопольдовну пріѣхать въ Россію повидаться съ нею; въ письмѣ № 27 то же самое, съ прибавленіемъ совѣтовъ герцогинѣ мекленбургской Екатерины Ивановны относительно ея беременности; въ 4 другихъ письмахъ находятся нѣкоторыя приказанія тому или другому управляющему имѣніемъ той или другой царевны, чтобы онъ распорядился присылкою хорошей провизіи; наконецъ вотъ и письма, въ которыхъ упоминается о предметахъ, относящихся до исторіи.

№ 36. Герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, въ 20 строкахъ, проситъ императора Петра не отнимать своей милости у ея супруга герцога мекленбургскаго и не слушать «несправедливыхъ доношеній на него отъ короля прусскаго», который имѣетъ къ ея супругу «непрямое сердце и великое лукавство». Въ письмахъ №№ 67 и 71 императоръ Петръ пишетъ въ двухъ и въ трехъ строкахъ герцогинѣ мекленбургской, что по возможности желаетъ помогать ея супругу, но обстоятельство или, по тогдашнему выраженію, «конъюнктуры» еще мѣшаютъ ему; а важнѣйшее изъ всѣхъ писемъ № 76 мы помѣщаемъ вполнѣ.

«№ 76.—1721 г. сентября 8. Письмо Петра I къ герцогинѣ Мекленбургской Екатерины Ивановны, о заключеніи нейштадскаго мира.

«Любезнейшая государыня племянница!»

«Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцатидвухлѣтнюю войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30 день

въ Нейштате, і онымъ вамъ поздравляемъ. «І нынѣ свободни можемъ въ ванемъ дѣле вамъ вспомогать, лише бѣ супругъ вашъ помягче поступаль».

«ПЕТРЪ».

«Изъ Санктъ-Петербурха, въ 8 день сентябрю 1721 г.

«Подлинникъ хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собственноручныя строки Петра I обозначены въ настоящемъ изданіи вносными знаками».

Въ 1-мъ выпускѣ находятся цѣлыхъ три письма такой же или еще большей исторической важности. Читатель помнитъ, что мы въ началѣ статьи обозрѣли лишь 218 писемъ изъ 221,—а эти три оставили тогда въ сторонѣ для подробнѣйшаго знакомства съ ними. Вотъ они.

«№ 9.—1708 г. августа 31. Письмо Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Анисѣ Кириловнѣ Толстой, о битвѣ со шведами.

†

«Матка і тетка здравствуйте!

«Писмо отъ васъ я получилъ, на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; понеже предъ очми нешресташно нешпрятныя гости, на которыхъ уже намъ скуучило смотрѣть; того ради мы вчерашнего утра резервувались і на лѣвовое крыло карала шведского съ осмью баталіонами напали, і по двочасномъ огню оного съ помощіею божіею съ поля збили, знамена і протчая побрала. Правѣда, что я какъ сталь (въ подл. італъ) служить, такой ігрунки не видалъ; аднакожъ сей танецъ вчахъ (въ очахъ?) горячего Карлуса ізрядно стонцовали; аднакожъ больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ. Отдайте поклонъ кнеіне і протчимъ, і о семь объявите.

РІТЕР.

«Изъ лагору отъ реки Черной Манны, въ 31 д. августа 1708.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было свернуто пакетомъ и запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Тетушке Анисѣ Кириловнѣ и протчимъ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д. въ книгѣ подъ № 17.

«№ 24.—Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ о дѣйствицѣлебныхъ водъ на здоровье Государя.

†

«Катеринушка, другъ мой, здравствуй!

«А мы, слава Богу, здоровы, толко съ воды брѣхо одула, для того такъ поять, какъ лошадей; і нова за нами дѣла здесь нѣтъ, толко что... Писмо твое я чрезъ Саѣонова получилъ, которое прочитая горазда задумался. Пишешь ты, яко бы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ прѣѣжалъ, а дѣламъ знатно сыскала ково-нибудъ вытнее *) меня; пожалуй отпиши: ізъ нашихъ ли іли ізъ тарунинчанъ? а болше чаю: ізъ тарунчанъ, что хочешь отомстимъ **), что я предъ двумя лѣты занялъ. Такъ-та вы еввинны дочки дѣлаете надъ стариками! Кнезь-папѣ і четверной лапушкѣ ***) і протчимъ отдай поклонъ.

«ПЕТРЪ».

«Изъ Карльсбада, въ 19 д. сентябрю 1711.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; былъ вложенъ въ особый пакетъ и запечатанъ красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Царице Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.

*) Вытный—рослый, здоровый (см. Опытъ обл. великорус. Словаря, стр. 34).
Примѣч. издателей.

**) Читай отомстить. Прим. изд.

***) Слова «і четверной лапушкѣ» приписаны съ боку.

Прим. изд.

«№ 98.—1717 г. июня 18. Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о приѣздѣ своемъ въ Спа для леченія водами.

†

«Катеринушка, другъ мой сердешинкой, здравьствуй!

«Инаго объявить отсель нѣчего, только что мы сюды приѣхали вчера съ благополучно; а понеже во вѣремя пятія водъ домашней забавы дохторы употреблять запырещаютъ, того ради я матресу свою отпустилъ къ вамъ; ибо не могъ бы удержатца, ежелибъ при мнѣ была.

« П Е Т Р Ъ ».

«Изъ Шпа, въ 18 д. июня 1717.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А. На оборотѣ надпись: † Еѣ Величеству Государыне Царице Екатерине Алексѣевнѣ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17».

Изъ 322 писемъ, напечатанныхъ въ двухъ первыхъ выпускахъ, два или три любопытны; еще писемъ пять или шесть могли бы быть нѣсколько интересны, какъ образцы языка, которымъ писали супруга Петра, его племянницы и сестры. Но образцовъ этихъ очень много напечатано и давнымъ-давно и въ недавнихъ книгахъ, стало быть и съ этой стороны вновь издавать ихъ не было пользы. Кто изъ людей, читавшихъ не только Голикова или г. Устрялова, но хотя бы какой нибудь русскій журналъ, не знакомъ съ слогомъ Петра, Екатерины I и другихъ лицъ, письма которымъ собраны теперь? Кому покажется интересна даже орфографическая неправильность этихъ писемъ? — развѣ людямъ, никогда ничего не читавшимъ. А развѣ для такихъ людей предпринимаются ученые изданія историческихъ документовъ? Вѣроятно онѣ дѣлаются для специалистовъ или для людей, хотъ нѣсколько занимающихся исторіей. Такихъ людей тогдашняя манера писемъ не удивитъ, они давно знакомы съ ней, и ничего не только новаго, но даже хотя бы сколько нибудь полезнаго для какой нибудь справки не отыщутъ они въ изданныхъ теперь письмахъ. Если бы московскій пожаръ 1812 г. и петербургское наводненіе 1824 г. истребили всѣ документы и памятники петровскаго времени, кромѣ этихъ писемъ, еслибъ до начатаго теперь изданія не извѣстно было никому на свѣтѣ, что существовалъ Петръ Великій, что супруга его носила имя Екатерины Алексѣевны, что онъ бралъ нѣсколько разъ курсъ минеральныхъ водъ, что онъ сражался со шведами и любилъ употреблять въ письмахъ шутливья выраженія, изданіе имѣло бы безмѣрную драгоценность; къ сожалѣнію, всѣ эти факты очень хорошо и подробно извѣстны.

Если комиссія будетъ продолжать свое изданіе по такому плану, — если она будетъ собирать и печатать всѣ коротенькія семейныя записочки, въ которыхъ не говорится ровно ни о чемъ, кромѣ поздравленій съ праздниками, извѣщеній о добромъ здоровьи и т. д., если она будетъ продолжать такъ, то наберется у ней 500 выпусковъ съ 70 тысячами писемъ прежде, чѣмъ случится ей напечатать хотя одну страницу, сколько нибудь важную для изслѣдователя. Мы думаемъ, что назначеніе комиссіи — заниматься изданіемъ не этихъ писемъ, черезъ мѣсяць утрачивавшихъ всякое значеніе даже для лицъ, обмѣнивавшихся ими. Неужели не осталось, напримѣръ, отъ Петра Великаго писемъ, болѣе важныхъ для историка? Мы совѣтовали бы комиссіи подумать объ этомъ. Теперь она понапрасну тратитъ

бумагу, тратить трудъ, а что важнѣе всего—тратить время. Вѣдь пока она работаетъ, задача считается исполняющеюся, и нѣтъ другой комиссиі для того же дѣла; а если дѣло исполняется такимъ образомъ, то все равно, что оно не исполняется.

Непочтительность къ авторитетамъ.

(Демократія въ Америкѣ, Ал. Токвилля, члена института. Перевелъ А. Якубовичъ. Т. I и II. Кіевъ. 1860 г.).

О переводѣ г. Якубовича никакъ нельзя сказать, что онъ хорошъ. Онъ сдѣланъ небрежно, а еще хуже то, что переводчикъ, какъ видно, не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ терминовъ политическаго устройства, да и многихъ самыхъ обыкновенныхъ оборотовъ французскаго языка. Вотъ примѣры изъ IV главы (въ переводѣ г. Якубовича Т. I, стр. 63—67). Токвилль говоритъ, что до войны за независимость принципъ верховной власти народа коренился въ муниципальных дѣлахъ сѣверо-американскихъ колоній; а когда вспыхнула революція, онъ сталъ господствовать и въ правительствѣ колоній: *toutes les classes se compromirent pour sa cause*, то есть: всѣ сословія безвозвратно признали его, или сдѣлались его защитниками; а г. Якубовичъ переводитъ: «вслѣдствіе этого пали сословія». *Vote universel* или *suffrage universel*, то есть всеобщее право подачи голосовъ, онъ переводитъ: «общественное мнѣніе», — это недоразумѣніе подается нѣсколько разъ на страницахъ, пересмотрѣнныхъ нами. Напримѣръ, Токвилль говоритъ: «читать Мериляндъ, основанный вельможами, первый провозгласилъ всеобщее право вотирования»; г. Якубовичъ переводитъ: «штатъ Мериляндъ, основанный богатыми и знатными переселенцами, первый провозгласилъ господство общественнаго мнѣнія». — Нѣсколькими строками дальше, Токвилль говоритъ, что если какойнибудь народъ началъ понижать электоральный ценсъ, пониженіе пойдетъ непремѣнно до совершенной отмѣны ценса, потому что съ каждой новой уступкой растутъ и силы и требованія демократіи; сказавъ это, Токвилль выражается слѣдующимъ образомъ: честолюбіе людей, оставляемыхъ ниже ценса, раздражается соразмѣрно многочисленности людей, находящихся выше ценса (*l'ambition de ceux qu'on laisse au-dessous du cens s'irrite en proportion du grand nombre de ceux qui se trouvent au-dessus*), а г. Якубовичъ переводитъ: «самолюбіе остающихся подъ властью ценса, раздражается по мѣрѣ увеличенія числа тѣхъ, которые находятся внѣ этой власти». — Очевидно, г. Якубовичъ, когда переводилъ эти страницы, не понималъ одно изъ самыхъ употребительныхъ значеній глагола *se compromettre*, не имѣлъ понятія о смыслѣ терминовъ: «всеобщее право подачи голосовъ» и «избирательный ценсъ». Пробовали мы свѣрять съ подлинникомъ и другія мѣста перевода, вездѣ выходитъ одно и то же. А очень жаль, что книга Токвилля объ американской демократіи переводится человѣкомъ, который не знаетъ ни предмета въ ней излагаемаго, ни французскаго языка. Мы совѣтовали бы г. Якубовичу не печатать остальной половины его перевода (два изданные тома заключаютъ въ себѣ ровно половину подлинника). Сочиненіе Токвилля занимаетъ такое видное мѣсто въ политической литературѣ, что заслуживало бы хорошаго перевода.

Успѣхъ этой книги во Франціи былъ громадный. Г. Якубовичъ дѣлалъ пере-

воду съ 12-го изданія, а у насъ подъ руками 13-е, на которомъ выставленъ еще 1850 г.,—съ той поры, вѣроятно, было еще нѣсколько изданій. Да и не въ одной Франціи пріобрѣла эта книга Токвиля очень большой успѣхъ и авторитетъ; англичане, нѣмцы часто ссылаются на нее. Дѣйствительно, въ ней много вѣрнаго, хорошаго и очень полезнаго, гораздо больше, чѣмъ въ послѣднемъ знаменитомъ сочиненіи Токвиля «Старый порядокъ и Революція», гдѣ основная мысль фальшива и портитъ все. Въ сочиненіи, переводъ котораго такъ прискорбно начать г. Якубовичемъ, основная тенденція вѣрна. Она очень недурно объяснена въ коротенькомъ предисловіи, которое, неизвѣстно зачѣмъ, оставилъ безъ перевода г. Якубовичъ, хотя оно сдѣлано именно къ 12-му изданію, съ котораго переводилъ онъ.

«Книга эта», говоритъ Токвиль въ предисловіи: «была написана 15 лѣтъ тому назадъ. Но теперь (въ 1848 г.) она получаетъ отъ обстоятельствъ настоящаго практическую полезность, какой не имѣла во время перваго изданія.—Американскія учрежденія, бывшія только предметомъ любопытства для монархической Франціи, должны быть предметомъ изученія для республиканской Франціи. Вопросъ теперь о томъ, спокойствіе или волненія будутъ у насъ при республикѣ, демократическая тираннія или демократическая свобода. Задача эта, только еще представляющаяся намъ, разрѣшена Америкою слишкомъ 60 лѣтъ тому назадъ. 60 лѣтъ владычествуетъ тамъ безраздѣльно принципъ верховной власти народа, лишь на дняхъ провозглашенный нами. Онъ тамъ примѣненъ къ дѣлу прямѣйшимъ, безграничѣйшимъ, безусловнѣйшимъ образомъ. 60 лѣтъ народъ тамъ безостановочно возростаетъ числомъ, обширностью государства, богатствомъ, и, замѣтимъ, во все это время онъ пользовался не только наибольшимъ благосостояніемъ, но и наибольшимъ спокойствіемъ изъ всѣхъ народовъ на землѣ. Всѣ европейскія націи страдали отъ войны или внутреннихъ раздоровъ, — американскій народъ одинъ въ цивилизованномъ свѣтѣ оставался миренъ. Почти вся Европа была потрясаема революціею; въ Америкѣ не было даже и мелкихъ смятеній. Анархія и деспотизмъ оставались равно неизвѣстны ей. Гдѣ можемъ найти мы лучшія надежды и лучшіе уроки? Обратимъ наши взоры на Америку,—не для того, чтобы рабски копировать учрежденія, какія она дала себѣ,—а для того, чтобы лучше понять, какія годятся для насъ; чтобы заимствовать изъ Америки не столько примѣры, сколько уроки. Французскіе законы могутъ и должны во многихъ случаяхъ быть различны отъ сѣверо-американскихъ; но принципы, на которыхъ основано американское устройство, эти принципы порядка, уравновѣшенія властей, искренняго и глубокаго уваженія къ праву—необходимы».

Достоинство книги Токвиля больше всего зависѣло отъ этой патріотической и здоровой мысли—изучать американскія учрежденія съ цѣлью пользоваться знаніемъ ихъ для хорошаго устройства французскихъ дѣлъ. Но тѣ же самыя, переведенныя нами главныя мѣста предисловія, въ которыхъ высказывается идея сочиненія, обнаруживаютъ и неудовлетворительность его.

Мы не станемъ говорить о второстепенныхъ недостаткахъ. Токвиль слишкомъ любитъ философствовать, а философомъ не пришлось ему воспитаться, быть можетъ не удалось и родиться; потому его философствованье выходитъ очень поверхностнымъ резонерствомъ на темы, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ Монтескье. Вся вторая половина сочиненія (о гражданскомъ бытѣ Сѣверной Америки) набита этимъ резонерствомъ, которое мы назвали бы необыкновенно скучнымъ, еслибъ

множество изданій не свидѣтельствовало, что публика (по крайней мѣрѣ французская) читала книгу легко и съ удовольствіемъ. Иной разъ скука замѣнялась у насъ веселымъ смѣхомъ, — до такихъ наивностей договаривается нашъ философъ. Вдругъ ему, напримѣръ, показалось, будто «по достовѣрнымъ извѣстіямъ» узналъ онъ такую вещь, что «въ Америкѣ, самой демократической странѣ на земномъ шарѣ, католицизмъ преуспѣваетъ, какъ нигдѣ на свѣтѣ». — «Это удивительно на первый взглядъ», *cela surprend au premier abord*, произносятъ онъ, — да оно и точно было бы удивительно, еслибъ сколько нибудь было похоже на правду, а въ дѣйствительности удивительно лишь то, какъ повѣрилъ Токвилль такой полѣптицѣ, — но онъ тотчасъ же оправляется отъ недоумѣнія, начинаетъ философствовать и находить, что американскія учрежденія чрезвычайно располагаютъ людей къ принятію католицизма, — къ которому на самомъ-то дѣлѣ быстро становится равнодушнѣйшій самый фанатическій прландецъ, переселившись въ Америку. А то вдругъ начнетъ философствовать о классической литературѣ и разсудитъ, что Америкѣ грозятъ отъ греческаго и латинскаго языковъ двѣ ужаснѣйшія опасности: станутъ американцы учиться классическимъ языкамъ, явятся у нихъ граждане «очень изящные и очень опасные, которые во имя грековъ и римлянъ будутъ волновать государство». Не станутъ учиться американцы классическимъ языкамъ, тоже будетъ плохо: «нѣтъ литературы, которую больше классической слѣдуетъ изучать въ демократическій вѣкъ». Какъ же тутъ быть американцамъ? и не читать Цицерона — нельзя, и читать Цицерона — бѣда? А вотъ какъ: въ университетахъ надобно «превосходно» учить по-гречески и по-латинѣ, — а въ гимназіяхъ вовсе не учить. Слава Богу, спасена Америка. — «Впрочемъ», прибавляетъ Токвилль въ заключеніе: «я не считаю литературныя произведенія древнихъ безукоризненными», — какъ нужно было поопредѣлительнѣе высказать свое мнѣніе о достоинствахъ классической литературы, при описаніи гражданскаго устройства Сѣверной Америки. Такихъ штукъ у Токвилля найдется много; но отъ нихъ его книга страдаетъ немногимъ больше того, сколько можетъ пострадать Сѣверная Америка отъ преподаванія или непреподаванія греческаго языка въ гимназіяхъ. Подобныя мелочи могутъ только пособить намъ разглядѣть, что авторъ книги не такой же гениальный мыслитель, какимъ провозглашенъ и у насъ. А сама книга и при нихъ все-таки можетъ остаться хорошей.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ, портящій собою лишь часть разсужденій Токвилля объ Америкѣ, но потомъ испортившій всю книгу его — о «Старомъ порядкѣ и революціи во Франціи». Онъ сбился съ толку на пунктѣ, отъ котораго произошла такая же, только въ противоположномъ направленіи, путаница понятій у многихъ нашихъ ученыхъ. Токвилль видѣлъ на своей родинѣ демократію рядомъ съ централизаціей. Не разобравъ, что это — два явленія разныхъ періодовъ и совершенно разныхъ тенденцій, онъ вообразилъ, что демократія и централизація имѣютъ необыкновенное дружеское влеченіе другъ къ другу, что онѣ даже чуть ли не одно и то же. Точно то же вообразилось и цѣлой школѣ нашихъ ученыхъ. Но расположеніе чувствъ у нихъ и у него оказалось разное. Наши ученые, изъ любви къ одному принципу, начали восхищаться и другимъ. Токвилль, изъ нерасположенія къ одному, съ грустною недовѣрчивостью сталъ смотрѣть и на другой. Онъ готовъ сочувствовать демократическимъ учрежденіямъ, но ужасно пугаетъ его ихъ необыкновенная склонность къ централизаціи. Когда онъ писалъ книгу объ Аме-

рикѣ, торжество демократіи во Франціи казалось ему не очень близко, и онъ справлялся еще кое-какъ съ опасеніемъ своимъ, что она усилитъ и увѣковѣчитъ централизацию. Сочиненіе о «Старомъ Порядкѣ» писалъ онъ уже послѣ событій 1848 г., и воображая, что уже осуществилось его опасеніе, совершенно растерялся отъ ужасной неизбѣжности централизационныхъ страданій для его милой родины. Вѣднуга дошелъ до того, что видитъ преобладаніе вреда надъ пользою во французскихъ событіяхъ конца прошлаго вѣка: конституціонное собраніе, законодательное собраніе, конвентъ каждымъ отыѣненіемъ привилегій и феодальныхъ учрежденій только усиливали, по его мнѣнію, централизацию, только все глубже и глубже ввергали Францію въ эту бездну, въ которую, по его мнѣнію, очень любитъ падать демократія. Все это огорченіе произошло отъ одного небольшого недосмотра: Токвилль не разобралъ, что произвольная власть очень хорошо обходится и безъ централизации. Въ Турціи, напримѣръ, не слишкомъ много централизации: правитель каждой области — полновластный хозяинъ въ ней; каждый подчиненный ему паша такъ же полновластный хозяинъ въ своемъ округѣ; каждый кади тоже полновластный хозяинъ въ своемъ кварталѣ и каждый чаушъ — во всякомъ домѣ, куда пошлетъ его кади. Кажется, ужъ нельзя тутъ жаловаться на централизацию, ужъ подлинно каждый клочекъ земли одаренъ управленіемъ, дѣйствующимъ самостоятельно: не дальше какъ за версту, откуда бы-то-ни было, найдется власть, которая можетъ рѣшить сама собою всякую вещь: и преступника наказать, и тяжбу разсудить, и всякое общественное дѣло повершить, не спрашиваясь высшаго начальства. Но Токвилль этого не разсудилъ: ему вообразилось, что безъ централизации не бываетъ и деспотизма. Кто же ввель полную централизацию во Францію? Ввели ее національныя собранія конца прошлаго вѣка (на самомъ дѣлѣ не они, а Наполеонъ I, но такъ уже показалось Токвиллю); значить, они-то и подвергли Францію полнѣйшему деспотизму. Но опять видитъ онъ, что произвольная власть была во Франціи и до революціи; а произвольная власть безъ централизации не обходится по его мнѣнію; стало быть всѣ формы произвольной власти при старомъ порядкѣ были централизациею: и выходитъ у него, что при старомъ порядкѣ тоже господствовала централизация. Въ каждой провинціи были свои законы, въ каждой были не такіе налоги, какъ въ другихъ, каждая отдѣлялась отъ другихъ таможенною цѣпью, каждый интendantъ пользовался по многимъ дѣламъ законодательною властью въ своей провинціи, распоряжался съ нею во всемъ совершенно какъ хотѣлъ, не спрашиваясь парижскаго правительства; каждый изъ 12 областныхъ парламентовъ претендовалъ имѣть верховную власть, касировать постановленія парижскаго правительства; многіе города претендовали на такое же право (только и парламенты, и городскія власти арестовывались и разгонялись по благоусмотрѣнію все того же интendанта, имѣвшаго всю фактическую власть), — кажется, ничего похожаго на централизацию тутъ нѣтъ; а Токвиллю все мерещется централизация въ этихъ интendантахъ и субинтendантахъ, бывшихъ пашами въ своихъ провинціяхъ. Года два или три тому назадъ, мы при разборѣ «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина имѣли случай объяснить источникъ этой ошляки. Новые принципы государственной жизни еще не на столько развились во Франціи, чтобы уничтожить всѣ слѣды стараго порядка, противоположнаго имъ; во Франціи только еще начинается весна: въ иныхъ мѣстахъ уже показалась зелень, кое-гдѣ проглядываютъ уже и цвѣтки, а въ другихъ мѣстахъ еще лежитъ снѣгъ. Токвилль и многіе другіе очень

основательно заключили изъ этого, что роскошная растительность развивается на снѣгу, и чѣмъ будетъ роскошнѣе она, тѣмъ толще будетъ слой снѣгу, одѣвающего покрытую растительностью страну. При старомъ порядкѣ существовалъ безграничный, совершенно хаотическій произволъ. Новые принципы законнаго порядка еще не достигли той степени торжества надъ ними, чтобы вовсе устранить его, а до сихъ поръ успѣвали лишь нѣсколько обуздывать его подчиненіемъ хотя нѣкоторой формѣ. Формой этой пришлось быть, по особеннымъ историческимъ обстоятельствамъ, централизационному принципу. У областныхъ правителей произволъ совершенно отнять централизацію: префектъ, смѣнившій интенданта, уже поставленъ въ тѣсныя границы повиновенія закону. Но министръ, истолкователь закона префекту, еще сохранилъ значительную долю произвола. Кому же неизвѣстно, что со времени реставраціи идетъ во Франціи вопросъ о распространеніи на центральную власть, на министровъ, того же принципа, которому уже подчинились областныя власти? Дѣло это трудное, времени требуетъ оно много, представляетъ длинный рядъ временныхъ неудачъ, переменъ шанныхъ съ успѣхами (неудачъ не столько по сущности, сколько по формѣ: при орлеанской монархіи отвѣтственность министровъ была больше пустою формою, на дѣлѣ они пользовались произволомъ, развѣ немногимъ меньшимъ, чѣмъ при второй имперіи), — что жъ такое, эта медленность, эти рецидивы — неизбѣжная принадлежность всякаго важнаго историческаго дѣла. Но уже видно, что и у министровъ во Франціи скоро будетъ отнятъ произволъ; тогда исчезнетъ и централизація. Уже очень замѣтно развивается во Франціи тенденція къ самоуправленію, или, по французскому термину, къ децентрализаціи. Токвилль ничего этого не умѣлъ разобрать, все перепуталъ и вышло у него, что демократія и централизація — одно и то же. Точно такимъ же манеромъ, другіе господа отождествляютъ грамотность съ мошенничествомъ, цивилизацію съ развратомъ, и тоже очень горюють бѣдники, подобно Токвиллю: сами видятъ, что избѣжать прогресса нельзя, и пугаются, что прогрессъ ведетъ къ такой ужасной безнравственности.

Но о Франціи еще простительно близорукому говорить подобный вздоръ: а какими судьбами можно домечтаться до того, что ведетъ демократія къ централизаціи въ Америкѣ, — мало того, что она ужъ развила очень сильную централизацію въ Америкѣ? Вѣдь каждому извѣстно, что параллельно развитію демократическихъ учреждений тамъ шло и именно отъ ихъ развитія происходило уничтоженіе всего, скольконибудь похожаго на централизацію. Была тутъ, разумѣется, борьба, а въ борьбѣ неизбѣжна крайность, потому торжествующая демократія переступала наконецъ всякую полезную границу въ развитіи самоуправления: дошло до того, что общія государственная власть не могла вмѣшиваться въ междуусобныя войны, происходившія въ отдѣльныхъ штатахъ и территорияхъ. Напрямѣръ, въ Канзасѣ Богъзнасть сколько времени рѣзались между собою приверженцы и противники невольничества, а центральная власть не могла принять дѣйствительныхъ мѣръ къ прекращенію междуусобицы. Что дѣлать, нужно принципу совершенно утвердиться прежде, чѣмъ прекратится для него нужда въ крайнемъ напряженіи, превышающемъ нормальную мѣру общественной пользы. Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ свою книгу Токвилль, началась эта эпоха въ Америкѣ. Противники полного развитія демократическихъ учреждений, называвшіеся вигами, были окончательно побѣждены демократической партіей около 1845 — 1848 гг. Тогда демократическая партія, оставшись безспорной властительницей національной судьбы, стала

сама раздѣляться на двѣ части: одна половина, сохранившая прежнее имя демократовъ, удовольствовалась пріобрѣтённымъ успѣхомъ и не видѣла надобности въ дальнѣйшемъ улучшеніи общественнаго устройства. Другая половина, принявшая имя республиканцевъ, находила, что тѣ же самые принципы, которые получили полное торжество въ общемъ государственномъ устройствѣ всей страны, должны быть примѣнены и къ устройству гражданскаго быта во всѣхъ частяхъ страны, между тѣмъ какъ до сихъ поръ сохранялись на Югѣ гражданскія учрежденія, несомѣстныя съ общими политическими учрежденіями. На Югѣ существовало средневѣковое учрежденіе невольничества; на немъ опиралось гражданское устройство общества, совершенно противоположное принципамъ политическаго устройства. Всѣ прогрессивные люди постепенно перешли въ эту новую партію, а всѣ гнилые элементы пристали къ обломку прежней демократической партіи, сохранившему за собою прежнее имя, но отъ этихъ нечистыхъ примѣсей все сильнѣе и сильнѣе пропитывавшемуся духомъ, противоположнымъ духу прежней демократической партіи. Наконецъ дошло дѣло до того, что эти гнилые элементы, сгруппировавшіеся подъ именемъ нынѣшней такъ-называемой демократической партіи, сознали невозможность для себя жить при существующихъ учрежденіяхъ Сѣверо-Американскаго Союза и рѣшились сдѣлать отчаянную попытку для ихъ низверженія. Масса партіи, называвшейся демократическою, состояла изъ людей недалповидныхъ, жертвовавшихъ всѣмъ, чтобы отказывались отъ своихъ угрозъ авантюристы и олигархи, пугавшіе неизбежностью междуусобной войны въ случаѣ, если противники ихъ одержатъ верхъ въ правильной организаціи правительства. Ихъ наглость становилась тяжела, такъ что масса начала покидать ихъ. Тогда они подняли войну, и теперь, какъ знаетъ читатель, Сѣверная Америка представляетъ зрѣлище междуусобицы, какой со временъ Фронды не бывало даже во Франціи, которой Токвилль указывалъ на Америку, какъ на примѣрную страну тишины. Исходъ этой междуусобицы не подложитъ сомнѣнію: южные олигархи и авантюристы слишкомъ слабы, и пораженіемъ ихъ начнется новый періодъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ,—періодъ преобразованія гражданскаго быта въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ былъ онъ несообразенъ съ общими принципами американскаго устройства. Въ этомъ дѣлѣ здоровые элементы населенія южныхъ штатовъ, конечно, будутъ получать помощь отъ всей націи, и посредницею въ передачѣ пособія вѣроятно будетъ союзное правительство, такъ что кругъ его дѣятельности нѣсколько расширится. Но мы видимъ по началу дѣла, въ какомъ духѣ будетъ ведено оно, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ централизаціей, а прямо противоположенъ ей: сѣверные штаты вооружились и ведутъ войну по принципу самоуправленія. Союзное правительство руководится рѣшеніями мѣстныхъ народныхъ митинговъ, получаетъ средства къ войнѣ отъ мѣстныхъ комитетовъ, составившихся изъ выборныхъ отъ населенія, по собственной инициативѣ положившаго основать такіе комитеты; словомъ сказать, въ этой войнѣ сѣверо-американскій принципъ выказался въ такой безусловной послѣдовательности, какъ еще никогда ни по какому дѣлу. Навѣрное можно сказать, что по окончаніи войны, когда черезъ посредство союзной власти будутъ совершаться реформы гражданскаго быта въ южныхъ штатахъ, союзное правительство будетъ дѣйствовать также только по указанію общественной инициативы и въ полной зависимости отъ нея, такъ что и въ самомъ исполненіи дѣла сильнѣе прежняго разовьется сѣверо-американскій принципъ, противоположный централизаціи; а про результаты дѣла нечего уже и

говорить: оно все имѣетъ своею цѣлью очищеніе сѣверо-американскаго общества отъ послѣднихъ остатковъ устройства, не согласнаго съ его кореннымъ принципомъ.

Таково низѣйшее сѣверо-американское дѣло. Но кто нямало не пойметъ его природы, можетъ воображать, что оно такъ или иначе, послужитъ къ появленію нѣкоторой централизаціи. Вѣдь войну все-таки ведетъ союзное правительство противъ конфедераціи нѣсколькихъ областей; эти области присвоиваютъ себѣ право на самостоятельность въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ не допускаетъ его союзное правительство; стало-быть можетъ показаться иному, что борьба идетъ между центральною властью и мѣстнымъ самоуправленіемъ; что неизбежная побѣда центральной власти послужитъ къ ея усиленію, къ уменьшенію областнаго самоуправления. Еслибъ Токвилль нынѣ писалъ о наклонности американской демократіи къ централизаціи, онъ ошибался бы нолнѣйшимъ и грубѣйшимъ образомъ, но его ошибка все-таки была бы понятна. Другое дѣло подобная мысль въ книгѣ, писанной около 30 лѣтъ назадъ, когда не было ровно ни одного факта, который хотя самому поверхностному и незнающему человѣку могъ бы показаться ведущимъ къ централизаціи или похожимъ на нее. Ошибочно, но понятно мнѣніе человѣка, принимающаго кита за рыбу; но какъ же принимать за рыбу быка или лошадь? Поэтому необыкновенно забавно читать философствованія Токвилля о наклонности американцевъ и вообще демократическихъ обществъ къ централизаціи. Кто не читалъ его книгу, навѣрное предположитъ, что мы выдумываемъ на него; такому скептику возразимъ заглавіями цѣлага большаго отдѣла изъ второй половины сочиненія Токвилля. «Часть IV, гл. 2. Понятія демократическихъ народовъ о правительственныхъ дѣлахъ естественно расположены къ централизаціи власти. Глава 3. Чувства демократическихъ народовъ, согласно съ ихъ понятіямъ, влекутъ ихъ къ централизаціи власти». Еще нѣсколько другихъ главъ посвящено тому же предмету. Онъ такъ курьезенъ, что любопытно будетъ читателю взглянуть на нѣкоторые образцы разсужденій знаменитаго автора.

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властью и подданными (говоритъ Токвилль) естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ, потому что въ нѣдрахъ ихъ были отдѣльныя лица или фамиліи, возвышавшіяся надъ другими знатностью, просвѣщеніемъ, богатствомъ и казавшіяся предназначенными къ власти. Эта идея, естественно, исчезаетъ изъ мысли людей въ вѣка равенства, по причинамъ, противоположнымъ тому. Ввести ее въ ихъ мысли можно только искусственно, поддерживать въ нихъ лишь съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ возникаетъ въ нихъ сама собою идея единственной и центральной власти, которая сама руководитъ всѣми гражданами.»

Чудакомъ не понимаетъ, что въ первую половину своего разсужденія самъ вѣтавилъ слова, показывающія совершенный недостатокъ логики во второй половинѣ его. Вѣдь самъ же онъ сказалъ, что въ аристократическихъ обществахъ второстепенныя власти попадаютъ въ руки людямъ по знатности, богатству, то есть не по выбору согражданъ, а по прирожденному праву извѣстнаго человѣка или рода имѣть въ рукахъ власть. Хочетъ онъ судить о демократическомъ народѣ по закону контраста; какой же контрастъ выходитъ изъ его собственныхъ словъ? Какія изъ этихъ словъ ищутъ себѣ противоположности во второй половинѣ періода? Тутъ не по выбору, а по прирожденному праву, тамъ наоборотъ, — значитъ, по выбору, а не по прирожденному праву. Пускается человѣкъ философствовать, а не знаетъ, что если къ суще-

ствительному прибавлено прилагательное, то въ контрастѣ отрицаніе будетъ относиться не къ существительному, а къ прилагательному, или если общее понятіе выставлено съ частнымъ признакомъ, то отрицаніе въ контрастѣ будетъ относиться къ частному признаку, а не къ общему понятію. Напримѣръ, если вы уже сказали: добрый человѣкъ, или человѣкъ въ хорошей одеждѣ, то противоположность будетъ: злой человѣкъ, или человѣкъ въ дурной одеждѣ, а не то, что противоположность доброму человѣку составляетъ птица, или человѣку въ хорошей одеждѣ—пустыня. Чтобы во второй половинѣ періода вышло «пустыня», «отсутствіе человѣка», въ первой половинѣ періода нужно сказать просто человѣческое общество, безъ всякихъ частныхъ признаковъ. Если бы можно было сказать, что второстепенная власть неспособна имѣть никакого другаго происхожденія, кромѣ родового, другаго источника, кромѣ патримоніальныхъ или вотчинныхъ правъ, тогда съ ихъ отрицаніемъ отрицалась бы и второстепенная власть; а если бываютъ и другіе источники второстепенныхъ властей, кромѣ патримоніальнаго, то отрицаніе феодализма вовсе не централизація. Вотъ кого, Токвилли, должны были бы учить логикѣ «Русскій Вѣстникъ» съ г. Юркевичемъ. Жаль, что умеръ бѣдняжка до появленія статьи г. Юркевича и до перепечатки ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Хотите ли еще образцовъ философствованія о наклонности американцевъ къ централизаціи?

«Американцы полагають, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; но какъ только разъ установлена эта власть, они уже думаютъ, что она не должна имѣть никакихъ границъ; они охотно признають, что она имѣетъ право дѣлать все.»

Это ужъ—такая диковинка, до какой вѣроятно тяжело было дофилософствоваться и самому Токвиллю. Что за ахинея? Кому же неизвѣстно, что рѣшительно всякая власть въ Америкѣ чрезвычайно ограничена? Президентъ, напримѣръ, не можетъ ровно ничего важнаго сдѣлать безъ утвержденія сената. Сенатъ ровно ничего не можетъ сдѣлать или безъ президента или безъ палаты представителей; палата представителей ровно ничего не можетъ сдѣлать безъ сената. Значить, изъ трехъ отраслей союзной, исполнительной и законодательной власти, каждая сама по себѣ не то, чтобы имѣла неограниченную власть, а ровно никакой независимой власти не имѣетъ. Или всѣ три отрасли эти вмѣстѣ имѣютъ неограниченную власть? Помилуйте, вѣдь извѣстно, что сфера дѣйствій союзнаго правительства чрезвычайно точно опредѣлена очень узкими границами. Конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не можетъ, напримѣръ, издать хотя бы того закона, что за воровство у частнаго человѣка воръ подвергается тому или другому наказанію; союзная власть можетъ разсуждать лишь о кражѣ имущества, принадлежащаго союзному правительству; кража частной собственности—преступленіе, надъ которымъ ни конгрессъ, ни президентъ, ни конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не имѣютъ никакой власти. Эти дѣла подлежатъ власти отдѣльныхъ штатовъ; и если бы какой нибудь штатъ вздумалъ рѣшить, что воръ не подвергается никакому наказанію, воровство частной собственности и оставалось бы въ этомъ штатѣ безнаказаннымъ, и союзная власть ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Точно таково же отношеніе властей отдѣльнаго штата къ властямъ составляющихъ его графствъ, а этихъ властей къ властямъ городовъ и другихъ общинъ, составляющихъ графство. Если бы, напримѣръ, какое нибудь графство рѣшило вовсе не имѣть у себя больницы, или какой нибудь городъ рѣшилъ вовсе не имѣть школъ, никакая власть въ Соединенныхъ Штатахъ, ни власть штата, ни

власть союзнаго правительства, ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Или, по крайней мѣрѣ, городскія и общинныя власти не такъ строго ограничены? Помилуйте; да каждый городской или общинный чиновникъ первымъ встрѣчнымъ можетъ быть преданъ суду за малѣйшее превышеніе власти, ему опредѣленной. Съ чего же это вздумалось Токвиллю вообразить такую нелѣпицу, что разъ установленная власть признается въ Америкѣ безграничной, когда тамъ всѣ власти гораздо строже и тѣснѣе ограничены, чѣмъ въ самой Англій?—Онъ до того спутался своею мечтою о тождествѣ централизаціи съ демократіею во Франціи, что въ нѣкоторыхъ чертахъ американскаго порядка, прямо противоположныхъ централизаціи, увидѣлъ централизацію. Форма дѣйствій централизаціи—бюрократія, подаваніе обо всемъ рапортовъ съ испрашиваніемъ на все расшпреній и предписаній. Во Франціи, напримѣръ, если въ какомъ нибудь общественномъ зданіи, — въ больницѣ, въ школѣ, — понадобится замѣнить обветшавшую раму въ одномъ окнѣ новой рамой, и если начальникъ этого зданія, положимъ больницы, не захочетъ поступить противозаконно, онъ подаетъ рапортъ подпрефекту, что вотъ какая надобность представляется; подпрефектъ посылаетъ отъ себя рапортъ префекту, съ приложеніемъ рапорта начальника больницы; префектъ даетъ предписаніе архитектору освидѣтельствовать раму и получивъ отъ него рапортъ посылаетъ отъ себя рапортъ министру, съ приложеніемъ рапорта архитектора и предшествовавшихъ ему рапортовъ подпрефекта и начальника больницы; министръ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, посылаетъ префекту предписаніе: «перемѣнить раму въ такомъ-то окнѣ такой-то больницы»; префектъ посылаетъ предписаніе подпрефекту: «въ такомъ-то окнѣ такой-то больницы перемѣнить раму»; подпрефектъ даетъ предписаніе начальнику больницы: «въ такомъ-то окнѣ вашей больницы перемѣнить раму»; начальникъ больницы даетъ предписаніе эконому больницы: «въ такомъ-то окнѣ нашей больницы перемѣнить раму». Экономъ перемѣняетъ раму и вручаетъ начальнику больницы рапортъ: «такая-то рама въ нашей больницѣ перемѣнена»; начальникъ больницы пишетъ рапортъ подпрефекту, и опять идетъ рядъ этихъ новыхъ рапортовъ до министра, по всѣмъ ступенямъ прежней градаціи. Въ Америкѣ ничего этого нѣтъ, потому что нѣтъ бюрократіи, а бюрократіи нѣтъ потому, что нѣтъ централизаціи. Тамъ избирая чиновника или правителя, говорятъ ему: «по вашей должности возлагаются на васъ такія-то и такія-то обязанности и предоставляются такія-то и такія-то средства къ ихъ исполненію; исполняйте же вашу должность. О чемъ не стоитъ спрашивать ни у' кого, о томъ не спрашивайтесь ни у' кого; если слишкомъ часто будете спрашиваться, это значить, что собственный разсудокъ у васъ плохъ. За всякое превышеніе власти можетъ васъ подвергнуть суду каждый, и всегда найдется множество людей, которые найдутъ это нужнымъ, чтобы не потерпѣть убытка или непріятности отъ вашего произвола. Если дѣло, вамъ поручаемое, будетъ идти несправно, вы будете смѣнены, безъ наказанія или съ наказаніемъ, смотря по характеру несправности; а каждую несправность вашу готовы будутъ обнаружить сотни людей, чтобы не потерпѣть отъ нея убытки или вреда». Вотъ положеніе американскаго чиновника или правителя: въ кругу исполняемыхъ имъ обязанностей онъ совершенно самостоятеленъ, подъ отвѣтственностію предъ судомъ за всякое неправильное дѣйствіе. Разрѣшеній и предписаній на всякіе пустяки онъ не спрашиваетъ и не получаетъ. Теперь вы понимаете, какая штука произошла въ разстроенныхъ мысляхъ Токвилля. Онъ—либераль, страшный либераль (только свобода книгопечатанія не

совѣтъ ему правится, что онъ простодушно и объясняетъ въ главѣ объ этомъ предметѣ); онъ — страшный врагъ централизаціи; но не можетъ онъ себѣ представить законнаго хода дѣлъ иначе, какъ въ бюрократическихъ формахъ: гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ, по его мнѣнію, произволъ, деспотизмъ; а деспотизмъ и централизація, по его мнѣнію, это все равно; такимъ-то манеромъ и открылъ онъ въ Америкѣ и централизацію и безграничную власть въ каждомъ чиновникѣ и правителѣ. Вообще, гдѣ коснется дѣло централизаціи, онъ всегда разсуждаетъ въ слѣдующемъ родѣ: лошадь имѣетъ наклонность ходить на двухъ ногахъ; пернатое животное, которое несетъ такія вкусныя яйца и высиживаетъ изъ нихъ цыплятъ, ходить на двухъ ногахъ; слѣдовательно, лошадь имѣетъ сильную наклонность быть курицей. И силлогизмъ хорошъ, да и фактъ подмѣченъ очень, вѣрно и тонко: вѣдь лошадь дѣйствительно иногда становится на дыбы, иногда бьетъ задними ногами; въ томъ и другомъ случаѣ она стоитъ только на двухъ ногахъ.

Несчастный Токвилль, не распространялись бы мы объ этой твоей слабости, еслибъ не читали на возлюбленномъ своемъ родномъ языкѣ разсужденій о связи централизаціи съ демократіею. Эти разсужденія имѣютъ свойство восхищать насъ, какъ невинный лепетъ наивныхъ сердець, прекрасныхъ и чистыхъ, какъ прекрасно и чисто было сердце почтеннаго Токвилля. — «Нивелирующая сила централизаціи», — «демократическая диктатура, подавляющая олигархію бюрократіею», — «государственное начало, подавляющее противугосударственные элементы и сохраняющее націю отъ распадения, страну отъ чуждаго завоеванія» и т. д. и т. д. Намъ наскучили эти фразы, затуманиваюція здравый смыслъ общества, и на бѣдномъ Токвиллѣ хотѣли мы показать, съ какою логикою строятся силлогизмы, съ какою вѣрностью понимаются факты, изъ которыхъ извлекаются такія диковины. Если бы не наши любезные соотечественники, твердящіе ту же пѣсню, за что было бы намъ такъ жолчно разбирать слабости Токвилля? Онъ не сдѣлалъ намъ никакого вреда. Другое дѣло, еслибъ мы были французы: тогда помнили бы мы, что Токвилль съ либералами и демократами, подобными ему ясностью понятій и сообразительностью, надѣлалъ много, очень много вреда Франціи. Кто, какъ не эти люди, поднимають въ критическое время вопли противъ всякихъ мѣръ удовлетворенія національнымъ требованіямъ? Кто, какъ не они, довелъ тогда дѣло до страшной рѣзни іюньскихъ дней? Кто, какъ не они, бросился въ реакцію, изъ которой естественно уже развилась система, непоцеремонившаяся и съ ними? Безъ нихъ, безъ этихъ людей, такъ прочно и добросовѣстно утвердившихъ за собою репутацію либераловъ и демократовъ, реакціонеры были бы безсильны. И вотъ теперь они опять либеральничаютъ и демократничаютъ, и Европа съ умиленіемъ читаетъ Беррье и Одилона Барро, Оссонвиля и Гарнье Паже: все тутъ есть, и легитимисты, и орлеанисты, и республиканцы, и все одинаково хороши. Отлично устроятъ они Францію, если опять попадется имъ власть, всемъ ли вмѣстѣ или какому нибудь одному изъ нихъ, все равно.

Впрочемъ должны мы признаться, — жаль, что нѣсколько поздно дѣлаемъ это признаніе, — что вовсе и не было намъ надобности говорить что нибудь противъ мнѣнія о наклонности американской демократіи къ централизаціи. Мы заглянули въ отдѣлъ книги Токвилля, озаглавленный: «нѣкоторыя соображенія о настоящемъ положеніи и вѣроятной будущности Соединенныхъ Штатовъ», и просмотрѣвъ эти страницы, убѣдились, что Токвилль никакъ не могъ говорить ничего подобнаго тому, что мы опровергали. Въ главѣ, на которую переходить теперь наше вниманіе, онъ

разсказываетъ, что при быстромъ расширеніи Соединенныхъ Штатовъ очень можетъ возникнуть въ разныхъ частяхъ этой страны стремленіе отложиться отъ другихъ, чтобы стать совершенно независимыми государствами; или, по крайней мѣрѣ, отдѣльные штаты будутъ стремиться къ увеличенію своей самостоятельности на счетъ союзной власти. Слушайте же, что говорить нашъ авторъ.

«На первый взглядъ кажется, что Союзу дано больше правъ верховной власти, чѣмъ оставлено за отдѣльными штатами. Всмотрѣвшись въ дѣло нѣсколько ближе, мы увидимъ противное». — Токвилль доказываетъ, что правительство отдѣльнаго штата сильнѣе союзнаго правительства, и перечень доказывающихъ это фактовъ заключаетъ словами: «о разницѣ силъ союзнаго правительства и правительства штата легко можно судить по характеру дѣйствій того и другаго въ кругу его власти. Когда правительство отдѣльнаго штата обращается къ его населенію, его языкъ ясенъ и повелителенъ. Когда союзное правительство обращается къ штату, оно ведетъ съ нимъ переговоры: излагаетъ причины своихъ дѣйствій, оправдываетъ ихъ, разсуждаетъ, совѣтуетъ, а не приказываетъ. Если возникаетъ сомнѣніе о томъ, гдѣ граница между властью Союза и штата, правительство штата выражаетъ свою претензію смѣло, принимаетъ быстрыя и энергическія мѣры для ея поддержанія. А союзное правительство разсуждаетъ, обращается къ здравому смыслу націи, къ ея выгодамъ, ея славѣ, медлитъ, ведетъ переговоры и лишь въ послѣдней крайности рѣшается наконецъ дѣйствовать. — Союзное правительство, по самой своей натурѣ, правительство слабое, болѣе всякаго другаго нуждающееся для своего существованія въ свободномъ содѣйствіи управляемыхъ. Если бы союзная власть вступила въ борьбу съ правительствомъ штата, легко предвидѣть, что она была бы побѣждена. Я не полагаю даже, чтобы могла когда нибудь завязаться эта борьба серьезнымъ образомъ.» (Нынѣшнія американскія событія свидѣтельствуютъ о предусмотрительности Токвилля). — «Какъ только штатъ противопоставитъ союзному правительству упорное сопротивленіе, союзная власть всегда уступить. Опытъ доказалъ, что когда отдѣльный штатъ упорно желалъ и рѣшительно требовалъ чего нибудь, онъ всегда одерживалъ верхъ. А еслибъ союзное правительство и имѣло силу, ему очень трудно было бы воспользоваться ею по физическому положенію страны. Она занимаетъ огромную территорію, разстоянія въ ней далекія, населеніе разсѣяно по мѣстностямъ, на половину еще пустыннымъ. Если бы Союзъ захотѣлъ поддержать свои права противъ отдѣльнаго штата оружіемъ, онъ сталъ бы въ положеніе, подобное тому, въ какомъ была Англія, ведя войну съ американскими колоніями. Притомъ же союзное правительство, еслибъ и было сильно, не могло бы отвратить послѣдствій принципа, который само принимаетъ за основаніе государственнаго права. Союзъ составился по свободной волѣ штатовъ». — Послѣ этого Токвилль разсматриваетъ, можетъ ли союзное правительство, слабое само по себѣ, склонить отдѣльные штаты пособить ему въ борьбѣ съ непокорнымъ штатомъ. Онъ находитъ это невозможнымъ: ни одинъ штатъ не захотѣлъ бы поддерживать союзную власть въ такомъ столкновеніи, — нынѣшними событіями отлично подтвердилось и это. «Потому несомнѣнно кажется мнѣ (продолжаетъ Токвилль), что если бы какая нибудь часть Союза серьезно захотѣла отдѣлиться, союзная власть не только не могла бы воспрепятствовать ей въ томъ, но даже и не сдѣлала бы попытки къ тому» (какъ и видимъ теперь). — Токвилль разсматриваетъ, вѣроятенъ ли тотъ случай, чтобы какая нибудь часть Союза захотѣла отдѣлиться отъ него, и находитъ это невѣ-

роятнымъ, — опять, какая вѣрная предусмотрительность. Но кромѣ этого невѣроятнаго, по его мнѣнію, шанса, существуетъ, по его словамъ, другой шансъ погибели для союзной власти. — «Союзное правительство можетъ постепенно терять силу отъ тенденціи вѣхъ отдѣльныхъ штатовъ къ возвращенію своей независимости. Поочередно лишившись вѣхъ своихъ правъ, будучи доведено до безсилія этою общою тенденціею, центральное правительство станетъ неспособно исполнять свое назначеніе, и Союзъ погибнетъ». Этотъ шансъ, по мнѣнію Токвилля, не только вѣроятенъ, а уже осуществляется; это уже не шансъ, а фактъ. «Американцы очевидно проникнуты сильнымъ опасеніемъ (говоритъ Токвилль): они видятъ, что у большей части другихъ народовъ права верховной власти сосредоточиваются все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ (у какихъ же это другихъ народовъ видятъ такой небывалый фактъ американцы? — могли бы мы спросить Токвилля; но все равно: пусть полагаютъ онъ, что американцы видятъ, чего не видятъ; мы теперь только хотимъ знать его взглядъ) и пугаются мысли, что можетъ тѣмъ же кончиться и у нихъ. А централизація въ Америкѣ непопулярна и ничѣмъ нельзя такъ ловко польстить большинству, какъ нападеніями на центральную власть. Потому сами государственные люди у нихъ раздѣляютъ или притворяются раздѣляющими эту боязнь. Мнѣ кажется, она совершенно фантастична. Я вовсе не того опасаюсь, что власть центрального правительства будетъ крѣпнуть, — я нахожу, напротивъ, что она замѣтнымъ образомъ слабѣетъ. Чтобы доказать это, мнѣ не нужно ссылаться на давнишніе факты; довольно будетъ указать на факты, происходившіе при мнѣ или въ наше время: каждый разъ, какъ права центральной власти встрѣчались съ претензіями отдѣльныхъ штатовъ, права эти уменьшались». Токвилль приводитъ факты, подтверждающіе этотъ выводъ его, и продолжаетъ: «да, или я слишкомъ грубо ошибаюсь, или союзная власть въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ; все меньше и меньше вмѣшивается она въ дѣла, все тѣснѣе и тѣснѣе становится кругъ ея дѣйствія. Слабая и по своей природѣ, она ужь отказывается даже отъ видимыхъ формъ силы. А въ отдѣльныхъ штатахъ чувство независимости становится все живѣе, любовь къ мѣстному управленію все сильнѣе. Хотятъ, чтобы существовалъ Союзъ, но чтобы онъ былъ только тѣнью Союза. Я не вижу въ настоящемъ ничего, чѣмъ могло бы остановиться это общее движеніе умовъ; причины, его породившія, продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Слѣдовательно оно будетъ продолжаться, и можно предсказать, что если не явится какое нибудь чрезвычайное обстоятельство, то союзное правительство съ каждымъ днемъ будетъ ослабѣвать».

Мы краснѣемъ за себя, мы жизни не рады, что нѣсколькими страницами выше приписали Токвиллю мнѣніе, будто бы централизація въ Америкѣ усиливается. Какъ грубо мы ошиблись! Теперь этотъ промахъ нашъ можно уличить даже и безъ помощи г. Юркевича. Возможное ли дѣло, чтобы писатель, такъ упорно твердящій на приведенныхъ нами страницахъ о постоянномъ, ежедневномъ ослабленіи центральной власти въ Американскомъ Союзѣ, доказывалъ, что она усиливается? Нѣтъ, мы или не потрудились хорошенько познакомиться съ его мыслями, или нагло неказили ихъ, когда выставляли его думающимъ, будто развивается въ Америкѣ централизація. Въ какую бѣду мы попали, какъ будутъ торжествовать люди, любящіе изболчивать наше невѣжество и нашу недобросовѣтность! Пересмотримъ повнимательнѣе отдѣлъ о централизаціи, чтобы поскорѣе обнаружить передъ самими собой свою ошибку и вычеркнуть бѣдственные для насъ страницы, написанныя

подъ ея вліяніемъ. Раскрываемъ же отдѣлъ о централизаціи. Вотъ она, глава 2-я IV-й книги. Читаемъ:

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властію и подданными, естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ», и т. д.—Что за чудо!—вѣдь, дѣйствительно въ книгѣ Токвилля напечатано все это разсужденіе, которое мы приписывали ему; но можетъ быть по этому отрывку еще нельзя судить; будемъ читать дальше.

«Въ политикѣ умъ демократическихъ народовъ съ восхищеніемъ принимаетъ простыя и всеобщія идеи. Многосложныя системы неприятны ему; ему нравится мысль, что всѣми гражданами великой націи управляетъ только одна власть. Въ аристократическіе вѣка эта мысль чужда человѣческому уму. Онъ не принимаетъ или отвергаетъ ее.—По мѣрѣ того, какъ положеніе людей въ извѣстномъ народѣ уравнивается, значеніе отдѣльнаго человѣка все уменьшается, а значеніе общества все увеличивается; или лучше сказать, каждый гражданинъ, ставъ подобенъ всѣмъ другимъ, теряется въ толпѣ, и остается только широкая идея самого народа. Отъ этого у людей демократическихъ временъ естественно является очень высокое мнѣніе о привилегіяхъ общества и очень низкое понятіе о правахъ отдѣльнаго лица. Они легко соглашаются, что власть, представительница общества, далеко превосходитъ знаніемъ и мудростью каждаго изъ людей, составляющихъ общество, и что она имѣетъ и право, и обязанность брать каждаго человѣка за руку и вести его куда захочетъ». Да, дѣйствительно. Токвилль доказываетъ, что американцы непремѣнно должны все больше и больше впадать въ централизацію. Но нѣтъ, быть можетъ, мы ошибаемся въ этомъ заключеніи, быть можетъ, онъ говоритъ только о демократическихъ народахъ вообще, а не объ американцахъ въ особенности: вѣдь прямо намъ еще не попадалось у него слово «американцы» и насъ могутъ изобличить въ опрометчивости сужденій. Надобно читать дальше.

«Американцы полагаютъ, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; но разъ установивъ» и т. д. Опять знакомое мѣсто; но, быть можетъ, мы не поняли его тогда? Будемъ же читать дальше.

«Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, не любятъ покидать своихъ частныхъ дѣлъ для занятія общественными дѣлами. Они имѣютъ естественную склонность отдавать общественныя дѣла на заботу государству. У нихъ нѣтъ охоты, часто нѣтъ и времени заниматься общественными дѣлами.—Любовь къ общественному спокойствію часто остается у демократическихъ народовъ единственною политическою страстью, и она становится у нихъ тѣмъ живѣе и сплнѣе, что всѣ другія страсти слабѣютъ и умираютъ; это естественно располагаетъ гражданъ безпрестанно давать все новыя права центральной власти, которая, по ихъ мнѣнію, одна имѣетъ интересъ и силу защищать ихъ отъ анархіи. Въ вѣка равенства каждый слабъ; при своей слабости, онъ естественно обращаетъ взоры на неизмѣримое существо, которое одно возвышается среди всеобщаго пониженія. Нужды и желанія безпрестанно заставляютъ человѣка обращаться къ помощи этого существа (т. е. общественной власти или центрального правительства), и онъ кончаетъ тѣмъ, что видитъ въ немъ единственную и необходимую опору своей индивидуальной слабости». «Смотр. примѣчаніе къ этой страницѣ въ концѣ тома»,—прибавляетъ Токвилль. Хорошо; смотримъ примѣчаніе; въ немъ написано: «Въ демократическихъ обществахъ только центральная власть имѣетъ прочность. Слѣдовательно, трудно не

имѣть ей успѣха въ стремленіи постоянно расширить свою сферу, потому что она съ неизмѣнной мыслью и постоянной волей дѣйствуетъ на людей, положеніе, мысли и желанія которыхъ измѣняются ежедневно. Такимъ образомъ у демократическаго правительства кругъ дѣйствій расширяется уже тѣмъ самымъ фактомъ, что оно продолжаетъ существовать. Время работаетъ въ его пользу; всѣ случайности обращаются въ его пользу; отдѣльные люди своими страстями помогаютъ ему даже и безъ собственного вѣдома. И можно сказать, что оно становится тѣмъ болѣе централизовано, чѣмъ старше становится демократическое общество». Прочитавъ примѣчаніе, возвращаемся къ тексту. «Ненависть къ привилегіямъ, одушевляющая демократическіе народы, чрезвычайно благопріятствуетъ постепенному сосредоточенію всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ одного лица, представляющаго собою государство». И т. д. и т. д. Мы извлекли существенныя мысли только изъ шести страницъ французскаго подлинника въ нашемъ изданіи, а матерія эта тянется на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; какихъ удивительныхъ соображеній нѣтъ на этихъ страницахъ! Къ чему ни приложить Токвилль слово «демократическій», все оказывается ведущимъ къ централизаціи. Надобно полагать, что даже и рѣки въ демократическихъ странахъ несутъ людей къ централизаціи, и вѣтеръ гонитъ ихъ къ централизаціи, и нюханье табаку (если они нюхаютъ табакъ) влечетъ ихъ къ централизаціи; да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и должно быть: рѣки, напримѣръ, все вливаются другъ въ друга, маленькія въ большія, большія еще въ большія, а потомъ, слившись между собою, всѣ сливаются въ общій центръ водъ, море: это явно возбуждаетъ въ людяхъ мысль о централизаціи. Вѣтеръ дуетъ больше все въ одномъ направленіи,—положимъ, въ юго-западномъ; значитъ, все и несется вѣтромъ въ одну сторону, сваливается все въ кучу и въ кучу,—опять явно располагая людей думать о централизаціи. Нюхательный табакъ производитъ во всѣхъ нюхающихъ его одинаковое щекотанье носовыхъ нервъ,—значитъ, и отъ этого люди все больше и больше располагаются чувствовать одинаково; а отъ одинаковости чувствъ недалеко до централизаціи, какъ доказываетъ Токвилль. Но мы еще не имѣемъ достаточно доказательствъ, что всѣ его соображенія такого рода относятся къ американцамъ. Правда, это ясно само собой; правда, мы уже приводили одно мѣсто, показывающее, что при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ имѣются въ виду американцы; но одного мѣста намъ мало. А вотъ и другое, послѣ котораго не остается сомнѣній. Изложивъ соображенія, нами приведенныя, и множество другихъ, Токвилль обращаетъ свои взоры на Европу и говоритъ:

«Европейскія демократическія націи имѣютъ всѣ общія и постоянныя тенденціи къ централизаціи власти и, сверхъ-того, подвержены многимъ второстепеннымъ и случайнымъ вліяніямъ, которыя незнакомы американцамъ».

Теперь ужъ не остается никакого сомнѣнія; даже и при помощи г. Юркевича нельзя будетъ найти наше заключеніе опрометчивымъ: очевидно, что Токвилль примѣняетъ къ американской демократіи всѣ предшествующія мудрыя соображенія, нами сообщенныя читателю.

Спрашивается теперь: какъ мы должны думать о Токвиллѣ? Мы видѣли, что книгу свою онъ писалъ съ превосходнѣйшимъ намѣреніемъ; надобно прибавить, что фактическая сторона въ ней,—изложеніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ,—хороша; можно, пожалуй, и кромѣ того найти въ ней много страницъ полезныхъ и писанныхъ какъ будто неглупымъ человѣкомъ; все такъ, и хорошаго въ книгѣ

довольно, и полезного не мало,—но объ авторѣ-го какъ вы станете думать, и какой вѣсь могутъ имѣть мнѣнія подобнаго мыслителя? У автора въ головѣ такой сумбуръ, что никакой нѣтъ возможности придавать хотя бы самое маленькое значеніе образу его мыслей: помилуйте, да вѣдь и разобрать нельзя, какого онъ образа мыслей,—въ одномъ случаѣ такъ ему покажется, въ другомъ совершенно навыворотъ. Ослабѣваетъ или укрѣпляется центральная власть въ Американскихъ Штатахъ? Падаеть она передъ мѣстными властями отдѣльныхъ штатовъ или онѣ поглощаются ею? Извольте сказать, какъ думаетъ объ этомъ Токвилль? Невозможно безъ смѣха слышать мнѣнія, выраженные имъ объ этомъ вопросѣ въ двухъ разныхъ отдѣлахъ одной и той же книги.

А писатель онъ знаменитый, признанъ за авторитетъ всею образованною Европою, прославленъ и въ нашей литературѣ. Мы сначала и хотѣли было уважить авторитетъ,—сами вы видите, статья наша начата съ почтительностью; но мы ли виноваты, что не оказалось никакой возможности продолжать ее въ томъ же тонѣ?

Конечно, бѣдный Токвилль ужъ слишкомъ откровенно выложилъ передъ нами складницу своихъ мыслей. Не у всякаго подобнаго ему сумбурнаго писателя найдете вы такую основательную и подробную двуголосицу, какъ у него по вопросу о централизаціи въ Америкѣ. Но вѣдь если иной и осмотрительнѣе Токвилля сличаетъ разныя главы и страницы своего произведенія, чтобы не попасть въ такое открытое и длинное противорѣчіе съ самимъ собою, то характеръ его мыслительныхъ способностей отъ этого лишь нѣсколько затуманивается, а не исправляется. Возьмемъ въ примѣръ цѣлую школу, любящую у насъ разсуждать о томъ же предметѣ, на которомъ такъ отличился Токвилль.

Еслибъ люди, превозносящіе историческую пользу централизаціи и необходимость ея въ настоящемъ, были реакціонеры, ихъ взглядъ на централизацію былъ бы очень логиченъ. Но, нѣтъ, они друзья прогресса, и отъ этого никакъ нельзя примирить съ здравымъ смысломъ ихъ мнѣніе объ элементѣ, занимающемъ ихъ такъ много. Надобно сказать, что всѣ они—люди изъ числа самыхъ образованныхъ у насъ, а представители ихъ школы въ литературѣ—замѣчательные ученые; будь они—люди незнающіе, ошибка была бы извинительна; а при качествахъ, которыми они отличаются, она очень странна.

Тѣ представители школы, которые заслужили извѣстность научными трудами, занимаются преимущественно русской исторіей. Они пишутъ многотомныя сочиненія и превосходныя статьи, подвигающія науку впередъ болѣе или менѣе удачною разработкою фактовъ; и замѣчательнѣйшая вещь здѣсь—та, что каждый излагаемый ими фактъ явно противорѣчитъ выводу ихъ о полезной роли централизаціи. Начинаютъ они находить ее полезной съ самаго же перваго ея возникновенія. Она, по ихъ мнѣнію, дала великорусскому племени государственное единство и освободила восточную половину нынѣшней Россіи отъ татаръ. Отъ чего же произошло раздробленіе восточной Россіи на мелкія государства и чѣмъ оно поддерживалось? Не отъ географическихъ условій страны произошло оно: вся страна составляетъ одну мѣстность, не имѣющую никакихъ естественныхъ перегородокъ, черезъ которыя трудно было бы перебраться государственному единству. Отъ Новгорода до Твери, отъ Твери до Москвы, отъ Москвы до Нижняго въ одну сторону, до Орла въ другую точно такой же путь, какой отъ каждаго изъ этихъ городовъ до ближайшихъ къ нему мѣстъ: путь совершенно открытый. А между населеніями этихъ областей

нѣтъ и не было никакой важной разницы по отношенію къ идеѣ общей народности: въ каждомъ изъ нихъ всегда владычествовала мысль объ одноплеменности своей съ остальнымъ великорусскимъ населеніемъ. Значитъ, не было ни физическихъ, ни народныхъ причинъ возникнуть или удерживаться раздробленію. Оно возникло просто только отъ того, что населеніе было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было разсѣяно слишкомъ безсвязно: одна группа его раздѣлялась отъ другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить такихъ формъ администраціи, которыми удобно соединились бы области, далекая одна отъ другой: вѣдь извѣстно, что обширныя государства для прочности своего существованія требуютъ нѣкоторой цивилизаціи народа, а безъ нея едва успѣетъ основаться что нибудь большое, какъ тотчасъ же ломается. Значитъ, чѣмъ же должно было прекратиться раздробленію великорусскаго племени? Размноженіемъ его, чтобы не оставалось слишкомъ обширныхъ пустынь между его частями, и развитіемъ хотя нѣкоторой цивилизаціи. Первое условіе по немногу возникало само собою силою естественнаго закона: люди размножались, потому что земледѣльческое населеніе не можетъ не размножаться, пока есть пустая земля. Централизація ничѣмъ тутъ не помогала судьбѣ Россіи. А развитіе втораго условія всего сильнѣе задерживалось сосѣдствомъ хищническихъ азіатскихъ ордъ: печенѣговъ, половцевъ, татаръ. Въ Новгородѣ, далеко отъ нихъ, гражданское развитіе шло успѣшно. Въ другихъ областяхъ мѣшали ему ихъ набѣги. Какою силою устранено было это препятствіе? Двумя обстоятельствомъ. Съ одной стороны, русскій народъ размножался, — значитъ, съ каждымъ поколѣніемъ имѣлъ все больше силы останавливать набѣги, а потомъ и тѣснить назадъ хищныхъ дикарей, отбивать у нихъ одну полосу земли за другой. Съ другой стороны, сами эти дикари слабѣли, хилѣли, вымирали. Вѣдь извѣстное дѣло, что если кочевые варвары захватить удобный для земледѣлія край въ сосѣдствѣ земледѣльческаго народа, они послѣ перваго своего наплыва начинаютъ быстро исчезать съ почвы, для нихъ нестерпимой, изъ сосѣдства людей, которые крѣпче ихъ сростаются съ землею и захватываютъ своими крѣпкими корнями все дальше и дальше, по краямъ своихъ поселеній, землю удобную для ихъ дѣла, хлѣбопашества. Номады способны держаться противъ расширенія земледѣльческаго народа лишь въ своихъ родныхъ степяхъ, не удобныхъ для земледѣлія, въ какой нибудь Аравіи или въ пустыняхъ отъ Каспійскаго моря до Корен. Эта вторая, громаднѣйшая родина номадовъ и была моремъ, изъ котораго выливались наводненія, мѣшавшія великорусскому племени. Какъ и что дѣлалось въ монгольскихъ степяхъ, чѣмъ выталкивались изъ нихъ стремительные потоки хищническихъ ордъ на западъ, это все-равно для насъ; но мы видимъ, что послѣ Тамерлана не выходили изъ монгольскихъ и туркестанскихъ степей новыя орды на западъ; да и тамерлановы орды едва-едва коснулись сѣверо-западныхъ окраинъ степнаго пространства, а главнымъ образомъ устремились на югозападъ и югъ, на Азію, а не на Европу. Послѣдній напоръ дикарей Средней Азіи на Европу былъ при Чингизханѣ, когда и наводнена была степными хищниками не одна великорусская земля, а вся средняя полоса Восточной Европы. Послѣ перваго натиска, достигшаго Моравіи, дикари по естественному закону, о которомъ мы говорили, начали отступать назадъ, покидая потоки земли: изъ Западной Европы они отхлынули тотчасъ же; поляки избавились отъ нихъ очень скоро; послѣ этого пришла очередь монголамъ ослабѣть въ своихъ набѣгахъ на западную Русь, а тамъ стали слабѣть они и въ набѣгахъ на

восточную. Это отступление их гибельнаго тяготѣнія происходило само собою, какъ сбѣгаетъ волна, нахлынувшая на берегъ: ей неловко держаться на мѣстѣ, ею захваченномъ лишь отъ чрезвычайнаго волненія моря, ее выбросившаго. Какъ избавилась отъ монголовъ Польша, точно такъ же черезъ нѣсколько времени должна была избавиться отъ нихъ и великорусская земля: естественнымъ упадкомъ силы въ номадахъ на земледѣльческой мѣстности. Оно, дѣйствительно, такъ и было: около времени Мамаея кипчакскіе татары сохраняли только тѣнь своей прежней силы; и упадокъ этотъ произошелъ по внутреннему закону ихъ собственной жизни, а не отъ борьбы съ великоруссами, которые до куликовской битвы конечно ничего не сдѣлали во вредъ татарамъ. Нашествіе Мамаея было уже предсмертною конвульсіею умирающаго звѣря; полчища Мамаея могли составить развѣ одинъ отрядъ въ ордахъ Батыея. Что они были не Богъ-знаетъ какъ многочисленны, видимъ изъ того, что они всѣ могли сосредоточиться на одномъ Куликовскомъ полѣ. При Батыеѣ было не такъ: орды одновременно шли по многимъ направленіямъ, захватывали чрезвычайно длинную линію своимъ фронтомъ; а тутъ протяженіе фронта ихъ было уже такъ невелико, что со всей линіи собрались они на одинъ пунктъ. Они уже не могли тяготѣть надъ великорусскою землею; это видно изъ того, что Тохтамышъ быстро очистилъ ее, хотя нигдѣ не нашелъ успѣшнаго отпора. Что же такое принадлежитъ дѣлу централизаціи въ очищеніи великорусской земли отъ татаръ? Ровно ничего не принадлежитъ. Куликовская битва не имѣла никакихъ фактическихъ результатовъ, да и происходила уже въ такое время, когда главная часть дѣла совершилась сама собою: татары совершенно уже охлѣбли. Или придавать какое нибудь значеніе неудачному походу къ берегамъ Угры при Ахматеѣ? Дѣйствительно, онъ имѣетъ ту замѣчательность, что очень ясно обнаружилъ положеніе дѣла: пошли татары на Москву, подумали, подумали, да и вернулись назадъ: «нѣтъ, говорятъ, ужъ не хватаетъ силы у насъ». Пошла централизація на татаръ, подумала, подумала, да и побѣжала назадъ: «нѣтъ, говоритъ, я татаръ побѣдить не могу». Чѣмъ же были побѣждены татары? Собственнымъ одряхлѣніемъ и размноженіемъ русскаго населенія, фактами, происходившими совершенно независимо отъ централизаціи.

Такимъ образомъ, оба условія, отъ которыхъ зависѣло возникновеніе національнаго единства, осуществлялись сами собою.

Но по взгляду ученыхъ, о которыхъ мы говоримъ, централизація не только была необходима для созданія государственнаго единства, она также была нивелирующею силою, дѣйствовавшею въ демократическомъ направленіи противъ аристократіи. Это еще предестиніе, потому что сами же эти ученые необыкновенно подробно разъясняютъ, что собственно централизація и создала помѣстную систему, то есть гіерархію болѣе или менѣе крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, — гіерархію, чисто феодальную; что собственно централизація и поставила массу населенія въ крѣпостное отношеніе къ феодаламъ, созданнымъ помѣстною системою; тѣ же самые ученые объясняютъ намъ, какъ это феодальное сословіе было обращено тою же самою централизаціею въ аристократію болѣе новой формы, чрезъ постепенное расширеніе и упроченіе помѣстныхъ правъ и наконецъ чрезъ признаніе помѣстій вотчинами.

Взглядъ на централизацію мы взяли только для примѣра, потому что такъ оно пришлось ближе всего къ примѣру безсвязности мыслей, представленному намъ Токвиллемъ. А можно было бы припомнить много несообразностей. Одинъ авторитетъ провозглашаетъ самостоятельность разума и ужасается, когда вы говорите, что

не принимаете фантазій, отвергаемых разумомъ: по его мнѣнію, наука доказываетъ истину всѣхъ бредней. Другой авторитетъ называетъ славянофильство нелѣпностью и тутъ же доказываетъ, что Западная Европа, а въ особенности Франція, гниетъ, и только славянское племя, носящее въ себѣ зародыши высшей цивилизаціи, только одно оно можетъ обновить дряхлѣющую Западную Европу. Третій авторитетъ превосходно разсуждаетъ, что просвѣщеніе спасительно, и тутъ же доказываетъ, что цивилизація имѣетъ растлѣвающее свойство. Четвертый авторитетъ ставитъ вопросъ нѣсколько иначе: полное образованіе неизмѣримо выше невѣжества, но полубразованность гораздо хуже невѣжества, какъ будто образованіе—маленькій кусочекъ леденца, который можно слонуть разомъ, какъ будто невѣжда можетъ стать вдругъ образованъ, а не долженъ перейти на этомъ пути всѣ степени, въ томъ числѣ и полубразованность и всякія другія доли образованности. Словомъ сказать, какой авторитетъ ни возьмете, у каждаго находите въ образѣ мыслей какая нибудь гармонія этого сорта, а у многа и по нѣскольку ихъ—да еще такихъ ли! Вѣдь мы выбирали противорѣчія отвлеченныя, то есть блѣдныя и сравнительно безвредныя. А если обратитесь къ авторитетнымъ воззрѣніямъ на живые практическіе вопросы, васъ угостятъ еще гораздо пріятнѣйшими винегретами. Но о нихъ когда нибудь въ другой разъ; а теперь довольно и того, если мы уснѣли на Токвиллѣ показать, какую степень вины имѣетъ наша непочтительность къ авторитетамъ, подобнымъ Токвиллю.

Возвращаясь къ его книгѣ, надобно конечно прибавить, что она сильно устарѣла: въ 28 лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, какъ она написана, всѣ статистическія данныя и многія черты быта, разумѣется, очень сильно измѣнились въ странѣ, столь быстро развивающейся, какъ Америка. Напримѣръ, онъ говоритъ о Нью-Йоркѣ, какъ огромномъ городѣ, имѣющемъ до 200,000 жителей,—теперь въ Нью-Йоркѣ около 1,000,000; желѣзныхъ дорогъ еще не было въ Америкѣ, когда онъ писалъ; ожесточенной вражды къ Сѣверу южные плантаторы еще не имѣли, потому что на Сѣверѣ еще не было аболіціонизма,—словомъ сказать, книга Токвилля описываетъ Америку, почти столь же различную отъ нынѣшней, какъ Россія, описанная Котошихинымъ, различна отъ нынѣшней. Но говоритъ объ этомъ напрасно, потому что едва ли кто захочетъ изучать Америку по переводу Токвилля, едѣланному г. Якубовичемъ.

Графъ Кавуръ.

Считаться великимъ правителемъ, необходимымъ министромъ въ теченіе многихъ лѣтъ,—и какихъ лѣтъ! не апатичныхъ, сонныхъ, когда спокойно держитея на мѣстѣ каждый, кому случилось попасть на мѣсто,—нѣтъ, въ періодъ, когда кипитъ національная жизнь, происходятъ перевороты, грозятъ великія опасности, пріобрѣтаются блистательные успѣхи, напряжены всѣ силы народа и дѣйствуютъ гениальные люди, — добиться перваго мѣста въ такое время и пріобрѣсти такую репутацію, чтобы милліоны основывали всѣ свои надежды на твоёмъ умѣ, готовы были слѣдовать за тобою на все, готовы были жертвовать твоему превосходству многими дорогими своими убѣжденіями, лишь бы ты руководилъ дѣломъ, лишь бы ты не покидалъ его — разумѣется, такого положенія, такой репутаціи въ такое время нельзя достигъ человѣку иначе, какъ при способностяхъ, очень замѣчательныхъ. Мы ни мало не станемъ отрицать того, что Кавуръ былъ человѣкъ очень замѣчательныхъ дарованій. Едва ли любилъ его ктонибудь изъ тѣхъ, которые отдавали ему въ руки власть, почти безграничную. Говорить, что къ Виктору Эммануэлю онъ былъ антипатиченъ. Это очень правдоподобно. Король итальянскій — человѣкъ прямаго характера, простой, скромный; Кавуръ не могъ нравиться ему при своемъ коварствѣ и претендательности. Масса не находила въ Кавурѣ ни рыцарской отважности, ни высокаго великодушія, ни одной изъ тѣхъ сторонъ блестящаго благородства, которыя магически на нее дѣйствуютъ, ни заботливости о простонародныхъ нуждахъ, ни прогрессивныхъ мнѣній, — ничего такого, чѣмъ очаровывается простолюдинъ въ правителѣ; даже сами парламентскіе приверженцы Кавура, сами его товарищи по кабинету не любили его: они часто шокировались его высокоуміемъ и самовластіемъ. А между тѣмъ, парламентское большинство подчинялось ему безусловно, король соглашался на все, чего онъ хотѣлъ, масса, при всей своей нелюбви къ нему, вѣровала въ него: значитъ, велико было его превосходство надъ всеми людьми одинаковаго съ нимъ направленія. Дѣйствительно, не было ему соперника между дипломатами и конституціонными министрами Западной Европы. Въ крайнихъ партіяхъ, и въ реакціонной и въ революціонной, находилось много людей, гораздо болѣе сильнаго ума и характера. Но по самому положенію дѣла, ни та, ни другая партія не могла пользоваться властію въ Сардиніи; а въ консервативно-либеральной партіи, которая одна по ходу

дѣлъ должна была имѣть власть. Кавуръ былъ выше всѣхъ изворотливостью ума и рѣшительностью характера; потому-то и считался онъ незамѣнимымъ правителемъ.

Мы вполнѣ признаемъ, что никто лучше его не могъ исполнять ту систему, которой онъ держался по своему образу мыслей. Скажемъ больше: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода національныхъ дѣлъ. Но мы не восхищаемся ни системой, представителемъ которой былъ Кавуръ, ни имъ самимъ. Это требуетъ объясненія.

Все на свѣтѣ требуетъ для своего осуществленія силы. Дурное и хорошее одинаково ничтожно, когда безсильно. Что же такое сила? Въ теоріи сила дается логикою. Кто имѣетъ совершенно опредѣленные принципы, кто развиваетъ ихъ послѣдовательно, тотъ всегда одерживаетъ въ теоретическомъ спорѣ верхъ надъ людьми непослѣдовательными, говорящими въ одно время объ одномъ и томъ же и «да» и «нѣтъ». Всѣ великіе теоретики были люди крайнихъ мнѣній. Но другое дѣло—практическая жизнь. Въ ней важно то, на чьей сторонѣ большинство. А у большинства господствующій принципъ — рутиня. Рѣдки бываютъ минуты, когда овладѣваетъ обществомъ сильная идея, и оно скоро утомляется непривычнымъ для него напряженіемъ умственныхъ силъ и снова впадаетъ въ рутину; а рутиня—это вовсе не логическая смѣсь стараго и новаго, смѣсь мыслей, принадлежащихъ совершенно разнороднымъ принципамъ, которымъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ въ послѣдовательной теоріи, но которыя очень ладно набиваются рядомъ въ головы, мало способныя мыслить. Силенъ въ обществѣ тотъ, кто имѣетъ за себя большинство. Вотъ причина тому, что въ конституціонныхъ государствахъ власть принадлежитъ обыкновенно націи такъ называемыхъ умѣренныхъ людей, — людей непослѣдовательнаго образа мыслей, желающихъ лишь на-половину всего, чего желаютъ, исполняющихъ лишь на половину все то, къ чему стремятся. Въ Италіи по національнымъ дѣламъ есть, какъ и вездѣ, два противоположные образа мыслей, очень послѣдовательные каждый своему принципу. Представителями одного надобно назвать покойнаго короля неаполитанскаго Фердинанда и нынѣшняго правителя римскихъ дѣлъ Антонелли; извѣстнѣйшій представитель другаго—Маццини. Котораго изъ нихъ вы ни захотите послушать, онъ разсуждаетъ гораздо логичнѣе Кавура и его сотоварищей. Но одинъ принципъ уже не удовлетворяетъ рутинному образу мыслей большинства, другой еще не вошелъ въ рутину. Отъ этого при обыкновенномъ настроеніи итальянскаго общества ни тотъ, ни другой не могутъ удовлетворить ему. Удовлетворительна только та смѣсь, которая составляетъ рутину, образовавшуюся изъ клочковъ прежняго принципа, еще уцѣлѣвшихъ, и клочковъ новаго принципа, уже успѣвшихъ сдѣлаться общими мѣстами. Люди крайнихъ мнѣній должны знать, что они работаютъ не въ свою пользу. Ихъ дѣятельность не остается безъ результата, — напротивъ, только именно отъ нея и происходитъ результатъ: общество нѣсколько подвигается назадъ усиліями реакціонеровъ, когда обстоятельства благоприятствуютъ имъ; а вообще оно подвигается впередъ усиліями рѣшительныхъ прогрессистовъ. Но работаютъ и тѣ и другіе одинаково въ пользу умѣренной партіи. Фердинандъ неаполитанскій и Антонелли, а на противоположномъ концѣ Гарибальди и Маццини одинаково трудились въ пользу Кавура, потому что масса общества нераполежена идти далеко ни по какому правленію: она рада останавливаться подлѣ тѣхъ, которые въ дурномъ ли, въ хорошемъ ли одинаково говорятъ: «остановимся; мы уже далеко ушли; отдохнемъ, успокоимся.»

Вотъ источникъ силы, которую имѣлъ Кавурь. Онъ принадлежалъ къ партіи рутинны, къ людямъ, совѣтовавшимъ обществу не заходить далеко ни впередъ, ни назадъ. Но общее положеніе Италіи было таково, что общество не могло избѣжать прогрессивнаго движенія. Прежній порядокъ дѣлъ былъ слишкомъ тяжелъ. Потому въ рутинѣ довольно быстро уменьшался элементъ старины, довольно быстро входили въ нее обрывки новыхъ стремленій. Умѣренная партія, представительница рутинны, съ каждымъ годомъ расширяла свою мѣрку возможныхъ и полезныхъ реформъ. Это расширеніе дѣлалось не по ея охотѣ, противъ ея желанія налагалось на нее успѣхами прогрессистовъ. Но все равно, она шла впередъ. Десять лѣтъ тому назадъ она мечтала только объ итальянскомъ союзѣ, въ которомъ участвовали бы король неаполитанскій, папа, герцогъ тосканскій и король сардинскій. Прогрессисты работали, и черезъ нѣсколько лѣтъ программа умѣренной партіи расширилась: Кавурь и люди, предводителемъ которыхъ онъ былъ, стали думать, что четырехъ государствъ въ Италіи слишкомъ много, довольно будетъ двухъ; Тоскана съ герцогствами и сѣверная часть Папскихъ владѣній удобно могутъ быть присоединены къ Сардиніи, а южная часть Папскихъ владѣній къ Неаполю. Когда Кавурь, три года тому назадъ, входилъ въ соглашеніе съ императоромъ французовъ на пломбьерскомъ свиданіи, онъ мечталъ еще только объ этомъ дѣлежѣ Италіи по-поламъ, да и то лишь мечталъ, а практическая программа его не достигала и этой высоты; онъ еще полагалъ, что и Тоскана, и Папская область за исключеніемъ легатствъ, сохранять свою отдѣльность въ переворотѣ, который разсчитывалъ онъ произвести помощью Франціи. Зимой прошлаго года перешло въ практическую программу умѣренной партіи то, что было лишь мечтою для нея до начала войны. Сардинія уже поглотила Тоскану и разсчитывала овладѣть Папскою областью; но Неаполи еще не хотѣлъ касаться Кавурь. Когда Гарибальди овладѣлъ Сициліею, умѣренная партія опять говорила: «довольно, остановимся на этомъ; пусть неаполитанскія владѣнія на континентѣ останутся неприкосновенными». Когда и они были введены въ составъ національнаго государства, умѣренная партія опять говоритъ: «довольно, остановимся пока на этомъ; отдохнемъ; думать о Венеціи еще рано». Мы нисколько не утверждаемъ, что умѣренная партія не была права каждый разъ: какое намъ дѣло разбирать, кто правъ? Быть можетъ, мы должны сказать, что если ужъ не правъ Кавурь, то правъ не иной кто, какъ Антонелли. Къ чему же намъ договариваться до такихъ вещей? Мы лучше будемъ смотрѣть лишь на фактическую сторону дѣла, лишь на ходъ событій, и, основываясь на немъ, мы можемъ сказать, что умѣренная партія въ Италіи никогда не имѣла твердой программы по національному дѣлу; оно было ведено другими людьми, съ самаго начала поставившими себѣ неизмѣнную цѣль: стремиться къ соединенію всей Италіи въ одно государство. Умѣренная партія постоянно считала этихъ людей непрактичными мечтателями, вредными интригантами и по своей рутинности постоянно желала остановиться на перемѣнахъ, сколь возможно менѣе значительныхъ. Но старый порядокъ, кусокъ за кускомъ, падалъ подъ напоромъ интригантовъ и мечтателей. Съ каждымъ такимъ фактомъ принуждена бывала умѣренная партія пзмѣнять свою программу. Хороша или дурна цѣль, къ которой идетъ итальянское дѣло, — за то, что оно приближается къ ней, умѣренную партію не надобно ни хвалить, ни корить; она съ своимъ представителемъ тутъ ни въ чемъ невиновата.

Да, невиновата ни въ чемъ, даже и въ томъ, что дѣло шло не такъ быстро,

как могло бы идти при другомъ ея характерѣ, когда бы она сама стремилась къ чему нибудь опредѣленному, а не ограничивалась тѣмъ, что пассивно принимала каждый совершившійся фактъ, осуществленіе котораго замедляла своею апатичностью, своею недовѣрчивостью къ національнымъ силамъ. Вѣдь еслибъ Кавуръ и другіе предводители умѣренной партіи поступали иначе, если бы они сами шли впередъ, а не были противъ собственныхъ мыслей ведены впередъ другими, они не были бы предводителями умѣренной партіи, не были бы представителями большинства, не имѣли бы въ своихъ рукахъ и организованную силу государства, не были бы его правителями. Они были бы тогда отброшены массою, какъ люди, не соотвѣтствующіе неопредѣленности ея тенденцій, вялости ея желаній; она выдвинула бы тогда впередъ другихъ людей, и только переимѣнилась бы разстановка именъ. Предположите, что Кавуръ не мѣшаетъ Маццини, а помогаетъ ему; что же изъ этого? Ничего, кромѣ личной непріятности для Кавура: его, вмѣстѣ съ Маццини, считаютъ человѣкомъ непрактичнымъ, вреднымъ, отъ него отступаются, его сталкиваютъ съ мѣста и на это мѣсто выводятъ Рикасоли или Фарини, Ратацци или Ламормору; предположите, что и они всѣ четверо поддаются образу мыслей, который по нашему предположенію увлекъ Кавура; опять изъ этого выходитъ лишь то, что увеличивается нѣсколькими новыми именами списокъ именъ, въ которомъ теперь стоятъ Бертани и Мордини, Саффи и Криспи, Риччарди и Либертини; только и всего. А въ этомъ списокѣ столько людей способныхъ, что не выиграетъ онъ отъ прибавки этихъ новыхъ именъ; а власти надъ организованными государственными средствами они не принесутъ ему потому, что сами теряютъ эту власть, какъ только становятся людьми послѣдовательными, имѣющими твердую цѣль стремленій, — теряютъ власть оттого, что перестаютъ быть удовлетворительными для апатичной, не имѣющей яснаго образа мыслей массы общества. Имѣтъ обдуманную, ясную программу! — Можетъ быть это и хорошо само по себѣ, можетъ быть это и полезно для націи, но масса общества никогда не поставитъ, не будетъ имѣтъ своими представителями такихъ людей. Стало-быть нечего порицать Кавура за то, что былъ онъ такимъ, какимъ былъ, занимая мѣсто, какое занимать: такіе люди требуются этимъ мѣстомъ; другіе не годятся для него.

Но если система, представителемъ которой былъ Кавуръ, не могла быть иною и потому не можетъ служить предметомъ порицанія, то нельзя же съ чисто-исторической точки зрѣнія не видѣть, что система эта была несоотвѣтственна цѣли, къ которой шло итальянское дѣло, и потому замедляла его успѣхи на каждомъ шагу. Да и какъ же хотите вы, чтобы было иначе? Люди не знаютъ, чего имъ хотѣтъ; изъ этихъ людей, не знающихъ, чего имъ хотѣтъ, разумѣется, приходится кому нибудь быть предводителемъ остальныхъ; онъ ихъ предводитель только потому, что тоже не знаетъ, чего ему хотѣтъ; какая же польза для дѣла оттого, что люди не знаютъ, чего имъ хотѣтъ, и какая польза дѣлу отъ этого предводителя?

Впрочемъ, «не знать, чего хотѣтъ», — это вѣдь говорится только относительно дѣла, составляющаго національную задачу въ извѣстное время; а то какъ же умнымъ людямъ, напримѣръ, хотя Кавуру и другимъ предводителямъ умѣренной партіи въ Италіи, не знать, чего они хотятъ? Возьмите хотя то, какіе они люди, и вы увидите, что нельзя имъ не знать очень хорошо всего до послѣдней мелочи. Кто они? Они — люди рутинны. Рутинна не логична, сдѣлана изъ противорѣчащихъ мыслей; это такъ. А все-таки она — вещь чрезвычайно опредѣленная, и кто дер-

жится ея, тотъ все знаетъ, рѣшительно все; нѣтъ у него ни сомнѣній, ни недоумѣній, все рѣшено за него рутинной. На балъ ли ѣхать, — надобно надѣвать фракъ (о сюртукѣ и мысли быть не можетъ), и фракъ именно чернаго цвѣта; жениться ли, — надобно выбирать невѣсту съ приличнымъ состояніемъ и хорошими связями. Такъ оно и въ національныхъ дѣлахъ. Вотъ, напримѣръ, Кавуръ дѣлается сардинскимъ министромъ: какъ же ему не знать, о чемъ стараться? Напротивъ, это ясно для него, какъ дважды-два. Сардинія — государство небольшое. На сѣверозападъ и на сѣверовостокъ лежатъ другія государства, очень большія, надъ которыми перевѣса не получишь. А по извѣстной рутинѣ, искусный министръ долженъ доставлять своему государству перевѣсъ надъ другими. Гдѣ же бы найдти такія государства, надъ которыми можетъ получить перевѣсъ Сардинія? Да вотъ на югѣ лежатъ государства, и небольшія и такія распатавшіяся во внутреннемъ бытѣ, что не могутъ держаться самостоятельно, должны находиться подъ чьимъ-нибудь перевѣсомъ. Значитъ, падъ ними-то и надобно Сардиніи взять перевѣсъ. Хорошо; какимъ же способомъ взять перевѣсъ? Опять по рутинѣ извѣстно, что если сосѣднее государство волнуется внутренними смутами, сосѣду, желающему приобрести перевѣсъ, надобно раздувать внутреннія несогласія, помогать недовольнымъ и, чего бы ни хотѣли эти недовольные, говорить, что согласенъ съ ними. Недовольство въ итальянскихъ государствахъ происходило изъ двухъ стремленій: къ національному единству и къ свободнымъ формамъ правленія. Значитъ, Сардинія должна являться защитницею національныхъ стремленій и либеральныхъ формъ. Противъ нихъ итальянскія правительства боролись при помощи Австріи; значитъ, надобно стать во вражду къ австрійцамъ, друзьямъ противниковъ. Это тѣмъ полезнѣе, что національная итальянская партія ненавидитъ австрійцевъ; значитъ, этимъ польстишь ей. Прекрасно; но вѣдь по той же рутинѣ государство, отыскавшее себѣ враговъ, должно искать союза съ другими государствами. Сплывѣйшія государства въ западной Европѣ — Англія и Франція. Значитъ, надобно приобрести ихъ дружбу. Чѣмъ же приобрести дружбу англичанъ? Этотъ народецъ чрезвычайно гордится своими формами правленія. Значитъ, надобно быть приверженцемъ англійскихъ формъ; оно тѣмъ нужнѣе, что итальянскіе недовольные хотятъ политической свободы, а австріцы противятся ей въ Италіи, — надобно поддерживать то, противъ чего ругаютъ противники. Но расчетливый народецъ эти англичане! — Одними идеями мало ихъ растрогаешь; надобно дать имъ матеріальную выгоду. Какихъ же выгодъ они добиваются? Больше всего выгодъ свободной торговли. Значитъ, надобно быть приверженцемъ свободной торговли, понижать тарифъ. Хорошо; положимъ, этими двумя приманками сочувствіе англичанъ приобретено. Но дрянной народецъ эти англичане: не любятъ воевать. Рѣчами и депешами они стануть помогать, но такого пособія мало; нужно приобрести союзника, который далъ бы войско; а вотъ какъ-разъ такой союзникъ и готовъ во Франціи. Ему, по его внутреннему положенію, надобно непременно заводить отъ времени до времени войну, чтобы отвлекать Францію вышними дѣлами отъ внутреннихъ, чтобы очаровывать ее военной славой. Притомъ же, вѣковое преданіе французской политки — борьба противъ габсбургскаго дома. Значитъ, вотъ и все дѣло въ шляпѣ. Какъ же тутъ сказать, что у Кавура, какъ представителя умѣренной партіи, нѣтъ опредѣленной программы по коренному свойству умѣренной партіи не имѣть опредѣленной программы? Напротивъ, программа Кавура чрезвычайно точна: искать перевѣса въ Италіи, опираясь на націо-

нальное стремление и либерализм и вражду против Австрій, захватившей въ свои руки этотъ искомый перевѣсъ; приобрести симпатію Англіи тѣмъ же либерализмомъ и свободною торговлею, и приобрести дружбу Франціи, давъ ей предлогъ для войны съ австрійцами, которая пужна для Франціи. Какая опредѣленная программа и какъ легко она составила!—Просто по правиламъ дипломатической рутинѣ.

Но рутинность программы не уменьшаетъ практической репутаціи человѣка, умѣющаго исполнять ее. Посмотрите, вѣдь купецъ тоже дѣйствуетъ по рутинѣ; дешево купить, дорого продать, выжидать времени, не упускать хорошей минуты, искать кредита, давать кредитъ лишь солиднымъ людямъ,—кажется, просто, и ничего тутъ не придумано самимъ исполнителемъ, а вѣдь показываетъ же иной купецъ удивительныя способности искуснымъ выполнениемъ этой программы. Почему жь и Кавуру не называться гениальнымъ человѣкомъ за свое искусство? Вѣдь надобно отдать ему справедливость: нашедши для себя правила, онъ держался ихъ неуклонно и слѣдовалъ имъ очень ловко. Будь онъ съ такими качествами не вельможа, богатый по наслѣдству, а сынъ какого нибудь лавочника, и займись онъ не политикою, а торговлею, онъ изъ бѣдняка сталъ бы миллионеромъ.

Все это такъ; и программа исполнялась очень искусно, и все, что входило въ программу, было ясно, точно, твердо,—значить, представляло все залогомъ успѣха; все такъ, лишь одна была бѣда: главное-то дѣло не попало въ программу главнымъ дѣломъ, потому что не входило въ вѣковѣчныя правила дипломатической рутинѣ. Вотъ только оно-то одно и осталось для Кавура, какъ для всей умѣренной партіи, дѣломъ темнымъ, о которомъ Богъ-знаетъ какъ судить, относительно котораго приходилось поступать по рутиннымъ надобностямъ иныхъ соображеній, часто не соглашавшихся съ нимъ, часто вредившихъ ему; вотъ только оно-то и осталось какимъ-то вишнимъ, непонятнымъ предметомъ, относительно котораго дѣйствовалъ Кавуръ на-удачу, не соображая его надобностей, жертвуя имъ для своихъ рутинныхъ цѣлей. Повторимъ опять: вишать его тутъ не-за-что; вѣдь надобно же масѣ быть массою, то есть имѣть рутинный образъ мыслей; вѣдь надобно же кому нибудь быть представителемъ этой массы, какъ надобно же кому нибудь писать романы въ родѣ Александра Дюма, для людей, которымъ хорошіе романы непонятны. Напротивъ, надобно отдать полную честь Александру Дюма, что онъ отлично пишетъ вздорные романы, и еслибъ не писалъ ихъ онъ, читались бы романы, написанныя гораздо хуже, и когда скончается онъ,—чему не дай-Богъ скоро случиться: да продлитъ небо пріятную дѣятельность знаменитаго старца!—когда онъ скончается, мы возрыдаемъ, что огромное большинство европейской публики лишилось писателя незамѣнимаго.

На томъ же основаніи мы называемъ смерть Кавура великою потерей для итальянцевъ умѣренной партіи, то есть для всей массы итальянцевъ, за исключеніемъ очень малочисленныхъ друзей кардинала Антоелли и довольно малочисленныхъ людей дѣйствительно яснаго и твердаго прогрессивнаго образа мыслей. Кто будетъ вести дѣла по рутиннымъ понятіямъ съ такимъ искусствомъ и съ такою твердостью? Рикасоли и Ратацци, Фарини и Бонкомпаньи,—все это передъ Кавуромъ—то же, что Поль Феваль и маркизъ Фудрасъ передъ Александромъ Дюма-старшимъ. Одна у насъ надежда—на молодого человѣка, находящагося посланникомъ въ Парижѣ. Не даромъ Нигра былъ любимцемъ Кавура, единственнымъ повѣреннымъ всехъ его задушевнѣйшихъ расчетовъ. А все онъ оправдаетъ наши надежды.

А не онъ, такъ кто нибудь другой откроется съ кавуровскими талантами. Такъ, надѣмся, что утрата современемъ, и даже въ скоромъ времени, вознаградится. Но вѣдь это пока еще надежда, и пока она исполнится, надобно будетъ чувствовать всю великость утраты.

Многимъ не нравилось наше малое удивленіе Кавуру. Да и то, что мы теперь написали, покажется, пожалуй, несправедливо. — «Какъ же это можно говорить, что Кавуръ, чрезвычайно хорошо понимая всѣ дѣла, которыя вель, не понималъ главнаго дѣла, которое слѣдовало бы ему вести? Какъ можно утверждать, что, очень искусно ведя всѣ другія дѣла, онъ не вель итальянскаго національнаго дѣла такъ же искусно? Милліоны образованныхъ людей въ Европѣ увѣрены, что онъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣху этого дѣла, а вы находите, что онъ своимъ непониманіемъ и неискусствомъ мѣшалъ ему? Это свидѣтельствуетъ только, что вы не знаете фактовъ». — Положимъ, что не знаемъ; попробуемъ познакомиться съ ними.

Мы не станемъ писать біографію Кавура. Для этого еще слишкомъ мало матеріаловъ; да еслибъ и были, матеріалы, то итальянское національное движеніе представляетъ много людей, болѣе достойныхъ подробной біографіи, чѣмъ Кавуръ. Мы очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ лишь важнѣйшіе факты его государственной дѣятельности. Не будемъ распространяться ни о его знатномъ происхожденіи и огромномъ богатствѣ, ни о личныхъ его вкусахъ, ни о частной его жизни, — все это не относится къ дѣлу. Не будемъ говорить и о воспитаніи, какое получилъ онъ въ домѣ отца, бывшаго въ свое время однимъ изъ главныхъ служителей реакціонной системы въ Сардиніи, однимъ изъ людей, пенавистнѣйшихъ и народу, и образованному обществу своей родины. Пожалуй, этимъ воспитаніемъ можно было бы извинить многое; но вѣдь намъ и не нужно отыскивать извиненій, — мы ни въ чемъ не винимъ Кавура. Мы только смотримъ на факты его государственной дѣятельности, на ихъ отношеніе къ національному итальянскому дѣлу; а фактическій характеръ, дѣйствительный результатъ дѣйствія остается одинъ и тотъ же, какими бы обстоятельствами предшествующей жизни ни объяснялось извѣстное отношеніе человѣка къ дѣлу. Да еслибъ и говорить о реакціонномъ воспитаніи Кавура, оно, пожалуй, не послужило бы ему извиненіемъ. Вѣдь извѣстно, что если человѣкъ воспитывается въ какой нибудь фальшивой системѣ и если потомъ начпнаетъ онъ чувствовать ея несостоятельность, понимать истину, то прежнее близкое знакомство съ заблужденіемъ сильно помогаетъ ему въ разысканіи истины. Дурное воспитаніе дурно тѣмъ, что рѣдкому удается сбросить съ себя его иго; за то, кто сбрасываетъ его, тому уже легче всякаго другаго стать человѣкомъ свободнымъ отъ рутины. Фоксъ такъ же имѣлъ отцемъ крайняго реакціонера и получилъ такое же воспитаніе. Если, отбрасывая предрасудки дѣтства, Кавуръ не отбросилъ съ ними и рутины, это показываетъ, что рутинность уже слишкомъ глубоко вкоренилась въ самой его натурѣ.

Но какъ бы ни разсуждать о психологической сторонѣ вопроса, характеръ отцовской репутаціи налагалъ на Кавура двойную осмотрительность въ образѣ дѣйствій при началѣ карьеры, если бы онъ хотѣлъ служить національному дѣлу. Положимъ, что люди съ дипломатическими наклонностями могутъ пренебрегать популярностью; но какъ бы кто ни презиралъ ее, не станетъ онъ преднамѣренно дѣлать себя подозрительнымъ для общества, въ которомъ долженъ дѣйствовать. Кто

начинает карьеру съ безызвѣстнымъ именемъ, тотъ можетъ довольно часто дѣлать неосторожности, не навлекая на себя подозрѣнія. Положеніе Кавура было не таково. Ему нужна была чрезвычайная осторожность, чтобы не рѣшили все съ перваго же раза, что онъ «пошелъ въ отца». Ему надобно было сильно позаботиться о снятіи съ себя отгѣнка, бросаемаго на него фамиліею. Онъ поступилъ иначе. Сталъ въ ряды крайней правой партіи, партіи, подозрѣваемой въ клерикализмъ и абсолютизмъ, говорилъ противъ прогрессивистовъ рѣзче, чѣмъ ктонибудь. Положимъ, что либералы были и глухи и вредны, какъ онъ доказывалъ; но, конечно, предоставилъ бы онъ другимъ, менѣе подозрительнымъ своимъ товарищамъ изобличать ихъ, если бы разсчитывалъ служить національному дѣлу, въ которомъ нужно же хотя нѣкоторое сочувствіе публики. Если онъ поступалъ иначе въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, надобно изъ этого заключить, что или онъ не понималъ, что дѣлаетъ, или думалъ дѣйствовать въ такомъ кругу, для котораго общественное мнѣніе ничего не значитъ. Судя по всему, надобно предполагать второе. До самаго конца жизни, Кавуръ считалъ дипломатическія связи важнѣе популярности, иноземную поддержку важнѣе національныхъ симпатій и государственную силу ставилъ единственно въ регулярномъ войскѣ, пренебрегая всякими волонтерами и народными ополченіями. Мы не то говоримъ, что онъ былъ не правъ въ этомъ,—мы только указываемъ, какъ онъ смотритъ на вещи. Если дѣйствовать регулярнымъ войскомъ, иностранными союзами и дипломатическими связями, — популярность, конечно, ничего не значитъ.

Своими рѣчами въ духѣ крайней правой партіи Кавуръ сдѣлался странно непопуляренъ. Если онъ думалъ тогда о національномъ единствѣ, разсчитывалъ вести къ нему Италію, пріобрѣтеніе такой репутаціи было необычайною ошибкою. Но Кавуръ тогда вовсе и не думалъ ни о чемъ подобномъ. Для него существовала только Сардинія. Италія представлялась ему не больше, какъ группою слабыхъ государствъ, на правительства которыхъ можетъ пріобрѣсти Сардинія точно такое же вліяніе, какимъ пользовалась Австрія. Итальянское единство—это мечта; сливать раздробленныя части страны въ одно государство—это нелѣпость; можно только доставить Пьемонту дипломатическое первенство между ними въ-родѣ того, какъ Англія владычествуетъ въ Португаліи, или Франція въ Египтѣ. До итальянскаго народа нѣтъ ему никакого дѣла; нужно только устроить, чтобы въ каждомъ итальянскомъ государствѣ правительство держалось помощью сардинскаго. Союзъ съ итальянскими правительствами, отказъ отъ всякой помощи со стороны народныхъ силъ, вотъ первый видъ политической программы Кавура. Приведемъ одинъ фактъ, очень рѣзкій. Великій герцогъ тосканскій и папа были низвергнуты. Сардинія потерпѣла неудачу въ первомъ походѣ противъ австрійцевъ и готовилась начать второй. Австрійцы въ то же время собирались послать войска для возстановленія папы и герцога тосканскаго. Значитъ, сардинское правительство имѣло тѣхъ же враговъ, какъ партія, одержавшая верхъ въ Тосканѣ и Римѣ. Могла ли Сардинія ждать отъ этой партіи хорошей поддержки себѣ въ войнѣ съ австрійцами, это все равно,—во всякомъ случаѣ Тоскана и папскія владѣнія отвлекали къ себѣ часть силъ общаго непріятели. Что же совѣтуетъ Кавуръ? Онъ совѣтуетъ сардинскому правительству (самъ онъ тогда еще не былъ министромъ) послать войско во Флоренцію и Римъ для возстановленія герцога тосканскаго и папы, то есть тѣхъ правительствъ, которые не могутъ не быть усерднѣйшими приверженцами австрійцевъ.

Дѣйствительно, посылается сильный корпус сардинской арміи для низверженія національной партіи во Флоренціи и Римѣ, и въ то же время остальные сардинскія войска идутъ противъ австрійцевъ, которые быстро уничтожаютъ ихъ въ знаменитой новареской битвѣ. Потеря этого сраженія въ значительной степени произошла оттого, что лучшія сардинскія войска находились въ другомъ краю страны, — они шли на Флоренцію и Римъ. Видно, возстановлять папу и великаго герцога тосканскаго было нужнѣе, чѣмъ отражать австрійцевъ. Это такая нескладница, которой трудно повѣрить; но дѣйствительно было такъ. Чѣмъ объяснить такое безразсудное ослабленіе своихъ силъ въ роковую минуту? Партія, управлявшая тогда сардинскими дѣлами, и совѣтники ея Кавуръ полагали, что полезныхъ союзниковъ должны искать они только въ легитимныхъ правительствахъ итальянскихъ государствъ, а никакъ не въ національной партіи. Они хотѣли, возстановляя папу и герцога тосканскаго, взять съ нихъ обязательство дѣйствовать за-одно съ Сардинією, — мечта, достойная аркадскихъ пастушковъ: такъ велико было ослѣвленіе Кавура правиломъ рутинной политики.

Скоро Кавуръ, по превосходству своихъ талантовъ, сдѣлался предводителемъ правой стороны въ парламентѣ; потомъ попалъ и въ министерство. Сначала онъ занималъ въ немъ второстепенныя мѣста, но твердость характера, неутомимая дѣятельность и парламентскій талантъ уже и тогда доставляли ему главный вѣсъ въ кабинетѣ. Черезъ годъ или черезъ два онъ и по формѣ сдѣлался первымъ министромъ.

Въ первые годы власти главнымъ дѣломъ его была забота о финансовыхъ реформахъ и объ успленіи арміи. То и другое было необходимо для будущей борьбы съ Австрією. Финансовыя реформы состояли главнымъ образомъ въ пониженіи тарифа. Мы не имѣемъ ничего въ порицаніе тому; напротивъ, согласны съ поклонниками Кавура, что введеніе принципа свободной торговли было очень полезно для Сардиніи. Но, за исключеніемъ одной этой стороны, наименѣе осязательной для массы народа, система податей и налоговъ не была облегчена Кавуромъ, — нѣтъ, многіе изъ прежнихъ налоговъ были увеличены; кромѣ того, установлено было много новыхъ. Въ 1850 г. доходы Пьемонта простирались только до 95,500,000 лиръ, въ 1858 г. — уже до 145,000,000, — въ 8 лѣтъ они увеличились слишкомъ на половину; разумѣется, такое увеличеніе не могло быть доставлено однимъ развитіемъ богатства страны, — большая часть прибавки произошла просто отъ увеличенія тяжести налоговъ. И дѣйствительно налоги въ Сардиніи стали при Кавурѣ и до сихъ поръ остаются очень обременительны. Разумѣется, такія важныя цѣли, какъ національное единство, совершившееся въ противность ожиданіямъ Кавура, или хотя бы простой перевѣсъ надъ другими итальянскими государствами, къ которому онъ стремился, не достигаются безъ великихъ пожертвованій. Мы нимало не смущаемся тѣмъ, что въ такіе критическіе годы постоянно оказывался дефицитъ и государственный долгъ сильно возрасталъ. Мы не о томъ говоримъ, что Сардинія могла не дѣлать въ то время расходовъ, превышавшихъ ея нормальныя средства, — мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что для удовлетворенія чрезвычайнымъ надобностямъ государства Кавуръ нимало не колебался увеличивать обременительность налоговъ, и на это обстоятельство указываемъ не въ упрекъ ему, а лишь въ свидѣтельство вѣрности нашихъ словъ о его программѣ. Еслибъ онъ думалъ о національномъ единствѣ, о привлеченіи массы итальянцевъ подъ общую власть савойской

династии, такой образъ дѣйствій былъ бы слишкомъ грубою несообразностью, какой не могъ сдѣлать Кавуръ при своемъ умѣ. Масса повсюду и всегда расположена соразмѣрять свое сочувствіе къ извѣстной системѣ съ величиною налоговъ, взимаемыхъ ею: это—самая осязательная норма достоинствъ системы. Если бы Кавуръ думалъ объ итальянскомъ народѣ, у него достало бы сообразительности показать Итали, что налоги въ Сардиніи легки: лучше было бы сдѣлать на какихъ бы то ни было невыгодныхъ условіяхъ нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ долга, лишь бы не увеличивать прежнихъ налоговъ и отмѣнить нѣкоторые ненавистнѣйшіе изъ нихъ. Но съ своей точки зрѣнія Кавуръ былъ правъ: тому кругу, на который онъ опирался, нѣтъ надобности до чувствъ массы, а для дѣла, котораго онъ хотѣлъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хотѣлъ его, приверженность массы не нужна.

Огромные расходы, сильно увеличившіе и государственный долгъ Пьемонта и обременительность налоговъ, были до извѣстной степени неизбежны: нужно было строить желѣзныя дороги, нужно было усиливать крѣпости, запасаться оружіемъ для новой войны, нужно было расплачиваться за прежнюю несчастную войну. Но въ значительной степени расходы могли быть уменьшены, если бы принята была другая организація военныхъ силъ. Извѣстно, что есть на континентѣ Западной Европы двѣ совершенно различныя системы этой организаціи. Самымъ блистательнымъ примѣромъ одной системы служить французское военное устройство. Тамъ срокъ службы подъ знаменами довольно продолжителенъ, и постоянно содержится подъ ружьемъ значительнѣйшая половина тѣхъ людей, которыхъ можетъ правительство выставить противъ непріятеля въ случаѣ войны. Резервы мало развиты. Другая система въ очень умѣренномъ развитіи принята Пруссіею, а до полного развитія доведена въ Швейцаріи. Въ Пруссіи рекрутъ удерживается подъ знаменами лишь на столько времени, чтобы вышелъ изъ него уже готовый спеціалистъ военного дѣла, готовый солдатъ; какъ только онъ готовъ, онъ отсылается домой, и въ мирное время не обременяетъ своимъ содержаніемъ правительство. Этотъ резервъ, совершенно готовый для генеральной битвы хоть на второй же день по своемъ призывѣ подъ знамена, въ три или четыре раза многочисленнѣе солдатъ, находящихся на содержаніи правительства во время мира. Благодаря этой системѣ, войско въ мирное время стоить Пруссіи вдвое дешевле, чѣмъ Франціи (пропорціонально населенію), а при войнѣ Пруссія (также пропорціонально населенію) имѣетъ вдвое больше войска, чѣмъ Франція. Но въ Пруссіи, какъ мы сказали, еще только на половину примѣненъ принципъ организаціи, противоположный французскому, а волюнѣ онъ принять, благодаря особенному географическому характеру страны и особеннымъ принципамъ ея политики, въ Швейцаріи. Тамъ постоянно находятся на службѣ лишь малочисленные отряды тѣхъ людей, которымъ дѣйствительно нужна долговременная подготовка по техническому характеру ихъ военной роли: та часть артиллерійской прислуги, которая должна управлять дѣйствіемъ орудій, та часть саперовъ, которая предназначена руководить техническою частью работъ, небольшія кадры унтеръ-офицеровъ, назначенныхъ быть учителями военной техники, наконецъ та часть офицеровъ, которая во время войны будетъ завѣдывать военными дѣйствіями: генеральный штабъ и выходящіе изъ него штабъ-офицеры и генералы. А тѣ люди, которымъ не предназначено на войнѣ играть спеціальныхъ ролей,—все будущіе солдаты и бѣльшая часть унтеръ-офицеровъ и офицеровъ ихъхоты и бѣльшая часть будущихъ солдатъ другихъ родовъ оружія,—берутся для обученія

лишь на одинъ мѣсяць въ эти кадры инструкторовъ, и потомъ ежегодно созываются на одну недѣлю для повторенія приемовъ, которымъ выучились въ первый годъ. Разумѣется, эти люди не могутъ быть употреблены въ большое сраженіе на другой же или на третій день послѣ того, какъ будутъ призваны къ походу: имъ нужно нѣсколько недѣль походной жизни, чтобы стать солдатами. Но вѣдь въ нынѣшнихъ войнахъ нѣсколько недѣль походнаго времени всегда предшествуютъ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Пока арміи сойдутся, пока подвезутъ къ нимъ артиллерійскіе парки и т. д. и т. д., неизбежно пройдетъ столько времени, что швейцарскіе миллионеры, уже привыкшіе къ военнымъ приемамъ, обратятся въ хорошихъ солдатъ. Швейцарія выводитъ на войну (пропорціонально населенію) въ три раза больше войска, чѣмъ Пруссія, въ шесть разъ больше, чѣмъ Франція. А между тѣмъ, въ мирное время, содержаніе войска обходится Швейцаріи въ пять разъ дешевле, чѣмъ Пруссіи, въ десять разъ дешевле, чѣмъ Франціи.

Французскій принципъ удобнѣе тогда, когда армія содержится для наступательныхъ войнъ и для подавленія бунтовъ. При прусской системѣ войско еще годится и для наступательной войны въ чужой странѣ, но болѣе пригодно оно для войны среди дружеской страны съ непріателемъ, занимающимъ ее. Швейцарская система исключительно пригодна лишь для втораго случая, а для войнъ среди непріязненнаго населенія не годится. Кромѣ того, при ней кавалерія не можетъ быть доведена до такой силы, какъ при французской системѣ; слѣдовательно она вполне применима лишь для тѣхъ странъ, гдѣ кавалерія не можетъ играть важной роли въ большихъ битвахъ. За то швейцарскій принципъ неизмѣнно увеличиваетъ военную силу государства при войнѣ на родинѣ или дружеской странѣ. Швейцарія, имѣя съ небольшимъ 2 милл. населенія, можетъ выставить до 250 тыс. войска, такъ что эта маленькая земля, при спорѣ за Нефшатель, чувствовала себя въ силахъ отбить всю прусскую армію.

По соображенію всѣхъ обстоятельствъ, швейцарскій принципъ былъ полезнѣйшимъ для Пьемонта. Принявъ его въ полномъ развитіи, Пьемонтъ, имѣвшій 5.500,000 населенія, могъ бы вывести на войну отъ 500 до 600 тысячъ войска. Театромъ войны должна была служить восточная часть Пьемонта и Ломбардія, — страна, вся усыпанная мизами, построенными изъ камня, перерѣзанная безчелюдными оросительными каналами, совершенно неудобная для кавалеріи, (которая, дѣйствительно, и не играла никакой роли въ сардинско-французскомъ походѣ 1859 г.). Но чтобы принять эту систему, которая маленькому Пьемонту давала бы военную силу, равную всей австрійской, то есть давала бы ему вѣрный успѣхъ въ войнѣ, при невозможности австрійцамъ послать въ Италію болѣе половины своей арміи, — чтобы принять эту систему, надобно было понимать войну съ Австрією, какъ войну чисто національную, надобно было принимать главнымъ основаніемъ для нея національное чувство. Кавуръ смотрѣлъ на дѣло иначе, потому не могъ принять не только швейцарскаго, но даже и прусскаго устройства. Национальный энтузіазмъ не входилъ въ его расчеты; онъ полагался только на тѣхъ солдатъ, которые уже готовы до начала войны; онъ и тутъ совершенно держался рутинѣ. А прусскій принципъ — принципъ новый, несогласный съ рутинною. Кавуръ самъ видѣлъ и окружилъ себя военными людьми старой школы, которые такъ же видѣли единственный идеалъ военныхъ силъ во французской организаціи. Онъ и они хотѣли вести войну исключительно солдатами по ремеслу, отвергая всякую иллюзію, всякихъ

волонтеровъ, какъ элементы, слншкомъ ненадежныя. Ламармора и Фанти организовали сардинскую армію съ педантической заботливостью о выправкѣ, о ранжирѣ. Потому, употребляя на армію чрезвычайно много денегъ, Сардинія могла выставить противъ Австріи не больше, какъ 60 тысячъ войска. Народное ополченіе считалъ Кавуръ, съ своими генералами, за ничто, или хуже, чѣмъ за ничто, за помѣху. Отъ этого-то и надобно было истощать силы Сардиніи, отъ этого-то и оказывались силы Италіи недостаточными для войны съ Австріею и нужно было, во что бы то ни стало, привлечь на войну французскую армію.

Если бы смотрѣть на войну, какъ на дѣло національное, которое очень быстро можетъ организоваться энергіею національнаго чувства, было бы возможно начать войну вдругъ, безъ предварительной долгой ссоры съ Австріею. Можно было бы скрывать свои намѣренія до послѣдняго дня предъ объявленіемъ войны, напасть на непріятеля врасплохъ, когда онъ не успѣлъ бы еще усилить своихъ войскъ въ Италіи, не сдѣлалъ бы никакихъ приготовленій къ оборонѣ, воображая себя среди глубокаго мира. Национальная партія нѣсколько разъ предлагала это. Она предлагала поднять Ломбардію въ такое время, когда у австрійцевъ во всѣхъ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ было не больше 50 тысячъ войска, не имѣющаго большихъ военныхъ запасовъ. Нынѣ миръ и ни малѣйшаго вида ссоры. Завтра возстаютъ Миланъ, и черезъ недѣлю итальянскія войска уже занимаютъ страшные горные проходы изъ Тироля въ Ломбардію. Австрійцы отъсены къ Веронѣ, не могутъ прислать подкрѣпленій раньше, какъ мѣсяца черезъ три, а въ три мѣсяца сардинская армія, служа кадрами для поголовнаго ополченія ломбардцевъ и для волонтеровъ центральной Италіи, усилившись войсками Тосканы, Пармы и Модены, имѣетъ уже отъ 200 до 250 тысячъ солдатъ,—число, достаточное для совершеннаго очищенія Венеціи отъ австрійцевъ, не приготовленныхъ, разстроенныхъ. Кавуръ отвергалъ эти планы,—они были не сообразны съ рутиной; онъ представлялъ себѣ войну съ Австріей въ родѣ того, какъ воевала бы Франція съ Англіей или съ Пруссіей: извѣстно, какъ начинаются войны по заведенному порядку. Возникаетъ дипломатическое недоразумѣніе; долго, долго обмѣниваются депешами, все болѣе и болѣе грознаго тона,—въ этомъ проходитъ полгода, годъ; начинаютъ придвигать войска къ границамъ, отодвигать ихъ отъ границъ и опять придвигать, и все ведутъ переговоры, и противникъ имѣетъ годъ, года полтора времени приготовляться къ войнѣ. Кавуръ дѣйствовалъ по дипломатической рутинѣ, какъ будто въ рутинномъ дѣлѣ. Года за полтора до начала войны онъ завелъ ссору съ Австріей, раздувалъ и раздувалъ эту ссору, и пошла эта исторія рутиннымъ порядкомъ. Австрія наводнила ломбардо-венеціанскія земли безчисленнымъ войскомъ.

Разумѣется, при такомъ веденіи дѣла, нельзя было побѣдить австрійцевъ иначе, какъ французскими войсками. Надобно отдать справедливость Кавуру: слишкомъ за полгода до открытія похода, онъ обезпечилъ себѣ помощь французской арміи. Но и тутъ рутинный взглядъ на приготовлявшуюся войну отнялъ у него возможность заключить союзъ на условіяхъ, какія могъ бы онъ получить, если бы не былъ увлеченъ ошибочнымъ понятіемъ о своемъ собственномъ дѣлѣ. Онъ представлялъ себѣ дѣло такъ. Сардинія, маленькое государство, хочетъ отнять двѣ богатія провинціи у большаго государства. Маленькое государство можетъ пользоваться насчетъ большаго, лишь когда успеетъ склонить другое большое государство къ войнѣ съ нимъ. Онъ воображалъ, что перехитрилъ Наполеона, что будетъ

загребать жаръ его руками, что Наполеонъ предпринимаетъ войну по его убѣжденію. А когда мы убѣждаемъ и упрощаемъ кого-нибудь приняться за наше дѣло, пособить намъ, мы должны предоставить ему какія нибудь выгоды, и онъ диктуетъ намъ условія, какія хочетъ. Такъ оно и устроилось. На пломьерскомъ свиданіи, осенью 1858 года, когда заключенъ былъ союзъ на войну съ Австріею, императоръ французовъ игралъ такую роль, что собственно ему война не нужна, что онъ склоняется на нее по убѣжденію Кавура, который такъ хорошо разъяснилъ ему, какую пользу извлечетъ онъ изъ этой войны, а самъ онъ и не думалъ прежде о войнѣ. Кавуръ разъяснилъ ему, какъ полезно для Франціи усилить Сардинію; Наполеонъ вошелъ въ этотъ расчетъ и потребовалъ вознагражденія за такую услугу; вознагражденіемъ были назначены Савоя и Ницца. Союзникъ, склонявшійся на войну лишь по убѣжденію Кавура, конечно предоставилъ себѣ распоряженіе всѣмъ. Напримѣръ, Сардинія хочетъ завоевать Ломбардію и Венецію; хорошо, но вѣдь не имѣетъ же она претензіи на Тоскану? Слѣдовательно, ей все равно, какъ Франція распорядится Тосканой; потому императоръ Наполеонъ попробуетъ, нельзя ли будетъ изъ Тосканы, съ прилежащими землями, устроить королевство для принца Наполеона. Съ той точки зрѣнія, съ какой Кавуръ смотрѣлъ на дѣло, нельзя было ему не соглашаться на всѣ требованія Наполеона: важность лишь въ томъ, что, слишкомъ увлеченный своею мыслью о необходимости французской помощи для завоеванія Ломбардіи съ Венеціею, онъ забылъ другую сторону отношеній: императору французовъ война съ Австріею была такъ же необходима, какъ самому Кавуру. Во что бы то ни стало, нужно было императору французовъ занять Францію войною съ одною изъ великихъ европейскихъ державъ. Къ войнѣ съ Англіею онъ не былъ готовъ и не могъ приготовиться въ теченіе еще многихъ лѣтъ. Война съ Пруссіею равнялась бы объявленію войны противъ Англіи. Слѣдовательно, оставалась одна Австрія. А съ Австріею могъ онъ воевать только въ Италіи, чтобы не касаться германскихъ земель, не поднимать Пруссію и Англію противъ себя. Если бы Кавуръ не воображалъ, что только для Сардиніи нужна война, если бы онъ не являлся съ убѣжденіями и просьбами, слишкомъ горячими, императоръ французовъ самъ обратился бы къ нему съ убѣжденіями: «доставьте мнѣ предлогъ для войны съ Австріею; пропустите мое войска на эту войну», — и тогда условія союза диктовалъ бы Кавуръ.

Дальнѣйшія событія, конечно, еще памятливы читателю. Виллафранкскій миръ былъ пораженіемъ Кавура: онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Франція держала сторону Австріи въ цюрихскихъ переговорахъ: Италія, не освобождаясь отъ австрійскаго господства, становилась вмѣстѣ съ Австріею подъ верховную власть Франціи. Но національное чувство разрушило эти расчеты. Одна часть Италіи за другою насильно принуждала туринскихъ правителей принимать ее въ составъ возникшаго національнаго государства.

Кавуру дѣлаетъ великую честь то, что онъ вышелъ въ отставку, когда увидѣлъ, что по виллафранкскому миру Италію хотятъ поставить въ положеніе худшее прежняго. Но онъ нимало не участвовалъ въ томъ, что Италія вышла изъ этого положенія. Онъ, снова сдѣлавшись министромъ, только принималъ одинъ за другимъ совершавшіеся факты, совершенію которыхъ или не помогалъ, или прямо мѣшалъ. Тоскана съ герцогствами и Романья выдержали тяжелое испытаніе и рѣшили свою судьбу собственной настойчивостью, прежде, чѣмъ Кавуръ снова сдѣ-

лался министромъ. Походу Гарибальди на Сицилію онъ гораздо больше мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ. Походу Гарибальди на Неаполь онъ прямо мѣшалъ. Юго-восточную часть Папской Области онъ отважился занять лишь для того, чтобъ помѣшать Гарибальди идти на Венецію, чтобы не была отгѣснена отъ управленія дѣлами умѣренная партія, чтобы не овладѣли властью рѣшительные приверженцы національнаго дѣла.

Въ чемъ же его величіе? Въ томъ, что онъ хотя принималъ совершившіеся факты, — другіе на его мѣстѣ могли бы не сдѣлать и того. Да, у людей въ его положеніи ужь и то великая заслуга, рѣдкое, высокое достоинство, когда они не слишкомъ медлятъ принимать совершившіеся наперекоръ ихъ прежней программѣ факты. Потому, повторяя общій голосъ всей Европы, говоримъ и мы: Кавуръ былъ великій правитель.

Полемиические красоты.

КОЛЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

КРАСОТЫ, СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„РУССКАГО ВЪСТНИКА“.

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса.
Иліада, переводъ Гнѣдича.
Пѣсня I, ст. 1.

I.

«Современникъ» распался на партіи, несогласныя между собою почти что ни въ чемъ. Наши собратыя по литературѣ давно намекали объ этомъ, уличая одну статью нашего журнала въ противорѣчіи съ другою. Недоставало только собственнаго признанья. Явилось и оно. Безыменный авторъ статей, заявившійся съ нынѣшняго года отдѣломъ «Внутренняго Обзорня» въ нашемъ журналѣ, публично объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣній другихъ сотрудниковъ «Современника», что они пусть противорѣчатъ ему, сколько хотятъ, въ своихъ статьяхъ, а онъ, не стѣняясь, станетъ противорѣчить имъ въ своихъ. Фактъ прискорбный, но должны мы сознаться, естественный въ журналѣ, нестыдящемся являться въ одной оберткѣ съ «Свѣткомъ». (Кстати мы имѣемъ надежду, что «Свѣстокъ» скоро возвратится къ «Современнику» изъ заграничной отлучки: нигдѣ не нашолъ онъ климата лучше петербургскаго, тишины и довольства, отраднѣйшихъ, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ, и слѣшитъ онъ снова наслаждаться сладкимъ и пріятнымъ дымомъ его). Да, говоримъ мы, какъ ни прискорбно это признаніе, но воротить его нельзя. Всѣмъ теперь извѣстно, что между сотрудниками «Современника» нѣтъ никакого согласія въ образѣ мыслей. Мы можемъ только негодовать на сотоварища нашего по журналу, столь неосторожно разоблачившаго наши домашнія слабости (это негодованіе и выразилось язвительнымъ эпитетомъ «безыменный»). Но если ужъ признаніе сдѣлано, то и будемъ поступать сообразно тому. Пусть каждый изъ насъ пишетъ, нпмало не справляясь съ тѣмъ, одобритса ли его взглядъ и тонъ другими сотрудниками и редакціею.

Эта рѣшимость, овладѣвшая мною, однимъ изъ сотрудниковъ «Современника», и открыла мнѣ возможность заняться подборомъ полемиическихъ красотъ изъ много-

численныхъ статей и статейекъ, глубокомысленныхъ изобличеній и мпдыхъ выходокъ, печатающихся противъ «Современника». До сихъ поръ никакъ мнѣ было этимъ заняться по самой простой причинѣ: я не читалъ, кромѣ «Современника» (да и то въ корректурахъ), рѣшительно никакихъ русскихъ журналовъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ. Почему не читалъ? Между прочимъ вотъ почему: у меня чрезвычайно нетвердый умъ (какъ и было доказано много разъ въ разныхъ журналахъ въ то время когда еще я читалъ ихъ; доказывается и теперь, какъ вижу по журналамъ нынѣшняго года; отсюда по аналогіи заключаю, что доказывалось и въ длинный промежутокъ, когда я не читалъ журналовъ). При такой шаткости ума, какъ только что я прочитаю, съ тѣмъ и соглашаюсь. А сверхъ всѣхъ другихъ недостатковъ ума и характера, одаренъ я еще болтливостью: рѣшительно ни о чемъ не могу смолчать. Представьте же, какое было бы мое положеніе, еслибъ я совершенно не бросилъ лѣтъ пять тому назадъ читать всѣ журналы, кромѣ «Современника». Встрѣчается мнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или «Отч. Запскахъ», «Московск. Вѣдомостяхъ» или «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» какая-нибудь статья противъ «Современника». Прочелъ я ее и, по шаткости своего ума, соглашаюсь, что она вполне справедлива. Сажусь къ рабочему столу — такъ и тянетъ меня написать: «въ такомъ-то номерѣ такого-то журнала или газеты прочли мы статью, уличающую нашъ журналъ за то-то и за то-то въ невѣжественности или легкомыслии, въ злонамѣренности или безвкусицѣ. Мы находимъ это обвиненіе совершенно справедливымъ и «Современникъ» кругомъ виноватъ». Но какъ я могъ напечатать это? Вѣдь я считалъ нужнымъ, чтобы журналъ сохранялъ единство направленія; а я противорѣчилъ бы ему на каждомъ шагу. Согласитесь, неприятно возбуждаться къ мыслямъ, которыя не можешь высказывать. Такъ я и бросилъ читать журналы.

Теперь дѣло другое. Даровитый писатель, взявшій въ нынѣшнемъ году на себя отдѣлъ «Внутренняго Обзоренія» въ «Современникѣ», вывелъ меня изъ затрудненія, погружавшаго меня столь долго въ такое прискорбное незнаніе о дѣяніяхъ русской журналистикѣ, ея успѣхахъ въ сильномъ и прямомъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни нашего отечества, и въ прочемъ всемъ остальномъ. (Замѣчаете, шаткость моя уже и выказалась: я уязвилъ сотоварища эпитетомъ «безымянный», а вотъ и льщу ему эпитетомъ «даровитый»). Теперь я не связанъ никакими соображеніями о соблюденіи единства въ направленіи и тонѣ журнала. Когда мнѣ покажется, что другіе бранятъ «Современникъ» справедливо, умно, остроумно, мило (а мнѣ рѣшительно каждый разъ будетъ это казаться), я могу въ «Современникѣ» же и печатать, что вотъ какъ хорошо и дѣльно изобличенъ «Современникъ» такимъ-то журналомъ, такою-то газетою. Недѣли двѣ тому назадъ, я дошелъ до этого рѣшенія, — и, о восторгъ наслажденія, котораго лишалъ себя столь много лѣтъ! — я принялся читать русскіе журналы.

Я пропустилъ безъ чтенія журналы эти за столько лѣтъ, что не могъ и помыслить о прочтеніи или хотя бы легкомъ пересмотрѣ всей новѣдомой мнѣ массы ихъ за эти годы. Надобно было опредѣлить какую-нибудь достижимую человѣческимъ силамъ границу возвращенія моего назадъ къ сокровищамъ прошлой нашей журналистики. Я поставилъ себѣ эту границу 1 января настоящаго года. Только при крайней надобности, когда попадется въ этомъ моемъ чтеніи развѣ ужъ очень

интересная ссылка на какую-нибудь статью прежних годовъ, я доставлю себѣ роскошное наслажденіе прочесть эту драгоценность.

Уже и за одинъ нынѣшній годъ какую гряду приходится мнѣ переосматривать! Въдѣ мое рѣшеніе было принято 7 іюня (день—приснопамятный для меня, день моего возвращенія въ сладчайшую жизнь читателя русскихъ журналовъ)!— я пропустилъ болѣе пяти мѣсяцевъ, и сколько прекраснѣйшаго чтенія приготовила для меня русская журналистика въ эти пять мѣсяцевъ!

Какъ голодный, прямо бросающійся на самое сытное блюдо, я началъ свое чтеніе, разумеется, съ «Русскаго Вѣстника», лучшаго изъ нашихъ журналовъ. Общая молва о его достоинствахъ не обманула меня. Много, много замѣчательнаго нашель я въ немъ,—напр., въ 1-мъ же номерѣ превосходную, утыканную шпильками статью г. Леонтьева «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ» и восхитительную по своей невинной наивности статью г. Сухомлинова «Ломоносовъ—студентъ марбургскаго университета», а въ «Современной Лѣтописи» насравленные статьи г. Ржевскаго, равно замѣчательнаго ученостью, скромностью и глубокомысліемъ. Но болѣе всего заняли меня полемическія статьи (по шаткости ума и слабости характера, при первомъ соприкосновеніи съ полемикою пробудилась во мнѣ страстишка къ полемикѣ, спавшая непробуднымъ сномъ нѣсколько лѣтъ). По естественной слабости къ журналу, въ которомъ участвуешь, разумеется, больше всего заинтересовался я полемикою противъ «Современника» и она такъ очаровала меня, что на этотъ разъ не могу я говорить ни о чемъ кромѣ нея. Какъ измѣнила она мой взглядъ на многое въ «Современникѣ», сколько недостатковъ его раскрыла, сколько промаховъ разоблачила! Они такъ грубы, неприличны, что прежде всего я долженъ назвать совершенно заслуженнымъ со стороны «Современника» тонъ этой полемики. Вотъ образцы его. Первымъ образцомъ можетъ служить первая полемическая статья нынѣшняго года: «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи». Она такъ хороша, что мы представимъ довольно большія извлеченія изъ нея. Статья начинается тѣмъ, что съ нынѣшняго года открывается въ «Русскомъ Вѣстникѣ» постоянный отдѣлъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки». Въ другихъ журналахъ соответствующій тому отдѣлъ давно существуетъ, но ведется совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

«Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно переть открытіемъ подписки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* нигуда не годятся; *Отечественныя Записки* съ немальною убѣдительною доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указывали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обозрѣній зазывать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднятъ было совѣстно, и раздалось объясненія болѣе обыкновенныя, прямѣе идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсень, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ».

Это я называю скромностью: до «Русскаго Вѣстника» журналы держали себя неприлично; явился «Русскій Вѣстникъ», указалъ имъ, что это дурно, и неприличный «обычай тогда же прекратился». Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе справедливымъ внушеніямъ «Русскаго Вѣстника»: если сами они

дурны, хорошо уже хоть то, что слушались указаній отъ лучшаго журнала. Но, — но очень они уже дурны: и желали исправиться, да не могутъ: «обычай прекратился, но не надолго, натура взяла свое: брань возвратилась». Какая дурная натура! Самая площадная натура. Нравится мнѣ ѣдкость выраженій: «открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ». Чтобы не оставить читателя въ недоразумѣніи, сдѣлана при этихъ словахъ выносокъ, указывающая на № 1-й «Современника» за нынѣшній годъ. Острота—очень хорошая; ея пріятности не мѣшаетъ даже то, что она повторена изъ статейки «Московскихъ Вѣдомостей» и со словъ почтеннаго нашего публициста г. Погодина, достойно завершившаго свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу. Такъ вотъ, критическій отдѣлъ въ другихъ журналахъ непрличенъ; конечно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ будетъ несравненно приличнѣе. Но къ счастью мы видимъ, что это не мѣшаетъ ему употреблять, какъ и слѣдуетъ, сильныя выраженія противъ журналовъ и писателей дряннаго сорта. Вотъ, напрямѣръ, выдержки со слѣдующей страницы.

«Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безмысліемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаютъ сами собою; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды для домашнихъ счетами, мелкими питригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнился тонъ отзывовъ, съ прекращеніемъ разчета на сотрудничество».

Какая благопрістойность тона, не лишеннаго однакожь рѣзкой силы: «балаганы», «свистуны», «свирѣпое безмысліе», «мальчишеское забіячество», упрекъ за «забрасываніе грязью всѣхъ литературныхъ авторитетовъ», наконецъ, что лучше всего, указаніе на «льстивыя похвалы» писателямъ, успѣхъ которыхъ выгоденъ для журнала, пока эти писатели помѣщаютъ въ немъ свои произведенія, и прибавка, что «тонъ отзывовъ немедленно измѣнялся съ прекращеніемъ разчета на сотрудничество». Чтобы читатель не оставался въ недоразумѣніи, къ этимъ же словамъ сдѣлана и выносокъ слѣдующаго содержанія:

«Такъ измѣнялся тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ номерѣ его насчитано между прочимъ эгегическое стихотвореніе, въ которомъ изливаются скорбныя сѣтованія на дороговизну произведеній г. Тургенева».

И никакъ не нахожу, что этотъ оборотъ изложенія имѣетъ нѣкоторое сходство съ «домашними счетами, мелкими питригами и сплетнями». Я прочелъ, что «Русскій Вѣстникъ» порицаетъ ихъ, и знаю, что онъ никогда до нихъ не унижится. Выписанныя мною слова я называю просто благороднымъ изобличеніемъ шизоности «Современника». Какъ я благодаренъ «Русскому Вѣстнику», что раскрылись у

меня теперь глаза на эту низость. Прежде дѣло представлялось мнѣ въ иномъ видѣ. Послушайте, какъ грубо я ошибался.

Мнѣ казалось, что было время, когда не замѣчали между собой разницы во взглядахъ люди, далеко разошедшіеся мнѣ. Было время, когда г. Катковъ писалъ въ «Отечественн. Запискахъ» вмѣстѣ съ авторомъ «Писемъ объ изученіи природы». Нѣкоторыя статьи г. Каткова приписывались Бѣлинскому (мы не полагаемъ, чтобы сказали этимъ что нибудь оскорбительное для г. Каткова). Теперь на сколько партій раздѣлились эти люди, составлявшіе нѣкогда одну партію, въ которой рядомъ стояли г. Катковъ и покойный К. Аксаковъ? Отчего же разошлись эти люди? Отчего многіе изъ нихъ стали даже враждебны другъ-другу по образу мыслей? Намъ казалось, что низкими расчетами не слѣдуетъ объяснять ни этого прежняго союза, ни этого послѣдующаго разрыва. Намъ казалось, что какъ ни жалко состояніе нашей литературы, но все-таки управляли въ ней симпатіями и антипатіями силы болѣе широкія и болѣе благородныя, чѣмъ денежный расчетъ. Намъ казалось, что развивалась національная мысль, опредѣленіе становились убѣжденія и отъ этого оказывалась надобность разойтись людямъ, стоявшимъ рука объ руку, поселялось несогласіе въ понятіяхъ, а вслѣдъ за нимъ возникала и борьба между людьми, думавшими и дѣйствовавшими за-одно, когда вопросовъ было не такъ много, вопросы были поставлены не такъ опредѣленно и отвѣты на нихъ не могли быть такъ разнородны, какъ сдѣлались при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца расстающихся, — по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случалось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремлений: «Мы перестаемъ понимать другъ-друга; мы стали чужды другъ-другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ-друга во имя чувствъ, еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ, чѣмъ наши взаимныя чувства». Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность позднѣе почтеннаго редактора «Русскаго Вѣстника»; но и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редакція «Русскаго Вѣстника» по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ-другу. Что мнѣ былъ Катковъ? Я его тогда не зналъ въ лицо, онъ меня такъ же. Я никогда не рассчитывалъ быть его сотрудникомъ; онъ вѣроятно еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло. Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: «а мы можемъ дѣйствовать за-одно»; расчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: «по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно», — что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько? И если я теперь думаю: «можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойтись», — развѣ денежные выгоды или другія дрязги заставляютъ меня желать этого? Пусть судьей будетъ самъ «Русскій Вѣстникъ».

Нѣтъ, я не умѣю писать. Къ чему этотъ некрепкій тонъ, этотъ порывъ чувства, которое сильнѣе и выше всѣхъ журнальныхъ дрязгъ? Къ чему этотъ неумѣстный паосъ въ статьѣ, начатой съ насмѣшливой мыслью и, правду сказать, съ

презрительной мыслью? И какъ теперь изъ этой сферы мыслей, хоть нѣсколько достойныхъ честнаго гражданина, перейти къ журнальной полемикѣ? Нѣтъ, лучше остановлюсь здѣсь; полемика пусть будетъ отложена до другого раза. А первый отрывокъ пусть и будетъ законченъ надеждой на близость лучшаго развитія нашей литературной дѣятельности.

Но эта пора еще не наступила, и уже шевелится въ моей головѣ мелкій вопросъ о дразгахъ: «что же подумаетъ «Русскій Вѣстникъ», что же подумаетъ публика? Вызовъ ли это на литературное примиреніе? не робость ли это? не подобострастіе ли?» Нѣтъ; въ чемъ другомъ, а въ литературной трусости едва ли самый «Русскій Вѣстникъ» заподозритъ пишущаго эти строки. Въ чемъ другомъ еще какъ случится, а въ литературной полемикѣ онъ не слишкомъ боится за себя. И примиренія по вопросамъ, о которыхъ можетъ она идти, онъ не ждетъ ни у «Русскаго Вѣстника» съ «Современникомъ», ни у какого журнала съ «Русскимъ Вѣстникомъ» или «Современникомъ». Да-съ, послѣ отъ нечего дѣлать пошутимъ, посмѣемся, изобличимъ, вознегодуетъ, «втопчемъ въ грязь», «завизжимъ», а теперь—какъ-то случилось разговориться такъ, что не то на умѣ.

Думалъ я подписывать эти статьи какимъ-нибудь задорно-шуточнымъ псевдонимомъ; но судя по нынѣшнему, не одно шутчество въ нихъ будетъ, и потому стану подписывать подъ ними свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

А вотъ пришло и другое расположеніе духа.

Такъ какъ же, по низкому расчету льстили «Современникъ» г. Тургеневу, по низкому расчету теперь ругаетъ его?

Мы полагаемъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ дѣло иначе; очень можетъ быть, что и «Русскому Вѣстнику» можно иначе понять его.

Почему г. Чичеринъ съ своими друзьями отдѣлился отъ «Русскаго Вѣстника»? Въ платѣ за статьи они не сошлись? Извѣстно литературному кругу, что разрывъ между ними произошелъ совсѣмъ не по этой причинѣ. Сначала имъ казалось, что они сходятся въ убѣжденіяхъ; потомъ они увидѣли, что расходятся,—и разошлись.

Нашъ образъ мыслей проявился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ-ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Мы льстили ему!—Пусть укажутъ хотя одно слово лестн, написанное хотя кѣмъ нибудь изъ нынѣшнихъ сотрудниковъ «Современника». Ни «Русскій Вѣстникъ», ни кто не въ состояніи указать этого. Или пусть укажутъ хотя одно такое слово кѣмъ бы то ни было написанное въ «Современникѣ» съ той поры, когда русскіе журналы стали сколько нибудь похожи на журналы. Этого также нельзя указать. Да и такой ли человѣкъ г. Тургеневъ, чтобы не различить лестн отъ искреннаго тона и не оскорбиться лестью? Онъ не такого дурнаго тона и не такой неразборчивый человѣкъ. Льстить ему было бы не выгодно, если бы и была бы охота льстить.

Съ другой стороны — когда это были оскорбленія ему въ «Современникъ»? Любопытно было бы, если бы кто указалъ, гдѣ и въ чемъ они были.

Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?

А что за оборотъ—придавать дурной видъ шуткѣ, которая относилась вовсе не къ г. Тургеневу, а къ журналисту, да и не къ какому-нибудь журналисту въ отдѣльности, а ко всѣмъ журналистамъ,—шуткѣ, имѣвшей тотъ смыслъ, что теперь авторъ хорошихъ повѣстей или статей беретъ за свой трудъ хорошія деньги, и нельзя журналисту держать его на антоніевской пищѣ, какъ дѣлалось когда-то? Тутъ было не одно имя г. Тургенева; тутъ говорилось о нѣсколькихъ писателяхъ, которыми наиболѣе дорожатъ журналы,—говорилось о г. Гончаровѣ, г. Костомаровѣ. Что тутъ обиднаго?

Или г. Тургеневъ разошелся съ «Современникомъ» изъ-за того, что «Современникъ» не согласился заплатить ему за какую-нибудь повѣсть столько, сколько онъ хотѣлъ, или потому, что другой журналъ далъ дороже?—Вѣдь этотъ намекъ вы дѣлаете? А вы бы подумали лестенъ ли, пріятенъ ли такой намекъ — не для «Современника», а для самого г. Тургенева. И вѣдь вамъ, да и каждому журналисту очень хорошо извѣстно было, что намекъ этотъ совершенно лишентъ всякаго основанія.—Г. Тургеневъ помѣщаетъ свои произведенія тамъ, гдѣ ему пріятнѣе, а не тамъ, гдѣ ему больше даютъ,—развѣ кто нибудь торговался когда съ г. Тургеневымъ? Сколько мы его знаемъ, мы не полагаемъ, чтобы это было кому нибудь возможно, по характеру г. Тургенева. Онъ не изъ тѣхъ писателей, которые любятъ, или съ которыми нужно торговаться.

Къ чему жъ была эта выходка? Развѣ къ тому, чтобы замѣшать г. Тургенева въ журнальныя дразги? «Русскій Вѣстникъ» однажды ужъ дѣлалъ это. Но полезно ли повторить неловкость, которая и въ первый разъ не была хороша?

Вотъ, что значитъ гнѣвная неразборчивость: хотѣли пощипать «мальчишекъ свистуновъ», а по неловкости ущипнули г. Тургенева, человѣка совершенно посторонняго и ничѣмъ не заслужившаго вашихъ, несреднамѣренно задѣвшихъ его шишекъ.

III.

Въ № 1 «Русскій Вѣстникъ» такъ лишь слегка пошалилъ (и какъ мило пошалилъ), а въ февральской книжкѣ онъ помѣстилъ капиталную статью противъ насъ, подъ названіемъ «Старые боги и новые боги». — Это заглавіе обозначаетъ, что мы, по врожденному намъ подбострастію, не можемъ не валяться на колѣняхъ передъ какими-нибудь кумирами, и потому, низвергая прежнихъ, мы становимъ новыхъ, которые чуть ли ни хуже прежнихъ, и провозглашаемъ слѣпое поклоненіе имъ. Что жъ, оборотъ придуманъ очень ловкій—мы всегда рады отдавать справедливость «Русск. Вѣстнику»; онъ вздумалъ повести дѣло такъ, чтобы явиться защитникомъ правъ человѣческаго разума на свободу противъ насъ, поработавшихъ разумъ новому суевѣрью въ замѣнъ старыхъ предразсудковъ. Только одно изъ

условіи остроумія не соблюдено: вѣдь нужно, чтобы выдумка имѣла видъ правдоподобія,—безъ того она не будетъ остроумна, какъ бы ни была замысловата. А та часть публіки, которая несогласна съ нами, види въ насъ множество недостатковъ, никакъ не думала находить, чтобы мы воздвигали кумировъ. Оттого статья «Русскаго Вѣстника» и выходитъ — не больше, какъ забавна для той части публіки, которая сочувствуетъ, намъ, — неудачно выбранъ пунктъ обвиненій. Мы воздвигаемъ кумировъ!—сдѣлайте одоженіе, вините насъ въ этомъ почаще и побольше. Это хорошо.

Но посмотримъ на статью, истинно радующую насъ искуснымъ выборомъ темы для обвиненій. Начинается она порицаніемъ за то, что мы говоримъ иногда уклончиво, стороню о разныхъ предметахъ, о которыхъ можно говорить прямо.

«Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегорію, расточать иронію, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всѣмъ этимъ военнымъ хитростямъ?»

Хорошо. А зачѣмъ вся статья, начинающаяся этимъ порицаніемъ, написана именно тою самою манерою, которую порицаешь за ея ненужность? зачѣмъ вся она до того «завертывается» въ разныя уловки, что многіе даже вообразили, будто ее надобно понимать въ прямомъ, а не въ ироническомъ смыслѣ, будто «Русскій Вѣстникъ» въ самомъ дѣлѣ защищаетъ противъ насъ матеріализмъ? Къ чему же порицать другихъ за то, что приходится дѣлать и вамъ самимъ?

Далѣе слѣдуетъ очень милая «побасенка» объ Иванѣ Яковлевичѣ,—сильно, впрочемъ, отзывающаяся подражаніемъ статьѣ «Современника» о книжкѣ г. Прижова. Зачѣмъ подражать тому, падъ къмъ смѣнешся? Или, можетъ быть, это не подражаніе, а только иронія?

Дѣло сводится къ тому, что мы за наше безмысліе сравниваемся съ Иваномъ Яковлевичемъ, — очень мило и граціозно; только зачѣмъ же замѣтывать свое остроуміе у такихъ бессмысленныхъ людей, какъ мы? А что мы бессмысленны, вотъ вамъ доказательство:

«Женится ли Х.?» спрашивалъ кто-то у Ивана Яковлевича. «Безъ працы не бендэе кололацы», таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы* мудреное слово, но вопрошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, не добираясь до смысла. *Кололацы*—слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не поставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумасшедшаго дома.

«*Кололацы! Кололацы!* А развѣ многое изъ того, что преподается и печатается — не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ,—не *кололацы*?»

«Дѣло не въ томъ, что вы говорите или пишете, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете: дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или нѣжныя; а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только вязать слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффектными, но которыя въ сущности не что иное, какъ *кололацы* Ивана Яковлевича».

Мило, очень мило. «*Кололацы бѣднаго обитателя сумасшедшаго дома*», — какавя деликатная полемика! Далѣе слѣдуетъ, все въ примѣненіе къ намъ же: «желтый домъ», «бессмысленный», «раболѣпство», — «фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ невѣжествомъ», — «оскверненіе мысли въ ея источникахъ», — «возмутительно», — это на одной 894 страницѣ; — разочтите же,

сколько такихъ красоть на 12 страницахъ статьи. Это значить, что другіе журналы не умѣютъ держать себя прилично, а Р. В. умѣетъ.

Послѣ этого начинается разборъ статьи г. Антоновича о «Философскомъ словарѣ», — г. Антоновичъ ни мало не нуждается въ томъ, чтобы его защищали другіе, и оставляя эту часть статьи на доброе сердце г. Антоновича, приведу отрывки изъ конца ея, обращеннаго ко мнѣ.

Прочтавъ длинное назиданіе г. Антоновичу, Р. В. рекомендуетъ ему «одну статью, напечатанную въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи».

«Статья эта, подъ заглавіемъ: *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненіе. Авторъ ея, — профессоръ Кіевской академіи, г. Юркевичъ. Сочиненіе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современникѣ*. Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философію, и разоблачаетъ такъ, что даже взыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра; спасибо шарлатанству по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило поводомъ къ появленію этого превосходнаго философскаго труда. Статья г. Юркевича не простое отрицаніе или обличеніе; но исполнена положительнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать по-русски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г. Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* мы представимъ обширныя выдержки изъ этого трактата, который отличается всѣми признаками зрѣлаго самостоятельнаго, вполне владѣющаго собою мышленія.

«Будемъ надѣяться, что философскія понятія господъ, пишущихъ въ *Современникѣ*, мало-по-малу пролягутся, и что они найдутъ наконецъ возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь узкъ по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, повидимому главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. Il s'humanise, se monsieur. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статьи за его подписью; въ нихъ уже нѣтъ тѣхъ безсмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, вычерпаемую со дна таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво и согласно съ началами политической экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь надобности отдѣлять себя отъ экономистовъ, которыхъ онъ бывало называлъ *уколобыми бѣдняками*. Такимъ является онъ теперь и самъ въ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ. Надобно отдать ему справедливость; онъ хорошо пользуется уроками и не даромъ проводитъ время въ предварительной школѣ.

«Но если прежняя дичь остерегается заглядывать въ тѣ статьи г. Чернышевскаго, которыя подписаны его именемъ, то она еще отзывается въ другихъ, имъ не подписанныхъ. Тамъ еще тономъ шарлатанской пролиги говорится о *великихъ* русскихъ экономахъ, гг. Вернадскомъ, Вунге, Ржевскомъ, Безобразовѣ, къ которымъ причисляется г. де-Моллиарі, а наконецъ Каре (или какъ у насъ пишутъ Кері) и Бастиа. Статейка, о которой мы сейчасъ упоминали, очень курьезная статейка; это рецензія недавно вышедшей книги Каре *Письма къ президенту Соединенныхъ Штатовъ*. Въ ней есть одно замѣчательное мѣсто. — (Пересказывается изъ этой статьи отрывокъ о драмѣ «Юдишь», заключающійся словами: «Историческій путь не тротуаръ Невскаго проспекта, онъ идетъ цѣлкомъ черезъ поля, то пыльные, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выкачкатъ сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность»).

«Послѣ этого очаровательнаго эпизода, въ которомъ такъ и слышится скорбный вздохъ «Юдишь», осквернившей себя для спасенія родины, рецензентъ снова обращается къ тарифу и свободной торговлѣ. Не могла бы эта прелестная поэзія вернуться сама собою въ такой сухой и прозаическій предметъ, еслибъ ей не призвало само сердце писавшаго. Она могла сказаться только изъ глубины души, она могла прорваться только неудержимою силой невольнаго откровенія. Столько слезъ и нѣжности въ этомъ разсказѣ, который явился неожиданнымъ оазисомъ среди пустыни протекціонныхъ посплннѣ, гдѣ вѣетъ совѣмъ иной духъ, сухой и суровый!

«Дѣйствительно, не есть ли и шарлатанство иѣкотораго рода оскверненіе? Не великую ли жертву приносятъ тѣ доблестные общественные дѣятели, которыхъ неразумная чернь зоветь шарлатанами? Но, о, новія «Юднѣи»! повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ ищете вы свою непорочную чистоту, «какой другой не видывали люди?»

«О, господа, не пятняйте себя понапрасну! Не приносите ненужныхъ жертвъ! Не оправдывайте себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею жизнью. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же развѣсняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее, и можетъ быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь».

Эпизодъ о «Юднѣи» дѣйствительно годился для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ; и примѣненіе его къ моему «шарлатанству» сдѣлано мило, — этотъ отрывокъ статейки, не шути, очень привѣтливъ и ловокъ. Отъ души смѣюсь вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» надъ тѣмъ, какъ я уподобляюсь Юднѣи величіемъ жертвы, приносимой мною для спасенія родины. Это очень забавно вышло; тутъ насмѣшка виолнѣ удалась «Русскому Вѣстнику». Да и патетическій тонъ эпизода о Юднѣи дѣйствительно очень забавенъ своимъ не совсѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ въ статейкѣ о сухомъ предметѣ, тарифѣ и Кери. Это отличная насмѣшка. Да, вѣдь разумѣется само собою, что эту статейку писалъ я, — «Русскій Вѣстникъ» на то и намекаетъ. Онъ не ошибся. Но я боюсь, что ошибся «Русскій Вѣстникъ» въ предположеніи, будто мои экономическія мнѣнія исправляются. Это я считаю за знакъ доброты ко мнѣ, не больше; благодарю, но принять не могу. Дѣло объясняется иначе. До прошлаго года, я писалъ политико-экономическія статьи объ отдѣльныхъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ меня, — разумѣется, это были вопросы, которые мнѣ казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы. Потому въ этихъ статьяхъ не было почти ничего, кромѣ споровъ противъ господствующей теоріи, кромѣ изложенія мыслей, не уснѣвшихъ понасть въ нее по своей новости или отвергаемыхъ ею за ихъ направленіе. Въ началѣ прошлаго года показалось мнѣ полезно дать русской публикѣ систематическій трактатъ о экономической наукѣ во всемъ ея объемѣ. Я сталъ переводить Милля и дѣлать къ нему дополненія. У самого Милля излагаются болѣею частью вопросы безспорные; мои дополненія часто должны были относиться также къ такимъ вопросамъ. Вотъ отъ чего разница впечатлѣній, производимаго моими прежними статьями и моимъ изданіемъ Милля. Тогда я говорилъ: буду излагать лишь то, въ чемъ я съ вами не согласенъ; въ переводѣ Милля имѣю цѣлью изложить все, что надобно думать о предметѣ, — и то, въ чемъ я не согласенъ, и то, въ чемъ согласенъ съ вами. Не дѣлаешь чести проищательности «Русскаго Вѣстника», что онъ не догадался объ этой главной причинѣ разницы въ своемъ впечатлѣніи. Сказать ли другую причину? Упомянуть о нихъ мнѣ самому довольно щекотливо, но я не поцеремонюсь, потому что не очень-то боюсь ни чьихъ насмѣшекъ, когда знаю, что говорю правду. Вотъ еще объясненіе тому, что «Русскій Вѣстникъ» сталъ находить статьи, подписанныя моимъ именемъ, менѣе «дикими». Моя репутація увеличивается — говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью. Почему же такъ? — Самъ «Русскій Вѣстникъ» говоритъ:

«Жалкая литература! Мы находимся на школьномъ положеніи. Мысль наша

не имѣть къ себѣ уваженія, и ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки; въ ней развиваются всѣ рабскія свойства» («Р. В.», мартъ. Литер. Обзор. стр. 21).

Послѣ этого объясненія, нечего мнѣ перемониться ни съ собою, ни съ другими. У многихъ это чувство смягчается нѣкоторымъ самодовольствомъ, не лишеннымъ справедливости. Каково бы ни было ихъ положеніе, но они въ немъ все-таки остаются честными людьми. Это ихъ нѣсколько утѣшаетъ. Я, какъ литераторъ, такъ же честенъ; но меня это нѣсколько не утѣшаетъ, и мое чувство къ литературѣ, въ томъ числѣ и къ моему долгу въ ней, имѣетъ жесткость, ничѣмъ не смягченную. Кому угодно, тотъ можетъ едѣлать это объясненіе предметомъ насмѣшки: я самъ знаю, что оно очень удобно можетъ быть обращено въ насмѣшку надо мной. Но смѣйтесь и бранитесь какъ хотите; а вы сами знаете, что я тутъ правъ, и я знаю, что вы согласны со мной въ очень значительной степени.

Такъ вотъ я мертвъ поэтому къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу. Я самъ судья, произнесшій и себѣ въ числѣ другихъ приговоръ, который не поправишь и не испортишь ничѣмъ. И на то, какъ думаетъ обо мнѣ публика, я смотрю точно такъ же, какъ на толки о какой-нибудь m-lle Ригольбошъ. Умна ли она, глупа ли она, хороша ли она, дурна ли она — все равно, она ведетъ такой образъ жизни, что никакими комплиментами не исправишь мнѣнія о ней.

Есть люди другаго рода: они чувствуютъ робость передъ извѣстностью. Таковъ «Русскій Вѣстникъ». Прежде онъ осмѣливался находить, что въ моихъ статьяхъ нѣтъ ничего, кромѣ дичи; теперь онъ робѣетъ высказывать это. Только и всего. Удовлетворены ли вы этимъ объясненіемъ, «Русскій Вѣстникъ»? Если нѣтъ, я, пожалуй, объяснюсь пообстоятельнѣй: себя я не слишкомъ-то жалѣю, а другихъ, — на примѣръ, хоть васъ, — разумѣется, не больше, чѣмъ себя. Слѣдовательно, объясненій со мной вамъ не выдержать, — не потому, чтобъ я былъ умнѣе васъ или владѣлъ перомъ искуснѣе васъ, а потому, что у меня языкъ развязанъ хоть въ этомъ отношеніи, а у васъ и въ немъ онъ связанъ.

Но я не все сказалъ, сказавъ, что къ своей литературной репутаціи я мертвъ. Къ себѣ, какъ къ человѣку, я не могу быть мертвъ. Я знаю, что будутъ лучшія времена литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли во мнѣ къ тому времени способность служить обществу, какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденій. А я вижу, что уже начинаю входить въ чело «уважаемыхъ» *) писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодѣе не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣе меня. На примѣръ, къ г. Антоновичу. Что жъ? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно завидую имъ, завидую съ отѣнкомъ оскорбляемаго ихъ свѣжестью самообія, съ досадою опережаемаго?

*) Изъ всего этого можно будетъ „Русскому Вѣстнику“ извлечь очень насмѣшливыя замѣчанія противъ меня: „г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается — какое пріятное самообольщеніе!“ — „г. Чернышевскій изъ Юліи обращается въ m-lle Ригольбошъ“ (развить параллель между нимъ и m-lle Ригольбошъ). — „Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель — пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ“ и т. д. и т. д. — Всѣ эти насмѣшки могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо.

Не угодно ли получить объяснение и относительно того, какую пользу моему исправленію принесет «Русскій Вѣстникъ»? Извольте. И тутъ скажу правду. Я просматривалъ «Русскій Вѣстникъ» при началѣ его изданія. Не припомню теперь хорошенько, до 17 или до 18 № перваго года изданія. Послѣ того до конца перваго года мнѣ случилось прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, потому что въ тотъ годъ приносили «Русскій Вѣстникъ» изъ магазина въ мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали. И съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца я формально не читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ничего, за исключеніемъ четырехъ вещей, которыя все и перечислю. Въ редакцію «Современника» была доставлена біографія Радищева со многими, по словамъ лица, ее передавашаго, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Случилось такъ, что заняться сличеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку «Русскаго Вѣстника» и сличилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія неважны, и печатать ихъ не стоитъ. Лѣтомъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣчинной, вздумавъ написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ номеровъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малиновскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулася, и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сиди однажды у постели больнаго, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Кохановской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней разсказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ пародныхъ пьесенъ.

Довольны вы, «Русскій Вѣстникъ», этимъ объясненіемъ? Или можетъ быть вамъ любопытно будетъ узнать, отчего я не читалъ васъ? На первый разъ скажу: отъ глубокаго равнодушія. Если же угодно будетъ знать больше, я скажу и больше, — мнѣ все равно.

А теперь вотъ я началъ читать. — Скучныя времена, глушыя времена, — дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую, какъ я слышу, напрашивается «Русскій Вѣстникъ». Вотъ, и развлекаюсь. Плохое развлеченіе, а все же лучше, чѣмъ запить съ тоски. Надоѣсть — брошу, что бы вы тамъ ни писали обо мнѣ или о «Современникѣ». А пока еще не надоѣло, развлекаюсь, какъ видите.

IV.

Въ № 3 «Русскаго Вѣстника» литературное обозрѣніе начинается статьею съ очень заманчивымъ заглавіемъ: «Нашъ языкъ и что такое свистуны». — По цитатамъ, приведеннымъ изъ № 1, мы знали, что подъ этимъ именемъ «свистуновъ» «Русскій Вѣстникъ» разумѣетъ сотрудниковъ «Современника», и ждали, что вся статья будетъ посвящена ему. Нѣтъ, о «Современникѣ» и «Свисткѣ» говорится въ ней лишь мимоходомъ, а главное содержаніе статьи совсѣмъ не то: идетъ споръ съ «Основой» о томъ, способенъ ли малорусскій языкъ къ литературному развитію, потомъ споръ съ «Временемъ» объ историко-литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ, наконецъ подробная диссертация о г-жѣ Толмачевой, доказы-

вающая, что Камень-Виногородъ былъ въ сущности правъ, а лишь неосторожно выразился.

Такое непредвидимое разнообразіе «свистуновъ» объясняется на стр. 20 словами: «всѣ мы (т. е. русскіе журналы и журналисты) болѣе или менѣе свистуны» — вотъ, какъ! ужь и самого себя «Русскій Вѣстникъ» не исключаетъ изъ «свистуновъ» — за что же гнѣвъ на насъ? Самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой статьѣ — слѣдующее разсужденіе о правахъ женщины и объ эманципаціи:

«Права женщины! Но кто же отнимать у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчине, она не подлежитъ опеке и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда у насъ имѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ если между министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что воля женщины не лишается ея правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почетомъ; въка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщине; въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть вѣчно неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобы быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчиною? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Пріятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если пріятно, такъ что жь мѣшаетъ и женщине пользоваться тѣми же правами? Увы — какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципаціи, и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственнаго или нравственнаго, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ, какъ мужчину, такъ и женщину, отъ этой даровой и всѣмъ легко доступной эманципаціи. Можетъ быть женщина не достаетъ нѣкоторыхъ удобствъ эманципаціи, которыми пользуется мужчина? Но стоитъ ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную на равнѣ съ мужчиною. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиною положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспариваетъ, которымъ, напротивъ, всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками».

Напрасно «Русскій Вѣстникъ» печатаетъ такія вещи. Говоримъ ему это въ предостереженіе. Какую роль тутъ онъ принимаетъ на себя? Стремленіе женщины къ эманципаціи онъ смѣшиваетъ съ желаніемъ развратничать. Это не хорошо. — Это — обскурантизмъ. Если «Русскій Вѣстникъ» станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо. Дальше, чтобы отвратить женщину отъ желанія сравняться съ мужчиною, «Русскій Вѣстникъ» выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужь не будутъ ей, какъ равной себѣ, оказывать «того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ», — о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина — царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозить въ

подарокъ конфеты? Да вѣдь это «особое уваженіе, эта деликатность» необыкновенно пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то, что эманципированная, а каждая женщина, имѣющая отъ природы умъ и чувствующая свое человѣческое достоинство. Вѣдь все отзывается средневѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на «даму сердца», то есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шарфы побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителю. Вѣдь этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьезно, съ которымъ только шалятъ по снисходительной любезности. Или вы думаете о другомъ? Можетъ быть думаете, что признавъ женщину равной себѣ, отбросивъ приторныя деликатесы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицѣ? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ-друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ. — А лучше всего начало выписаннаго отрывка: «Права женщины! Но кто же отнималъ эти права, или какъхъ еще правъ ей надобно»? И черезъ нѣсколько строкъ повтореніе: «какихъ же это правъ еще ей нужно»? — Потрудитесь прочесть помѣщенную въ «Современникѣ» нынѣшняго года статью г. Филиппова «о гражданскихъ законахъ», — вотъ вы и увидите, какихъ правъ не достаесть женщинѣ даже по гражданскимъ законамъ (не говоря уже о политическихъ правахъ и экономическихъ правахъ), тогда вы и не скажете, что «въ гражданскомъ положеніи женщина, именно у насъ ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ». Да, надобно еще упомянуть объ одномъ: «Русскій Вѣстникъ» находитъ, что въ оскорбленіи женщины «Современникъ» гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ кто нибудь: г. Михайловъ, говоритъ «Русскій Вѣстникъ», явился мстителямъ за честь женщины, когда Камень-Виногоровъ «сказалъ два грубыя слова», —

«А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципационныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая приобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ явились въ «Современникѣ» по поводу сочиненій графини Растопчиной. Далѣе поруганіе идти не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто, — камешки, брошенные г. Камнемъ-Виногоровымъ, — камешки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-мъ Михайловымъ. Пусть эти мешады, растерзавшія Камня-Виногорова, принимаютъ тѣ статьи».

Вотъ видите ли, что: была нѣкоторая разница между нашими статьями о графинѣ Растопчиной и случаемъ, о которомъ вы разсуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находятъ справедливымъ и благороднымъ почти всѣ просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что мы осуждали г-жу Растопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самыхъ крайнихъ эманципаторовъ; — графиня Растопчина писала вещи въ духѣ «Фоблаза», прямо противоположномъ идеямъ эманципаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Не знать этого — стыдно, а притворяться незнающимъ — еще стыднѣе.

Что «Русскій Вѣстникъ» недаромъ причислилъ себя къ свистунамъ, доказываетъ слѣдующая статья, о книгѣ Гильдебранда, — по тону своему она явно усиливается быть сколкомъ съ нашихъ библиографическихъ статей, какъ и начало статьи «Старые боги и новые боги» явно навѣяно статьею «Современника» о житіи Ивана Яковлевича: та же шутовскость, тѣ же пріемы, та же манера не це-

ремонтиться съ иностранными знаменитостями—какъ это дозволяетъ себѣ «Русскій Вѣстникъ» «топтать въ грязь авторитеты!» И зачѣмъ бранить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы нашими любимыми выраженіями не заимствоваться, придумать свои какія нибудь, — а то, напримѣръ, для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребляетъ «Русскій Вѣстникъ» выраженіе: «привыкшіе почерпать свои данныя изъ французскихъ книжекъ»—ай, ай, ай!—откуда это выраженіе «французскія книжки?»—Это ужь очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.

V.

Въ № 4 «Русскаго Вѣстника» отдѣлъ литературнаго обзорѣнія и замѣтокъ доходитъ до такого совершенства въ наивности, что трудно будетъ даже при всей основательности «Русскаго Вѣстника» удержаться этому отдѣлу на подобной высотѣ.

Прежде всего отмѣтимъ длинную статью почтеннаго нашего ученаго г. Лонгинова въ защиту юбилея князя Вяземскаго съ обильными доказательствами, что князь Вяземскій одаренъ высокимъ поэтическимъ талантомъ. Оно должно быть такъ; надобно только сказать, что предметъ для апологіи выбранъ очень удачно. Русская литература будетъ помнить покровительство, какимъ она пользовалась отъ князя Вяземскаго, когда онъ находился прямымъ ея начальникомъ въ званіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Да, она будетъ помнить съ надлежащей признательностью. Впрочемъ, и изложеніе мыслей у почтеннаго нашего библиографа также не дурно: образцомъ можетъ служить хоть слѣдующее невинное мѣсто: «безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его (князя Вяземскаго) вполне отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость». Это относится къ 1846 году, а князь Вяземскій родился въ прошломъ столѣтіи, да и то еще не въ самомъ концѣ столѣтія, такъ что ему въ 1846 г. было или подь 60 лѣтъ, или за 60 лѣтъ. Ну, въ эти годы можно освободиться отъ пламенной молодости и безъ всякихъ испытаній. Тутъ приличіе бы вспомнить слова псаломѣвца: «дніе лѣтъ нашихъ...» и т. д.—За апологією юбилея и панегирикомъ поэтическому таланту кн. Вяземскаго слѣдуетъ статья о книжкѣ, изданной подь редакцією г. Лонгинова, не сына и не отца и не брата предыдущаго Лонгинова, а того же самаго. Дѣло идетъ о письмахъ Карамзина къ Малиновскому, и «Русскій Вѣстникъ» гнѣвается за нашу непочтительность къ Карамзину. Наивности и тутъ очень много. Примѣромъ пусть послужатъ хоть слѣдующія строки: «недавно кто-то, разбирая эти письма въ «Современникѣ» (говоритъ «Русскій Вѣстникъ»), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ». — «Насъ удивило (продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» на той же страницѣ), что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самыя незначительныя, могущія служить къ оправданію любимой (рецензентомъ или «Современникомъ») точки зрѣнія». — Вотъ удивительно-то въ самомъ дѣлѣ: приводитъ человекъ изъ книги такія мѣста, которыми бы подтверждалось его мнѣніе о ней! Спросимъ теперь редакцію «Русскаго Вѣстника», какъ она по правдѣ думаетъ: можно ли вести «Литературное Обзорѣніе» съ сотрудниками столь наивными? Ми-

стеръ Тутсъ въ «Домби и сынъ» Диккенса, тоже очень любившій писать, быть чловѣкъмъ благороднѣйшей души, прекраснѣйшаго трудолюбія; но могъ ли онъ быть рецензентомъ?

Имѣтъ ли и впредь сотрудниками въ «Литературномъ Обзорѣнн» предыдущихъ мистеровъ Тутсовъ, это мы совершенно предоставляемъ усмотрѣнню самого «Русскаго Вѣстника», не выражая своего мнѣнн о томъ. Но вотъ по поводу слѣдующей статейки нельзя ужъ намъ будетъ оставить «Русскаго Вѣстника» безъ добраго совѣта.

Эта слѣдующая статейка — «Два слова объ Академн наукъ» Я. Грота. Г. Я. Гротъ—академикъ (по отдѣленн русскаго языка) и защищаетъ Академн, особенно отдѣленн русскаго языка и словесности, это насъ не удивляетъ. Но какъ онъ защищаетъ это отдѣленн! прелесть! Вотъ образчикъ. Тѣ, которые нападаютъ на отдѣленн русскаго языка и словесности не хотятъ (говоритъ г. Я. Гротъ) соображать разными обстоятельства въ организацин Академн, отъ членовъ ея независящн:

«Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что II отдѣленн, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаннхъ, нежели I физико-математическое и III историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованн и многие изъ нихъ получаютъ въ зданнхъ академи казенныя квартиры. Члены отдѣленн русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиръ и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности, то есть за присутствн въ засѣданнхъ, да въ случаѣ печатанн трудовъ своихъ въ изданнхъ отдѣленн —имѣютъ право на скудный гонорарн».

Вотъ наивность-то. Ученому содружеству говорятъ, что труды его изъ-рукъ-вонъ плохи; а членъ ученаго содружества плачется передъ публикою, что мало даютъ имъ награды за труды:

«Подайте мальчику на хлѣбъ,—
Онъ Велизарн питаетъ».

Дайте, дайте намъ по 1500 руб. жалованья съ казенною квартирою,—вѣдь мы русскнй народъ питаемъ лексиконами, грамматиками и другими прекрасными трудами. Нѣтъ тутъ наивность переступаетъ уже предѣлы приличнн. Каждый встрѣченный, по прочтенн статейки г. Я. Грота, удостовѣрнт редакцн «Русскаго Вѣстника», что мы даемъ ей чистосердечный, доброжелательный и совершенно вѣрный совѣтъ, совѣтуя ей отнынѣ и во вѣки вѣковъ не печататъ статей г. Я. Грота. Онъ быть можетъ полезнѣйшнй членъ отдѣленн русскаго языка и словесности; онъ безъ всякаго сомнѣнн — добродѣтельнѣйшнй чловѣкъмъ (только добродѣтельные возвышаются до такой трогательной простоты душевной), — только, воля ваша, статьи его неприличны.

VI.

Но вотъ капиталнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV книжки «Русскаго Вѣстника»: «Изъ науки о чловѣческомъ духѣ, П. Юркевича. Труды Кневской Духовной Академн. 1860». Въ «Старыхъ богахъ и новыхъ богахъ» «Русскнй Вѣстникъ» обѣщала напечатъ обширное извлеченн изъ образцовой статьи г. Юрке-

вича, мыслителя глубокаго, превосходнаго. Теперь онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ IV книжкѣ онъ помѣстилъ начало извлеченія, а въ V хочеть представить конепъ. Извлеченію предшествуетъ предисловіе отъ самого «Русскаго Вѣстника», —я это предисловіе прочелъ и тѣмъ удовольствовался. Дѣло для меня уже лено изъ одного предисловія.

Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моей статьи объ антропологическомъ принципѣ. Это опроверженіе помѣщено въ журналъ, издаваемомъ кievскою духовною академіею, а самъ г. Юркевичъ—профессоръ этой академіи.

Я самъ—семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенною безпомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣпеннымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

О г. Юркевичѣ я кончилъ этимъ. Но «Русскій Вѣстникъ»—о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, непреднамеренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу доставить въ редакцію «Русскаго Вѣстника» такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то есть сочиненія, маленькія диссертации, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича,—да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а прочту въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отмѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно какъ пишутся эти вещи, и что пишется въ этихъ вещахъ, — то есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ, — могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое.

Если положеніе г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему станетъ непріятно вспоминать о своей статьѣ. Но елибъ она осталась только въ «Трудахъ», она осталась бы неизвѣстна публикѣ. «Русскій Вѣстникъ» своимъ извлеченіемъ компрометируетъ его передъ публикой.

Мнѣ хотѣлось бы не приводить отрывковъ изъ этого несчастнаго извлеченія. Но я обязанъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» сдѣлать это: вѣдь ему кажется, что я опровергнулъ статью г. Юркевича; я не въ правѣ скрывать отъ своихъ читателей эту статью, опровергнувшую меня, но увѣренію «Русскаго Вѣстника».

Я не имѣю права перепечатывать больше, какъ третью часть статьи. Я вполне долженъ воспользоваться своимъ правомъ. Статья имѣетъ 27 страницъ. Я перепечатаваю изъ нихъ 9, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь обращается отъ общихъ разсужденій прямо ко мнѣ. Пришлось такъ, что послѣднія строки послѣдней стра-

ницы, до конца которой доходить мое право перешептатки, не заключають въ себѣ полного періода, и въ концѣ послѣдней строки стоитъ только половина слова, другая половина котораго переносится на слѣдующую страницу. Что дѣлать, брать со слѣдующей страницы я не имѣю уже права, а до конца этой страницы я обязанъ воспользоваться вполне своимъ правомъ, чтобы не лишитъ читателя ни одной буквы изъ той части побѣдоноснаго опроверженія моихъ мыслей, которую могу сообщить ему.

«Гдѣ рубка, тамъ летятъ щепки (говорить «Русскій Вѣстникъ»); гдѣ горячо и живо идетъ работа, тамъ возникаютъ и односторонности и ошпѣки, которыя не мѣшаютъ однако дѣлу подвигаться впередъ. Въ горячей работѣ часто некогда бываетъ осмотрѣться вокругъ, подвергнуть должной критикѣ свою мысль, и мы часто видимъ людей, заслуживающихъ полного уваженія, дѣльных ученыхъ и испытателей, открывающихъ въ своей наукѣ новые горизонты, съ смутными понятіями о собственномъ дѣлѣ, съ теоріями, не выдерживающими никакой критики; но нелѣпости, въ которыя они впадаютъ, поучительны и интересны. Эти нелѣпости—въ то же время факты, образующіеся изъ извѣстныхъ условій и любопытныя для психологическаго наблюденія. Фохту, Мошотту позволительно до нѣкоторой степени не отдавать себѣ должнаго отчета въ собственной точкѣ зрѣнія: занятые дѣломъ, которое въ ихъ рукахъ плодотворно и полезно, они не находятъ въ своемъ умѣ ни времени, ни мѣста анализировать свои понятія. Но весьма жалко видѣть людей, которые были бы способны къ чему нибудь лучшему, но которые вчужѣмъ нахватываютъ отовсюду все, что только есть односторонняго, фальшиваго и нелѣпаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и мысли. Кто не помнитъ изъ временъ своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что плѣняетъ ихъ своею рѣзкостью? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то нелѣпо въ литературѣ.

«Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появившимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологін, ни физиологін, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ челоувѣческаго общества; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ ни политической науки, ни политической жизни, но за то появляются корреспонденціи о *говорильняхъ*, весьма похожія на своему грубому цинизму на донесенія нашихъ старинныхъ русаковъ. Вызавшихъ за-границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ иростодушной наивности, а взамѣръ того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неовиннаго, но вообразившаго себѣ, что онъ все испыталъ, все извѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта и во всемъ видитъ суету суетствій.

«Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 «Современника», за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и явственнѣе. Въ своей полемикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ тоникамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судитъ ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что обѣщаетъ объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. «Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*», говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много открытій въ области душевной жизни, подарила насъ такими точными анализами явленій челоувѣческаго духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ тео-

рiяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношенiи, повторяемъ, современный философскiй реализмъ есть явленiе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философию опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу».

«Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнiя логики и науки, г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, повторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическiй тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенiя дѣла и переходитъ къ концу въ безпощадный, но вполнѣ мотивированный приговоръ.

«Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что напечатана въ изданiи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколько можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первыми отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вырѣдкѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ: и чтобы не утомлять читателей, не привыкшихъ къ развитiю подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.

«Сказавъ нѣсколько вступительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

«Психологiя не можетъ получать своего материала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенiя или представленiя, чувствованiя и стремленiя суть такой материалъ, котораго вы нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естественнаго. Правда, что психологiя не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособiя физиологiи и даже механической физики, потому что условiя для опредѣленныхъ измѣненiй душевныхъ явленiй лежатъ первѣе всего въ измѣненiяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношенiи она пользуется результатами физиологiи, сравниваетъ явленiя физиологическiя съ душевными и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой материалъ изъ области физиологiи, то справедливо сказать, что и физиологiя получаетъ свой материалъ изъ психологiи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно влiяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ поведутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный материалъ и увеличиваетъ этотъ материалъ изъ области только ей доступной. Предметъ психологiи данъ во внутреннемъ самовоззрѣнiи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого материала. Такъ, напримѣръ, оптикъ, развитая математически, изясняетъ только положенiе рiекуна въ нашемъ глазѣ и различныя направленiя глазныхъ осей во время видѣнiя; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣнiи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнiя. Только психологъ, наблюдающiй внутренно, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенiя опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленiе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстоянiи и т. д. Также точно для акустики, которая развитая математически, ухо есть только тѣлесный снарядъ, приходящiй въ правильныя сотрясенiя, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенiя этого снаряда бой барабана или музыкальную мелодiю, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это ясное и понятное раздѣленiе между предметами, извѣстными изъ опыта внутренняго, и предметами извѣстными изъ опыта внѣшняго, совершенно вышучено изъ виду сочинителемъ разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о материалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенiя вопросовъ нравственныхъ. «Физиологiя, говоритъ сочинитель — «раздѣляетъ многословный процессъ, пронеходящiй въ живомъ человеческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханiе, питанiе, кровообращенiе, движенiе, ощущение».

«Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основанiи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатомiи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущений, слѣдовательно систему представленiй и мыслей, страданiй и радостей, мечтанiй и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говоритъ, что ощущение

есть предмет, такъ же данный для внѣшняго физиологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д.

«Такимъ образомъ онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физиологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физиологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ, почему онъ признаеть за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, напримѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физиологіи своими средствами внѣшняго наблюденія изьяснять натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для внѣшняго наблюденія. «Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель, «которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Приципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюдениями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физиологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура неизмѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ».

«Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что для его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изьясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ «философія видитъ то, что видятъ медицина, физиологія, химія». Какая же надобность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ доказательствамъ медицины, химіи и физиологіи, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія *прибавляетъ*, что, если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура неизмѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой натуры нѣтъ въ немъ». Итакъ, вотъ для чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ человѣческаго организма, — прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удастся понять этотъ выводъ естествознанія, что въ человѣкѣ не видно никакого дуализма. Но всему замѣтно, что сочинитель не соединяетъ никакого опредѣленнаго понятія съ словами *нравственныя науки и философія*; и этого надобно было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущеніе, слѣдовательно представленіе и системы человѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ физиологическихъ предметовъ, данныхъ для внѣшняго опыта, какъ будто представленія и мысли существуютъ для глаза, который видитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обнюхиваетъ ихъ и т. д.

«Послѣ этого пчего нѣтъ страннаго, если сочинитель выдаетъ за научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ напримѣръ, онъ пишетъ:

«Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служить недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишиться ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить».

«Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ, какъ точная наука, чтобы повторять то, что извѣстно всякому простому и не ученому смыслу? Что скажетъ естествоиспытатель, если онъ послышитъ объ этихъ великихъ открытияхъ строгаго психологическаго

анализа, именно, что голод заставляет человека воровать, особенно же, что человек имеет потребность дышать, есть и пить?

«Между темъ главная мысль, которая служить для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о человѣкѣ, имѣеть свой особенный интересъ. «Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь, говорить оны, со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка». Говоримъ, что эта мысль имѣеть свой особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о человѣкѣ отъ представляющей общаго смысла.

«Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человека создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣеть ничего общаго съ духомъ, то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій*, какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ; матерію признаеть оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствие цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ, то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣеть первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка, и вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соответствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соответствуетъ ей. Итакъ, если сочинитель говоритъ, что «наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка», то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

«Извѣстно, что послѣ устраненія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: вышшими чувствами тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ—душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физиологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устранить наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ! Нашъ сочинитель, повидимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологіи наравнѣ съ снѣтемоу кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, панугало его, и онъ уже не могъ выжить себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

Кажется ясно, что мысль не имѣеть пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣеть фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣеть ни тяжести, ни температуры: итакъ физиологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то есть предметы вышшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя: научнаго, исследовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Физиологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для вышняго опыта, то есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говоритъ: «мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ». Разберите это выраженіе. Когда вышній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ физиологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ приходитъ въ движеніе по поводу вышняго впечатлѣнія. Но что «извѣстными» нервамъ принадлежитъ ощущеніе», этого мы вовсе не знаемъ изъ физиологическаго опыта, потому

что и эти «известные нервы» представляют для высшего физиологического опыта только движение, которое никогда не превращается на глазах наблюдающего физиолога в ощущение, представление и мысль. Или, как мы сказали выше, здесь физиология получает свой материал от психологии. Только сравнивая опыты физиологические и психологические, мы убеждаемся, что виденье таких-то и таких цветов, слышание таких-то и таких топов возможно для души только под условием определенных движений зрительного и слухового нервов.

«Но кто утверждает, что самое это движение зрительного и слухового нервов есть уже ощущение определенной краски и определенного тона, тот не говорит ни одного ясного слова. Попытайтесь провести в мышлении и построить в воображении, каким образом пространственное движение нерва, которое при всех усложнениях должно бы, по видимому, оставаться пространственным движением нерва, превращается в непространственное ощущение, или в желание. Положим, что вы прослышали учение физики о зависимости объема тела от его температуры и о том, что с изменением его температуры *необходимо* изменится и его объем: что сказали бы о вас, если бы вы превратили это отношение *необходимой* связи в отношение *тождества* и стали разсуждать: температура тела превращается в объем тела, объем тела есть не что иное, как его температура? А между тем учение высших физиологов о том, что ощущение души есть не что иное, как движение нервов, основано именно на этом превращении *необходимой* зависимости явлений в их *тождество*. Если бы нас спросили, каким образом температура *начинает* быть объемом, то нам пришлось бы отвечать: она никак не начинает быть объемом; только по необходимому физическому закону она производит изменения в теле, которое без объема немисливо. Таким же образом и на вопрос: как движение нерва *начинает* быть ощущением, мы должны были бы отвечать, что движение нерва никак не *начинает* быть ощущением, что оно всегда остается движением нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому — об этом спорять еще) это движение нерва производит изменения в душе, которая немислива без ощущений, чувств и стремлений. Итак, если говорить, что движение нерва *превращается* в ощущение, то здесь всегда обходят того деятеля, который обладает этою чудною *превращающею* силой, или который имеет способность и свойство родить в себе ощущение по поводу движения нерва; а само это движение, как понятно, не имеет в себе ни возможности, ни потребности быть чем либо другим, кроме движения.

«Странно и однако же справедливо, что сочинитель, так много говорящий в своих статьях о естественных науках, не имеет ясного представления о их методе и о их предмете. Если философия противопоставляется точным наукам, то под этими последними разумются в таком случае науки опытные, следовательно занимающиеся явлениями и не касающиеся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психология и требует признать только это феноменальное, или гносеологическое различие, по которому ее предмет, как данный во внутреннем опыте, не имеет ничего сходного и общего с предметами высшего наблюдения. Только на этом предположении возможна точная наука о душе, то есть о душе, как определенном явлении, подлежащем нашему наблюдению. Всякий дальнейший вопрос о сущности этого явления, вопрос о том, не сходятся ли различия материальных и душевных явлений в высшем единстве и не суть ли они простое последствие нашего ограниченного познания, — покуда оно не постигает подлинной, однородной, тождественной с собою сущности вещей, все эти вопросы принадлежат метафизике и равно не могут быть разрешены никакою частною наукою. В настоящее время, однако же, химия и физиология нередко берутся за решение этих вопросов о сверхчувственной основе вещей, как будто эту сверхчувственную основу можно увидеть в химической лаборатории или в анатомическом театре. Так, если физиология говорит нам о единстве первых процессов и душевных явлений, то этим она не выражает, что душевные явления должны представиться нам в научном опыте первыми процессами, или что первые процессы должны представиться нам в научном опыте душевными явлениями: ибо, различия, опытно данные, между представлениями и первыми процессами остаются такими же на

концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ, ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явленій матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ сочинитель такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: «принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма». Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философію, тому извѣстно, что понятие и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства человѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые физиологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ человѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то внутреннее и дѣйствительное единство, каковаго они, какъ матеріальныя частицы, не могутъ имѣть сами по себѣ. Но извѣстно, какъ надобно думать объ этой жизненной силѣ, которую нельзя ни разложить никакимъ анализомъ, ни подвести подъ математическія пропорціи: какъ простое, какъ абсолютное, оно не можетъ идти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы метафизика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

«Замѣчательнымъ образомъ сходятся при вопросѣ о единствѣ человѣческаго организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физиологія и химія разлагаютъ это единство на множество матеріальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ, единство человѣческаго организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣчто являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется *намъ* какъ единство? Отчего капли дождя представляются *намъ* какъ радуга, а не какъ капли дождя? Отчего матеріальныя частицы, не имѣющія между собою внутренняго единства и сочетающіяся по общимъ физическимъ законамъ, представляются *намъ* какъ единство, какъ цѣлостъ, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ зри...»

На этотъ разъ довольно; и о «Русскомъ Вѣстникѣ», пока, тоже довольно. Въ слѣдующій разъ развлекусь «Отечественными Записками».

КОЛЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

КРАСОТЫ, СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“.

I.

Связывать себя обѣщаніями—самое неблагоразумное дѣло. Вотъ, напримѣръ, первое свое полемическое развлеченіе закончилъ я обѣщаніемъ, что въ слѣдующій разъ «поразвлекусь Отечественными Записками». Какой скукъ я подвергъ себя этимъ обѣщаніемъ! Вообразите себѣ, вѣдь для составленія коллекціи красотъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», я долженъ былъ перелистывать чуть не половину

каждой книжки этого журнала за цѣлые полгода, потому что во всеѣмъ отдѣламъ, составляющимся постоянными соучастниками редакціи «Отечественныхъ Записокъ», разсѣяны въ неисчислимомъ количествѣ выходки противъ «Современника». День, два, три дня одолѣвалъ я скуку,—наконецъ, по выраженію поэта,

Не стало силъ. не стало воли.

Просмотрѣвъ прелестныя «Записки празднующагося» въ двухъ первыхъ книжкахъ почтеннаго журнала, я отказался отъ чтенія этого отдѣла въ слѣдующихъ нумерахъ. Надобно только разъ поддаться слабости, она все больше будетъ овладѣвать человѣкомъ; послѣ того я и въ другихъ отдѣлахъ журнала все больше и больше листовъ оставлялъ непрочтенными. Такимъ образомъ я не могу сдержатъ своего обѣщанія вполне. Но прошу «Отечественныя Записки» не приписывать непоняту коллекціи недостатку желанія во мнѣ выставить съ надлежащими похвалами все разнообразіе, остроуміе и глубокомысліе ихъ полемики: усердія во мнѣ было много; но только Ливингстонъ могъ бы пройти такую обширную пустыню не утомляясь, и вынести изъ нея образцы всеѣхъ странныхъ произведеній, встрѣчающихся въ ней. Я ограничу свое изслѣдованіе лишь двумя-тремя прекраснѣйшиму оазисами, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о характерѣ остальной страны, которую едва могъ я окинуть взоромъ.

Страна эта велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. «Отечественныя Записки» разсуждаютъ объ очень многомъ, очень подробно и очевидно съ прекраснѣйшимъ намѣреніемъ: заботятся о занимательности, заботятся больше всего о томъ, чтобы выработать себѣ хоть какой нибудь взглядъ на дѣла, о которыхъ толкуютъ велѣдъ за другими журналами. Но какая-то несчастная судьба мѣшаетъ имъ въ этомъ превосходномъ стремленіи. Онѣ обречены составлять самую милую противоположность «Русскому Вѣстнику» и «Современнику» въ этомъ отношеніи. Вы можете не соглашаться съ «Русскимъ Вѣстникомъ», можете бранить его, если вамъ угодно, но вы видите, какихъ принциповъ держится «Русскій Вѣстникъ», чего онъ хочетъ и почему онъ хочетъ; вы должны будете признать, что свои идеи проводить онъ послѣдовательно, какъ должно быть. То же самое вы скажете и о «Современникѣ». — «Отечественныя Записки» добиваются, чтобы объ нихъ можно было сказать то же самое: вотъ, дескать, этотъ журналъ имѣетъ опредѣленное направленіе, идетъ къ извѣстной цѣли, понимаетъ, чего хочетъ. Но никакъ не могутъ «Отечественныя Записки» добиться этого: чего-чего не набито въ нихъ сплошь и рядомъ: западничество и славянофильство, умѣренность и крайній образъ мыслей, и все это обито непроницаемымъ туманомъ. Какъ будто соединены листы, вырванные изъ «Русскаго Вѣстника» и «Современника», изъ «Русской Бесѣды» и «Русскаго Слова», съ обрывками изъ покойнаго «Москвитянина» и прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ» время Бѣлинскаго. Не знаемъ, до какой степени нравится этотъ пестрый характеръ журнала сотрудникамъ, завѣдующимъ разными отдѣлами его: мы желали бы знать мнѣніе г. Альбертини о «Запискахъ празднующагося»; мнѣніе г. Бестужева-Рюмина о статьяхъ г. Лохвицкаго; мнѣніе г. Громеки о статьяхъ г. Дудышкина, и т. д. и т. д. Но по всей вѣроятности нравится эта нестрога «общей редакціи» «Отечественныхъ Записокъ». Если бы намъ, постороннимъ людямъ, необходимо было принять чью нибудь сторону въ этомъ домашнемъ разладѣ, мы стали бы на сторону гг. Альбертини, Бестужева-Рюмина и Гро-

меки, которые вѣроятно еще могли бы какъ нибудь идти по одному направленію, когда бы занимали общимъ направленіемъ журнала изъ нихъ ли кто нибудь или другой кто нибудь такой же. А нынѣшнее положеніе этихъ частныхъ редакторовъ должно быть очень затруднительно: одна статья дергаетъ журналъ туда, другая сюда; изъ одной статьи слышится отгласъ г. Аполлона Григорьева, изъ другой статьи отгласъ г. Дружинина; въ третьей статьѣ раздается задорное козлогласованіе г. Лохвицкаго; четвертая статья написана послѣдователемъ г. Кавелина; такъ что самъ Гегель затруднился бы возвести эти разногласія къ синтезу. Мы чрезвычайно полагаемся на добросовѣтность людей, нелишенныхъ здраваго смысла; потому надѣемся, что гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека соглашаются съ нами. А если не согласны, то приглашаемъ ихъ заявить печатно, что мы ошибаемся въ ихъ чувствахъ. Да, мы просимъ ихъ объ этомъ, и любя каждый вопросъ ставить такъ, чтобы его рѣшеніе было неизбѣжно, мы говоримъ, что, если гг. Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека не дадутъ категорическаго отвѣта на вопросъ о существованіи или несуществованіи нескладницы въ «Отечественныхъ Запискахъ», ихъ молчаніе будетъ всѣми принято за согласіе съ нашимъ мнѣніемъ.

Принимая въ соображеніе эту нескладницу, мы считаемъ необходимымъ разсматривать каждый отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ» особенно отъ другихъ отдѣловъ, какъ особый маленькій журналъ, только перелетенный въ одну толстую книгу съ нѣсколькими другими особенными журналами, а каждую отдѣльную статью, какъ особенную брошюрку, считую съ другими такими же брошюрками по капризу переплетчика.

II.

Первое мѣсто въ ряду журнальцевъ, составляющихъ «Отечественныя Записки», занимаетъ «Политическое Обзорѣніе», которымъ завѣдуетъ г. Альбертини. Я не боюсь говорить то, справедливость чего знаетъ и мой противникъ, хотя бы и былъ я увѣренъ, что онъ почтетъ за нужное печатнымъ образомъ отречься отъ того, что я говорю. Пусть отпирается, — все равно, людямъ литературнаго круга останется по прежнему извѣстно, а каждому читателю изъ собственныхъ словъ его будетъ видно, что отрывается онъ напрасно. За этимъ предисловіемъ сообщу я слѣдующій фактъ.

Прочитавъ первую мою статью, заканчивавшуюся обѣщаніемъ, что я поразвлекусь «Отечественными Записками», г. Альбертини потерялъ спокойствіе духа. Онъ мучился страхомъ, что я стану говорить о его полемическихъ подвигахъ противъ «Современника» такимъ тономъ, какого заслуживаютъ они по своей непристойности. Напрасно боялся онъ этого. Я вовсе не намѣренъ огорчать его. Но за то онъ позволить мнѣ пожалѣть о немъ и дать ему совѣтъ, искренность и вѣрность котораго онъ можетъ провѣрить, спросивъ мнѣнія у своихъ друзей.

Есть люди, очень благородные, но чрезмѣрно склонные поддаваться всякимъ безъ разбора внушеніямъ. Они безукоризненно держатъ себя пока живутъ въ обществѣ, гдѣ всѣ также благородны, какъ они сами. Сопедашишь съ людьми пошлыми, они иногда дѣлаютъ поступки не совсѣмъ хорошіе подъ чужимъ вліяніемъ. Г. Альбертини—одинъ изъ этихъ людей четвертаго характера. Онъ дѣлаетъ очень хорошо, если постарается жить исключительно въ кругу людей благороднаго образа

мыслей, какъ жилъ, если не ошибаюсь, до своего переѣзда въ Петербургъ. Пусть онъ спрашиваетъ у нихъ мнѣнія о томъ, что писать. Безъ такой поддержки онъ можетъ вовсе испортиться. Повторяю: пусть онъ спроситъ у своихъ друзей, правду ли я говорю ему.

Боязнь моего заслуженнаго сарказма, конечно, заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоминать съ раскаяніемъ тѣ выходки противъ «Современника», до которыхъ унизился онъ. Я увѣренъ, что въ тяжеломъ ожиданіи этой моей статьи онъ внутренно проклиналъ чужія внушенія, которыя подвели его подъ удары, грозившіе ему по его мнѣнію. Пусть онъ успокоится: мнѣ жаль наказывать его, потому что довольно наказанъ онъ собственнымъ чувствомъ. Я оставляю безъ всякаго упоминенья нехорошія вещи, которыя онъ писалъ противъ «Современника». Я только хочу предостеречь его, чтобы онъ не спѣшилъ впередъ спорить какимъ бы то ни было тономъ—грубымъ ли, деликатнымъ ли,—съ людьми, которые гораздо лучше его знаютъ, что говорить, почему и зачѣмъ говорить. Не приводя его неприличныхъ выраженій, чтобы не позорить публично человѣка, уже стыдящагося въ душѣ, я возьму только основныя мысли изъ одной статейки его противъ «Современника» и кроткимъ тономъ, безъ всякаго полемическаго оттѣнка, покажу ему, что тотъ, кто дѣлаетъ такія возраженія, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Веру для этого опыта помѣщенный въ № IV «Отечественныхъ Записокъ» возраженія противъ «Письма изъ Турина», напечатаннаго въ № III «Современника».

Смыслъ этого письма кажется очень дуренъ вамъ, г. Альбертини (не любопытствовалъ я узнать, самъ г. Альбертини, или кто другой написалъ пересматриваемую мною діатрибу; но все равно, она помѣщена въ отдѣлѣ, которымъ завѣдуетъ онъ, стало быть онъ отвѣчаетъ за нее). Васъ огорчаютъ наши отзывы о Кавурѣ и его партіи; вы воображаете, что мы оскорбляемъ итальянскій народъ. Напрасно вы это говорите. Вамъ слѣдовало бы самому знать то, что я постараюсь разсказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ каждомъ обществѣ есть консерваторы и прогрессисты. Займемся прогрессистами. Между ними есть множество подраздѣленій, но интересъ націи требуетъ, чтобы они понимали одинаковость главнаго своего стремленія и соединялись въ одно цѣлое для борьбы съ общими своими противниками, отвергающими прогрессъ. Исполняется или не исполняется это важное условіе національнаго блага, зависитъ отъ умѣренныхъ прогрессистовъ. Крайніе прогрессисты такъ преданы дѣлу совершенствованія, что всегда готовы, принося въ жертву и самолюбіе и мелкіе разсчеты, поддерживать умѣренныхъ. Если умѣренные прогрессисты одарены политическимъ тактомъ, они понимаютъ это и принимаютъ союзъ, предлагаемый имъ крайними прогрессистами. Тогда дѣло совершенствованія идетъ на столько успѣшно, на сколько можетъ идти при данномъ состояніи національнаго расположенія. Но иногда умѣренные прогрессисты отвергаютъ союзъ. Отъ этого страдаетъ дѣло прогресса, то есть благо націи. Примѣры тому и другому представляетъ Англія. Нылѣшній предводитель умѣренныхъ прогрессистовъ въ Англіи—лордъ Пальмерстонъ, крайнихъ прогрессистовъ—Брайтъ. Будемъ для краткости называть эти отдѣлы прогрессивной партіи именами ихъ предводителей. Когда Пальмерстонъ опирается на Брайта, его министерство непоколебимо. Когда онъ отталкиваетъ отъ себя Брайта, онъ теряетъ власть. Умно ли поступать Пальмерстонъ, когда держится въ союзѣ съ Брайтомъ? Умно ли, когда отталкиваетъ его?—Но Пальмерстонъ, какъ бы тамъ ни судили мы

о его убѣжденіяхъ и правилахъ, человѣкъ разсчитливый, — а вѣрнѣе сказать, парламентская тактика очень хорошо выработалась въ Англии; потому Пальмерстонъ постоянно держится въ союзѣ съ Брайтомъ, и если иной разъ по упрямству оттолкнуть его, тотчасъ же понимаетъ свою ошибку и спѣшитъ мириться съ нимъ.

Дозволительно ли не благоговѣть передъ мудростью Пальмерстона, г. Альбертини? Если позволительно, тѣмъ больше можно не преклоняться передъ Кавуромъ, не имѣющимъ даже и того такта, который находимъ въ Пальмерстонѣ.

Изагадать ли исторію его ошибокъ? Пересматривать весь рядъ ихъ было бы слишкомъ долго, — отсылаемъ г. Альбертини въ статью о Кавурѣ въ № 6 «Современника»; здѣсь напомнимъ лишь объ ошибкахъ, относящихся лишь къ тому времени, о событіяхъ котораго не говоритъ эта статья, какъ о вещахъ, по ихъ недавности еще не забытыхъ никѣмъ.

Между частями Италіи, соединившимися въ одно государство, существуетъ споръ объ относительномъ ихъ значеніи для итальянской національности. Миланъ, Флоренція, Болонья, Неаполь не могутъ уступить первенства другъ-другу, тѣмъ менѣе уступить его Турину. Всѣ они согласны уступить первенство только Риму. Кавуръ до послѣдней возможности спорилъ противъ мысли перенести столицу государства въ Римъ, — спорилъ не потому, что рано было думать объ этомъ, а потому, что Пьемонтъ освободилъ Италію, слѣдовательно столицей Италіи должна остаться столица Пьемонта. Кавуръ доказывалъ, что Римъ — городъ прошедшаго, городъ мертвый, что онъ не годится быть столицей. Пусть бы онъ говорилъ, что надобно повременить, что обстоятельства еще не позволяютъ думать о Римѣ, — нѣтъ, онъ доказывалъ по принципу, что общее стремленіе итальянцевъ совершенно ошибочно. Онъ отказался отъ желанія оставить Туринъ вѣчною столицей Итальянскаго королевства только тогда, когда уже возбуждено было въ итальянцахъ многожелье его сопротивленіемъ. Это ли называется политическимъ тактомъ?

Итальянцы очень раздражаются мыслью, что ихъ страны присоединяются къ Пьемонту не по принципу равноправности, а съ подчиненіемъ Пьемонту, какъ господствующей странѣ. Кавуръ провозглашалъ это подчиненіе съ очень страннымъ самодовольствомъ. Онъ восхищался, когда говорилъ: «мы, пьемонтцы, выше всѣхъ васъ остальныхъ итальянцевъ». Это ли называется искусствомъ государственнаго человѣка? — Узкость понятій Кавура въ этомъ отношеніи была удивительна. Напримѣръ, гражданскіе и уголовные законы въ Тосканѣ лучше пьемонтскихъ; въ Неаполѣ — также. Кавуръ хотѣлъ замѣнить ихъ пьемонтскими. Это страшно оскорбляло Тоскану и Неаполь. И какимъ путемъ хотѣлъ произвести такую перемѣну Кавуръ! Самымъ безтактнымъ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать распоряженіями прямо отъ имени туринскаго министерства. Вся Италія говорила: нужно установить одинаковые законы для всѣхъ частей Италіи; но эти законы пусть будутъ составлены и введены правильнымъ порядкомъ, черезъ парламентъ. Кавуръ не хотѣлъ этого. Почему не хотѣлъ? Понятно было бы, еслибъ онъ опасался, что парламентъ установитъ законы не на тѣхъ принципахъ, какіе считалъ хорошими онъ. Но парламентъ состоялъ изъ его приверженцевъ, дѣйствовалъ бы въ его духѣ. — Опять понятно было бы, если бы Кавуръ былъ непріязненъ парламентской формѣ. Но онъ былъ искреннимъ приверженцемъ ея. Потому его странное противорѣчіе общему желанію не объясняется ничѣмъ, кромѣ узкости понятій, кромѣ безтактности.

Вещь извѣстная, что для сліянія прежнихъ раздѣльныхъ частей въ одно крѣп-

кое пѣлое, надобно не оставлять этихъ частей административными единицами, а раздроблять ихъ на мелкіе округи, которые, не имѣя связи между собой, имѣли бы отношеніе прямо къ центральному правительству. Съ этой пѣлюю были нѣкогда раздроблены французскія провинціи на департаменты. Въ кабинетѣ Кавура былъ выработанъ проэктъ, прямо противорѣчившій этому простому соображенію. Предполагалось оставить Италію въ административномъ отношеніи раздѣленной на «области» или «страны», соотвѣтствующія прежнимъ отдѣльнымъ государствамъ. Этотъ проэктъ все итальянцы нашли прямо противорѣчающимъ упроченію Итальянскаго королевства. Кавуръ защищалъ его, — даже и не по самолюбію, потому что авторъ проэкта былъ не онъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ Мингетти, — нѣтъ, по какой-то неопостижимой несообразительности. Мингетти самими приверженцами Кавура былъ признанъ за человѣка неспособнаго и непопулярнаго; они сами упрашивали Кавура замѣнить Мингетти кѣмъ нибудь другимъ, кѣмъ ему угодно, лишь бы кѣмъ нибудь другимъ. Кавуръ оставилъ Мингетти на мѣстѣ, — хотя бы по какому нибудь личному пристрастію къ Мингетти, — нѣтъ, просто по безтактному упрямству.

Говорить ли объ отношеніяхъ Кавура къ Гарибальди? Пусть бы Кавуру казалось нужно отстранить Гарибальди; но развѣ нельзя было устроить это благовиднымъ образомъ? И развѣ Гарибальди такой человѣкъ, котораго трудно оттѣснить отъ власти? Нѣтъ, онъ самъ готовъ былъ удалиться. Но Кавуръ наносилъ ему мелочныя обиды, рѣшительно ни для чего не нужныя; если, на примѣръ, было два человѣка, которымъ предполагалась одинаковая награда, и если узнавали, что одинъ изъ нихъ хорошъ съ Гарибальди, то отмѣняли назначенную ему награду. Если являлось на какую нибудь должность два кандидата, одинаково достойныхъ или недостойныхъ ея, и если объ одномъ изъ нихъ узнавали, что у него были непріятности съ Гарибальди, должность давали ему. Если предполагали гдѣ нибудь встрѣтить Гарибальди, то залу, въ которой должна была произойти встрѣча, нарочно старались наполнить людьми, имѣвшими личныя непріятности съ Гарибальди. Что это такое? неужели это достойно серьезнаго человѣка? Кавуръ унижался тутъ до мелочнаго подпускавія шинлекъ, которое простительно только пустымъ людямъ. Проенмъ г. Альбертини понять, что мы тутъ говоримъ не о правахъ Гарибальди, а только о выгодахъ самого Кавура; не о томъ, что Кавуръ поступалъ неблагодарно или неблагородно, а только о томъ, что онъ поступалъ чрезвычайно безтактно. Онъ раздражалъ противъ себя прямодушную массу людей во всехъ партіяхъ и даже въ своей собственной этими странными поступками, совершенно неприличными.

А что сказать о сообразительности, какую выказалъ онъ относительно солдатъ бывшей неаполитанской арміи и относительно волонтеровъ Гарибальди? Мы не о томъ говоримъ, можно ли было сформировать порядочное войско изъ бывшихъ неаполитанскихъ солдатъ; положимъ, что нельзя, хотя навѣрное было можно. Мы не о томъ говоримъ, могли ли быть хорошимъ войскомъ волонтеры, — положимъ, что не могли, хотя не только могли, но уже и были. Положимъ, что Кавуръ не ошибся въ мысли о неспособности тѣхъ и другихъ къ военной службѣ, хотя онъ и ошибся въ этомъ. Но благоразумно ли распускать вооруженныхъ людей въ огромномъ количествѣ безъ всякаго надзора, снявъ съ нихъ всякую дисциплину и не пріиславъ для нихъ никакихъ средствъ существованія, распускать ихъ въ странѣ, въ которой нѣтъ ни войска, ни даже порядочной полиціи? Каждый знаетъ, что это

значить дѣлать ихъ бандитами. Они безпріютны, они голодны, они не прищутъ себѣ никакого промысла и начинаютъ разбойничать. Это сочинилъ Кавуръ. Онъ сочинилъ тѣ шайки, для истребленія которыхъ посланъ теперь Чальдини съ 50 тысячами войска. Умно ли это? спросимъ мы у г. Альбертини.

Просимъ его сказать также, знаетъ ли онъ, что мы указываемъ на ошибки, сдѣланныя только въ теченіе одного года, и не упоминаемъ о другихъ ошибкахъ, за тотъ же годъ, еще болѣе важныхъ,—не упоминаемъ потому, что онѣ относятся не къ одному этому году, а ко всему ряду лѣтъ власти Кавура?

Другимъ извинительно, когда они не знаютъ или не понимаютъ этихъ ошибокъ. Но въ г. Альбертини это странно. Онъ находился въ кругу людей, понимающемъ вещи не хуже, чѣмъ мы, и такъ же, какъ мы, не черпающемъ своихъ мнѣній готовыми изъ какого нибудь *Journal des Débats* или *Revue des Deux Mondes*. Онъ долженъ знать, что такое здравый смыслъ, не позволяющій принимать безъ всякой критики болтовню какого нибудь Сенъ-Маркъ-Жупардена или Форкада, у которыхъ великіе люди растутъ изъ-подъ пера какъ грибы, у которыхъ и Дюма-сынъ — гениальный романистъ, и Октавъ-Фелье — гениальный драматистъ, и всякій маршалъ — гениальный полководецъ. Неужели г. Альбертини такъ скоро разучился понимать все, что умѣлъ понимать?

И неужели онъ такъ скоро разучился сочувствовать всему, чему конечно сочувствовалъ, когда находился въ кругу людей умныхъ и благородныхъ? А еслибъ не разучился, онъ понималъ бы, подъ вліяніемъ какихъ мыслей писана статья, выходками противъ которой такъ прескорбно онъ роняетъ себя. Неужели не было времени, когда онъ съумѣлъ бы самъ отвѣчать на вопросъ о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, — вопросъ, котораго и предлагать не стоить, потому что онѣ ни для кого не составляютъ секрета. Пусть г. Альбертини обдумаетъ хорошенько, долженъ ли онъ стыдиться этого вопроса. Наирасно вы компрометируете себя, г. Альбертини. Не дѣлайте этого впередъ. За подобные вопросы перестаютъ уважать писателя не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Понятно ли вамъ хотя это? Или даже и это непонятно?

Или вамъ непонятно, почему усиливается въ русской литературѣ направленіе, вами осуждаемое? Попробуйте припомнить вещи, которыя, конечно, были хорошо вамъ извѣстны еще не очень давно, и вы поймете. Но объ этомъ мы можемъ и поговорить съ вами. Извольте, поговоримъ.

Вы знаете, что въ каждой литературѣ преобладаніе одного направленія смѣняется другимъ сообразно расположенію общества, а расположеніе общества измѣняется обстоятельствами исторической жизни. Это все равно, какъ мѣняется расположеніе мыслей въ отдѣльномъ человѣкѣ отъ переменъ въ обстоятельствахъ его жизни. Знаете ли вы, какъ разгоняются иллюзіи опытомъ жизни? знаете ли вы, какое чувство овладѣваетъ человѣкомъ, увидѣвшимъ обманчивость своихъ иллюзій? знаете ли вы, что онъ любитъ тогда людей, говорящихъ сурово и насмѣшливо? То же бываетъ и съ обществомъ. Если вы не понимаете этого, вы живете въ мірѣ иллюзій, которыми уже почти никто не обманывается. Желаемъ вамъ выйти поскорѣ изъ этого незавиднаго обольщенія. А пока вы не вышли изъ него, «Современникъ» не будетъ вамъ нравиться. Вы лучше читайте пока «Исторію государства Россійскаго» Карамзина, похвальныя слова Ломоносова, «Леонида» г. Р. Зотова, «Рославлева» и «Юрія Милославскаго» Загоскина,—да и мало ли есть прекрасныхъ книгъ! Но

знаете ли? Пока вы находитесь въ такомъ настроеніи мыслей, не пробуйте разсуждать печатнымъ образомъ о насъ. Милое дитя, избѣгайте полемическихъ встрѣчь съ нами.

III.

Къ г. Альбертини я былъ снисходителенъ, главнымъ образомъ изъ уваженія къ людямъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, когда они задумали было издавать «Московское Обзорѣніе».

Но мнѣ наскучило сдерживать себя. Надобно же и посмѣяться; да надобно и показать на комъ нибудь примѣръ г-ну Альбертини, чтобы онъ видѣлъ, какъ могло бы ему достаться за его необдуманная выходки. Г. Буслаевъ такъ обязателенъ, что безъ всякой надобности, единственно по добротѣ душевной, доставилъ мнѣ прекрасный случай развлечься.

Дѣло произошло слѣдующимъ порядкомъ. Вышло собраніе сочиненій г. Буслаева. Г. Пыпинъ помѣстилъ въ «Современникѣ» разборъ ихъ. Статья была написана совершенно серьезнымъ тономъ, съ уваженіемъ къ ученымъ заслугамъ г. Буслаева. Ни оскорбительнаго, ни насмѣшливаго не было въ ней ни на волосъ. Г. Пыпинъ не соглашался съ нѣкоторыми мнѣніями г. Буслаева, но спорилъ противъ нихъ такъ, что самый самолюбивый и раздражительный человѣкъ не могъ бы обидѣться такимъ споромъ. Тѣмъ менѣе могъ ожидать кто нибудь, что оскорбится статьею г. Пыпина г. Буслаевъ, человѣкъ почтеннаго характера, чуждый болѣзненнаго тщеславія. Но черезъ три мѣсяца является въ «Отечественныхъ Запискахъ» «письмо къ А. Н. Пыпину» г. Буслаева, — письмо, каждая строка котораго такъ и дышетъ желаніемъ уязвить. Что такое сдѣлалось съ г. Буслаевымъ? За что воскипѣлъ онъ жолчью на г. Пыпина? Вотъ за что.

Къ той книжкѣ «Современника», гдѣ находилась статья г. Пыпина о г. Буслаевѣ, былъ приложенъ «Свистокъ»; къ одной изъ статей этой тетради «Свистка» было сдѣлано примѣчаніе, возстановлявшее очень любопытныя черты древне-славянскаго эпоса на основаніи приписанныхъ тамъ графу Хвостову стиховъ, ровно ничего такого въ себѣ не заключавшихъ. Вотъ эти стихи:

«Что награды всѣ другія
Предъ сокровищемъ таинмъ?»

Авторъ ученаго примѣчанія въ «Свисткѣ» дѣлалъ филологическій разборъ словъ «награда» и «сокровище». Оказывалось, что въ словѣ «награда» лежитъ смыслъ скандинавской Валгаллы, а подъ «сокровищемъ» разумѣтся жительница Валгаллы, то есть Валькирія и т. д. и т. д. Это изысканіе заканчивалось ссылкою на сочиненія г. Буслаева.

Дурно это было или хорошо, остроумно или глупо, обидно или безобидно, — но какое отношеніе имѣла эта шутка къ статьѣ г. Пыпина? Ровно никакого, кромѣ того, что напечатана была въ той же книжкѣ журнала. Съ какой стати было яриться за это примѣчаніе на г. Пыпина? Пусть г. Буслаевъ, скажетъ, умно ли постушилъ бы тотъ, кто сталъ бы сердиться на него, г. Буслаева, за «Очерки винокуренной промышленности» г. Лѣскова или за стихотвореніе «Слезы кукушки», на томъ основаніи, что эти вещи напечатаны въ одной книжкѣ журнала съ его

письмомъ къ г. Пыпину? Но видите ли, г. Буслаеву вздумалось, что пасмѣшка въ «Свѣткѣ» написана г. Пыпинымъ. Трехъ мѣсяцевъ было бы, кажется, достаточно, чтобы справиться о вѣрности этого предположенія, если не достало у г. Буслаева разсудительности, чтобы съ перваго же раза увидѣть вздорность такой догадки.

Г. Пыпинъ участвуетъ въ «Свѣткѣ» гораздо меньше, чѣмъ г. Буслаевъ. Почему это г. Буслаевъ вздумалъ приписать г. Пыпину статейку, на которую разсердился? Онъ увидѣлъ въ этомъ примѣчаніи такую ученость, что вообразилъ, будто оно непременно написано специалистомъ. Но развѣ г. Буслаевъ такъ просто-душенъ, что принимаетъ за чистую монету толки непріязненныхъ намъ журналовъ о нашемъ певѣжествѣ? Ему это неизвинительно. Онъ жилъ въ кругу ученыхъ людей въ Петербургѣ. Почему бы не могъ, напримѣръ, я написать ученое примѣчаніе, разсердившее г. Буслаева? Правда, я давно бросилъ занятія славянскими нарѣчіями и древностями и успѣлъ позабыть милліоны филологическихъ и археологическихъ мелочей; но почему бы не предположить, что при всей убыли сохранилось въ моей памяти достаточное количество этихъ мудростей, такъ что еще съумѣлъ бы, если бы захотѣлъ, писать вещи, не менѣе ученыя, чѣмъ самъ г. Буслаевъ? Почему бы напримѣръ, не предположить, что именно я—авторъ ученаго примѣчанія въ «Свѣткѣ»? Если бы г. Буслаевъ былъ нѣсколько сообразительнѣе, онъ предположилъ бы это, и не ошибся бы. Тогда не разыгралъ бы онъ смѣшную роль, изливъ свою жолчь совершенно невпопадъ.

Но ему захотѣлось, чтобы оцѣнка его сочиненій въ «Современникѣ» принадлежала тому человѣку, который написалъ разсердившее его примѣчаніе. Съ удовольствіемъ исполняю его желаніе.

Г. Буслаевъ—человѣкъ очень трудолюбивый и занимается своимъ предметомъ усердно. Съ этой стороны онъ достоинъ всевозможныхъ похвалъ. Но трудами его наука не можетъ воспользоваться, почему же такъ? По той причинѣ, что у него рѣшительный недостатокъ критики. Какъ филологъ, онъ соблазнился эксцентрическими прыжками Якова Гримма, любящаго поэтическія вольности въ сравненіяхъ корней и формъ. Но вѣдь то Яковъ Гриммъ; онъ каковъ бы тамъ ни былъ, а все-таки — человѣкъ очень большаго ума. У него эти вольности — просто капризъ, отдыхъ, шалость. А г. Буслаевъ понелъ по этой линіи такъ серьезно, что можно сказать дошелъ до точки. Во второмъ учебномъ грѣхѣ г. Буслаева виноватъ вѣроятно тотъ же Гриммъ. Отрывочныя данныя германской міѳологіи Гриммъ очень любитъ объяснять богатыми разсказами скандинавской міѳологіи. Г. Буслаевъ тоже набиваетъ свои изысканія скандинавскою міѳологіей. Тутъ опять та же разница: Гриммъ рѣдко фантазируетъ до того, чтобы выбиваться изъ-подъ власти здраваго разсудка, который у него очень силенъ; а г. Буслаевъ—поэтъ въ душѣ, и какъ начнетъ говорить, то уже и заговаривается Богъ-знаетъ до какихъ вещей. Кромѣ Гримма, нашлись для г. Буслаева и другіе соблазнительи. Онъ—филологъ, это такъ; но сверхъ того очень любитъ живопись и гравюры. По своей специальности заинтересовался онъ средневѣковою живописью и рисованьемъ. По какой-то особенной бѣдѣ, прежде чѣмъ случилось ему пріобрѣсти основательное знакомство съ этимъ предметомъ, попались ему въ руки книги, принадлежащія школѣ такъ-называемыхъ до-рафаэлистовъ, то есть художниковъ и ученыхъ, ставящихъ средневѣковую живопись выше новой. Онъ поддался этому направленію. Этого всего было мало, — подвернулись на-грѣхъ еще наши славянофилы; онъ и изъ нихъ почерпнулъ. Въ

довершеніе всего очень понравилась ему «Божественная комедія» Данте. Можете вообразить себѣ теперь, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится его образъ мыслей. О чемъ ни начнетъ онъ писать, вѣчно происходитъ съ нимъ такая исторія. Возьмите самое немудрящее слово, — положимъ, «лукошко». Тотчасъ вспоминается ему, что въ Индіи есть городъ Лукновъ—это очевидно одно и то же. Въ Лукновѣ поклоняются какому нибудь божеству, —положимъ хоть Индрѣ. Изъ этого тотчасъ слѣдуетъ, что лукошко у древнихъ славянъ было символомъ Перуна, соотвѣтствовавшего индійскому Индрѣ. Оно и дѣйствительно: лукошко имѣетъ круглую форму, а у Гольбейна есть рядъ превосходныхъ рисунковъ, называющихся «танецъ смерти», — слѣдуетъ разъясненіе, что эти рисунки по своей мысли гораздо выше всѣхъ рафаэлевскихъ картинъ; на этихъ рисункахъ люди пляшутъ сдѣвившись руками, въ родѣ нашего хоровода, имѣющаго форму круга. Но скандинавы представляли себѣ смерть въ видѣ блѣдной Гелы; а у насъ существуетъ оборотъ рѣчи «блѣденъ какъ смерть»; ясно, что надобно взять изъ какой нибудь славянской рукописи рассказъ о смерти какого нибудь человѣка, сравнить съ нимъ скандинавскіе рассказы, относящіеся къ Гелѣ и мнѣологическое значеніе нашего рассказа чрезвычайно разъяснится, и черезъ нѣсколько страницъ будетъ видно, что знаменитая Беатриче въ «Божественной комедіи» — тотъ же самый типъ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ Амелфы Тимоѣевны; только Амелфа Тимоѣевна сохраняетъ черты первоначального эпического типа яенѣе, чѣмъ Беатриче. Теперь возвратимся къ лукошку: не ясно ли вамъ, что славянское гаданье на рѣшетѣ имѣетъ связь съ индійскимъ поклоненіемъ Индрѣ, по сходству рѣшета съ лукошкомъ? Такова была высокопоэтическая красота древняго русскаго эпоса!

Спрашиваемъ самаго заклятаго приверженца трудовъ г. Буслая, не представляется ли намъ краткій эскизъ вѣрнымъ снимкомъ хода мыслей изъ какого угодно изслѣдованія г. Буслая? —Но все это пересыпано у него безчисленнымъ множествомъ выписокъ, свидѣтельствующихъ о большомъ трудолюбіи: такъ что если попадется статья въ руки спецѣлиста, онъ найдетъ въ ней очень много любопытныхъ фактовъ и отрывковъ изъ рукописей. Только сбиты они у г. Буслая въ безпорядочную кучу безъ всякой критики, такъ что легче бываетъ самому пересмотрѣть петочки и собрать матеріалы, чѣмъ разобрать нужное отъ ненужнаго, вѣрное отъ фальшиваго въ статьяхъ г. Буслая. —Мнѣ жаль было, что такое трудолюбіе и такая ученость, какъ у г. Буслая, пропадаютъ безъ всякой пользы для науки оттого, что недостаетъ у него критики. Я хотѣлъ въ примѣчаніи къ «Свистку» нуткою обратить его вниманіе на этотъ недостатокъ, портящій все у него. Ему угодно было возяриться на г. Пыпина. Впрочемъ хорошъ и я: вздумалъ исправлять ученаго, чуть ли не двадцать лѣтъ подвизавшагося своимъ путемъ и дошедшаго имъ до знаменитости! Какъ это не пришло мнѣ въ голову идти въ Лѣтній садъ и выпрямлять тамъ кривыя деревья?

Я еще ничего не говорилъ о направленіи трудовъ г. Буслая: когда ученое изслѣдованіе пишется безъ всякой критики, оно не приноситъ пользы наукѣ, хотя бы написано было и въ хорошемъ направленіи. Что же сказать, если направленіе труда таково, что заслуживало бы порицанія и при всевозможномъ совершенствѣ труда съ технической точки зрѣнія? Впрочемъ я ошибся, заговоривъ о порицаніи за направленіе. Г. Буслая и въ образѣ мыслей точно такъ же странствуетъ по всевозможнымъ направленіямъ, какъ въ подборѣ фактовъ хватается безъ разбора за все, о

чемъ вспомнить. Какое тутъ порицаніе? Тутъ жалѣнь только, что по слабому развитію нашей ученой литературы пришлось занимать самостоятельное положеніе трудолюбивому человѣку, который былъ бы очень полезенъ, если бы нашелъ себѣ въ молодости руководителя и работалъ бы по его указаніямъ. Но этотъ недостатокъ, въ которомъ никакъ нельзя винить добрую волю г. Вуслаева, а надобно винить только природу, не давшую ему уметвенной самостоятельности,—этотъ недостатокъ для нашей жизни вреднѣе чисто спеціальныхъ недостатковъ работъ г. Вуслаева. На него-то и обратилъ вниманіе г. Пыпинъ въ своей статьѣ. Г. Вуслаевъ—другъ просвѣщенія, приверженецъ прогресса; въ этомъ никто не сомнѣвается; но сладить съ своимъ предметомъ онъ никакъ не можетъ и безпрестанно сбивается къ мыслямъ, принадлежащимъ такому взгляду, который прямо противорѣчитъ другимъ его убѣжденіямъ. Разумѣется, взыскивать съ него за это нечего: значить ужъ судьба такая вышла отъ природы человѣку, чтобы сбиваться съ вѣрнаго взгляда на предметъ. Но г. Вуслаевъ для многихъ кажется авторитетомъ,—вслѣдъ за нимъ и другіе сбиваются съ толку. Значить, при всемъ желаніи молчать о г. Вуслаевѣ,—приходится говорить объ ошибочности его направленія.

IV.

Онъ очень претендуетъ на помѣщенную о немъ въ «Современникѣ» статью за то, что она будто бы истолковываетъ его слова въ смыслѣ, котораго они не имѣютъ. Когда г. Пыпинъ говоритъ, что должно смотрѣть на дѣло вотъ такимъ образомъ, г. Вуслаевъ замѣчаетъ: «я точно такъ и смотрю на него; напрасно вы утверждаете, будто я смотрю на него иначе»; и въ доказательство г. Вуслаевъ приводитъ отрывки изъ своей книги.—Вотъ въ томъ-то и главная бѣда, что у г. Вуслаева можно найти отрывки взглядовъ всяческаго рода. Онъ и любитъ суетвѣріе и не любитъ его, и восхищается имъ и находитъ его вреднымъ,—все найдете у него, только того не найдете, чтобы онъ самъ замѣчалъ раздвоеніе своихъ мыслей. Но пристрастіе къ отжившему и нелѣпому беретъ у него верхъ надъ современными убѣжденіями. Доказательствъ тому мы не будемъ искать въ его книгѣ; пересмотримъ только его письмо къ г. Пыпину, письмо, имѣющее цѣлю доказать, что онъ, г. Вуслаевъ, не «старовѣръ». Полемизируя противъ этого обвиненія, г. Вуслаевъ, конечно, старался не подать новыхъ поводовъ къ обвиненію его въ старовѣрствѣ. Конечно, онъ былъ осмотрителенъ въ своихъ словахъ, заботился выказать всю современность своихъ убѣжденій. Посмотримъ же, до какой степени ему удалось это.

«Славянофильская самостоятельность кажется мнѣ гораздо достойнѣе подначальнаго западничаія» («Отечественныя Записки», апрѣль, 1861 г. Критика. Стр. 61).—«Прежнее мнѣніе о бесплодности въ поэтическомъ отношеніи литературныхъ произведеній, которыя Русь получала изъ Византіи, отвергнуто не мною, но Либрехтомъ, Вольфомъ и цѣлою толпою современныхъ изслѣдователей народной старины» (стр. 62).—Итакъ, г. Вуслаевъ думаетъ, что вліяніе Византіи было полезно для нашей поэзіи? или онъ этого не думаетъ?—«Кто же отказывалъ въ высококомъ поэтическомъ характерѣ римскому патерику папы Григорія Двоеслова?» (стр. 62).—Далѣе слѣдуютъ выписки изъ книги г. Вуслаева въ доказательство, что его мысли сходны съ мыслями г. Пыпина. Мы не хотимъ обращаться за дока-

зательствомъ противнаго къ самой книгѣ г. Буслаява, въ которой, конечно, наговорилъ онъ гораздо больше неосторожнаго, чѣмъ въ своемъ письмѣ, — потому пропускаемъ эту часть статьи, относящуюся къ книгѣ. Переходимъ къ второй половинѣ статьи, гдѣ онъ излагаетъ свой образъ мыслей. «Я хотѣлъ относиться къ старинѣ безпристрастно и не горячился противъ византийскаго потому именно, что не имѣлъ я и не могъ имѣть къ нему никакихъ личныхъ отношеній, изучая вопросъ только теоретически» (стр. 73). — Станный человекъ! васъ порицаютъ за то, что вы не выставляете вредныхъ сторонъ извѣстнаго предмета, а вы оправдываетесь тѣмъ, что не имѣете къ нему личныхъ отношеній, изучаете его только теоретически. Да развѣ теоретическое изученіе требуетъ того, чтобы не выставлять въ предметѣ вредныхъ сторонъ, если онѣ есть въ немъ? И развѣ, если не имѣете вы личныхъ отношеній къ Халфу Омару и Григорію XIII, то не должны находить ихъ дѣйствія дурными? Да и какія личные отношенія можете вы имѣть къ нимъ? «Время, ведущее къ лучшему, примиряетъ съ прошедшимъ зломъ, и историкъ имѣетъ право попытаться въ темномъ явленіи прошлой жизни открыть и лучшую сторону» (стр. 77). — Такъ вы пытаетесь открывать хорошия стороны въ темныхъ явленіяхъ прошлой жизни и примиряетесь съ прошлымъ зломъ? Нечего сказать, хорошо вы оправдываетесь. Г. Пыпинъ находитъ, что до-рафаэлевскій живописецъ Беато Анджелико слишкомъ нравится г. Буслаяву, — г. Буслаявъ возражаетъ: «почему вы ограничиваете мой вкусъ однимъ Беато Анджелико? Я такую же честь воздаю и Чимабуэ и Перуджино» (стр. 80). — Вообразите себѣ, что я порицаю кого нибудь за пристрастіе къ пустымъ романамъ Александра Дюма-старшаго, а онъ мнѣ возражаетъ: «я не одного Дюма-старшаго люблю, я люблю также Поля Феваля и маркиза Фудраса». Не правда ли, мастерски защитился человекъ! Но г. Буслаяву мало кажется, что онъ защитился такимъ манеромъ, онъ прибавляетъ: «я раздѣляю симпатіи и не къ одной старой итальянской живописи. То сочувствіе, съ которымъ я говорю о Конѣ Смерти Альбрехта Дюрера и о Пляскѣ Смертей Гольбейна, избавляетъ меня отъ исключительной школы Беато Анджелико» (стр. 81). — То есть, тотъ же вымышленный мною любитель Александра Дюма-старшаго продолжаетъ: «да и не однихъ французскихъ романистовъ я люблю, я люблю также Августа Лафонтена и Коцебу». Нечего сказать, понялъ человекъ, въ чемъ дѣло. Очень не нравится г. Буслаяву предположеніе, что онъ занимается «искусствомъ для искусства». — «Этотъ пошлый принципъ всегда былъ мнѣ ненавистенъ», говоритъ онъ (стр. 82). Прекрасно; только зачѣмъ же вы на нѣсколькихъ страницахъ предъ тѣмъ распространяетесь, что искать практическихъ отношеній знанія къ жизни — дѣло недостойное ученаго, и заключаете свои разсужденія объ этомъ словами: «помилуйте, наше ли (то есть г. Буслаява) дѣло заниматься такими пустяками?» (стр. 76), — то есть практическимъ отношеніемъ знанія къ жизни. Въ вашей благонамѣренности никто не сомнѣвается; но есть у васъ способность не понимать того, о чемъ съ вами говорятъ и что вы сами говорите. Отъ всей души вѣримъ, что «пошлый принципъ искусство для искусства всегда былъ» вамъ «ненавистенъ»; только не понимаете вы того, что совершенно одинаковъ съ нимъ принципъ «наука для науки», — принципъ, въ защиту котораго написана одна половина вашей статьи, другая половина которой наполнена намеками, что г. Пыпинъ хочетъ жечь раскольниковъ. Но объ этомъ послѣ, потому что намеки эти обратились на г. Пыпина только по ошибочной горячности г. Буслаява: они относятся, конечно, къ

автору примѣчанія въ «Свисткѣ», то есть ко мнѣ. Разеудимъ сначала о достоинствѣ оправданій г. Буслаева, а его нападенія одѣнимъ послѣ. Защищаясь отъ подозрѣнія въ томъ, что желаетъ возстановить старину, онъ заканчиваетъ свою апологію словами: «итакъ, позвольте съ вами не согласиться, когда вы утверждаете, что русская старина уже потеряла въ наше время свою жизненность и способность къ развитію» (стр. 84),—добрѣйшій г. Буслаевъ! Какъ же вы не сообразили, что такихъ словъ говоритъ вамъ не слѣдовало? Что же, по вашему, русская старина имѣетъ жизненность и способность къ развитію? Что же, по вашему, далеко такое мнѣніе отъ старовѣрства?

По всей вѣроятности г. Буслаевъ защитился бы превосходно, еслибъ только понялъ, что такое вещь, въ которой его обвиняютъ, и отъ какихъ выраженій и мыслей надобно удерживаться, чтобы не навлекать на себя новыхъ упрековъ за то же самое. Его бѣда лишь въ томъ, что не всегда умѣетъ онъ сообразить, что такое говорить. А еслибъ умѣлъ онъ сообразить, много прекрасныхъ вещей онъ писалъ бы и многихъ дурныхъ фразъ и страницъ онъ не написалъ бы. Къ послѣднему разряду онъ самъ отнесетъ свои нападательныя выходки противъ автора статейки въ «Свисткѣ», когда я растолкую ему смыслъ ихъ. Письмо къ г. Пышину проникнуто желаніемъ выставить г. Пыпина за человѣка, плохо знакомаго съ предметомъ изслѣдованій г. Буслаева. Пусть самъ г. Буслаевъ разеудитъ, умно ли это? Вѣдь онъ самъ знаетъ, что г. Пыпинъ—такой же специалистъ, какъ и онъ, г. Буслаевъ; знаетъ онъ, то есть г. Буслаевъ, что знаютъ это всѣ занимающіеся русской литературой или археологіей. Къ чему же было намекать о плохомъ знакомствѣ г. Пыпина съ дѣломъ? Вѣдь это значить только напрашиваться самому на такое предположеніе: г. Буслаевъ не въ силахъ разобрать, съ знаніемъ дѣла или безъ знанія дѣла написана статья, если статья затрогиваетъ его самолюбіе. А впрочемъ, едва ли не напрасно было бы предполагать, что г. Буслаевъ думалъ выставить г. Пыпина человѣкомъ малоознающимъ,—ему вѣроятно и въ голову не приходила такая нелѣпость и вѣроятно намеки эти вкрались въ его письмо совершенно незамѣтно для него самого, какъ вкрались въ его труды очень много такихъ вещей, которыхъ онъ совершенно не былъ намѣренъ влгать въ свои труды.

Точно такъ же мы объясняемъ его милые намеки о томъ, что «Современникъ» хочетъ жечь раскольниковъ, истреблять народную словесность, да притомъ еще насильственными средствами, и т. д. и т. д. Тутъ мы останавливаемся и спрашиваемъ г. Буслава: дѣлалъ ли онъ такіе намеки? Добродушный и благородный ученый, конечно, съ азартомъ воскликнетъ: «никогда ничего подобнаго не было у меня въ мысляхъ! Я гнушаюсь подобными пошлостями! Вы клевете на меня, находя ихъ въ моемъ письмѣ!» Мы совершенно увѣрены, что это благородное восклицаніе сдѣлаетъ онъ отъ искренности душевной. Но пусть же онъ теперь попробуетъ сообразить, къ кому должны быть относимы читателемъ и въ какомъ смыслѣ должны быть понимаемы читателемъ слѣдующія мѣста изъ его письма:

«Вы смотрите на вопросъ съ точки зрѣнія практической, и желали бы видѣть въ рукахъ простолудина хорошую исторію или географію — въ добрый часъ! Давайте народу такія книги, если онѣ есть, и если будутъ онѣ понятны и пригодны, то и безъ вашего содѣйствія народъ самъ усвоитъ себѣ и распространитъ ихъ; но я внолнѣ убѣжденъ, что *ни возвращать, ни пускать* въ народъ что нибудь насильственно ни подъ какимъ условіемъ невозможно. Главная наша бѣда въ томъ, что всякій, надѣвній на себя пѣмецкій кафтанъ, не иначе умѣетъ относиться къ русскому простонародью.

какъ въ грозныхъ формахъ становаго пристава, даже въ такомъ мирномъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе. Народная книга, вѣдь, не какая нибудь подъяческая повѣстка, которую можно пустить въ ходъ» (стр. 77). «А между тѣмъ, въ ожиданіи какой-то толковитой географіи, вы желали бы, въ видахъ прогресса, остановить въ обращеніи народномъ старинныя народныя книги. Зачѣмъ намъ, людямъ ученымъ, входить въ эти дразни? И безъ насъ много охотниковъ истреблять всякую зловредную книжную старину. Пусть скалозубы, для пресѣченія всякаго зла, изъявляютъ похвальное рвеніе: собрать все книги да и сечь... Нѣтъ, практика—дѣло самое щекотливое. И только въ письмѣ къ вамъ, изъ вѣжливости, касаясь я этого противнаго для меня предмета» (стр. 78). — «Можетъ быть, въ практическомъ отношеніи, для русской народности дѣйствительно нужны операторы, въ родѣ тѣхъ, которые избавляли крещеную русь отъ Аввакумовъ, Лазарей и другихъ пустосвятовъ: по этому вопросу вовсе не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій. Онъ дѣйствительно уже патологическій; а я занимаюсь только литературною и искусствомъ: то какой же я могу быть указатель при рекомендуемыхъ вами практическихъ ампуціяхъ?» (стр. 81) — «Вы ловили меня на славянофильствѣ, когда удостоивали меня слѣдующихъ отзывомъ: «изслѣдованія г. Буслая останутся односторонними; — г. Буслаявъ положительно ошибается; — Г. Буслаявъ впадаетъ въ рѣшительно одностороннее объясненіе фактовъ.—Г. Буслаявъ положительно неправъ тѣмъ, что забываетъ...» Однимъ словомъ, точно будто привели вы какого-то зловреднаго старовѣра въ земскій судъ и даете ему острастку съ подобающими внушеніями. Позвольте мнѣ, изъ любви къ археологіи, въ этой сценѣ видѣть остатки нашей родной старины и утѣшить себя мыслью, что еще на нашъ вѣкъ хватить древне-русскихъ правовъ и обычаевъ. Въ томъ же дорогомъ для меня національномъ смыслѣ, мнѣ хотѣлось бы понять и ваши преслѣдованія за мою любовь къ наукѣ, безъ отношенія къ практикѣ, и за мои увлеченія археологіею и другими бесполезными предметами. «Долгое изученіе породило въ немъ (говорите вы обо мнѣ) обыкновенное пристрастіе ученаго... Господинъ Буслаявъ по своему влеченію къ древности... Не слишкомъ ли, г. Буслаявъ увлекается археологическимъ интересомъ русскихъ памятниконъ?»» (стр. 26). Говоря безотносительно, увлеченіе интересами науки никогда не бываетъ слишкомъ, потому что только увлеченіе, то есть воодушевленіе, и можетъ поддерживать въ ученомъ дѣятельность; но съ точки зрѣнія національных русскихъ преданій вся сущность науки содержится въ практикѣ. Того же мнѣнія были и почтенные старцы, осудившіе въ XVI вѣкѣ дьяка Висковатаго. Древнее вѣрованіе въ чернокнижіе и доселѣ еще на Руси не вымерло и дасть о себѣ знать опасеніемъ вреда отъ наукъ. А какія еще у насъ науки, какъ сравнять съ западомъ? Между тѣмъ мы все чего-то отъ нихъ боимся и даже, по старинной привычкѣ, презираемъ и преслѣдуемъ ученость. Много ли наша наука сдѣлала для изученія Византіи? а мы ужъ боимся византіиства; только что начинаеть разрабатываться наша старина и народность, а мы ужъ боимся старовѣрства и отсталости. Когда-то завели было въ университетахъ философію, и тотчасъ же испугались, по старой памяти о треклятомъ чернокнижіи» (стр. 83, 84).

Позвольте васъ спросить, г. Буслаявъ: къ кому относили эти слова, когда писали ихъ? Къ г. Пышину или къ автору статейки «Свистка», то есть ко мнѣ, или вообще къ «Современнику»? Кого это вы памѣрены были называть Скалозубомъ, рекомендующимъ жечь книги,—кого это вы памѣрены были выставять желающимъ дѣйствовать относительно народа въ грозныхъ формахъ становаго пристава? Позвольте васъ спросить: кого это вы благоволите называть «операторами въ родѣ тѣхъ, которые избавляли крещеную Русь отъ Аввакумовъ, Лазарей и другихъ пустосвятовъ»,—то есть, которые казнили и жгли старовѣровъ,—кого вы, г. Буслаявъ, благоволите называть этими «операторами, рекомендующими практическія ампуціи»?—О, добрѣйшій г. Буслаявъ, вы не сообразили, что ваши слова, по смыслу вашей рѣчи, относятся къ намъ, сотрудникамъ «Современника» вообще, или въ частности ко мнѣ, автору разсердившей васъ статейки. Вѣдь вишить

насъ въ наклонности къ сожиганію книгъ и людей вовсе не умно, — вы сами это знаете, — какъ же вы это наговорили такихъ неумныхъ вещей?

Видите ли, г. Буслаевъ, вы очень расположены взводить недобросовѣстность, злонамѣренность, намѣреніе клеветать и всевозможныя дурныя черты характера на людей, затронувшихъ ваше самолюбіе. А во мнѣ вотъ совершенно нѣтъ этой склонности: я почти никогда не нахожу нужды приписывать какомунибудь дурному намѣренію человѣка поступокъ, который считаю за нехорошій. Я прежде всего смотрю на умъ человѣка; и если онъ поступилъ дурно, то почти всегда нахожу я достаточное объясненіе тому просто въ недостаткѣ силы соображенія у этого человѣка. Послѣ этого обыкновенно говорю себѣ: «ахъ, какъ жаль, что такой добрый, благонамѣренный, честный человѣкъ не имѣетъ ума, соотвѣтствующаго достоинствамъ его характера». Вы простите мою откровенность: эту мысль я примѣняю и къ вамъ. Если намъ съ вами дастъ Богъ прожить маусанловы лѣта и каждый годъ вы по нѣскольку разъ будете дѣлать такія же неловкости, какую сдѣлали сочиненіемъ вашего письма къ г. Пышину, я ни разу не предположу въ васъ ни намѣренія несправедливо нападать, ни намѣренія вредить дурными намеками; не предположу никакой дурной мысли: вашъ характеръ вѣчно будетъ представляться мнѣ столь же благороденъ, столь же безукоризненно чистъ, какъ теперь. Я всегда видѣлъ и теперь вижу въ васъ только одинъ недостатокъ, — и, къ счастью, такой недостатокъ, который нисколько не портитъ репутацію человѣка, потому что не имѣетъ никакого отношенія ни къ его характеру, ни къ его доброй волѣ.

Вы трудитесь надъ своимъ предметомъ очень усердно; припишу ли я вашей злонамѣренности то прискорбное обстоятельство, что наука не можетъ пользоваться вашими трудами? — Вы не догадались, что полемическія выходки противъ невѣжества вашего покорнѣйшаго слуги и его литературныхъ друзей — не болѣе, какъ полемическія выходки, иногда остроумныя, иногда неостроумныя, но все-таки только полемическія выходки, — вы приняли ихъ за чистую монету, — могу ли я приписать вашу недогадливость какой либо злонамѣренности? Добродушно повѣривъ, что мы, такъ-называемые свистуны, дѣйствительно круглыя невѣжды, вы вообразили, что не могло быть къмъ нибудь изъ насъ написано разсердившее васъ замѣчаніе, и приписали его г. Пышину; приписавъ его г. Пышину, вы не сообразили, что не мѣшало бы вамъ справиться о достовѣрности вашей догадки, и въ сердцахъ излили свою жолчь на г. Пышину, оставивъ безъ всякаго уязвленія меня, истиннаго виновника вашихъ огорченій. — какъ предположу я тутъ какую нибудь злонамѣренность, когда все это очевиднѣйшимъ образомъ произошло лишь отъ недостатка сообразительности.

Добрый г. Буслаевъ! Вы до сихъ поръ не догадались даже, — согласитесь, что не догадались: вѣдь вы человѣкъ очень благородный и солгать не захотите, — вы не догадались до сихъ поръ, что я имѣю указать вамъ еще одну черту вашей несообразительности. Какую? — Попробуйте отгадать, не заглядывая въ слѣдующіе строки. Нарочно поставлю точку и сдѣлаю объясненіе уже въ слѣдующемъ отрывкѣ, чтобы удобнѣе вамъ было приостановиться здѣсь на широкое пробѣлѣ между строками и подумать нѣсколько минутъ: не удастся ли вамъ отгадать?

V.

Держу пари, что вы не догадались. А догадался каждый, у кого побольше сообразительности, чѣмъ у васъ. Я хотѣлъ сказать вамъ вотъ что. Слушайте.

Изъ специалистовъ по части древней русской словесности и славянской филологіи помѣщаетъ статьи въ «Современникѣ» одинъ г. Пыпинъ. Другихъ сотрудниковъ по вашей специальности нѣтъ у насъ никого. Въ прошедшій разъ я просилъ г. Пыпина написать статью о васъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что согласился. И знаете ли, почему согласился? Вы опять не догадываетесь? Я вамъ расскажу все, какъ было дѣло,—у меня секретовъ нѣтъ никакихъ ни въ чемъ.

Г. Пыпинъ не разъ и не два оспаривалъ въ разговорахъ со мной (вѣдь я хоть и свистунъ, а люблю говорить объ ученыхъ матеріяхъ) мое мнѣніе о вашемъ значеніи въ наукѣ. Когда вышли ваши сочиненія, мы, свистуны, стали говорить, что неловко не помѣстить въ «Современникѣ» статью объ нихъ: вы имѣете авторитетъ, о книгѣ вашей было много толковъ: не можетъ журналъ умолчать о ней.—Мы, свистуны, обратились къ г. Пыпину съ просьбой, чтобы онъ написалъ статью о васъ. Онъ долго отказывался,—почему отказывался, я не въ правѣ сказать вамъ, потому что это—не мой секретъ, а секретъ г. Пыпина. А впрочемъ, если вамъ непременно хочется узнать, то я можетъ быть успѣю получить у г. Пыпина разрѣшеніе, чтобы сообщить вамъ и публикѣ эту тайну. Ну-съ, такъ вотъ г. Пыпинъ долго отказывался писать статью о васъ. Тогда я сказала, что если не напишетъ онъ, придется писать кому нибудь изъ насъ, свистуновъ. Г. Пыпинъ, какъ специалистъ, уважаетъ васъ специалиста. Ему не хотѣлось, чтобы напримѣръ я высказывалъ свое мнѣніе о вашемъ значеніи въ наукѣ. Что дѣлать,—понятная слабость специалиста къ специалисту.—«Если такъ, сказалъ г. Пыпинъ, я согласенъ избавить г. Буслая отъ статьи, писанной вами».—Эхъ, батюшка мой, г. Буслая! отблагодарили же вы добраго человѣка за желаніе избавить васъ отъ бѣды!—Ну, догадываетесь ли хоть теперь, о чемъ я хочу сказать вамъ? Вотъ о чемъ: слишкомъ плохую услугу оказали вы себѣ письмомъ къ г. Пыпину. Когда представится «Современнику» надобность въ другой разъ говорить о васъ, мы, свистуны, по прежнему будемъ уговаривать г. Пыпина, чтобы статью о васъ написалъ онъ. Но согласится ли онъ? А Богъ его знаетъ! По крайней мѣрѣ прочитавъ письмо ваше, онъ сказалъ, что разбирать вашихъ сочиненій нельзя человѣку, не любящему полемическихъ схватокъ. Ну, что же теперь, если онъ останется при этомъ рѣшеніи? Вѣдь поневолѣ придется писать статью о васъ мнѣ или другому какому нибудь свистуну. Какъ вы полагаете, похожа будетъ эта статья на статью г. Пыпина? Много мы найдемъ въ васъ ученыхъ достоинствъ? И какъ вы полагаете, во многихъ изъ вашихъ почитателей измѣнится мнѣніе о нихъ отъ статьи, писанной свистуномъ? Вѣроятно вы еще не можете этого сообразить. И желаю вамъ, какъ можно дольше оставаться въ неизвѣстности на этотъ счетъ.

Затѣмъ, свидѣтельствуя совершеннѣйшее почтеніе къ вашему трудолюбію и глубочайшее уваженіе къ вашему благородству, имѣю честь остаться всегда готовый къ какому вамъ угодно ученѣйшему спору. Въ ожиданіи этого лестнаго моему невѣжеству спора собираю розданныя разнымъ знакомымъ книги свои по предмету, нѣкогда, къ сожалѣнію, и меня занимавшему.

Р. S. Спѣшу предупредить васъ объ одномъ обстоятельстве, чтобы избавить васъ отъ новыхъ огорченій. Быть можетъ, вамъ вздумалось бы сказать, что я неосновательно и бездоказательно произвожу жолчь вашу отъ статейки «Свистка», и утверждаю, что эту статейку вы приписывали г. Пыпину. Пожалуйста не говорите этого. Вѣдь вы знаете, что это правда, и знаете, что это вѣзмъ извѣстно въ литературномъ кругу. Отрицая вещь, вѣзмъ извѣстную, вы только снова обнаружили бы опрометчивую несообразительность.

Р. P. S. Быть можетъ также, вамъ вздумалось бы отрицать мой рассказъ о происхожденіи статьи г. Пыпина. Но предупреждаю васъ, что рассказъ мой совершенно вѣренъ истинѣ, и сомнѣніе въ немъ не повело бы ни къ чему, кромѣ подробнѣйшаго подтвержденія моихъ словъ.

VI.

Письмо г. Буслаева обратило на себя мое вниманіе потому, что воззрѣніе г. Буслаева на старинную нашу литературу и излагаемыя г. Буслаевымъ понятія о народности служатъ однимъ изъ основаній, на которыхъ зиждется критика «Отечественныхъ Записокъ». Отдѣломъ критики завѣдуютъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» гг. Дудышкинъ и Краевскій. О міросозерцаніи г. Краевского я не буду говорить, потому что считаю это напраснымъ. Я буду говорить только о г. Дудышкинѣ или, точнѣе выражаясь, для г. Дудышкина.

Мнѣ очень понятны были многія совершавшіяся на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» странности въ прежнія времена, лѣтъ за пять и за шесть, когда на оберткѣ журнала выставлялось имя одного только г. Краевского. Начавъ послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, въ которыхъ не читалъ я русскіхъ журналовъ, пересматривать «Отечественныя Записки» за нынѣшній годъ, я уже не умѣю объяснить себѣ этихъ странностей, потому-что на оберткѣ журнала читаю: «издаваемый А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ». Къ этому я не прибавляю ни слова, потому-что г. Дудышкинъ не такой человѣкъ, какъ г. Буслаевъ. Онъ понимаетъ вещи.

Говорить о достоинствѣ критическаго отдѣла въ «Отечественныхъ Запискахъ» я не хочу. Обращу вниманіе г. Дудышкина только на одно обстоятельство, да и то лишь потому, что приходится это кстати, но связи съ предыдущими отрывками. Какимъ образомъ могъ найти себѣ г. Дудышкинъ авторитетъ для себя въ г. Буслаевѣ? Этого я не въ силахъ понять, а я считаю себя человѣкомъ очень понятливымъ. Придумываю, придумаваю и не могу придумать никакаго удовлетворительнаго объясненія этому обстоятельству. Чаще всего приходитъ мнѣ на мысль такое соображеніе. Г. Дудышкинъ не имѣлъ несчастія убить нѣсколько лѣтъ на изученіе славянскаго филологіи и тому подобной суши. Какъ человѣкъ умный и незараженный чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, онъ и не считаетъ себя знатокомъ въ этомъ дѣлѣ (вовсе неважномъ для журналиста). Не воображаетъ ли онъ, что о достоинствѣ мнѣніи г. Буслаева онъ точно такъ же не можетъ судить собственнымъ умомъ, какъ не можемъ мы оба съ нимъ судить о достоинствѣ трудовъ Эри или Ливеррье, и что онъ долженъ принимать мнѣнія г. Буслаева на вѣру, какъ мы оба съ нимъ принимаемъ на вѣру рѣшенія астрономовъ объ орбитѣ Нептуна? — Очень можетъ быть, что г. Дудышкинъ такъ думаетъ. Но если такъ, смѣю его увѣрить, что напрасна такая его недовѣрчивость къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можно, и не будучи специа-

стомъ по филологіи, судить о связности и правдоподобности воззрѣній какого-нибудь филолога на народную жизнь и литературу. Я попробую предложить г. Дудышкину нѣсколько вопросовъ и увѣренъ, что онъ не пойдетъ ихъ рѣшеніе затруднительнымъ для себя.

Если кто-нибудь станетъ говорить, что наши лубочныя картины выше произведенія Рафаэля по своей идеѣ, или что византійское вліяніе внесло живой элементъ въ нашу народную поэзію,—затруднился ли бы г. Дудышкинъ признать такого человѣка нѣсколько свихнувшимся?

Если кто-нибудь половину статьи о какой-нибудь русской сказкѣ набьетъ разсужденіями Микель-Анджело, — затруднился ли бы г. Дудышкинъ признать статью эту за нескладницу?

Если кто-нибудь станетъ говорить, что о потребностяхъ и чувствахъ русскаго простолюдина, живущаго теперь, мы не въ силахъ судить, пока не изучимъ старинныя рукописи и не вызубримъ нѣмецкую грамматику Гримма съ прибавленіемъ пеландской Эдды и санкритаго словаря, — и если этотъ человѣкъ будетъ доказывать, что по недостаточной разработкѣ этихъ предметовъ у насъ, мы не можемъ заботиться о простолюдинѣ съ пользою для него, — затруднился ли бы г. Дудышкинъ поохотать надъ такимъ вздоромъ?

Больше я ничего не скажу. Г. Дудышкинъ самъ видитъ, что направленіе критическаго отдѣла «Отечественныхъ Записокъ» очень сильно должно измѣниться, если эти вопросы не покажутся ему затруднительными.

Сказать ли вамъ по секрету? Не мѣшаетъ иной разъ умному человѣку взглянуть на дѣло подобно намъ, свистунамъ, то есть, безъ самоуничиженія передъ вздоромъ. Повѣрьте, отъ этого и образъ мыслей у человѣка отъ природы неглунаго становится яснѣе, да и статьи его журнала выигрываютъ.

Мы только такъ, кетати, упомянули объ одномъ изъ тѣхъ основаній, покоясь на которыхъ, критическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ» возмущается нашею неосновательностью. А вѣдь если перебрать другія основанія этого недовольства, оказался бы точно такой же выводъ и объ этихъ другихъ основаніяхъ. Но г. Дудышкинъ самъ въ силахъ будетъ разсудить, — лиха бѣда начать, — ну, вотъ мы и сдѣлали для него начало, — а тамъ у него самого дѣло переборки пойдетъ, какъ по маслу.

VII.

Горячность, горячность портитъ ваше дѣло, г. Громека, — говоримъ мы, переходя къ отдѣлу, называющемуся «Современною хроникою Россіи». Кромѣ этого недостатка, все остальное у васъ превосходно. Попробуйте быть немножко хладнокровнѣе, — хоть на полчаса, хоть на четверть часа, — больше я отъ васъ не требую, потому что и четверть часа уже слишкомъ тяжело для васъ провести безъ вспышекъ, — благороднѣйшихъ, прекраснѣйшихъ вспышекъ. И не хочу мечтать, чтобы захотѣли вы отказаться отъ нихъ; да и преступно было бы по вашему мнѣнію хотя нѣсколько сдерживать въ себѣ взрывы возвышенныхъ чувствъ. Но такъ, для разнообразія, на четверть часа, только на четверть часа, изъ любезности ко мнѣ, постарайтесь быть хладнокровны; умоляю васъ, если только возможно это для васъ, попробуйте, въ личное одолженіе мнѣ, даже улыбнуться вмѣстѣ со мной.

Сохранить хладнокровіе, почувствовать расположеніе къ веселой улыбкѣ будетъ для васъ нетрудно (если вы хоть сколько нибудь способны къ этому по натурѣ), потому что въ моей бесѣдѣ съ вами не будетъ ни одного, сколько нибудь рѣзкаго или обиднаго слова для васъ.

Начнемте воспоминаніемъ о забавномъ случаѣ давно прошедшихъ лѣтъ, когда вы, прочитавъ одну мою статейку, сулили въ наказаніе мнѣ подарить вещицы, которыя становились тогда не нужны вамъ. Зачѣмъ не сдержали вы обѣщанія? Вотъ прошло съ той поры больше двухъ лѣтъ; какъ вы теперь понимаете эту статейку? Все по прежнему? Или можетъ быть согласитесь теперь со мной, что эта была продѣлка, довольно дерзкая и не совсѣмъ безчестная?—Такъ что же вашъ обѣщанный подарочекъ мнѣ, все думаете еще прислать? Или ужъ находите, что мнѣ онъ такъ же не къ лицу, какъ и вамъ? Я смѣюсь при этомъ воспоминаніи,—не улыбаетесь ли и вы?

Улыбнулись? прекрасно; теперь не приходится ли вамъ охота улыбнуться вмѣстѣ со мной и надъ слѣдующей вашею страничкой, — да вы не примите моей улыбки въ дурную сторону, въ томъ смыслѣ, что страничка эта не хорошо написана, — нѣтъ, нѣтъ, прекрасно: съ горячимъ, искреннимъ одушевленіемъ, съ чистѣйшею любовью къ добру, съ возвышеннѣйшимъ негодованіемъ на злобу и порокъ, — нѣтъ, я только такъ улыбаюсь, какъ улыбался человѣкъ, знавшій секретъ ларчика, открывавшагося просто, надъ стараніями добрыхъ людей, ломавшихъ голову, чтобы раскрыть ларчикъ. Что это такое пишется въ «Современникѣ»? — спрашиваете вы: какія убѣжденія у этихъ свистуновъ. Не отыскивается у нихъ никакихъ убѣжденій, продолжаете вы и начинаете немножко сердиться. Какой-то журналъ порицаетъ насъ, свистуновъ, за неуваженіе къ почтеннымъ личностямъ. — Это еще ничего, замѣчаете вы: водятся за этими негодными свистунами преступленія гораздо худшія:

«Пусть бы гг. свистуны оскорбляли лица, сколько ихъ душѣ угодно — мы за «этимъ не стоимъ: на Руси это не въ диковинку, иногда даже выходитъ очень «смѣшно; но когда они бросаютъ грязью въ лучшія человѣческія вѣрованія» (позвольте мнѣ вставлять свои замѣтки въ вашу рѣчь: напримѣръ, какія же это «лучшія вѣрованія»? — То, что Кавуръ облагодѣтельствовалъ Италію, или, что стоитъ только ротъ разинуть, то и влетитъ въ него жареная утка? Или, что плуты не обманываютъ людей?), «когда они осмѣиваютъ всякое благородное увлеченіе» (напримѣръ, увлеченіе розгами или вещами, изъ которыхъ выходитъ нѣчто гораздо худшее розогъ!) «и когда, наконецъ, знаешь, что это дѣлается изъ одного только «фокусничанья» (вы такъ думаете? поздравляю васъ. Напрасно вы не пишете статей о Рабле и Диккенсѣ, — вы должно быть отлично понимаете ихъ) «и првлеченія «почтеннѣйшей публки, тогда мы понимаемъ, какъ далеко можетъ простираться «негодованіе и презрѣніе къ подобному художеству». (А мы давнымъ давно принимали это, читая благородно-негодующія статьи дѣвицы Зражевской о Жоржѣ Зандѣ; статьи эти, дышащія благородствомъ невинности, служили украшеніемъ «Маяка»). «И есть люди, которые простодушно вѣрятъ» (какіе чудачки!), «что «въ этомъ фиглярствѣ скрывается глубокая, недосказанная мудрость! А все потому, «что она не досказывается...» (а ваша, какъ? досказывается?) «да вѣроятно, ни «когда и не доскажется до конца: мудрость, какъ извѣстно, вещь бездонная, и ее «никогда не исчерпать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока останутся не пере-

веденными на русскій языкъ многія французскія книжки...» (а вы должно быть полагаете, что австрійскія стихотворенія Якова Хама дѣйствительно переведены Конрадомъ Диліеншвагеромъ, если не съ австрійскаго, то съ французскаго. Хорошо, хорошо). «А между тѣмъ, эта мудрость систематически убиваетъ вѣру въ людей» (т. е. въ какихъ же? въ Кавура и Шмерлинга? Или въ Державина и Карамзина? Или въ Пинетти и г. Кокорева? Вы за которыхъ больше стоите?), «въ ихъ честность и великодушіе, въ ихъ любовь и дружбу, въ «возможность безкорыстнаго съ ихъ стороны» (т. е. со стороны Кавура и Шмерлинга, или со стороны Достъ-Мохаммеда афганскаго и Саидъ-Паши египетскаго, или со стороны Миреса и Перейры?) «самопожертвованія... Куда же ведетъ эта мудрость» (не туда, куда ведетъ легковѣріе), «чего хочетъ» (того, чтобы люди не давались въ обманъ), «какихъ героевъ приготовляетъ «для будущаго»? (такихъ, которые не были бы похожи ни на Донъ Кихота, ни на Сентъ-Арно или Эспинасса). «Можно «поручиться, что изъ ея школы не выйдетъ ни одного Пирогова» (нѣтъ, не выйдетъ, потому что г. Пироговъ старался связать вещи несомвѣтныя, — розги съ гуманностью; по нашему, что нибудь одно: или сѣки, или не сѣки, —

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тѣмъ охотниковъ, мы не изъ ихъ числа.

Г. Пироговъ не виноватъ въ томъ, что былъ неослѣдователенъ: онъ въ такое время воспитался. Не стыдно было бы намъ, если бы мы ставили свой идеалъ на томъ же уровнѣ, на какомъ стоялъ онъ во времена воспитанія г. Пирогова). «Можно быть увѣрену, что она никого не подвинетъ ни на какое общественное дѣло: для этого требуется вѣра въ человѣка, пламенная вѣра» (что за Африка такая!) «и увлеченіе» (родной мой, увлекались и мы, подобно вамъ, да увидѣли, что насъ дурачили), «а не холодная, бездушная насмѣшка» (ну, это дѣйствительно не по вашей части, и растолковать этого вамъ не берусь я, пока вы не охладѣете, хотя немножко), «все разъединяющая» (напримѣръ, публику съ г. Кокоревымъ и другими ся благодѣтелями) «и оскорбляющая» (все тѣхъ же г. Кокорева съ Кавуромъ) «и способная только подвинуть на бросанье изъ-за угла камешковъ и грязи». (А вы, прямо въ лицо бросаете грязь тому, кого считаете достойнымъ забрасыванья грязью? Или по нашему ни въ кого не слѣдуетъ бросать грязью, даже и въ Гайнау не слѣдуетъ?)

«Увѣряютъ, что свистуны служатъ великому дѣлу отрицанія, безъ котораго, «какъ извѣстно, нѣтъ движенія впередъ. Это неправда! Не такъ дѣйствуютъ герои «отрицанія» (куда намъ лѣзть въ герои!), «которымъ вздумали бы подражать «свистуны. Тѣ ненавидятъ многое, потому что многое любятъ, во многое вѣрятъ, «на многое надѣются; они сегодня радуются, завтра рыдаютъ; у нихъ насмѣшка «блещетъ и жжетъ, потому что идетъ изъ сердца, полного страстной любви къ «человѣку и безпредѣльнаго негодованія къ неправдѣ». (А знаете ли что?— Безъ похвалыбы сказать, очень многіе насъ любятъ за то, что считаютъ именно такими, вотъ ни дать-ни взять какъ вы изволите описывать героевъ-то отрицанія). «У нашихъ свистуновъ нѣтъ сердца» (что за притча! у курицы сердце есть, а у насъ будто нѣтъ; есть, родной мой, есть, да и очень сердитое, только не на васъ), «нѣтъ вѣры» (да что же вѣрить-то, когда знаешь? Если напримѣръ, знать, что хорошее— хорошо, а дурное— дурно, то это убѣжденіе покрѣпче будетъ, какъ $2 \times 2 = 4$);

«они считают постыднымъ хоть разъ чѣмъ нибудь увлечься въ жизни» (увлекались, золотой мой, да еще какъ,—не хуже васъ самихъ; а теперь до такой поры дожили, что разутокъ да опытъ житейскій верхъ берутъ); «они никого и ничего не любятъ» (что за изверги рода человѣческаго!—Да хоть самихъ-то себя любятъ ли? А если самихъ себя любятъ, значитъ, и свое все любятъ. Ну, а русская-то земля чья же, какъ не ихъ земля? Подумайте-ко хорошенько: можетъ выйдетъ, какъ умомъ-то разумомъ прикинете, что и ее они любятъ. А, ну, ну: подумайте, неравненный нашъ, подумайте); «они смѣются надъ любовью» (ну, да вѣдь любовь любви рознь; надъ иною не то что посмѣются, а даже похохотать слѣдуетъ,—напримѣръ, если бы какой нибудь близорукій въ нестерпимое рыло втюрился,—да погодите еще, и самъ онъ надъ собою посмѣется, когда подкочить попадется, да и увидитъ вмѣсто красавицы обезьянью харю; а васъ пожалуй и бранить станеть, если вы его къ этой любви возбуждали, въ этомъ обольщеніи поддерживали); «они считаютъ обязанностью порицать безъ разбора все, что попадетъ подъ руку» (то есть, «Замѣтки» ли «праздношатающагося» въ «Отечественныхъ Запискахъ»; статья ли г. Я. Грота въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—что за ехидные такіе люди!); «они занимаются искусствомъ для искусства» (а вотъ что я вамъ скажу: когда откуда занимаетесь мыслью, то надобно указывать источникъ; вы бы упомянули, что это «Русскій Вѣстникъ» говоритъ; а спросите-ко теперь «Русскій Вѣстникъ», радъ ли онъ, что толковалъ объ этомъ,—вѣроятно сами видите, что не долженъ быть радъ).

Вотъ мы хоть на этомъ пока и остановимся. А то ужъ совѣмъ васъ утомили воздержаніемъ въ хладнокровіи. Но что же, согласитесь, что оно хотя и тяжело вамъ съ непривычки разсуждать хладнокровно, а все-таки полезно. Вотъ, горячились вы, горячились, и никакъ не могли добиться, чего мы хотимъ, что любимъ; теперь же, только четверть часа побесѣдовали мы съ вами хладнокровно, и открылось вамъ все: любимъ мы родину свою, а хотимъ—добра ей, только и всего.

Да знаете ли, что? Если бы хотя немножечко похладнокровнѣе были вы, и безъ бесѣды съ нами узнали бы это отъ другихъ, отъ кого хотите, къ примѣру сказать, хотя бы даже отъ самихъ «Отечественныхъ Записокъ». Не вѣрите? Не замѣчали вы въ своемъ журналѣ такихъ указаній? Такъ лишь оттого не замѣчали, что очень ужъ въ большомъ азартѣ были, на страницу-то смотрите, а что на ней написано-то, не разберете, потому что въ глазахъ отъ горячности туманъ стоитъ. А то увидали бы, какъ не увидать—отпечатано четко, хорошо таково. Хотите покажу? Возьмите, напримѣръ, третью книжку «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года, разверните «Критику» на стр. 9; па этой страницѣ читайте строку 29-ую и двѣ слѣдующія. Ну-съ, видите, что на нихъ написано?

«Глумленія «Современника» не щадятъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ предметовъ, въ самомъ дѣлѣ священныхъ: свободы женщинъ и простодушиа».

Позвольте объяснить?—или и сами понимаете?

Все-то мы съ вами, г. Громека, бесѣдовали такъ хладнокровно; а вамъ вѣроятно ужъ давно хочется погорячиться? Извольте, извольте, для васъ готовъ на все. Закончимте бесѣду нѣсколькими горячими словами. Эхъ, горе намъ съ вами: стиховъ писать не умѣемъ, въ стихахъ бы оно лучше вышло,—пу да оно и прозою горячо выйдетъ, съ душою, съ любовью, съ вѣрою.

Вотъ мое мнѣніе. Принять или не принять его—ваша воля.

Очень мало на свѣтѣ людей, въ которыхъ честность соединена съ пронципальностью. Объ этихъ людяхъ мы съ вами довольно поговорили. Далѣе, есть на свѣтѣ не очень большое количество плутовъ и неисчислимое множество простаковъ. Плуты обманываютъ простаковъ; лѣстятъ имъ и обираютъ ихъ; залугиваютъ ихъ и помыкаютъ ими. Правда, или нѣтъ? разумѣется, плуты по своей малочисленности ничего не могли бы сдѣлать, если бы дѣйствовали только своими силами. Но изъ самихъ простаковъ очень многіе такъ и лѣзутъ изъ-кожи-вонъ отстаивать плутовъ. Изъ какой прибыли? Ровно ни изъ какой, безкорыстно, безкорыстно такъ и лѣзутъ вовъ-изъ-кожи. Къ этому разряду простаковъ я причисляю васъ. Не обижайтесь. Простяками въ вапемъ родѣ бываютъ люди всякаго ума: и глупые, и умные, и гениальные даже,—въ примѣръ вамъ приведу Лафайета, Ламартина, Вильгельма фонъ-Гумбольдта, самого Штейна. Если человекъ глупъ, это бѣда неизлѣчимая. Если же онъ не глупъ, а только простякъ, то излечивается отъ своего недостатка онъ тотчасъ же, какъ только замѣтитъ его въ себѣ. Прямо никто изъ людей не ветушаетъ въ жизнь пронципальнымъ,—это качество, развивающееся рефлексією. А рефлексія требуетъ хладнокровія.

Соглашайтесь или не соглашайтесь со мною, это — повторяю — какъ вамъ угодно.

Надѣюсь, что разстаетесь друзьями.

VIII.

А вотъ какъ-разъ посѣла для украшенія моей коллекціи и 7-я книжка «Отечественныхъ Записокъ» съ крупнымъ полемическимъ алмазомъ, который постараюсь я добросовѣстно отшлифовать въ превосходнѣйшій брильянтъ. Алмазъ находится въ изобильномъ рѣдкостями рудникѣ Критическаго отдѣла. Оно какъ разъ мнѣ съ руки: вѣдь въ прежнихъ отрывкахъ я мало занимался этимъ отдѣломъ, такъ что могло бы это огорчить завѣдывающего имъ г. Дудышкина, могло бы показаться г. Дудышкину злостною невнимательностью къ нему. Хорошо, что могу и теперь заглядить эту свою вину, отвратить отъ себя этотъ упрекъ.

Эхъ, г. Дудышкинъ! гдѣ можно бы неспециалисту имѣть смѣлость собственнаго сужденія, тамъ вы не отваживаетесь вникнуть въ дѣло своимъ умомъ; а въ чемъ для разбора дѣла нужно быть специалистомъ, вы полагаетесь на собственное сужденіе. Вотъ къ примѣру сказать хотя бы опроверженіе, написанное г. Юркевичемъ противъ моихъ статей объ антропологическомъ принципѣ въ философіи,—пу, можетъ ли тутъ неспециалистъ разсудить, съ толкомъ или безъ толку пишетъ г. Юркевичъ? Вѣдь тутъ все дѣло состоитъ въ методологическихъ, психологическихъ, метафизическихъ тонкостяхъ; тутъ такого рода дѣло, что глубокомысленно призадумался бы самъ Купо Фишеръ, этотъ великій мудрецъ, переводъ изъ котораго помѣщенъ въ июльской же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Чтобы понимать эти хитрыя подраздѣленія и подразличенія, нужно быть специалистомъ. Вотъ, напримѣръ, г. Катковъ понимаетъ эти вещи. Ему понятно, что говорить въ своей статьѣ г. Юркевичъ; онъ увидѣлъ, что воззрѣніе г. Юркевича близко къ направленію, которое считаетъ справедливымъ самъ онъ; и г. Катковъ не сдѣлалъ ошибки, помѣтивъ въ своемъ журналѣ извлеченіе изъ г. Юркевича съ большими похвалами

ему. Я не раздѣляю этого направленія, потому рѣзко отзываюсь о всякихъ его послѣдователяхъ; но что они довольны другъ-другомъ, этому такъ и быть должно. Ну, а вы-то съ «Отечественными Записками» съ какой стати восхитились статью г. Юркевича? Вы развѣ полагаете о себѣ, что держитесь того же направленія? Представьте себѣ къ вашей бѣдѣ, заглянулъ я на обратную страницу верхняго полулиста обертки того самаго 7-го № «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ вы отписнули свое восхищеніе г. Юркевичемъ. Что же я увидѣлъ на этой страницѣ? Крупнымъ шрифтомъ напечатано слѣдующее объявленіе:

«ОТЪ РЕДАКЦИИ».

«Такъ какъ многіе изъ читателей изъявили желаніе прочесть все сочиненіе Бокля «History of civilisation in England» въ русскомъ переводѣ, то редакція «Отечественныхъ Записокъ», напечатавъ уже шесть главъ этого сочиненія, намѣревается, если не встрѣтитъ особенныхъ препятствій, перевести его въ цѣлости и помѣщать въ журналъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ будетъ выходить англійскій подлинникъ».

Знаете ли, какая комическая вещь выходитъ изъ этого? Вотъ какая. За исключеніемъ очень немногихъ страницъ въ отдѣлѣ о энциклопедистахъ, которыхъ и вы не одобрите, когда прочтаете ихъ, и я не одобряю,—весь первый томъ Бокля прямо противоположенъ тому направленію, которымъ вздумали вы восхищаться въ г. Юркевичѣ. Вотъ исторія-то! — Ужъ и подлинно можно назвать ее «исторіей цивилизаціи въ Отечественныхъ Запискахъ».

Но вы не огорчайтесь штукою, какая вышла отъ вашего объявленія о переводѣ Бокля: вы превосходно дѣлаете, что переводите его; отъ всей души желаю, чтобы не встрѣтили вы препятствій въ этомъ очень полезномъ дѣлѣ. Русская публика будетъ вамъ благодарна за него.

Хотите, я разскажу вамъ, какъ произошелъ въ васъ психологическій процессъ, по которому, печатавъ Бокля, восхитились вы г. Юркевичемъ? Если вы увидите, что я не ошибусь въ объясненіи такого изумительнаго происшествія, то вотъ вамъ будетъ доказательство,—что я великій мастеръ производить психологическія наблюденія и законы психологіи знаю, какъ свои пять пальцевъ. А согласитесь, что я вызываюсь на пробу, очень трудную, потому что разбираемый мною психическій актъ необычайно мудренъ и повидимому нарушаетъ все законы мышленія: хвалить то, истребленію чего содѣйствуешь печатаніемъ превосходнаго сочиненія,—вѣдь это психическій феноменъ, котораго не распуталъ бы самъ Кантъ. А вотъ я распутаю, подведу его подъ общіе психологическіе законы.

Законъ первый. Незнающій влечется подражать знающему. «Русскій Вѣстникъ» похвалилъ г. Юркевича, вы повлеклись хвалить его.

Законъ второй. Сладко слышать брань на того, кого самъ бранишь. Г. Юркевичъ вооружается на меня; вы также вооружаетесь; потому вамъ сладко слушать г. Юркевича.

Углубитесь въ самого себя, наблюдайте умственнымъ окомъ вашъ психическій процессъ, вы увидите, что мое объясненіе безукоризненно вѣрно.

Но согласитесь, тяжело вамъ было это наблюденіе вашего психическаго процесса. Согласитесь, васъ безпрестанно отвлекало отъ этого труднаго самонаблюденія

мельканіе разныхъ постороннихъ дѣлу представленій, — въ родѣ слѣдующихъ: нѣтъ, я не по примѣру «Русскаго Вѣстника» нашелъ, что г. Юркевичъ правъ, я самъ догадался объ этомъ; я безпристрастенъ: я понималъ сущность спора; направленіе г. Юркевича—мое направленіе; я не за то восхитился имъ, что онъ пишетъ противъ Чернышевскаго» и т. д. и т. д.,—согласитесь эти иллюзіи такъ и влѣзали насильно въ ваше самосознаніе и очень трудно было вамъ отбиваться отъ нихъ. Но любовь къ истинѣ восторжествовала въ васъ надъ этими оболещеніями; но напряженное вниманіе къ дѣйствительному ходу вашего психическаго процесса отогнало эти мечты,—и вы наконецъ достигли два вышеприведенные психическіе закона и безтронетно подвели подъ нихъ странный фактъ похвалы г. Юркевичу со стороны журнала, переводящаго превосходную книгу Бокля. Честь вамъ и хвала. Вашъ подвигъ былъ труденъ, но вы совершили его.

Видите ли теперь, какъ тяжелъ анализъ самосознанія, какихъ особенныхъ приемовъ онъ требуетъ? Видите ли, что человѣку, спеціально не занимавшемуся этимъ предметомъ, нельзя судить о достоинствахъ или недостаткахъ статей, къ нему относящихся? За то и плоды этой науки очень вкусны для самолюбія,—не правда ли?

А если правда, то я надѣюсь, что вы не откажетесь въ благодарность мнѣ за этотъ урокъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мною содержаніе статейки противъ меня, которая помѣщена въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ отдѣлѣ, находящемся подъ вашимъ завѣдываніемъ (г. Красевскій вѣроятно не будетъ претендовать на то, что я обращаюсь исключительно къ вамъ).

IX.

Послѣ нѣкоторыхъ прелюдій, относящихся къ языку, статейка, восхищающаяся г. Юркевичемъ, упоминаетъ о разборѣ философіи г. Лаврова, который былъ сдѣланъ г. Антоновичемъ въ IV книжкѣ «Современника» нынѣшняго года. Упоминаніе объ этомъ разборѣ основывается на томъ, что онъ по направленію сходенъ съ моими статьями объ антропологическомъ принципѣ. Положимъ сходенъ, но слѣдовало ли вамъ заговаривать объ этой статьѣ, которая отозвалась на вашемъ журналѣ уморительными послѣдствіями, показывающими, что вы какъ прочли ее, такъ тотчасъ же и измѣнили свое мнѣніе о достоинствѣ трудовъ г. Лаврова. Ужъ лучше молчали бы вы. А если непременно хочется вамъ говорить, то признались бы, что статья г. Антоновича раскрыла вамъ глаза.

Но вамъ хочется побранить ее. Любопытно послушать, за что вы ее браните. Вотъ единственный недостатокъ, который вы въ ней нашли: «никакого уметвеннаго напряженія не нужно, чтобы понять все, что говоритъ г. Антоновичъ. Ясность (этой статьи) поразила всѣхъ». Сообразите самъ, достоинствомъ или недостаткомъ должна считаться ясность? Разумѣется, каждый не глупый человѣкъ почтетъ, что вы хвалите статью г. Антоновича, выставя въ ней такое качество. А вы думаете, уронили ее этимъ. Какъ случилась съ вами эта вторая «исторія вашей цивилизаціи», я опять расскажу вамъ.

Вы наслушались, что философія—предметъ головоломный. Вы пробовали читать философскія статьи, въ родѣ произведеній г. Лаврова, и ровно ничего не понимали. А г. Лавровъ былъ по вашему мнѣнію хорошій философъ. Вотъ и состроился у васъ въ умѣ силлогизмъ такого рода: «философіи я не понимаю; слѣ-

довательно то, что я могу понимать—не философія». Вы вѣдь такъ прямо и говорите: г. Антоновичъ пишетъ ясно, стало быть нѣтъ философіи у него въ статьѣ.— Но вѣдь это прилично было вамъ думать, когда вы о философіи судили по статьямъ г. Лаврова. Ну-съ, а вѣдь теперь вы уже находите, что философскія статьи г. Лаврова были плохи (признавайтесь, что находите: вѣдь у насъ есть улика тому); такъ не слѣдовало ли бы вамъ разсудить такимъ манеромъ: «о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ человѣкъ, образъ мыслей котораго туманенъ, рѣчь его будетъ туманная, головоломная. А сама по себѣ, философія быть можетъ и не-Богъ-знаетъ какая непонятная наука». Вы не ошиблись бы въ этомъ.

Но о статьѣ г. Антоновича говорится только такъ, кстати, что вотъ дескать она совершенно такая же, какъ и статьи Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ,—философіи не можетъ быть въ этихъ статьяхъ, потому что онѣ ясны. Затѣмъ говорится ужъ обо мнѣ одномъ.

«Статья г. Чернышевскаго вызвала отвѣтъ въ г. Юркевичѣ, въ «Трудахъ Духовной Академіи кievской», такой отвѣтъ, который поставилъ г. Юркевича сразу «на первое мѣсто между всѣми, кто когда-либо писалъ у насъ о философіи» (значить, выше Бѣлинскаго, у котораго очень много относящагося къ философіи, выше автора «Писемъ объ изученіи природы»? Хорошо. Но вѣдь не выше же г. Гогоцкаго и г. Ореста Новицкаго? Зачѣмъ обижать этихъ великихъ мыслителей той же самой школы, какъ и г. Юркевичъ?) «Только помнимъ мы статьи И. В. Кирѣевскаго» (отлично! Такъ добрый и почтенный И. В. Кирѣевскій былъ, по-вашему, дѣйствительно философъ, а не просто наивный мечтатель? Но вѣдь ужъ если такъ, вы должны признать своимъ главнѣйшимъ авторитетомъ покойнаго Хомякова. Такъ вы кстати ужъ переименовали бы свой журналъ изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ «Русскую Бесѣду» или «Возобновленный Москвитиницъ»), «отличавшіяся тою простотою и ясною философекаго изложенія, съ которою мы встрѣтились у г. Юркевича. Знаніе системъ философекихъ, полное усвоеніе предмета и самостоятельное къ нему отношеніе—вотъ заслуги г. Юркевича» (дай Богъ ему всякихъ совершенствъ!). «По направленію своему—онъ идеалистъ, и точки опоры въ его ученіи такъ глубоко имъ обследованы и тонко проведены, что на русскомъ языкѣ мы ничего подобнаго не читали» (помилуйте г. Гогоцкій точно также глубоко и тонко все это изслѣдовалъ), «и въ этомъ совершенно согласны съ «Русск. Вѣстникомъ» (также, какъ я во всемъ совершенно согласенъ съ «Горнымъ Журналомъ»),—предмета не знаю, статей не понимаю, но полагаю, что онѣ писаны людьми знающими, потому и принимаю всѣ ихъ слова на вѣру), «который распространилъ эту статью. Перепечатывать статьи мы не станемъ; мы приведемъ изъ нея два только мѣста: одно «о превращеніи раздраженія нерва въ ощущеніе» и другое объ «измѣненіи «количественнаго» въ «качественное». На этихъ двухъ положеніяхъ все «остальное держится». («Отеч. Зап. Русск. литер.», стр. 41, 42). Но прежде того выписывается окончаніе статьи г. Юркевича, очень сильно поражающее меня, какъ невѣжду. Ну, хорошо, если я невѣжда, такъ вы разсудили ли, что вамъ то не слѣдовало бы говорить объ этомъ? Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», напримѣръ, я не писалъ; онъ не компрометируетъ себя толками о моемъ невѣжествѣ. А вѣдь въ «Отеч. Зап.» я довольно много писалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности,—такъ у васъ, значить, невѣжды могутъ бывать сотрудниками, да еще такими, которыми редакція дорожить?»

Напрасно вы повторяете чужія слова о моемъ невѣжествѣ, г. Дудышкинъ; другіе журналы могутъ это говорить, а вашему журналу неловко. Приведа отзывъ г. Юркевича о моемъ невѣжествѣ, «Отеч. Зап.» дѣлаютъ выписку изъ него же о томъ, что «пространственное движеніе перва не есть еще непространственное ощущеніе» и о томъ, что «переходъ отъ количественнаго къ качественному ясенъ только для одного «Современника», для всѣхъ же другихъ составляетъ необъяснимую задачу,—видите г. Дудышкинъ, о какихъ техническихъ тонкостяхъ разсуждаетъ г. Юркевичъ, а вы беретесь судить о его статьѣ, рѣшаете, что онъ правъ, когда не умѣете даже различить, въ какомъ духѣ онъ пишетъ и не расходится ли онъ, напримѣръ, съ вашимъ собственнымъ Боклемъ ровно настолько же, насколько со мною. «Отеч. Записки» продолжаютъ:

«Читатель видитъ по этимъ выпискамъ, которыя могутъ дать понятіе о прекрасной статьѣ г. Юркевича, заключающей въ себѣ цѣлый трактатъ о философіи, «видитъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ хорошо знающимъ предметъ» (видитъ или нѣтъ читатель, это какъ случится; а сами-то вы видите ли, или только съ чужихъ словъ говорите?) «Г. Юркевичъ не прибѣгаетъ къ площаднымъ шуткамъ, чтобъ «задобрить читателя, не боится подходить къ предмету и сказать: это еще недоказано никѣмъ, этого я не знаемъ, хотя имѣлъ бы гораздо больше поводомъ, нежели г. Чернышевскій, говорить съ увѣренностью. По крайней мѣрѣ ясно одно, что «такое возраженіе заслуживаетъ подробнаго отвѣта». (Увѣрю васъ, что не заслуживаетъ, съ моей точки зрѣнія. Если бы какой нибудь ученый сталъ доказывать, что ошибаетесь вы, отвергая алхимию или кабалистику,—вы почли ли бы его сочиненіе достойнымъ подробнаго опроверженія? Какъ вы смотрите на ученыхъ, держащихся алхимическаго или кабалистическаго ученія, такъ я смотрю на школу, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Хороша или дурна теорія, которой держусь я, объ этомъ можетъ думать каждый, какъ ему угодно; но что человѣкъ, держащійся такой теоріи, долженъ считать смѣшными и пустыми возраженія, дѣлаемыя теоретиками школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ,—это фактъ, извѣстный каждому спеціалету; вы удивляетесь этому лишь оттого, что взаимныя отношенія разныхъ философскихъ направленій плохо извѣстны вамъ). «Что же дѣлаетъ г. Чернышевскій? А то же, что онъ дѣлаетъ всегда, когда у него потребуютъ серьезнаго отвѣта: отдѣляется непозволительно развязностью» (т. е. когда жъ это «всегда»? Я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не велъ никакой полемики и ровно ничего не отвѣчалъ ни на какія вызовы и возраженія, слѣдовательно не могло быть ни развязности, ни не развязности въ моихъ отвѣтахъ по той простой причинѣ, что отвѣтовъ вовсе не существовало; а прежде, когда велъ полемику, случалось мнѣ писать огромнѣйшія и обстоятельнѣйшія возраженія на замѣтки противъ меня), «которая наконецъ переходитъ въ дерзость по отношенію къ г. Юркевичу» (что дѣлать? Если вы уважаете, а я не уважаю извѣстное направленіе, то мои отношенія къ нему будутъ вамъ казаться непозволительно дерзкими. Точно такковы же кажутся людямъ, уважающимъ направленіе г. Аскоченскаго, ваши отношенія къ нему). «Мы увѣрены, что послѣдователи г. Чернышевскаго найдутъ такой отвѣтъ крайне остроумнымъ. Вотъ что говоритъ г. Чернышевскій» («Отеч. Зап. Русск. литерат.», стр. 55).—Тутъ выписана первая половина моего отзыва о статьѣ г. Юркевича; затѣмъ слѣдуетъ:

«Какъ вамъ правится этотъ отвѣтъ! Другими словами, г. Чернышевскій гово-

«рять: вы несчастный человекъ, г. Юркевичъ, потому что учились въ семинаріи и «учились по плохимъ руководствамъ» (что жь, развѣ это неправду я говорю?). «А вотъ я потомъ досталъ славныя книжки: въ нихъ написано все то, что я говорю. «Повѣрите мнѣ, и если вы еще не устарѣли, то я могу пособить вашему горю, при- «плю вамъ мои книжки. Изъ нихъ вы и увидите, что я правъ!» (Что жь, мнѣ кажется, что тутъ я выразилъ доброжелательность; ну, скажите, а вы развѣ иначе отвѣчали бы человеку, который, напримѣръ, дѣлалъ бы противъ вашихъ историко-литературныхъ статей возраженія по учебнику г. Зеленецкаго?).

«Намъ эти слова напомнили блаженной памяти барона Брамбеуса, который «всегда отвѣчалъ въ этомъ родѣ, когда Бѣлинскій заставлялъ его отвѣчать кате- «горически. Только баронъ Брамбеусъ отвѣчалъ часто гораздо остроумнѣе г. Чер- «нышевскаго, напримѣръ, онъ отвѣчалъ такъ иногда: «а когда нибудь на досугѣ «напишу вамъ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ». Но теперь я баронъ Брамбеусъ не «писалъ бы такихъ отвѣтовъ. Въ тѣ злополучныя времена, когда наша философія «крылась подъ эстетическими рецензіями на Гоголя, Жоржъ Занда, Сю, противники «Бѣлинскаго, къ которымъ принадлежалъ Сенковскій, чтобъ вести споръ околицей, «переименовали мадамъ Дюдеванъ въ г-жу «Спередка», и разыгрывали на эту тему «свои замысловатыя рецензіи. И тогда подобныя рецензіи приводили въ омерзѣніе:— «что же сказать, когда ту же продѣлку употребляетъ г. Чернышевскій съ г. Юрке- «вичемъ, въ спорѣ первой важности, въ вопросѣ, поставленномъ ясно? Если баронъ «Брамбеусъ и въ то злополучное время, въ которое жилъ, упалъ въ общемъ мнѣ- «ніи за подобныя продѣлки и публика отвернулась отъ него, то чего же хочеть «г. Чернышевскій—въ наше?»

Вы изволите сравнивать меня съ барономъ Брамбеусомъ?—Ну, что жь, если разобрать это сравненіе, то вѣдь окажется, что вы употребили его, не вообразивъ, что изъ него выходитъ.

Дѣло идетъ объ обширности моихъ знаній. Я похожъ на барона Брамбеуса, то есть на покойнаго Сенковскаго. Кто же сомнѣвается, что Сенковскій владѣлъ знаніями, изумительно обширными? Что жь изъ этого выходитъ о моихъ знаніяхъ, если я похожъ него? Вотъ что значить неловкость въ полемикѣ,—хотѣли сказать, что я невѣжда, а изъ вашихъ словъ оказалось, что вы сами считаете меня человекомъ очень обширныхъ свѣдѣній. Куда же вамъ полемизировать?

Но я похожу по вашимъ словамъ на Сенковскаго тѣмъ, что люблю отшучиваться отъ возраженій. Хорошо. Почему же Сенковскій любилъ отшучиваться? Потому что былъ человекъ очень сильнаго ума, — находившій, что при своемъ умѣ имѣеть право презирать противниковъ. Это вы хотѣли сказать обо мнѣ? Должно быть не это, а изъ вашихъ словъ это выходитъ. Благодарю васъ: вы внушаете читателю мысль, что я — человекъ очень сильнаго ума, чувствующій свое превосходство надъ своими противниками. А вѣдь дѣйствительно чувствую (и вы сами навѣрное чувствуете) мое превосходство надъ вами. Что жь дѣлать, не могу не чувствовать: вы слишкомъ плохо полемизируете.

Но Сенковскій упалъ въ общемъ мнѣніи,—вы предеказываете ту же судьбу и мнѣ. Только напрасно вы наговорили лишняго для вашей цѣли, наговорили такихъ вещей, которыми прямо уничтожается во мнѣ это опасеніе. Вы упомянули, что Сенковскій вооружался противъ Бѣлинскаго, Гоголя, Жоржа Занда, то есть противъ того, что я защищаю. Стало быть, если Сенковскій упалъ за свое направле-

не, то меня ждетъ участь прямо противоположная. Я буду возвышаться въ общемъ мѣрѣ. Это вы хотѣли сказать? Нѣтъ, не хотѣли? Такъ зачѣмъ выходить это изъ вашихъ словъ? Плохо, плохо вы полемизируете. Посмотримъ, что то у васъ дальше.

Полноте, г. Чернышевскій! въ наше время нельзя всего знать—и естественныхъ наукъ, и философіи, и политической экономіи, и исторіи всеобщей и русской, и литературы. Кто все это знаетъ, тотъ ровню ничего не знаетъ. Эту, по крайней мѣрѣ, аксіому затвердила наша литература, и ее мы можемъ привести «противъ васъ. А вы вѣдь, все знаете. Это подозрительно что-то». («Отечественныя Записки», июль, Русская литература, стр. 56, 57).

Да кто васъ увѣрялъ, что я все знаю? Всего никто не знаетъ,—ни Моптанъ, ни Вольтеръ, ни Г'ейне, ни даже самъ Баль не знали. Неужели я вамъ долженъ объяснять разницу между лачитанностью и специализмомъ, между специальнымъ ученымъ, который двигаетъ впередъ одну науку или одну отрасль науки, и между журналистомъ, которому довольно быть образованнымъ человѣкомъ, который только популяризируетъ выводы, сдѣланные учеными, только осмѣливаетъ грубые предразсудки и отсталость? Неужели вы не сообразили, въ какое смѣшное положеніе ставите себя вы, журналистъ, притворяясь будто не знаете, что такое журналистъ? Не постигаю, что за радость выставить вамъ себя человѣкомъ ничего не понимающимъ, даже своей профессіи. Неужели по вашему журналистъ долженъ писать только о томъ, въ чемъ онъ специалистъ? Да вѣдь если такъ, то журналъ обратится въ Comptes rendus парижскаго Института.

Но вы интересуетесь лично мною, — вамъ угодно знать, ученый ли я человѣкъ? Извольте. Давно ужъ не занимаюсь я специально ничѣмъ, кромѣ политической экономіи. Прежде занимался я кое-какими другими предметами довольно усердно, такъ что хотя позабылъ много мелочей изъ нихъ, но судить о томъ что пишутъ по этимъ предметамъ другіе, очень могу. Что тутъ удивительнаго? Но прежде всего, я по профессіи — журналистъ, подобно вамъ, то есть человѣкъ, старающійся знать успѣхи умственной жизни по всѣмъ вопросамъ, интересующимъ вообще всѣхъ образованныхъ людей. Вы такъ понимаете профессію журналиста, или нѣтъ?

Или вамъ все не то хочется узнать, а то, какъ обширны мои знанія? На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразумительно, неразумительно вы подводили себя подъ него.

Да вы пожалуйста не примите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять не примите этого такъ, что я хочу сказать будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ ничего-таки: кое-что знаете и вообще вы человѣкъ образованный. Только напрасно вы такъ плохо полемизируете.—Ну что, прямо я отвѣчалъ, или все отшучивался отъ отвѣта?

Далѣе слѣдуетъ выписка изъ физиологіи Льюиса о различіи физиологическихъ процессовъ отъ химическихъ. Защитникъ г-на Юркевича въ «Отечественныхъ Запискахъ», воображая, что г. Юркевичъ смотритъ на это дѣло одинаково съ Льюисомъ, говоритъ:

«Сравните этотъ отрывокъ изъ Льюиса съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, «и вы увидите, что нашему кievскому профессору извѣстны послѣднія изслѣдованія «не хуже г. Чернышевскаго. Слѣдовательно онъ знаетъ не одни семинарскія тетрадки

и учебники, как завѣряеть г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, «которые думаютъ, что все сказанное съ-размаху, очерти голову» (т. е. кѣмъ же это? мною, что ли?) «непремѣнно и справедливо; а у насъ, къ сожалѣнью, такихъ «людей очень много» (пу, ловко ли вы полемизируете, признавая тутъ, что у насъ очень много людей, одобряющихъ мои статьи? Эхъ, несообразительность-то какая! А еще туда же полемизировать хотите!) «Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевичъ схоластикъ, а г. Чернышевскій—прогрессистъ».

Вамъ показалось, будто между словами г. Юркевича и Льюиса есть сходство: въ словахъ-то есть сходство, да въ смыслѣ-то словъ пѣтъ его. Вы понимаете ли, къ чему клонить дѣло г. Юркевичъ? Къ поддержкѣ идей, прямо противоположныхъ,—чему бы, какъ это выразить?—ну, хоть такъ скажу: прямо противоположныхъ идеямъ Бокля, котораго вы переводите. А Льюисъ вовсе не къ тому ведетъ дѣло. Онъ только доказываетъ, что каждая отдѣльная наука разсматриваетъ частныя видоизмѣненія общихъ законовъ природы въ особенныхъ условіяхъ. Прочтите у Льюиса всю главу, изъ которой отрывокъ взяли вы, и вы убѣдитесь, что мысли г. Юркевича отъ его мыслей такъ же далеки, какъ отъ моихъ. Съ Льюисомъ-то я совершенно соглашаюсь, а спросите-ко у г. Юркевича мнѣніе о школѣ, къ которой принадлежитъ Льюисъ, онъ вамъ такихъ любезностей о ней наговоритъ, что вы съ своимъ Льюисомъ жизни не рады будете, если дорожите мнѣніемъ г. Юркевича. Но съ вами надобно говорить яснѣе. Вѣдь для васъ все еще остается въ туманѣ предметъ, за который спорилъ противъ меня г. Юркевичъ. Извольте. Объясню это дѣло по возможности.

Вы видите ли по крайней мѣрѣ то, что я съ вами дѣлаю? Я не упускаю почти ни одного изъ вашихъ словъ, беру вашу рѣчь цѣликомъ. Но зачѣмъ я это дѣлаю? за тѣмъ ли, чтобы согласаться съ вами? Нѣтъ, я дѣлаю вставки къ вашимъ словамъ, переставляю ихъ, переворачиваю, и выходитъ смыслъ, противоположный тому, какой они имѣли у васъ. Напримѣръ, вы говорите, что я невѣжда; я перебираю ваши слова, и—выходитъ изъ нихъ, что я человѣкъ чрезвычайной учепости; вы говорите, что я затрудняюсь отвѣчать на возраженія, — я опять перебираю ваши слова, и выходитъ изъ нихъ, что вы сами признаете меня несравненно сильнѣе людей, дѣлающихъ мнѣ возраженія. Понимаете ли теперь, какъ и для чего я пользуюсь вашими словами?—А между тѣмъ вѣдь я воспользовался ими, не правда ли?

Вотъ точно также пользуется трудами естествоиспытателей школа, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Она пересматриваетъ труды добросовѣстныхъ ещесціалистовъ, чтобы выворачивать факты въ пользу теоріи, прямо противоположной взгляду этихъ естествоиспытателей.

Вы по всей вѣроятности находите, что я искажаю смыслъ вашихъ словъ? А я полагаю, что вы сами не сообразили, что такое говорили, и что я подмѣчаю въ вашихъ словахъ истинный смыслъ ихъ, котораго вы не замѣтили.

Вотъ точно также школа г. Юркевича думаетъ, что естествоиспытатели сами не понимаютъ того, что излагаютъ, и что только она влагаетъ въ заимствуемые у нихъ факты истинный смыслъ, прямо противоположный заблуждающемуся взгляду естествоиспытателей. А естествоиспытатели находятъ, что эта школа искажаетъ смыслъ фактовъ, которые заимствуютъ у нихъ.

Вамъ все еще можетъ быть несовсѣмъ понятно дѣло. Поясню я примѣромъ,—

у меня страсть къ примѣрамъ (вотъ вы надъ этимъ бы подемялись, что иногда пристрастіе къ нимъ дѣластъ мои статьи растянутыми, — уличить меня въ этомъ недостаткѣ вы были бы въ слухъ, а то хватаетесь за такія стороны дѣла, съ которыми не сладите). Ну-съ, такъ приведу вамъ примѣръ.

Вы курите сигары? Вы очень хорошо знаете, что сырыя сигары плохи, а сухія гораздо лучше. Прекрасно; какимъ же образомъ получаются сухія сигары? И это вы знаете. Надѣлавъ сигаръ, фабрикантъ, дорожащій репутаціею своей фабрики, оставляетъ ихъ очень долго, быть можетъ года два или три, лежать въ обыкновенной комнатной температурѣ. Въ это время онѣ и высыхаютъ. Хорошо; но въѣдъ до такой же степени сухости можно было бы довести сигары въ какіе нибудь два часа времени, помѣстивъ ихъ въ горячую температуру, напримѣръ хотъ градусовъ въ 60,—почему же это не годится? А вотъ почему, какъ вы сами знаете. Когда сигара сохнетъ быстро, то ингредиенты, отъ которыхъ завѣситъ вкусъ ея, входятъ въ химическія соединенія, при которыхъ вкусъ сигары портится; а если она сохнетъ очень медленно, ингредиенты эти соединяются между собою другимъ способомъ, при которомъ сигара получаетъ хорошій вкусъ. Вы знаете, что это такъ? Хорошо; что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ вотъ что. Процессъ испаренія воды, находящейся въ сырой сигарѣ, приводитъ къ извѣстному результату, когда совершается медленно; а когда совершается быстро, результатъ бываетъ вовсе не таковъ.

Вотъ въ этомъ самомъ родѣ разсуждастъ и Льюисъ о различіи между химическимъ процессомъ, совершающимся въ ретортѣ и между пищевареніемъ, совершающимся въ обстановкѣ, очень различной отъ химической реторты. Онъ говоритъ вотъ въ какомъ духѣ: сварите говядину на очень сильномъ огнѣ,—вы получаете бульонъ извѣстнаго сорта; сварите ее на слабомъ огнѣ, медленно,—вы получите бульонъ совершенно янаго сорта; если же вы вмѣсто простой воды будете варить говядину въ какомъ нибудь кислотномъ растворѣ (напримѣръ, въ родѣ кваса или сока кислой капусты),—у васъ выйдетъ бульонъ опять иного сорта. Словомъ сказать, результатъ процесса измѣняется отъ каждой переменны въ условіяхъ процесса. Вотъ Льюисъ и говоритъ, что каждый изъ этихъ случаевъ надобно наблюдать особенно и не смѣшивать съ другими. Что жъ, по моему мнѣнію, онъ говоритъ правду.

А икола, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ, что выводитъ изъ подобныхъ фактовъ?—что дескать естественныя науки объясняютъ намъ только одну сторону жизни, а другую, высшую, мы познаемъ, и т. д. и т. д., и что де натуралисты—пропащій народъ. Вы соглашастесь съ этимъ направленіемъ?

Ясно ли для васъ хотъ теперь?

А можетъ быть еще не ясно? Если такъ, потолкуемъ съ вами еще немного. Какъ вы полагаете, не дѣйствуютъ ли въ знаменитомъ Юмѣ какія-то особенныя, удивительныя силы?—или онъ просто ловкій фокусникъ? Сколько я знаю васъ, вы вѣроятно полагаете, что онъ просто фокусникъ. А по методѣ, которой держится икола, имѣющая своимъ ораторомъ г. Юркевича, надобно отвѣчать такъ: «позвольте, остановитесь, не будьте опрометчивы. Можетъ ли какая нибудь химія или физиологія объяснить тотъ фактъ, что г. Юмъ видитъ изъ Петербурга человѣка, сидящаго въ Пенсильваніи въ Америкѣ, и сообщаетъ вамъ точныя свѣдѣнія о его здоровьѣ, видитъ, что онъ боленъ флюсомъ и ставитъ себѣ пивки къ деснѣ. Позвольте васъ спросить, милостивый государь, какъ вы объясните этотъ фактъ

вашею химіею или физиологіею, вашею катоптрикою или диоптрикою? Сознайтесь, м. г., что тутъ дѣйствуютъ въ г. Юмѣ какія-то особенныя силы!» — Сколько я васъ знаю, вы очень хладнокровно будете отвѣчать такому вашему изобличителю: «м. г., этого факта, на который вы ссылаетесь, рѣшительно нѣтъ, а есть другой фактъ, котораго не угодно вамъ замѣчать. Ничего находящагося въ Америкѣ г. Юмъ изъ Петербурга не видѣлъ; онъ только дурачилъ васъ».

Вотъ точь-въ-точь такого рода споръ между теоріею естествоиспытателей, которая кажется мнѣ справедлива, и которую я стараюсь популяризовать по своей профессіи журналиста, и между школою, къ которой принадлежит г. Юркевичъ. Вы на чьей сторонѣ были бы въ подобномъ спорѣ? Сколько я васъ знаю, были бы вы на моей сторонѣ, только не удалось вамъ разобрать, въ чемъ споръ.

Но мой примѣръ не конченъ. Я остановился на томъ, что вы говорите своему возражателю, приверженцу Юма: Я отрицаю дѣйствіе особенныхъ силъ въ Юмѣ, потому что не тѣми, какъ вы, глазами смотрю на фактъ, сбивающій васъ съ толку». Но вѣдь этотъ противникъ не оставитъ васъ безъ отвѣта. Онъ скажетъ вамъ, что «люди, наблюдавшіе Юма, остались убѣждены, что это не фокусы»; онъ прибавитъ: «вы познакомьтесь съ этими людьми, они вамъ расскажутъ много такого, чего вы не знаете; въ вашихъ словахъ, отвергающихъ мое мнѣніе о Юмѣ, я вижу только наглость вашего незнанія». Что вы станете дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Смотри по расположенію духа: если вы не расположены смѣяться, то уйдете отъ него, а если расположены смѣяться, станете насмѣхаться надъ нимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вы будете правы: съ такимъ человѣкомъ или вовсе не стоить говорить, или нельзя говорить безъ насмѣшки. Теперь я прошу васъ прочесть слѣдующій отрывокъ изъ вашей брани на меня за г. Юркевича. Вышеавъ вторую половину моего отзыва о статьѣ г. Юркевича, гдѣ я говорилъ, что читать статью г. Юркевича мнѣ не за чѣмъ, потому что по самой рекомендаціи «Русскаго Вѣстника» я вижу совершенное сходство ея съ вещами, которыя нѣкогда заставляли меня учить наизусть, — сдѣлавъ эту выписку, статейка «Отеч. Записокъ» продолжается:

«Понимаете ли вы, что это такое? Видите ли, куда мы гнемъ?» (ужь не знаю, видно ли вамъ хоть теперь, куда я гну; а куда гнетъ г. Юркевичъ, вы навѣрное не видѣли, когда писалъ эти строки). «Сказано, что все это вздоръ, который мы не станемъ читать. Вотъ что подразумѣваемъ мы подъ словами г. Чернышевскаго:

«Да помилуйте, г. Юркевичъ вамъ доказываетъ: 1) что вы не знаете той философіи, о которой говорите; 2) что вы смѣшали методъ естествознанія, примѣняемый къ психическимъ явленіямъ съ самымъ изъясненіемъ душевныхъ явленій; 3) что вы не поняли важности самонаблюденія, какъ особеннаго источника психологическихъ познаній; 4) вы перемѣшали метафизическое ученіе о единствѣ матеріи; 5) вы допустили возможность превращенія количественныхъ разностей въ качественные; 6) наконецъ, вы допустили, что великое воззрѣніе есть уже фактъ науки, и такимъ образомъ утратили разницу жизни человѣческой отъ животной. Вы уничтожили нравственную личность человѣка и допускаете только эгоистическія побужденія животнаго.

«Кажется, ясно; дѣло идетъ уже не о комъ-либо другомъ, а о васъ, не о философіи и физиологіи вообще, а о вашемъ незнаніи этихъ наукъ. Къ чему-же тутъ громомъ о семинарской философіи? Зачѣмъ смѣшивать вещи, совершенно

«разныя и говорить, что вы все это знали уже въ семинаріи, и даже теперь помните «наизусть?»»

На все это я хотѣлъ бы сказать одно: да какъ же не говорить мнѣ того, что по моему мнѣнію совершенно справедливо? Но въ удовольствіе вамъ разъясню дѣло,—впрочемъ, опять-таки ссылкой на тѣ же самыя тетрадки, незнакомство съ которыми не дозволило намъ понять, въ чемъ дѣло.

Если бы потрудились вы пересмотрѣть эти тетрадки, вы увидѣли бы, что въѣ недостатки, которые г. Юркевичъ открываетъ во мнѣ, открываютъ эти тетрадки въ Аристотелѣ, Бэконѣ, Гассенди, Локкѣ и т. д. и т. д., во всѣхъ философахъ, которые не были идеалисты. Слѣдовательно, ко мнѣ, какъ отдѣльному писателю, эти упреки вовсе не относятся; они относятся собственно къ теоріи, которую популяризовать я считаю полезнымъ дѣломъ. Если вы не вѣрите, загляните въ принадлежащій тому же, какъ г. Юркевичъ, направленію «Философскій словарь», издаваемый г. С. Г.—вы увидите, что тамъ про каждаго не-идеалиста говорится тоже самое: и психологіи-то онъ не знаетъ, и естественныя-то науки ему неизвѣстны, и внутренній-то опытъ онъ отвергаетъ и передъ фактами-то онъ падаетъ во прахъ, и метафизику-то онъ съ естественными науками смѣшиваетъ, и человѣка-то онъ унижаетъ, и т. д. и т. д.—Скажите же, какая мнѣ надобность серьезно смотрѣть на автора ли извѣстной статьи, на людей ли его хвалящихъ, когда я вижу, что лично противъ меня они повторяютъ вещи, пзъ-поконъ-вѣка повторяемая про каждаго мыслителя школы, которой я держусь? Я долженъ судить такъ: или они не знаютъ, или они притворяются незнающими, что эти упреки не противъ меня, а противъ цѣлой школы; слѣдовательно, они люди или плохо знакомые съ исторіею философіи, или только дѣйствуютъ по тактикѣ, фальшивость которой сами знаютъ. Въ томъ или другомъ случаѣ такіе противники недостойны серьезнаго спора.

Скажите, напримѣръ, если бы кто сталъ лично васъ упрекать въ незнаніи за то, что вы считаете народность важнымъ для литературы элементомъ,—относился бы этотъ упрекъ лично къ вамъ? Нѣтъ, онъ относился бы къ цѣлой школѣ. Почли ли бы вы за нужное доказывать, что дескать «если я называю народность важнымъ элементомъ литературы, это еще не признакъ моего незнанія», — конечно, вы почли бы ниже своего достоинства доказывать это.

Но вамъ, по вашему незнакомству съ предметомъ спора, мои слова быть можетъ еще не совсѣмъ ясны. Постараюсь сдѣлать для васъ еще нѣсколько объясненій.

Изволите ли вы знать, что называли невѣждою, — не то что меня, а напримѣръ Гегеля? Извѣстно ли вамъ, за что его называли невѣждою? За то, что онъ имѣлъ извѣстный образъ мыслей, не нравившійся нѣкоторымъ ученымъ. Какъ вы полагаете, невѣжда былъ Гегель или нѣтъ? А кто вы думаете называлъ его невѣждою? Люди той самой школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Канта? За что называли, справедливо ли называли, какіе люди называли,—это все то же, что въ прежнемъ примѣрѣ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Декарта?—За что, справедливо ли и какіе люди называли,—это все то же, какъ въ прежнемъ примѣрѣ.

Возьмите какого угодно другаго мыслителя, подвигавшаго науку впередъ, каждый подвергался тому же самому обвиненію, за то же самое и отъ тѣхъ же самыхъ людей.

Умѣете ли вы сдѣлать выводъ изъ этихъ фактовъ? Если бы умѣли, мнѣ не пришлось бы объясняться съ вами; но по всему видно, что не умѣете; стало быть я долженъ подсказать его вамъ. Вотъ онъ:

Люди рутины упрекають въ невѣжествѣ всякаго нововводителя за то, что онъ—нововводитель.

Прошу васъ запомнить это. Память объ этомъ избавить васъ отъ многихъ промаховъ.

Но вы знаете этотъ выводъ только какъ фактъ. А вы расположены, какъ видно, любопытствовать о философскихъ матерiяхъ. Для вашего удовольствiя я выведу неизбежность этого факта изъ психологическихъ законовъ.

Положимъ, что извѣстный человѣкъ совершенно удовлетворяется извѣстнымъ умствоннымъ или житейскимъ положенiемъ. Если приходитъ другой человѣкъ и говорить: «оно неудовлетворительно», у человѣка, удовлетворяющагося этимъ положенiемъ, непременно рождается мысль: «онъ не удовлетворяется имъ потому, что незнакомъ съ нимъ». Рождается она вотъ какъ. Что совершенно удовлетворительно, то хорошо. Кому хорошее не кажется хорошо, тотъ не видитъ, что оно хорошо. Кто говоритъ о хорошемъ, не види, что оно хорошо, тотъ не знаетъ хорошаго.—Такимъ-то путемъ люди, удовлетворяющiеся чѣмъ нибудь неудовлетворительнымъ, приходятъ къ мысли, что неудовлетворяющiйся этимъ неудовлетворительнымъ, не знаетъ его. Это неизмѣнно бываетъ во всѣхъ сферахъ жизни и мысли. Если, напримеръ, вы скажете пьяницѣ, что пьянство не хорошо, онъ непременно возразитъ вамъ: «а попробуй-ко выпить, увидишь, что хорошо».—Если вы предлагаете купцу, торгующему по нашимъ обычаямъ, продавать товары по неизмѣнной цѣнѣ, *prix fixe*, безъ торгу, безъ запрашиванья, онъ непременно возразитъ вамъ: «это вы говорите потому, что нашего торговаго дѣла не знаете». Помните ли, когда стали рекомендовать стетоскопъ для распознаванiя грудныхъ и другихъ внутреннихъ болѣзней, опытные практиканты возражали: «вы толкуете о стетоскопѣ потому, что лечить не умѣете; намъ стетоскопъ не нуженъ». Такъ и во всемъ; такъ между прочимъ и въ философи. Поняли?

Или все еще непонятно для васъ? Но если все еще непонятно для васъ, то мнѣ уже наскучило объяснять. Оставайтесь при своемъ непониманiи. Значить, ужь не судьба вамъ понимать что нибудь въ философи. Но чтобы не огорчать васъ, я предположу, что вы наконецъ поняли, и скажу вамъ заключенiе изъ всего прочитаннаго вами, какъ будто вы поняли то, что прочли. Вотъ это заключенiе.

Теорiя, которую считаю я справедливой, составляетъ самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ. Если вы этого не знаете, а вѣрить мнѣ на слово не хотите, рекомендую вамъ взять какую вы хотите исторiю новѣйшей философи,—въ каждой такой книгѣ вы найдете подтвержденiе моимъ словамъ. По одному историку, теорiя эта справедлива, по другому несправедлива; но всѣ они единодушно скажутъ вамъ, что эта теорiя дѣйствительно послѣдняя, вышедшая изъ гегелевской точно такъ же, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой. Вы можете осуждать меня за то, что я признаю прогрессъ въ наукѣ и нахожу послѣднее слово ея самымъ полнымъ и справедливымъ. Это какъ вамъ угодно. Быть можетъ по вашему старое лучше новаго. Но допустите же возможность думать иначе.

Припомните теперь психологическій законъ, что всякаго нововводителя рутинеты называютъ невѣждой. Вы поймете, что основателя теоріи, которой держусь я, называютъ невѣждою приверженцы предшествовавшихъ теорій.

Но уже надѣюсь и безъ всякихъ мопхъ объясненій сами вы поймете, что когда извѣстными людьми взводится извѣстное порицаніе на учителя, то распространяется оно ими и на учениковъ, вѣрныхъ духу учителя; слѣдовательно должно распространяться и на меня въ числѣ другихъ.

Но вамъ все-таки можетъ быть еще не ясно дѣло, — вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — по русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Вюкнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешоттъ, не Фохтъ, — кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться: «должно быть Шюценгауеръ!» восклицаете вы, начитавшись статей г. Лаврова. — Онъ самый и есть, угадали.

Но скажите сами: виновать ли я въ томъ, что говорю съ вами такъ свысока, — виновать ли я въ этомъ, когда вы ставите себя относительно меня въ такое положеніе, что я долженъ разъяснять вамъ подобныя вещи? — Если, напримѣръ, вы скажете, что императоръ Петръ Великій побѣдилъ Карла XII подъ Полтавой и если какой нибудь господинъ закричитъ вамъ: «невѣжда, вы не знаете русской исторіи!» — вы ли будете виноваты въ томъ, что станете отвѣчать этому господину такимъ тономъ, какимъ вотъ я отвѣчаю вамъ?

Полюбуйтесь теперь на правоученіе, которое извлеку я для васъ изъ окончанія статейки «Отечественн. Записокъ». Она вопрошаетъ, обращаясь ко мнѣ:

«Вы говорите, что не читали этой статьи?» (то есть, статьи г. Юркевича). Правда ли это? Нѣтъ ли и здѣсь той скрытой, преднамѣренной причины, чтобы «оставить за собою мнѣніе въ публикѣ о вашемъ глубокомысліи, такъ сильно пострадавшемъ? Мы, молъ, такихъ статей читать не станемъ... А вѣдь, выходитъ, что «вы прочли статью и знаете, что въ ней кроется. Вашъ отвѣтъ вы сами начинаете такъ: Вотъ капитальнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV-й книжки «Русскаго Вѣстника». Почему жъ это вы узнали, что это капитальнѣйшее возраженіе на ваши уметванія?» («Отеч. Зап.» Июль. Русск. Лит., стр. 60, 61).

Вамъ кажется невѣроятно, что я не полюбилъ прочесть статью г. Юркевича. Очень вѣрю, что для васъ кажется это невѣроятно. Каждый человѣкъ измѣряетъ другихъ собою. Что ниже его или равно ему въ другихъ, то онъ понимаетъ, возможности того онъ вѣритъ; что выше его способностей или развитія, того онъ не понимаетъ, тому онъ не вѣритъ. Доказать вамъ это? Извольте. Въ комъ не пробудилось желанье учиться грамотѣ, тотъ не понимаетъ, какъ это другіе люди находятъ удовольствіе въ чтеніи книгъ. А мы съ вами, успѣвшіе стать выше этого человѣка, понимаемъ его мысли. Но мы съ вами не занимались вышей математикой, — признайтесь, что вамъ не совсемъ понятно, какъ это люди могутъ съ наслажденіемъ сидѣть по цѣлымъ днямъ за формулами интеграловъ: это намъ съ вами кажется странно. Вотъ вамъ относительно степени развитія способностей. Теперь относительно природной силы способностей. Человѣкъ съ характеромъ, способнымъ къ самопожертвованію, понимаетъ самопожертвованіе; человѣкъ съ сухимъ сердцемъ не понимаетъ, какъ это люди могутъ жертвовать собой для другихъ людей

или для идей, — ему это представляется помѣшательствомъ или лицемѣремъ. Кто неловокъ отъ природы, тотъ рѣшительно не понимаетъ, какъ это люди могутъ держать себя изящно; и если онъ станетъ заботиться объ этомъ, онъ станетъ держать себя еще нелѣпѣе прежняго; это значить, что онъ дѣйствительно не понимаетъ, въ чемъ же состоитъ изящество. Вотъ точно то же и наше съ вами дѣло.

Считайте слѣдующія мои слова самохвалствомъ, или чѣмъ вамъ угодно, но я чувствую себя настолько выше мыслителей школы г-на Юркевича, что рѣшительно нелюбопытно мнѣ знать ихъ мысли обо мнѣ, — точно такъ же, какъ напримѣръ вамъ вовсе нелюбопытно знать, какія достоинства или недостатки находить въ вашихъ критическихъ статьяхъ какойнибудь почитатель романовъ г. Рафаила Зотова.

Теперь вообразите, что этотъ почитатель романовъ г. Рафаила Зотова напечаталъ разборъ вашихъ статей; если у васъ работы довольно много и для часовъ досуга есть другіе планы развлеченій или любимыхъ занятій, то удивительно ли будетъ, что вы не прочтете эту статейку? Вотъ точно таково же мое отношеніе къ статьѣ г. Юркевича.

Вамъ кажется это невѣроятно? Что жъ дѣлать, — вы только заставляете меня предполагать, что многое мелкое для меня, для васъ крупно.

Гдѣ же вамъ вести полемику, когда вы подводите себя подъ такіе отвѣты.

Да, вѣдь у васъ остается очень сильный аргументъ: если я не читалъ статью г. Юркевича, то почему же я знаю, что она «капитальнѣйшая полемическая статья въ 4 № «Русскаго Вѣстника». Да вѣдь «Русскій Вѣстникъ» объявлялъ объ этомъ самъ въ статьѣ «Старые боги и новые боги», — что вотъ дескать мы помѣстимъ извлеченіе изъ превосходной статьи г. Юркевича, которой придаемъ необыкновенную важность. Въ прочтенномъ мною предисловіи къ этому извлеченію онъ опять повторялъ то же самое, — вотъ я въ насмѣшку и назвалъ эту статью самую капитальною. А вы и того не поняли, что слово «капитальный» тутъ употреблено въ насмѣшку? Что за наивность такая въ васъ; какъ же не знать, что если въ полемикѣ употребляются похвальные или торжественныя выраженія, то ихъ надобно понимать за насмѣшку? Чтобы это вамъ было понятнѣй, приведу примѣръ: «восхитительная статья «Отечественныхъ Записокъ» о г. Юркевичѣ прочитана была мною съ благоговѣніемъ къ великой философской учености ея автора», — ну вотъ попробуйте разобрать теперь, въ какомъ это смыслѣ я говорю, въ прямомъ или въ ироническомъ? Или и этого не разберете?

Удивляете вы меня своею пронизательностію. Какъ вы не сообразили хоть слѣдующаго факта: беру я цѣлыхъ 9 страницъ изъ статьи г. Юркевича, избобляющей мое невѣжество, и перепечатаваю эти страницы въ своей статьѣ безъ всякаго возраженія, — ну какъ вы полагаете, сдѣлалъ ли бы я это, еслибъ не былъ очень твердо убѣжденъ, что перепечатаваемая мною страницы слишкомъ плохи? Если бы вы умѣли соображать, этотъ одинъ фактъ уже показалъ бы вамъ, какъ слабы должны быть возраженія, которыя можетъ придумать противъ меня философъ такого направленія, какъ г. Юркевичъ.

Я обращался съ своею рѣчью къ вамъ, г. Дудышкинъ, потому только, что вы завѣдуете отдѣломъ, въ которомъ помѣщена разобранная мною статья; но быть можетъ, она и не вами написана, — если не вами, то я очень радъ за васъ.

Я люблю дѣлать сюрпризы. Вы, г. Дудышкинъ, конечно, ждете, что я посо-
вѣтую вамъ не помѣщать такихъ полемическихъ статей, какъ эта разобранная
мною,—какъ это можно, развѣ я врагъ себѣ? Сдѣлайте одолженіе, побольше, по-
больше такихъ статей печатайте, обяжете меня этимъ до крайности.

Чѣмъ то поразвлечься мнѣ на слѣдующій разъ? Думаю совокупить «Русскій
Вѣстникъ» съ «Отечественными Записками»;—да развѣ не прибавить ли тоже
нѣсколькихъ красоть изъ «Русской Рѣчи» и еще откуда нибудь, какъ случится.

Национальная безтактность.

(Слово. Рочникъ первый. Числа 1, 2. Львовъ. 1861 г.).

Мы не знаемъ, дойдетъ ли наша статья до свѣдѣнія галиційскихъ малороссовъ; если не дойдетъ, она будетъ написана напрасно, потому что собственно для нихъ только мы пишемъ ее, пишемъ съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ нимъ, съ самымъ живѣйшимъ желаніемъ блага имъ.

Да и какъ могли бы мы не сочувствовать имъ?—Галиційскіе малороссы или, какъ они себя называютъ, русины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія къ себѣ привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,—все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ-что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ.

Но пусть же они, не оскорбляясь, выслушаютъ мысли, быть можетъ щекотливыя для нихъ, но выказываемыя только изъ желанія успѣха ихъ стремленіямъ.

Передъ нами лежатъ два первые нумера львовскаго «Слова», газеты, называющей себя органомъ галиційскихъ малороссовъ. Мы не можемъ знать, всѣ ли галиційскіе малороссы хотятъ признавать своимъ органомъ эту газету,—но она очевидно издается людьми, убѣжденными, что за ними стоитъ, по одной съ ними дорогѣ пойдетъ все русинское племя. Самая возможность такой мысли ихъ доказываетъ, что людей сочувствующихъ имъ между русинами очень много. Если они и не представители всего племени, они во всякомъ случаѣ—представители сильной и вѣроятно самой сильной между русинами партіи. Мы судимъ о ней только по двумъ первымъ номерамъ газеты. Слѣдующимъ номерамъ не случилось дойти до насъ. Мы хотѣли бы думать, что матеріалъ, представляемый этими двумя первыми номерами, недостаточенъ для того, чтобы судить о партіи, имѣющей своимъ органомъ «Слово», но—къ сожалѣнію мы только «хотѣли бы» и не можемъ думать такъ: слишкомъ выразительно опредѣлился политическій тактъ этой партіи въ первыхъ двухъ нуме-

рахъ ея газеты. Каждое наше слово о ней будетъ основываться на выпискахъ изъ этихъ двухъ нумеровъ.

О языкѣ, которымъ писана газета, мы не желали бы судить,—мы слишкомъ плохіе знатоки въ этомъ дѣлѣ. Но спрашиваемъ у кого угодно, слышавшаго малорусскую рѣчь, имѣютъ ли хотя малѣйшее сходство съ ней, напримѣръ, слѣдующія фразы: «благослови насъ на дѣло, на добрый подвигъ духа, да соблюдаемъ вѣру и отечество»,—«честно служившій Богу своимъ словомъ»,—«для котораго въ непріянныхъ обстоятельствахъ погасло»,—«всѣ силы нашего духа, все стремленіе ума»? Эти фразы всѣ взяты нами съ одной первой страницы перваго нумера, и много можно было бы набрать въ ней другихъ точно такихъ же. Развѣ это—малорусскій языкъ? Это языкъ, которымъ говорятъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ или Львовѣ. Львовское «Слово» основываетъ свои права и надежды на томъ, что малорусское племя—племя изъ 15 милліоновъ человекъ. Зачѣмъ же говорить о племенномъ единствѣ ломаннымъ языкомъ, какимъ никто не пишетъ нигдѣ, кромѣ Львова? Наши малороссы уже выработали себѣ литературный языкъ, несравненно лучшій; зачѣмъ отдѣляться отъ нихъ? развѣ онъ такъ далекъ отъ языка русиновъ, что имъ нужно писать другимъ нарѣчіемъ? Но если такъ, вы—уже не малороссы, вы, какъ лужичане, отдѣльное племя. Но если такъ, васъ только 3 милліона, и вы не можете удержать своей народности. Что за странные люди! воодушевляютея мыслью о своей національности и хотятъ дробить свое племя на мелкія части безъ всякой надобности.

И еслибъ это относилось еще только къ одному вопросу о литературномъ языкѣ,—итъ, львовское «Слово», не колеблясь, обнаруживаетъ такую же мысль и относительно политической жизни племени. Переводимъ первую статью 1-го нумера «Слова», озаглавленную «Наша программа».

«Нашу программу мы выскажемъ открыто и искренно въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы существуемъ какъ русины и, какъ русины, имѣемъ свое особенное происхожденіе, обычаи, языкъ и вѣру. Все это намъ осталось завѣтнымъ наслѣдствомъ отъ святыхъ предковъ; все это мы любимъ съ такимъ жаромъ, что готовы пожертвовать за это нашею кровью до послѣдней капли. Таково уже отъ природы наше русское сердце».—«Такова же и душа наша» (вотъ къ чему приводитъ претензія создавать свое особенное литературное нарѣчіе изъ смѣси мѣстнаго народнаго говора съ литературнымъ языкомъ другихъ племенъ,—въ настоящемъ случаѣ великорусскаго племени,—не довольствуясь уже готовымъ, литературнымъ языкомъ, выработаннымъ у большинства малорусскаго племени; «сердце» народа выходитъ чѣмъ-то особеннымъ отъ «души» народа). — «Такова же и душа наша, потому что мысли въ ней чисты и здравы. Мы смотримъ на свою страну, какъ на провинцію Австрійской имперіи. Этою имперіею владѣетъ государь, которому мы вѣрны не по одной привычкѣ, но и по здравому размысленію».—Замѣтимъ это: русины объявляютъ или, лучше сказать, львовское «Слово» объявляетъ отъ имени русиновъ, что они не хотятъ соединиться съ другими малороссами, что они вѣрные защитники Австрійской имперіи. Къ чему же говорить о національности, если не хочешь національнаго единства? Мы понимаемъ, что не всякое стремленіе можно обнаруживать въ данномъ положеніи. Но если вѣрнѣшая необходимость заставляетъ отлагать на-время какую нибудь завѣтную мысль, то никто не заставитъ же человека превозглашать противоположный догматъ. Молчаніе мы поняли бы; но не понимаемъ, что такое и къ

чему говорить львовское «Слово» о своемъ чувствѣ къ Австрійской имперіи, или, лучше сказать, не понимаемъ, зачѣмъ же при такомъ чувствѣ издается «Слово» — подобныя чувства гораздо лучше излагаются на нѣмецкомъ языкѣ. Но «Слово» продолжаетъ развивать свою мысль, подкрѣпляетъ ее доказательствами. — Вѣрная исторія галицко-русскаго народа показываетъ намъ, что, потерявъ самостоятельность, Русь (то есть, Малороссія) въ теченіе четырехъ вѣковъ теряла свою народность и утрачивала наконецъ ясное сознаніе о себѣ. Она оживилась уже при правительствѣ, болѣе безпристрастномъ, какимъ оказалось для ней правительство австрійское». Кажется ясно: львовское «Слово» предпочитаетъ австрійцевъ полякамъ; поляки въ теченіе 400 лѣтъ угнетали малорусскую народность въ Галиціи, а подъ австрійскою властью она воскресла. Прошлыхъ отношеній поляковъ къ малороссамъ мы не станемъ разбирать, потому что пылѣвшимъ людямъ въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ надобно руководиться не прадѣдовскими отношеніямъ, а нынѣшними своими надобностями; иначе бретонцу слѣдовало бы ненавидѣть французовъ, которые когда-то угнетали бретонцевъ. Но неужели австрійскіе нѣмцы — такіе надежные покровители русинской національности? развѣ не высказываютъ они теперь совершенно ясно, что всѣ народности Австрійской имперіи хотятъ подчинить нѣмецкому элементу, и развѣ не было это всегда кореннымъ принципомъ австрійской политики? Странные люди! — Изъ-за воспоминаній о старинѣ проникаются они преданностью къ нынѣшнему общему непріятелю ихъ и старинныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы. Но львовское «Слово» твердо стоитъ на старинѣ. «Такъ учить насъ исторія, такъ говорятъ въ каждой малорусской хатѣ вѣрное преданіе народа». Мало ли что говоритъ народное преданіе, — зачѣмъ же и существуютъ на свѣтѣ просвѣщенные патріоты, какъ не за тѣмъ, чтобы помогать народу дѣйствовать по разсудку, по настоящей надобности, а не по стариннымъ преданіямъ, не имѣющимъ никакой пригодности для настоящаго? Въ нашихъ, напримѣръ, преданіяхъ враги русскіихъ — татары; что же, мы и должны основывать свою національную программу на враждѣ къ татарамъ, которые давнымъ давно перестали дѣлать намъ вредъ? У французовъ, напримѣръ, народное преданіе провозглашаетъ непримиримую вражду къ «злому англичанину, опустошающему Францію», то есть, къ англичанину временъ разныхъ Эдуардовъ. Что же, просвѣщенные французы должны провозглашать крестовый походъ на англичанъ? По программѣ львовскаго «Слова» выходитъ такъ; и оно не колеблясь говоритъ: «кто думалъ бы иначе, тотъ излечится отъ своего заблужденія на Руси», — то есть, въ малорусской части Галиціи. Да, Меттернихъ совершенно одобрилъ бы этотъ взглядъ. Впрочемъ, вѣдь Меттернихъ вѣроятно былъ другъ русинствъ: такъ надобно полагать по отзыву львовскаго «Слова» объ австрійскомъ правительствѣ.

Но продолжаемъ читать программу.

«Далѣе, мы признаемъ и вѣримъ, что люди, созданіе Божіе, вообще добры. Мы оптимисты. Но не доводимъ вѣры нашей въ человѣческую доброту до того, чтобы не признавать, что у отдѣльныхъ лицъ есть свои предрасудки, преувеличенное самолюбіе и быть можетъ коварныя цѣли. Шадя, какъ слѣдуетъ, человѣческое достоинство каждаго отдѣльнаго лица, а тѣмъ больше народа, мы готовы безпощадно опровергать предрасудки и человѣческія ошибки, гдѣ бы ихъ не встрѣтили. Потому что мы хотимъ мира и тишины въ нашей странѣ, а тамъ ихъ нѣтъ, гдѣ предрасудки.

«Дальше, мы признаемъ и убѣждены, что русскому» (русинскому) «народу нужно больше просвѣщенія. Всѣ силы нашего духа, все стремленіе ума и мыслей мы посвящаемъ добросовѣтно, безкорыстно распространенію народнаго образованія. Но мы издаемъ политическую газету для болѣе просвѣщенной части народа, потому наша дѣятельность тутъ есть и будетъ преимущественно посредническая. Отъ почтенныхъ нашихъ корреспондентовъ, живущихъ болѣею частью въ непосредственномъ сношеніи съ народомъ, будетъ преимущественно зависѣть то, чтобы придавать нашему «Слову» слогъ и языкъ, какъ можно болѣе понятный народу». — Все это такъ. Но должно смотрѣть, кто можетъ, а кто никакъ не можетъ быть надежнымъ союзникомъ въ заботахъ о народномъ просвѣщеніи. Мы боимся, что нѣкоторые изъ слѣдующихъ статей львовскаго «Слова» внушены излишнею надеждою на такіе общественные элементы, которые ни въ какомъ случаѣ не будутъ полезны для народнаго образованія. Мы боимся также, что львовское «Слово» по стариннымъ воспоминаніямъ смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренно готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское «Слово» врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя его нынѣшнихъ союзниковъ. Надобно смотрѣть на живыя отношенія и надобности каждой партіи или народности, а не дѣйствовать по одному примѣру предковъ, обстоятельства которыхъ были совершенно иныя. — Продолжаемъ читать программу.

«Наконецъ мы объявляемъ, что въ многовѣковомъ международномъ спорѣ, который открыто или неоткрыто ведется въ нашей странѣ, названной Галиціею по имени русскаго города, въ этомъ спорѣ мы стоимъ рѣшительно на сторонѣ Руси» (русинской національности). «Ничего иного не могутъ требовать отъ насъ, русиновъ, и самые противники». — Что русинская газета стоитъ за русиновъ, этому, конечно, такъ и должно быть. Но мы не находимъ политическаго такта въ томъ, что редакція львовскаго «Слова» спѣшитъ упоминать о международномъ спорѣ въ Галиціи, какъ будто основывается именно для этого спора. Вопросъ могъ быть поставленъ гораздо полезнѣйшимъ для русинскаго народа способомъ: имѣетъ ли этотъ споръ двухъ народностей въ Галиціи такую первостепенную важность, какая дается ему съ одной стороны предразсудками (вѣдь львовское «Слово» хочетъ бороться протпвъ предразсудковъ!), а съ другой стороны людьми, для которыхъ выгодно раздувать въ каждой части Австрійской имперіи вражду народностей, чтобы держать каждую народность въ угнетеніи силою другой народности. Меттерниковская система вооружала венгровъ на кроатовъ и сербовъ, а сербовъ и кроатовъ на венгровъ. Для какой національности было полезно то, что она поддалась тактикѣ Меттерниха? Много ли выиграли, напримѣръ, кроаты и австрійскіе сербы тѣмъ, что защищали австрійцевъ противъ венгровъ? Мы полагаемъ, что львовскому «Слову» слѣдуетъ внимательнѣе подумать объ этомъ, чтобы не быть увлечену къ способу дѣйствій, который можетъ нанести очень много вреда нерусинскому населенію Галиціи, но ровно столько же повредилъ бы и русинскому племени. Слѣдовало бы «Слову» повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такой готовностью, и который понимаетъ оно, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній, львовское «Слово» увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному

вопросу,—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той и на другой сторонѣ и русиновъ и поляковъ,—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русскихъ поселянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, та сословная партія, которая представляется львовскому «Слову» враждебной къ русинской національности, не имѣетъ собственно къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, точно такъ же и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ-то и не мѣшало бы подумать львовскому «Слову». Быть можетъ уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами,—быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ; а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ. Впрочемъ мы еще будемъ имѣть надобность возвратиться къ этому основному галиційскому вопросу по поводу слѣдующихъ статей «Слова».

Мы перевели программу львовскаго «Слова» вполнѣ, кромѣ только послѣднихъ строкъ ея, относящихся къ условіямъ подписки и т. п. За программу слѣдуетъ статьи, напечатанная съ такою же широкою разставкою строкъ, какъ и самая программа: внѣшній видъ показываетъ, что эта вторая статья—тоже капитальная, руководящая статья. Она приглашаетъ высокопреосвященнаго Григорія, митрополита галицкаго, стать главою русинскаго племени въ политическихъ дѣлахъ. Объ этомъ мы скажемъ только, что о мірскихъ дѣлахъ надобно заботиться мірскимъ людямъ. Русинскіе поселяне не могутъ ожидать или требовать, чтобы православное духовенство распахивало ихъ поля; русинскіе православные торговцы не ожидаютъ и не требуютъ, чтобы оно управляло ихъ коммерческими оборотами. Точно такъ же, вообще все русинскіе міряне сами должны заботиться о своихъ общихъ мірскихъ интересахъ, не желая и не требуя, чтобы православное русинское духовенство исполняло за нихъ это дѣло, которымъ по самому своему званію оно не должно заниматься, къ уснѣшному занятію которымъ оно не приготовлено и заниматься которымъ оно не можетъ безъ вреда для русинскаго народа.

На это могутъ возразить, что кромѣ православнаго духовенства слишкомъ мало въ русинскомъ народѣ людей, которые по своей образованности были бы въ состояніи послужить адвокатами народу при защитѣ его мірскихъ интересовъ въ литературѣ, администраціи и на провинціальномъ сеймѣ. Мы не желали бы слышать такого возраженія, потому что оно только свидѣтельствовало бы противъ своевременности и возможности дѣла, предпринимаемаго львовскимъ «Словомъ». Если въ племени слишкомъ мало людей, которые могли бы быть журналистами, администраторами, ораторами, этому племени еще рано думать о политической роли, это племя—еще слишкомъ неразвито, и, задумавъ играть самостоятельную политическую роль, оно только впало бы въ руки интригантовъ, которые воспользовались бы его простотою для того, чтобы, съ одинаковымъ вредомъ для него и для всехъ другихъ племенъ, отстоять существующія злоупотребленія и стѣсненія противъ болѣе

просвѣщенныхъ стремленій другихъ болѣе развитыхъ племенъ. Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галиційскихъ русиновъ. Если львовское «Слово» хочетъ вручить ходатайство по мірекимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русинамъ изъ русиновъ же, то значить сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, то есть еще и неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значить поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что неспособенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно такъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ положеніи. Если оно такъ неразвито, что не находитъ въ своей средѣ хорошихъ предводителей, людей знающихъ и не могущихъ измѣнить ему, оно не можетъ ждать себѣ пользы отъ борьбы съ другими племенами; оно должно искать дружбы съ ними, которая одна можетъ оградить его интересы. Конечно, такое положеніе не принадлежитъ къ наилучшимъ на свѣтѣ; конечно, гораздо пріятнѣе не нуждаться ни въ комъ, имѣть въ самомъ себѣ всѣ залоги, всѣ элементы, нужные для собственнаго блага. Потому мы и сказали, что не желали бы слышать возраженія, неминуемо ведущаго къ такимъ замѣчаніямъ. Мы желаемъ думать, что галиційскіе русины понимаютъ и могутъ сами защитить свои интересы. Но тактика львовскаго «Слова» противорѣчитъ такому предположенію. Мы желали бы не признавать эту газету представительницею русинскаго племени; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, чтобы отвергнуть эту ея претензію. И мы съ прискорбіемъ должны сказать, что пока сами русины не опровергнутъ претензію львовскаго «Слова», никто изъ желающихъ добра имъ не въ силахъ будетъ предсказать имъ ничего хорошаго для нихъ, если хоть сколько-нибудь понимаетъ ходъ историческихъ дѣлъ.

Этотъ выводъ печальный для насъ, желающихъ русинамъ всего добраго безъ всякихъ оговорокъ и исключеній,—этотъ выводъ все сильнѣе и сильнѣе будетъ подтверждаться по мѣрѣ того, какъ мы будемъ пересматривать слѣдующія статьи львовскаго «Слова». Мы перевели первую цѣликомъ; остальные мы имѣемъ право обзорѣть коротко, указывая лишь главныя мысли ихъ.

За мольбою къ высокопреосвященному куръ Григорію слѣдуетъ въ № 1 «Слова» статья «Русинская Галиція и ея отношеніе къ сосѣдямъ». Начинается она описаніемъ радости русиновъ при появленіи возможности имѣть газету на своемъ языкѣ, — это естественно; но мы желали бы знать, подумала ли редакция «Слова» о томъ, къ кому должна относить она упрекъ свой за прежнюю невозможность говорить съ русинами на ихъ родномъ языкѣ? «Были люди (говоритъ львовское «Слово»), которые уже потирали себѣ руки при мысли, что русинскій языкъ пропадаетъ», — эти люди предаются въ русинской газетѣ проклятію, наравнѣ съ Іудею искаріотскимъ. Хорошо. Но кто же не позволялъ русинамъ до нынѣшняго года издавать газету на русинскомъ языкѣ? Чье согласіе нужно на это? Чье несогласіе до сихъ поръ мѣшало изданію такой газеты? Подумавъ объ этомъ, видишь совершенную несообразность въ словахъ, слѣдующихъ за упоминаніемъ объ Іудѣ искаріотекомъ, — въ словахъ о томъ, что «нѣкоторые сосѣди хоронили русскій языкъ». Какіе тутъ сосѣди были виноваты? Дѣло завясъло отъ Вѣны. — За укоруизною, обращенною,

какъ намъ кажется, совершенно не въ ту сторону, въ какую велить обратить ее здравый смыслъ, слѣдуетъ самовосхваленіе съ цѣлью доказать, что русины имѣютъ право уважать себя не менѣе другихъ племенъ. Хорошо; на чемъ же основываетъ львовское «Слово» права русиновъ? «Они защищали западную Европу отъ татаръ». Это не правда. Съ татарами галиційскіе русины боролись очень мало, меньше литовцевъ и чуть ли не меньше поляковъ. Съ татарами боролись восточные малороссы, отъ которыхъ львовское «Слово» отдѣляетъ русиновъ. Что ибудь одно изъ двухъ: или выставляйте себя только частью великаго малорусскаго племени, каковы и на самомъ дѣлѣ вы, или не присвоивайте себѣ заслугъ, сдѣланныхъ тѣми частями вашего племени, отъ единства съ которыми вы отказываетесь по вашей программѣ. Но львовское «Слово» не видитъ несообразности въ своихъ статьяхъ, провозглашающихъ отдѣльность Русинской Галиціи отъ остальной Малороссіи и ставящихъ въ заслугу русинамъ то, что сдѣлано другими малороссами. Оно продолжаетъ: «малороссы любили просвѣщеніе, когда поляки были еще варварами. Слово о полку Игоревѣ (что жъ, это галиційская поэма?) не заставлятъ ли мыслящаго человѣка удивляться высокой степени, до какой уже достигала тогда малорусская литература? Письменные договоры, относящіеся еще къ языческимъ временамъ, не говорятъ ли о политической жизни Руси и ея вліяніи на сосѣдніе народы»? Нимало не говорятъ, потому что англичане или нынѣшніе русскіе заключаютъ точно такъ же письменные договоры съ дикарями, не имѣющими даже грамоты; такъ и греки могли заключать письменные договоры съ Русью, хотя бы Русь была тогда племенемъ, совершенно варварскимъ. Но не въ томъ дѣло: положимъ что и правду говоритъ львовское «Слово», будто «нынѣ цѣлая Европа удивляется плодамъ нашей старинной литературы», — то есть. «Слово о Полку Игоревѣ», лѣтописи Нестора и договорамъ Олега и Игоря съ греками;— пусть она удивляется имъ, хотя она ни мало и не думаетъ о томъ; пусть эти «дивные», по мнѣнію львовскаго «Слова», плоды и принадлежатъ галиційскимъ русинамъ, хотя принадлежатъ вовсе не тому отдѣлу малорусскаго племени, который живетъ въ Галиціи и отвергаетъ въ львовскомъ «Словѣ» свое единство съ другими малороссами; что жъ изъ всего этого? Какія права въ настоящемъ могутъ основываться на фактахъ X или XII столѣтія? Трактаты 1815 года отвергаются тѣми народами, нынѣшнимъ потребностямъ которыхъ не удовлетворяютъ, а вы хотите опираться на договоръ Игоря съ греками. Это странно до крайности. Такіе доводы могутъ употреблять лишь люди, совершенно лишеныя политическаго знанія, люди, которые будутъ по своей неопытности и наивности игрушками въ рукахъ интригантовъ. Политическія права племени основываются на его живыхъ отношеніяхъ. Вы хотите писать по-русински? Прекрасно; если вы умѣете писать, вамъ не нужно никакихъ другихъ доводовъ,—вамъ нужно это, вамъ пріятно это—чего же больше? Вы имѣете на то полное право. На Олега и Нестора ссылаться тутъ смѣшно. Будетъ ли имѣть успѣхъ ваше желаніе?— Это зависитъ оттого, будете ли вы имѣть публику. Если въ русинскомъ племени есть достаточное число людей, у которыхъ уже развилась потребность читать газеты, вы будете имѣть успѣхъ теперь же (когда съумѣете писать для нихъ дѣльные и полезныя вещи). Если нѣтъ, Несторъ и Игорь вамъ не помогутъ — у васъ нѣтъ публики, вы должны еще позаботиться о томъ, чтобы научить вашихъ соплеменниковъ искусству чтенія. Тутъ важность не въ доказываніи удивительныхъ достоинствъ старинной вашей литературы, а въ нынѣшней степени просвѣщенія у вашего племени.

«Но есть люди, доказывающіе, что русинское нарѣчіе неспособно имѣть литературу; это враги наши». Конечно, пока вы не будете имѣть многочисленной публики, многіе будутъ сомнѣваться въ полезности и практичности вашихъ попытокъ издавать русинскія газеты, особенно если вы будете писать ломаннымъ языкомъ, какимъ пишете теперь, смѣсью мѣстнаго галиційскаго нарѣчія съ нашимъ литературнымъ и съ церковно-славянскимъ языками. Но такое сомнѣніе еще вовсе не означаетъ вражды къ вамъ. Вотъ мы, напримѣръ, безусловно желаемъ вамъ всего хорошаго, а въ полезности вашей газеты то же сомнѣваемся очень сильно. Или даже и не сомнѣваемся, а совершенно увѣрены, что вы идете по ложному пути. Зачѣмъ вы придумываете себѣ особенное ломанное нарѣчіе, отдѣляетесь отъ общей малорусской литературы? Одна галиційская часть малороссовъ такъ мала, что не въ состояніи имѣть своей отдѣльной порядочной литературы, какъ не можетъ имѣть своей отдѣльной порядочной литературы Костромская губернія или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство. Эти маленькія части большихъ народностей что нибудь значать въ чемъ бы то ни было, — въ литературѣ ли, въ политической ли жизни, — только тогда, когда держатся въ одномъ цѣломъ съ остальными частями своего народа. А впрочемъ, не напрасно ли мы съ вами и разсуждали о томъ, на какихъ доводахъ должно опираться право русинскаго народа имѣть родную литературу? Нужно ли вамъ передъ кѣмъ нибудь доказывать это право? Развѣ кто нибудь отрицаетъ его? Вы горячитесь противъ поляковъ, — вѣдь они-то и названы у васъ іудами некаріотескими, желающими погубить вашу русинскую литературу. Но вѣдь они вовсе этого не желаютъ, — напротивъ, сами вы свидѣльствуете, что они готовы ободрять людей, пишущихъ для русинскаго народа на его языкѣ. Вотъ ваши собственные слова: «мы смѣемся надъ покровительствомъ, подъ которое принимаютъ насъ польскія львовскія газеты», — хорошо ли вы дѣлаете, что смѣетесь, объ этомъ послѣ; а теперь пока замѣтимъ одно: вы сами засвидѣтельствовали, что польскія газеты готовы сочувствовать развитію литературы на малорусскомъ языкѣ. Откуда же вы взяли, что поляки враждебны къ ней? Этого нѣтъ. А если польскія газеты оставались недовольны направлениемъ нѣкоторыхъ русинскихъ изданій и вѣроятно остались недовольны направлениемъ львовскаго «Слова», это совершенно иное дѣло, неимѣющее никакого отношенія къ вопросу о малорусской національности, — вѣдь и мы вотъ не хвалимъ же «Слово», хотя съ поляками мы не хотимъ имѣть ровно ничего общаго, кромѣ того, что имѣемъ общаго и съ китайцами, и съ англичанами, и со всякими другими народами. Прицая «Слово», мы вовсе не за то его порицаемъ, что оно пишется по русински, а за то, что пишется оно въ направленіи, вредномъ для русинскаго народа. Вотъ и поляки не за то ли же порицали разныя попытки русинскихъ писателей? Тутъ дѣло не въ языкѣ, а въ образѣ мыслей. Кто виноватъ, если мысли ваши неосновательны и слишкомъ безсвязны? Конечно, не языкъ русинскаго народа. Пишите вы подобныя вещи на какомъ хотите языкѣ, на польскомъ ли, на англійскомъ ли, на итальянскомъ, все равно не похвалитъ васъ никто изъ людей, понимающихъ дѣло, потому что народу, на языкѣ котораго станете писать, вы будете внушать чувства и мысли, вредныя для этого народа, какой бы тамъ онъ ни былъ. Развѣ и своихъ писателей всѣхъ хвалятъ поляки? Точно также не всѣхъ, какъ не всѣхъ своихъ мы хвалимъ, или не всѣхъ своихъ хвалятъ итальянцы, или англичане, или французы. — Кто виноватъ въ томъ, что выставляютъ себя руководителями русиновъ люди, которые

не умѣютъ ничего понять, не умѣютъ ничего полезнаго своему народу сказать? Никто не виноватъ, кромѣ самихъ этихъ людей,—ни Англія, ни Китай, ни Польша не виноваты въ томъ; виновато въ томъ лишь наивное заблужденіе самихъ этихъ людей, вообразившихъ, что одного патріотическаго чувства, безъ политическаго образованія и такта, довольно имъ для того, чтобы стать полезными для народа политическими предводителями. Нѣтъ, этого мало, какъ мало любви къ человѣку для того, чтобы лечить его. И любишь, да погубишь его своимъ лекарствомъ, если не знаешь медицины.

Львовское «Слово» совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности. Оно само засвидѣтельствовало, что поляки готовы сочувствовать русинской литературѣ. Но львовское «Слово» «смѣется надъ покровительствомъ», которое они хотѣтъ оказывать ей. Смѣшно или не смѣшно это «покровительство», все равно редакція «Слова» показываетъ совершенную безтактность, незнаніе первыхъ правилъ общежитія, провозглашая свой смѣхъ съ перваго же раза. Это грубо и неблагоразумно, только и всего. Поссориться успѣли бы вы и тогда, когда оказалась бы невозможность согласиться между собою. Зачѣмъ же оскорблять людей, которые хотѣтъ помогать вашему дѣлу.

Но видите ли, львовское «Слово» обидѣлось самымъ выраженіемъ сочувствія къ нему, приняло эту симпатію за «покровительство», — и провозглашаетъ: «мы, слава Богу, изъ пеленокъ уже выросли», — вотъ и причина отвергать содѣйствіе: поляки считаютъ насъ, русиновъ, младенцами, подумало львовское «Слово» и раздражилось. «Мы, слава Богу, уже выросли изъ пеленокъ», — вотъ видите ли, если бы въ предыдущихъ статьяхъ не представили вы много доказательствъ своей младенческой неопытности и незрелости, эта одна раздражительность и обидчивость уже засвидѣтельствовала бы, что вы — дѣйствительно не больше, какъ дѣти въ политическихъ дѣлахъ. Взрослые люди ни въ комъ не подозрѣваютъ намѣренія считать ихъ дѣтьми, — только несовершеннолѣтніе очень подозрительны и обидчивы въ этомъ отношеніи. Взрослый человѣкъ ни мало и не думалъ еще высказывать чѣмъ иибудь свое пренебреженіе къ мальчишкѣ, а мальчишка ужъ думаетъ: «вѣдь онъ считаетъ меня мальчишкой» — думаетъ это, и обижается, и съ досады дѣлаетъ мальчишескія выходки.

Мы ни мало не относимъ этихъ грустныхъ словъ ни вообще къ русинамъ, ни вообще къ русинскимъ писателямъ, — наше замѣчаніе относится только къ газетѣ «Слово». Было бы тяжело предположить, что она въ самомъ дѣлѣ — представительница русинской національности. Пусть просвѣщенные русинскіе патріоты поспѣшатъ взять дѣло изъ рукъ, въ которыхъ оно только компрометируется.

За статью «Русины и ихъ отношенія къ сосѣдямъ» слѣдуютъ письма корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстъ. Первый корреспондентъ говоритъ, что русинская журналистика «должна твердо держаться, какъ аксіомы, того политическаго принципа, что только при Австріи и тѣсною съ нею политической связи можетъ Галицкая Русь съ успѣхомъ» вести свое дѣло. — Другой корреспондентъ, мимоходомъ, открываетъ, въ комъ имѣетъ своихъ противниковъ русинская литература. «Находясь, къ несчастію, такіе люди, которые, покинувъ прародительскую ниву, отрекшись отъ своей матери и роднаго слова, стали воздѣлывать чужую ниву, отдались въ опеку маичихъ; и стараясь войти къ ней въ милость, страшно враждуютъ пылѣ противъ своей кормилицы и всякими способами уснаиваются отнять у ней

сыновой, еще оставшихся вѣрными ей. Но напрасны ихъ усилія, — напрасны, потому что дѣло ихъ противно божескому закону. Человѣкъ, отрекающійся отъ родной матери и роднаго слова и принимающій чужое слово для уметвенной жизни своей, враждуетъ самъ противъ себя и нарушаетъ божескій законъ». Что жъ послѣ этого сваливать вину на сосѣдей, когда враги ваши вовсе не сосѣди, а нѣкоторые изъ вашихъ единоплеменниковъ? Подобное положеніе было у насъ при Сумароковѣ и даже при Карамзинѣ. Нѣкоторые русскіе отрекались отъ роднаго слова для французскаго языка и презирали русскую литературу, провозглашая, что на мужицкомъ языкѣ нельзя читать книгъ, а надобно читать на французскомъ. Чѣмъ тутъ были виноваты французы? — ни душой ни тѣломъ. Чѣмъ же поправилось дѣло нашей литературы? враждою ли противъ французовъ, бывшихъ тутъ ровно ни при чемъ, или даже хвалившихъ тогдашнія наши литературныя попытки, напримѣръ, трагедіи Сумарокова? Поправилась наша литература просто тѣмъ, что хотя нѣсколько распросранилось у насъ просвѣщеніе (при помощи французовъ же и другихъ просвѣщенныхъ націй). Мы видимъ, что само русенское племя дѣлится на двѣ разныя партіи: масса народа говоритъ на родномъ языкѣ и любитъ его; нѣкоторые русины стыдятся быть русинами и враждуютъ противъ роднаго языка. Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки такихъ отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ? — Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно такъ же, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями. А сами поляки желаютъ относиться къ русинской національности вовсе не такъ, какъ относятся эти жалкіе люди: мы уже видѣли изъ самаго «Слова», что поляки готовы содѣйствовать ей развитію. Раздувая вражду противъ поляковъ, «Слово» не можетъ однакоже скрыть этого факта. Въ концѣ 1-го нумера, наполненнаго выходками противъ мнимой вражды поляковъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто: мы должны (говоритъ редація львовскаго «Слова») благодарить польскія газеты за братскую помощь, какую они принесли намъ, поспѣшивъ объявлять о намѣреніи нашемъ издавать русинскую газету. Польскія газеты больше всего доставили намъ средствъ увѣдомлять нашихъ подписчиковъ о скоромъ появленіи «Слова». — Хорошо; зачѣмъ же безпрестанно бранить тѣхъ, кого вы должны благодарить? Даже за отрывкомъ, который у насъ написанъ, слѣдуетъ брань на поляковъ, и за что же? Какъ вы думаете? Одна изъ польскихъ газетъ сказала, что львовское «Слово» будетъ печататься «русскими» буквами. Что жъ, это правда. Львовское «Слово» дѣйствительно печатается тѣмъ самымъ шрифтомъ, какой принятъ у насъ въ Россіи. И какая обида въ этомъ справедливомъ замѣчаніи польской газеты? Но львовское «Слово» обижается и бранится. Оно доказываетъ, что шрифтъ, употребляемый въ Россіи, заимствованъ нами, русскими, у русиновъ и потому долженъ называться русскимъ, а русинскимъ. Удивительно! Мы того и ждемъ, что львовское «Слово» увидитъ обиду и злонамѣренность во мнѣніи нашемъ о единоплеменности галицкіихъ русиновъ съ остальными малороссами.

Не правда ли, довольно было бы и одного перваго нумера львовскаго «Слова», чтобы составить очень точное и подробное сужденіе о несчастномъ направленіи этой газеты? Да, мы могли бы и не пересматривать втораго нумера; но такъ какъ онъ у насъ подъ руками, то почему же не пересмотрѣть? Вотъ первая статья, самая большая, напечатанная крупнымъ шрифтомъ, — руководящая статья. Заглавіе у

ней: «Симпатія или антипатія?» т. е. русиновъ къ полякамъ. Тутъ доказывается, что русинскій народъ долженъ ненавидѣть поляковъ. За что же? какъ вы полагаютъ? Больше всего за то, что поляки въ Галиціи носятъ «рогатія шапки»,—въ родѣ тѣхъ, какія въ модѣ у нашихъ мужиковъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: довольно высокая шапка, верхъ у которой не круглый, а четырехъугольный. Эти шапки ясно выражаютъ надменность поляковъ, ихъ тайную мысль колотъ своими рогами русинскій народъ. Краснѣешь за русскій или, если угодно львовскому «Слову», русинскій шрифтъ, когда читаешь напечатанныя имъ такія вещи. Какъ вы прикажете послѣ этого думать о слѣдующей затѣмъ корреспонденціи, превозносящей терпимость русинскаго народа? Конечно, русинскій народъ, подобно другимъ малороссамъ, уменъ и добръ; но не имѣютъ никакого права говорить отъ имени его люди, провозглашающіе вражду къ полякамъ за форму ихъ шапокъ. Тѣмъ же духомъ странной ребяческой нетерпимости изъ-за вздора, глупѣйшаго вздора, проникнуть фельстонъ 2-го нумера, заключающій въ себѣ стихотворную «Сказку для дѣтей о томъ, какъ буква Ъ отправила чорта въ адъ». Чортъ тутъ выводится подъ именемъ «лихій»,—это, видите, остроумный каламбуръ, указывающій на ляховъ. Лихой (т. е. ляхъ) хотѣлъ похитить и съѣсть букву Ъ; но буква Ъ врѣзалась ему въ грудь, начала терзать внутренности «Лихаго», т. е. ляха, и низвергла его въ адъ. Хотите ли имѣть понятіе объ этой нелѣпой чепухѣ? Извольте:

Самъ одинъ за всю азбуку
 Готовился бѣдный Ъ
 Русскую поднести (поднять) руку,
 Съ Вельзевуломъ вести споръ.
 Жертволюбія чудесныи
 Ъ собовъ (собою) тутъ примѣръ далъ.
 Дѣти! Ъ нашъ всегда честный,
 Онъ за Русь цѣлу страдалъ!
 — Чорта въ некло (адъ) тайна сила
 Несла скоро стремголовъ (стремглавъ),
 И куски роздерты (растерзанные) тѣла
 Вновь слѣпилися смоловъ (смолой).
 Уже до некла чортъ добылся (достигъ).
 Ухъ! — тамъ ужасный огонь,—
 Чортъ прибывши въ немъ обмылся,
 Смертоносу хлипнулъ вонь, и т. д. и т. д.

Вотъ конецъ:

Вѣчно тамъ (въ аду) ему (чорту — ляху) сидѣти
 — Словомъ Возжимъ онъ заклѣтъ,—
 Мучится и глѣдѣти,
 Чи и другіи терпятъ;
 Всѣ чорты (черти) ему подвластны
 И всѣ духове лихи (понимай: ляхи)
 За дѣла ихъ сладострастны,
 За всю злобу и грѣхи...

А впрочемъ, нѣтъ,—это еще не конецъ. Обѣщано продолженіе милой и умной сказки.

Къ № 2-му приложено особенное прибавленіе, предназначенное для русинскихъ простолудниковъ и напечатанное славянскими буквами. Тутъ объясняется про-

стому народу образъ дѣйствій, котораго онъ долженъ держаться въ настоящее время, когда императорскимъ дипломомъ 20 октября пожалована свобода всѣмъ народамъ Австрійской имперіи. По диплому этому учреждаются провинціальныя сеймы, и львовское «Слово» внушаетъ, какихъ депутатовъ должны русинскіе простолюдины выбирать на галиційскій сеймъ. Объясненіе начинается съ того, что если русины не будутъ имѣть на галиційскомъ сеймѣ сильныхъ защитниковъ, то пропадутъ отъ поляковъ. «Мы попадемся въ новую неволю» (говоритъ львовское «Слово» русинамъ). «Поляки могутъ вновь поработить насъ, какъ поработали во время польской республики и разорили нашъ народъ». По этому случаю припоминается, въ чемъ состояло прежнее порабощеніе. «Когда Галицкое государство отдалось подъ власть короля польскаго, обѣщаны были русинамъ равныя съ поляками права и свободное исповѣданіе христіанской вѣры по греческому обряду. Но этого обѣщанія польскіе правители не сдержали: скоро начали они вводить свое исповѣданіе и признавать равныя съ правами польскихъ пановъ право только за тѣми русскими панами, которые приняли латинское исповѣданіе. Такимъ образомъ, наши русскіе паны не только перешли въ латинское исповѣданіе, но и перестали быть русинами; русинская народность, потерявъ своихъ сплѣнѣвшихъ сыновей, долго не имѣла никакихъ заступниковъ, кромѣ духовенства. Еще и теперь мы имѣемъ множество богатѣйшихъ пановъ, которые происхожденія русинскаго, въ которыхъ течетъ чистая русинская кровь, но въ которыхъ нѣтъ ни русинскаго сердца, ни русинской мысли, которые быть можетъ еще и враждебны своей матери, русинской народности. Русское сердце, привязанность къ русской народности можно найдти только въ тѣхъ, которые держатся греческо-русскаго исповѣданія; но и между ними есть такіе, которые больше дружить чужимъ, чѣмъ своимъ». Разберемъ эти мысли и факты. Защитники и непріатели русинскаго простонародья различаются по исповѣданію и языку: католики поляки—враги русиновъ, православные русины—друзья ихъ. Такъ ли?—Но тутъ же прибавляется, что и между православными русинами есть враги своего народа. Какъ связать это съ предъидущимъ? Значитъ, по вѣроисповѣданію и по языку нельзя русинскому народу различать враговъ отъ друзей. Зачѣмъ же львовское «Слово» на каждой строкѣ твердитъ русинскому народу: «считай своими врагами всѣхъ поляковъ, считай своимъ другомъ cadaго русина»,—зачѣмъ оно внушаетъ русинскому народу эту фальшь, противъ которой само свидѣтельствуетъ въ забывчивости?

Мы видимъ также, что много богатѣйшихъ пановъ въ Галиціи—чистые русины; это засвидѣтельствовано самимъ львовскимъ «Словомъ». Если оно хочетъ быть представителемъ интересовъ русинскаго народа, пусть оно спроситъ у русиновъ, меньше ли чѣмъ польскіе паны брали повинностей эти русинскіе паны, больше ли польскихъ пановъ они сдѣлали уступокъ русинскому народу, короче сказать, лучше ли было русинскому поселянину у русинскаго пана, чѣмъ у польскаго? Слышали мы свидѣтельство объ этомъ отъ человѣка, не слишкомъ любившаго льстить полякамъ, отъ человѣка, имя котораго драгоцѣнно каждому малороссу,—отъ покойнаго Шевченко. (Впрочемъ, львовское «Слово» быть можетъ не признаетъ Шевченко своимъ человѣкомъ: вѣдь онъ не русинъ и въ львовскомъ «Словѣ» навѣрное не сталъ бы писать).

За статью, содержаніе которой мы разобрали, слѣдуетъ въ прибавленіи къ 2-му № «Слова» сказка въ народномъ духѣ съ разными прибаутками. Сказка

говорить слѣдующее. Жилъ у мужика въ избѣ ужъ, отъ котораго было въ домѣ мужика счастье и изобиліе; за то мужикъ кормилъ ужа молокомъ. Разбогатѣвъ по милости ужа, мужикъ сталъ пренебрегать ужомъ, и даже хотѣлъ убить его; но убить не успѣлъ, а лишь отрубилъ ему хвостъ. Ужъ бросилъ мужика. Пошла на мужика бѣда за бѣдой. Онъ разорился. Думалъ, думалъ о причинахъ бѣды — и понялъ наконецъ, что всѣ бѣды отъ его ссоры съ ужомъ. Пошелъ онъ къ норѣ ужа предлагать ему возобновленіе дружбы. Ужъ отвѣчалъ: «а нѣтъ ли у тебя подъ полой топора? Я тебѣ не вѣрю и обойдусь безъ молока, которое ты мнѣ предлагаешь». — Сказка извѣстная и очень хорошая. Только каковъ же смыслъ ея? По мнѣнію львовскаго «Слова» вотъ что слѣдуетъ изъ сказки: «Вотъ такъ теперь говорятъ ляхи: «не сердитесь на насъ, русины, мы васъ любимъ. А мы, русины, не вѣримъ, — смотримъ, нѣтъ ли у нихъ въ рукахъ топора. Охъ, мои милые, такъ! спрятанъ у нихъ подъ полой топоръ!» — Такъ говоритъ львовское «Слово». А мы говоримъ львовское «Слово» жгетъ, — въ сказкѣ этого нѣтъ, въ сказкѣ не то. Развѣ хотѣлъ мужикъ бить ужа, когда пришелъ къ нему мириться? Нѣтъ, не бить онъ его хотѣлъ, а любить. Развѣ обманывалъ онъ его, когда обѣщалъ ему давать молоко? Нѣтъ, не обманывалъ. Мужикъ былъ уже наученъ опытомъ и ни за что не поссорился бы вновь съ ужомъ. Ужъ сдѣлалъ глупо, не повѣривъ мужику. Вотъ чему учить сказка.

Русскій реформаторъ.

(Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона М. Корффа. 2. Т. С.-Петербургъ. 1861 г.).

Въ предисловіи г. Корффъ говоритъ, что дочь Сперанскаго, отдавая въ императорскую публичную библіотеку оставшіяся послѣ ея отца бумаги и еѣ письма къ ней, поручала библіотекѣ издать эти письма, по возможности, вполнѣ. Приготовляя письма къ изданію, баронъ Корффъ почелъ нужнымъ дѣлать къ нимъ объяснительныя примѣчанія, но вскорѣ убѣдился, что гораздо удобнѣе будетъ замѣнить ихъ «полнѣе довательнымъ разсказомъ, который служилъ бы введеніемъ и ключемъ къ содержанию писемъ». Этотъ разсказъ, изданный теперь, извлекъ баронъ Корффъ изъ матеріаловъ, собранныхъ имъ для обширной біографіи Сперанскаго, написать которую онъ было вздумалъ лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Такимъ образомъ сочиненіе, явившееся теперь подъ именемъ «Жизнь графа Сперанскаго», составляетъ выдержку изъ другаго труда, оставшагося неосуществленнымъ, и выдержка эта сдѣлана съ особенною цѣлію — быть нояснительнымъ введеніемъ для писемъ Сперанскаго къ дочери, которыя скоро будутъ напечатаны.

Уже изъ этого одного ясно, что книга, пересматриваемая теперь нами, не всѣ части своего предмета излагаетъ съ одинаковой полнотою. Дѣйствительно, нѣкоторые отдѣлы въ жизни Сперанскаго разсказаны въ ней довольно обстоятельно: напимѣрь: дѣтство Сперанскаго и первые годы его молодости; точно также и образъ жизни его во время удаленія отъ дѣлъ. О другихъ періодахъ жизни Сперанскаго говорится очень кратко и притомъ такъ, что разсказываются они почти только съ формальной стороны. Напимѣрь. Осьмнадцать лѣтъ жизни Сперанскаго по возвращеніи въ Петербургъ (1821—1839 г.) занимаютъ только 120 стр., изъ которыхъ многія посвящены формальному перечню содержанія дѣлъ, поручавшихся Сперанскому. Въ особенности чувствителенъ пробѣлъ въ изложеніи плана реформъ, составлявшихъ предметы занятій Сперанскаго съ императоромъ Александромъ I въ періодѣ между эрфуртскимъ свиданіемъ и войною 1812 г. Самъ баронъ Корффъ выставляетъ, что книга его въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно имѣетъ пробѣлъ. Онъ говоритъ:

«Онъ (Сперанскій) принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полного плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія.

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, исполненъ смѣлости какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія. Все еще живя жизнью болѣе мыслительною, кабинетною, нежели практическою, Сперанскій не чувствовалъ, или скрывалъ отъ себя, что онъ, по крайней мѣрѣ частью своихъ замысловъ, опережаетъ и возрастъ своего народа, и стѣнень его образованности и самодѣятельности; не чувствовалъ, что строить безъ фундамента, то есть безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ *вести будущее въ настоящее* или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Юсифа II, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго.

«Какъ бы то ни было, но работа создавалась, подъ перомъ смѣлаго редактора, съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809 года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ государь дѣлалъ свои поправки и дополненія. Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе. Тутъ начались колебанія.

«Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Въмѣсто того, важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертыя временемъ чертъ смѣлаго карандаша...

«Если итъ сомнѣній, что подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи и въ біографіи императора Александра I, то не здѣсь мѣсто разбирать начинанія, недостижшія полной зрѣлости и самими имъ вносившимъ покинутыя. Поэтому мы ограничимся обзорнымъ только тѣхъ частей проекта, которыя получили дѣйствительное исполненіе; но, получивъ его порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ, далеко отошли отъ первоначальнаго общаго плана и почти потеряли всякую съ нимъ связь».

Если баронъ Корфъ находить неумѣстнымъ знакомить насъ въ пересматриваемой нами теперь книгѣ съ характеромъ общаго плана преобразованій, предположенныхъ Сперанскимъ во время его силы предъ государемъ, то само собою разумѣется, что мы должны согласиться съ барономъ Корфомъ относительно неумѣтности подобныхъ объясненій; но можно сказать, что это обстоятельство отнимаетъ у насъ возможность разсуждать о Сперанскомъ, какъ о государственномъ чловѣкѣ. Оставляя въ неизвѣстности главныя его мысли и основное его стремленіе, мы не въ силахъ сказать что нибудь положительное о немъ, какъ о реформаторѣ. Очень много было бы и того, если бы могли мы показать хотя то, что господствующее мнѣніе о духѣ тогдашнихъ дѣйствій Сперанскаго неосновательно.

Обыкновенно Сперанскаго считаютъ у насъ приверженцемъ бюрократической централизаціи въ томъ смыслѣ слова, какой имѣеть оно теперь, при полемикѣ противъ гг. Соловьева, Чичерина или противъ покойнаго «Атеня». Но при этомъ судятъ о намѣреніяхъ Сперанскаго только по тѣмъ обломкамъ его мыслей, которые были осуществлены; а мы видимъ, что самъ баронъ Корфъ называетъ эти учрежденія установленными «на другихъ основаніяхъ, далеко отошедшими отъ первоначальнаго общаго плана и почти потерявшими всякую съ ними связь». Очень можетъ быть и, судя по словамъ г. Корфа, очень вѣроятно, что, при осуществленіи полнаго плана, эти части дѣйствовали бы на основаніяхъ, различныхъ отъ нынѣшняго характера ихъ. Самъ Сперанскій скоро увидѣлъ, что на дѣлѣ вышло вовсе не то, чего желалъ онъ. Баронъ Корфъ приводитъ слѣдующія слова изъ письма его, отправленнаго къ императору Александру I изъ Перми: «Полезнѣе было бы (гово-

рить Сперанскій) всё установленія плана, приуготовивъ вдругъ, открыть одновременно». Между тѣмъ по рѣшенію, независившему отъ воли Сперанскаго, поставлено было (продолжаетъ онъ въ письмѣ) исполнить первоначально лишь нѣкоторыя второстепенныя части составленнаго проэкта, отложивъ исполненіе главныхъ вещей до будущаго времени, которое было представлено Сперанскому очень близкимъ. Но эти дальнѣйшія преобразованія были потомъ совершенно отстранены, и результатомъ оказалось то, что стали судить Сперанскаго (какъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ) «по отрывкамъ», «не видя точной его цѣли и не зная плана» (Т. I, стр. 112).

Словомъ сказать, Сперанскому не удалось достичь исполненія своихъ плановъ, не удалось достичь даже и того, чтобы хотя сколько нибудь отражался характеръ его намѣреній въ вещахъ, исполненныхъ при его содѣйствіи; мало того: вышло такъ, что осуществлявшаяся часть его работъ приняла характеръ противоположный духу, которымъ должна была проникнуться по его предположенію. Какъ могло произойти это?—По своей неполнотѣ, книга барона Корфа не представляетъ достаточныхъ матеріаловъ для совершенно яснаго отвѣта на такой вопросъ; но все-таки можно найти въ ней довольно многое для отвѣта, если и не вполне яснаго, то все-таки приблизительно точнаго.

Сперанскій былъ сынъ священника, какъ извѣстно читателю, по-просту сказать—былъ бурсакъ или поповичъ. Баронъ Корфъ справедливо выставляетъ очень рельефнымъ образомъ это обстоятельство, которому принадлежало значительное вліяніе на судьбу Сперанскаго. Напримѣръ: поступаетъ Сперанскій домашнимъ секретаремъ къ князю Куракину, «богатому вельможѣ, управлявшему въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II третью экспедицію для свидѣтельства государственныхъ счетовъ». Если домашнимъ секретаремъ у важнаго сановника служить молодой человѣкъ хорошей фамиліи, свѣтскаго воспитанія и самъ имѣющій нѣкоторое наслѣдственное недвижимое имущество, этотъ юноша обыкновенно становится домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ своего начальника, жена и дѣти котораго смотрятъ на него почти какъ на семьянина. Со Сперанскимъ случилось не такъ. Куракинъ пригласилъ-было его обѣдать за своимъ столомъ, «желая (по словамъ барона Корфа) пріучить понравившагося ему молодаго человѣка къ хорошему обществу; но», продолжаетъ баронъ Корфъ,—

«Сперанскому было какъ-то неловко въ этомъ чуждомъ для него мірѣ; онъ всячески избѣгалъ приглашеній Куракина и предпочиталъ обѣдать съ старшими изъ прислуги: камердинерами князя, первыми горничными княгини и нянями ихъ дочерей. Наконецъ, хозяинъ, самъ видя, что для бѣднаго секретаря присутствіе за военскимъ столомъ—настоящая пытка, пересталъ его неволить и далъ ему полную свободу обѣдать гдѣ захочетъ.—Лѣтніе мѣсяцы Куракинъ жилъ обыкновенно, вмѣстѣ съ княгинею Е. О. Долгоруковою, на дачѣ князя Вяземскаго. Вокругъ главнаго дома были четыре башенки и въ одной изъ нихъ помѣщался Сперанскій съ товарищами. «Здѣсь—разсказывала княгиня Долгорукова—я три лѣта прожила почти подъ одною съ нимъ крышею, никогда его не видавъ и даже не слыхавъ ни разу его имени, точно также какъ и прочихъ иницевъ или секретарей Алексѣя Борисовича, которые не допускались ни къ нашему столу, ни вообще въ пріемныя комнаты. Наша жизнь на этой дачѣ разнообразилась частыми праздниками, домашними спектаклями, музыкою и проч. Однажды графъ Кобенцель сочинилъ маленькій фарсъ, въ которомъ самъ долженъ былъ занимать очень комическую роль; но соглашался поставить его на домашнюю сцену и участвовать въ представленіи только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы при представленіи не было никого изъ прислуги Куракина: это исключеніе было распространено и на

Сперанскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда послѣдній уже начиналъ занимать важное мѣсто въ обществѣ, княгиня Куракина, пригласивъ меня однажды къ себѣ обѣдать, сказала, что къ ней обѣщала быть Сперанскій. Я отвѣчала, что буду очень рада встрѣтиться наконецъ съ человѣкомъ, про котораго столько говорятъ и котораго, между тѣмъ, мнѣ еще не удавалось никогда видѣть. Тутъ княгиня рассказала мнѣ, какъ мы три года сряду жили съ нимъ на одной дачѣ. Я едва вѣрила своимъ ушамъ и долго сомнѣвалась, не мистифицируетъ ли она меня».—«Въ Александровкѣ—передавалъ намъ человѣкъ совсѣмъ другаго разряда, вольноотпущенный графа Гурьева, а въ то время главный его берейторъ, Борисъ Тимошеевъ—въ Александровкѣ, гдѣ баринъ нашъ живалъ съ княземъ Куракинымъ, Михайло Михайловичъ, бывъ писаремъ у князя, всегда обѣдалъ съ нами въ людской, а послѣ обѣда, или вечеромъ, мы игравали съ нимъ въ ламушъ...»

Говоря просто, общество князя Куракина не допустило Сперанскаго въ свой кругъ. Разумѣется, такую мелочь не стоило бы замѣчать намъ, еслибъ та же черта отношеній не оставалась и впослѣдствіи времени, при дѣлахъ болѣе важныхъ. Напримѣръ, очень долго не имѣлъ Сперанскій личныхъ сношеній съ императоромъ Александромъ I, когда уже было поручено ему заняться преобразованиемъ государственныхъ учреждений; по словамъ барона Корфа:

«Императоръ Александръ еще въ 1803 году поручилъ Сперанскому составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи; но эта огромная работа была возложена на него не прямо отъ государя, а черезъ министра. Александръ впервые непосредственно сошелся съ своимъ статсъ-секретаремъ въ 1806 году, когда Кочубей, во время частныхъ своихъ болѣзней, началъ посылать его съ бумагами вмѣсто себя».

Въ послѣдніе два или три года передъ удаленіемъ изъ Петербурга, Сперанскій, черезъ руки котораго проходили тогда все государственныя дѣла, часто былъ приглашаемъ императоромъ на бесѣды, продолжавшіяся по цѣлымъ вечерамъ. По выраженіямъ, въ которыхъ говоритъ объ этихъ бесѣдахъ шельмъ Сперанскаго изъ Перми, мы видимъ, что государь въ этихъ совѣщаніяхъ спрашивалъ у него разъясненія разныхъ теорій, которыми интересовался; конечно, разсуждалъ съ нимъ и о дѣлахъ. А того, чтобы Сперанскій даже и въ это время принадлежалъ къ домашнимъ людямъ у государя, мы вовсе не видимъ. Онъ былъ близокъ къ государю, какъ дѣлопроизводитель, но не успѣлъ войти ни въ число его личныхъ друзей, ни даже въ тѣсный кругъ важнѣйшихъ придворныхъ, съ которыми, кромѣ дѣловыхъ разговоровъ, ведутся простыя обыденныя рѣчи, такъ-сказать, семейнаго быта.

Если не ошибаемся, Сперанскій тогда и не искалъ этого: баронъ Корфъ выражается такъ, что кажется, будто государственный секретарь, увѣренный въ своемъ дѣловомъ значеніи, не считалъ нужнымъ пріобрѣтать никакого другаго. Какъ прежде, будучи секретаремъ князя Куракина, онъ не искалъ связей съ знакомыми своего начальника,—напротивъ, удалился отъ этихъ знакомствъ, довольствуясь обществомъ прислуги, въ которомъ не смотрѣли на него свысока и въ которомъ онъ могъ держать себя свободно, такъ, во время своей дѣловой силы при государѣ въ 1809 и слѣдующихъ годахъ, онъ не занекивалъ придворнаго вѣса, а держался вдалекѣ отъ высшаго свѣта.—Разумѣется, только человѣкъ съ такимъ высокимъ понятіемъ о достаточности дѣловаго значенія для прочнаго положенія во главѣ государственныхъ дѣлъ могъ быть серьезнымъ реформаторомъ. Кто думаетъ, что дѣловая сторона отношеній еще не даетъ прочной опоры ему, у того не будетъ ни времени, ни способности смотрѣть на государственные вопросы серьезнымъ образомъ, тотъ будетъ всегда готовъ видоизмѣнять свои планы по личнымъ желаніямъ нуж-

ныхъ ему людей и, вмѣсто реформъ, будетъ заниматься формальными передѣлками, неизмѣняющими ничего существеннаго. Сперанскій, въ эпоху своей силы, желалъ дѣйствовать не такъ: онъ дѣйствительно хотѣлъ преобразовать государство. Опытъ скоро доказалъ ему, что онъ заблуждался, и баронъ Корфъ очень справедливо представляетъ намъ его съ тогдашними его замыслами, какъ мечтателя. Въ одномъ изъ выписанныхъ нами отрывковъ уже попадались читателю слова, что онъ «жилъ тогда жизнью болѣе мыслительною, нежели практическою; не чувствовалъ, что строить безъ фундамента». Такихъ выраженій у барона Корфа очень много.—По своему возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскій былъ уже не таковъ, и баронъ Корфъ выставяетъ, что онъ сдѣлался человѣкомъ искательнымъ, уклончивымъ, не стремящимся къ мечтательнымъ улучшеніямъ.

Но мы уклонились отъ своего намѣренія ограничиваться пересмотромъ матеріаловъ, доставляемыхъ книгою г. Корфа, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ ней. Мы остановились на томъ, что, будучи секретаремъ у князя Куракина, Сперанскій не нашелъ удобнымъ втираться въ общество князя, гдѣ смотрѣли на него свысока, и предпочиталъ жить въ кругу прислуги князя, гдѣ не встрѣчалъ высокоумно-милостивыхъ униженій для себя. Пріятелями его были два камердинера Куракина Левъ Михайловъ и Иванъ Марковъ. Тогдашней пріязни ихъ къ себѣ Сперанскій не забылъ никогда.

«Льва Михайлова Сперанскій, уже бывъ государственнымъ секретаремъ и на высшей степени власти, во всякое время охотно къ себѣ допускалъ и осыпалъ ласками. Съ Иваномъ Марковымъ онъ снова встрѣтился уже позже, въ бытность свою неизенскимъ губернаторомъ. Марковъ, давно оставившій домъ Куракинскихъ, имѣлъ тогда въ Пензѣ какую-то надобность до начальника губерніи и ожидалъ въ передней, въ числѣ другихъ просителей. Сперанскій, выйдя изъ своего кабинета, тотчасъ его узналъ и бросающъ къ нему съ словами: «Иванъ Марковичъ, старый знакомый!» сталъ его обнимать и разсказалъ въ общее услышаніе о прежнихъ ихъ отношеніяхъ. Вотъ еще одинъ анекдотъ, въ томъ же родѣ и не болѣе важный въ существѣ, но столько же поясняющій характеръ человѣка. Главная прачка въ домѣ Куракинскихъ, жена одного изъ поваровъ, усердно стирала незатѣйливое бѣлье молодого секретаря, который, изъ благодарности, былъ воспріимникомъ одного изъ ея сыновей и въ день крестинъ провель у нея дѣлкій вечеръ. Много лѣтъ спустя, Сперанскій однажды гуляя съ своею дочерью по набережной на Ангекарскомъ острову. Въ ту пору прачка, выполоскавъ бѣлье въ рѣкѣ, возвращалась, черезъ набережную, въ домъ. Завидѣвъ гуляющихъ и тотчасъ узнавъ стараго знакомаго, она хотѣла-было отойти въ сторону, чтобъ не сконфузить его, при молодой дамѣ, своимъ знакомствомъ. Но Сперанскій, который тоже тотчасъ припомнилъ и наружность и даже имя ея, закричалъ: «Марѳа Тихоновна, куда жъ ты такъ отъ меня бѣжишь? развѣ не узнаешь стараго пріятеля?» И, подозвавъ ближе къ себѣ, онъ взялъ ее за руку и сказалъ ей нѣсколько тѣхъ пріятныхъ и ласковыхъ словъ, на которыя была такой мастеръ. Дочь Сперанскаго, отъ которой мы слышали этотъ разсказъ, прибавила къ нему, что когда отецъ ея уже былъ на верху величія и въ разномовкѣ съ княземъ Куракинымъ, самая уфѣдительная записка княгини побывать у нея на минуту, онъ оставлялъ безъ отвѣта, а между тѣмъ, по малѣйшему призыву этой бѣдной женщины, дѣлвавшей съ нимъ нѣкогда горе и пужду (она между тѣмъ потеряла мужа, а съ нимъ и все средства къ существованію), тотчасъ спѣшилъ къ ней на помощь и утѣшеніе.»

Намъ кажется, что этими разсказами баронъ Корфъ до несомнѣнности засвидѣтельствовалъ благородство натуры Сперанскаго. Если впоследствии онъ выставитъ намъ въ Сперанскомъ черты, несогласныя съ такимъ взглядомъ на его характеръ, мы скажемъ: мало ли до чего доводитъ человѣка жизнь,—и мы припишемъ эти черты не натурѣ Сперанскаго, а тяготѣнью обстановки.

Когда, съ воцареніемъ императора Павла Петровича, князь Куракинъ пріобрѣлъ большую силу, Сперанскій былъ опредѣленъ имъ на государственную службу и сталъ получать чины очень быстро. Сила Куракина была недолговременна: въ 1798 г. ему было приказано удалиться изъ Петербурга въ свои деревни. Сперанскій и тутъ не измѣнилъ своей благородной натурѣ. Въ полтора года службы онъ успѣлъ пріобрѣсти репутацію человѣка очень способнаго, такъ-что могъ разсчитывать на хорошую служебную карьеру *). Но Сперанскій не колебался бросить представляющуюся ему карьеру, чтобы остаться вѣрнымъ человѣку, которому былъ обязанъ и который попалъ въ немилость. Вотъ слова барона Корфа:

«Сынъ князя Куракина свидѣтельствуетъ, что облагодѣтельствованный, при паденіи своего благодѣтеля, которому было велѣно жить впредь въ своихъ деревняхъ, хотѣлъ непременно все бросить и слѣдовать за нимъ, но что самъ Куракинъ, не желая заграждать пути, столь успѣшно открытаго дарованіемъ молодого человѣка, воспротивился этому и настоялъ, чтобы онъ продолжалъ службу.»

Беклешовъ, замѣчавшій Куракина, скоро замѣнился Обольяниновымъ. Этотъ новый начальникъ Сперанскаго былъ грубъ съ своими подчиненными. Сперанскій находился тогда еще въ чинѣ неважномъ, связей не имѣлъ никакихъ; но все-таки рѣшился съ перваго раза показать всеильному генераль-прокурору, что не допустить грубаго обращенія съ собою. Онъ придумалъ очень оригинальный способъ, чтобы заставить Обольянинова понять это.

«Въ городѣ ходилъ не одинъ анекдотъ о площадныхъ ругательствахъ, которыми онъ (Обольяниновъ) осыпалъ своихъ подчиненныхъ, и друзья молодого чиновника пугали его предстоящею ему будущностію. Въ позднѣйшіе годы своей жизни Сперанскій любилъ самъ разсказывать, что послѣ милостей и особеннаго отличія, которыми онъ пользовался отъ прежнихъ начальниковъ, ему, естественно, не хотѣлось стать въ общій рядъ. Но какъ и чѣмъ выказать, что онъ — не то, что другіе? Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно будетъ рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ; и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю грознаго своего начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбѣнулъ. Въмѣсто неуклюжаго, раболѣпнаго, тренещущаго подъячаго, какого онъ, вѣроятно, думалъ увидѣть, передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякаго признака робости или замѣшательства, и притомъ—что, кажется, всего болѣе его поразило—не въ обычномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго грограна, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, — словомъ, въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени... Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этою грубою натурою. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ.»

Представимъ себѣ, какое впечатлѣніе было бы произведено и теперь на важнаго сановника тѣмъ, если бы безродный, маленькій чиновникъ явился къ нему съ первымъ докладомъ не въ должностномъ костюмѣ, а въ простомъ фракѣ. Тогда это было еще опаснѣе. Сперанскій рисковалъ не только быть выгнанъ изъ службы, — онъ рисковалъ быть отданъ подъ судъ, удаленъ изъ Петербурга, и никто уже не согласился бы принять вновь на службу дерзкаго вольнодумца. Видно, что Сперанскій не съ самаго начала былъ такимъ, какимъ является черезъ 20 лѣтъ, въ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ.

*) И дѣйствительно, новый начальникъ Беклешовъ тотчасъ же оцѣнилъ его достоинства, и точно такъ же велъ его впередъ, какъ Куракинъ.

По драгоценнымъ рассказамъ барона Корфа о Львѣ Михайловѣ, Иванѣ Марковѣ и Марфѣ Тихоновнѣ, мы уже могли бы отгадывать, что несмотря на милости генераль-прокуроровъ, на чрезвычайно быстрое полученіе чиновъ и другихъ служебныхъ отличій, Сперанскій не былъ гордъ передъ сослуживцами, надъ которыми возвышался. Дѣйствительно, мы находимъ у барона Корфа прямое свидѣтельство объ этомъ:

«Мы спрашивали всѣхъ тогдашнихъ сослуживцевъ Сперанскаго, которыхъ застали еще въ живыхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда начали собирать наши замѣтки о немъ. Они изображали Сперанскаго-чиновника такимъ же, какимъ онъ слылъ въ семинаріи, то есть ко всѣмъ привѣтливымъ, непритязательнымъ, милымъ, красноречивымъ, наконецъ чрезвычайно любимымъ товарищамъ.»

Въ другихъ мѣстахъ книги можно отыскать много мѣстъ, показывающихъ то же самое. Въ Сперанскомъ не было отъ природы ни одной пошлой черты. Ни на одного изъ русскихъ государственныхъ людей не клеветали столько, какъ на него; а по разбору фактовъ онъ оказывается человѣкомъ очень рѣдкаго природнаго благородства. Не было въ немъ и того качества, которое такъ рано развивается между нами, благодаря всеобщему обычаю: онъ не считалъ нужнымъ соблюдать осторожность въ отзывахъ о людяхъ, насмѣшки надъ которыми могли повредить ему:

«Прибавляютъ еще (говоритъ баронъ Корфъ), что Сперанскій былъ извѣстенъ въ канцеляріи своею насмѣшливостію, направлявшеюся, заочно, и противъ тѣхъ людей, которыхъ онъ въ глаза всячески превозносилъ. Черта такой заглазной насмѣшливости, даже нѣкоторой сатирической злорѣчивости и, вмѣстѣ, особенной рѣшительности въ приговорахъ о лицахъ и вещахъ, дѣйствительно была не чужда характеру Сперанскаго и впоследствии; онъ, въ этомъ отношеніи, не щадилъ ничего тщеславія, слишкомъ, можетъ статься, довѣрчиво полагаясь на скромность слушателей.»

Намъ кажется, что эту рѣзкость отзывовъ проще объяснить другимъ предположеніемъ: не показываетъ ли она расположенія къ прямотѣ, не можетъ ли считаться признакомъ неохоты хитрить, интриговать, заискивать. Если не ошибаемся, такое объясненіе подтверждается свидѣтельствомъ барона Корфа о томъ, что до своего удаленія изъ Петербурга Сперанскій былъ человѣкъ пылко-преданный своимъ убѣжденіямъ:

«Тогдашній Сперанскій соединялъ въ себѣ два, нѣкоторымъ образомъ противуположныя качества: съ одной стороны, навыкъ, отъ прежней сферы занятій, къ глубокому размышленію и труду самому усидчивому; съ другой — энтузіазмъ и увлеченіе, легко воспламенявшіеся каждымъ новымъ предметомъ или впечатлѣніемъ, — качества двухъ полюсовъ: ученаго и поэта.»

Впрочемъ и здѣсь мы позволяемъ себѣ нѣсколько видоизмѣнять смыслъ, властимый барономъ Корфомъ въ слова, которыми передаетъ онъ слышанные имъ рассказы о характерѣ Сперанскаго. Пылкость его онъ объясняетъ въ смыслѣ поэтической восторженности или мечтательности, а мы отваживаемся заключать по той же чертѣ характера, что Сперанскій непритворно желалъ осуществить то, въ пользу чего былъ убѣжденъ. За то мы не можемъ не назвать чрезвычайно мѣткими тѣхъ многочисленныхъ выраженій, которыми біографъ Сперанскаго напоминаетъ намъ о низкомъ его происхожденіи и о чувствахъ, съ какими смотрѣли на него люди хорошихъ фамилій. Напримѣръ, говоря о знакомствѣ Сперанскаго съ Магницкимъ, авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Познакомившись съ нимъ у Сталы-

пина, молодой дворянчикъ несколько не гнушался поповичемъ и очень часто являлся въ скромномъ его семейномъ кругу» (стр. 81). Изъ послѣднихъ словъ видно, что дѣло относится къ тому времени, когда Сперанскій уже былъ женатъ, т. е. къ 1798 и 1799 годамъ. Въ 1799 году Сперанскій уже былъ статскимъ совѣтникомъ, занималъ довольно важныя должности. Передъ генералъ-прокуроромъ онъ былъ еще ничтоженъ; но сравнительно съ юношею, въ родѣ Магницкаго, онъ былъ уже человѣкомъ важнымъ. — Вотъ другой примѣръ. Говоря о знакомствѣ Сперанскаго съ камердинерами князя Куракина, г. Корфъ употребляетъ выраженія: «Сперанскій пріятельски сошелся съ двумя камердинерами общаго ихъ барина» (стр. 42).

Мы видимъ, что Сперанскій довольно долго оставался безъ вліянія на мысли о преобразованіяхъ и въ то время, когда уже писалъ относившіеся къ нимъ государственные акты. Ему только говорили, что рѣшено устроить извѣстное учрежденіе на извѣстныхъ основаніяхъ и поручали составить сообразныя тому манифестъ или указъ. Къ такимъ работамъ, исполненнымъ по чужой инструкціи, принадлежатъ акты, которыми сдѣлано было, въ первые годы царствованія Александра Павловича, учрежденіе министерствъ. Эта реформа, оказавшаяся прочною, относилась не къ самому духу государственнаго управленія, а только къ формамъ его. Перемѣна состояла въ титулахъ управляющихъ саповниковъ, отчасти въ распредѣленіи дѣлъ между ними и въ преобразованіи ихъ канцелярій. Баронъ Корфъ приводитъ разныя соображенія о преимуществахъ и недостаткахъ этого новаго канцелярскаго порядка. Намъ кажется, что важнаго различія между прежними коллегіями и новыми министерствами не было. Но во всякомъ случаѣ похвалы, или порицанія за эту формальную реформу не должны относиться къ Сперанскому, не имѣвшему тутъ никакого самостоятельнаго участія. Между тѣмъ очень многіе судятъ о Сперанскомъ главнымъ образомъ по учрежденію министерствъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ихъ. Это чистая ошибка. Когда Сперанскій сблизился съ государемъ и достигъ мнимаго своего всемогущества, онъ думалъ, въ числѣ другихъ учрежденій, преобразовать и министерства, соотвѣтственно плану, одобренному императоромъ. Но баронъ Корфъ объясняетъ намъ, что планъ этотъ не осуществился; потому и переимена въ положеніи министерствъ, задуманная Сперанскимъ, осталась только въ видѣ проэкта, и единственнымъ официальнымъ слѣдомъ этого его намѣренія оказываются нѣкоторыя выраженія въ его отчетахъ и докладахъ, — выраженія, надѣлавшія въ свое время большого шума, но неуспѣвшія получить ни малѣйшаго практическаго примѣненія.

Сперанскій началъ, по свидѣтельству барона Корфа, сблизаться съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1806 году, т. е. года черезъ четыре по образованіи министерствъ. Но, судя по всему, его дѣйствительное вліяніе, если не на государственныя дѣла (такого вліянія онъ никогда не имѣлъ въ размѣрѣ, о какомъ обыкновенно думаютъ), то по крайней мѣрѣ на проэктахъ о будущемъ устройствѣ государственныхъ дѣлъ (устройствѣ неосуществившемся), началось не раньше какъ еще черезъ два или три года, — кажется, только по возвращеніи императора Александра I изъ Эрфурта, куда Сперанскій сопровождалъ государя. Баронъ Корфъ положительно говоритъ, что внутренняя политика (или, точнѣе говоря, теорія о будущемъ устройствѣ внутренней политики), существовавшая или, точнѣе сказать, предполагавшаяся во время силы Сперанскаго въ 1809 — 1811 годахъ, совершенно отличалась отъ направленія прежнихъ лѣтъ, когда вліяніемъ пользовались

другія лица: Кочубей, Новосильцевъ и прочіе. Разницу эту баронъ Корфъ, по обыкновенному способу, опредѣляетъ тѣмъ, что прежніе совѣтники государя имѣли «пристрастіе къ англійскому», а «воображеніе и всѣ помыслы» Сперанскаго «были порабощены Наполеономъ и политическою системою Франціи». Вотъ подлинныя слова барона Корфа:

«Пора пристрастія ко всѣму англійскому, господствовавшаго при прежнихъ либимцахъ, окончательно миновала. Если уже тильзитскій миръ произвелъ совершенную перемѣну и въ политикѣ нашего кабинета и въ личныхъ чувствахъ русскаго государя къ императору французовъ, то Эрфуртъ довершилъ ее окончательно. Александръ воротился въ Петербургъ, очарованный Наполеономъ, а его статсъ-секретарь — и Наполеономъ и всѣмъ французскимъ. Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что — по любимымъ тогдашнимъ его выраженіямъ — *il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap*. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, а милость государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодого преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что найдя себѣ готовый образецъ для подраженія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Въмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго. Еще въ «Правилахъ высшаго краснорѣчія», написанныхъ Сперанскимъ въ скромномъ званіи семинарскаго учителя, мы читаемъ слѣдующее, какъ бы пророческое мѣсто: «Когда великая ось иравленія обращается въ нашихъ очахъ; когда нѣтъ въ обществѣ ничего столь великаго, что бы отъ насъ было скрыто: на какую высоту не восходятъ тогда наши понятія, чего не объемятъ наше воображеніе! Какое рвеніе, какая ревность не воодушевятъ тогда оратора, и какъ можно не быть Демосеономъ, говоря противъ Филиппа и защищая дѣло цѣлой Греціи». — То, что нѣкогда рисовала ему молодая фантазія, теперь обратилось для него въ дѣйствительность: готовый видѣть въ каждомъ, кто отказивался сопротивляться его нововведеніямъ, своего Филиппа, онъ въ самомъ себѣ почувствовалъ всѣ силы Демосепа. «*Il y a un principe dans l'homme qui le pousse à courir les chances*», писалъ онъ, около этого времени, одному изъ своихъ друзей. Позже, онъ говаривалъ, что великіе люди различаются отъ прочихъ тѣмъ только, что вышли изъ береговъ и помѣшались на одной ностоянной, хотя и не темной мысли, изъ береговъ же выходятъ движеніемъ всякаго сильнаго восторга, и тогда все въ человѣкѣ покоряется этой мысли. Если вникнуть въ эти слова, произносившіяся спокойнымъ, разговорнымъ тономъ, то становится ясно, что Сперанскій уже и безъ восторга парилъ душою въ безбрежномъ пространствѣ.»

Мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе и на тѣ черты этой характеристики, которая относится не къ одному опредѣленію мыслей Сперанскаго сочувствіемъ къ извѣстному иностранному устройству, но и къ существенному духу направленія самого Сперанскаго. Сперанскому, какъ мы видимъ, казалось, по выраженію барона Корфа, что «у насъ все надобно передѣлать», и, по словамъ барона Корфа, «наступила эпоха смѣлой ломки всего существовавшаго». По свидѣтельству барона Корфа, «любимымъ тогдашнимъ его выраженіемъ» были слова, обозначающія, что онъ замышляетъ коренныя реформы. Сперанскій желалъ, какъ мы видимъ изъ этихъ словъ, измѣнять не одиѣ второстепенныя подробности и не одиѣ внѣшнія формы прежняго государственнаго быта, а и нѣкоторыя существенныя черты его, и считалъ нужнымъ дѣйствовать какъ можно быстрее. Съ этой стороны, онъ дѣйствительно былъ отчасти приверженцемъ той политической системы, которая преобразовала Францію, которая провозглашала равноправность всѣхъ гражданъ и отмѣняла средневѣковое устройство. То же самое стремленіе одушевляло и Сперанскаго. Приверженцы политическихъ людей, при жизни ихъ, стараются обыкновенно выстав-

лять за клевету мнѣніе противной партіи о цѣляхъ и стремленіяхъ дѣятелей, защищаемыхъ ими. Сами эти люди часто принуждены бывають говорить въ такомъ же смыслѣ. Оно такъ и бываетъ нужно, чтобы успокоивать общество и выигрывать время. Но очень часто историкъ находитъ, что государственный человекъ дѣйствительно имѣлъ отчасти тѣ стремленія, какія приписывались ему врагами. Сперанскаго называли его враги революціонеромъ. Характеристика, взятая нами изъ книги барона Корфа, показывается, что этотъ отзывъ враговъ Сперанскаго не былъ совершенно безосновательною клеветою.

Правда, онъ нисколько не соотвѣтствовалъ дѣлу въ томъ смыслѣ, какой извлекли изъ него сами эти враги. Сперанскій былъ искренно преданъ императору и преобразовать государство хотѣлъ не низверженіемъ его, а именно его властью. Смѣшно называть Сперанскаго революціонеромъ по размѣру средствъ, какими онъ думалъ пользоваться для исполненія своихъ проэктовъ. Онъ былъ русскій сановникъ и, конечно, никогда не приходила ему въ голову мысль прибѣгнуть къ замысламъ или мѣрамъ, несогласнымъ съ законными приемами или обязанностями его официальнаго положенія. Въ нашей статьѣ были и будутъ страницы, которыя иной назоветъ панегирикомъ Сперанскому. Но мы далеки отъ восхищенія его реформаторскою дѣятельностію. Мы будемъ имѣть случай представить изъ книги барона Корфа поясненіе такому взгляду. Сущность ошибки состояла въ томъ, что Сперанскій не понималъ недостаточности средствъ своихъ для осуществленія задуманныхъ преобразованій.

А преобразованія были задуманы дѣйствительно громадныя. Мы уже приводили изъ книги барона Корфа отрывокъ, неопредѣленными, но высокими выраженіями свидѣтельствующій о колоссальности замысла. Въ обнародованныхъ документахъ находятся лишь блѣдныя намеки на него. Сперанскій думалъ провозгласить реформу въ полномъ составѣ ея за одинъ приемъ. Но принужденъ былъ согласиться, какъ мы видѣли, чтобы она производилась по частямъ и начата была съ частей, не имѣвшихъ самостоятельной важности, получавшихъ значеніе только въ связи съ другими существеннѣйшими частями; эти существеннѣйшія части были отложены, и стали одинъ за другимъ появляться только уставы учрежденій, которыя не измѣняли прежняго порядка. При внимательномъ разборѣ можно найти, однакоже, и въ этихъ уставахъ признаки тому, что Сперанскій предназначалъ ихъ дѣйствовать не при старомъ, а при задуманномъ новомъ бытѣ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ книги барона Корфа о первомъ введенномъ Сперанскимъ учрежденіи:

«Началось съ преобразованія или, точнѣе сказать, съ совершенно новаго образованія государственнаго совѣта, который, при устройствѣ, данномъ ему въ первые дни царствованія императора Александра, не имѣлъ ни точно опредѣленнаго круга дѣйствія, ни большаго вліянія на дѣла государственныя, и вообще составлялъ родъ учрежденія домашняго, безгласнаго, затемненнаго притомъ несогласеннымъ съ нимъ учрежденіемъ министерствъ. Причинами необходимости «расширить совѣтъ и дать ему публичныя формы», Сперанскій въ одной изъ докладныхъ своихъ записокъ, представлялъ два обстоятельства, не терпѣвшія, по его мнѣнію, отлагательства: «а) Положеніе нашихъ финансовъ, писалъ онъ, требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ палоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывають особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно очевидность сію должн замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но только необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранить къ себѣ всю цѣлость народ-

ной любви, нужной ей для счастья самаго народа; она охранитъ себя отъ вѣсѣхъ неправыхъ нареканій, заградитъ уста злонамѣренности и злословію и самыя налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми; б) смѣшеніе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленія дошло уже до такого безпорядка, что независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во вѣсѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка.»

Тутъ довольно ясно видно предположеніе о совершенно новомъ способѣ установленія налоговъ, а еще виднѣе намѣреніе совершенно отдѣлнить судебную власть отъ административной.

О торжественномъ открытіи засѣданія государственнаго совѣта баронъ Корфъ также выражается тономъ, заставляющимъ думать, что по намѣренію Сперанскаго, новое учрежденіе должно было пріобрѣсти кругъ дѣятельности, несходный съ основаніями прежняго порядка. Вотъ слова барона Корфа:

«Собраніе это было необыкновенно торжественно, и никогда еще никакое учрежденіе не открывалось такъ въ Россіи. Александръ, съ предсѣдательскихъ кресель, произнесъ рѣчь, исполненную чувства, достоинства и такихъ идей, которыя также никогда еще Россія не слышала съ престола. Эта рѣчь была сочинена Сперанскимъ, но собственноручно исправлена государемъ. Потомъ цовый государственный секретарь прочиталъ манифестъ о образованіи совѣта, самое положеніе о немъ. Для большей части присутствовавшихъ тутъ, все это было совершенно ново по содержанію, еще болѣе ново по духу.»

Излагая содержаніе манифеста объ установленіи государственнаго совѣта, баронъ Корфъ также говоритъ, что тутъ былъ «явный отпечатокъ понятій и формъ совершенно новыхъ въ нашомъ государственномъ устройствѣ» и съ особенною силою выставляетъ нѣкоторыя выраженія этого манифеста, какъ, напримѣръ: «Разумъ вѣсѣхъ усовершенннхъ государственныхъ долженъ состоять въ учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона» (Т. I, стр. 119). Замѣчательнъ въ томъ же отношеніи отрывокъ изъ общаго отчета Сперанскаго за 1810 годъ:

«Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотоль разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ большею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истинныя съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ смымъ учрежденіемъ сдѣлать уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самыя смѣлыя едва представляли возможнымъ, чтобы російскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію совѣта»; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствию. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ нашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагаются еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню.»

Но далѣе, въ томъ же отчетѣ, Сперанскій положительно говорилъ, что государственный совѣтъ въ томъ видѣ и въ той обстановкѣ, въ какихъ существовалъ до исполненія прочихъ частей плана, не имѣетъ характера, какой хотѣлъ сообщить ему Сперанскій:

«Время, съ косяго начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще

непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семь ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семь составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага поровнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семь родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однако, же быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится.»

Баронъ Корфъ справедливо замѣчаетъ:

«Но «прочія политическія установленія», на которыя указываетъ здѣсь Сперанскій и которыя входили въ начерченный имъ общій планъ, не были приведены въ дѣйствіе. Оттого и государственный совѣтъ не могъ принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе ему предназначались.»

Если бы Сперанскій захотѣлъ холодно обдумать одинъ изъ фактовъ, выставляемыхъ имъ самимъ во второмъ отрывкѣ отчета, онъ съ самаго начала могъ бы увидѣть недостаточность своихъ средствъ для произведенія задуманныхъ реформъ. Онъ самъ говоритъ, что выборъ людей не зависѣлъ отъ него: членами государственнаго совѣта, по его собственнымъ словамъ, назначены были не тѣ лица, которыя соотвѣтствовали бы его намѣреніямъ, а тѣ, которыя имѣли официальное право занимать почетныя должности. Уже изъ этого видно, какъ ограничены были силы преобразователя. Онъ могъ только писать параграфы учреждений, но не имѣлъ возможности измѣнить правительственнаго состава; значить, онъ принужденъ былъ сохранять прежній духъ управленія. Какія же тутъ возможны были существенныя реформы? Очевидно, что реформаторскіе труды Сперанскаго должны были оставаться бесполезными и безвредными листами и тетрадами писанной бумаги. За то, что Сперанскій не хотѣлъ понимать этого, надобно, вмѣстѣ съ барономъ Корфомъ, назвать его мечтателемъ. Разумѣется, не по недостатку ума не понималъ Сперанскій этого, а только по горячему желанію принести пользу государству. Учредивъ государственный совѣтъ, онъ для исполненія другой части своего плана принялся за преобразование министерствъ. Въ характерѣ прежнихъ министерствъ, устроенныхъ прежними совѣтниками императора, кореннымъ недостаткомъ онъ считалъ «недостатокъ отвѣтственности». Въ его запискѣ о преобразованіи министерствъ говорилось, что «отвѣтственность не должна состоять только въ словахъ, но быть вмѣстѣ и существовою»; поэтому главнѣйшею цѣлю преобразованія министерствъ, по запискѣ самого Сперанскаго, должно было быть то, чтобы «опредѣлить положительными и твердыми правилами отвѣтственность министровъ и порядокъ ея» (Т. I, стр. 121). Но, по неосуществленію главныхъ частей плана, эта первая и главная цѣль Сперанскаго при преобразованіи министерствъ осталась недостигнутою; за то вполнѣ удалось ему произвести формальныя перемѣны, которыя были второстепенными принадлежностями преобразованія. Онъ находилъ «недостатокъ точности» въ прежнемъ «раздѣленіи дѣлъ» между разными министерствами. Напримѣръ, солиное управленіе было отнесено прежде къ министерству внутреннихъ дѣлъ, между тѣмъ какъ должно принадлежать къ министерству финансовъ. Точно также были разныя неточности въ распредѣленіи дѣлъ между чиновниками каждаго министерства. Исправленіе такихъ формальныхъ недостатковъ нимало не измѣнило общаго духа управленія; Сперанскій безпрепятственно могъ сдѣлать по этимъ формальнымъ отношеніямъ всѣ перемѣны, какія считалъ удобнѣйшими. Но эта исполнявшаяся часть преобразованія вовсе не

составляла сущности дѣла, задуманнаго Сперанскимъ, и потому баронъ Корфъ совершенно справедливо говоритъ: «Общее учрежденіе министерствъ въ общемъ его дѣйствіи развилось не на тѣхъ, быть можетъ, нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ» (Т. I, стр. 126).

Еще менѣе, даже и по формальной части, удалось Сперанскому сдѣлать по другой второстепенной части своего плана, по отдѣленію судебной власти отъ административной, съ цѣлью создать независимыя судилища. Тутъ онъ хотѣлъ, между прочимъ, преобразовать сенатъ, «опредѣливъ въ него», кромѣ сенаторовъ отъ короны, «сенаторовъ по выбору» (Т. I, стр. 129). Этотъ проэктъ былъ внесенъ въ общее собраніе государственнаго совѣта въ іюнѣ 1811 года. Учрежденіе государственнаго совѣта и преобразованіе министерствъ, какъ реформы, оказавшіяся чисто формальными, были приняты сановниками безъ большаго затрудненія. Но проэктомъ преобразованія сената уже непосредственно вводился въ правительство новый элементъ; потому, говоритъ баронъ Корфъ, «родились» въ государственномъ совѣтѣ «по этому дѣлу пренія очень настойчивыя и довольно рѣзкія» (Т. I, стр. 129). Противники проэкта дѣлали, по словамъ барона Корфа, между прочимъ, слѣдующія возраженія:

«Назначеніе части сенаторовъ *по выбору* противно разуму самодержавнаго правленія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу: ибо, въ однихъ мѣстахъ, такіе выборы могутъ быть произведены подъ вліяніемъ мѣстныхъ чиновниковъ, а въ другихъ богатые помѣщики наполняютъ сенатъ людьми имъ преданными и присвоить себѣ черезъ то возможность и власть безнаказанно тѣснить кого захотятъ.

«Нѣтъ основанія удѣлять судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти: *окончательное*, безъ права жалобы государю, рѣшеніе дѣлъ тяжбныхъ.

«Выраженіе, въ проэктѣ употребленное: *державная* власть, несвойственно Россіи, потому что мы знаемъ только власть самодержавную, или императорскую.»

Дѣло затянулось; черезъ нѣсколько времени Сперанскій былъ удаленъ и проэктъ о преобразованіи сената былъ тогда брошенъ.

Мы старались извлечь изъ книги барона Корфа всѣ тѣ мѣста, которыя относятся къ характеру общаго плана преобразованій, задуманнаго Сперанскимъ. Мы видѣли, что они не опредѣляютъ его съ достаточною точностію. Но читатель будетъ, конечно, далекъ отъ мысли приписывать этотъ недостатокъ самому барону Корфу, который прямо устранилъ отъ себя подобную отвѣтственность, сказавъ, что находитъ возможнымъ излагать только части проэкта, болѣе или менѣе осуществившіяся, вовсе не касаясь сущности мысли, не дошедшей ни до какого практическаго примѣненія. Нашедши необходимымъ ограничить свой рассказъ такими границами, баронъ Корфъ, разумѣется, могъ представить публикѣ только тѣ блѣдныя и неопредѣленные намеки на характеръ общаго плана, которые заключаются въ официальныхъ актахъ и запискахъ Сперанскаго по частнымъ и второстепеннымъ преобразованіямъ. Но главная цѣль стремленій Сперанскаго была въ свое время замѣтна довольно многимъ, въ томъ числѣ и Карамзину, написавшему противъ Сперанскаго знаменитое разсужденіе «О старой и новой Россіи». Вотъ нѣкоторыя мѣста отрывковъ изъ этого разсужденія, приводимыхъ барономъ Корфомъ:

«Мы читаемъ нынѣ въ указахъ монаршихъ: «внявъ мнѣнію совѣта». Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: «внявъ мнѣнію совѣта!» Государь россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли

умѣ, въ книгахъ ли, въ головахъ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя. Онъ имѣеть всю власть. Совѣтъ, сенатъ, комитеты, министры, суть только способы ея дѣйствій, или повѣренные государя: ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ.

«Осуждаю постановленіе: «если государь издаетъ указъ, несогласный съ мыслями министра, то министръ не скрѣпляетъ онаго своею подписью». Слѣдственно, въ государствѣ самодержавномъ, министръ имѣеть право объявить публикѣ, что выходящій указъ, по его мнѣнію, вреденъ? Министръ есть рука вѣнценосца, не больше, а рука не судить головы. Министръ подписываетъ именныя указы не для публики, а для императора, во увѣреніе, что они написаны слово въ слово такъ, какъ онъ приказалъ. Громогласная отвѣтственность министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно. Худой министръ есть ошибка государева: должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобъ народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ царскимъ.»

Баронъ Корфъ, по мѣрѣ возможности, дѣлаетъ возраженія противъ приведенныхъ нами и многихъ другихъ упрековъ Карамзина Сперанскому, и мы совершенно согласны съ барономъ Корфомъ въ томъ, что общій духъ мнѣній Карамзина неоснователенъ. Во всей его длинной запискѣ справедливы только слѣдующія слова: «оставляя вещь, мы гонимъ имена» (Т. I, стр. 140). Дѣйствительно, реформационными работами Сперанскаго были измѣнены только имена, а до сущности управленія онъ не коснулся, потому что едва только были начаты — и брошены. по своей несоотвѣтственности съ чувствами и интересами тѣхъ самыхъ силъ, которыми думалъ воспользоваться Сперанскій для ихъ осуществленія. Баронъ Корфъ справедливо говоритъ, что Россія даже и «не узнала» о задуманномъ тогда «новомъ порядкѣ вещей» (Т. I, стр. 144).

Мы сосредоточили свое вниманіе на той сторонѣ реформационныхъ плановъ Сперанскаго, которая у барона Корфа названа «организационною». Въ ней заключается самая сущность намѣреній Сперанскаго и по ней исторія будетъ судить о немъ. Его намѣренія преобразовать другія стороны нашего національнаго быта также имѣють великую важность, — напримѣръ, онъ считалъ нужнымъ пзмѣнить наши гражданскіе и уголовные законы. Но очевидно, что возможность успѣха въ этихъ реформахъ совершенно зависѣла отъ успѣха работъ, называемыхъ у барона Корфа организационными. Характеръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ обусловливается духомъ государственныхъ учрежденій, властью которыхъ издаются эти законы. Не успѣвъ создать учрежденія, Сперанскій, конечно, не успѣлъ преобразовать ни гражданского, ни уголовного законодательства, и его мысли объ этомъ предметѣ имѣють лишь тотъ интересъ, что служатъ къ опредѣленію его личности. Баронъ Корфъ свидѣтельствуетъ, что Сперанскій «не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ» (Т. I, стр. 155). — Проектъ новаго уложенія гражданскихъ законовъ былъ уже приготовленъ и отчасти принятъ государственнымъ совѣтомъ. Но, по удаленіи Сперанскаго, дѣло было брошено. Духъ его уложенія также возбуждалъ сильнѣйшее неудовольствіе въ партіи, отголоскомъ которой послужила записка Карамзина «О старой и новой Россіи». Чѣмъ возбуждалось неудовольствіе этой партіи, можно видѣть, напримѣръ изъ слѣдующихъ словъ записки Карамзина противъ гражданского уложенія Сперанскаго:

«Кстати ли начинать русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, кои въ истинномъ смыслѣ не бывало и нѣтъ въ Россіи? У насъ только особенныя права

разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и пр. Всѣ они имѣютъ особенныя права: общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ.»

Противники существенныхъ преобразованій негодовали, какъ мы видимъ, на то, что въ гражданскомъ уложеніи Сперанскаго проглядывала мысль о правахъ, одинаковыхъ для всего населенія имперіи. Но съ хитрою тактикою дѣлали они гражданскому уложенію другой упрекъ, совершенно иного рода. Сперанскій былъ выставляемъ за приверженца Франціи; его гражданское уложеніе называли переводомъ Наполеонова кодекса и поднимали крики, въ родѣ слѣдующихъ восклицаній записки Карамзина:

«Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать россиянамъ законы французскіе, хотя бы оныя и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданскому состоянію? Мы всѣ, любящіе Россію, государя, ея славу, благоденствіе, всѣ такъ ненавидимъ сей народъ, обогранный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ, — и въ это время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святый алтарь отечества!...»

Баронъ Корфъ справедливо говоритъ, что при составленіи гражданского уложенія Сперанскій былъ неправъ совершенно не тѣмъ, что переводилъ Наполеоновъ кодексъ, а тѣмъ, что не хотѣлъ замѣчать разницу силъ, которыми надѣялся ввести свое уложеніе, отъ тѣхъ силъ, которыми введены были новые гражданскіе законы во Франціи: «онъ забывалъ, что во Франціи составленію кодекса предшествовало сильное движеніе въ умахъ, которымъ возбудилось множество новыхъ идей, и что, при всемъ томъ, потребовались годы покамѣеть этотъ кодексъ созрѣлъ. Нашъ, напротивъ, являлся однимъ скороспѣлымъ плодомъ блестящей импровизаціи» (Т. I, стр. 167). Это сужденіе надобно примѣнить ко всѣмъ планамъ Сперанскаго. Онъ совершенно забывалъ о характерѣ и размѣрѣ силъ, какія были бы нужны для задуманныхъ имъ преобразованій. Потому онъ не успѣлъ исполнить ровню ничего и оказался «мечтателемъ».

Онъ держался исключительно тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсти довѣріе императора Александра Павловича. Онъ оставался лицомъ одинокимъ въ придворной и правительственной сферѣ. Измѣнить этого не могъ бы онъ никакими успѣхами, потому что его намѣренія совершенно расходились съ интересами и мнѣніями среды, въ которую онъ двинулся противъ ея желаній. Но онъ вовсе и не заботился о томъ, чтобы примкнуть къ нимъ. «Сперанскій въ ту эпоху никогда не собиралъ у себя знати», говоритъ баронъ Корфъ (Т. I, стр. 275). Образъ жизни его былъ, по словамъ барона Корфа, «скромный, тихій, уединенный». Баронъ Корфъ продолжаетъ:

«Еще во время служенія своего въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, наперсникъ Кочубея былъ довольно недоступенъ. Эта недоступность извинялась многодѣліемъ; но сверхъ того и самая особенность положенія Сперанскаго заставляла его-тогда уединяться: онъ имѣлъ все право считать себя выше родовыхъ дворянъ безъ заслугъ, до равенства съ знатными еще не дошелъ, а между тѣмъ своею извѣстностію, быстрыми успѣхами по службѣ и высокимъ просвѣщеніемъ былъ выведенъ изъ ряда обыкновенныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи, когда императоръ Александръ приблизилъ его къ себѣ, Сперанскій, оставался, по прежнему, всегда болѣе работникомъ, нежели царедворцемъ, почти еще рѣже сталъ показываться въ свѣтѣ. Придворные и вельможи обращались съ нимъ, лицомъ къ лицу, подобострастно, какъ съ фаворитомъ, но заочно толковали о немъ свысока, какъ о выскочкѣ; онъ же съ своей стороны очень мало въ нихъ заискивалъ, и по своимъ правиламъ, и по нѣкоторой гордости, и потому, что все время его было занято.»

Баронъ Корфъ очень точно изображаетъ отношенія, изъ которыхъ необходимо должна была развиваться катастрофа, отнявшая силу у мечтателя, не понимавшаго несообразности своихъ плановъ съ своимъ положеніемъ. Пока еще не успѣли понять, кто такой Сперанскій, пока считали его обыкновеннымъ временщикомъ, который лишь для прикрытія своихъ личныхъ расчетовъ говоритъ о государственныхъ дѣлахъ, а въ сущности заботится только о себѣ, пока надѣялись, что онъ станетъ дѣйствовать въ обыкновенномъ духѣ фаворитовъ, подбирающихъ себѣ связи, пока думали пользоваться черезъ него повышеніями и наградами, — ухаживали за нимъ, старались оказывать ему услуги, и онъ держался, — держался, какъ видимъ, только по недоразумѣнію. Но отношенія измѣнились, какъ только обнаружилось, что онъ не временщикъ, заботящійся о приобрѣтеніи клеветовъ, о своихъ и ихъ выгодахъ, что и въ дѣйствительности онъ такой странный человекъ, какимъ каждый выставляетъ себя на однихъ только словахъ; что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ о государственныхъ надобностяхъ и пользахъ, въ самомъ дѣлѣ вооружается противъ недостатковъ привычнаго государственнаго быта и не намѣренъ щадить своекорыстныхъ интересовъ, вредныхъ для государства.

«Сперанскій, казалось, навсегда утвердился на той высотѣ, на которую подняло его колесо счастья (говоритъ баронъ Корфъ). Сила министерствъ уступала силѣ государственнаго секретаря. Но умы болѣе наблюдательные и болѣе близкіе къ центру событий проводили, во всемъ описанномъ нами выше, особенно же въ характерѣ лицъ, тогда дѣйствовавшихъ, признаки непрочности положенія государева любимца, замѣчали, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Тарпейская скала близко отъ Канитолія, думали тѣ изъ нихъ, которые знали исторію. Имя Сперанскаго, правда, гремѣло еще гораздо громче прежняго, но теперь къ хвалебнымъ гимнамъ уже часто примѣшивались сарказмы и порицанія. Вельможи не могли простить Сперанскому важнаго преступленія: возвышаться, заграждать имъ дорогу и между тѣмъ не оберегать ихъ интересовъ и не искать въ нихъ. Благовидный предлогъ къ такой неприязни всегда былъ наготовѣ: опасеніе вредныхъ послѣдствій отъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Уже съ 1810 года многіе возставали противъ этого общаго преобразования; однако же судъ надъ его творцомъ еще былъ тогда довольно скромный и боязливый: дѣло шло о человекѣ случайномъ, близкомъ къ царю, о человекѣ, который все-таки могъ пригодиться для какихъ нибудь личныхъ видовъ, или поддаться какому нибудь ходатайству. Но этотъ человекъ продолжалъ неуклонно идти своимъ путемъ, ни на кого не озираясь: тогда слышались совѣсы другія рѣчи. Аристократы возставали за ограниченіе ихъ привилегій, опасаясь еще большаго стѣсненія въ будущемъ; люди на высшихъ мѣстахъ — за подчиненіе ихъ «выскачкѣ»; политическіе старовѣры — за явное стремленіе правительства ввести новыя начала, отъ которыхъ они съ ужасомъ отвращались. Весьма удачно казалась фраза, сказанная кѣмъ-то при такихъ обстоятельствахъ: «дереть этотъ поповичъ кожу съ народа; сгубить онъ государство...» Чѣмъ мысль и слово неопредѣленнѣе, тѣмъ легче они принимаются толпою и тѣмъ чаще повторяются. Общій говоръ вскорѣ зашелъ такъ далеко и принялъ такой характеръ, что въ концѣ 1811 г. уже гласно стали говорить, не въ однихъ министерскихъ канцеляріяхъ, но и въ гостинныхъ, даже въ залахъ совѣта, что Сперанскому — не одобровать, что милость къ нему государя поколебалась и что онъ, въ удовлетвореніе общему желанію, будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ.»

Сперанскій былъ въ то время непрактичный мечтатель, воображавшій себя какъ будто бы совершенно не въ той обстановкѣ, какою былъ окруженъ, не хотѣвшій замѣчать дѣйствительнаго характера этой обстановки, надѣявшійся опираться не на ея интересы, а на государственныя подробности, полагавшій, что польза задуманныхъ имъ реформъ сильнѣе всѣхъ постороннихъ соображеній. Но и при всей своей

ослѣпленной мечтательности онъ скоро замѣтилъ, что ему грозитъ паденіе. Баронъ Корфъ говоритъ:

«Самъ Сперанскій, какъ онъ ни былъ, по образу своей жизни, далеко отъ придворныхъ и городскихъ вѣстей, скоро началъ понимать всю трудность и, до нѣкоторой степени, шаткость своего положенія. Позже, онъ самъ говаривалъ, что ненависть есть дѣйствительнѣйшая изъ всѣхъ пропагандъ. Что онъ не ослѣпился и въ то время и даже изыскивалъ средства къ самосохраненію, доказывается, между прочимъ, отчетомъ поднесеннымъ отъ него государю въ февралѣ 1811 года, то есть за годъ до своего паденія. Исчисливъ тутъ разныя мѣры предложеннаго новаго порядка суднаго и исполнительнаго, настаивая на необходимости совершить ихъ неотложно, удостовѣряя, что риды государя по этой части будутъ въ точности исполняться, Сперанскій присовокуплялъ: «меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ одні руки. Представляясь, попеременно, то въ видѣ директора комиссіи (составленія законовъ), то въ видѣ государственнаго секретаря; являясь, по повелѣнію вашему, то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года, я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣбался, наконецъ, записнымъ пльминатомъ. Толпа вельможъ, со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу, не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуетъ какъ опаснаго учителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ; но, скрывая собственныя страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной; я знаю, что тѣ же люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента. Но какъ только движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ челоуѣка опаснаго. Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступать имъ, или терпѣть ихъ гоненія. *Первое* я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномысліе. Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно остается мнѣ выбрать *второе*. Смѣю мыслить, что терпѣніе мое и опытъ опровергнуть всѣ ихъ навѣты. Удостовѣренъ я также, что одно слово ваше всегда довлѣетъ оградить ихъ покушенія. Но къ чему, всемилостивѣйшій государь, буду я обременять васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выдти и разъ навсегда прекратить тягостныя для васъ и обидныя для меня нареканія. Способъ сей состоитъ въ томъ, чтобъ отдѣливъ званіе государственнаго секретаря, оставить меня при одной должности директора комиссіи (составленія законовъ). Тогда: 1) зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ нареканій. Симъ приведенъ я буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ: чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, который нѣкогда вамъ понравился: «*j'ai désiré de faire du bien, mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit.*». 2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои, на окончаніе предметовъ, безъ коихъ, — еще разъ смѣю повторить, — всѣ начинанія и труды ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ.»

Просьба Сперанскаго была непрактична. Онъ просилъ, чтобы сложили съ него веденіе текущихъ дѣлъ, оставивъ ему веденіе реформъ. Но можетъ ли сохранятьъ

силу для исполненія коренныхъ общихъ преобразованій тотъ, который чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для преодоленія противниковъ даже и по частнымъ текущимъ дѣламъ? Тутъ не было середины: надобно было Сперанскому отказаться отъ преобразованій, если онъ чувствовалъ, что противники сильнѣе его; а если сила находилась на его сторонѣ, то не было ему надобности отказываться и отъ управленія текущими дѣлами. Государь не хотѣлъ, чтобы онъ пересталъ заниматься ими. Онъ изъ этого заключилъ, что имѣетъ достаточную силу. «Только государь еще поддерживалъ его противъ всѣхъ. Приближалась минута, когда и эта подпора должна была отпасть» (Т. II, стр. 7). Биографъ, кромѣ изложенія общихъ причинъ, заключающихся въ самой сущности вещей, долженъ излагать и случайные внѣшніе поводы къ перемѣнамъ, производимымъ внутренними отношеніями. Баронъ Корфъ наполовину раскрываетъ намъ ходъ интриги, которая была внѣшнимъ поводомъ къ удаленію Сперанскаго.

«Пока толпа бездѣйственно роптала, люди болѣе честолюбивые искали изъ мало-сознательнаго ея ропота извлечь себѣ пользу. Въ ихъ глазахъ, какъ мы уже сказали, вина Сперанскаго состояла не въ его дѣствіяхъ, а въ его значеніи и силѣ при дворѣ; въ томъ, что онъ — *мѣдаль имѣ.* Этими оправдывались, въ ихъ понятіяхъ, и всѣ средства къ его низложенію. Сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, что во всякомъ случаѣ казалось тогда легче, чѣмъ ее сокрушить. Два лица, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его лоббому приобщить ихъ своимъ видамъ и учредить, изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнувъ Сперанскій ихъ предложеніе; но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству, умолчать о томъ передъ государемъ. Благородное его стращаніе отъ доноса было, въ этомъ случаѣ, непростительною политическою ошибкою противъ самого себя. Кабинетный труженикъ, занятый болѣе дѣлами нежели людьми, не разглядѣлъ, при всей своей прозорливости, разставленной ему сѣти, не подумалъ, что противъ такихъ замысловъ мало одного презрѣнія. Если честь и высшее чувство не позволили ему согласиться на дерзкое предложеніе, то самосохраненіе требовало—огласить его. Промолчавъ, Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность въ отношеніи къ его благодѣтелю;—паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но паденіемъ обыкновеннымъ, увольненіемъ или удаленіемъ отъ службы, дѣлъ заговорщиковъ (мы не можемъ назвать ихъ иначе) не была бы достигнута. Это значило довести дѣло только до половины, потому что Сперанскій, и отставленный, могъ снова возстать, проникнуть тайны ихъ коалиціи, напасть на нихъ въ свою очередь и наконецъ разрушить шаткіи союзъ. Чуткая предусмотрительность царедворцевъ, искушенныхъ въ придворныхъ интригахъ, боялась возможности подобнаго оборота дѣлъ; имъ пужно было оставить соперника въ такое безвыходное положеніе, чтобы онъ не могъ ни написать строчки, ни произнести слова помимо ихъ истолкованій и пересудовъ. Средствами къ тому представлялись только—дальняя ссылка и строгій присмотръ за сосланнымъ. Но какой взять предлогъ? Заговорщики нашли его въ открывавшейся войнѣ. Въ минуту великихъ политическихъ переворотовъ, говорили они, уже и одного *предположенія* опасности достаточно, чтобы оправдать всѣ возможныя мѣры осторожности, а здѣсь—гораздо больше, чѣмъ простое предположеніе. Пусть только заберутъ его бумаги: тамъ навѣрное найдутся неопровержимыя доказательства его злыхъ умысловъ; но забрать бумаги и разсмотрѣть ихъ съ должною строгостію можно будетъ тогда только, когда самого его вышлютъ изъ столицы и удалятъ отъ всякаго вліянія на дѣла и на людей. На помощь этимъ навѣтамъ, можетъ быть и тому впечатлѣнію, которое оставила въ умѣ государя предшествовавшая имъ записка Карамзина, стали появляться лодметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячѣ списковъ и обви-

являя Сперанскаго не только въ гласномъ опорочиваніи политической нашей системы, не только въ предсказываніи паденія имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и проч. За двумя главными союзниками, положившими основу всему дѣлу, потянулась толпа немалочисленныхъ ихъ клеветовъ. Что сегодня государь слышалъ въ обвиненіе Сперанскаго отъ одного, то завтра пересказывалось ему снова другимъ, будто бы совѣтъ изъ пиаго источника, и такое согласіе вѣстей естественно должно было поражать Александра: онъ не подозрѣвалъ, что всѣ эти разные вѣстовщики — члены одного и того же союза.»

Обвиненіе въ предательствѣ, показавшееся вѣрнымъ императору, придало катастрофѣ особенную суровость. Баронъ Корфъ сообщаетъ намъ поразительно обстоятельство: въ первую минуту своей тревоги, императоръ хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго. Объ этомъ прямо упоминается въ письмѣ извѣстнаго профессора Паррота, пользовавшагося любовью императора Александра Павловича. Приводимъ изъ книги барона Корфа мѣсто, относящееся къ послѣднимъ сценамъ катастрофы:

«Собравшись выѣхать въ Дерптъ, онъ (Парротъ), вечеромъ 15 марта, имѣлъ прощальную аудіенцію; но увлеченный чрезвычайною важностію происходившаго при ней разговора, рѣшился, на слѣдующій день, еще написать государю. И разговоръ ихъ и это письмо были—о Сперанскомъ. Должно думать, что именно передъ самою аудіенціею нашего профессора заговорщики успѣли нанести государственному секретарю, доносами и лжеизобличеніями своими, послѣдній, рѣшительный ударъ. Письмо Паррота, отъ 15 марта, проливаетъ новый свѣтъ на это дѣло; изъ него видно даже, что коварно обманутый монархъ готовъ былъ, въ первомъ гнѣвѣ, превзойти самыя дерзкія надежды враговъ Сперанскаго. Вотъ выписка изъ этого примѣчательнаго письма*).

«Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ... Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли Вы расположении духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій?—а если бы и былъ въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить?—всякая же коммиссія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ Вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то, все же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и подсматривать за нимъ такъ, чтобы не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріателемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Докажите умѣренностію Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаётесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихся свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и ею-то хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятно рассчитываютъ и непріатели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами»...

* „Парротъ велъ переписку съ государемъ на французскомъ языкѣ, на которомъ и это письмо было написано“

«17 числа, въ воскресенье, Сперанскій спокойно обѣдалъ у г-жи Вейкардтъ, какъ прѣхалъ туда фельдшеръ, съ приказаніемъ ему явиться къ государю въ тотъ же вечеръ, въ 8 часовъ. Приглашеніе это, которому подобныя бывали очень часто, не представляло ничего необыкновеннаго, и Сперанскій, захавъ домою за дѣлами, явился во дворецъ въ назначенное время. Въ секретарской ожидалъ прѣхавшій также съ докладомъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; но государственный секретарь былъ позванъ прежде. Аудіенція продолжалась слишкомъ два часа. Сперанскій вышелъ изъ кабинета въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами, и, подойдя къ столу, чтобъ уложить въ портфель свои бумаги, обернулся къ Голицыну спиною, вѣроятно съ намѣреніемъ скрыть волненіе. Замкнувъ портфель, онъ скорыми шагами удалился изъ комнаты и уже только выйдя въ другую, какъ бы вдругъ опомнился, отворилъ опять до половины дверь и протяжно, съ особеннымъ удареніемъ, выговорилъ: «прощайте, ваше сіятельство!» Это прощаніе было надолго *). Болѣе девяти лѣтъ предопределено было Сперанскому не видѣться ни съ Голицынымъ, ни съ самимъ Александромъ... Вслѣдъ за тѣмъ, государь выслалъ сказать Голицыну, что никакъ не можетъ его принять, а просить прѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

«Но въ чемъ же состояли тайны этой аудіенціи? Не повторяя здѣсь изустныхъ разсказовъ, сложившихся большею частію по наслышкѣ, даже по догадкамъ, мы ограничимся только передачею того, на что есть несомнѣнныя письменныя доказательства. Ими утверждаются два слѣдующія обстоятельства: *во-первыхъ*, Александръ, исчисляя бывшему своему любимцу причины побуждавшія его съ нимъ разстаться, умолчалъ, можетъ быть по чувству великодушія, а можетъ быть уже и *самъ начавъ сомнѣваться въ своемъ ссмыслии*, о главной — именно о взведенномъ на Сперанскаго извѣтѣ въ измѣнѣ и преступныхъ сношеніяхъ съ неприятелями Россіи. Это ясно изъ нермскаго письма, въ которомъ Сперанскій, конечно, прежде всего и со всею силою возсталъ бы противъ такого гнуснаго извѣта, но въ которомъ онъ писалъ только: «я не зная съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ кон, *при отлученіи меня, ваше величество сказать мнѣ изволили*, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительству; 3) отзвыи о правительствѣ». *Во-вторыхъ*, нѣтъ, между тѣмъ, никакого сомнѣнія, что доносъ объ измѣнѣ въ самомъ дѣлѣ существовалъ, и что ему, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, Александръ далъ нѣкоторую вѣру. Это ясно изъ вышеприведеннаго письма Шаррота, ясно и изъ дневника, вѣденнаго Сперанскимъ по возвращеніи съ поста сибирскаго генераль-губернатора. Хотя дневникъ этотъ большею частію до того кратокъ, что многое изъ его содержанія представляетъ теперь одни загадочныя іероглифы; но, подъ 31 августомъ 1821 года, мы находимъ въ немъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Работа у государя императора. Пространный разговоръ о прошедшемъ. *Доносъ яко бы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ* **)...»

«Изъ дворца государственный секретарь прѣхалъ къ Магницкому (бывшему тогда его близкимъ пріятелемъ), но засталъ только его жену, утонувшую въ слезахъ, — мужа, въ тотъ же вечеръ, внезапно увезли въ Вологду. Возвратя къ себѣ, Сперанскій былъ встрѣченъ министромъ полиціи Балашовымъ и правителемъ канцеляріи министерства Де-Сангленомъ. Они ожидали его прибытія для опечатація его кабинета. У подъѣзда стояла почтовая кибитка. Тотъ, для кого она была приготовлена, попрыгнулъ только

*) Вся эта сцена описана нами со словъ самого князя Голицына. Другой очевидецъ, генераль-адъютантъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенцевъ-Кутузовъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ и тоже находившійся въ секретарской комнатѣ, съ своей стороны разсказывалъ намъ, что Сперанскій, при выходѣ изъ кабинета, былъ почти въ безпамятствѣ, вмѣстѣ бумага стала укладывать въ портфель свою шляпу и наконецъ уналъ на стулъ, такъ что онъ, Кутузовъ, побѣждалъ за волою. Спустя нѣсколько секундъ, дверь изъ государева кабинета тихо отворилась и Александръ показался на порогѣ видимо растроганный: «еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ!» — проговорилъ онъ, и потомъ скрылся.

**) «Лористонъ былъ въ 1812 году французскимъ, а Блумъ датскимъ посломъ при нашемъ дворѣ».

Примѣч. автора.

Примѣч. автора.

позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ, чтобы переслать ихъ, въ особомъ пакетѣ за его печатью, при нѣсколькихъ, тутъ же имъ написанныхъ строкахъ, государю. Балашовъ согласился *). Потомъ надо было ѣхать. У Сперанскаго не достало духа разбудить тещу и дочь, чтобы проститься съ ними. Онъ благословилъ только дверь ихъ спальни и оставилъ записку, которою приглашалъ обѣихъ отправиться вслѣдъ за нимъ по минованіи зимы. Когда и это было кончено, уже поздно ночью, частный приставъ Шинулипскій умчалъ его въ долговременное заточеніе, которому надлежало начаться съ Нижняго Новгорода.

«Совѣтъ Паррота, совпавшій, хотя и подъ вліяніемъ совершенно другихъ побужденій, съ тайными желаніями враговъ Сперанскаго, былъ слѣдственно принятъ...» *).

«Одинъ изъ первыхъ въ городѣ узналъ о высылкѣ Сперанскаго близкій къ нему Вронченко. Въ понедѣльникъ, 18 марта, въ 6 часовъ утра, онъ явился къ своему начальнику для обыкновенной, передъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, работы по гражданскому уложенію. Въ передней полицейскій драгунъ загородилъ ему дорогу, говоря, что никого не велѣно пускать, и уже только по отзыву, что онъ «домашній», позволилъ ему пройти. Изъ прислуги никого не было видно, и Вронченко, найдя кабинетъ запечатаннымъ, долго бродилъ по комнатамъ въ томительномъ недоумѣніи и страхѣ, пока наконецъ не встрѣтилъ Цейера (преданнѣйшаго друга Сперанскаго), отъ котораго услышалъ о случившемся. Послѣ Вронченко явился Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, прежній чиновникъ канцеляріи Трошинскаго, оставшійся въ близкпхъ отношеніяхъ къ Сперанскому и зашедшій къ нему по какому-то дѣлу. «Куда вы?» спросилъ сидѣвшій въ передней человекъ. «Къ Михайлу Михайловичу». — «Его уже здѣсь нѣтъ». — «Неужели же онъ такъ рано поѣхалъ къ государю?» — «Поѣхалъ точно, да не къ государю, а въ Сибирь», и человекъ рассказалъ происшедшее ночью.

«Здѣсь любопытно будетъ привести выписку изъ современнаго письма къ Сперанскому многолѣтняго его повѣреннаго, казначея и счетчика, Масальскаго, который одинъ, кажется, изъ всѣхъ его приверженцевъ не потерялъ въ первую минуту присутствія духа и дѣйствовалъ всѣми способами, какіе только находились въ слабыхъ его рукахъ. Имѣвъ на своемъ попеченіи и хозяйственныя дѣла Магницкаго, Масальскій 17-го вечеромъ былъ потребованъ министромъ полиціи, для поручительства въ деньгахъ, которыми послѣдній ссудилъ Магницкаго при отправленіи въ Вологду, и тутъ же узналъ о готовящейся высылкѣ также и Сперанскаго. «Тогда — писалъ онъ своему покровителю (уже въ Нижній), — я бросился въ вашъ домъ, но по пріѣздѣ найдя уже тутъ предва- рившаго меня министра полиціи и узнавъ отъ Лаврушки (камердинера), что вы изъ

*) „Въ пакетѣ было нѣсколько тайныхъ дипломатическихъ депешъ, взятыхъ Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія, что послужило потомъ поводомъ къ увольненію отъ службъ Жерве, бывшаго посредникомъ въ доставленіи сказанныхъ депешъ, и къ заключенію въ крѣпость выдаваемаго ихъ совѣтника министерства Бека. Между тѣмъ это открытіе чрезвычайно обрадовало непріятелей Сперанскаго, давъ имъ случай, какъ самъ онъ выразился, „всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторую истину“. Въ сущности, тутъ было одно, конечно, не совсемъ скромное любопытство, которое Сперанскій оправдывалъ (въ персскомъ письмѣ) тѣмъ, что „стоя въ средоточіи дѣлъ, онъ всегда и по этимъ предметамъ имѣлъ доступъ къ государю и всѣмъ вѣстямъ, помѣщавшіяся въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, всегда въ тысячу разъ лучше и подробнѣе зналъ, нежели сами они“. *Примѣч. автора.*

**) „Волѣе двадцати лѣтъ спустя, самъ Парротъ, въ письмѣ къ императору Николаю отъ 8 января 1833 года (также на французскомъ языкѣ), такъ описывалъ это событіе и свое участіе въ немъ: „горестнѣйшею минутою въ жизни благороднаго императора Александра была та, когда, передъ самою кампаніею 1812 года, его успѣли увѣрить, будто бы ему измѣнилъ и продалъ его Наполеону одинъ человекъ необыкновенныхъ дарованій, котораго онъ старался приблизить и привязать къ себѣ неограниченною довѣренностію и изліяніемъ на него всѣхъ милостей. Въ эту тяжкую минуту, растерзанный такою неблагодарностію, онъ прислалъ за мною. Мнѣ посчастливилось успокоить возлюбленнаго монарха, отклонить его отъ ужасной мѣры, на которую его едва не подвинулъ справедливый, по видимому, гнѣвъ и которую, между тѣмъ, сами враги обнесеннаго не оставили бы провозгласить актомъ неслыханной тиранніи; наконецъ снасти достойнаго сановника, осчастливленнаго теперь высокими довѣріемъ вашего величества. Покойный государь сердечно поблагодарилъ меня за мой совѣтъ и во всемъ ему послѣдовалъ“. *Примѣч. автора.*

дворца еще не возвращались, поѣхалъ искать васъ тамъ; но къ несчастію вы оттоль уже уѣхали. Послѣ сего, возвратясь къ дому вашему, я нѣсколько разъ покушался взойти къ вамъ въ то время, какъ вы были съ министромъ. Но ужасъ, который тогда мною овладѣлъ, я никакъ преодолѣть не могъ и потому, ходя около вашего дома до 2-хъ часовъ за полночь, я, при малѣйшемъ даже движеніи полицейскихъ драгунъ, представлялъ совершенно трусливаго зайца. Такимъ образомъ лишась послѣдней отрады видѣть васъ, моего премилосердаго отца, при отъздѣ вашемъ, и возвратясь домой съ стѣсненнымъ горестію сердцемъ, я, на другой послѣ отъзда вашего день, увѣдомилъ о случившемся съ вами несчастіи, какъ графа Виктора Павловича Кочубея, такъ и графа Павла Андреевича Шувалова, прося ихъ, чтобы они употребили всѣ средства, дабы противъ всякой на васъ клеветы истребовано было отъ васъ письменное объясненіе. Графъ Шуваловъ принялъ въ вашемъ положеніи истинное участіе и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить, что ежели вамъ нужно будетъ подать черезъ него государю письмо, то онъ тотчасъ сіе исполнитъ. Графъ Кочубей съ своей стороны большою своею осторожностію удивилъ меня. Онъ сперва спрашивалъ меня о причинахъ вашего несчастія, но когда я ему отозвался, что ничего не знаю и что жизнь можно отвѣчать, что вы ни въ чемъ не виновны, то обратился къ другому вопросу, а именно: великое ли вы имѣете богатство *)? Я увѣрялъ его, что все, что вы имѣете, состоитъ лишь въ жалованьи, которое получалъ я за прошедшее время по носимымъ вами званіямъ, и въ денгахъ, сбереженныхъ вами отъ всемилостивѣйше пожалованныхъ вамъ Саратовскихъ земель, и состоитъ въ 55,000 рублѣхъ ассигнаціями, если только въ теченіе прошедшаго года изъ оного числа вы не прожили, и что счета мои, кои въ кабинетѣ вашемъ должны храниться съ 1798 года, откроютъ и недостатки ваши и крайне умѣренную жизнь; но увѣренія сіи любопытства графа Кочубея не прекратили, пока наконецъ почувствовавъ, казалось мнѣ, странность своихъ вопросовъ, онъ перемѣнилъ разговоръ и спрашивая, не нужны ли деньги на отправление Елисаветы Михайловны (то есть дочери Сперанскаго) предлагалъ, чтобы я взялъ у него сколько бы ни понадобилось, но я отъ такого пособія вовсе отказался». — «При семъ, продолжалъ Масальскій, я узналъ отъ графини Шуваловой страшныя на счетъ чести вашей нелѣпности. Она открыла мнѣ, что о васъ твердятъ, что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогами сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе; что перехватили ваши письма къ Бонапарту; что у военнаго министра украдена портфель съ военными планами и планы сіи также посланы къ Бонапарту; что наконецъ вы хотя и старались оправдаться передъ государемъ, но помянутыя письма васъ обличили и сдѣлали безотвѣтными, и когда государь предложилъ вамъ, что за лучшее для себя признаете: судъ, или Нижній-Новгородъ, то вы, лишась надежды оправдаться, рѣшились избрать послѣднее. Всѣ сіи нелѣпности, ежели бы выдумываемы были одною глупою чернью, то, конечно, не было бы причинъ много беспокоиться, но тутъ вездѣ было намѣреніе людей, устремившихся на вашу погильбель, которые звѣрскимъ образомъ силились растерзать доброе ваше имя, и все вышесказанное составляло малую только часть того, что о васъ здѣсь по городу разносили. Нужнымъ считаю довести до вашего свѣдѣнія еще, что когда начали кричать, что у васъ хранится нѣсколько милліоновъ въ англійскомъ банкѣ, что 700,000 р. отправлены были вами въ Кіевъ на контракты, и что я и М. В. (Могилянскій) были орудіями корыстолюбиваго вашего поведенія и за сіе насъ пошлютъ въ Сибирь, то я просилъ графиню Шувалову, чтобы она рассказала все то Осипу Петровичу (министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву) и открыла бы, что я, будучи совершенно невиненъ, того только желаю, чтобы поведеніе мое строжайшимъ образомъ было изслѣдовано, и что счета мои, кои найдены будутъ у васъ въ кабинетѣ, легко могутъ доказать не только невинность мою, но также и то, что вы не имѣете никакого у себя богатства».

«Отъ этихъ домашнихъ и городскихъ сценъ и толковъ перенесемся теперь во дворецъ».

*) Изъ этого можно заключить, что и на графа Кочубея, несмотря на всю близость его сношеній съ Сперанскимъ, подѣйствовала молва; такъ искусно ведена была интрига.

«Въ понедѣльникъ 18 числа, князь Голицынъ, являсь къ государю, какъ было ему приказано, послѣ засѣданія государственнаго совѣта, засталъ его ходящимъ по комнатѣ съ весьма мрачнымъ видомъ. «Ваше величество нездоровы?» спросилъ Голицынъ.— «Нѣтъ, здоровъ».— «Но вашъ видъ?»— «Еслибъ у тебя отскѣли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!»... Во всю бесѣду, довольно продолжительную, государь только и говорилъ, что о тяготившей его потерѣ, часто со слезами на глазахъ. «Ты разберешь съ Молчановымъ *) бумаги Михайла Михайловича, заключилъ Александръ; но въ нихъ ничего не найдется: онъ *не измѣнникъ*...» Въ тотъ же день, прогуливаясь пѣшкомъ, государь встрѣтилъ г-жу Кремеръ. «Вы, конечно, уже знаете, сказалъ онъ ей,—что я принужденъ былъ выслать вашего друга?»— «Сейчасъ слышала, ваше величество, и глубоко этимъ поражена».— «Чтожь дѣлать!» отвѣчалъ Александръ, и въ это время замѣтно было судорожное движеніе его губъ и подбородка:— «можетъ быть никто не пострадалъ тутъ болѣе меня, но я принужденъ былъ покориться причинамъ самымъ настоятельнымъ». Въ среду вечеромъ былъ призванъ во дворецъ графъ Нессельродъ, очевидно для того только, чтобы и съ нимъ завести рѣчь о случившемся. Нессельродъ не могъ скрыть глубокаго своего сокрушенія, сколько по личнымъ чувствамъ къ Сперанскому, столько и по убѣжденію, что государь лишилъ себя въ немъ слуги самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго. «Ты правъ, отвѣчалъ Александръ, но именно теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію». Передъ министромъ юстиціи Дмитріевымъ, по свидѣтельству его записокъ, государь выразился нѣсколько иначе, порицая, впрочемъ, Сперанскаго только за опорочиваніе политическихъ мнѣній нашего правительства и за то, что онъ хотѣлъ проникать въ закрытыя для него государственныя тайны **). Къ этому прибавимъ переданныя намъ, двумя высшими государственными сановниками, отъзвы Александра при разговорахъ съ ними въ позднѣйшую эпоху. «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ», отвѣчалъ онъ Николаю Николаевичу Новосильцову, когда, въ минуту довѣрчивой бесѣды, послѣдній пытался узнать истинную причину паденія бывшаго любимца. «Слышалъ ли ты, что я снова призываю сюда Михайла Михайловича?» спросилъ государь у Иллариона Васильевича Васильчикова въ 1820 году, передъ возвращеніемъ Сперанскаго въ Пестербургъ съ поста сибирскаго генералъ-губернатора. «Слышалъ, отвѣчалъ Васильчиковъ, и искренно поздравляю ваше величество съ приближеніемъ опять къ себѣ человѣка такихъ необыкновенныхъ достоинствъ».— «Никто, возразилъ государь, болѣе меня не отдастъ справедливости его высокимъ талантамъ. Я увѣренъ, что онъ и не дурной человѣкъ; но сила тогдашнихъ обстоятельствъ, которой я не могъ противустоять, заставила меня съ нимъ разстаться. Никогда, однако же, я не вѣрилъ во взведенную на него измѣну и вишу его только въ томъ, что онъ не имѣлъ ко мнѣ полной довѣренности» ***). Наконецъ свидѣтельствомъ еще высшимъ, еще болѣе несомнѣннымъ, тѣмъ всѣ эти частныя пересказы, самымъ торжественнѣйшимъ оправдательнымъ актомъ Сперанскаго передъ потомствомъ и исторією, является то собственноручное письмо отъ 22 марта 1819 года, въ которомъ императоръ Александръ, прямо и передъ самимъ Сперанскимъ, призналъ навѣты его враговъ за то, тѣмъ они дѣйствительно были, то есть *за клевету*.

«Но если, такимъ образомъ, въ Александрѣ, почти съ самыхъ первыхъ минутъ и тѣмъ болѣе послѣ, замѣтно было отвращеніе вѣрить въ какую нибудь измѣну со стороны его любимца и обнаруживалась даже увѣренность въ противномъ, то мнѣше

*) Статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами комитета министровъ.

**) Намекъ на дипломатическія депеши, взятія Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и пересланныя отъ него государю въ особо запечатанномъ конвертѣ. Государь тутъ же показалъ Дмитріеву первыя строки письма, въ которомъ Сперанскій говорилъ, что былъ подвинутъ къ такому дѣйствию однимъ любопытствомъ и еще болѣе искреннимъ участіемъ въ благоденствіи и славѣ отечества.

Примѣч. автора.

***) Подъ этимъ, вѣроятно, должно разумѣть то, выше упомянутое нами предположеніе, сдѣланное Сперанскому и сокрытое имя отъ Александра, которое заговорщики умѣли потомъ приписать ему самому.

Примѣч. автора.

массы развивалось совсѣмъ иначе. Въ захваченныхъ бумагахъ, конечно, и сама вражда не умѣла найти ничего предосудительнаго; но, въ замѣтъ, обличителемъ передъ публикою явилась общая неопредѣленная молва, систематически поддерживавшаяся ложными намеками и внушениями той же партіи, которую все было начато. Огромное большинство, во всѣхъ классахъ, ни на минуту не усомнилось въ томъ, что кроткаго Александра могло побудить къ такому дѣйствию, неслыханному въ его царствованіе, одно лишь *самое черное преступленіе* противъ его лица и противъ государства. Вина заточеннаго не была оглашена никакимъ публичнымъ актомъ: слѣдственно открывалось широкое поле для самыхъ смѣлыхъ догадокъ. Что обнаружено, какъ, когда, черезъ кого? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ предоставлялось произволу каждаго; нитки, спущенныя съ клуба, до того наконецъ перепутались, что хладнокровно соображая всѣ многочисленныя и разнообразныя толки, сложившіяся тогда объ этомъ событіи, трудно рѣшить, что стояло выше: изобрѣтательность или клеветы, или податливость легковѣрія? Отъ того. еще и до сихъ поръ, повѣсть о наденіи Сперанскаго, рассказываемая и толкуемая каждымъ по своему, продолжаетъ оставаться, въ нашей исторіи, такою же неразгаданною тайною какъ, нѣкогда, во французской, сказаніе о Желѣзной Маскѣ.

«Изъ приведеннаго выше письма Масальскаго мы видѣли, что и какъ, въ первые дни, говорили о случившемся, въ Петербургѣ. «Исторія Сперанскаго, писалъ Карамзинъ своему брату изъ Москвы, есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ, Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ*)». Наконецъ слѣдующее извлеченіе изъ записокъ Вигеля**), находившагося въ то время въ Пензѣ, свидѣтельствуетъ о впечатлѣніи, которое было произведено этимъ неожиданнымъ событіемъ на провинцію. «Первая важная вѣсть, пишетъ онъ, которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть млагаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ гибели ни единому изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли наконецъ глаза обманутому государю. Только дивились милосердію его и роптали, какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы***). Не менѣе того, его ссылку торжествовали какъ первую побѣду надъ французами. Многіе приходили меня съ этимъ поздравлять и, виноваты, я принималъ поздравленіе».

Удаленіемъ изъ Петербурга кончается дѣятельность Сперанскаго, какъ самостоятельнаго государственнаго человѣка. Возвратившись въ Петербургъ, онъ постепенно сталъ получать довольно важныя назначенія, изъ которыхъ въ особенности знаменито составленіе «Свода Законовъ». Виѣшняя сторона его таланта обнаружи-

*) Любопытно, что въ томъ же письмѣ, отъ 28 мая 1812 года, слѣдственно писанномъ едва спустя два мѣсяца послѣ происшествія, Карамзинъ могъ уже сказать: „его (то есть Сперанскаго) всѣ бранили, теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть“.

**) Враждебнаго Сперанскому.

***) Въ современномъ дневникѣ другаго лица, Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, мы находимъ также нѣчто подобное. Называя Сперанскаго Робеспьеромъ, а Магницкаго его сеидомъ, и рассказывая, что послѣ ихъ высылки, государь велѣлъ дать дочери перваго и женѣ послѣдняго кареты отъ двора, для слѣдованія за ними, Кутузовъ прибавляетъ: «друзья злодѣя говорятъ о несовмѣстности съ правосудіемъ монарха поступать такъ съ людьми, которые были бы виновны въ томъ, въ чемъ ихъ вняли, и что если бы они точно продались Фравини, то государь не имѣлъ бы такихъ аттенцій къ ихъ семьямъ, изъ чего и слѣдуетъ, что все — одна ложь и придворная интрига. По моему мнѣнію, предположеніе такого рода уничтожается двухъ-часовою аудіенціею, въ продолженіе которой Сперанскій имѣлъ, кажется, все время оправдаться, если бы могъ; слѣдственно въ теперешнемъ распоряженіи должно видѣть только новое доказательство непостижимой благодати монарха».

Примѣч. автора.

вася и тутъ съ прежнимъ блескомъ: онъ умѣлъ очень легко распутывать самое многосложное дѣло, исполнять съ необыкновенною быстротою самыя огромныя задачи. Напримѣръ, невозможно не изумляться тому, въ какое короткое время успѣлъ онъ составить и обнародовать «Полное Собраніе Законовъ» и «Сводъ Законовъ». Но и въ этомъ важнѣйшемъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, поручавшихся ему по возвращеніи въ Петербургъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать уже по инструкціямъ или рѣшеніямъ, даваемымъ ему отъ другихъ; ему принадлежало только исполненіе, а не духъ дѣла. Да и самъ онъ возвратился въ Петербургъ далеко уже не такимъ, какой былъ прежде. Онъ убѣдился въ неосновательности своихъ прежнихъ надеждъ, помнилъ, что нечего думать о преобразованіяхъ и заботился, повидимому, только о томъ, чтобы провести остальные годы жизни спокойно, помогая ходу государственныхъ дѣлъ въ томъ, чему было можно содѣйствовать, не возбуждая ничьихъ опасеній.

Но до такого понятія о себѣ, какъ объ инвалидѣ, онъ, разумѣется, достигъ не вдругъ, и довольно долго боролась въ немъ съ этимъ тяжелымъ сознаніемъ мечта о возстановленіи прежняго вліянія. Естественно было ему, чувствовавшему свое умственное превосходство надъ другими тогдашними дѣятелями, думать, что, явившись въ Петербургъ, онъ снова пріобрѣтетъ перевѣсъ надъ ними. Потому нетерпѣливо хлопоталъ онъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ. Онъ отправлялъ съ этою цѣлію нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ знаменитое письмо къ государю, извѣстное подъ пменемъ «письма изъ Перми». Государь скоро сталъ выражаться, что обвиненіе противъ Сперанскаго было несправедливо; но не возвратилъ его въ Петербургъ, а только дозволилъ ему переѣхать изъ Перми, куда онъ былъ сосланъ, въ новгородское помѣстье Великополье, доставшееся дочери Сперанскаго отъ ея тетки. Бывшій государственный секретарь принялъ это разрѣшеніе приблизиться къ Петербургу за признакъ намѣренія въ скоромъ времени дозволить ему пріѣздъ въ столицу, и съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій. Но, рѣшившись показать, что снимаютъ съ него вину, его не возвратили въ Петербургъ, а послали губернаторомъ въ Пензу. Изъ Пензы послали его управлять Сибирью и очень долго отсрочивали обѣщанное разрѣшеніе явиться изъ Сибири въ Петербургъ. Въ этихъ проволочкахъ прошло цѣлыхъ девять лѣтъ. Очевидно было, что перестали считать его виновнымъ въ измѣнѣ, когда возлагали на него устройство всего сибирскаго края; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно было, что его присутствіе въ Петербургѣ не считаютъ нужнымъ. Однакоже онъ все еще не могъ понять этой перемѣны въ чувствахъ къ нему. Онъ надѣялся на силу своего ума, думалъ, что свиданіе съ государемъ возвратитъ ему прежній вѣсъ.

Баронъ Корфъ очень строго порицаетъ Сперанскаго за то, что съ просьбами своими о возвращеніи въ Петербургъ онъ обращался къ Аракчееву, пользовавшемуся тогда наибольшою силою у императора. Баронъ Корфъ считаетъ выборъ такого ходатая недостойнымъ бывшаго государственнаго секретаря. Баронъ Корфъ строго порицаетъ Сперанскаго и за самое желаніе возвратиться въ Петербургъ. Безъ всякаго сомнѣнія, баронъ Корфъ правъ. Сперанскій долженъ былъ уже давно разочароваться въ своихъ прежнихъ мечтахъ о возможности задуманныхъ преобразованій; долженъ былъ убѣдиться и въ непрочности положенія, къ которому вновь стремился, — въ непрочности его, по крайней мѣрѣ, для такихъ людей, какъ онъ, — людей думающихъ, кромѣ своего личнаго честолюбія также и объ исправленіи коренныхъ недостатковъ, объ удовлетвореніи глубокимъ государственнымъ потреб-

ностямъ. Съ этой стороны Сперанскій заслуживаетъ строгихъ порицаній, выражаемыхъ барономъ Корфомъ. Но баронъ Корфъ, конечно, далекъ былъ отъ мысли видѣть въ желаніи Сперанскаго возвратиться въ Петербургъ только обыкновенное тщеславіе обыкновенныхъ честолюбцевъ, добивающихся только почестей и личнаго блеска. Свою жизнь, по возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскій доказалъ, что этого одного было ему не нужно. Когда онъ увидѣлъ, что ошибся въ расчетѣ получить на дѣла такое вліяніе, которымъ существенно бы измѣнялся ходъ ихъ, когда онъ увидѣлъ невозможность реформъ, онъ впалъ въ апатію. Мы не видимъ, чтобы онъ велъ интриги для полученія должностей и титуловъ. Онъ не сталъ усиливаться, чтобы достичь только личнаго возвышенія. Онъ только присмотрѣлся къ тому, допускается ли существовавшими отношеніями возможность дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, и какъ только увидѣлъ, что этого нѣтъ, остался неподвиженъ. Да, онъ былъ честолюбивъ, но не въ томъ дюжинномъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ: онъ хотѣлъ великой исторической дѣятельности, онъ хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями; чловѣка, имѣющаго такую цѣль, нельзя упрекать въ тщеславной суетности, если онъ хлопочетъ о власти. Но правда и то, что свойство отношеній, въ которыя привелось Сперанскому быть поставленнымъ, отразилось на его репутаціи нѣкоторыми пятнами. Мы готовы были бы извинить льстивый тонъ его писемъ изъ изгнанія къ Аракчееву, потому что льстивость относится тутъ лишь къ частнымъ дѣламъ, не касаясь государственныхъ дѣлъ. Но на самомъ дѣлѣ прискорбно то, что, по возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскій, продолжая искать опоры въ Аракчеевѣ, попытался, въ угоду ему, защищать тогдашнія военныя поселенія. Вотъ изъ книги барона Корфа мѣсто, сообщающее намъ этотъ фактъ, едва ли не самый прискорбный изъ всѣхъ излагаемыхъ въ этой вовсе неутѣшительной біографіи:

«Сперанскій взялся написать общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы хотя нѣсколько примирить съ нимъ общественное мнѣніе, возстававшее всю свою силу противъ этого созданія желѣзной воли Аракчеева. Дѣйствительно, въ началѣ 1825 года появилась брошюра, подъ заглавіемъ: *О военныхъ поселеніяхъ*, написанная съ обыкновеннымъ искусствомъ Сперанскаго. Бывъ напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ, тогда же большею частію раздаренныхъ, она теперь сдѣлалась библиографическою рѣдкостью. На это похвальное слово учрежденію, самому у насъ непопулярному, на эту, по выраженію одного современника, «реляцію нослѣ сраженія», должно смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную Сперанскимъ своему положенію. За четыре года передъ тѣмъ, на возвратномъ пути изъ Сибири въ Петербургъ, проѣзжая новгородскими поселеніями, самъ онъ, въ «дневникѣ» своемъ, отмѣтилъ: «fumus ex fulgore!...»

Да, Сперанскій былъ сломанъ жизнью. Не таковъ былъ онъ въ первую пору своей дѣятельности, когда, по свидѣтельству самого барона Корфа, не отступалъ отъ своихъ убѣжденій ни для кого. И къ чему повело это униженіе? Единственнымъ, но вовсе недостаточнымъ извиненіемъ Сперанскому можно выставить только то, что не онъ одинъ обольщался мыслью о возможности возстановить свою силу. Вся публика ожидала того же. Баронъ Корфъ говорить:

«Пріѣздъ Сперанскаго былъ, можно сказать, чѣмъ-то торжественнымъ: съ нимъ ожидали и обновленія дѣлъ, и всѣ, по крайней мѣрѣ огромное большинство, были убѣждены, что онъ снова вознесется на прежнюю высоту. Одни полагали, что Аракчеевъ сдастъ ему все управление гражданскою частію; другіе, возобновляя прежне

слухи, предсказывали въ немъ будущаго министра юстиціи; третьи увѣряли, что ему, съ титуломъ, по прежнему, государственнаго секретаря, присвоена будеть та власть, каковую при Екатеринѣ II имѣлъ князь Вяземскій, и т. д.»

Простительно было заблуждаться въ этомъ случаѣ толпѣ непроницательныхъ людей; но какъ могъ увлекаться такимъ же легковѣріемъ Сперанскій? Ему слѣдовало бы понять съ перваго же взгляда, что его время, т. е. время стремленій къ реформамъ, миновалось безвозвратно; но онъ до самой кончины императора Александра Павловича продолжалъ заблуждаться:

«Сперанскій уже никогда болѣе не возвышался на прежнюю ступень при императорѣ Александрѣ и даже не получилъ никакого самостоятельнаго назначенія. Но очень примѣчательно, что самъ онъ, при всемъ своемъ тактѣ и тонкомъ умѣ, не могъ или не хотѣлъ — по крайней мѣрѣ *въ началѣ* — ни понять истиннаго своего положенія, ни убѣдиться въ невозвратности прежняго. Сперва, когда работы по сибирскимъ учрежденіямъ и по возобновившемуся пересмотру гражданскаго уложенія давали ему довольно частый доступъ къ государю, онъ, смотря на предметы сквозь призматическое стекло своихъ желаній, старался увѣрить себя, будто бы возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева, даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается — все бросить. Но такое добровольное самозаблужденіе, такая фантазмагорія воображенія, слѣды которыхъ безпрестанно проявляются въ его «дневникѣ», не могли длиться долго. Тотъ же «дневникъ» свидѣтельствуетъ, что государь, при свиданіяхъ съ Сперанскимъ, не разъ повторялъ, что считаетъ его *своимъ человекомъ*, что никто *запятнать его не можетъ*, и пр.; а между тѣмъ, все важнѣйшее изъ его работъ онъ утверждалъ, всѣ подносимые имъ указы подписывалъ *не иначе*, какъ по предварительному совѣщанію съ Аракчеевымъ. Уже съ декабря 1821 года Сперанскій самъ началъ замѣчать нѣкоторые признаки охлажденія. Въ февралѣ слѣдующаго года, все болѣе и болѣе разочаровываясь, онъ писалъ Ермолову: «Хилое мое здоровье не дозволяетъ мнѣ много заниматься, и хотя занятія мои весьма нынѣ ограничены, тѣмъ не менѣе боюсь, что и для нихъ скоро силъ у меня не станетъ». Со второй половины 1822 года, то есть по окончаніи дѣлъ сибирскихъ, и къ личнымъ докладамъ онъ былъ призываемъ гораздо рѣже. Въ слѣдующемъ 1823 году, государь принималъ его съ бумагами всего только *три* раза; въ 1824 и 1825, кажется, уже—*ни одного*. То же самое отразилось и въ приглашеніяхъ къ императорскому столу: изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что въ 1821 году Сперанскій безпрестанно обѣдалъ у государя; въ 1822 несравненно рѣже; въ 1823 только одинъ разъ, а въ 1824 и 1825 ни разу. Наконецъ всѣ замѣтили, что и на балахъ государь не разговаривалъ съ нимъ, хотя онъ всегда былъ на глазахъ. Это охлажденіе не могло не отразиться на общественномъ положеніи Сперанскаго. Бывъ встрѣченъ, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, чрезвычайною предусмотрительностью отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ власть, онъ, впоследствии, уже только съ большимъ трудомъ успѣвалъ выпрашивать, для покровительствуемыхъ имъ, даже самыя маловажныя мѣста, и то не всегда прямо у министровъ, а больше черезъ директоровъ департаментовъ...»

Изумительно, что при такомъ ясномъ развитіи отношеній, Сперанскій такъ долго упорствовалъ въ предположеніи о возможности выиграть свое дѣло,—т. е. принятыя за реформу, потому что только какъ реформаторъ и могъ Сперанскій имѣть силу. Удивительно, говоримъ мы, такое грубое самообольщеніе въ чловѣкѣ такого тонкаго ума; но это изумленіе надобно относить не къ однимъ тѣмъ годамъ напрасной надежды, которые тянулись отъ возвращенія Сперанскаго до кончины императора Александра Павловича. Столь же очевидно должна была бы представляться ему неосновательность его ожиданій и въ прежнее время, когда онъ былъ государственнымъ секретаремъ. Чтобы признать себя мечтателемъ, ему, какъ мы

говорили, нужно было бы тогда только сообразить характеръ и размѣръ своихъ стремленій съ качествомъ средствъ, которыми онъ думалъ пользоваться. Видно, что онъ уже отъ природы былъ осужденъ на странную забывчивость въ этомъ отношеніи. И странная его несообразительность объясняется горячностью его стремленій. Онъ не то, чтобы не видѣлъ, — онъ, пожалуй, и видѣлъ, но старался не замѣчать или перетолковывать факты. Это явленіе очень обыкновенное въ людяхъ, увлекшихся какою нибудь мыслию. Такъ человѣкъ, сильно желающій обогатиться, беретъ лоттерейные билеты, хотя бы очень хорошо понималъ разорительный расчетъ этой игры. Такъ влюбленный не хочетъ замѣчать недостатковъ любимой женщины, хотя бы они были очевидны. Такъ человѣкъ, одержимый мыслию объ изяществѣ манеръ, не замѣчаетъ всеобщихъ насмѣшекъ надъ своею неловкостью. Всѣ такіе люди смѣшны, ихъ оболъщенія мелочны; но они могутъ быть вредны обществу, когда оболъщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль идти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредною.

Читатель видитъ, что мы столь же строги къ Сперанскому, какъ и самъ баронъ Корфъ, и главный упрекъ Сперанскому отъ насъ тотъ же самый, какой дѣлается ему барономъ Корфомъ: Сперанскій былъ увлекающійся мечтатель. Намъ очень пріятно, что мы могли сойтись въ этомъ выводѣ съ авторомъ пересмотрѣнной нами книги.

Народная безтолковость.

(«ДЕНЬ», №№ 1 и 2).

Мы начинаемъ обращаться въ славянофиловъ. Три мѣсяца тому назадъ, когда мы хотѣли выразить впечатлѣніе, производимое львовскою газетою «Слово», намъ подвернулись слова иностраннаго происхожденія, — «національная безтактность». Теперь совершенно такое же впечатлѣніе, произведенное двумя первыми номерами московской газеты «День», выразилось у насъ словами чистѣйшаго русскаго происхожденія. Значительную долю славы за это спасительное обращеніе наше, исторія, по всей вѣроятности, припишетъ «монументальному», по выраженію «Дня», труду В. Н. Даля: «Толковому словарю живаго русскаго языка», въ которомъ предлагаются чистыя русскія слова на замѣну всѣхъ взятыхъ отъ латинскихъ, люторскихъ и другихъ нехристей; на примѣръ, астрономическій терминъ «аберація» замѣняется золотопромышленнымъ словомъ «россыпь», «абордажъ» словомъ — «сцѣпка», «аборигентъ» — «коренникъ или сидящій на корню», «авангардъ» — «переды или яртауль», «автографъ» — «своеручникъ», «автоматъ» — «самодвига», «живуля», «живышь» и такъ далѣе.

Прежняя литературная дѣятельность г. И. Аксакова, издателя и редактора газеты «День», доставила ему уваженіе отъ людей, нимало не восхищающихся славянофильскими теоріями. Мы увѣрены, что и въ новой его газетѣ будутъ постепенно являться статьи, которыя своею практическою честностію будутъ соответствовать репутации г. И. Аксакова. Но въ первыхъ номерахъ онъ уже черезчуръ постарался доказать ошибочность мнѣнія, будто бы онъ принадлежитъ къ славянофиламъ больше по имени (еже босурманами зовется по фамилии), по родству, по знакомству, чѣмъ по личной пропитанности ихъ теоріями. Онъ человѣкъ, сочувствующій своему народу, сочувствующій всѣмъ славянскимъ народамъ, — это прекрасно, но въ этомъ еще нѣтъ славянофильства. Русскому народу не меньше, а можетъ быть и гораздо побольше, чѣмъ славянофилы, сочувствуемъ всѣ мы, русскіе литераторы, пишущіе въ «Отечественныхъ ли Запискахъ» или въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ ли Словѣ», или въ «Современникѣ». Точно также всѣ органы русской журналистики очень горячо сочувствуютъ славянскимъ племенамъ. Отличиться отъ всей массы насъ, русскіхъ литераторовъ, не называющихся славянофилами, — отличиться отъ насъ любовью къ нашему народу, или къ другимъ сла-

вянамъ точно также нельзя, какъ нельзя отличиться отъ насъ сочувствіемъ къ воскреснымъ школамъ, или къ законности. Но тѣ, дѣйствительно особенныя пристрастія къ разнымъ другимъ предметамъ, которыми прославлялись другіе славянофилы, не были слинкомъ замѣтными у г. Н. Аксакова. Мы не ждали, чтобы онъ поснѣшилъ отличиться ими въ своей новой газетѣ. Но онъ поснѣшилъ отличиться ими, — да еще какъ! Мы приведемъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ первыхъ двухъ нумеровъ газеты «День».

Вотъ, напримѣръ, руководящая статья перваго нумера, служащая, какъ видно, программой газеты. Послѣ длинныхъ объясненій о томъ, что все у насъ — «ложь», — ложь въ просвѣщеніи, ложь во вдохновеніяхъ искусства, ложь въ литературѣ, ложь въ поклоненіи свободѣ, ложь въ гуманности и образованности (замѣтимъ, что это разсужденіе, написанное въ фигурѣ «единоначатія», сильно пахнетъ риторикой), — послѣ этихъ разсужденій говорится, что «казалось, что исчезъ народъ», и былъ онъ «полумертвымъ трупомъ», но теперь полумертвый этотъ «трупъ оживаетъ, согрѣтый солнцемъ мысли». Какимъ же это солнцемъ, какой же это мысли оживился полумертвый трупъ? — Слѣдуетъ отвѣтъ, очаровательный своею наивностью. Извольте читать:

«Мучительнымъ, медленнымъ процессомъ добывалось у насъ наше самосознаніе, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники русской мысли: Кирѣевскіе, Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ. Точка зрѣнія, добытая, постановленная и выраженная ими, составляетъ, по нашему убѣжденію, поворотную точку въ исторіи русскаго просвѣщенія и, какъ маякъ, озаряетъ дальнѣйшій, подлежащій намъ путь развитія. Мы съ радостью видимъ, что многія изъ выработанныхъ славянофильскою школою положеній — уже обратились теперь въ общее достояніе и нашли себѣ защитниковъ и въ другихъ органахъ нашей печати.»

Почему не самохвалствоваться, если есть охота, — но вѣдь нужно же знать какую нибудь границу и въ самохвальствѣ. Русскій народъ оживленъ трудами Кирѣевскихъ, Хомякова и Константина Аксакова!

Въ первой руководящей статьѣ «славянскаго отдѣла» говорится, что мы, русскіе, ничего не выиграли отъ своего «добровольнаго рабства и колоссальнаго душевнаго холопства» передъ Западомъ, — западная Европа, извольте видѣть, ненавидитъ насъ, «создаетъ цѣлыя теоріи, подкашивающія наше нравственное могущество»; — да какія жь это особенныя теоріи создалъ Западъ для нашего подкашивания? Кажется, не предлагаетъ онъ намъ ровно никакихъ другихъ теорій, кромѣ тѣхъ, которыя создалъ самъ для себя; на Западѣ, кажется, нѣтъ такого стремленія, что вотъ-дескать сами про себя мы будемъ имѣть научную или какую другую истину, а ненавистнымъ русскимъ, или вообще славянамъ будемъ преподавать какую нибудь вредную безнравственность, — сами будемъ пить шампанское неотравленное, а въ Россію будемъ посылать отравленное; сами будемъ учиться по хорошимъ учебникамъ, а въ Россію будемъ посылать плохіе учебники; сами будемъ читать Маколея, учащаго вѣротерпимости, а въ Россію будемъ посылать книги инквизиціоннаго направленія. Кажется, западная Европа не предлагаетъ намъ ничего, кромѣ того, чѣмъ пользуется и сама. А впрочемъ «День», быть можетъ, и докажетъ намъ, что Западъ поступаетъ иначе съ нами. По крайней мѣрѣ онъ, сдѣлавъ открытіе о созиданіи Западомъ цѣлыхъ теорій подкашивающихъ наше нравственное могущество, продолжаетъ:

«Постоянный натискъ духовныхъ враждебныхъ силъ Запада колеблетъ внутри самой

России сознание нашей силы и нашей правды, ясное разумѣніе нашихъ правъ и обязанностей, опасностей и выгодъ!

«И не только Россія, но и весь славянскій, или, вѣрнѣе, православно-славянскій міръ раздѣляется съ нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливіостью не купимъ; пора понять, что ненависть, нерѣдко инстинктивная, Запада къ славянскому православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; эти причинны—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлаго міра къ новому, которому принадлежитъ будущность. Пора намъ наконецъ принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицистикою Европы, за себя и за нашихъ братьевъ-славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы славяне, сохранившіе вѣрность славянскимъ началамъ, если могущественнѣйшій представитель этого міра, русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего историческаго подвига и признанія?»

Такъ вотъ къ чему приглашаетъ насъ «День»: мы должны вступить въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Полезное для насъ будетъ дѣло, нечего сказать! Общественное мнѣніе Европы стремится къ улучшенію матеріальнаго и нравственнаго, частнаго и общественаго быта,—что жъ, должны мы вступить въ борьбу съ этимъ стремленіемъ? Должны мы доказывать, что человѣчеству слѣдуетъ беречь всѣ остатки среднихъ вѣковъ и возстановлять тѣ бѣдствія, которыя устранили развѣтленіемъ?

«День» думаетъ, быть можетъ, о другомъ? Есть между славянофилами крайніе герои, желающіе передѣлать Западъ по славянофильскимъ принципамъ, но есть и такіе скромные, что говорятъ: «стремленія и теоріи Запада хороши для него; только нашихъ потребностей онъ не понимаетъ, желаетъ намъ вреднаго. Только противъ его желаній и совѣтовъ намъ должны мы вооружаться». Можетъ быть руководящая статья «славянскаго отдѣла» въ № 1 «Дня» написана человѣкомъ такого умѣреннаго славянофильства? Хорошо; посмотримъ, полезно ли для насъ будетъ, если мы вступимъ въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ Запада не для сокрушенія западныхъ стремленій въ самомъ Западѣ, а только для того, чтобы дѣлать у самихъ себя наоборотъ противъ желаній, какія Западъ имѣетъ относительно насъ. Какія событія и направленія нашей жизни одобряются Западомъ и производятъ въ немъ радость?—Всякая общественная реформа, всякое улучшение въ промышленности или въ земледѣліи, всякій успѣхъ просвѣщенія у насъ производитъ радость на Западѣ. Справьтесь въ какой хотите скольконибудь порядочной западной газетѣ, отъ *Dédat's* до *Times'a*, вы увидите, что она хвалитъ у насъ все то, что одобряется у насъ массою просвѣщенныхъ людей (и въ томъ числѣ славянофилами),—всякое облегченіе въ налогахъ, всякое хорошее уменьшеніе въ расходахъ, основаніе воскресныхъ школъ и т. д. Что же, должны мы вступить въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ Запада по этимъ предметамъ? должны мы отказаться отъ реформъ? стѣснять у себя просвѣщеніе?—Разумѣется, никто изъ порядочныхъ людей между славянофилами не хочетъ давать такого смысла своимъ словамъ о борьбѣ противъ Запада; но, кромѣ этого смысла, не могутъ такіа слова имѣть никакого другаго. Мы нимало не подозреваемъ такихъ людей, какъ г. И. Аксаковъ, во враждѣ къ прогрессу; мы только находимъ, что они говорятъ фразы, не имѣющія для нихъ самихъ яснаго смысла и имѣющія обскурантскій смыслъ въ устахъ очень многихъ плохихъ людей, которыхъ они съ любовью принимаютъ въ ряды своей партіи за подобныя фразы, и которые дурачатъ ихъ наивность.

Но, порицая славянофиловъ за фразы о борьбѣ съ Западомъ, — фразы или безсмысленныя, или обскурантскія, — мы должны превознести горячность ихъ патріотизма, неудерживаемаго никакими соображеніями. Это доблесть высокая. Вотъ, напримѣръ, разсказавъ о какой-то демонстраціи въ Царствѣ Польскомъ, газета «День» изливаетъ свое прекрасное негодованіе на дерзкихъ нарушителей закона. Газета «День» (во 2 №, на стр. 14) обращается къ преступнымъ мечтателямъ съ слѣдующими словами:

«Безумные поляки! Какъ спѣшите вы проиграть ваше дѣло! какъ торопитесь вы потушить всякую искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ вамъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ! Неужели вы такъ глухи, такъ слѣпы, неужели вы думаете, что въ пространной русской землѣ, отъ Камчатки до Карпатъ, въ Великой, Малой, Вѣлой, Червонной Руси, найдется хоть одинъ русскій, который бы не загорѣлся весь самымъ жгучимъ огнемъ негодованія при такихъ лживыхъ и наглыхъ вашихъ притязаніяхъ! который бы не отдалъ жизни въ борьбѣ съ вами, за сохраненіе нашихъ древнихъ русскихъ областей, нашего трижды святаго, прекраснаго Кіева!... Или тщетны были для васъ всѣ уроки исторіи, и васъ ничто исправить не можетъ? Вамъ, попрежнему, нипочемъ права чужихъ народовъ и ихъ народная воля; надменный шляхтичъ, ругавшійся надъ вѣрою нѣсколькихъ милліоновъ руссовъ, называвшій ее — *холопскою*, и русскій народъ — *холопами* Польши, — видно, еще живъ въ васъ, и какъ прежде сгубить, такъ и теперь, безумный, губить дѣло своей родной земли! — Мы оставались чужды доселѣ вашей тяжобѣ съ правительствами, но вы хотите возобновить международную тяжбу и воскресить вражду, которую состраданіе къ вамъ начинало изглаживать въ сердцахъ нашихъ! Несчастные, несчастные, безуміемъ, какъ Божьей карой, пораженные Поляки!...»

Мы благоговѣемъ передъ этою силою патріотическаго гнѣва. Но, быть можетъ, не приметъ газета «День» за недостатокъ патріотизма въ насъ, если мы отважимся замѣтить ей, что и патріотизмъ долженъ не быть необузданнымъ чувствомъ, попирающимъ всякіе расчеты политическаго благоразумія и забывающимъ даже о самыхъ пользахъ родины. Если мы не ошибаемся, не для одной только Польши, но точно также и для самой Россіи было бы очень полезно, когда бы нынѣшнія безпокойства въ Царствѣ Польскомъ успокоились развитіемъ дружескихъ чувствъ къ русскимъ въ полякахъ. Если мы не ошибаемся, тонъ, принимаемый газетою «День», не можетъ содѣйствовать достиженію этого результата, желательнаго для всѣхъ русскихъ, любящихъ Россію. «Безумные поляки», — «вы глухи и слѣпы», — «вы наглы и лживы», — «мы горимъ огнемъ негодованія на васъ», — «мы отдадимъ жизнь на борьбу съ вами», — «вы ругаетесь надъ нашею вѣрою», — «вы называете насъ своими холопами», — «вы поражены Божьей карой», и такъ далѣе и такъ далѣе. Едва ли можно полагать, что подобныя выраженія умѣстны въ устахъ людей, желающихъ наилучшаго для самой Россіи разрѣшенія нынѣшнихъ несогласій, т. е. желающихъ прекращенія международной вражды. Или газета «День» не желаетъ этого? Нѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія желаетъ; она только не понимаетъ того, что сама говорить.

Да, она имѣетъ только одинъ недостатокъ, — совершенное забвеніе расчетовъ приличія и умѣстности. Таково свойство необузданныхъ порывовъ чувства, хотя бы самаго прекраснаго. Вотъ, напримѣръ, хотя бы родственное чувство. Что можетъ быть прекраснѣе и почтеннѣе любви одного брата къ другому? Посмотрите же, что напечатало на 20 стр. № 2 «Дня». Объявивъ, что на дняхъ выйдетъ первый томъ полнаго собранія сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова, газета «День» возглашаетъ съ восклицательнымъ знакомъ: «не намъ, конечно, распростра-

пяться здѣсь о значеніи и достоинствѣ этихъ сочиненій!»—Никому не запрещено воображать, что сочиненія добродушнаго К. С. Аксакова, до очень зрѣлыхъ лѣтъ отличавшагося тою восхитительною чистотою души, которая очаровываетъ насъ въ институткахъ, но которая едва ли совмѣстна съ зрѣлостью мысли,—никому не запрещено воображать, что его сочиненія имѣютъ Богъ-знаетъ какое огромное значеніе, и Богъ-знаетъ какое удивительное достоинство. Только, видите ли, не всякому прилично выражать такое убѣжденіе. Отецъ, превозносящій дѣтей, братъ, восхваляющій брата, бывають смѣшны. Пропзнесеніе панегириковъ надобно предоставлять людямъ постороннимъ. Но И. Аксаковъ совершенно чуждъ того соображенія, что не ему, брату К. С. Аксакова, слѣдуетъ являться передъ публикою восклицающимъ о великомъ достоинствѣ и значеніи сочиненій своего брата. Вотъ этимъ самымъ непониманіемъ впечатлѣнія, какое производится извѣстными словами въ извѣстныхъ устахъ, мы объясняемъ и возгласы газеты «День» о полякахъ.

А если бы славянофилы могли хоть нѣсколько соображать обстоятельства, обдумывать факты, къ какимъ прекраснымъ мыслямъ пришли бы они при своихъ превосходныхъ намѣреніяхъ и возвышенныхъ чувствахъ! Вотъ, наиримѣръ, еслибъ они потрудились хоть немного обуздать пылкость своихъ фантазій по вопросу о судьбѣ славянскихъ племенъ, какъ хорошо было бы ихъ сочувствіе къ болгарамъ и сербамъ, хорватамъ, словакамъ и чехамъ. А теперь необузданные порывы воображенія заставляютъ ихъ говорить несообразности и желать такого направленія дѣлъ, которое одинаково было бы вредно и другимъ славянскимъ племенамъ и намъ. Посмотрите, какую программу по славянскому вопросу выставляетъ газета «День» въ руководящей статьѣ этого отдѣла въ № 1. Мы слово за слово разберемъ эту программу,—не съ тою надеждою, что наши замѣчанія сколько нибудь образумятъ самихъ славянофиловъ, а только для того, чтобы по возможности заявить основанія, по которымъ славянофильскія стремленія относительно славянскаго вопроса отвергаются людьми, не меньше славянофиловъ желающими добра славянскимъ племенамъ. Вотъ программа газеты «День».

«Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа міръ славянскій вообще, и міръ православный въ особенности, выступаетъ теперь на поприще исторіи. Славянь, свободныхъ отъ чуждаго ига, нѣтъ нигдѣ, кромѣ Россіи. Кромѣ Россіи, вездѣ славянскую народность гнетутъ или нѣмцы, или турки. По мѣрѣ возростанія политическаго могущества Россіи возрождались въ поработенныхъ племенахъ: надежда на избавленіе отъ позорнаго ярма и чувство славянской народности. *Освободитъ изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе* и даровать имъ даръ *самостоятельнаго* духовнаго, и, пожалуй, *политическаго* бытія, подъ сѣнію могущественныхъ крылъ русскаго орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи.—Но сознаемъ ли мы и признаютъ ли славяне—наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что выше мы сами уже указали на это сочувствіе. Но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ; дѣло въ томъ, что сочувствіе опиралось до сихъ поръ на естественное чувство славянскихъ народовъ, не справлявшееся съ дипломатическими лѣтописями и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизаціи Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе

разумной основы, и переходя из области естественного чувства в область сознания, подвергает повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ-называемые интеллигентные, образованные классы у славянъ восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ нашего общества и нашей журналистики (объ отдѣльныхъ явленіяхъ говорить нечего), не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ западное просвѣщеніе,—мало по малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братій. Бессильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ слова) помощь западныхъ народовъ, исконныхъ враговъ славянскаго міра. Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ къ себѣ бытомъ, но еще болѣе—яенимъ сознаніемъ. Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долготѣннымъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы славяне домогаться этого сознанія отъ русской журналистики!»

Въ этомъ возвышенномъ изліяніи чувствъ каждое слово—ошибка противъ фактовъ.

«Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа міръ славянскій вообще и міръ православный въ особенности». Нѣтъ, наша сила въ Европѣ ли, въ Азіи ли, или гдѣ бы тамъ ни было, не другія славянскія племена, а мы сами и только мы сами. Развѣ одна Россія изъ могущественнѣйшихъ державъ имѣетъ въ другихъ странахъ соплеменниковъ или единовѣрцевъ? Французы, народъ романскаго племени и католическаго исповѣданія, имѣютъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ въ испанцахъ, португальцахъ, итальянцахъ. Что же, развѣ силу свою Франція заимствуетъ отъ этихъ народовъ? Англичане, германцы протестантскаго исповѣданія, имѣютъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ въ жителяхъ Сѣверной Германіи, въ голландцахъ. Что же, развѣ силу свою заимствуетъ Англія отъ Пруссіи, Ганновера, Вадена или Голландіи? Точно въ такомъ же положеніи находимся мы, русскіе, относительно остальныхъ славянъ или остальныхъ православныхъ народовъ. Намъ не нужно ихъ силы, мы сами по себѣ довольно сильны. Народъ, соединенный въ такую державу, которая уже довольно могущественна для огражденія своей независимости, можетъ съ выгодами для себя имѣть только временные и случайные союзы съ какимъ нибудь другимъ племенемъ или государствомъ, союзы, заключаемые только для какой нибудь частной, внѣшней цѣли и нимало не относящіяся къ условіямъ внутренней жизни. Но тутъ дѣло рѣшается по мимоletнимъ военнымъ надобностямъ, безъ всякаго отношенія къ единоплеменности или единовѣрности. Напримѣръ: Когда Франція воевала съ Англіей, для Англіи было полезно вступать въ союзъ съ Испанією, которая единовѣрна и единоплеменна не ей, а Франціи. Если бы когда нибудь,—чего не дай Богъ,—возгорѣлась у Россіи война съ какою нибудь державою, или союзомъ державъ, то, разумѣется, Россіи слѣдовало бы искать подобнаго военнаго союза со всякимъ государствомъ или племенемъ, которое могло бы помогать ей въ войнѣ,—искать союза съ Италією, или Англією, съ Сербією или Египтомъ, Персеією или Швецією,—все равно, какого бы племени и исповѣданія ни были союзники. Но, разумѣется, не о такихъ внѣшнихъ и случайныхъ союзахъ идетъ дѣло въ славянскомъ вопросѣ. Онъ относится къ расширенію государственнаго организма, къ прочному соединенію по внутреннимъ

дѣламъ, къ образованію одной державы или федераціи державъ. Расширеніе политическаго организма, къ которому принадлежитъ извѣстный народъ, бываетъ полезно этому народу лишь до такого размѣра, чтобы независимость его была внѣ опасности, чтобы никакое другое государство не могло имѣть ни силы, ни мысли завоевать его. Есть народы, настолько многочисленные, что находятъ этотъ размѣръ государственнаго могущества въ самихъ себѣ однихъ. Таковы англичане, французы и русскіе. Таковы же были бы нѣмцы, если бы достигли государственнаго единства. Таковы же становятся итальянцы, достигая его. Каждому изъ этихъ народовъ въ государственномъ отношеніи нечего желать, кромѣ собственнаго единства. Всякая попытка войти въ государственную связь съ населеніемъ другой страны, хотя бы единоплеменной и единовѣрной, оказывается для такого народа напраснымъ и обременительнымъ неудобствомъ. Примѣромъ служитъ попытка французовъ при Людовикѣ XIV приковать къ своей политической жизни Испанію; другая попытка французовъ при Наполеонѣ I также приковать къ себѣ Испанію и Италію. Кромѣ безчисленныхъ потерь и неудобствъ, ничего не извлекла себѣ Франція изъ этихъ попытокъ. Точно таковы же были для Англіи результаты политической связи съ Ганноверомъ, странною единовѣрною и единоплеменною Англіи.

«Кромѣ Россіи, вездѣ славянскую народность гнетутъ или нѣмцы, или турки». — О туркахъ мы не будемъ теперь говорить; но какъ съ словами, сказанными о нѣмцахъ въ этой программѣ, согласить то странное обстоятельство, что московская газета «День», подобно львовской газетѣ «Слово», увѣряетъ насъ, будто бы австрійскіе славяне должны теперь имѣть надежду на австрійское правительство. Читатель подумаетъ, что мы клеветемъ на газету «День», но вотъ вамъ подлинныя слова ея изъ «славянскаго отдѣла» во 2 №:

Мадыары, какъ теперь оказалось, не допускаютъ и даже не общаются допускать у себя другимъ націямъ — ни заводятъ національныхъ школъ, ни вводятъ своего языка въ провинціальное управленіе, ни присылаютъ на провинціальныя сеймъ депутатовъ народныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ они сами, или силою, или ласкательствомъ, заставляютъ избрать изъ своихъ единоименниковъ: они не соглашаются присылать своихъ депутатовъ, между которыми могли бы быть и славяне, и на Сеймъ державный, гдѣ рѣшаются общіе вопросы всѣхъ народовъ и провинцій цѣлаго государства. Нѣмцы, по крайней мѣрѣ, общаются дать славянамъ и румынамъ національное устройство, и скорѣе могутъ это допустить, чтобъ вести тогда и мадыаръ за своимъ кормиломъ: они возстановили провинціальныя сеймы, о чемъ мадыаръ и слышать не хочетъ; они учредили сеймъ общій для всѣхъ народностей — державный. Славяне, управляемые нѣмцами, ужъ не могутъ сойтись на венгерскомъ сеймѣ съ славянами венгерскими, но славяне венгерскіе могутъ сойтись съ славянами нѣмецкими на державномъ сеймѣ; слѣдовательно всѣмъ славянамъ представляется случай соединиться и соединенными силами дѣйствовать для блага своей народности. Австрійское правительство хотя-не-хотя подается на мысль славянтъ, и еще прежде закрытія венгерскаго сейма начало приводить, на случай, въ дѣйствіе пружины національнаго начала. Вы знаете о собраніи національнаго сербскаго собора въ Карловцѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Австрія однимъ почеркомъ пера уничтожила воеводство Сербское въ угодность мадыарамъ; въ апрѣлѣ настоящаго года, слѣдовательно черезъ шесть мѣсяцевъ, та же самая Австрія тѣмъ же самымъ сербамъ изъявила соизволеніе открыть въ Карловцѣ соборъ, чтобъ они совѣщивались, на какихъ условіяхъ могутъ соединиться съ мадыарами. Она послала туда своимъ комиссаромъ генерала Филиповича. О возстановленіи воеводства имъ разсуждать было не велѣно, но когда сербы, такъ будь сказано, вопреки воли правительства положили на соборѣ устроить вновь воеводство и дать ему самостоятельное, національное внутреннее управленіе, даже съ избраніемъ главы народа — воеводы, Австрія не только не отказалась отъ этого опредѣленія, но даже непо-

средственно сама приняла заключенія собора на свое благоусмотрѣніе, и теперь держитъ этотъ камень за пазухою для мадьяръ. Вы читали также, безъ сомнѣнія, о національномъ соборѣ въ Сентъ-Мартинѣ, въ сѣверной Венгріи; тамъ было разсуждаемо тоже исключительно о національномъ управленіи словаковъ и русскихъ въ Венгріи. Заключенія сентъ-мартинскаго собора посланы были и румунамъ, и сербамъ, и хорватамъ, чтобы пригласить и ихъ дѣйствовать въ томъ же духѣ относительно мадьяръ. Видимаго присутствія правительственныхъ комиссаровъ на этомъ соборѣ не было, но онъ состоялся не безъ участія съ его стороны. Словаки были обмануты своими мадьяроманами: послѣдніе, прикинувшись на соборѣ горячими патриотами, уговорили собрание подать свои заключенія мадьярскому сейму; впрочемъ, когда мадьярскій сеймъ, какъ и должно было ожидать, отвергъ предложенія словаковъ, правительство австрійское не преминуло ими воспользоваться и держитъ ихъ также, на случай, на-готовѣ.»

Ну вотъ вамъ, читатель, слышите ли?—по словамъ газеты «День», венгерскихъ славянъ угнетаютъ мадьяры, а австрійскіе нѣмцы уже многое сдѣлали въ пользу славянъ: возстановили провинціальныя сеймы и учрежденіемъ общаго имперскаго совѣта открыли всѣмъ австрійскимъ славянамъ возможность соединиться и соединенными силами дѣйствовать на благо своей народности. Слышите ли, читатель, какъ австрійцы покровительствуютъ славянамъ? По словамъ газеты «День», австрійцы уже подаются на славянскую мысль, исполняютъ заключенія сербскаго собора; они помогаютъ и словакамъ отстаивать народность противъ мадьяръ. Газета «День» во второмъ своемъ номерѣ заключаетъ изъ этого: «австрійское правительство не прочь отъ того, чтобы признать у себя національность славянскихъ племенъ», и тонъ всей этой статьи таковъ, что венгерскимъ славянамъ слѣдуетъ поддерживать австрійское правительство противъ мадьяръ, а галиційскимъ русинамъ слѣдуетъ поддерживать австрійское правительство противъ поляковъ.

А если газета «День» говоритъ такимъ образомъ во второмъ своемъ номерѣ, то зачѣмъ же въ первомъ своемъ номерѣ она говоритъ, что славянскую народность угнетаютъ нѣмцы? Надобно было сказать, что ее угнетаютъ въ Австріи мадьяры и поляки, а нѣмцы поддерживаютъ ее. Или въ статьѣ втораго номера, или въ программѣ, излагаемой первымъ номеромъ, напутано что нибудь не такъ, а быть можетъ и въ обоихъ нумерахъ все напутано.

«Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе и «даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго и, пожалуй, политическаго бытія «подъ сѣнію могущественныхъ крылъ русскаго орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи». Намъ, кажется, во-первыхъ, что у могущественнаго русскаго орла очень много своихъ домашнихъ русскихъ дѣлъ. Какія бы тамъ права и обязанности ни имѣла Россія, а первое право и обязанность ея, какъ и всякой другой державы—заботиться о собственномъ благѣ. У насъ на рукахъ очень важныя внутреннія реформы, не оставляющія намъ ни времени, ни средствъ впутываться въ чужія дѣла. Неопредѣленные фразы обманчивы. Будемте говорить прямо: чего вы хотите? Если вы хотите, чтобы Россія употребляла для освобожденія славянскихъ племенъ только дипломатическое вліяніе и газетныя статьи, въ родѣ разбираемой нами, такое пособіе мы дѣйствительно можемъ оказывать славянскимъ племенамъ безъ большаго убьтка для себя; только пособіе такого рода ровно никакой существенной пользы славянскимъ племенамъ не принесетъ. Что вы въ самомъ дѣлѣ думаете, усовѣстить турокъ, или внушить добросовѣстность австрійцамъ? Что за ребячество! Кому охота слушаться увѣщаній, не поддерживаемыхъ штыками.—Но быть можетъ вы не дѣти, быть можетъ вы понимаете, что

безъ войны никакой народъ ни отъ какого чужаго ига не освобождается, и желаете, чтобы Россія начала войну съ Турціею и Австріею для освобожденія славянъ? (Впрочемъ мы не знаемъ, послѣ вашей статьи во второмъ номерѣ, надобно ли, по вашему мнѣнію, для освобожденія славянъ вооружаться противъ Австріи, или надобно вмѣстѣ съ нею, покровительницею славянской народности, вооружаться противъ венгровъ и галиційскихъ поляковъ, угнетающихъ ее, по вашимъ словамъ). Но если вы хотите войны, то разсудите же, дозволяютъ ли намъ думать о войнѣ наши обстоятельства. Вѣдь война означаетъ остановку нашего внутренняго развитія, выпускъ громаднаго количества кредитныхъ билетовъ, разстройство всѣхъ экономическихъ отношеній, едва начинающихъ оправляться отъ прежнихъ войнъ. Притомъ война, слишкомъ обременительная для насъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, была бы для самихъ славянскихъ племенъ, за освобожденіе которыхъ началась бы, еще вреднѣе, чѣмъ для насъ. Она вооружила бы противъ освобожденія славянъ всѣ западныя державы. Неужели вы думаете, что Англія или Франція очень любятъ турокъ? Нѣтъ, они думаютъ о туркахъ совершенно такъ же, какъ и мы; а поддерживаютъ ихъ только изъ опасенія, что при паденіи турецкой власти, турецкіе славяне не получили бы самостоятельности, а стали бы подъ нашу власть или наше вліяніе. Только этимъ опасеніемъ западныхъ державъ держится Турція. Только въ томъ случаѣ, когда оно отстранится, турецкіе славяне не встрѣтятъ въ западныхъ державахъ препятствій своему освобожденію. Или вы полагаете, что легко турецкимъ славянамъ освободиться наперекоръ англичанамъ и французамъ? Шансы войны, въ которой славяне имѣли бы противъ себя западную Европу, не представляютъ ничего ободрительнаго для нихъ. И неужели вы такъ низко думаете о турецкихъ славянахъ, что они для своего освобожденія отъ турокъ нуждаются въ чьей нибудь посторонней помощи? Если бы такъ, турецкіе славяне были бы племенами не заслуживающими ничьего сочувствія, столь же еще недостойными свободы, какъ гиндусы. Вѣдь турокъ въ Европѣ только два милліона, а славянъ семь или восемь милліоновъ. Неужели не могли бы они справиться съ турками? Спросите, какого хотите, болгарина или турецкаго серба, нужна ли его соотечественникамъ чужая помощь для освобожденія отъ турокъ,—онъ оскорбляется такимъ вопросомъ. Имъ нужна только увѣренность, что другія державы не стануть мѣшать ихъ освобожденію,—остальное все сдѣлаютъ они для себя сами. Вотъ вы, если желаете добра турецкимъ славянамъ, постарайтесь внушить западнымъ державамъ увѣренность, что паденіе турецкой власти въ Европѣ не послужитъ къ поглощенію Дунайскихъ княжествъ и Болгаріи Россіей, не поведетъ къ обращенію Константинополя въ русскій губернский городъ, что Россія не имѣетъ ни надобности, ни охоты расширять свои границы въ Европѣ на югъ. Какъ только успеете вы успокоить западныя державы на этотъ счетъ, турецкіе славяне освободятся безъ всякихъ пособій отъ насъ;—своими чувствительными разсужденіями о призваніи русскаго орла покрыть славянскія племена могущественными крыльями вы положительно вредите освобожденію турецкихъ славянъ, возбуждая тревогу въ западныхъ державахъ. Точно тоже надобно сказать и про ваши возгласы о необходимости поддерживать австрійскихъ славянъ русскимъ могуществомъ. Эти сантиментальныя изліянія положительно вредятъ дѣлу австрійскихъ славянъ.

Вредятъ они ему двоякимъ образомъ: какъ ваши слова о прикрытіи турецкихъ славянъ могущественными крыльями русскаго орла возбуждаютъ Англію и

Францію поддерживать турокъ, точно такъ же подобныя ваши рѣчи объ австрійскихъ славянахъ возбуждаютъ Германію поддерживать австрійцевъ. Неужели вы думаете, что при нынѣшнихъ стремленіяхъ нѣмцевъ къ политическому единству было бы мило для нѣмцевъ существованіе нынѣшней Австрійской имперіи, являющейся сильнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію нѣмецкаго единства, — было бы мило нѣмцамъ поддерживать Австрію, еслибъ не опасались они, что при паденіи этой имперіи восточная половина ея подпадетъ подъ власть Россіи? Вы возстановляете нѣмцевъ противъ освобожденія австрійскихъ славянъ.

Но этимъ не ограничивается зло, производимое вашею неразумительною сантиментальностью. Она поддерживаетъ въ самихъ славянахъ Австрійской имперіи гибельную для нихъ беззаботность. Своими обнадеживаніями вы приводите ихъ въ состояніе людей, которые ждутъ, что сама влетитъ имъ въ ротъ жареная утка, что самимъ имъ дѣлать нечего, а надобно ждать, что мы сдѣлаемъ за нихъ все. По вашему счету, въ Австріи около 20 милліоновъ славянъ, а нѣмцевъ только 6 или 7 милліоновъ. Вы говорите, что венгры также враги славянъ; вовсе нѣтъ, но положимъ, что также враги. Венгровъ около 5 милліоновъ. Что же это за племена, которыя, имѣя въ себѣ до 20 милліоновъ человѣкъ, не въ силахъ освободиться изъ-подъ ига враговъ, которыхъ едва ли насчитывается и 12 милліоновъ? Даже при равенствѣ числа вся выгода на сторонѣ народа, защищающаго свою независимость. А тутъ огромный перевѣсъ числа за славянами, — какъ же имъ не освободиться? Говорятъ: «австрійскіе славяне слабы потому, что разъединены». Совершенно такъ; но что же мѣшаетъ имъ соединиться? Только то, что не ищутъ они поддержки для себя другъ въ другъ, воображая, что существуетъ для нихъ виѣшняя поддержка въ русскихъ. Подумайте же, какое непріятное зрѣлище представляетъ масса болѣе чѣмъ въ 15 милліоновъ человѣкъ, не открывающая въ себѣ достаточныхъ силъ для своего освобожденія. Не будемъ несправедливы къ вамъ: не вы одни виноваты въ этомъ жалкомъ состояніи австрійскихъ славянъ: много тутъ значить неразвитость многихъ между ними, напримѣръ словаковъ и галиційскихъ русиновъ. Но турецкіе сербы и болгары развиты не больше ихъ, а между тѣмъ понимаютъ же свои силы, благодаря тому обстоятельству, что на нихъ меньше дѣйствуетъ ослабляющая перспектива чужой помощи. Она въ очень значительной степени мѣшаетъ австрійскимъ славянамъ хорошенъко позаботиться о приисканіи дѣйствительныхъ средствъ къ приобрѣтенію независимости; между прочимъ она удерживаетъ ихъ и въ томъ гибельномъ для нихъ заблужденіи, что не нужно имъ примиряться съ венграми, которые готовы на все для примиренія. Жалѣя о томъ, что примиреніе до сихъ поръ не устроилось по неразсчетливому пренебреженію славянъ къ венгерскимъ предложеніямъ, мы жалѣемъ теперь не столько венгровъ, сколько славянъ, которые сами теряютъ не меньше того, сколько отнимаютъ у венгровъ, и которые все-таки внушаютъ намъ больше сочувствія, чѣмъ венгры, хотя мы и принуждены порицать ихъ, хваля венгровъ.

Но австрійскіе славяне сами уже начинаютъ нѣсколько понимать ошибочность неразсчетливаго влеченія, мѣшавшаго имъ заняться своими дѣлами какъ должно. Сама газета «День» чувствуетъ, что возгласы нашихъ славянофиловъ не возбуждаютъ между австрійскими славянами того безусловнаго довѣрія, какимъ пользовались лѣтъ 12 или 15 тому назадъ. Но очень наивно объясняется газетою «День» эта начинающаяся перемѣна. Она говоритъ, что прежде сочувствіе славянъ къ русскимъ

опиралось «на естественное чувство, не справлявшееся съ лѣтописями», т. е. опиравшееся только на звукъ имени, безъ соображенія интересовъ и обстоятельствъ. Теперь австрійскіе славяне стали нѣсколько опытнѣе и разборчивѣе; потому ихъ «сочувствіе къ Россіи, переходя въ область сознанія, подвергается повѣркѣ и оцѣнкѣ», — степень вѣроятности извлечь существенную пользу для себя изъ нашихъ славянофильскихъ обѣщаній, — такъ мы дополняемъ фразу «Дня», сообразно предположенію, что австрійскіе славяне одарены здравымъ разсудкомъ; но сама газета «День», чуждая подобныхъ предположеній, дополняетъ свою фразу совершенно иначе: по ея словамъ, австрійскіе славяне подвергаютъ повѣркѣ и оцѣнкѣ «нашу собственную вѣрность славянскимъ началамъ». Мы думаемъ, что если они занимаются этимъ, то совершенно напрасно теряютъ время. Какимъ племеннымъ началамъ вѣрно или невѣрно какое нибудь государство, или населеніе какой нибудь страны, — это вопросъ очень любопытный въ этнографическомъ, филологическомъ, археологическомъ и многихъ другихъ научныхъ отношеніяхъ, но въ практическихъ соображеніяхъ далеко не все зависитъ отъ него. Вотъ, напримѣръ, сѣверо-американцы были совершенно вѣрны англійскимъ началамъ, когда увидѣли въ концѣ проглаго столѣтія, что надобно имъ оторваться отъ англичанъ. Вотъ и теперь южные штаты и сѣверные штаты Американскаго Союза одинаково вѣрны сѣверо-американской народности, а все-таки убѣдились, что нельзя имъ составлять одного государства, если южное устройство не будетъ передѣлано по принципамъ, независящимъ ни отъ какой народности. Сѣверные штаты вздумали начать надъ Югомъ это дѣло, нимало не противное сѣверо-американской народности, а южные штаты рѣшились на отчаянную войну, нимало не разсуждая о единствѣ своей народности съ сѣверными штатами. — Мы думаемъ, что и славянскія племена занялись повѣркою не того, какая у насъ народность, а того, можемъ ли мы имъ быть полезны, какова бы ни была наша народность. Такъ оно выходитъ изъ послѣдующихъ словъ самой газеты «День», и мы этому очень рады, потому что желаемъ развитія у всѣхъ славянскихъ племенъ здраваго политическаго смысла, который необходимъ для всякихъ племенъ, славянскихъ-ли, или не-славянскихъ. Газета «День» говоритъ:

«Образованные классы у славянъ восточныхъ (а мы прибавимъ: и у западныхъ), пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ нашего общества и нашей журналистики, не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, мало-по-малу отворачиваются отъ насъ», — что жъ, и прекрасно дѣлаютъ, если наше общество невѣжественно, какъ титулуетъ его газета «День». Какая польза и честь кому бы то ни было отъ союза съ невѣждами? Восхитительно тутъ еще одно выраженіе: «не находя себѣ опоры въ нашей журналистикѣ». Какую, въ самомъ дѣлѣ, опору могла бы дать славянскимъ племенамъ наша журналистика, при своемъ извѣстномъ могуществѣ! Нечего сказать, сообразительны были славянскія племена прежде, когда разсчитывали на силу нашей журналистики! Но мы думаемъ, что наша журналистика ничѣмъ невиновата въ начинающейся перемѣнѣ политическихъ расчетовъ у западныхъ славянъ. Да и западные славяне, по нашему мнѣнію, вовсе не отворачиваются отъ насъ, а просто находятъ, что мы не можемъ быть полезны ихъ дѣлу. Такъ мы думаемъ, и хвалимъ ихъ разсудительность. А по словамъ газеты «День» выходитъ очень странная штука. Западные славяне, подвергнувъ повѣркѣ нашу вѣрность славянскимъ началамъ и отвернувшись отъ насъ за невѣрность

этимъ началамъ, сами взяли да и обратились въ приверженцевъ Запада отъ досады на наше западничество. Вотъ слова газеты «День»:

«Безсилные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются въ своей слабости за помощь западныхъ народовъ». Но вѣдь если такъ, значитъ они хлопочуть не о томъ, какова народность извѣстной державы, а лишь о томъ, выгоденъ ли для нихъ союзъ съ этою державой. Мы говорили выше, что именно по этому соображенію и должны заключаться союзы. Если мы желаемъ блага западнымъ славянамъ, мы должны радоваться, что наконецъ они отыскиваютъ полезныхъ помощниковъ своему дѣлу. Но газета «День» горюетъ—ей, какъ видно, хочется не того, чтобы участь западныхъ славянъ улучшилась, а только того, чтобы они поклонялись намъ, какъ «старѣйшимъ братіямъ». Она желаетъ, чтобы они заметвовали свое «сознаніе» изъ «единоплеменной и единовѣрной Россіи.» Кстати мы спросимъ, кому единовѣрны католики-хорутане, чехи, словаки и униаты-руспны: намъ ли, православнымъ, или другимъ католикамъ; кому единовѣрны протестанты-чехи и словаки: намъ ли, православнымъ, или другимъ протестантамъ; кому, наконецъ, единовѣрны мусульмане-босняки,—неужели также намъ, русскимъ?

Изъ этого всего мы выводимъ заключеніе такого рода.

Любовь къ славянскимъ племенамъ состоитъ въ томъ, чтобы желать имъ добра. Наше содѣйствіе не можетъ быть имъ полезно, — напротивъ, оно повредило бы имъ, возбуждая въ Англии, Франціи, Германіи опасеніе, которое не допускало бы ихъ освобожденія. Любовь къ нимъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы откровенно говорили имъ: вы составляете нѣсколько десятковъ милліоновъ человѣкъ; такому многочисленному населенію не нужна никакая посторонняя помощь, — довольно будетъ и того, если державы, которымъ нѣтъ прямой надобности быть вашими врагами, не будутъ противиться вашему освобожденію. При этомъ условіи вы сами легко можете одолѣть прямыхъ вашихъ враговъ. Постарайтесь же внушить сильнѣйшимъ западнымъ державамъ увѣренность, что вы по своему освобожденію не будете служить ни для кого орудіемъ противъ нихъ. Наша помощь не нужна вамъ, была бы вредна вамъ. Да и намъ самимъ было бы слишкомъ тяжело воевать для вашего освобожденія. Не рассчитывайте же на насъ, а ищите силъ въ самихъ себѣ и сами устройте такъ, чтобы нѣмцы, французы, англичане не видѣли для себя опасности въ вашемъ стремленіи къ освобожденію.

Вотъ образъ мыслей и дѣйствій, внушаемый намъ любовью къ славянскимъ племенамъ. Еслибы не читали мы сентиментальныхъ возгласовъ нашихъ славянофиловъ, мы полагали бы, что ничего иного не могутъ говорить и думать русскіе, считающіе себя проникнутыми любовью къ славянскимъ племенамъ. Но славянофильскія изліянія открываютъ намъ, что подъ названіемъ любви къ славянскимъ племенамъ существуютъ у насъ въ нѣкоторыхъ людяхъ чувства и мысли совершенно иного разряда. Мы изложимъ эти странныя чувства и мысли во всей ихъ наготѣ,—разумѣется не для нашихъ славянофиловъ, которые никакъ не могутъ разсуждать сообразно фактамъ и здравому смыслу, а для людей, способныхъ понимать истину.

Есть между нами, русскими, люди, фантазія которыхъ обуреваемая фальшивою робостью, будто мы, русскіе, сами по себѣ не достаточно сильны, и которые хотѣли бы увеличить могущество своей родины прибавкою новыхъ областей. Но они замѣчаютъ, что завосвывать обширныя области въ Европѣ противъ желанія завоевы-

важных населеній теперь дѣло слишкомъ трудное, едва ли возможное для какой бы то ни было державы. Поэтому придумали они другую тактику. Они стремятся пробудить въ славянскихъ племенахъ желаніе добровольно искать нашего покровительства, возбуждая въ нихъ племенную ненависть ко всѣмъ другимъ цивилизованнымъ народамъ, развивая въ этихъ племенахъ мысль, что сами по себѣ они слишкомъ слабы, что они безъ нашей помощи ничего не могутъ сдѣлать для себя и что только подъ нашимъ покровительствомъ могутъ они сохранить свою народность. Съ этою цѣлью толкуютъ они о любви нашей къ славянскимъ племенамъ. Но дѣло тутъ вовсе не въ любви къ нимъ, а въ эгоистическомъ разчетѣ подчинить намъ ихъ,—тутъ не желаніе добра имъ, а желаніе увеличить собственное могущество. Полезно, или нѣтъ, славянскимъ племенамъ искать нашего покровительства—объ этомъ не думаютъ люди, нами описываемые. Они стараются, какъ мы сказали, прикрыть свои эгоистическіе разчеты словами любви; но желаніе господствовать постоянно проглядываетъ въ ихъ рѣчахъ,—они не умѣютъ удержаться даже отъ того, чтобы не толковать уже и теперь о нашемъ старѣйшинствѣ надъ другими славянскими племенами, о томъ, что у насъ однихъ сохранились истинные принципы славянской народности и т. д. и т. д. Это говоритъ они даже теперь, когда еще заманиваютъ славянскія племена идти подъ наше покровительство и когда надобно утаивать имъ все, чѣмъ могли бы оскорбиться или встревожиться противъ ихъ заманокъ славянскія племена; легко отгадать, какія стремленія обнаружила бы эта партія, когда бы удалось ей поймать въ свои лапы милыхъ единоплеменниковъ. «Мы ваши старшіе братья», говоритъ она,—а по нашему народному обычаю старшій братъ заступаетъ мѣсто отца, власть котораго безгранична въ семействѣ, и младшіе братья должны безусловно повиноваться ему, не смѣя сами разсуждать ни о чемъ:

Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ,
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,—

вотъ какъ обязаны говорить младшіе братья старшему по нашему народному обычаю: «ты даже и не совѣтуйся съ нами, не спрашивай нашего мнѣнія, мы не должны имѣть собственнаго мнѣнія, твоя воля—намъ законъ»:

Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,

а мы твои покорные слуги во всемъ.»

«Мы одни сохранили чистую славянскую народность», говоритъ эта партія,—стало быть, все, чѣмъ славянскія племена отличаются отъ насъ—отщепенство отъ славянской народности, и для возстановленія чистоты ея они должны принять наши понятія, наши обычаи и учрежденія, нашу вѣру и нашъ языкъ. Да, они должны отказаться даже отъ своихъ нарѣчій для нашего русскаго языка,—славянофилы уже и теперь не церемонятся въ этомъ отношеніи съ южноруссами: г. Владиміръ Ламанскій говоритъ, что львовское «Слово» не должно издаваться на южнорусскомъ языкѣ, а должно издаваться на нашемъ литературномъ языкѣ, которымъ писали Пушкинъ и на которомъ издаются «С.-Петербургскія» и «Московскія Вѣдомости». А вѣра? Славянофилы провозглашаютъ, что исповѣданіе должно быть краеугольнымъ основаніемъ государственнаго и всего гражданскаго быта, а славянская народность тождественна съ православіемъ. Чехи, словаки, хорваты—отщепенцы отъ этой основной стихіи славянства и конечно должны возвратиться къ ней для

своего славянского очищенія. Если же языкъ и вѣра должны быть измѣнены славянскими племенами въ соответственность нашему чистому русскому славянству, то какое сомнѣніе можетъ существовать о судьбѣ, предполагаемой нашими славянофилами для обычаевъ и учреждений, въ которыхъ славянскія племена отлпчаются отъ насъ?—Все должно измѣниться по нашему русскому порядку, образцовому и единственному чистому славянскому порядку.

Мы не хотимъ сказать, что подобнаго стремленія сознательно держатся всѣ люди, называющіеся у насъ славянофилами. Коренное свойство ихъ—фантазёрство, а у фантазёровъ неопредѣленная сантиментальность мечты обыкновенно мѣшаетъ опредѣленному сознанію. Но сознательно или безсознательно, а лежить въ ихъ стремленіяхъ тотъ порядокъ понятій, который изобразили мы,—не для нихъ самихъ, какъ уже и сказали, потому что они недоступны внѣшнимъ разсудка, а для тѣхъ нашихъ славянскихъ братьевъ, которыхъ заманиваютъ они на нѣкій путь своими сантиментальными тодками о мнимой своей любви къ намъ.

Угодно ли нашимъ славянскимъ братьямъ убѣдиться, что наши славянофилы дѣйствительно готовятъ для нихъ ту судьбу, какъ мы говоримъ? Пусть они прочтутъ статью г. В. Ламанскаго во второмъ нумерѣ газеты «День», и пусть они, читая эту статью, попробуютъ вникать въ сущность мыслей, закрашиваемыхъ любвеобильными фразами. Г. В. Ламанскій помѣстилъ во второмъ нумерѣ газеты «День» возраженіе на мою статью о львовскомъ «Словѣ», напечатанную въ «Современникѣ», подъ заглавіемъ: «Національная безтактность». Спорить съ г. В. Ламанскимъ я не намѣренъ. Я только обращаю вниманіе публики на нѣкоторыя мѣста его статьи.—Но прежде, чѣмъ стану выписывать отрывки изъ нея, представлю я нѣсколько строкъ изъ примѣчанія, которымъ снабдила ее сама редакція газеты «День». Редакція газеты «День» хвалитъ галицкихъ русиновъ за то, что «они всячески стараются усвоить себѣ нашъ русскій литературный языкъ, считаютъ «нашу литературу своею». Далѣе редакція газеты «День» негодуетъ на мою статью за то, что статья эта «предлагаетъ галицкимъ русинамъ держаться мало-«россійской племенной особности и не враждовать съ поляками».—Предлагаю образованнымъ людямъ славянскихъ племенъ замѣтить это прекрасное выраженіе: «малороссійская племенная особность». Малороссовъ 13 милліоновъ. Ихъ языкъ не удостоивается считаться чертою ихъ народности,—онъ только «племенная особность». Если народъ, считающій 13 милліоновъ населенія, не удостоенъ считаться имѣющимъ свою неприкосновенную народность, то поцеремонится ли наше славянофильство съ какими нибудь болгарами или сербами, хорутанами или чехами, которые несравненно малочисленнѣе малороссовъ. Если для славянъ еще не ясно дѣло, его окончателно разъясняетъ г. В. Ламанскій. Г. В. Ламанскій говоритъ, что онъ «не понимаетъ значенія словъ: малорусскій патріотизмъ», потому что онъ, г. В. Ламанскій, «можетъ допустить» только «русскій патріотизмъ».—Далѣе онъ говоритъ, что есть нѣсколько вопросовъ, по которымъ не сходятся съ малороссами. Въ чемъ же онъ не сходитя съ ними? Дѣло объясняется все по поводу высказаннаго мною русинскимъ малоруссамъ совѣта, чтобы они писали своимъ малорусскимъ языкомъ, а не ломаннымъ нашимъ литературнымъ языкомъ. Онъ говоритъ, что слова статьи «Современника» о языкѣ львовскаго «Слова» подають ему поводъ выказать наше несогласіе съ нѣкоторыми взглядами «Основы». «Видно (продолжаетъ онъ, говоря обо мнѣ), что рецензентъ кое-что читалъ въ ней. Такъ онъ особенно вооружается

на русиновъ за то, что они не пишутъ на языкѣ нашихъ малоруссовъ. Очевидно, онъ повторяетъ въ этомъ случаѣ слова «Основы». Это мнѣніе рецензента столь же ошибочно и невѣрно, какъ и выше указанныя, и само по себѣ серьезнаго опроверженія не заслуживаетъ. Но изъ уваженія къ «Основѣ», мы рѣшаемся представить объ этомъ предметѣ нѣсколько замѣчаній, быть можетъ, не лишннихъ въ нашей литературѣ. Наше разногласіе въ нѣкоторыхъ взглядахъ съ этимъ журналомъ никакъ не можетъ ослабить нашего сочувствія и уваженія къ нему.

«Вотъ въ чемъ наше разногласіе съ «Основаю» (продолжаетъ г. В. Ламанскій). И она, и мы одинаково недовольны языкомъ большей части писателей Червоной Руси, который есть не что иное, какъ нашъ литературный языкъ съ болѣе или менѣе значительною примѣсью малорусскаго нарѣчія. Но она полагаетъ, что малоруссы Австріи должны бросить свою литературную рѣчь и начать писать языкомъ Основьяненко, Шевченки и Марко Вовчка. Мы же убѣждены, что они съ теченіемъ времени, при дальнѣйшимъ развитіи, придутъ къ ясному сознанію необходимости принятія нашего русскаго языка языкомъ школы, науки и образованности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не покинутъ и своего малорусскаго нарѣчія, напротивъ, будутъ его развивать и обрабатывать литературнымъ образомъ, подобно, напримѣръ, нашимъ малоруссамъ или тѣмъ нѣмцамъ и французамъ, которые заботятся о литературномъ развитіи *patois* и *platt deutsch'a*. Наше убѣжденіе основано на двухъ положеніяхъ: 1) наши малороссіяне не могутъ отроесть русскаго литературнаго языка, 2) русины не могутъ оставить своего нарѣчія безъ литературной обработки.

«Русскій литературный языкъ образованъ не со вчерашняго дни и не Ломоносовымъ, который его только точнѣе опредѣлялъ и усовершенствовалъ. Въ основѣ своей великорусскій языкъ нашъ принадлежитъ одинаково въ значительной мѣрѣ и малороссіянамъ. Отказавшись отъ него, они бы отказались отъ значительной части своего прошедшаго, своей исторіи и все-таки бы не успѣли образовать на своемъ нарѣчій такой литературы, которая бы имъ сдѣлала излишнюю литературу русскую. Отказавшись отъ русской образованности, они принуждены бы были примкнуть къ польской, съ которою тоже словесность малоруссекая не сравнивается. Пока же малоруссы не создадутъ своей образованности на своемъ нарѣчій, до тѣхъ поръ должны они учиться и писать или на русскомъ, или на польскомъ языкѣ. Но выборъ послѣдняго возможенъ для Малороссіи только съ принятіемъ католицизма, возобновленіемъ Уніи... Иначе все сочувствія Малороссіи всегда будутъ принадлежать русской образованности и литературѣ, тѣмъ болѣе, что она не только единовѣрна Малороссіи, но и отнюдь *не исключительно великорусская*. Общій элементъ нашего литературнаго языка—церковно-славянскій, принятый нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, утратилъ у насъ бѣльшую часть своихъ болгарскихъ особенностей, подъ вліяніемъ писателей и писцовъ южной и сѣверной Руси, еще до подчиненія первой Литвѣ. И въ настоящее время нарѣчія малорусское и великорусское не отличаются между собою множествомъ важныхъ и рѣзкихъ особенностей. До конца же XIV вѣка и даже позже онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны (разумѣется, не въ лингвистическомъ, а въ практическомъ отношеніи). Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ. Письменный же языкъ еще подавно былъ общединаковъ для южной и сѣверной Руси, насколько можетъ быть общъ письменный языкъ юнаго, мало развитаго народа. Съ отдѣленіемъ Руси южной отъ сѣверной мало-по-мало обнаружилось у нихъ несогласіе и въ языкѣ письменномъ. Но и въ это время до

Ломоносова никогда не происходило между ними полного разрыва, ибо у нихъ былъ общій элементъ церковно-славянскій. Есть множество южно-русскихъ сочиненій XVI и XVII вѣка, писанныхъ тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ. Языкъ московскихъ грамотъ относительно силы, богатства, народности, конечно, не можетъ быть и сравниваемъ съ нечистымъ, безобразнымъ языкомъ южно-русской гражданственности, испытавшей сильное вліяніе Польши, что отразилось и въ языкѣ, исполненномъ полонизмовъ. Въ нихъ замѣтно сильное вліяніе языка церковныхъ книгъ, лѣтописей, а слѣдовательно и прежнихъ писцовъ и писателей южной Руси. Огромное, непосредственное вліяніе имѣли на языкъ нашъ южно-русскіе ученые и писатели съ конца XVII вѣка почти до самаго Ломоносова. Малоруссы господствовали тогда у насъ въ іерархіи, въ школахъ и образованности. Они, повидимому, имѣли все средства образовать русскій литературный языкъ на малорусской основѣ. Исторія рѣшила иначе. Уроженецъ Двинской земли, коренной новгородецъ, Ломоносовъ принялъ нарѣчіе московское, но въ то же время призналъ всю законность и необходимость общаго элемента, церковно-славянскаго. Для дальнѣйшаго развитія нашего языка имѣли огромное значеніе многіе даровитые писатели изъ малороссіяня и одинъ гениальный — Гоголь. Итакъ нашъ литературный языкъ нынѣшнимъ своимъ видомъ обязанъ общимъ, совокушнымъ успіямъ велико-мало-руссовъ. Онъ есть плодъ исторической жизни *всего* русскаго народа. Признаемъ, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшею нелѣпостью. Эта литература возможна только при условіяхъ самыхъ невообразимыхъ. Такъ, напримѣръ, надо убѣдить всехъ мыслящихъ малороссіяня въ ея необходимости, надо имъ позабыть употребленіе русскаго языка, перестать читать русскія книги, надо образовать цѣлыя поколѣнія малороссіяня въ невѣдѣніи русскаго языка и литературы. Безъ этихъ условій самостоятельная украинская литература немыслима. По нашему, одинаково нелѣпо роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельстве умственное превосходство великоруссовъ надъ малороссіянами.

«Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то воспрепятствовать Червонной и Угорской Руси нашъ литературный языкъ — значитъ посягать на ея народность, убивать въ ней сознаніе ея племенной, исторической связи со всею, слѣдовательно и съ Малою Русью.

«Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка нарѣчія малорусскаго, рядомъ съ обще-русскимъ языкомъ, особая *малорусская словесность* рядомъ съ русскою литературою, съ русскою наукою и образованностью. Нелѣпо сѣтовать сѣверному нѣмцу и швабу, шотландцу и малоруссу на то, что, напримѣръ, Кантъ, Гегель, Вальтеръ-Скоттъ, Д. Юмъ, Гоголь и Савичъ не писали по-нижне-нѣмецки, по-швабски, шотландски и малорусски, также какъ и англичанину и великоруссу на то, что Борнсъ и Шевченко писали на своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Но было бы столь же нелѣпо и непослѣдовательно со стороны нашихъ малороссіяня воспрепятствовать своимъ землякамъ въ Австріи обработку своихъ мѣстныхъ нарѣчій. Надо замѣтить, что въ Галиціи существуетъ три мѣстныхъ нарѣчія, на востокѣ *волынское*, на югѣ и западѣ *горское* (карпато-русское), въ срединѣ — *галицкое*. Волынское, употребительное и у насъ на Волини и Подоліи, имѣетъ уже нѣкоторыя отличія отъ литературнаго нарѣчія

наших малороссянъ, собственно полтавскаго и кievскаго. Еще отличіе отъ него другія два поднарѣчія — *галицкое* и *карпато-русское*. Каждое изъ нихъ имѣетъ свои особенности, одинаково чуждыя, какъ малорусскому, такъ и великорусскому нарѣчію. Но за то въ каждомъ изъ нихъ есть такія особенности, которыя существуютъ въ великорусскомъ и не имѣются въ малорусскомъ нарѣчій. Вся законность нашего литературнаго малорусскаго нарѣчія на томъ и основывается, что оно прямо говоритъ малорусскому сердцу, живо затрогиваетъ его нѣжными струнами. Какъ ни близокъ, ни понятенъ нашему малорусу литературный нашъ языкъ, однако для его пониманія онъ все-таки нуждается хотя въ ничтожной предварительной подготовкѣ. Чисто народная рѣчь Шевченки, Марко Вовчка прямо понятна всякому простолитовину малорусу. Но русину галицкому, угорскому, она далеко, не *своя*, не чисто родная рѣчь. Ему надо привыкнуть, пріучиться къ ней. И такъ, съ чего и зачѣмъ, на какомъ основаніи Червонную и Угорскую Русь лишать того права, которое признается за Малою Русью, права на литературную обработку своей мѣстной рѣчи? Языкъ же школы (не только университетскаго, но и гимназическаго преподаванія), науки, образованности для Червонной и Угорской Руси долженъ быть русскій литературный языкъ, котораго никогда не покинетъ и наша Малая Русь. Въ противномъ же случаѣ русскому народу въ Галиціи и Венгрии придется вовсе остаться безъ науки и образованности или принять ея органомъ языки нѣмецкій, польскій и мадьярскій. Тотъ и другой выборъ повлечетъ за собою утрату народности.

«Плохой знатокъ малорусскаго нарѣчія, но страстный любитель этой народности, рецензентъ нашъ (все продолжаетъ г. В. Ламанскій, говоря обо мнѣ), какъ и слѣдовало ожидать, понимаетъ это дѣло совершенно навыворотъ. Онъ нападаетъ на «Слово» за его попытки писать на русскомъ языкѣ, на которомъ писали ихъ земляки — Капнистъ, Основьяненко, Болугьянскій, Лодій, Венелинъ, Гребенка, Гоголь, — на которомъ и Шевченко писалъ свой дневникъ, постоянно пишутъ гг. Кулишъ и Костомаровъ. «Наша малороссы, говоритъ онъ, уже выработали себѣ литературный языкъ (нарѣчіе, ибо литературнаго чисто-великорусскаго языка нѣтъ), гораздо лучший (нежели ломанный языкъ Львова): зачѣмъ отдѣляться отъ нихъ? (чтобы не отдѣляться, Червонная и Угорская Русь и должна принять нашъ языкъ). *Развѣ онъ такъ далекъ отъ языка русиновъ, что имъ нужно писать другимъ языкомъ?* (Непремѣнно!) *Но если такъ, вы уже не малороссы* (хорошъ выводъ! И такъ будто Карпатская Русь виновата, что въ ея нарѣчій много своеобразныхъ особенностей!), *вы, какъ лужичане, отдельное племя* (неправда, тотъ же русскій народъ, что и въ Россіи, къ которой онъ и питаетъ большое сочувствіе, какъ въ томъ живо убѣдились русскіе солдаты, проходившіе Австрію въ началѣ нынѣшняго столѣтія). Но если такъ, васъ только 3 милліона, и вы не можете удержать своей народности (слѣдуетъ прибавить: если не примете органомъ образованности русскаго языка).»

Доселѣ глаголетъ г. В. Ламанскій. Хорошо онъ говоритъ. И вѣдь это говорится еще въ такое время, когда г. В. Ламанскій находитъ надобность осыпать малоруссовъ увѣреніями въ своей любви къ нимъ. А между тѣмъ, что же такое у него говорится? — Малоруссы Австріи не должны писать языкомъ Шевченки и Марко-Вовчка; они должны принять нашъ литературный языкъ языкомъ своихъ школъ. Малоруссы должны смотрѣть на свой языкъ только такъ, какъ французы смотрятъ на свои *parois*, на свои деревенскіе говоры. Нашъ великорусскій языкъ

долженъ принадлежать не однимъ намъ, а также и малоруссамъ, «и въ настоящее время нарѣчіе малорусское или великорусское не отличаются между собою множествомъ важныхъ и рѣзкихъ особенностей». — «Нашъ литературный языкъ есть плодъ исторической жизни *всего* русскаго народа». — Мысль о возможности особой малорусской «литературы» представляется г. В. Ламанскому «величайшей нелѣпостью» — «самостоятельная украинская литература немыслима» для г. В. Ламанскаго, и далѣе: «самостоятельная литература малорусская невозможна», по его мнѣнію — онъ допускаетъ только «мѣстную словесность малорусскую». Но онъ не допускаетъ даже и того, чтобы хотя эта «мѣстная словесность» служила общою связью для малорусскаго народа. Собственно говоря, по его мнѣнію, даже нѣтъ общаго малорусскаго языка, а существуютъ только мѣстные малорусскія поднарѣчія, которыхъ въ одной Галиціи цѣлыхъ три. Изъ нихъ два имѣютъ «такія особенности, которыя существуютъ въ великорусскомъ и не имѣются въ малорусскомъ нарѣчій». — «Русинамъ галицкимъ рѣчь Шевченки и Марко Вовчка далеко не своя, не родная рѣчь» — «языкъ школы, не только университетскаго, но и гимназическаго преподаванія для Червонной и Угорской Руси долженъ быть русскій литературный языкъ»; тотъ же самый языкъ навсегда предписывается и для нашей Малой Руси. Наконецъ г. В. Ламанскій находитъ, что галицкіе русины не русины, не отдѣльное племя отъ насъ, жителей Москвы и Поволжья, а то же самое племя, какъ и мы, и что они не могутъ удержать своей народности, если «не примутъ органомъ образованности» нашего литературнаго языка.

Достаточно ли этого, чтобы раскрыть глаза другимъ славянскимъ племенамъ относительно результатовъ, приготовляемыхъ для нихъ нашими славянофилами?

Роль, принимаемая на себя мною, далеко не такъ прелестна, какъ роль славянофиловъ. Предостерегать отъ заблужденій значитъ подвергать себя нареканію людей, преданныхъ заблужденіямъ. Но въ старинномъ нашемъ языкѣ, на который ссылается г. В. Ламанскій, слово «прелестъ» обозначало обманъ. Я предоставляю г. В. Ламанскому и другимъ подобнымъ ему людямъ являться передъ славянскими племенами въ прелестномъ видѣ. Пусть образованные люди въ этихъ племенахъ сами разсудятъ, кто на самомъ дѣлѣ больше любитъ ихъ: тѣ ли, которые, подобно нашимъ славянофиламъ, льстятъ имъ и самохвалствуютъ, или тѣ, которые предостерегаютъ ихъ.

Надобно сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о грубомъ заглавіи этой статьи. Оно, при всей своей грубости, все-таки самое невинное объясненіе, какое можетъ быть приискано для странной системы дѣйствій нашихъ славянофиловъ относительно славянскихъ племенъ. Оно говоритъ, что эта система происходитъ только отъ неумѣнья ихъ понять отношенія нашей русскаго народности къ другимъ славянскимъ народностямъ, только отъ неразумнаго увлеченія мыслию, будто наша русская народность единственный чистый типъ славянскаго народности, что они, наши славянофилы, представители образцоваго славянскаго народа. Я говорю только, что они сбились съ толку въ своихъ понятіяхъ о русскаго народности и о согласіи своихъ теорій съ этою народностью. Таковы дѣйствительно многіе изъ нихъ: люди, чистосердечно заблуждающіеся и не имѣющіе никакихъ сознательныхъ дурныхъ наклоненій. Къ сожалѣнію, не всѣ они таковы. Есть между ними хитрецы, умышленно вводящіе въ заблужденіе своихъ простосердечныхъ товарищей. Если бы гово-

рить объ этихъ хитрецахъ, пришлось бы характеризовать славянофильство не такими словами, какія выставлены въ заглавіи моей статьи, а другими, — вѣроятно болѣе мягкими, но имѣющими не такой невинный смыслъ.

Впрочемъ, славянофильская сторона газеты «День» сама по себѣ, а достоинство другихъ сторонъ, которыя, конечно, будутъ оказываться въ этой газетѣ, — другое дѣло. Мы увѣрены, что она со временемъ привлечетъ къ себѣ вниманіе не одними славянофильскими фальшами, кромѣ которыхъ ничего, къ сожалѣнію, нѣтъ въ двухъ первыхъ ея нумерахъ.

Не начало ли перемѣны?

(Разказы Н. В. Успенскаго. Двѣ части. Спб. 1861 г.).

Чѣмъ г. Успенскій привлекъ вниманіе публики, за что онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ ея?—До сихъ поръ онъ писалъ только такіе крошечные разказы, въ которыхъ не могло помѣститься ни одно изъ качествъ, обыкновенно составляющихъ репутацію хорошихъ беллетристовъ. Начать съ того, что ни въ одной его статейкѣ нѣтъ сказочнаго интереса; да и какъ въ нихъ быть ему, когда изъ 24 очерковъ, собранныхъ теперь въ отдѣльномъ изданіи, не меньше какъ двадцать разказовъ какъ будто бы не имѣютъ даже никакого сюжета. Только въ четырехъ можно отыскать что нибудь похожее на повѣсть, — да и то, какую повѣсть? — самую незамысловатую и почти всегда недосказанную. «Старуха» разказываетъ, какъ попали въ солдаты два ея сына; объ одномъ, еще такъ-себѣ, разказываетъ она по порядку, а объ другомъ не удалось ей поговорить, потому что уснулъ купецъ, слушавшій ее, и принесла хозяйка постоялаго двора бѣдной старушонкѣ творожку и молочка, въ ожиданіи которыхъ болтала она съ купцомъ. — Въ другой пьесѣ сталъ мѣщанинъ разказывать о своей покойной женѣ Грушкѣ, досказалъ дѣло до женидбы, да не случилось ему ничего сообщить, какъ онъ жилъ съ Грушкою послѣ свадьбы. — Въ третьемъ разказѣ повелъ рѣчь г. Успенскій о томъ, въ какой гнусной бѣдности жилъ студентъ медицинской академіи Врусилловъ, но не довелъ рѣчи ни до какой развязки: лежитъ Врусилловъ больной въ какомъ то «углу» комнаты, за столомъ въ которой извозчики считаютъ деньги, за стѣною которой пьяный сапожникъ бьетъ свое семейство, и надъ которой во второмъ этажѣ идетъ пляска, — на томъ и кончено; что же случилось съ Врусилловымъ? Умеръ что ли онъ, или какъ нибудь оправился? — Ничего неизвѣстно. — Есть еще разказецъ о чудакѣ Антошкѣ, но и тутъ ничего не выжмешь, кромѣ того, что Антошка былъ мастеръ на нелѣпныя проказы. — Вотъ вамъ и всѣ четыре пьески, въ которыхъ есть, если не что нибудь цѣлое, то хоть половина чего нибудь, что стало бы цѣлымъ, если бы было dokonчено. А въ остальныхъ двадцати пьесахъ не спрашивайте и того: это все только маленькіе отрывочки, какъ будто листики, вырванные изъ чего-нибудь, а изъ чего — и догадаться нельзя. Оплемяется, напрымѣръ, какъ извозчики расчитывались съ хозяиномъ постоялаго двора; или какъ проѣзжій съ огромными усами надѣлалъ кутерьму на станціи; или какъ шелъ праздничный обѣдъ у прикащика; или

какъ народъ ждалъ благовѣста къ заутрени на свѣтлый праздникъ; или какъ проѣзжимъ юношамъ не удалось пошалить съ смазливою бабенкою, которую посадили они на облучекъ; или какъ одна дьяконица прѣѣзжала въ гости къ другой,—и ни въ одной изъ этихъ отрывочныхъ сценъ ровно ничего особеннаго не описывается, и происшествій никакихъ нѣтъ. — Если взглянуть на рассказы г. Успенскаго съ другой стороны, посмотрѣть, не обрисованы ли въ нихъ характеры, нѣтъ ли психологическихъ анализовъ, — и того не находите. — Что жъ, есть беллетристы, не заботящіяся ни о подборѣ приключеній съ занимательными завязками и развязками, ни объ обрисовкѣ характеровъ, ни о психологическихъ тонкостяхъ, но за то дѣйствующіе на васъ или яркою, жгучею тенденціею, или превосходнымъ слогомъ. У г. Успенскаго не обнаруживается никакой тенденціи, да и пишетъ онъ такъ себѣ, не заботясь какъ будто бы ни объ остроуміи, ни объ изяществѣ. Правда, попадаютъ у него очень смѣшныя фразы, иной разъ случится и цѣлая страница очень забавная; не мало у него и коротенькихъ описаній, очень художественныхъ, — но все это какъ будто написалось у него случайно, а вообще рассказъ его идетъ, какъ попало, безъ всякаго уваженія къ обязанности вознаградить хотя слогомъ за безцеремонность относительно содержанія. Что же касается до тенденціи, объ ней лучше и не спрашивайте: взялъ человѣкъ два-три листа бумаги, набросалъ на нихъ какой нибудь разговорецъ или какое нибудь описаньеце, и отдаетъ вамъ лоскутки этихъ листовъ безъ начала и безъ конца, совершенно не думая о томъ, выходитъ ли какой нибудь смыслъ изъ написаннаго имъ. Конечно, у г. Успенскаго есть талантъ и большой талантъ: но что же это за талантъ, который даетъ намъ все только лоскутки? Если же говорить о талантѣ, то не слѣдуетъ ли только бранить его за такія незначительныя и небрежныя произведенія?

Незначительныя и небрежныя,—оно бы казалось, что слѣдуетъ ихъ считать такими, слѣдуетъ по всѣмъ возможнымъ основаніямъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; а на дѣлѣ выходитъ не то. Публика счтаетъ маленькія пьесы г. Успенскаго заслуживающими вниманія. Отчего же это?

Намъ кажется, что причиною тутъ не одна безспорная талантливость,—мало ли есть произведеній, написанныхъ съ талантомъ и все-таки не возбуждающихъ ни малѣйшаго участія къ себѣ?—Есть у г. Успенскаго другое качество, очень сильно нравящееся лучшей части публики. Онъ пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасть.

Давнымъ давно критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычай и понятія сильно идеализируются. Стало быть намъ нечего и доказывать это, когда всѣмъ оно извѣстно. Мы лучше поищемъ причинъ, по которымъ не могъ отстать отъ идеализированія народа никто изъ прежнихъ нашихъ беллетристовъ, не смотря на совѣты критики. По нашему мнѣнію источникъ непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и понятій былъ и похваленъ и чрезвычайно печаленъ. Замѣчали ли вы, какую разницу въ сужденіяхъ о человѣкѣ, которому вы симпатизируете, производитъ ваше мнѣніе о томъ, можно ли или нельзя выбиться этому человѣку изъ тяжелаго положенія, внушающаго вамъ состраданіе къ нему? Если положеніе представляется безнадежнымъ, вы толкуете только о томъ, какія хорошія качества находятся въ несчастномъ, какъ безвинно онъ страдаетъ, какъ злы къ нему люди, и такъ далѣе. Порицанъ его самого показалось бы вамъ напрасною жестокостью, говорить о его недостат-

кахъ — пошлою безчувственностью. Ваша рѣчь о немъ должна быть панегирикомъ ему, — говорить въ иномъ тонѣ было бы вамъ совѣстно. Но совершенно другое дѣло, когда вы полагаете, что бѣда, тяготящая надъ человѣкомъ, можетъ быть отстранена, если захочетъ онъ самъ и помогутъ ему близкіе къ нему по чувству. Тогда вы не распространяетесь о его достоинствахъ, а безпристрастно вникаете въ обстоятельства, отъ которыхъ происходитъ его бѣда. Обыкновенно вы находите, что нужно перемѣниться и ему самому, чтобы измѣнилась его жизнь; вы замѣчаете, что напрасно онъ дѣлалъ въ извѣстныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, что ошибался онъ относительно многихъ предметовъ, что въ характерѣ его есть слабости, отъ которыхъ надобно ему исправляться, что въ привычкахъ его есть дурное, которое долженъ онъ бросить, что въ образѣ его мыслей есть неосновательность, которую долженъ онъ уничтожить болѣе серьезнымъ размышленіемъ. Какъ бы ни началась ваша рѣчь о такомъ человѣкѣ, незамѣтно для васъ самихъ переходитъ она въ укоризны ему. А вы, когда дѣйствительно желаете ему добра, ни мало уже не конфузитесь этимъ, — вы чувствуете, что въ суровыхъ вашихъ словахъ слышится любовь къ нему и что они полезны для него, — гораздо полезнѣе всякихъ похвалъ.

Упоминаетъ ли Гоголь о какихъ нибудь недостаткахъ Акакія Акакіевича? Нѣтъ, Акакій Акакіевичъ безусловно правъ и хорошъ; вся бѣда его приписывается безчувствію, пошлости, грубости людей, отъ которыхъ зависитъ его судьба. Какъ пошлы, отвратительны сослуживцы Акакія Акакіевича, глумящіеся надъ его беспомощностью! Какъ преступно невнимательны его начальники, не вникающіе въ его бѣдственное положеніе, не заботящіеся пособить ему! Акакій Акакіевичъ страдаетъ и погбааетъ отъ человѣческаго жестокосердія. Такъ, подлецомъ почелъ бы себя Гоголь, если бы рассказалъ намъ о немъ другимъ тономъ. Но за то разсудите же, можно ли въ самомъ дѣлѣ пособить Акакію Акакіевичу. Разумѣется, можно: назначить ему награду побольше обыкновенной, подарить ему шинеленку, когда старая слишкомъ плоха. Это можно сдѣлать. Но вѣдь это и дѣлалось. Вѣдь начальникъ назначилъ ему награду больше той, на которую рассчитывалъ самъ Акакій Акакіевичъ, и безъ сомнѣнія гораздо больше той, какую въ самомъ дѣлѣ онъ заслужилъ. А сослуживцы хотѣли устроить подписку для покупки ему шинели. Правда, подписка не состоялась, но только по случайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ сослуживцы никакъ не были виноваты, и можетъ быть на другой мѣсяцъ, когда осталось бы у чиновниковъ нѣсколько лишнихъ денегъ, дѣйствительно собрали бы они рублей пять-шесть на починку старой шинели. По крайней мѣрѣ желаніе у нихъ было, и кое-что они вѣроятно сдѣлали бы. Да вѣдь они ужъ и сдѣлали кое-что: развѣ они не радовались покупке новой шинели? Они сдѣлали больше; они даже пригласили Акакія Акакіевича на вечеринку. Чего же вамъ еще? Вы скажете, что всѣ эти доброжелательства и милости не спасли Акакія Акакіевича ни отъ нищеты, ни отъ униженій, ни отъ жалкой смерти? — Разумѣется такъ, — но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ было можно кому нибудь въ самомъ дѣлѣ улучшить жизнь Акакія Акакіевича? Служа писцомъ, онъ получалъ малое жалованье; такъ. Что же, можно было дать ему повышеніе по службѣ, сдѣлать, напримеръ, помощникомъ столоначальника? Помилуйте, вѣдь начальникъ даже хотѣлъ было сдѣлать это, но Акакій Акакіевичъ оказался рѣшительно неспособенъ ни къ чему лучшему жалкой должности писца. Онъ даже самъ такъ думалъ. Вѣдь онъ самъ сталъ просить, чтобы оставили его на прежнемъ мѣстѣ. Скажите же пожа-

луйста, въ комъ заключалась причина бѣдствій и униженій Акакія Акакіевича? Въ немъ самомъ, только въ немъ самомъ. Сослуживцы издѣвались надъ нимъ. Но вѣдь другъ надъ другомъ не издѣвались же они, другъ съ другомъ обращались же по человѣчески. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идиотъ. — Начальство давало мало жалованья Акакію Акакіевичу: ему нельзя было давать больше, онъ не заслуживалъ того, чтобы ему давали больше, едва ли заслуживалъ и такого жалованья, какое получалъ. — Значительный человѣкъ прикрикнулъ на Акакія Акакіевича, явившагося просить объ отысканіи шинели, и прогналъ его, но вѣдь Акакій Акакіевичъ не сумѣлъ ничего объяснить ему путнымъ образомъ, а все только твердилъ «тово... тото... тово...», и потомъ брякнулъ вздоръ, что секретаря ненадежный народъ, — глупость, совершенно не относившуюся къ дѣлу. Скажите же по совѣсти, кто обязанъ слушать вздоръ, котораго и разобрать нельзя?

Видите ли теперь, Акакій Акакіевичъ имѣлъ множество недостатковъ, при которыхъ такъ и слѣдовало ему жить и умереть, какъ онъ жилъ и умеръ. Онъ былъ круглый невѣжда и совершенный идиотъ, ни къ чему неспособный. Это видно изъ разсказа о немъ, хотя разсказъ написанъ не съ тою цѣлью. Зачѣмъ же Гоголь прямо не налегаетъ на эту часть правды объ Акакіѣ Акакіевичѣ, — на эту невыгодную для Акакія Акакіевича часть правды, выставленную нами?

Мы знаемъ отчего. Говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ бесполезно и безсовѣстно, если не можетъ эта правда принести пользы ему, заслуживающему состраданія по своей убогости. Можно говорить объ немъ только то, что нужно для возбужденія симпатіи къ нему. Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу. Но если говорить другимъ о немъ все, что можно бы сказать, ихъ состраданіе къ нему будетъ ослабляться знаніемъ его недостатковъ. Будемъ же молчать о его недостаткахъ.

Таково было отношеніе прежнихъ нашихъ писателей къ народу. Онъ являлся передъ нами въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть, который можетъ получать себѣ пользу только отъ нашего состраданія. И вотъ писали о народѣ точно такъ, какъ написалъ Гоголь объ Акакіѣ Акакіевичѣ. Ни одного слова жестокаго или порицающаго. Всѣ недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ, несчастенъ. Посмотрите, какъ онъ кротокъ и безотвѣтенъ, какъ безропотно переноситъ онъ обиды и страданія! Какъ онъ долженъ отказывать себѣ во всемъ, на что имѣетъ право человѣкъ! Какія у него скромныя желанія! Какія ничтожныя пособія были бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это забытое существо, съ такимъ благоговѣніемъ смотрящее на насъ, столь готовое проникаться безпредѣльною признательностью къ намъ за малѣйшую помощь, за ничтожнѣйшее вниманіе, за одно ласковое слово отъ насъ! Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями — все это насквозь пропитано запахомъ «шинели» Акакія Акакіевича.

Прекрасно и благородно, — въ особенности благородно до чрезвычайности. Только какая же польза изъ этого — народу? Для насъ польза дѣйствительно была, и очень большая. Какое чистое и вкусное наслажденіе получали мы отъ сострадательныхъ впечатлѣній, сладко щекотавшихъ нашу мысль ощущеніемъ нашей способности трогаться, умиляться, сострадать несчастію, проливать надъ нимъ слезу, достойную самого Манилова. Мы становились добрѣе и лучше, — нѣтъ, это еще очень

сомнительно, становились ли мы добрѣе и лучше, но мы чувствовали себя очень добрыми и хорошими. Это очень большая пріятность, ее можно сравнить только съ тѣмъ удовольствіемъ, какое получалъ покойный мужъ Коробочки отъ чесанія пятокъ,—или, чтобы употребить сравненіе болѣе знакомое намъ, людямъ благовоспитаннымъ, мы испытывали то же самое наслажденіе, какое доставляетъ хорошая сигара. Славное было для насъ время!

А теперь не то. Являются какіе-то мальчишки, — по примѣру «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ», называющихся мальчишками насъ, я позволяю себѣ назвать мальчишкою г. Успенскаго, который, кстати, и довольно молодъ въ самомъ дѣлѣ,—итакъ являются мальчишки въ родѣ г. Успенскаго, которые чувствуютъ,—а можетъ быть и сознательно думаютъ—кто ихъ разберетъ,—что наши прежнія отношенія къ народу, какъ будто къ невинному въ своемъ злосчастіи Акакію Акакіевичу, никуда не годятся; они говорятъ о народѣ Богъ-знаетъ что, жестоко оскорбляющее нашу сантиментальную симпатію къ нему. Если судить ихъ слова по нашимъ прежнимъ привычкамъ, то не видишь въ нихъ даже любви къ народу, которой мы такъ гордились, по крайней мѣрѣ нѣтъ въ нихъ никакой снисходительности къ нему, и не отыщешь въ ихъ разказахъ ни одного похвальнаго словечка. Взгляните, напримѣръ, какія черты выставляетъ вамъ въ народѣ г. Успенскій.

Вотъ первый разсказъ «Старуха». Одинъ сынъ ея пошелъ въ солдаты за то, что хотѣлъ взять назадъ свою жену отъ прикащика, который жилъ съ нею. Какая идеальная исторія готова рисоваться передъ вашею фантазією, по привычкѣ къ прежнему прикрашиванію! Сильная привязанность жены къ мужу, извергъ-прикащикъ, насильно отнимающій красавицу-жену, вопли жены, страшныя сцены ея напраснаго сопротивленія животному буйству и такъ далѣе, и такъ далѣе. Нѣтъ, у г. Успенскаго ничего такого не говорится. Сама старуха, мать пропавшаго изъ-за жены сына, разсказываетъ дѣло такимъ образомъ:

«Женили мы его; сыгнали это свадьбу; глядь поглядъ, примѣчаемъ: молодая, жена-то его,—красивая была, Богъ съ нею, баба,—его не долюбиваетъ и такъ совсѣмъ вотъ не лъстится. А онъ, сердечный, былъ на лицо не совсѣмъ гождь: оспа, еще когда онъ былъ махонькимъ, всего изуродовала.

«Вотъ какъ обжились они, Петруша—его звали Петрушей—началь слѣдить за ней: нѣтъ ли, дескать, на сердцѣ кручинушки, или зазнобушки, не любить ли она кого. Подмѣчаетъ разъ, другой,—все нѣтъ... и виду никакого... на работѣ такая же, какъ и дома. Ну, тѣмъ и кончилось, что нѣтъ да и нѣтъ. Вотъ разъ къ намъ приходитъ староста и говорить... дѣло было лѣтомъ... Петръ Семенычъ, говорить—это прикащикъ,—велѣлъ вашей Варварѣ собираться на барскій дворъ, и мужъ, говорить, пускай придетъ съ ней. Думаемъ промежду себя: зачѣмъ это?» у насъ о ту пору всѣ были дома, и она и Петруша. Старикъ говорить: «чтожь, сходи, Петруша; за чѣмъ нибудь понадобился: авось онъ тебя не съестъ.» Петруша надѣлъ зипунъ, собрался это: «ну, говорить, Варвара Борисьевна, пойдемъ, прогуляемся»: шутникъ былъ, голубчикъ мой. А она на него такъ и зѣвнула: «да ступай, говорить, лихоманка тебя возьми», и чернымъ словомъ его... «Ступай одинъ, безъ тебя дорогу знаю». Старикъ въ это время ковырялъ лаптенки, сидѣлъ на конникѣ; обидно ему, стало быть, показалось: да какъ же не обидно? грубая... извѣстно, баба, кормилецъ. Сидѣлъ, сидѣлъ, жалко ему стало Петрушу, да и молвилъ: «когда ты, Варвара, будешь умна, за что всегда зычишь на него? иной бы тебя, говорить, чѣмъ ни попадай...» и побранилъ ее. Она не взлюбила: должно, не по нутру... накиннула зипунъ, повязала платокъ писанный,—она все въ писанныхъ ходила,—и хлопнула что ни есть мочи дверью. Старикъ мой покачалъ, покачалъ головою—и только. «Жалко, говорить, Петрушу,—смерть—жалко!...» Вотъ они ушли къ прикащику, а мы ждемъ; помню, я тутъ качала на обрывкѣ ея мальчика, это

невѣстка-то: сижу... качь, да качь... Смотримъ, приходитъ онъ одинъ уже передъ вечеромъ.

«Ну, Петруша, за чѣмъ?» спросили мы. — «Да что, говорить, прикащикъ оставляетъ Варвару на кухнѣ работницей; ласково таково со мною обошелся: «я, говорить, съ твоего согласія... если не хочешь, какъ хочешь: у меня ей будетъ хорошо; я хошь платы не положу, за то отъ работы ослоболяется. Известно, когда понадобятся ей деньги, я дамъ и деньжонокъ; платокъ коли куплю». Мы подумали... что же, говоримъ, отчего не такъ? хошь одна баба и была въ домѣ, да вѣдь и при ней-то, подумали мы, не красно было: иногда сердце изнываетъ, гляючи на ея грубости. — «Если ты, Петруша, это говорить старикъ, — соглашаешься, такъ, пожалуй, и мы согласны». — «Отчего же, говорить, не согласиться? Я радъ, что ей это по здраву: почему, что, когда мы выходили отъ прикащика, она на мени: «живи, говорить, Петька, да не тужи», — это она то ему — и ухмыльнулась... Она его все Петькой называла. — «Что жь, ко мнѣ, Варвара Борисьевна, часто будешь ходить?» спросилъ онъ ее. Она опять засмѣялась, да и сказала: «разя на деревнѣ бабъ мало, окромя меня?»

Видите, ровно никакого ни насилія, ни притѣсненія тутъ не было. Варвара пошла въ работницы къ прикащику съ согласія мужа и его родныхъ. Правда, чрезъ нѣсколько времени стали они требовать, чтобы она вернулась жить съ мужемъ, потому что стали въ селѣ смѣяться надъ Петромъ: Варвару въ глаза ему называли прикащицей. Но мы были бы слишкомъ недогадливы, если бы вздумали, что только изъ этихъ слуховъ и насмѣшекъ, да изъ подсмотрѣнной братомъ мужа сцены между прикащикомъ и Варварой, мужъ ея и его родные узнали объ отношеніяхъ Варвары къ прикащику. Она была баба красивая, прикащикъ былъ человѣкъ холостой, она мужа не любила, они давно полагали, что у ней есть любовникъ, — съ перваго же слова прикащика должно было стать для нихъ понятно, зачѣмъ онъ хочетъ поселить ее съ собой. А если они еще не догадались объ этомъ дѣлѣ изъ словъ прикащика, чего нельзя думать, то уже никакъ нельзя было имъ оставаться въ невѣдѣніи, когда Варвара, отпуская мужа домой, сказала, чтобы вмѣсто нея напелъ онъ себѣ другую бабу. Однако-же, Петръ и его семейство долго не огорчались житьемъ Варвары у прикащика. Изъ всего видно, что они захотѣли разорвать связь Варвары съ прикащикомъ только для прекращенія сплетенъ и насмѣшекъ, и если вы не оскорбитесь нашимъ цинизмомъ, мы скажемъ, что они въ этомъ случаѣ были ни на волосъ не больше достойны сочувствія, чѣмъ Фамусовъ, беспокоящійся только о томъ, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна». Разъ отважившись на безпристрастіе къ этимъ людямъ, хотя они и простолюдины, и бѣдны, и угнетены, мы попробуемъ васъ спросить: сочувствовали бы вы изображенному въ повѣсти чиновнику или помѣщику, который сталъ бы принуждать возвратиться къ нему въ домъ жену, которая терпѣть его не можетъ, и отдана за него безъ согласія? Вы человѣкъ гуманный, признаете свободу сердца, защищаете права женщины; навѣрное вы порицали бы мужа. Не угодно ли же вамъ судить мужика Петра точно также, какъ судили бы вы какого нибудь совѣтника Владиміра Андреича, или уѣзднаго предводителя Бориса Петровича. Но не вздумайте говорить, что мужикъ Петръ не читаль ни статей объ эманципаціи, ни романовъ Жоржа-Занда. Вы видите, что въ семействѣ Петра были достаточно практическія понятія объ этихъ вещахъ, — понятія, до которыхъ не доходила и Жоржъ-Зандъ: вѣдь они не поперечили прикащику, когда онъ бралъ къ себѣ Варвару. Почему не поперечили? Да едва ли не потому, что ожидали отъ этой полюбовной сдѣлки выгодъ для себя. Не оскорбитесь циническимъ предположеніемъ нашимъ относительно ихъ, хотя они и мужики: вѣдь если бы

подобная исторія рассказывалась вамъ про свѣтскихъ людей, васъ нельзя было бы убѣдить, что не было тутъ съ ихъ стороны денежнаго разсчета. Забудемте же, кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ или мѣшанинъ, кто мужикъ, будемте всѣхъ считать просто людьми, и судить о каждомъ по человѣческой психологiи, не позволяя себѣ утаивать передъ самими собою истину ради мужицкаго званія.

Да, кто говорилъ съ простолюдинами за-просто, тотъ знаетъ, какъ много между ними людей грѣшныхъ съ этой стороны, на которую указываютъ отношенія Петра и его родныхъ къ связи прикащика съ Варварой. Никакъ не меньше (мы думаемъ, что и не больше) между мужиками людей грѣшащихъ такими разсчетами, чѣмъ въ нашемъ кругу. Живетъ мужъ съ женою плохо; подвергивается человѣкъ, сравнительно съ нимъ сильный, или богатый, — и мужъ очень спокойно уступаетъ ему свою жену и притворяется, будто бы ничего не знаетъ, пока слишкомъ громкiй всеобщiй говоръ не заставитъ его принять видъ оскорбленнаго и обманутаго. Вывастъ и хуже: иной открыто отвѣчаетъ насмѣшникамъ, что онъ доволенъ своимъ положенiемъ. Но такiе безстыжiе глаза довольно рѣдки въ образованномъ обществѣ: рѣдки и между простолюдинами. За то нерѣдки въ образованномъ обществѣ, — разумѣется, нерѣдки и между мужиками, — примѣры противнаго: никакими выгодами не обольстится человѣкъ на потворство; мы вовсе не отрицаемъ подобныхъ случаевъ въ мужицкомъ быту; мы только говоримъ, что и тамъ, какъ въ нашемъ кругу, чаще бываетъ корыстное потворство, въ которомъ принуждены мы были избличить Петра и его родныхъ.

Да и съ чего же вы взяли въ самомъ дѣлѣ, что этого нѣтъ между мужиками? Или мужики обязаны быть рыцарями благородства и героями честности? Помилуйте, не такiе ли же они люди, какъ и мы съ вами? Вы знаете, что въ нашемъ кругу нельзя не быть преобладанiю пошлыхъ, корыстолюбивыхъ снисхожденiй и уступокъ надъ исключительными случаями твердаго отказа. Вы знаете обстоятельства и отношенія, изъ которыхъ произошла у насъ разсчетливая безнравственность. Семейные дѣла запутаны, а если и довольно денегъ, то хочется имѣть ихъ побольше, чтобы пожить пошире, жена капризничаетъ; мужъ имѣетъ кой-какія связипки на сторонѣ; что же тутъ удивительнаго, если человѣкъ съ деньгами или съ вліяніемъ купитъ жену у мужа? Что же, въ мужицкомъ быту нѣтъ точно такiхъ же обстоятельствъ? Мужики бѣдны; съ женами часто живутъ очень дурно; покровительство сильныхъ людей имъ нужно. Что должно выходить изъ этого — разсудите сами.

Только пожалуйста отстаньте, кромѣ прѣсной лживости, успливающейся идеализировать мужиковъ, еще отъ одного очень тупоумнаго пріема: подводить всѣхъ мужиковъ подъ одинъ типъ, въ родѣ того, какъ сливаются въ нашихъ глазахъ въ одну фигуру всѣ китайцы. Китайцы отъ насъ очень далеко; поэтому простительно намъ судить о нихъ обо всѣхъ оптомъ: китаецъ-дескать привязанъ къ старинѣ, любитъ опіумъ, носитъ длинную косу и такъ далѣе, и разницы дескать нѣтъ между китайцами. Ни намъ, ни имъ, по отдаленности между нами, нѣтъ никакого убытка отъ этого гуртоваго способа сужденiй. Но мужики къ намъ близки: намъ стыдно не замѣчать разницъ между ними, мы имѣемъ съ ними дѣла, потому и намъ и имъ очень вредно, если мы будемъ думать и поступать по такимъ безразличнымъ, гуртовымъ сужденiямъ о нихъ. Наше общество составляютъ люди очень различныхъ образовъ мыслей и чувствъ. Въ немъ есть люди пошлаго взгляда и благороднаго

взгляда; есть люди безличныя и люди самостоятельныя. Всѣ эти разницы находятся и въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ. Мы, по указаніямъ г. Успенскаго, говоримъ только о тѣхъ людяхъ мужицкаго званія, которые въ своемъ кругу считаются людьми дюжинными, безцвѣтными, безличными. Каковы бы ни были они (какъ двѣ капли воды сходныя съ подобными людьми нашихъ сословіій), не заключайте по нимъ о всемъ простонароды, не судите по нимъ о томъ, къ чему способенъ нашъ народъ, чего онъ хочетъ и чего достоинъ. Инициатива народной дѣятельности не въ нихъ, они, какъ подобныя люди нашихъ сословіій, только плывутъ, куда дуетъ вѣтеръ, и поплывутъ во всякую сторону, въ какую подуетъ вѣтеръ. Но ихъ изученіе все-таки важно, потому что они составляютъ массу простонародья, какъ и массу нашихъ сословіій. Инициатива не отъ нихъ; но должно знать ихъ свойства, чтобы знать, какими побужденіями можетъ дѣйствовать на нихъ инициатива.

А впрочемъ, если вы тверды въ гуманномъ принципѣ, повелѣвающимъ считать человѣкомъ cadaго человѣка, какого бы тамъ званія ни былъ онъ, если вы способны думать о мужикѣ не какъ о странномъ по виду и по разговору существѣ, съ которымъ нѣтъ у васъ ничего сходнаго, а просто какъ о человѣкѣ, у котораго тоже два глаза, какъ и у васъ, тоже по пяти пальцевъ на рукахъ,—если... — но нѣтъ, судя по всему, что я читаю въ книгахъ писанныхъ для васъ, судя по всему, что я слышалъ отъ васъ,—отъ васъ ли, читатель, лично, или отъ вашихъ друзей, или отъ людей, похожихъ на васъ и на вашихъ друзей, — судя по всему этому, я полагаю, что вы разсуждаете подобно дворовой дѣвушкѣ Аленѣ Герасимовнѣ и конторщику Семену Петровичу, которые на «Гуляньѣ» у г. Успенскаго ведутъ между собою такую бесѣду:

— Ну, а что, у человѣка внутрѣ есть, Семень Петровичъ?

— Внутрѣ-съ бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной. такъ у него внутрѣ мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!.. Объясните мнѣ пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутрѣ одинаково?

— Ну, на счетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго нѣтъ.

«Конторщикъ подѣлъ къ дѣвкѣ и началъ свое объясненіе».

Извините, если вы приняли за обиду, что я усумнился въ различіи вашихъ мыслей отъ мнѣній Алены Герасимовны и Семена Петровича. Такая компанія для васъ унизительна. Возвращусь же къ предположенію, отъ котораго готовъ быть отказаться: положимъ, вы знаете, что «внутрѣ у человѣка одинаково» и у штатскаго, и у военнаго, и у сапожника, и у продовольствующагося мякиной. Такъ если, говорю я, знаете вы это, вамъ не нужно много хлопотать объ изученіи народа, чтобы знать, что ему нужно и чѣмъ можно на него дѣйствовать. Предположите, что ему нужно то же самое, что и вамъ, и вы не ошибетесь. Предположите, что на дюжинныхъ людей въ народѣ дѣйствуютъ тѣ же расчеты и побужденія, какія дѣйствуютъ на дюжинныхъ людей вашего круга, и это будетъ правда.

Только умѣйте подводить частныя виды одного и того же чувства подъ общую ихъ сущность; умѣйте, напримѣръ, понимать, что стремленіе получить деньги — одно и то же стремленіе, будутъ ли деньги представляться въ видѣ пачки кредитныхъ билетовъ или въ видѣ двугривеннаго; умѣйте понимать, что привычка считать крупноію такую сумму денегъ, которая иному кажется мелка, нисколько не измѣ-

нлетъ сущности дѣйствій, внушаемыхъ надеждою получить деньги, и опять-таки умѣйте понимать, что выслушивать колкости, или скучать въ неприятномъ обществѣ, или подставлять шею подъ матеріальные толчки кулакомъ—и улыбаться въ надеждѣ полученія, или въ благодарность за полученіе денегъ — все это въ сущности одно и то же. Если вы твердо знаете это, васъ нимало не обезкуражитъ сцена, которою заканчивается очеркъ г. Успенскаго «Провѣзкій». На станціи является господинъ, не жалѣющій своихъ рукъ на поученіе станціоннаго зрителя, старосты и ямщиковъ; требуя поскорѣе лошадей, онъ разбиваетъ множество носовъ, подбиваетъ множество глазъ и такъ далѣе, и совершивъ эти подвиги, садится пить водку. Вотъ лошади готовы. Посмотрите же, чѣмъ кончается вся шутка.

«На крыльцѣ стоитъ провѣзкій съ полштофомъ въ рукахъ. За нимъ зритель, старуха, деньщикъ и мѣщанинъ. Изъ полуотвореннаго окна высматриваетъ купецъ. Вокругъ крыльца стоятъ ямщики, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были въ предыдущей сценѣ, т. е. съ подвязанными глазами и проч.

«Провѣзкій. Что же, всѣ собрались?»

«Ямщики (*дружно*). Всѣ, ваше высокородіе...

«Провѣзкій (*наливая водку*). Ну-ко... Подходите... (*Народъ пьетъ и откланивается, утираясь полами. На дворѣ время отъ времени позвякиваетъ колокольчикъ*). А что, тройка хорошая?»

«Ямщики. Важная, чудесная, ваше высокородіе...

«Провѣзкій (*отдавая полштофъ деньщику*). Ну что же, вы на меня не сердитесь?»

«Ямщики. За что же, ваше высокоріе... Много довольны.

«Провѣзкій. А кто у васъ тутъ запѣвало? (*Ямщики вытаскиваютъ изъ своей толпы молодого парня съ отдутой щекой*).

«Провѣзкій. Ты?»

«Парень (*скромно*). Я-съ.

«Провѣзкій. Вотъ вамъ на всѣхъ... (*Даетъ изъ кошелька монету; ямщики кланяются и говорятъ благодарность*). Ну, спойте же пѣсню!.. да хорошенько... (*Парень, придерживая щеку, какъ это дѣлаютъ вообще запѣвалы, начинаетъ; всѣ подхватываютъ. — Пѣсня раздается*).

«Ночь осенняя,

Молодка моя, ..

Молоденькая» и т. д.

«Съѣзжаетъ со двора тройка. Колокольчикъ разливается, отчего ямщики приходятъ въ большой экстазъ».

«Какое безнадежное паденіе народнаго духа и народнои чести!» воскликнетъ человѣкъ, не умѣющій приравнять своеобразныя формы проявленій общаго свойства въ разныхъ сферахъ жизни: «эти люди сейчасъ были безвинно перебиты чело-вѣкомъ, не имѣвшимъ никакого права не только бить ихъ, но и взыскивать съ нихъ; и что же? этотъ человѣкъ поить ихъ водкой, даетъ имъ нѣсколько денегъ на водку, и они забываютъ обиду, остаются довольны, даже благодарны. Такой народъ совершенно утратилъ всякое чувство своихъ правъ, всякое сознаніе чело-вѣческаго достоинства; онъ ни къ чему не способенъ, кромѣ какъ быть битымъ отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго». Спора нѣтъ, черта, выставленная г. Успенскимъ очень печальна; по выводитъ изъ нея слишкомъ отчаянныя заключенія, значить страдать идеализаціей. Разберемъ дѣло повнимательнѣе. Во-первыхъ, неужели вы думаете, что побитые ямщики въ самомъ дѣлѣ не чувствуютъ ни боли, ни озлоб-

ленія? Что они не выражаютъ этого чувства, даже поступаютъ на перекоръ ему, ровно ничего еще не свидѣлствуютъ противъ силы чувства и противъ возможности и готовности поступить сообразно ему при первомъ удобномъ случаѣ. Человѣкъ очень горячо выражаетъ свое чувство только пока еще не свыкся съ нимъ; но черезъ нѣсколько времени онъ перестаетъ жаловаться и суетиться, если жалобы и суеты ни къ чему не ведутъ; онъ получаетъ хладнокровный видъ и даже начинаетъ поступать какъ будто бы не имѣеть чувства, — но вѣдь это вовсе еще не значитъ, что оно исчезло въ немъ. Посмотрите, напримѣръ, на больныхъ: у кого случился флюсъ въ первый разъ, тотъ Богъ-знаетъ какъ кричитъ и мечется; а когда флюсъ случится съ нимъ въ двадцатый разъ, онъ уже не заговариваетъ самъ о своей болѣзни, даже неохотно отвѣчаетъ на ваши вопросы о ней, можетъ уже и шутить, и хохотать, — неужели изъ этого вы заключите, что онъ не чувствуетъ боли и не имѣеть желанія избавиться отъ нея? Полноте, такая мысль нелѣпа. Возьмите другой примѣръ: къ вамъ прѣѣхалъ пріятель, съ которымъ не видѣлись вы нѣсколько лѣтъ. Вы съ нимъ обнимаетесь, вы суетитесь, вы поднимаете Богъ-знаетъ какую суматоху въ домѣ, — что жъ, это естественно при первомъ свиданіи; но замѣтите, только при первомъ. На другой день вы бесѣдуете съ вашимъ пріятелемъ уже очень смирно; значитъ ли это, что вы потеряли привязанность къ нему? Такъ и во всемъ: въ первые разы, пока дѣло остается экстреннымъ, чувство, порождаемое дѣломъ, обнаруживается экстренными проявленіями; а когда дѣло вошло въ обычный ходъ жизни, чувство перестаетъ нарушать обычный ходъ жизни въ ея внѣшнихъ житейскихъ проявленіяхъ; но еще вопросъ, не усилилось ли оно отъ проникновеній въ самый корень вашей жизни, а ослабѣть уже ни въ какомъ случаѣ не ослабѣваетъ оно, хотя и стало молчаливѣе. Ямщикъ съ раздутой щекой подлежить дѣйствию совершенно одинаковаго психологическаго закона, отъ чего бы ни вздулась у него щека, отъ флюса ли, или отъ кулака: онъ былъ бы нелѣпымъ психологическимъ уродомъ, еслибы обычныя проявленія его внѣшней жизни нарушились отъ факта, принадлежащаго къ обычному ходу ея. Но совершенно другое дѣло спросить: доволенъ ли онъ разными принадлежностями этого обычнаго хода жизни. — Могутъ сказать: «однако же, если отношенія, производящія искусственное подобіе флюса, не нравятся этимъ людямъ, зачѣмъ не предпринимаютъ они ничего для измѣненія обстоятельствъ?» — Пусть читатель вспомнитъ, о какомъ разрядѣ людей рассказываетъ намъ г. Успенскій и разсуждаемъ мы по его замѣткамъ. Это люди дюжинные, люди безцвѣтные, лишеныя инициативы; во всѣхъ сословіяхъ они одинаково живутъ день за день, не умѣя сами взяться ни за что новое, и ожидая внѣшнихъ поводовъ и возбужденій для того, чтобы дѣйствовать въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Г. Успенскому случилось выставить намъ, какъ примѣръ народныхъ обстоятельствъ относительно искусственнаго флюса, дюжинныхъ людей изъ сословія ямщиковъ. Посмотрите же, какъ поступаютъ ямщики и въ другихъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно нашли бы они выгоду измѣнить прежній порядокъ, и съ охотою измѣнили бы его. У насъ былъ обычай запрягать лошадей тройкою. Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а по трактамъ отъ Москвы на юго-востокъ ямщики очень долго сохраняли, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, быть можетъ сохраняютъ и теперь, стремленіе запрягать вамъ тройку, хотя бы вы платили прогоны только на пару. — «Да зачѣмъ же это запрягать лишнюю лошадь, за которую я не плачу?» — спрашиваете, бывало, вы. — Оно, батюшка, такъ лучше будетъ. —

«Да чѣмъ же лучше?» — Оно лошадамъ полегче будетъ. — «Да вѣдь я одинъ, у меня поклажи не больше пуда, вѣдь перекладная телѣга легка». — Оно такъ, батюшка, точно, что и на парѣ легко, а все лучше припрягу третью. — Неужели вы думаете, что этотъ ямщикъ не жалѣетъ лошадей или расположенъ оказывать вамъ большую услугу, чѣмъ обязанъ? Нисколько; онъ везетъ васъ изъ рукъ вонъ плохо, гораздо тише, чѣмъ слѣдуетъ по положенію; онъ жалѣетъ лошадей. За чѣмъ же онъ гоняетъ лишнюю лошадь совершенно даромъ? Просто потому, что такъ заведено, а дюжинные люди дѣлаютъ только то, что заведено, а масса людей во всякомъ званіи — дюжинные люди. Точно тоже и относительно обращенія ямщиковъ съ проѣзжимъ, подвиги котораго изобразилъ г. Успенскій. Разбивъ и разогнавъ ямщиковъ, проѣзжіи садятся закусывать и старуха несетъ ему ветчину.

«Старуха (съ ветчиной). Кабы онъ меня... Сохрани Господи!

«Ямщикъ (отвернувшись въ сторону). Ты съ нимъ не разговаривай... Можеть, ничего.

«Новый проѣзжіи. Ахъ кто тутъ дерется?

«Ямщикъ. Нѣтъ мы такъ... про себя. (Проезжіи идетъ въ комнату).

«Прежній купецъ (высовывается изъ кухни съ растрепанными волосами). Бабушка! какъ понесешь туда закуску, захвати мой узелокъ... Сдѣлай милость.

Старуха (вздыхаетъ). Ужъ и не знаю!.. (Робко идетъ въ комнату. Со двора у двери выглядываетъ толпа ямщиковъ съ отдувшимися щеками, подвязанными глазами, и проч.).

«Толпа. Гдѣ онъ?

«Ямщикъ (въ стѣняхъ, держась за носъ). Уйдите отъ грѣха! Безстрашные!!..

«Толпа. Мы тогда какъ разъ по конюшнямъ!..

«Ямщикъ. Гдѣ жъ смотритель?

«Толпа. Въ колодѣ лежитъ... (Народъ начинаетъ между собою разговаривать; при чемъ кто размахивается, что-то представляя, кто проситъ товарища посмотреть глаза; поднимая платокъ и т. д. На дворѣ легонько гремятъ бубенчики. Вскорѣ раздается крикъ. Изъ комнаты выбѣгаетъ старуха съ посудой, проѣзжіи съ мѣшикомъ и мѣщанинъ, держась за щеку;— раздаются голоса: «Православные! Ваше высокородіе!» Толпа бросается вонъ изъ стѣней, и видно, какъ въ беспорядкѣ бѣжитъ по двору: при этомъ слышится голосъ: «Прячьтесь!»).

«Проѣзжіи (высовывая голову изъ-за двери и ворочая бѣлками). Подайте мнѣ ихъ сюда!.. (Народъ шумитъ въ отдаленіи. Поддужный колокольчикъ звякаетъ и все затихаетъ).

Почему ямщики разбѣжались, и не придержали бойкаго проѣзжаго за руки, на что имѣли полное право? Просто потому, что такъ заведено разбѣгаться и прятаться. Но вотъ они вновь собираются, подступаютъ къ дверямъ комнаты, въ которой сидитъ ихъ обидчикъ. Вы думаете, они хотятъ посчитаться съ нимъ, связать его, представить въ судъ,—вы думаете, они сошлись для возстановленія своихъ незаконно нарушенныхъ правъ, для отмщенія обидъ,—нѣтъ, это не заведено; они сошлись только по заведенному порядку, что надобно же поглазѣть на всякую штуку, надобно, значить, поглазѣть и на проѣзжаго, который въ первый разъ путешествуетъ по ихъ тракту,—они съ тѣмъ собираются чтобы вновь разбѣжаться по конюшнямъ при первомъ его движеніи, и дѣйствительно разбѣгаются; не скажите, что дѣлаютъ они это подъ вліяніемъ какого нибудь чувства, собственно относящагося къ этому случаю, не подумайте, напримѣръ, что главная пружина тутъ страхъ или трусость собственно передъ этимъ проѣзжимъ,—нѣтъ, главная сила

тутъ—обычай, машинальная привычка, «такъ заведено». Тутъ дѣйствиємъ ямщикъ руководитъ та самая машинальность, по которой ямщикъ разсуждаетъ съ лошадыми, или всегда предпочитаетъ объѣздъ столбовой дорогѣ, хотя бы по объѣзду дорога была и длиннѣе и хуже, или почесываетъ у себя въ затылкѣ, хотя бы вовсе не чесалось, или ѣздитъ по весеннему льду, до послѣдней минуты, пока ледъ тропнется.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково управляетъ отдѣльнымъ человѣкомъ не расчетъ выгоды или невыгоды, надобности или ненадобности, опасности или безопасности совершаемаго имъ дѣйствія въ данныхъ обстоятельствахъ, а машинальная привычка, нѣ что въ родѣ той силы, которая направляетъ шаги лунатика.—«Такъ заведено», вотъ и все.

Кто не привыкъ смотрѣть на человѣка во всякомъ званіи просто какъ на человѣка, кто раздѣляетъ мнѣніе Семена Петровича, что «внутри у человѣка бы-ваетъ различно», смотря по его званію,—тотъ опять пожалуй скажетъ, что этою чертою дѣйствовать по заведенному порядку народъ отличается отъ насъ, образованныхъ людей.—Нѣтъ, нисколько. И въ нашихъ сословіяхъ всѣ дюжинные люди, т. е. громаднѣйшее большинство поступаетъ точно такъ же. Напримѣръ: кто изъ обычныхъ посѣтителей какого нибудь клуба или кружка не жалуется постоянно, что ему тамъ очень скучно; и однако же продолжаетъ постоянно ѣздить туда;—почему же? «Такъ заведено». Спросите у каждаго изъ насъ, дюжинныхъ людей, приносятъ ли ему хотя малѣйшее удовольствіе тѣ предметы на которыя идетъ большая часть его денегъ, приобретаемыхъ обыкновенно или тяжелыми трудами, или неприятными униженіями,—нѣтъ, удовольствія отъ этихъ расходовъ не получается никакого, они дѣлаются только потому, что такъ заведено.—Впрочемъ, что же мы начали подробно развивать этотъ взглядъ, какъ будто содержащій въ себѣ что нибудь новое, требующее доказательствъ? Вѣдь всѣ фелъетоны и всѣ разговоры наши наполнены разсужденіями о безусловномъ господствѣ такъ-называемаго «приличія» или «требованій приличія» въ образованномъ обществѣ надъ всѣми дѣйствительными чувствами, реальными потребностями, здравыми разсчетами и всякими другими соображеніями и побужденіями каждаго изъ насъ, составляющихъ массу образованнаго общества. «Приличіе» или «требованія приличія»—вѣдь это только частное выраженіе общаго принципа: «такъ заведено». Если вы замѣтили это, читатель, намъ шутя понадобится доказывать уже не то, что господство принципа «такъ заведено» сильнѣе въ простонародьи, чѣмъ въ образованномъ обществѣ,—надобно будетъ доказывать то, что въ образованномъ обществѣ этотъ принципъ господствуетъ не гораздо сильнѣе, чѣмъ въ народѣ. А по нашему взгляду, что человѣкъ всякаго званія ни больше ни меньше, какъ человѣкъ, мы думаемъ, что во всѣхъ званіяхъ принципъ этотъ одинаково господствуетъ надъ дюжинными людьми, т. е. огромнымъ большинствомъ людей.

«Такъ заведено»—это еще не объясненіе. Почему же «такъ заведено»? Входить въ подробное объясненіе, значитъ втягиваться въ длинную исторію. Вѣроятно были когда нибудь достаточныя причины устанавливаться такой или другой привычкой; вѣроятно продолжаютъ эти причины дѣйствовать, если она еще не измѣнилась. Если, напримѣръ,—но мы говоримъ это только къ примѣру, а не для выраженія какихъ нибудь дѣйствительныхъ отношеній,—если, напримѣръ, одинъ человѣкъ обижаетъ другаго, и другой этотъ не жалуется на обидчика, то надобно полагать, что онъ увѣренъ въ бесполезности жалобы, или даже опасается отъ нея не-

выхъ обидь и неприяностей себѣ.—Точно также, если одинъ человекъ обижаетъ другихъ, которые сами по себѣ сильнѣе его и собственно отъ него могли бы защищаться, а между тѣмъ не защищаются, то надобно полагать, что въ случаѣ обороны они возбудили бы противъ себя другую силу, что они знаютъ объ этомъ и что собственно только это знаніе удерживаетъ ихъ отъ обороны.

Если же установился такой обычай, то неудивительно, что обиженный, безъ зазрѣнія совѣсти, принимаетъ милости отъ обидчика съ признательностью и, напри- мѣръ, готовъ выражать благодарность и пѣть пѣсни въ удовольствіе человеку, только-что побившему его, когда обидчикъ поподчуетъ его водкой. Вѣдь мы предположили, что нельзя найти правильнаго удовлетворенія за обиду, а попытка отмстить безъ соблюденія формальностей повела бы только къ новымъ, болѣе тяжелымъ обидамъ и бѣдамъ. Слѣдовательно, тутъ человекъ получаетъ удары, какъ будто бы отъ роковой силы, отъ случайныхъ улыбокъ которой нельзя и отказываться, если нельзя выйти изъ-подъ ея вліянія. Кто на свѣтѣ можетъ отъ чего бы то ни было терпѣть больше обидъ, чѣмъ мы, жители Петербурга, получаемъ отъ своего климата? Безпрестанно бьетъ насъ онъ дождемъ и снѣгомъ, слѣпшитъ туманомъ, и нельзя перечесть всѣхъ наглыхъ продѣлокъ, какія онъ сочиняетъ надъ нами. А все-таки чуть покажетъ намъ онъ хоть лоскутокъ чистаго неба, броситъ намъ хоть нѣсколько лучей яснаго солнышка, мы съ радостнымъ восторгомъ принимаемъ отъ нашего обидчика эти милости и спѣшимъ ими пользоваться. Опять я спрашиваю васъ: значитъ ли это, что мы довольны петербургскимъ климатомъ, что мы въ душѣ примирились или можемъ когда нибудь примириться съ нимъ? Значитъ ли это, что каждый изъ насъ не ждетъ первой возможности выйти изъ-подъ власти этого нашего врага, уѣхать куда нибудь на югъ или на западъ? Мы пустились въ метафоры: въ собственномъ смыслѣ слова обидъ не наноситъ намъ климатъ,—онъ только подвергаетъ насъ неприяностямъ, болѣзненнымъ ощущеніямъ. Вотъ точно также, только въ метафорическомъ смыслѣ, называется обыкновенный языкъ обидами тѣ удары, которые получили ямщики отъ проѣзжаго. Удары эти даются не индивидуальной силою проѣзжаго, а неразумною силою вещей; его руки, бьющія по зубамъ ямщиковъ, все равно, что вѣтви дерева, которыя также очень больно хлещутъ васъ и по лицу и по всему, по чемъ попало, когда вы проѣзжаете мимо дерева. Обижаетесь ли вы этимъ ударами? Нѣтъ, они только производятъ боль. Униженія вамъ тутъ нѣтъ.

Впрочемъ, какъ же не быть униженію? Нѣтъ оно есть: вы унижены тѣмъ, что не нашли средства отвратить удары вѣтвей, сующихся куда имъ не слѣдуетъ; вы не сообразительны и безсильны; отъ этого, кромѣ физической боли, есть въ васъ и досада. Однакожь все это тонкости, которыми не стоитъ заниматься: простая ли тутъ боль, или вмѣстѣ съ болью есть и униженіе. Объ этомъ не стоитъ разсуждать. Важность только въ томъ, что вы не дѣлаете ничего особеннаго дурнаго, когда пользуетесь при случаѣ тѣнью, того же самаго дерева, которое хлестнуло васъ по лицу; важность еще въ томъ, что если вы какъ нибудь воспользовались его тѣнью, изъ этого не слѣдуетъ еще заключить, что вамъ не былъ неприятенъ ударъ его вѣтви и не чувствуете вы надобности отвратить его, чтобы не повторяла она надъ вами такой же продѣлки.

Мы нашли ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которая заставляетъ дюжинныхъ людей въ народѣ безответно переносить страданія и

неприятности, не обнаруживая даже злобы на обидчиковъ. Но вѣдь если всмотрѣться поближе въ эту частную и ближайшую причину, она сама требуетъ объясненія.— Понять это поможетъ намъ разсказъ г. Успенскаго «Обозъ». Въ этомъ маленькомъ очеркѣ нѣтъ ровно никакихъ особенныхъ происшествій: среди сильной метели кое-какъ дотащился обозъ до постоялаго двора; мужики поотогрѣлись и одинъ изъ нихъ позабавилъ товарищей на сонъ грядущій анекдотомъ о томъ, какія здоровенныя лошади были у какого-то неизвѣстнаго извозчика; подъ этотъ разсказъ усталые мужики крѣпко уснули. Дальше тоже не случилось ничего особеннаго; но если мы будемъ сокращать разсказъ о томъ, что было дальше, впечатлѣнне факта ослабится и вы не поймете всего смысла его. Предлагаемъ же вамъ прочесть внимательно весь слѣдующій довольно длинный отрывокъ, не перебѣгая глазами ни черезъ одну строку, хотя на всѣхъ строкахъ все одно и то же.

«Въ избѣ было какъ во тѣмѣ кромѣшино, все наповаль храпѣло; у иного въ горлѣ такіе раскаты раздавались, что представлялось, что кто нибудь во мракѣ ночи, подкравшись къ спящему, умертвилъ его.

«Рано утромъ, лишь только проиѣли вторые пѣтухи, кто-то изъ мужиковъ соннымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, вставай, расчитываться пора!

«Въ избѣ зажгли починикъ.

— Что, какъ погода-то, ребята?

— Не говори, братъ!.. такая-то бушуетъ!

— Ахъ ты Господи! Что дѣлать?

— Какъ мнѣ быть съ своею лошадыю-то? Врядъ доѣдетъ...

«Извозчики разбудили хозяина и мало по малу начали собираться вокругъ стола, медленно вытаскивая изъ-за пазухи кошели, висѣвшіе на шеѣ; иные еще умывались, молились Богу и старались не смотрѣть на садившагося за столъ хозяина, потому что расчетъ для нихъ былъ невыносимъ. Одинъ мужикъ стоялъ у двери и глядѣлъ на икону, намѣреваясь занести руку на лобъ, но хлопанье счетовъ и хозяйскій голосъ смущали его.

«Мѣщанинъ разбуженный мужиками, съ проклятьями переселился на нары, говоря тамъ: чтобы вамъ померзнуть въ дорогѣ; ахъ, вы, горлодеры!

— Ты сколько съ меня положилъ? простуженнымъ голосомъ спросилъ хозяина извозникъ.

— Тридцать копѣекъ.

— Ты копѣйку долженъ уступить для меня... Я тебѣ послѣ сослужу за это... ей-Богу...

— А кто это у васъ, ребята, вчера разсказывалъ? вдругъ, смѣясь спросилъ хозяинъ.

— Про извозчика-то? заговорило нѣсколько голосовъ.

— Да.

— Это вотъ Иванъ.

«Мужики всѣ нѣсколько ободрились, глядя на усмѣхавшагося хозяина, и были очень довольны, что онъ хоть на минуту отвлекъ ихъ вниманіе отъ расчета. Хозяинъ это сдѣлалъ для того, чтобы мужики не слишкомъ забывали свою голову утомительными вычислениями, а поскорѣй расчитывались.

— Важно, братъ, разсказывалъ, сказалъ хозяинъ.— Съ тебя приходится, Егоръ, сорокъ двѣ... Нѣтъ, у насъ былъ одинъ разскащикъ курскій... изъ Курска проѣзжалъ, такъ уморить бывало со смѣху... Двѣ за хлѣбъ да сорокъ... сорокъ-двѣ...

— Евдокимъ! Нѣтъ-ли у тебя пятака?

— Ну только, продолжалъ хозяинъ,— съ чего-то давно пересталъ ѣздить... ужъ и голова былъ! еще давай гривенникъ. За тобой ничего не останется.

«...Однако мужики поняли, что все-таки надо соображать и слѣдить за расчетомъ, хотя дворникъ завелъ рѣчь о курскомъ разскащикѣ. Вслѣдствіе этого мужики снова приняли мрачный видъ, напрягая все свое вниманіе на вычисления.

- Егоръ! погляди: это двугривенный, али нѣтъ?
- Ну-ко... не разберу, парень...
- Подай-ко сюда!
- Смотри малый!
- Это фальшивый... у меня ихъ много было...
- Хозяинъ, ты что за овесъ кладешь?
- Тридцать серебромъ. Василий! сказалъ хозяинъ:—ты о чемъ хлопочешь? Вѣдь ты съ Кондрашкой изъ одного села?
- Да какже... одной державы... только вотъ разумомъ-то мы не взмыслимъ.
- Вы такъ считайте: положимъ щи да квась—сколько составляютъ? восемь се-ребра. Эхъ,—писаря! За чѣмъ сбьуть-то васъ?
- Извѣстно, сбьуть зачѣмъ... Ну начинай, Кондратій: щи, да квась...
- А тамъ овесъ пойдетъ...
- Овесъ послѣ... ты ассигнацію-то вынь: по ней будемъ смотрѣть...
- Вы, ребята, ровнѣй кошель-то держите... счетъ ловчѣй пойдетъ...
- Не сбивай!.. Э!.. вотъ тебѣ и работа вся: съ одного конца счель, съ другаго

забыль.

«Черезъ часъ, послѣ нѣсколькихъ вразумлений мужикамъ, хозяинъ, придерживая одной рукой деньги, другой счелты, вышель вонъ изъ избы, оставивъ всѣхъ мужиковъ съ кошелями на шеяхъ за столомъ.

- По сколько же онъ клалъ за овесъ?
- А кто его знаетъ... Ты ему гляди въ зубы-то: онъ на тебѣ то папоретъ, что за-вимуешь здѣсь...
- Вотъ тамъ!.. Чего опасаться? Ты чихверя-то знаешь? Валяй чихверями... Пиши...
- «Мужики окружили пишущаго.
- Это ты что поставилъ?
- Чихверю...
- Ну? это палка что? щи?
- Нѣтъ, квась...
- Какой тамъ? Я пишу, что съ хозяина приходится...
- Слушай его!.. Ты, Гаврила, про что давеча миѣ говорилъ?
- Да не поминишь, сколько ты у меня взялъ въ Ендовѣ?
- Постой! Я тебѣ давно говорилъ, Гаврила, ты восчувствовать долженъ. На прош-лой станціи кто платилъ? Небойсь я!
- Ну, ты погоди говорить: сколько за свой товаръ прикащикъ далъ на всѣхъ?
- По гривнѣ.
- Ну, ладно ты разложи эти гривны здѣсь на лавкѣ; пойдемъ сюда къ печи...
- Что тамъ дѣлать? А ты миѣ скажи: ты пилъ вчера вино?
- Нѣтъ.
- Ну, третеводни?
- Нѣтъ.
- Ты Бога-то, я вижу, забыль...
- Я, братъ, Бога помню чудесно...
- Нѣтъ, ребята, лучше валяй чихверями; мы его живо обработаемъ! Нарисуй-ко сперва овесъ...
- Да что вы-съ нимъ толкуете; давайте лучше жеребій кипемъ...
- Для чего жеребій?
- Развѣдать: можетъ, кто изъ насъ плутуетъ...
- Такъ и узнашь!.. Тутъ одно спасенье въ чихверяхъ... Наука вострая.
- Андрей! сочти миѣ пожалуйста.
- Давай. Ты что бралъ?
- Сѣно, да ѣлъ вчера убоину...
- Ну? а кашу?
- Нѣтъ... не ѣлъ... что жь...
- А у тебя всѣхъ денегъ-то сколько?

— Съ меня приходилось сперва сорокъ три... а всёхъ денегъ, что такое? Куда я дѣвалъ грошъ-то?

— Ну, ты гляди сюда; что я то говорю: ты убопну-то ѣтъ?

— Да про что жь я говорю; жралъ и убопну, пропади она!

— Ну, коли такъ, дешево положить нельзя.

— Что за оказія! куда жь это грошъ дѣвался?

— Ребята, будетъ вамъ спорить! Бросай и чихверя, и разговоры, пустимъ все на власть Божью!

— Да нынче такъ пустить, завтра пустить—этакъ до Москвы десять разъ умрешь съ голоду! По крайности—башку понабьешь счетами, а то смерть. Я тебѣ головой отвѣчаю: что чихверь первая вещь на свѣтѣ!

— Ну, ребята, бросай все!

— Бросай!.. провалиться ей пропадомъ.

— Какъ провалиться!.. Эко ты!

— Нѣтъ, надо считать!.. Какъ можно!

— Извѣстно считать... Ай мы богачи какіе?

— Ивлій! не знаешь ли: пять да восемь—сколько?

— Пять да восемь... восемь... восемь... А ты вотъ что, малый, сдѣлай, поди остры-гай лучиночку и надѣлай клепышковъ, знаешь...

Мужики въ беспорядкѣ ходили по избѣ, обращаясь другъ къ другу и придерживая кошелки: кто спорилъ, кто раскалывалъ лучину: иные забились въ уголъ, высыпали деньги въ подолъ и твердили про себя, перебирая по пальцамъ: первой, другой...» Два мужика у печи сидѣли другъ противъ друга и говорили:

— Примѣрно, ты будешь двугривенный а я четвертакъ... этакъ слободитѣе соображать.

Одинъ будилъ на печи лакея, не зная, что дѣлать съ своею головою, другой будилъ мѣщанина, который закрывался шубой и крѣпко ругался, покрывая голоса всёхъ мужиковъ.

Наконецъ мужики бросили всё расчеты и счеы и, перекрестившись съѣхали со двора. Недоспавшій лакей укутался на возу, ни слова не говоря ни съ кѣмъ.

На улицѣ было темно; мятель была пуше, чѣмъ вечеромъ: вѣтеръ такъ и силняся снять съ мужиковъ армяки:—Верстахъ въ пяти отъ станціи, на горѣ, одинъ мужикъ крикнулъ:

— Эй, Егорь!.. А вѣдъ я сейчасъ дозналъ, что хозяинъ-то меня обсчиталъ.

— И меня, парень, тоже; ты разсуди: четверникъ овса... да я еще въ прошлую зиму на немъ имѣлъ полмѣры... вотъ и выходитъ...

— А ты что ужиналъ?

— Да хлѣбъ, квасъ и щи.

— Нѣтъ ты вотъ что возьми, перебилъ первый мужикъ,—и начался продолжительный споръ съ разными головоломными соображеніями.

Вьюга выла немилосердно, отъ сильнаго мороза мужики часто закрывали свои лица полами армяковъ.»

Кажется, если бы г. Успенскій написалъ только эти три-четыре страницы о народѣ, мы и тогда должны были бы назвать его человѣкомъ, которому удалось такъ глубоко заглянуть въ народную жизнь и такъ ярко выставить передъ нами коренную причину ея тяжелаго хода, какъ никому изъ другихъ беллетристовъ. Когда вы прочтете эти страницы, вы вспомните, что было кое-что о томъ же предметѣ замѣчаемо и другими, начиная съ знаменитой сцены въ «Мертвыхъ Душахъ», когда Чичиковъ спрашиваетъ у мужика о дорогѣ въ деревню Манюловку. Но то все говорилось мимоходомъ и смыслъ сказаннаго сглаживался рѣзкимъ выставливаніемъ другихъ подробностей народной жизни. А г. Успенскій заботливо вемотрѣлся въ эту главную черту и далъ намъ вдоволь полюбоваться на нее, не отвлекая отъ нея нашего пристальнаго взгляда ничѣмъ другимъ, болѣе разнообразнымъ или живымъ. Скажите же, не наводило на васъ тоску то же самое безконечное толкованье нашихъ просто-

людиновъ, напрасно бьющихся надъ соображеніемъ самымъ простымъ? Вотъ сколько часовъ бьются люди, чтобы сосчитать сумму въ какія нибудь сорокъ копѣекъ, — сумму, составляющуюся изъ сложенія всего какихъ нибудь трехъ-четыреухъ статей. Господи, какъ ломаютъ они голову, какихъ штукъ не придумываютъ, чтобы одолѣть эту трудность! и просто считаютъ, и мѣломъ рисуютъ, и на счетахъ выкладываютъ, и какими-то чихверями валяютъ, и все-таки такъ-таки и отдали деньги и уѣхали съ постоялаго двора, не сосчитавъ, сколько они должны заплатить и правильно ли требуетъ съ нихъ хозяинъ. Цѣлыя пять верстъ уже проѣхали они въ темнотѣ по сугробамъ, и навѣрное цѣлыхъ два часа ѣхали, и все въ размышленіяхъ о неконченномъ разчетѣ, — тутъ только, наконецъ, показалось одному, будто онъ сообразилъ свой разчетъ, но и это чуть ли не было ошибкой: по крайней мѣрѣ найденное имъ рѣшеніе задачи вызвало новые нескончаемые толки.

Правда ли это? Такъ ли оно дѣйствительно бываетъ? Скажите же послѣ этого, гдѣ же прославляемая смѣтливость русскаго простолюдина? Только немногіе, очень горячо и безболково любящіе народъ поймутъ, какъ достало у г. Успенскаго рѣшимости выставить передъ нами эту черту народа безъ всякаго смягченія. Да понималъ ли онъ, что дѣлаетъ? Только въ томъ случаѣ, если не понималъ онъ, и могутъ простить ему этотъ отрывокъ квасные патріоты, разрядъ которыхъ гораздо обширнѣе, чѣмъ воображаютъ разные господа, подемѣивающіеся надъ квасными патріотами, а сами принадлежащіе къ ихъ числу. Въдъ г. Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилю. Обидно, очень обидно это краснорѣчивымъ панегиристамъ русскаго ума, — глубокаго и быстраго народнаго смысла. Обидно оно, это такъ, а все-таки объясняетъ намъ ходъ народной жизни и, къ величайшей досадѣ нашей, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить эту жизнь, кромѣ тупой нескладицы въ народныхъ мысляхъ. Если сказано «простофиля», вся его жизнь понятна:

«Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?

Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?

Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!

Ужь я въ третью: мужикъ! ты что бабу бьешь?

Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!

Я, въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?

Съ голоду, странничекъ, съ голоду.
Съ голоду, родименькій, съ голоду!

Жалкіе отвѣты, слова нѣтъ, но глупые отвѣты. «Я живу холодно, холодно». — А развѣ не можешь ты жить тепло? Развѣ нельзя быть избѣ теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да развѣ нельзя тебѣ жить сытно, развѣ плоха земля, если ты живешь на черноземѣ, или мало земли вокругъ тебя, если она не черноземъ, — чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что разсерженъ холодомъ». — Да развѣ жена въ этомъ виновата? — «Я въ кабакъ иду съ голоду». — Развѣ тебя накормятъ въ кабакъ? Отвѣты твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не такъ слѣдуетъ жить и не такъ слѣдуетъ отвѣчать, если ты не глупъ.

Но только вы не забудьте, что мы видимъ въ русскомъ мужикѣ не особенное существо, у котораго «внутри нѣтъ ничего одинаковаго» съ другими людьми, а видимъ въ немъ просто человѣка, и если находимъ какое нибудь качество въ дюжинныхъ людяхъ русскаго мужицкаго сословія, изображаемыхъ у г. Успенскаго, то въ этомъ же самомъ качествѣ мы готовы уличить и огромное большинство людей всякаго сословія,—быть можетъ и мы съ вами, читатель, не составляемъ исключенія. Исключеній мало. Они есть; но теперь, вѣдѣ за г. Успенскимъ, мы ведемъ рѣчь не объ этихъ исключеніяхъ, а о людяхъ дюжинныхъ, объ огромномъ большинствѣ людей.

Русскому мужику трудно связать въ головѣ дѣльнымъ образомъ двѣ дѣльныя мысли, онъ безконечно ломаетъ голову надъ пустяками, которые ясны, какъ дважды два четыре; его умъ слишкомъ неповоротливъ, рутина засѣла въ его мысль такъ крѣпко, что не даетъ никуда двинуться,—это такъ; но какой же мужикъ превосходитъ нашего быстротою пониманія? О нѣмецкомъ поселянинѣ всѣ говорятъ тоже самое, о французскомъ — тоже, англійскій едва ли не стоитъ еще ниже ихъ. Французскіе поселяне заслужили всесвѣтную репутацію дикою неповоротливостью ума. Итальянскіе поселяне прославились совершеннымъ равнодушіемъ къ итальянскому дѣлу. Но что же говорить о какихъ бы то ни было поселянахъ, вѣдь они невѣжды, имъ натурально играть въ исторіи дикую роль, когда они не вышли изъ того историческаго періода, отъ котораго сохранились Гомеровы поэмы, Эдда и наши богатырскія пѣсни. Посмотрите на другія сословія. Въ какой кружокъ людей ни взойдите, вы не растолкуете большинству ихъ ничего превышающаго кругъ ихъ рутинныхъ понятій; вы въ Богъ-знаетъ сколько времени не научите ихъ сочетать правильнымъ порядкомъ хотя эти привычныя имъ понятія. Послѣ каждаго спора спросите, у кого хотите изъ спорившихъ, умныя ли вещи говорили его противники и понятливы ли, воспримчивы ли были они къ его мыслямъ. Изъ тысячи случаевъ только въ одномъ скажетъ вамъ человѣкъ, что противъ его мнѣній говорили умно, съ толкомъ. Значитъ въ остальныхъ случаяхъ непремѣнно одно изъ двухъ: или дѣйствительно безтолковы люди, съ которыми спорилъ спрошенный человѣкъ, или самъ онъ безтолковъ. А вѣдь эта дилемма захватываетъ всю тысячу, за исключеніемъ одного.

Но не забудьте о чемъ мы говоримъ: мы говоримъ о томъ, хорошо ли идетъ жизнь и умѣютъ ли люди скоро сообразить, отчего она идетъ дурно и чѣмъ можно поправить ее; скоро ли и легко ли растолкуешь имъ это, если самъ понимаешь, или скоро ли поймешь что нибудь дѣльное толкованіе, если еще не понимаешь. Вотъ только объ этомъ мы говоримъ; только тутъ люди оказываются чрезвычайно несообразительны, просто сказать тупоумны. А въ рутинныхъ дѣлахъ,—помилуйте,—почти всѣ они очень понятливы, чуть не гениальны; быть можетъ, не всегда разсудительны въ поступкахъ,—что жъ дѣлать, человѣческая слабость,—но въ мысляхъ чрезвычайно бойки. Интрижку ли устроить, отговорку ли какую придумать, намолоть ли три короба чепухи по какому нибудь расчету,—на это мастеръ почти каждый, кто хоть сколько нибудь пообтерся въ жизни. Но вѣдь въ этихъ дѣлахъ и всякій мужикъ, въ томъ числѣ и нашъ русскій мужикъ, никому не уступитъ сообразительностью, изворотливостью, живостью, быстротой мысли. Торгуется онъ, напришѣръ, такъ, что иной сидѣлецъ можетъ ему позавидовать, — обмануть васъ, онъ такъ искусно обманетъ, что послѣ того подивитесь, и вы не заблуждайтесь, не соч-

тите за доказательство противнаго ту нелѣзную тупоумную безсчетность, какую обнаружили ямщики г. Успенскаго въ разчетѣ съ хозяиномъ постоялаго двора. Это случай, въ которомъ рутинна показывается напрасность всякихъ усилій провѣрить счетъ хозяина. Считаѣй, не считаѣй, все-таки надобно отдать сколько онъ требуетъ. Вы сами бываете точно въ такомъ же глупомъ положеніи при всякомъ выгздѣ изъ гостиницы. Богъ знаетъ чего не напишутъ вамъ въ счетъ, какихъ дикихъ прибавокъ не набьютъ туда, и какпхъ не сообразныхъ цѣнъ не выставятъ. Считаѣте вы или не считаѣте, уличаѣте плутни или не уличаѣте, спорѣте противъ нихъ или не спорѣте, все равно вы заплатите сполна по счету, фальшивость котораго очевидна. Послѣ этого, какая же собственно польза считать и провѣрять? Но вы все-таки дѣлаете это—просто по рутинѣ, говорящей людямъ вашего сословія, что они должны выражать неудовольствіе на содержателей гостиницъ, бранить ихъ при расплатѣ, даже дѣлать имъ не совсѣмъ приличныя для васъ самихъ сцены. Умна ли эта рутинна сердиться, горячиться и не предпринимать ничего для устраненія плутовства? У мужиковъ другая рутинна: у нихъ прямо сидѣть въ головѣ мысль, что хозяина постоялаго двора не переспоришь и что поэтому провѣрять его счетъ или считать самому—дѣло напрасное; вотъ только поэтому такъ и тупоумны мужики въ разчетѣ; они сами чувствуютъ, что занимаются пустяками; рутинна сложилась у нихъ въ такую форму: толку въ этихъ счетахъ нѣтъ и не добьешься до него. Вы видите: что они точно такъ и дѣлаютъ: начнутъ считать и тотчасъ же бросятъ; опять начнутъ и опять бросятъ.

Рутинна господствуетъ надъ обыкновеннымъ ходомъ жизни дюжинныхъ людей и въ простомъ народѣ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, въ простомъ народѣ рутинна точно такъ же тупа, пошла, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Заслуга г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ отважился безъ всякихъ утаекъ и прикрасъ изобразить намъ рутинныя мысли и поступки, чувства и обычая простолюдиновъ. Картина выходитъ вовсе непривлекательная: на каждомъ шагу вздоръ и грязь, мелочность и тупость.

Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа, или вашихъ описаній, если вы до сихъ поръ находили себѣ интересъ въ народной тупости и вялости. Возьмите самага дюжиннаго, самага безцвѣтнаго, слабохарактернаго, пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другаго отбѣнка, минуты энергическихъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи каждаго народа.

Однако же не лучше ли будетъ намъ остановиться на этомъ, и для заключенія статьи припомнить кое-какія изъ мыслей, внушенныхъ намъ книгою г. Успенскаго. Мы замѣтили радикальную разницу между характеромъ рассказовъ о простолюдиномъ бытѣ у г. Успенскаго и у его предшественниковъ. Тѣ идеализировали мужицкій бытъ, изображали намъ простолюдиновъ такими благородными, возвышенными, добродѣтельными, кроткими и умными, терпѣливыми и энергическими, что оставалось только умиляться надъ описаніями ихъ интересныхъ достоинствъ и проливать нѣжныя слезы о непріятностяхъ, которымъ подвергались иногда такія милыя

существа, и подвергались всегда безъ всякой вины или даже причины въ самихъ себѣ. Намъ вспоминается анекдотъ, слышанный отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, знаменитаго мастерствомъ разсказывать анекдоты. Мы надѣемся, онъ не посѣтуетъ на насъ за то, что мы воспользуемся этою его разговорною собственностью. Анекдотъ начинается съ того, что въ будуаръ жены входитъ мужъ, человѣкъ, занимающій очень почетное положеніе въ обществѣ и знаменитый своей любовью къ народу, — любовью, которую умѣлъ онъ перелить и въ нѣжное сердце своей прекрасной супруги. Онъ застаётъ пышную красавицу въ горькихъ слезахъ надъ развернутой книжкой русскаго журнала. — «Душенька, о чемъ ты такъ расплакалась?» — «Ахъ, Боже мой!».. — голосъ жены прерывается отъ рыданій. — «Душенька, да что же такое, скажи ради Бога?» — «Боже мой! какіе несчастные...» — и опять голосъ прерывается отъ рыданій. — «Ангелъ мой! успокойся... что такое?» — «Несчастные мужики, ахъ какіе несчастные! Здѣсь написано, что они не пьютъ кофе!».. — Намъ представляется, что сострадательная дама читала одну изъ тѣхъ прекрасныхъ повѣстей, въ которыхъ такъ интересно изображался простонародный бытъ.

Книгу г. Успенскаго навѣрное отбросила бы она, съ негодованіемъ на автора, разсказывающаго о нашихъ мужичкахъ такія грязныя пошлости. Очерки г. Успенскаго производятъ тяжелое впечатлѣніе на того, кто не вдумается въ причину разницы тона у него и у прежнихъ писателей. Но вдумавшись въ дѣло, чувствуешь, что очерки г. Успенскаго — очень хорошій признакъ. Мы замѣчали, что рѣшимость г. Успенскаго описывать народъ въ столь мало лестномъ для народа духѣ свидѣтельствуетъ о значительной переměнѣ въ обстоятельствахъ, о большой разности нынѣшнихъ временъ отъ недавней поры, когда ни у кого не поднялась бы рука изблещать народъ. Мы замѣчали, что рѣзко говорить о недостаткахъ извѣстнаго человѣка или класса, находящагося въ дурномъ положеніи, можно только тогда, когда дурное положеніе представляется продолжающимся только по его собственной винѣ и для своего улучшенія нуждается только въ его собственномъ желаніи измѣнить свою судьбу. Въ этомъ смыслѣ надобно назвать очень отраднымъ явленіемъ разсказы г. Успенскаго, въ содержаніи которыхъ нѣтъ ничего отраднаго.

Особенность таланта г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о мужикахъ безъ церемоніи, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все что замѣчаешь о нихъ. Онъ ни мало не стѣбляется въ ихъ обществѣ. Мы увѣрены, читая его книгу, что когда онъ сидитъ на постояломъ дворѣ или за обѣдомъ у мужика, или бродитъ между народомъ на гуляньи, его сиволапые собесѣдники не дѣлаютъ о немъ такого отзыва, что вотъ, дескать, какой добрый и ласковый баринъ, а говорятъ о немъ за-просто, какъ о своемъ братѣ, что, дескать, это парень хорошій и можно водить съ нимъ компанство. Десять лѣтъ тому назадъ не было изъ насъ, образованныхъ людей, такого человѣка, который производилъ бы на крестьянъ подобное впечатлѣніе. Теперь оно производится нерѣдко. Если вы одѣты не Богъ-знаетъ какъ богато, если вы человѣкъ простой по характеру, и если вы дѣйствительно любите народъ, мужикъ не отличаетъ васъ ни по разговору, ни по языку отъ своей братіи, отпущениковъ; — это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ числѣ людей, принадлежащихъ по своимъ интересамъ къ народу, есть уже такіе, которые довольно похожи на насъ съ вами,

читатель. Свидѣтельствуетъ также, что образованные люди уже могутъ, когда хотятъ, становиться понятны и близки народу. Вотъ вамъ жизньъ уже и приготовила рѣшеніе задачи, которая своею мнимою трудностью такъ обезкураживаетъ славянофиловъ и другихъ идеалистовъ, вслѣдъ за славянофилами толкующихъ о надобности намъ дѣлать какіе-то фантастическіе фокусы-покусы для сближенія съ народомъ. Никакихъ особенныхъ штукъ для этого не требуется: говорите съ мужикомъ просто и непринужденно, и онъ пойметъ васъ; входите въ его интересы, и вы приобретете его сочувствіе. Это дѣло совершенно легкое для того, кто въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ, — любить не на словахъ, а въ душѣ.

Н. А. Добролюбовъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ 24 января 1836 года. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, былъ священникъ нижегородской Никольской церкви. Имя его матери было Зинаида Васильевна.

Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна очень сильно любили другъ-друга, такъ что когда скончалась Зинаида Васильевна (весною 1854 года), мужъ не могъ перенести этой потери: здоровье его быстро разрушилось, и онъ умеръ лѣтомъ того же года.

Николай Александровичъ, способности котораго развились очень рано (мы имѣемъ тетрадь его стихотвореній, писанныхъ въ 1849 году, когда ему было 13 лѣтъ; въ числѣ этихъ пьесъ есть переводы изъ Горація), поступилъ въ четвертый (высшій) классъ нижегородскаго уѣзднаго училища, долженъ былъ кончить семинарскій курсъ въ 18 лѣтъ (обыкновенно, кончаютъ курсъ въ 21 или 22 года) и тогда, какъ отличный ученикъ, былъ бы отправленъ на казенный счетъ въ московскую или казанскую духовную академію. Но ему очень хотѣлось ѣхать въ университетъ. Однако же, по чрезвычайной деликатности характера, онъ не сталъ говорить объ этомъ, когда изъ косвенныхъ распросовъ у отца замѣтилъ, что родителямъ было бы не совсѣмъ легко удѣлять хотя рублей по 200 въ годъ на его содержаніе въ университетѣ. А между тѣмъ, оставаться въ семинаріи стало ему слишкомъ скучно. Чтобы выиграть время, онъ, пробывъ одинъ годъ въ богословскомъ (высшемъ) классѣ, поѣхалъ въ петербургскую духовную академію, курсы которой начинаются съ нечетныхъ годовъ, между тѣмъ какъ въ казанской и московской, ближайшихъ къ Нижнему Новгороду, они начинаются съ четныхъ годовъ (по которымъ идутъ курсы и въ нижегородской семинаріи). По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ увидѣлъ возможность поступить также на казенное содержаніе въ Педагогическій институтъ, который казался ему все-таки привлекательнѣе духовной академіи, и сдѣлался студентомъ института. Это было въ августѣ 1853 года.

Весною слѣдующаго года внезапно скончалась его мать, которую онъ любилъ чрезвычайно нѣжно. Эта неожиданная вѣсть страшно поразила его, и по всей вѣроятности нанесла первый сильный ударъ его здоровью. На каникулы (1854) онъ поѣхалъ въ Нижній — и на его рукахъ скончался отецъ, убитый смертью жены (1854 годъ).

Николай Александровичъ остался старшимъ въ семействѣ, которое состояло, кромѣ него, изъ пяти сестеръ и двухъ братьевъ. Денежныя дѣла семьи находились

въ разстройствѣ. Отець, незадолго передь смертью, построилъ домъ и вошелъ черезъ это въ долги, очень обременительные. Кромѣ дома, у сиротъ не было никакого состоянія, а доходъ съ дома почти весь поглощался уплатою процентовъ по займамъ изъ строительной комиссіи и отъ частныхъ лицъ. Николай Александровичъ, съ обыкновеннымъ своимъ благородствомъ, хотѣлъ пожертвовать всеми личными надеждами, чтобы поддержать сестеръ и братьевъ: онъ рѣшился выйти изъ Педагогическаго института и просить мѣста учителя уѣзднаго училища въ Нижнемъ Новгородѣ. Родные, отцовскіе знакомые и институтскіе друзья едва могли соединенными усилями отклонить его отъ этого намѣренія, доказавъ ему, что скуднымъ жалованьемъ уѣзднаго учителя онъ не въ силахъ будетъ содержать семейство, для самыхъ выгодъ котораго необходимо, чтобы онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Ему представили также, что три года, оставшіеся ему до окончанія курса, сестры и братья его будутъ безбѣдно жить — одни у родственниковъ, другіе у нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, уважавшихъ его отца. Такъ и было сдѣлано. Но этого было слишкомъ мало. Родные, взявшіе на себя содержаніе сиротъ, сами были люди очень небогатые и Николай Александровичъ, не щадя себя, пріобрѣталъ уроками деньги на поддержаніе сестеръ и братьевъ.

Мы познакомились съ Николаемъ Александровичемъ лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія имъ курса въ Педагогическомъ институтѣ. Онъ отдалъ намъ тогда для напечатанія въ «Современникѣ» историко-литературную статью о «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова» и вскорѣ потомъ разборъ «Акта Главнаго Педагогическаго Института». Институтское начальство не должно было знать автора этой рецензіи, и она доставила безчисленныя оваціи тому изъ сотрудниковъ «Современника», которому была приписана. Опасно было бы для Николая Александровича даже и совершенно невинное участіе въ журналѣ, помѣстившемъ эту убійственную рецензію; потому мы просили Николая Александровича отложить до окончанія курса сотрудничество въ «Современникѣ», какъ ни тяжело было для насъ на цѣлый годъ лишать себя помощи такого товарища. Но съ начала 1857 года онъ сталъ помѣщать статьи въ педагогическомъ журналѣ гг. Чумикова и Паульсона. По окончаніи курса, онъ отправился въ Нижній—повидаться съ сестрами и отдохнуть. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ намъ статью «Нѣсколько словъ о воспитаніи», напечатанную въ № 5 «Современника» за 1857 годъ; тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ началось его постоянное сотрудничество въ «Современникѣ» (съ № 7 въ 1857 году), а скоро (съ конца 1857 года) онъ принялъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ критики и бібліографіи въ нашемъ журналѣ. Ему еще не было 22 лѣтъ въ это время.

Онъ работалъ чрезвычайно много, но не по какимъ нибудь внѣшнимъ побужденіямъ, а по непреборимой страсти къ дѣятельности. Едва ли прошло полгода времени между тою порою, какъ онъ сталъ нашимъ товарищемъ и тѣмъ временемъ, когда мы замѣтили, что его надобно удерживать отъ работы. Съ начала 1858 года не проходило ни одного мѣсяца безъ того, чтобы нѣсколько разъ мы настойчиво не убѣждали его работать меньше, беречь себя. Онъ отшучивался, говорилъ, что напрасно мы думаемъ, будто онъ утомляетъ себя. Впрочемъ, онъ былъ правъ: не трудъ убивалъ его,—онъ работалъ безпримѣрно легко,—его убивала гражданская скорбь. Иногда обѣщался онъ отдохнуть, но никогда не въ силахъ былъ удержаться отъ страстнаго труда.

Видя, что онъ не можетъ дать себѣ отдыха на родинѣ, и думая, что южный климатъ поможетъ ему, мы съ зимы 1858—1859 года стали убѣждать его ѣхать за границу. Онъ не хотѣлъ. Но слѣдующею зимою онъ былъ уже очень хилъ. Почти насильно мы заставили его ѣхать за границу весною 1860 года. Черезъ два-три мѣсяца онъ уже хотѣлъ возвратиться. Онъ никогда не хотѣлъ вѣрить, что его здоровье слабо, изнеможеніе свое онъ приписывалъ мимолетнымъ причинамъ, вліяніе которыхъ пройдетъ само собою. Съ трудомъ убѣдили его остаться на зиму за границею. Онъ нетерпѣливо стремился въ Россію работать...

Онъ возвратился въ началѣ августа нынѣшняго года, нисколько не поправившись въ здоровьѣ, и тотчасъ же по пріѣздѣ долженъ былъ начать лечиться. Тутъ подошли внѣшнія обстоятельства, ускрившія его смерть.

Послѣ изнурительной болѣзни онъ тихо скончался въ 2 часа 15 минутъ утра 17 ноября.

Ему было только 25 лѣтъ. Но уже четыре года онъ стоялъ во главѣ русской литературы.

Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно. Для себя, ему не за чѣмъ было жить дольше. Людямъ такого закала и такихъ стремленій жизнь не даетъ ничего, кромѣ жгучей скорби.

Приготовляя къ изданію сочиненія Николая Александровича Добролюбова, мы здѣсь помѣщаемъ перечень важнѣйшихъ изъ статей его, напечатанныхъ въ «Современникѣ».

СТАТЬИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ ОТДѢЛѢ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФІИ.

1856 г.

Актъ Педагогическаго Института. (№ 9).

1857.

Сочиненія графа Соллогуба. (№ 7).

Стихотворенія А. Полежаева. (№ 9).

У пристани. Романъ графини Растончиной. (№ 10).

Губернскіе очерки Щедрина. Томъ третій. (№ 12).

1858.

О степени участія народности въ развитіи русской литературы (по поводу книги г. Милокова «Очеркъ исторіи русской поэзіи». — № 2).

Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы (по поводу книги С. Аксакова: «Дѣтскіе годы Вагрова-внука». — № 3).

Николай Васильевичъ Станкевичъ (по поводу его переписки, изданной П. В. Анненковымъ. — № 4).

Ограниченное развитіе человѣка (по поводу книгъ Шнелля и Бока. — № 5).

Первые годы царствованія Петра Великаго (по поводу «Исторіи Петра Великаго», г. Устрялова. — Три статьи. — №№ 6, 7 и 8).

Стихотворенія Ю. Жадовской. (№ 6).

Предубѣжденіе, комедія Н. Львова. (№ 7).

- Мишура, комедія А. Потѣхина. (№ 8).
 Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (по поводу книги г. Жеребцова: *Éssai etc.*—Двѣ статьи.—№№ 10 и 11).
 Будданизмъ, соч. В. Васильева. (№ 11).
 Стихотворенія М. Розенгейма. (№ 11).
 Пѣсни Беранже. Переводъ В. Курочкина. (№ 12).

1859.

- Литературныя мелочи прошлаго. (Двѣ статьи.—№№ 1 и 4).
 Утро. Литературный сборникъ. (№ 1).
 О русскомъ государственномъ цвѣтѣ, А. Языкова. (№ 1).
 Разныя сочиненія С. Аксакова. (№ 2).
 Собраніе литературныхъ статей Н. Пирогова. (№ 2).
 Что такое обломовщина? (по поводу романа г. Гончарова.—№ 5).
 Новый кодексъ русской практической мудрости (по поводу книги г. Дыммана: «Наука жизни».—№ 6).
 Весна. Литературный Сборникъ. (№ 6).
 Основные законы воспитанія, Н. Миллера-Красовскаго. (№ 6).
 Темное царство (по поводу сочиненій г. Островскаго.—Двѣ статьи.—№№ 7 и 9).
 Стихотворенія Я. П. Полонскаго. (№ 7).
 Сваговство Ченскаго. (№ 8).
 Лучи и Тѣни, сонеты фонъ-Лизандера. (№ 8).
 Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Педагогическаго Института. (№ 8).
 Русская сатира въ вѣкъ Екатерины (по поводу изданія г. Аванасьева: «Русскіе сатирическіе журналы».—№ 10).
 Пермскій Сборникъ. (№ 10).
 Отъ Москвы до Лейпцига. Н. Бабста. (№ 11).
 Путешествіе на Амуръ, совершенное Р. Маакомъ. (№ 12).

1860.

- Повѣсти и рассказы С. Т. Славутинскаго. (№ 2).
 Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства (по поводу книги: «Русское духовенство».—№ 3).
 Наканунѣ. Новая повѣсть г. Тургенева. (№ 3).
 Кобзарь. Тараса Шевченко. (№ 3).
 Стихотворенія Ивана Никитина. (№ 4).
 Стихотворенія Подолнскаго. (№ 4).
 Благонамѣренность и дѣятельность (по поводу повѣстей г. Плещеева. (№ 7).
 Перегѣвы. Стихотворенія обличительнаго поэта. (№ 8).
 Черты для характеристики русскаго простонародья (по поводу «Разказовъ» Марка Вовчка.—№ 9).
 Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (по поводу драмы г. Островскаго: «Гроза».—№ 10).
 La confession d'un poète, par Nicolas Sémenow. (№ 12).

1861.

- Забитые люди (по поводу сочиненій г. Θ. Достоевскаго.—№ 9).

Публикѣ известно, что въ «Свисткѣ» почти все капитальное принадлежало Николаю Александровичу. Кромѣ множества мелкихъ статей, онъ написалъ въ «Свисткѣ»:

Въ № 1. (Совр. 1859, № 1).²³

Письмо изъ провинціи (о протестѣ противъ «Иллюстраціи»).
Мотивы современной русской поэзи.

Въ № 2. (Совр. 1859, № 4).

Нашъ демонъ.

Письмо изъ провинціи (о русской гласности).
Новые образчики русской гласности.

Въ № 3. (Совр. 1859, № 9).

Краткая исторія «Свистка» во дни его временнаго несуществованія.
Матеріалы для новаго сборника «образцовыхъ сочиненій» (по поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ»).

Опыты австрійскихъ стихотвореній Якова Хама.

Въ № 4. (Совр. 1860, № 3).

Наука и свистопляска (по поводу диспута о варягахъ).
Три стихотворенія Конрада Лилленшвагера.
Примѣчанія къ «Дружеской перепискѣ Москвы съ Петербургомъ».

Въ № 5. (Совр. 1860, № 5).

Оговорка.

Опытъ отученія людей отъ пищи.

Юное дарованіе (стихотворенія Аполлона Капелькина).

Въ № 6. (Совр. 1860, № 12).

Два графа.

Неаполитанскія стихотворенія.

Въ № 7. (Совр. 1861, № 1).

Ода на выселеніе татаръ изъ Крыма.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ другихъ отдѣлахъ журнала, надобно назвать:
Собесѣдникъ любителей русскаго слова. Двѣ статьи. (1856, №№ 8 и 9).

Нѣсколько словъ о воспитаніи. (1857, № 5).

Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи. (1857, № 9).

По поводу одной очень обыкновенной исторіи. (1858, № 12).

Робертъ Овэнъ. (1859, № 1).

О распространеніи трезвости въ Россіи. (1859, № 9).

Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности. (1859, № 12).

Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами. (1860, № 1).

Непостижимая странность (изъ неаполитанской исторіи).—(1860, № 11).

Изъ Турина. (1861, № 3).

Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Двѣ статьи. (1861, №№ 6 и 7).

Внутреннее обозрѣніе. (1861, № 8).

Отъ дождя да въ воду. (1861, № 8).

Николай Александровичъ Добролюбовъ погребенъ рядомъ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ (на Волковомъ кладбищѣ).

Почитатели памяти этихъ честныхъ гражданъ намѣрены поставить одинъ памятникъ имъ обонимъ вмѣстѣ.

Портретъ Николая Александровича будетъ вырѣзанъ на мѣди и приложенъ къ «Современнику».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія. *Вильгельма Пютца*. Часть первая. Выпускъ первый. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Тихоновичъ*. Москва. 1861 г.

Книга Пютца составлена въ томъ же духѣ, какъ сборникъ Грубе, о которомъ мы говорили въ октябрьской книжкѣ, но отличается отъ него большею полнотою и систематичностью. Вотъ какъ самъ авторъ объясняетъ планъ и цѣль своей географической хрестоматіи. ¶

«Преподаватель, имѣющій подъ рукою весьма ограниченное число сочиненій по части научнаго землеописанія, можетъ почерпать отсюда матеріалъ для болѣе обширнаго преподаванія предмета, кратко изложеннаго въ учебникѣ; съ другой стороны, ученикъ найдеть здѣсь оживленное дополненіе своихъ уроковъ въ формѣ, доступной его пониманію. Такъ какъ главная цѣль нашего сборника—основательное ознакомленіе съ предметомъ, а не летучія бесѣды, то онъ долженъ отличаться отъ множества появившихся въ послѣднее время «географическихъ характеристикъ» и тому подобныхъ сочиненій—болѣе научною формою отдѣльныхъ статей, большею цѣлесообразностью въ выборѣ ихъ и извѣстною полнотою излагаемыхъ предметовъ. Для достиженія этой цѣли оказалось необходимымъ сдѣлать *новый* выборъ изъ оригинальныхъ статей, а также выдвинуть на первый планъ *сравнительное* описаніе, которое въ географіи, также какъ и въ другихъ наукахъ, приводитъ къ столь богатымъ результатамъ. Излишнее было бы упомянуть, что мы выбрали преимущественно такіе отрывки, которые по возможности соединяли въ себѣ научное достоинство съ увлекательнымъ изложеніемъ. Даже поверхностное сравненіе лучшихъ географическихъ книгъ для чтенія съ нашимъ сборникомъ, покажетъ, какъ мало эти книги, при всей ихъ многочисленности, годились для чтенія. Поэтому издатель, выбирая отдѣльные отрывки изъ сочиненій по этой части, надѣется, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать большому распространенію этихъ сочиненій. Издатель дозволилъ себѣ двоякаго рода *измѣненія* въ текстахъ оригинала. Первое и важнѣйшее состоитъ въ весьма значительныхъ иногда сокращеніяхъ, сдѣланныхъ частью для того, чтобы достигнуть извѣстнаго единства въ изложеніи, частью же для того, чтобы въ сжатой формѣ, но съ извѣстною полнотою, изобразить главнѣйшія явленія въ отдѣльныхъ странахъ; тамъ, гдѣ для этой цѣли недостаточно было простыхъ пропусковъ, издатель принялъ на себя обработку нѣкоторыхъ отрывковъ и особенно отмѣтилъ эти статьи. Кромѣ того, само собою разумѣется, что въ книгѣ, назначенной для учащагося, и преимущественно зрѣлаго юношества, устранено все сомнительное въ религіозномъ, общественномъ и политическомъ отношеніи, вслѣдствіе чего она можетъ быть весьма полезною для ученическихъ бібліотекъ высшихъ учебныхъ заведеній. Другой родъ измѣненій, несравненно рѣже встрѣчающійся, состоитъ въ исправленіи устарѣвшихъ показаній, и не однихъ только статистическихъ, но и касающихся описаній

городовъ и т. д. При изданіи перваго тома собственные наблюденія, вынесенныя издатель-лемъ изъ неоднократныхъ, ежегодныхъ путешествій во внутреннюю Европу и близь-лежащія земли, много облегчили повѣрку избранныхъ имъ описаній. Второй томъ, содержащій въ себѣ, почти въ такомъ же объемѣ описаніе отдѣльныхъ странъ Европы и другихъ частей свѣта, заключить собою этотъ рядъ характеристикъ».

Вотъ содержаніе перваго выпуска первой части:

«I ОБЩАЯ ЧАСТЬ. Формы земной поверхности и ихъ вліяніе на человѣка. Значеніе рѣкъ для культуры. Земные поясы и ихъ вліяніе на органическую природу, въ особенности на природу человѣка. II ОКЕАНОГРАФІЯ. Сравненіе трехъ важнѣйшихъ океановъ: Атлантическаго, Великаго и Индійскаго. Атлантическій океанъ, какъ посредникъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Великій океанъ и значеніе его въ будущемъ. Средиземное море. Черное море. Сравненіе Балтійскаго моря (какъ сѣвернаго Средиземнаго моря) съ (южнымъ) Средиземнымъ моремъ. III ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ И ЭТНОГРАФІЯ. Сравненіе Стараго и Новаго свѣта. Географическое положеніе материковъ относительно всей земной поверхности. Горизонтальное члененіе отдѣльныхъ частей свѣта и вліяніе ихъ на культуру. Породы людей. А. Е в р о п а. Положеніе Европы и ея міровое значеніе. Превосходство Европы надъ другими частями свѣта. Строеніе горъ Европы въ сравненіи съ другими частями свѣта. Этнографическое, церковное и политическое дѣленіе Европы на три части.— а) ЮЖНАЯ ЕВРОПА. Сравненіе трехъ южныхъ полуострововъ Европы.—аа) *Греческій полуостровъ* (въ болѣе обширномъ значеніи). Образованіе суши греческаго полуострова. Османы, Босфоръ и Дарданеллы. Положеніе и окрестность Константинополи. Положеніе Греціи и естественное свойство по отношенію къ исторіи ея. Греція въ прежнее время и теперь. Небо и воздухъ Греціи. Физическій, духовный и нравственный характеръ древнихъ эллиповъ. Жители пышнѣшаго греческаго королевства: албанцы и эллины. Сѣверная Греція. Средняя Греція (собственная Эллада или Ливадія). Южная Греція (Целоноинесь или Морея). Олимпія. Греческіе острова. Черногорія (Монтенегро).—bb) *Италійскій полуостровъ*. Италія относительно другихъ земель. Природа Италіи вообще. Растительность Италіи. Итальянцы. Сѣверная Италія. Долина Шамуні въ Савоѣ. Туринъ. Жители Ломбардіи. Миланъ. Венеція. Генуя. Ницца. Тоскана. Долина Арно и тосканскія мареммы. Флоренція. Ливорно. Римская Кампанья. Римъ, дважды владыка міра, въ сравненіи съ другими цивилизованными странами. Церковь Петра и Ватиканъ. Тиволи и его окрестность. Поштинскія болота. Область Неаполитанскаго королевства. Счастливая Кампанья. Неаполь (въ сравненіи съ Римомъ). Неаполитанцы. Везувій. Исхія и Капри. Помпея. Сицилія. Этна. Палермо».

Въ остальной половинѣ перваго и во второмъ томѣ столь же подробно и систематически собраны статьи, изображающія характеръ прочихъ земель Европы и другихъ частей земнаго шара. Книга Пютца должна принести большую пользу преподаванію географіи.